Л. П. САБАНЕЕВ

СОБАКИ ОХОТНИЧЬИ...

БОРЗЫЕ И ГОНЧИЕ

ПРИРОДА
и
ОХОТА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

*

МАЙ, 1899 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Принцъ Генрихъ Прусскій на охотѣ подъ Хабаровскомъ . . . . . В. Ветлицына.
II. Охота на гусей и утокъ на оз. Ханка . . . . . Н. О. Домбровскаго.
III. Изъ воспоминаній охотника сѣверо-западнаго края. На глухарей съ манкомъ. . . . . В. А. Брюханова.
IV. Природа, люди и охота. Восточные трофеи . . . . І. И. Поплавскаго.
V. Страничка изъ прошлаго (охотничій этюдъ) . . . О. Баркова.
VI. Въ ожиданіи гостей . . . . . Г. Р. Полетики.
VII. Изъ моихъ воспоминаній . . . . . А. А. Ланского.
VIII. На тягу . . . . . Ф. Александрова.
IX. Воспоминанія прошлаго. Волки . . . . . В. А. Клеменца.
X. Медвѣжьи охоты. На берлогахъ . . . . . Н. Мельницкаго.
XI. Охотничьи очерки. Изъ Ташкента. IV. Горная дичь. V. Лѣсная дичь . . . . . А. М.
XII. Охотничьи собаки. Группа бассетовъ. Французскіе бассеты. . . . . Л. П. Сабанѣева.
XIII. Исторія пулевой стрѣльбы на Западѣ . . . . . А. Л. де-Віонкура.
XIV. Списокъ млекопитающихъ района Омскаго Общества правильной охоты . . . . . Н. В. Степанова.
XV. Акмолинская область въ охотничьемъ отношеніи . Н. Н. Сотникова.
XVI. Охотничьи птицы Кутаисской губерніи . . . . . А. В.
XVII. Отчетъ по экспертизѣ легавыхъ собакъ . . . . . Н. Н. Бѣлоусова.
XVIII. Положеніе о спеціальномъ бюро ученаго Комитета Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по промысловой зоологіи и рыболовству.
Объявленія.

Рисунки: I. Принцъ Генрихъ Прусскій на охотѣ подъ Хабаровскомъ.—II. Къ разсказу Г. Р. Полетики „Въ ожиданіи гостей". — III. Пойнтеръ „Райо" А. А. Карцевой.

Съ этою книгой разсылается № 17 „Охотничьей Газеты".

Обложка журнала «Природа и охота», в котором публиковались последние главы книги «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые», извлеченные из архива Л. П. Сабанеева.

Л. П. САБАНЕЕВ

СОБАКИ ОХОТНИЧЬИ...

БОРЗЫЕ И ГОНЧИЕ

Москва
«ТЕРРА» — «TERRA»
1992

ББК 47.1
С12

Печатается по текстам журнала «Природа и охота» 1895—1899 гг.

Составитель
Е.А. КАЛГАНОВ

С $\frac{4001010000-077}{А30(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-85255-188-0

© Издательство «Физкультура и спорт». Составление, предисловие, приложение, 1987
© Издательский центр «ТЕРРА». Внешнее оформление, 1992

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед вами, читатель, книга, которую ее автор не успел издать.

В 1893 году в журнале «Природа и охота» появилось следующее объявление:

«Открыта подписка на новую книгу Л. П. Сабанеева «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Собаководство и собакозаводчики за границей и в России». Книга будет содержать историю собаководства, подробное описание всех существующих пород, историю происхождения каждой породы, подробное описание статей собак, уход, обучение (дрессировка, натаска), лечение и содержание... Книга будет заключать более 600 страниц большого формата... Книга печатается и в январе 1894 года выйдет в свет».

Однако ни в 1894-м, ни в следующем, 1895 году книга не вышла. Более того, несколько позже читатели были уведомлены, что вместо одного тома выйдет три: первый — о легавых собаках, второй — о борзых и гончих, третий — о комнатных и сторожевых.

Первый том вышел в 1896 году, а второй так и не увидел света. Но он готовился, и на страницах журнала «Природа и охота» в 1895—1897 годах были опубликованы отдельные очерки о борзых и гончих собаках. Последние статьи о бассетах, биглях и таксах появились уже после смерти Сабанеева в 1899 году. Все эти публикации и составили настоящую книгу, которую в известном смысле можно считать вторым томом капитального труда Л. П. Сабанеева «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые» (о комнатных и сторожевых автор не успел написать). Конечно, мы не можем категорически утверждать, что редакции и составителю удалось полностью воссоздать книгу Сабанеева в том виде, в каком он хотел ее выпустить в свет: уже весной 1897 года состояние здоровья Леонида Павловича серьезно ухудшилось и его перевезли в Крым. Конечно, Сабанеев не мог в то время в полную силу работать над своими очерками и тщательно готовить их публикацию. Сотрудники журнала и друзья Сабанеева не решались тревожить автора, а тем более заставлять его тратить силы на доработку или переделку текста, а потому в случае особой необходимости предпочитали делать сноски и примечания, иногда достаточно обширные. Редакция считала закономерным сохранить эти примечания, принадлежащие другим авторам (К. Мошнину, в частности). В разделе приложений в конце книги помещены статьи А. Новикова и Н. Бибикова, уточняющие некоторые положения очерков Сабанеева.

Возможно, что при подготовке отдельного издания автор внес бы соответствующие исправления и добавления, убрал бы неизбежные при журнальной публикации повторы. Редакция не сочла возможным вмешиваться в текст автора и постаралась представить наследие Сабанеева с наибольшей полнотой.

Трудности возникали при подготовке иллюстративного материала. Дело в том, что для журнальных публикаций автор не подготовил рисунков. Изучение вышедшего в 1896 году первого тома «Легавые» показало, что Сабанеев не заказывал специальных рисунков для своей книги, а использовал иллюстрации своего «Охотничьего календаря» (1892), охотничьих журналов своего времени (в первую очередь собственного журнала «Природа и охота») и книг других авторов о собаках. Редакция решила, что она вправе пойти по этому же пути. Конечно, мы не можем полностью гарантировать, что именно все эти рисунки использовал бы Сабанеев для своей книги, но в какой-то мере наш отбор все же близок к авторским намерениям.

В настоящем издании редакция стремилась сохранить манеру изложения и особенности стиля Сабанеева. Текст приведен в соответствие с современными грамматическими нормами, исправлены явные искажения и опечатки там, где их удалось установить. В этих вопросах редакция столкнулась с большими трудностями, которые, к сожалению, не всегда удавалось преодолеть. Это связано с тем, что Сабанеев пользовался большим количеством самых разнообразных источников, как русских, так и зарубежных, и очень часто либо вообще не указывал их, либо указывал неполно или неточно. Проверить все факты, термины, названия и имена, которые даются порою в разноречивом написании, а иностранные в различной транскрипции, оказалось невозможным. Редакция будет благодарна читателям за все замечания и уточнения.

Подстрочные примечания, обозначенные астериксом (*), принадлежат автору либо его коллегам-современникам и сохранены в том виде, в каком они опубликованы в журнале «Природа и охота». Комментарии редакции помещены в конце книги, в разделе «Приложения» и помечены в тексте выносными цифрами ([1]), ([2]), ([3]) и т. д. В этом же разделе помещены список сокращений, переводы иноязычных текстов, таблица старых русских и зарубежных мер, словарь редких и устаревших слов, именной и географический указатели-справочники и предметный указатель.

Редакция благодарит охотоведа Эдвина Рудольфовича Майера, кинологов Владимира Гавриловича Гусева и Бориса Ивановича Маркова, переводчика Георгия Гельмутовича Генниса и доцента МГУ, кандидата филологических наук Николая Алексеевича Федорова за помощь в подготовке настоящего издания.

БОРЗЫЕ

ОЧЕРК ИСТОРИИ БОРЗЫХ
ВВЕДЕНИЕ

Название «борзая» происходит от слова «борзый» — быстрый и в древности применялось исключительно к лошади. Оно равнозначуще старонемецкому Wind, позднее Windhund, и указывает на главное качество породы и ее назначение для скачки. Действительно, весь склад борзой, какой бы породы она ни была, говорит о быстроте. Легкое туловище на длинных ногах, из которых задние особенно сильно развиты, и подобранный живот могут принадлежать только животному, способному к очень быстрой скачке. В своих лучших культурных представителях порода эта имеет большую аналогию со скаковою лошадью.

Быстрота борзых в связи с их острым зрением и плохо развитым чутьем ясно доказывает, что родина их не леса и пересеченные местности, где необходимы чутье, настойчивость в преследовании и сметка. Конечно, не у людей каменного века, обитателей Европы, рядом с мамонтами надо искать родича борзой собаки. Мы знаем, что люди свайных построек были современниками первых римлян[1]. Во всяком случае, пещерный человек не мог существовать ранее халдеев, египтян и ассирийцев[2]. Отечество борзых — почти безлесные степи и плоскогорья Северной Африки и Юго-Западной Азии. «Только на их беспредельном просторе могла сотнями поколений выработаться та легкая собака, с которой не может поспорить ни один дикий вид».

Способность дикого родича борзой к самостоятельной и быстрой ловле зверя, конечно, не могла не обратить на себя внимания первобытного человека, не раз бывшего свидетелем такой охоты-травли и пользовавшегося остатками добычи. Непосредственная польза подобных помощников была слишком очевидна, а потому неудивительно, что борзая была приручена прежде других пород собак. Действительно, древнейшие изображения собак на памятниках египетских фараонов за 3400 лет до р. х. принадлежат, несомненно, борзым — длинноногим и поджарым собакам с острой мордой, большими стоячими ушами и круто согнутым в кольцо хвостом, доказывающим еще более раннее одомашнение. Изображения лошади и других пород собак появляются позднее; точно так же в древнейших охотничьих сценах на стенах дворцов ассирийских царей сначала участвуют борзые, затем доги, гончие и, наконец, таксы.

Но если вопрос о родине борзой можно считать почти решен-

ным, то происхождение ее остается крайне темным и труднообъяснимым. Не подлежит сомнению, что она происходит от особого дикого вида, но спрашивается — какого?!

В настоящее время в области распространения борзой известны только два вида диких собак, которые по внешности и привычкам имеют с ней много общего и могут быть ее родоначальниками. Это абиссинская собака (Simenia simensis), обитающая в Абиссинии, и индийский дол, или колсун, встречающийся в Южной Индии.

Что касается первой, то несмотря на авторитет Жерве и в особенности Дарвина, считавших Canis simensis родичем борзой, абиссинская собака не может быть этим родичем по той весьма уважительной причине, что она принадлежит к особому роду Simenia, отличающемуся от р. Canis крайне важным анатомическим признаком — количеством зубов. А именно, у Simenia 6 ложнокоренных зубов, у всех настоящих Canis, также у волка, лисы — 8. Кроме того, абиссинская собака хотя мало исследована, но более приближается к шакалам, подобно им не отличается смелостью и сходна с борзою только с первого взгляда легкостью склада.

Более вероятно происхождение борзой от индийского дола, всего удачнее доказываемое Н. П. Кишенским. Действительно, дол имеет борзоватый склад, хотя, конечно, походит более на выборзка, чем на культурную борзую, вырабатывавшуюся тысячелетиями. Всего важнее, что он охотится, как и борзая, молча, большею частию на глаз и подает голос очень редко, вроде стона или воя, но не лая; кроме того, он отличается храбростью и настойчивостью и преследует преимущественно крупных зверей, собираясь для этого в большие стаи, по 50—60 особей; при этом много погибает их в схватках с сильными хищниками и кабанами. Особенно важное значение придает Кишенский масти дола — муругой, т. е. рыжей, с темной мордой и темными ногами. Он полагает, что эта масть коренная и очень типичная для борзой, в особенности азиатской.

Против этой теории происхождения борзой можно, однако, сделать немало веских возражений. Во-первых, колсун обитает в такой местности, где борзых уже нет — на границе их распространения, притом держится всегда в джунглях — зарослях. Во-вторых, он сравнительно мал ростом, толсторыл, имеет грубую псовину и толстые ноги, почему не отличается быстротой, одерживая верх только настойчивостью и многочисленностью. Наконец, муругая масть присуща не одному долу, а характеристична также для горных длинношерстных собак и мордашей; темным окрасом морды и ног при рыжей масти различных оттенков отличается и весь род лисиц — Vulpes, которые никакого отношения к борзым иметь не могут.

Между тем в Центральной Африке — Судане и Кордофане — встречается в полудиком состоянии порода крупных собак с грубыми борзыми ладами, собак, чрезвычайно похожих на древнеегипетских борзых первых фараонов. Нельзя сомневаться в единстве их происхождения, и надо полагать, что суданская борзая очень близко подходит к первоначальному, коренному типу. Дикая ловчая собака не могла выдержать конкуренции одомашненной и неизбежно должна была исчезнуть, частью истребленная, частью порабощенная человеком. Трудно даже ожидать, чтобы через пять-шесть тысяч лет рядом с культурной породой мог уцелеть ее дикий родич. А потому если и допустить родство дола с борзой, то только в смысле происхождения их от общего, вымершего родича, который, будучи вытеснен из равнин в леса и горы Западной Азии, совершенно здесь видоизменился и в настоящее время уцелел только в необитаемых местах Южной Индии. За это говорит редкость дола, несомненно принадлежащего к вымирающим расам.

Итак, Северо-Восточная Африка с долиной Нила должна считаться родиной культурной борзой. Отсюда последняя постепенно распространилась на запад, к востоку — в Аравию, затем на север, в Малую Азию и Персию. Но здесь африканская степная собака встретила уже иные условия существования, чем в долине Египта и Аравийских пустынях, и не могла сохраниться в чистом виде. Гористая и лесистая местность, сравнительно суровый климат были причиною скрещиваний их с другими, более сильными, выносливыми и тепло одетыми туземными породами, в ущерб легкости сложения и быстроте. Борзая ассирийцев уже имеет многие признаки мордашей. Здесь же в прикавказских странах хортая, т. е. короткошерстная борзая смешивалась с брудастыми собаками обоих типов — горной щетинистошерстной и более культурным лохматым овчаром. Остатки этих новых пород борзых надо видеть в кавказских бараках, упоминаемых Реуттом в ангорских и карагиссарских лохматых борзых, описываемых Чайковским*.

Более широкое расселение борзых начинается только с переселением арийских племен[3] в Европу, т. е. с лишком за тысячу лет до р. х. Арийцы привели с собою и быстрых охотничьих собак, найденных близ побережья Балтийского моря вместе с орудиями из бронзы и железа, сменившими каменные орудия первобытных обитателей Европы, имевших собак северного типа. Как мы увидим далее, крупная борзовидная собака арийцев, резко отличавшаяся от туземной, была, несомненно, брудастая борзая. Эта борзая постепенно распространялась по морским побережьям, все далее и

* См.: Реутт. «Псовая охота», 1842, ч. 1, стр. 45, и Чайковский. «Породы борзых и псовая охота на Востоке». — «Пр. и охота», 1879, октябрь.

далее к западу, в страны, занятые белгами и галлами, народами кельтийского племени[4], которое изо всех арийцев отличалось особенною любовью к охоте, и здесь становится главною, любимою породою зверовых собак, а позднее вместе с ними (за 500 или 300 л. до р. х.) проникает в Ирландию, Шотландию и Валлис. Может быть, впрочем, брудастые борзые попали на Британские острова значительно позднее и не вместе с кельтами, а были привезены сюда, именно в Шотландию, норманнами[5], как это можно заключить из некоторых намеков в балладах Оссиана, жившего во II веке.

Что касается распространения борзой фараонов на запад, то оно началось, по-видимому, позднее расселения ее к востоку, одновременно с основанием африканских колоний финикиянами[6]. Прибрежные страны Северной и Северо-Западной Африки предоставляли не менее благоприятные условия для сохранения породы в чистом виде, чем плоскогория Аравийского полуострова. Улучшение форм и увеличение быстроты борзой были здесь неразрывно связаны с совершенствованием лошади, даже обусловливались им. Предки современных арабов — израильтяне, берберы и нумидийцы — всегда были всадниками, и борзая могла быть их единственною охотничьею собакою.

Из Северо-Западной Африки борзая во времена процветания Карфагена легко могла проникнуть в Иберию — древнюю Испанию, где были основаны карфагенские колонии, а отсюда в Галлию — к кельтам. Известно, что войско карфагенян состояло главным образом из наемных иберов и галлов. Так называемые шарниги Прованса и Балеарских островов — борзовидные собаки со стоячими ушами, по всей вероятности, принадлежат к остаткам этих древних африканских борзых, еще, несомненно, не имевших тогда таких полувисячих или заложенных назад и полуоткрытых ушей, которыми характеризуются современная борзая арабов, или слюги, а также и английская, как более культурные породы. Известно, впрочем, что еще в этом столетии встречалась в Англии разновидность английских борзых востроушек.

Как бы то ни было, но во времена Римской империи борзые кельтов уже пользовались большою известностью. Римляне никогда не отличались особенною склонностью к охоте, особенно в эпоху своего владычества, и предпочитали ей более спокойную травлю крупных зверей в цирках. Поэтому в их глазах резвость не могла иметь такого значения, как сила, и мы не встречаем никаких указаний об африканских борзых, тогда как о более сильных кельтских борзых упоминают многие римские писатели. Марциал, живший в I веке, говорит о галльских vertragus, т. е. о кельтийских veltres; Граций Фалиск, современник Марциала (в своем стихотво-

рении о псовой охоте «Cynegeticon») — о британских борзых. Греческий писатель II века Арриан, прозванный за свое сочинение об охоте у римлян Ксенофонтом Младшим, различает уже две породы галльских борзых — короткошерстную и длинношерстную. Можно думать, что последняя была брудастая, но оригинальная наружность последних должна была бы обратить на себя внимание. Галльские борзые, однако, не особенно отличались резвостью, так как, по словам Арриана, самая быстрая могла поймать в день только четырех зайцев. Собаки эти имели большие и гибкие висячие, как бы переломленные (то есть полусогнутые), уши. Такое ухо, конечно, может указывать на подмесь какой-нибудь другой вислоухой породы, как полагает Кишенский, но также могло быть следствием культуры, так как современные арабские борзые также давно имеют висячие, хотя и заложенные назад, уши.

Несколько позднее, в III столетии, римский поэт Немезиан в своих «Cynegetica» в свою очередь хвалит быстроту британских борзых, конечно хортых, так как брудастые вряд ли были еще известны римлянам. Первое указание на брудастых собак встречается у Holinshed'a, который в своем описании Ирландии говорит о борзых времен шотландского короля Cranthylinth'a, жившего в III столетии, употреблявшихся для охоты на волков и оленей. Это те самые шотландские (scoticus) собаки, которых Флавиан послал в 364 г. из Британии Симнаху и которые ужасали всех своим ростом и страшным видом. Удивление римлян доказывает, что им вовсе были не известны брудастые борзые прибалканских стран, до сих пор встречающиеся в Боснии, и что эти боснийские борзые имеют позднейшее происхождение.

Вообще, что касается Греции и всего Балканского полуострова, то, несмотря на близость к Египту и сношения с ним, настоящие борзые в древние века здесь были или вовсе не известны, или крайне редки. Ксенофонт в своем известном сочинении, написанном за 4 века до р. х., говорит только о травильных и гончих собаках, ни слова не упоминая о борзых. Самыми быстрыми собаками в его времена считались в Греции индийские, которые были в состоянии догнать только оленя-теленка. Несколько позднее, с завоеваниями Александра Македонского, надо полагать, проникли в Грецию и настоящие борзые из Египта и Аравии, но они были здесь почти бесполезны и могли служить только для улучшения тяжелых зверовых — травильных собак. Охота с борзыми получила в Малой Азии и на Балканском полуострове право гражданства много позднее, одновременно с завоеваниями последователей ислама[7].

Великое переселение народов, начавшееся во II столетии, не имело, как бы следовало ожидать, почти никакого влияния на рас-

пространение борзых. Причина лежит в том, что двинувшимся из Средней Азии германским и тюркским племенам борзая была еще вовсе не известна, как неизвестна она была и древним обитателям Южной России, начиная со скифов и сарматов и кончая половцами, хазарами и печенегами[8] — народами турецкого происхождения. Хотя все они были отличными всадниками и почти безлесные равнины между низовьями Днепра и Волги представляли все удобства для травли, но нигде в русских былинах и летописях нет ни малейшего указания на быстрых собак, догонявших волков и зайцев, хотя половцы и печенеги существовали еще до XIII столетия. Франки[9], надо полагать, привели с собою гончих, другие германские племена — длинношерстных горных собак; что же касается гуннов[10], то если их считать предками венгров, то их племенной собакой была лайка, так как современная венгерская овчарка имеет большое сходство с вогульскою[11] лайкой, подтверждая этим финское происхождение венгерцев.

Совсем иное значение имело другое важное событие начала средних веков — распространение магометанства и завоевательное движение народов, принявших ислам. Мы знаем, что еще у бедуинов[12] древности борзая была по самым условиям обитаемой ими пустыни единственною охотничьею собакою. Новая религия, признав только одну борзую чистым животным, этим самым признанием неизбежно должна была способствовать, с одной стороны, распространению и образованию новых разновидностей, с другой — совершенствованию этой породы. Действительно, на западе арабская борзая вместе с маврами проникает в Испанию, где была до того времени редкостью; на востоке она постепенно с проповедью ислама проникает до Алтая, Тибета и Гималайских гор, до крайних пределов распространения магометанства. Несмотря на то что Монголия представляет еще большие удобства для охоты с борзыми, последняя здесь неизвестна; как в Азии, так и в Африке границы распространения борзой совпадают с границами магометанского мира.

Но климат степей, тем более плоскогорий Средней Азии, оказался слишком суровым для короткошерстной арабской борзой, и она неминуемо должна была видоизмениться не вследствие подбора, слишком долгого и не всегда достигающего цели, а более скорым путем — скрещиванием с туземными породами. Подобно тому как ранее ассирийская борзая смешивалась с догами и брудастыми собаками, так точно в первые столетия магометанской эры в местах бывшей родины германских племен хортая арабская борзая, скрещенная с туземными длинношерстными и длинноухими горными собаками, уцелевшими до сих пор у тибетских и кавказских горных пастухов, постепенно превращалась в так называемую

восточную вислоухую борзую с более длинною псовиной на теле, особенно на хвосте (правиле) и гачах (бедрах), и резко отличающуюся от всех пород борзых длинными лопухообразными ушами, покрытыми иногда космами волос и вовсе не гармонирующими с легким сложением собаки. Эту позднейшую породу по справедливости следует назвать турецко-татарскою, так как до настоящего времени она встречается исключительно у народов тюркского племени, сопровождая это племя в его завоевательном движении на северо-запад и запад.

Верность этой теории позднейшего происхождения вислоухой борзой и тесная связь ее с турецко-татарскими народностями, принявшими магометанство, подтверждается многими соображениями. Во-первых, нам известно, что ассирийские борзые имели стоячие уши. Во-вторых, в Малой Азии во времена крестовых походов вислоухих борзых еще не было, и они сделались известны в Западной Европе только после завоевания турками Балканского полуострова. В-третьих, арийцы привели с собою только брудастую борзую. Язычники татарского племени — половцы, печенеги, хазары — вовсе не имели никаких борзых, и в Восточную Европу борзые приведены в XIII столетии татарами-магометанами, и именно вислоухие. Охота с борзыми у кочевых азиатских народов не чисто татарского происхождения — киргизов и башкирцев, сравнительно поздно принявших магометанство, мало распространена, особенно у последних, несмотря на благоприятные для нее топографические условия; у народов же монгольского племени, за исключением, быть может, одних калмыков, окруженных магометанами, борзые вовсе не известны. Марко Поло в своем путешествии в Монголию, описывая охоту Кублай-хана, конца XIII века, ничего не говорит о борзых собаках. Иеромонах Иакинф, писавший о Китае в начале XIX столетия, замечает, что борзые сделались известны китайцам только со времени завоевания Восточного Туркестана. В Юго-Западной Азии вислоухая борзая не доходит до Аравии, и даже сирийская борзая имеет хотя большое, но откинутое к шее полуоткрытое ухо. Наконец, самые типичные по длине псовины уши, обрамляющие голову, мы встречаем почти на крайних пределах распространения восточных борзых, именно в Афганистане.

Как известно, турецко-татарские племена, уже принявшие магометанство и обитавшие в приалтайских странах и Туркестане, были вытеснены монголами к западу и, вместе с ними двинувшись в начале XIII столетия в Персию, вторглись через Кавказ в Юго-Восточную Европу. С ними появилась в России и их вислоухая борзая. Но последняя, встретив здесь туземную, вполне приспособившуюся к еще более суровому климату северную волкообразную

лайку, служившую и гончей и ловчей собакой, неизбежно должна была смешаться с нею и образовала новую, самую позднейшую породу борзых — русскую псовую. Последняя, сохранив формы борзой, получила от своего северного родича, имевшего более древнее происхождение, чем другой южный предок, полустоячие острые уши и густую, довольно длинную псовину с подшерстком. Но о происхождении русской борзой, равно как и об истории псовой охоты в России, будет говориться в своем месте, а теперь сделаем краткий очерк охоты с борзыми в Западной Европе начиная со средних веков до настоящего времени.

Охота с борзыми во Франции, по-видимому, никогда не пользовалась большим распространением. Хотя, как мы видели, галльские борзые славились быстротою, но с приходом франков характер охоты изменяется и борзые очевидно начинают вытесняться сильными травильными собаками, затем гончими, которые в конце средних веков получают особенное значение. Из капитуляций короля Дагобера, жившего в VIII веке, видно, что в это время особенно ценились сильные борзые (?), употреблявшиеся для охоты на зубров и кабанов; именно за убийство такой собаки была назначена такая же пеня, как за жеребца (три золотых), втрое больше, чем за убийство борзой, употреблявшейся для травли зайцев, — veltris* кельтов. По-видимому, первые были брудастые борзые, последние — хортые, т. е. короткошерстные. Сохранилось известие, что Карл Великий (IX век) послал в подарок калифу Гарун-аль-Рашиду огромных борзых, которые догнали и остановили льва, так что он мог быть заколот подскакавшими посланцами-франками. Это были, конечно, брудастые борзые, которые могли быть и местного, т. е. галльского, происхождения, но могли доставляться, как это упоминается позднее, из Ирландии или Шотландии.

Из книги первого французского писателя Гаса де ла Бигня (Гастона Фебуса), жившего в XIV столетии, видно, что название veltres или vautres применялось не только к борзым, но и к травильным собакам, причем последние были большею частию вымесками от молоссов — мордашей — и брудастых борзых и назывались аланами. Эти аланы делились на три породы: alan gentil, alan vautre и alan de boucherie. Первые аланы были почти настоящими борзы-

* По мнению Фрешона, галльское слово veltre применялось исключительно к красно-пегим хортым борзым, идентичным с современными суданскими и абиссинскими; остатки этих veltres до сих пор встречаются на юге Франции и на Балеарских островах и известны под названием шарнигов или шарнегров.

ми; вторые, равнявшиеся по силе трем борзым, соответствовали, вероятно, позднейшим lévriers doguistes и имели желтую масть с более или менее темным оттенком или серую с черными полосами, доказывающими примесь догов; третьи были настоящими мордашами. Позднейшие авторы свидетельствуют, что les gros lévriers doguistes употреблялись исключительно для охоты на кабанов и имели большею частию желтую псовину серо-пегой, черно-пегой или рыжей масти и были не так красивы, как гладкошерстные, но сильнее их и выносливее. Mègnin в свою очередь подтверждает, что в средние века борзые с щетинистою псовиной употреблялись французскими королями и рыцарями для охоты на волков и кабанов. Это видно из того, что лучшие lévriers d'attache или d'attaque привозились тогда из Бретани, Ирландии, Шотландии и Северной Европы, т. е., вероятно, из Прибалтийских стран.

Борзые, употреблявшиеся в средние века для травли зайцев, по-видимому, ничем не отличались от тогдашних английских. Эти собаки тогда считались уже самыми красивыми и благородными и были всевозможных мастей, причем особенно уважались совсем белые. Во времена Селинкура, во 2-й половине XVII столетия, они назывались lévriers pour lièvre, суки же — lèvrettes. Но кроме них существовала тогда еще другая порода мелких хортых борзых — lévrons (сука — lévriche), которые позднее стали употребляться только для ловли кроликов. Легкие борзые могли доставляться во Францию тремя путями: из Испании от мавров[13], из Малой Азии через крестоносцев и из Англии. Английские борзые приобрели здесь большую известность с XIV столетия, и французские короли неоднократно получали их в подарок. Позднее, в XVI и XVII столетиях, славились быстротою борзые из Шампани и Пикардии.

Наибольшего развития охота с борзыми во Франции достигла в начале XVI века, в царствование Генриха IV, который был большим любителем этой травли. Но уже при его преемнике Людовике XIII борзые для королевской охоты покупались в Константинополе. Известно, что алжирский дей посылал Карлу IX (1560—1574) рыжих черномордых и черноногих (муругих) борзых, без сомнения, слюги. Упадку охоты с борзыми не помогла учрежденная Людовиком XIII louveterie под управлением grand louvetier de France — великого ловчего — с целью истребления волков. При Людовике XIV комплект этой louveterie состоял из 20 парфорсных гончих, 4 пар (свор) крупных борзых, 4 пар самых сильных, называвшихся lévriers de la Chambre, пускаемых только в крайних случаях, и 4 смычков догов. Борзые на зайцев и кроликов составляли в королевской охоте отдельное учреждение, называвшееся lèvretterie.

Но и в самые цветущие времена охоты с борзыми в средневековой Франции она, с русской точки зрения и в сравнении с парфорсной гончей охотой, была крайне несовершенна и производилась весьма неумело, иногда даже совсем нелепо. Так, например, свору держал пеший охотник, волка принимали очень странным способом, чуть не кольями. Правильной охоты на <волков> не существовало; подвывка и травля целым выводком были французам вовсе не известны. Молодых волков сганивали гончими, а матерых сначала обкладывали при помощи духовых собак (limiers), затем остров окружали или загонщиками, или тенетами, оставляя открытым лишь главный лаз, на котором держали в засаде несколько свор борзых, обыкновенно четыре. На след зверя пускали стаю, и, как только волк показывался из острова, ему пускали вугон одну свору — самых резвых борзых, т., напр., lévrièrs d'estric; затем с двух сторон пускали т. н. боковые своры — lévrièrs de flanc и, наконец, пускали четвертую свору — lévriérs de tête — в лоб, т. е. навстречу. В последнюю свору выбирались самые сильные борзые, большею частию помесь с аланами, т. е. догами. Таким образом, французские волкодавы XV и XVI столетий много уступали в быстроте и силе ирландским, которые, несомненно, догоняли и брали в одиночку матерого волка.

Революция[14] положила навсегда конец охоте с борзыми во Франции. Ненависть простолюдина к привилегированному дворянству, злоупотреблявшему своим исключительным правом охоты и собственности на дичь, которая безнаказанно кормилась на крестьянских полях, была перенесена и на охотничьих собак. Большая часть гончих, а борзые поголовно были истреблены.

Испанская охотничья литература совершенно неизвестна в Западной Европе, и сведения о псовой охоте и борзых в этой стране весьма скудны. Мы знаем только, что еще в 1634 году дон Алонзо Мартинец де Эспинар написал целый трактат об искусстве стрельбы и псовой охоты («Arte de Ballisteria y Monteria»), что лет 6 назад была напечатана в Мадриде книга о собаках Испании какого-то генерала, в продажу, однако, не поступавшая; о содержании же этих сочинений нигде и никем сообщаемо не было. По словам Крихлера, немца, жившего долгое время в Испании и автора небольшой книги о собаках вообще, в настоящее время в Испании кроме английской борзой (galgo) встречается еще туземная порода борзых небольшого роста, вроде левретки, называемая Rodengo, которая имеет недурное чутье и употребляется для отыскивания и ловли кроликов. Весьма вероятно, что под кличкой galgo известны здесь также африканские борзые, которые, конечно, должны встречаться здесь хотя бы изредка. Необходимо иметь в виду, что в Северной Испании обитали прежде кельты, а в начале

средних веков вся страна находилась под владычеством мавров, которые были окончательно изгнаны отсюда лишь в XVI столетии. Известно, что в этом и XVII столетиях французскими охотниками очень ценились борзые испанские и португальские и что последние были двух пород: одни предназначались для травли в открытых равнинах и считались резвейшими в Европе; другие же считались более пригодными для охоты в гористых местностях, отличались более коротким туловищем, были прытче и резвее накоротке. По-видимому, в Испании борзые всегда употреблялись преимущественно для ловли зайцев.

Точно так же в Италии от настоящих короткошерстных борзых еще во времена Римской империи требовалась исключительно резвость, а потому они употреблялись только для ловли зайцев, а позднее и кроликов. В этом и лежит причина измельчания, вырождения и позднейшего превращения итальянских борзых в комнатную собачку, или левретку. В XVI столетии, после завоевания турками Константинополя, в Италии начинают изредка встречаться и восточные вислоухие борзые, как это видно из горельефного изображения на блюде работы Бенвенуто Челлини. По свидетельству Бекмана, в Италии кроме настоящих английских борзых встречаются, именно в Сицилии и Сардинии, еще две особые породы (Eirneka и Ventredda), одна среднего роста с короткими, иногда стоячими ушами, а другая небольшого роста со стоячими ушами; обе употребляются для ловли мелких зверей, которых отыскивают чутьем. Судя по всему, эти собаки имеют много общего с упомянутыми выше шарнигами Франции и Балеарских островов и происходят от африканских борзых с какою-нибудь примесью.

Что касается Средней Европы, то здесь, за исключением Северогерманской низменности — Балтийского побережья, где была распространена порода брудастых, настоящая охота с борзыми была всегда малоизвестна. Германские племена предпочитали сильных собак, пригодных для травли зубра, медведя, кабана, оленя, и обыкновенно пользовались борзыми лишь для скрещивания и придачи быстроты тяжелым мордашам, приведенным ими из Азии.

По Бекману, борзая у германцев была также известна под кельтийским измененным названием veltris, veltrix, veltrus и veltraus; это косвенным образом доказывает, что борзая была приведена в Европу именно кельтами. Немцы до 18-го столетия борзых собак называли обыкновенно просто Wind, а по употреблению разделяли на крупных оленьих — Hirsch winde и на средних и мелких для ловли коз, лисиц и зайцев — Steubwinde или Stöberwinde; кроме того, некоторые из последних, которые были приучены помогать соколам справляться с крупными птицами, например цаплей,

журавлем, гусем, назывались Beizwinde. Позднее все борзые получают общее название Windhunde. Можно подумать, что Hirschwinde соответствовали более древним veltres porcarii — кабаньим борзым салических законов[15] (V столетия), и по сложению приближались к догам, только были гораздо их резвее. Бекман даже сомневается, чтобы оленьи борзые составляли когда-либо самостоятельную породу, на том основании, что ни в одном сочинении XVI и XVII столетий вовсе не встречается их описаний и изображений. Вероятно, это были вымески брудастых борзых с догами. С усовершенствованием огнестрельного (нарезного) оружия крупные и сильные борзые сделались в Германии очень редкими и сохранились лишь до начала текущего столетия на Прибалтийском побережье у курляндских баронов, потомков ливонских рыцарей, и употреблялись преимущественно для травли волков. Эти брудастые борзые были известны в Германии, как и у нас, под названием курляндских.

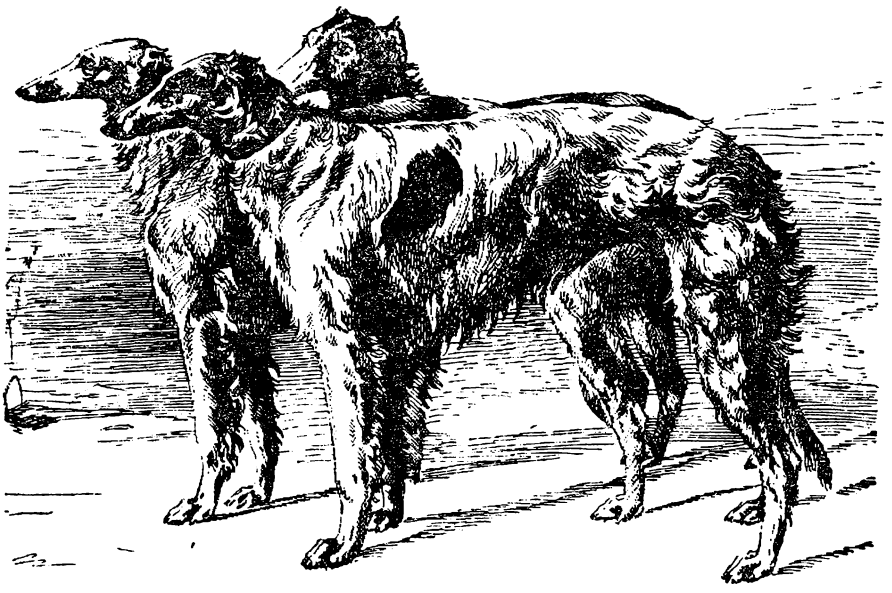
В настоящее время охота с борзыми в Средней Европе сделалась почти достоянием предания. Псовая охота никогда не соответствовала флегматическому характеру немца и, хотя после крестовых походов борзая, вместе с соколом, становится как бы атрибутом дворянского достоинства и постоянным спутником рыцаря, но она все-таки оставалась более комнатною, чем охотничьею собакой. Уже в прошлом столетии она встречалась редко и травля ими имела случайный характер. Обыкновенно охотник с борзыми становился на опушке, а зверь — коза, лиса и заяц — выгонялся из лесу загонщиками или гончими.

В настоящее время охота с борзыми встречается в Германии лишь в виде редкого исключения и, как следовало ожидать, в северо-восточной ее части — Мекленбурге, Померании и Восточной Пруссии. По Шлотфельду и Бекману, она производится обыкновенно внаездку, т. е. без помощи гончих; для отыскивания и взбуживания зайцев часто употребляется немецкая легавая. Охотник едет верхом, свору с 2—3 борзыми держит пеший стременной, но иногда собак приучают рыскать без своры. Травить приходится иногда в кустарнике, даже в лесу, и немецкие борзые вряд ли отличаются особенною резвостью, так как Solofänger'ы, ловящие зайца (русака) в одиночку, считаются большою редкостью. Обыкновенно одна из собак приучается не давать другим рвать зайца и приносить его в поноске хозяину. Лисиц травят большею частию по пороше, обыкновенно во время течки.

В Венгрии, несмотря на все благоприятные условия для травли, охота с борзыми никогда не процветала и, по-видимому, сделалась известною только после завоевания турками Балканского полуострова, через молдаван и валахов[16], заимствовавших ее у турок,

крымских татар и отчасти поляков. В современной Румынии до сих пор крестьяне охотятся со своими вымесками польских хортых с вислоухими восточными борзыми на зайцев, заганивая волков более сильными выборзками. Но вообще на Балканском полуострове травля борзыми производится магометанами — татарами Добруджи, выселенцами из Крыма, турками и потурчившимися боснийскими бегами, т. е. дворянами[17]. У последних до сих пор сохранились и брудастые борзые. Но начиная с 50-х годов псовая охота, составлявшая прежде любимое занятие турецких беев и офицеров, после смерти султана Махмуда, страстного любителя

Рис. 1. Свора Н. Д. Каншина. Большая серебряная медаль на выставке 1877 г. («Журнал охоты», 1877, т. VII, № 5)

травли, особенно с войны за освобождение Болгарии[18], пришла в сильный упадок и местами вовсе исчезла.

Великобритания — единственная страна Западной Европы, где борзая всегда была многочисленна, пользовалась большим почетом, имела постоянное применение, где она удержалась в наиболее чистом виде с древних времен до наших дней, где, наконец, быстрота ее всегда стояла на первом плане. Огромные и могучие брудастые собаки употреблялись для охоты на сильных зверей, сначала кабанов, потом только волков и, наконец, только на оленей. Менее сильные, но более быстрые хортые борзые служили здесь всегда едва ли не исключительно для ловли одних зайцев. Но история охоты в Англии тесно связана с историей английской и шот-

ландской борзых, так же как история псовой охоты в России есть история псовой собаки. Те и другие собаки требуют поэтому отдельных, подробных исследований.

Из этого краткого очерка видно, что за исключением Англии, Турции и России травля борзыми в Европе нигде и никогда не занимала первенствующего положения в ряду других охот. Причин тому очень много, и перечислять их здесь считаем излишним, даже неуместным. Главная же заключается теперь в дробности земельных участков. Псовая охота требует простора, который на Западе можно найти только в обширных владениях английских лордов. Притом надо иметь в виду, что самостоятельная охота с борзыми без гончих, т. е. внаездку, требует более или менее ровных, открытых и незагороженных полей и лугов. Вот почему охота с парфорсными гончими как лесная до сих пор еще удержалась во многих странах, хотя с первого взгляда она требует еще большего простора и может чаще давать повод к нарушениям прав землевладельцев.

У нас весьма распространено мнение, что в Западной Европе с борзыми не охотятся лишь потому, что эта охота там совершенно воспрещена. Это убеждение неверно или, точнее, имеет мало оснований. Действительно, охота с борзыми подвергалась на Западе значительным ограничениям и стеснениям, но на самом деле она всюду допускается, только требует или особого разрешения, или особого билета, или, наконец, может быть воспрещена. Во Франции, например, закон 3 мая 1844 года дозволяет охоту с борзыми лишь с дозволения префекта и притом только на зверей, признаваемых вредными; самовольная же охота наказывается штрафом от 16 до 100 франков. В Бельгии (закон 28-го февраля 1882 г.) для охоты с борзыми требуется особое permis, за которое платится столько же, сколько за билет на право ружейной охоты и ношения оружия (35 фр.), причем permis обязан брать каждый участник охоты, хотя бы травля производилась одной борзой. В Италии охота с борзыми допускается наравне с охотой с гончими или ищейками и ограничена кроме платы только сроком (с 15-го октября по 1-е марта). То же самое мы видим в Испании, только необходимо иметь особый билет с платой 25 песет; зато по этому билету могут охотиться 6 человек с 10 собаками. В Германии (закон 27 сентября 1889 г.) травля борзыми допускается всюду, но может быть воспрещена местной администрацией. Наконец, в Дании право охоты с борзыми могут иметь только лица, на землях которых производится не менее 200 тонн зерновых хлебов. Но вместе с тем борзая является здесь какой-то парией, так как § 10 второго отдела охот-

ничьего законоположения воспрещает убивать на своей земле бродячих кошек и собак за исключением борзых!

Отдел борзых можно разделить на четыре главные, резко отличающиеся группы или породы в широком ее значении, с многочисленными разновидностями или второстепенными породами, с более или менее резкими и постоянными признаками.

К первой группе принадлежит коренная раса, распространение которой тесно связано с арабской национальностью — *арабская борзая,* происходящая от суданской борзой или близкого к ней дикого вида. Главные ее разновидности — суданская, алжирская борзая, или слюги, и хортая английская борзая, имеющая общее происхождение с слюги. Сюда же относятся шарниги и мелкие европейские борзые.

От смешения ассирийских борзых, почти не отличавшихся от древнеегипетских и суданских, с брудастыми горными жесткошерстными собаками прикавказских стран произошли брудастые борзые, которые были выведены отсюда некоторыми арийскими племенами, расселившимися по берегам Балтийского моря, откуда она перешла к кельтам Галлии, Ирландии и Шотландии. Это *брудастая борзая арийцев,* порода, имеющая немного разновидностей, малочисленная и вымирающая.

От позднейшего скрещивания хортой борзой арабов, совпавшего с распространением магометанства, с горной прямошерстной собакой у тюркско-татарских племен Средней Азии образовалась порода борзых с длинными висячими, густо одетыми ушами, с подвесом на хвосте и удлиненной псовиной на теле. Эту вислоухую борзую следует назвать *турецко-татарскою.* Разновидности ее весьма многочисленны.

Наконец, четвертая и самая молодая раса — *русская борзая,* характеризующаяся длинною псовиной на теле и заложенными назад ушами, образовалась через скрещивание восточной борзой с северной волкообразной собакой со стоячими ушами. В нее затем вошла примесь крови брудастой борзой, именно разновидности ее с длинною мягкою шерстью в завитках.

БРУДАСТЫЕ БОРЗЫЕ*

Не подлежит сомнению, что брудастые борзые произошли от скрещивания древнеегипетской или ассирийской борзой с крупною брудастою пастушьею собакой, преимущественно жесткошерстного горного типа. Это смешение совершилось, вероятно, в Малой Азии или в прикавказских странах, т. е. Персии, но могло произойти и в самом Египте, так как об овчарках в Верхнем Египте упоминается Бремом, а Гейглин в своем путешествии по Абиссинии говорит, что у кочевых племен стада оберегаются крупными, очень красивыми клокастыми собаками буланой (полóвой) масти. Арийские народы, выселившиеся из прикавказских стран за тысячу с лишком лет до р. х., привели с собою в Европу и этих борзых, остатки которых встречаются до сих пор в некоторых местностях Кавказа и Малой Азии. О кавказских брудастых борзых упоминает, впрочем, один Реутт: «Азиатская порода (брудастых) известна под татарским названием «барак». Собаки эти опушены по всему туловищу и оконечностям, даже на щипце и ногах, мягкою, немного волнистою псовиной, которая, однако, нигде, даже на правиле, висячею не бывает». У позднейших охотничьих писателей и путешественников мы встречаем лишь неопределенное указание на необыкновенно злобных и крупных овчарок, встречающихся у некоторых горских племен. Чайковский в статье своей «Породы борзых и псовая охота на Востоке» говорит вскользь об ангорских и карагиссарских борзых (в Анатолии), очень псовистых, верблюжьего, серого или мышиного окрасов — несомненно, брудастых. Персидские вислоухие борзые с длинною и волнистою псовиной, надо полагать, представляют помесь восточной борзой с более древнею брудастою. В Средней Азии брудастые борзые, сколько известно, вовсе не были наблюдаемы.

По всей вероятности, брудастые борзые были приведены в Европу лишь некоторыми арийскими народами, именно теми, которые осели на берегах Балтийского моря. Исследования ископаемых костей, найденных в свайных постройках Прибалтийских

* Так как главный отличительный признак всех брудастых собак замечается в их бороде, вообще длинной псовине на морде, то правильнее было бы называть их бородастыми или брадастыми, а не брудастыми и никак не бурдастыми, как называет Мачеварианов.

стран, показали, что после каменного века начинают встречаться кости крупной борзовидной собаки, резко отличавшейся от собак первобытных обитателей, которые принадлежали к группе северных собак или лаек. Это была, несомненно, брудастая борзая. Хотя мы не имеем относительно ее таких древних исторических указаний, как о брудастых борзых белгов, галлов и скоттов[19], но тем не менее мы знаем, что в средние века брудастые борзые доставлялись во Францию не только из Англии, но и с севера Европы, т. е. Скандинавии, и с берегов Балтийского моря. Остатки этой древней породы сохранялись здесь очень долго, почти до половины текущего столетия, и около трехсот лет были известны в Европе под названием курляндских борзых.

С Балтийского побережья брудастые борзые постепенно распространялись на север, т. е. Скандинавский полуостров, и на запад — к белгам и галлам, вообще кельтам. Как известно, некоторые кельтийские племена переселились за 300 лет до р.х. в Ирландию, откуда перешли в Валлис и Шотландию; они привели с собою как хортых, так и брудастых борзых. Последние могли попасть в Шотландию и другим путем — от норманнов[5], которые, как видно из баллад Оссиана, уже во II веке посещали берега Англии и Шотландии. Страбон, римский писатель-географ I века, упоминает о крупных и сильных борзых, происходивших из страны пиктов[20] и кельтов и ради своих охотничьих качеств доставлявшихся через Галлию в Рим. Силий, почти современник Страбона, также говорит о рослых борзых, которые вывозились из Ирландии через Бельгию для римских цирков, а также непосредственно из Бельгии. Арриан, живший во II столетии, дает подробное и обстоятельное описание кельтийских борзых, короткошерстных и длинношерстных, называя их кельтийскими гончими. Holinshed в своем описании Ирландии говорит, что борзая времен шотландского короля Крантилинта (III стол.) происходит не из Греции, а из Шотландии, т. е. это туземная порода. Что брудастые борзые доставлялись в Рим во времена империи и производили там большую сенсацию, видно из указания на то, что Флавиан послал Симнаху (в 378-м году) скоттских собак, ужасавших всех своим ростом и страшным видом. Следует заметить, что в те времена Ирландия называлась Scotia maior — Великою Шотландией, в отличие от Scotia minor.

Есть, однако, основание думать, что подобные же огромные брудастые собаки были еще до начала христианской эры известны и в других местностях Европы, именно на Балканском полуострове. Они могли проникнуть сюда с арийцами, пелазгами, позднее фракийцами[21] и иллирийцами, предками нынешних албанцев, но были ли это действительно брудастые борзые или огромные

молоссы*, ведшие свое происхождение от ассирийских догов, или помесь брудастых борзых с молоссами — это вопрос нерешенный, так как о наружности их нигде не говорится. По преданию, царь Албании (Эпира?) присылал Александру Македонскому огромных псов, которые употреблялись для травли львов и слонов. О таких собаках у Ксенофонта, жившего на столетие ранее Александра Македонского (за 4 стол. до р. х.), еще не упоминается. Плиний Старший (I век) в своей «Натуральной истории» говорит, что самые сильные собаки, гораздо более рослые, чем молоссы, имевшие склад борзой и употреблявшиеся для травли львов и слонов, происходили из Эпира. Косвенным образом родство этих огромных псов с брудастыми борзыми доказывают вышеприведенные слова Holinshed'a, из которых можно заключить, что собаки, подобные скоттским, были и в Греции. Что брудастые борзые до сих пор сохранились на Балканском полуострове, видно из статьи Чайковского, который свидетельствует, что борзые с жесткою псовиною, похожие на крупных шотландских, нередко встречаются в Боснии и Герцеговине, у тамошних бегов — мусульман-помещиков сербского происхождения.

Ирландские брудастые борзые

Едва ли можно сомневаться в том, что ирландские и шотландские брудастые борзые имеют общее происхождение; сначала не различались между собою, и только в средние века выделились в две самостоятельные породы, причем главное отличие первой от последней заключалось лишь в громадности роста и сравнительной короткости псовины, видоизменившейся, вероятно, вследствие скрещивания с гладкошерстными травильными собаками.

В конце древнего периода истории и в начале средних веков брудастые борзые на Британских островах служили исключительно для охоты на черного зверя — кабанов и волков; из этих зверей кабаны исчезли ранее волков, которые в Англии и Шотландии, как известно, были истреблены уже в XVI столетии, между тем как в Ирландии, по историческим сведениям, последний волк был убит в 1710 году. Вероятно, с XVI столетия и начинается уменьшение роста шотландских борзых и выделение их в особую породу, предназначенную исключительно для травли оленей и диких коз.

---

* Молоссией называлась в древности страна, занимавшая большую часть Эпира и заселенная народом пелазгийского племени — молоссами, получившими название от Молосса, сына первого эпирского царя Пирра, участвовавшего в осаде Трои. Молоссия славилась в глубокой древности своими охотничьими собаками.

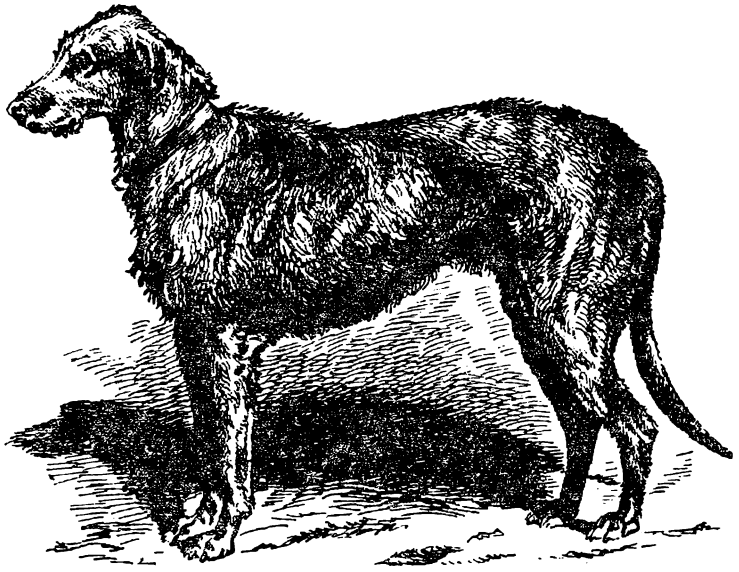
Таким образом уже более 150 лет назад ирландские волкодавы лишились своего специального назначения, утратили свой raison d'être и сделались излишними, как бы предметом роскоши. Поэтому неудивительно, что в начале этого столетия, даже ранее, они перемешались с шотландскими дирхоундами и другими крупными собаками и почти исчезли как отдельная раса. Только очень недавно, лет 25 назад, небольшой кружок любителей с капитаном Graham'ом во главе возымел намерение реставрировать почти угасшую породу из ее остатков помощью скрещивания с шотландскими брудастыми и датскими догами. Для русских псовых охотников, как и для американских охотников на волков, восстановление старинной породы волкодавов должно представлять немалый интерес. В Северной Америке, а также в Южной Африке действительно весьма внимательно следят за постепенным увеличением роста и веса новых ирландских борзых и даже принимают личное, довольно деятельное участие в их реставрации.

Благодаря упомянутому капитану Грегему, написавшему целый трактат об ирландской борзой, мы имеем полный свод исторических сведений о ней и можем составить себе верное понятие о ее истории, назначении и внешности. Как это ни странно, но в средневековых летописях об ирландской борзой упоминается реже, чем в первые столетия христианской эры у римских авторов. В хронике Holinshed'a (опубликованной в 1574 г.) приведен подробный рассказ о том, как пикты[20] украли (в III стол.) самую резвую и сильную борзую короля скоттов[19] Крантилинта и как из-за этой собаки произошло большое кровопролитие, имевшее последствием междоусобную войну, кончившуюся совершенным истреблением пиктов. В статутах IX века современного Валлиса за увечье, причиненное ирландской борзой, как и за ее убийство, присуждалась вдвое большая пеня, чем за других борзых. Эти данные показывают значение и ценность этих собак для охоты.

Затем в продолжение 500—600 лет о брудастых борзых, шотландских и ирландских, нигде не упоминается, вернее, указаний на них еще не найдено до XVI столетия, т. е. до истребления волков в Англии и Шотландии. С этого же времени шотландские борзые выделяются от ирландских и их начинают различать. Последние снова входят в большую славу, какою, очевидно, пользовались в последние века существования Римской империи. Веро Шо говорит, что в XVI столетии ирландские борзые посылались в Лондон королевскому двору и считались самым ценным подарком. В 1615 году они были даже отправлены в дар Великому Моголу в Индию. James Ware в своих «Antiquites of Ireland» (1654 г.) писал, что в Ирландии встречается порода борзых огромного роста и силы, быстрых и красивых, которые употребляются исключительно для

охоты на волков, к которым питают врожденную ненависть; в книге помещено аллегорическое изображение двух борзых, сходных по виду с современными дирхоундами. Эвелин (1660—70 гг.) сообщает, что ирландские волкодавы значительно сильнее мастифов и бульдогов. Вообще все старинные писатели отличают их от догов и называют борзыми. Надо полагать, что громкая слава этих собак была причиною усиленного вывоза их на материк Европы — во Францию, Данию, Германию. Во времена Кромвеля (1653—1658 гг.) был даже издан особый закон, воспрещавший вывоз ирландских волкодавов. Датский писатель Христиан Вазе (1654 г.)

Рис. 2. Ирландский брудастый волкодав («Охотничья газета», 1892, № 50)

упоминает о них. Известно, что Август II (начало XVIII века), курфюрст саксонский и король польский, охотился с ирландскими борзыми и что до конца прошлого столетия их выписывали курляндские бароны для освежения крови своих вырождавшихся брудастых.

Таким образом, сто с лишком лет назад были вывезены из Ирландии почти все волкодавы, сделавшиеся здесь излишними. Английский натуралист Бевик (Bewick) писал, что в настоящее время (1792 г.) ирландские борзые сделались очень редки и держатся более для виду, чем для охоты. Немного позднее необходимость заставляла уже скрещивать их с крупными догами. Ирландская борзая изображена в «Encyclopedia Britanica» 1797 года, хотя с жесткою шерстью, но с большою головой и притом полосатою. В

«Sportsmans Cabinet» (1803 г.) рисунок Reinagle'я, известного художника, считаемый английскими любителями очень верным, изображает, несомненно, борзую, но с короткою жесткою шерстью и вообще с заметною примесью крови травильных собак. В тексте же говорится, что в образовании этой породы участвовали датские доги, собаки Украйны, Татарии(!), Эпира и Албании, то есть, вероятно, хотели этим сказать, что ирландские волкодавы произошли от смешения догов с овчарами и брудастыми борзыми. На самом деле описание вовсе не соответствует приложенному рисунку и может относиться лишь к догу.

Еще позднее, в «Encyclopedia Britannica» 1810 г., под названием ирландских волкодавов изображены крупные датские доги с короткою шерстью черно-пегой или кофейно-пегой масти. По свидетельству Lee, у лорда Антрима сохранился портрет собаки в натуральную величину, снятый лет сто назад и считаемый владельцем за настоящего ирландского волкодава. Изображен пятнистый дог в 34 дюйма ростом (т. е. почти в 3 фута), с отметинами, как у современного фоксхоунда, и длинными висячими ушами. Неудивительно поэтому, что многие английские охотничьи писатели считали ирландских волкодавов гладкошерстными. Этой ошибки не избег и Ричардсон в своей книге о собаках (1848 г.), хотя впоследствии и сознался в ней. Юатт говорил (1845 г.), что ирландские борзые вымерли и сохранились лишь в немногих глухих замках и что они неохотно брали оленя и лисицу, как бы пренебрегали ими.

Вообще сведения о росте, силе и внешности старинных ирландских волкодавов очень сбивчивы и неопределенны. Несомненно одно, что это были действительно самые огромные собаки, какие в настоящее время не встречаются. Известный натуралист Бюффон писал в середине прошлого столетия, что ирландская борзая весьма редко встречается во Франции и что виденные им экземпляры достигали роста 150 сантиметров, т. е. 4 футов. Надо думать, однако, что он измерял не от плеча (лопаток), а от головы, так как, по словам современного ему английского зоолога Оливье Голдсмита, считавшего ирландских волкодавов самыми большими собаками в мире, они бывают ростом с годовалого теленка, до 120 сантиметров. Немного позднее (1792 г.) Бевик писал, что «обыкновенный рост их 3 фута», но всего 50 лет назад (1845 г.) Юатт утвердительно говорит, что немногие уцелевшие экземпляры большею частью были в 4 фута. Во всяком случаае, это были гигантские псы, от 20 до 25 и более вершков ростом.

Таким размерам соответствовала и сила ирландских борзых. Все авторы единогласно свидетельствуют о том, что они были гораздо сильнее мастифов — старинных английских догов, тем более бульдогов. С этими собаками они расправлялись так же, как

с волками, а именно: хватали противника за спину или за шиворот, как кошку, и трепали до смерти. Вместе с тем волкодавы были достаточно быстры для того, чтобы догнать матерого волка, хотя, вероятно, после довольно продолжительной скачки. В древности и в средние века эти собаки, несомненно, употреблялись для охоты на кабанов, как это доказывают старинные фрески в одном из старинных замков близ Тоучестера, изображающие многие охотничьи сцены, в том числе двух охотничьих собак и кабана. Собаки имеют вид очень больших дирхоундов — шотландских борзых с жесткою щетинистою псовиной темно-голубого окраса и с небольшими лежачими ушами. По словам Бевика, ирландские волкодавы были большею частью коричневато-бурой масти. Относительно качества псовины почти все утверждают, что она была жестка и щетиниста и что собаки имели таковую же на морде, причем шерсть иногда удлинялась в виде бороды и усов. Большинство согласно в том, что шерсть была короткая, короче, чем у шотландской борзой, но есть также указания на волкодавов с длинною, даже клокастою псовиной, что, конечно, весьма возможно. Вообще теперь, кажется, все пришли к заключению, что ирландские волкодавы имели вид сравнительно тяжелых и массивных дирхоундов.

Что касается характера описываемых собак, то он, как и следовало ожидать, не мог быть особенно кротким. Доктор James в своей книге о бешенстве собак (1733 г.) рассказывает о волкодаве, едва не растерзавшем ребенка своего хозяина. Очень может быть, что злобность ирландцев была главною причиною их вымирания. Для чужих людей такие громадные собаки были очень опасны и вообще доставляли немало неприятностей своим владельцам.

Веские свидетельства Юатта и Ричардсона показывают, что представители старинной породы кое-где сохранились до середины текущего столетия, хотя в значительно измененном виде. Ричардсон держал этих собак с 1841 по 1862 г.; они сохранялись также у Беккера и сэра Джона Поуэра до 1865 года. Во всяком случае, это были уже жалкие остатки прежних знаменитых волкодавов. Но и этим последним могиканам угрожала опасность совершенного исчезновения, если бы один любитель, капитан Грегем (Graham), в 1863 году не обратил внимания на угасавшую расу, когда-то составлявшую национальную гордость Ирландии. Начиная с 1867 года он настойчиво и энергично преследует цель реставрации ирландских волкодавов помощью скрещивания уцелевших собак с дирхоундами и датскими догами. Им написана была целая книга, заключавшая в себе историю породы с древнейших времен, ее подробное описание, метод реставрации, и были выработаны признаки собак современного типа. Сам Грегем, по его словам, вел своих волкодавов от ричардсоновских, имевших 40-летнюю родословную, но

подмешивал кровь догов и дирхоундов. Ирландский кеннель-клуб, хотя открыл в 1879 году на своих выставках особый класс для ирландских борзых, однако ничего не сделал по отношению к этой породе и в 1880 году прекратил свое существование. Только недавно организовался специальный клуб любителей этой породы, вслед за чем английский кеннель-клуб признал собак нового типа за самостоятельную расу, отличную от шотландской, и учредил для нее особый класс на выставках и в студбуке.

Однако до сих пор ирландские волкодавы весьма малочисленны и редко показываются на выставках, и вообще дело подвигается довольно туго. Некоторые авторитеты относятся довольно критически к реставрируемой породе и полагают, что она ведется неправильно. Они утверждают, что ирландские волкодавы не имеют ничего общего с догами и составляют совершенно отличную породу от шотландских борзых, что они не только в сороковых годах, но даже в начале нашего столетия были нечистокровными, что нынешние собаки почти вовсе не имеют крови прежних настоящих волкодавов, так что не могут служить для их реставрации. Такого мнения придерживается, например, Hickmann, а за ним Дальзиель. Действительно, нередко случается, что между ирландскими борзыми выраживаются или гладкошерстные собаки, почти совершенные доги, или же настоящие дирхоунды, так что породу ни в каком случае нельзя считать установившеюся.

Оба мнения — капитана Грегема и Гикмана — не лишены крайностей: доги действительно вовсе излишни для восстановления прежних собак, но близкое родство ирландских борзых с шотландскими не подлежит никакому сомнению и одним подбором и хорошею выкормкою производителей можно значительно увеличить рост — главное отличие между этими двумя породами. Впрочем, сам Грегем, по-видимому, стал сознавать свое увлечение скрещиванием с догами, которые только придали собакам массивность и грубость, так что они в значительной мере утратили борзоватость склада. В последнее время он стал подмешивать к своим ирландцам кровь русских борзых (именно лучшего кобеля в Англии — *Коротая*), которая, конечно, может исправить приобретенные от догов недостатки. Вместе с тем Грегем стал настаивать на необходимости устроить завод ирландских волкодавов на паях, наподобие существующих в Америке для легавых пород, так как только этот способ дает возможность платить огромные деньги за лучших производителей.

Последователь капитана Грегема майор Гарнье выражал уверенность, что разумным скрещиванием дирхоундов с русскими борзыми и немецкими догами можно будет вполне достигнуть типа старинных волкодавов. По его наблюдениям, породистость, т.е.

кровность, под которою следует подразумевать нервную систему, силу, энергию и характер, дает преимущественно мать, а не отец. Строение скелета, общий вид и окрас наследуются от отца; мускулатура — от матери. На качество псовины отец не имеет будто никакого влияния. Затем всякое скрещивание дает собак более рослых, чем родители. Надо полагать, что теория и выводы Гарнье верны, так как им были достигнуты наилучшие результаты. Показанный им в 1888 году молодой, еще не сформировавшийся кобель *Merlin* был ростом в 33 дюйма (19 вершков) и весил 150 англ. фунтов, т. е. почти 4 пуда. Это был лучший представитель новой породы, к сожалению скоро угасший, не оставив после себя потомства. Весьма странно, что такая выдающаяся по росту собака не обратила на себя внимания; это пренебережение только доказывает, что сами ирландцы мало интересуются своею знаменитою расой. Впрочем, оно оправдывается отчасти тем, что волкодавы не могут иметь никакого применения и сами по себе составляют анахронизм. Между тем южноафриканские боеры и североамериканские скваттеры[22] очень внимательно следят за возрождением породы, и между ними спрос на ирландских борзых увеличивается с каждым годом. Первые рассчитывают травить ими гиен, а со временем леопардов и львов, вторые — волков. Вероятно, ирландские борзые окажутся пригодными и в Австралии для охоты на кенгуру, как известно, очень сильного животного, с которым могут справиться немногие собаки. Для современных русских псовых охотников ирландские волкодавы имеют еще большее значение, чем для каких бы то ни было, но мы о них не имеем и понятия. Между тем наши прадеды очень ценили этих собак за их злобность и силу и, как мы увидим далее, они имели немалое влияние на развитие травли волков в прошлом столетии.

Весьма, однако, сомнительно, чтобы современные выставочные и комнатные собаки оказались пригодными для травли. Они уже в значительной мере утратили злобность, которая может быть приобретена следующими поколениями продолжительным натравливанием. Ирландские волкодавы нового типа вовсе не имеют свирепого вида: они очень смирны, ласковы и совершенно безопасны для детей, вообще далеко не так сварливы, как большинство других борзых. Замечено, что собаки, имеющие много примеси датского дога, хотя блудливы и наклонны к воровству съестного, но замечательно привязчивы, подвижны и ласковы. Более чистокровные ирландцы имеют флегматический характер, но все-таки легко уживаются с другими собаками, если только не будут выведены из терпения.

Приводим в сокращении описание признаков, выработанных клубом ирландского волкодава.

Общий вид почти такой же, как у дирхоунда, отнюдь не датского дога. Собака огромного роста и внушительного вида, очень сильного, но не тяжелого сложения, с длинной колодкой и легкими, свободными движениями; держит шею и голову высоко; хвост на конце слегка согнут.

Для кобелей наименьший рост 79 сантим. и наименьший вес 120 фунтов; для сук 71 сантиметр роста и 90 фунтов веса. Более легкие собаки бракуются. Собака может быть ростом в 89 и более сантиметров.

Голова длинная, с небольшим переломом. Череп не очень широкий; морда длинная и слегка заостренная. *Уши* маленькие, как у английских борзых.

Шея довольно длинная, очень сильная, красиво выгнутая и без подгрудка.

Грудь очень глубокая; грудная клетка широкая.

Спина скорее длинная, чем короткая, прямая и неправильная; бока выпуклые. Живот подобран (с подрывом).

Плечи мускулистые, свободные, косые; локотки свободные.

Ноги правильные, длинные и сильные, как у английских; передние совершенно прямые. *Бедра* (черные мяса) очень развитые; пазанки правильные и совершенно вертикальные.

Лапы средней ширины, круглые, не вывернутые (?) внутрь или наружу, с сводообразно согнутыми пальцами. Когти очень крепкие и кривые.

Хвост длинный, слегка согнутый на конце, не очень толстый и мясистый, хорошо одетый, но без подвеса.

Псовина жесткая и грубая на спине, ногах и голове; всего длиннее над глазами и на подбородке.

Окрас серый, рыжий, черный, белый, половый, чубаро-полосатый, вообще одинаковый с окрасом дирхоунда. Предпочитается серая масть различных оттенков.

Шотландские брудастые борзые

Шотландские борзые называются также по своему назначению дирхоундами — оленьими борзыми (deer-hounds), иногда жесткошерстными борзыми (rough grey-hounds), северными (northern-hounds) и быстрыми собаками (fleet-hounds). Многие зовут их неправильно оленегонными, причем часто смешивают с оленьими гончими (stag-hounds), крупными собаками, похожими на тяжелых и рослых фоксхоундов. Скрещивания с гончими, разумеется, производились неоднократно, но особой породы брудастых гончих в Англии выведено не было, брудастые же выдровые собаки

ничего общего с дирхоундами не имеют и совсем иного происхождения.

Но от смешения шотландских брудастых с гладкошерстными английскими произошла отдельная порода или разновидность так называемых шотландских жесткошерстных борзых, которые были довольно распространены в Шотландии и Англии еще в начале этого столетия, главным образом потому, что были менее чувствительны к холоду, чем хортые. Хотя эти борзые большею частью не имели усов и бороды, но все-таки псовина на голове была у них длинная и жесткая и вообще они более приближались к дирхоундам, только были меньше их ростом (до 66 см) и сложены слабее, но все-таки грубее английских и имели более сырые и широкие головы, а также плохие уши. В 50-х годах жесткошерстные хортые еще принимали участие на скачках и даже выходили на них победительницами. В настоящее время они встречаются крайне редко, преимущественно в Валлисе, где, кажется, и были выведены.

Выше мы уже говорили относительно общности происхождения шотландских и ирландских борзых и что шотландскую борзую надо считать выродившеюся старинною, более сильною брудастою собакой. При этом совершенно безразлично: привезены ли брудастые борзые в Шотландию норманнами или они проникли в Skotia-minor из Skotia-major, т. е. Ирландии, вместе с кельтами. Последнее вероятнее, так как кельты, несомненно, ранее заселили Шотландию, чем она стала подвергаться набегам норманнов; кроме того, между переселением и набегом большая разница. Почти все авторы согласны в том, что брудастая борзая, хотя и очень древняя, но все-таки не туземная порода и приведена на британские острова кельтами, выселившимися из Галлии.

Первые сведения о брудастых борзых, встречаемые в римских источниках, относятся исключительно к ирландским. Самое древнее указание на собственно шотландскую мы находим в летописи Голингсгеда, в которой упоминается о собаках времен короля скоттов Крантилинта (IV стол.) (?) и рассказывается, как пикты украли лучшую королевскую собаку и о последствиях этой кражи.

Затем, так же как об ирландских волкодавах, в течение средних веков о дирхоундах нигде (?) не говорится вплоть до XVI столетия, до выхода истории Шотландии Воесе (1526) и Питкота (1528?). Гикман, один из знатоков брудастых борзых, основываясь на последнем историческом свидетельстве, считает его доказательством самостоятельности дирхоундов как породы. Это мнение доказывает незнакомство его с более древними (римскими) источниками, но все-таки не так нелепо, как мнение другого автора, который высказывает оригинальную мысль, что дирхоунд был создан провидением и спокон века был предназначен для охоты на оленя.

В упомянутой истории Шотландии Питкота, вышедшей в 1600 году, действительно в первый раз встречается название deerhounds. Именно рассказывается, что в 1528 году король шотландский Иоанн (Безземельный) изъявил желание, чтобы шотландские нобльмены (дворяне), обладавшие хорошими охотничьими собаками, собрались охотиться с ним. Почти все дворяне подчинились королевской воле и привели своих дирхоундов. Во второй половине XVI столетия Геснер в своей «Естественной истории млекопитающих» дает рисунок трех различных шотландских собак, из которых одна в общем соответствует современной оленьей борзой. В одном из описаний охоты королевы Елизаветы в 1595 году говорится о собаках, завалivших 16 козлов, т. е., без сомнения, о шотландских борзых. Известно, что в конце же XVI столетия король Иаков VI Шотландский послал в подарок датскому королю Христиану IV десять крупных дирхоундов. Надо полагать, что запрещение вывоза брудастых борзых при Кромвеле (см. выше) относилось и к шотландским оленьим и что в XVII веке последние вывозились в Европу как ирландские, хотя к этому времени уже довольно резко отличались от последних ростом и внешностью.

Позднее, в XVIII столетии, порода дирхоундов, видимо, клонится к упадку и вырождению. Пеннант в своем «Путешествии по Шотландии» (1764 г.) сообщает, что он «видел в замке Гордон борзую настоящей шотландской породы, сделавшейся довольно редкою». В «Encyclopedia Britannica» также говорится о редкости шотландских горных борзых, а в «Sportsmans Cabinet» о них нет ни одного слова. Некоторый интерес к ним был возбужден романами Вальтера Скотта, в которых довольно часто упоминается о дирхоундах; но уже в 1838 году Scrope в своей «Охоте на оленей скрадом» писал; что в его время для охоты на оленей большею частью употреблялись вымески фоксхоундов с английскими борзыми, а настоящие оленьи борзые были редкостью. Восемь лет спустя Сен Джон, автор книги «Охоты в Шотландии», с отрывками из которой познакомил русских охотников Георг Мин в издававшемся им «Журнале охоты», говорил, что шотландские борзые, ранее почти исчезнувшие, сделались благодаря стараниям некоторых охотников многочисленнее, но все-таки были настолько редки, что хорошую собаку нельзя было приобрести дешевле 50 гиней. С. Джон умалчивает о скрещивании дирхоундов с фоксхоундами и блоудхоундами, о котором говорит Scrope. А так как в настоящее время дирхоунды с окрасом фоксхоунда или черные с подпалинами, подобно блоудхоунду, не встречаются, то Rawdon Lee выводит отсюда заключение, что шотландские борзые сохранились в совершенной чистоте.

Это заключение, однако, не совсем верно. Действительно, тип

дирхоундов в общем не изменился, но, несомненно, они подвергались частым скрещиваниям как в начале текущего столетия, так и 20—30 лет назад. Веро Шо подтверждает, что лорд Breadalbane действительно мешал шотландских борзых с блоудхоундами, а около ста лет назад их скрещивали также с пиринейскими горными собаками. Эти скрещивания, разумеется, имели мало смысла и были оставлены. Позднее, в 60-х годах (?), М'Нейль, впоследствии лорд Колонсай, известный заводчик дирхоундов, мешал их с русскими борзыми, искал производителей для поддержания породы даже в Албании и достал с этою целью, по свидетельству Веро Шо, каких-то македонских, очень крупных, однако гладкошерстных собак. Тем не менее в конце концов лорд Колонсай пришел к тому заключению, что порода шотландских борзых может быть улучшаема только в самой себе, тщательным подбором.

Такого мнения придерживаются и все современные любители дирхоундов, и немногие из них допускают подмесь русской псовой, которая действительно может значительно улучшить стати шотландских борзых и даже прибавить им росту. Только они совершенно правы, говоря, что необходимо браковать мешаных собак белой масти и собак с мягкой, шелковистой псовиной, т. е. не пускать их в производители. Мягкая, хотя бы курчавая, шерсть вовсе не свойственна шотландским брудастым борзым, и если такие мохнатые нежесткошерстные собаки и встречаются, то крайне редко, в виде случайных выродков. Вот почему очень странно, что Мачеварианов в своих «Записках псового охотника Симбирской губернии» отличает каких-то «бурдастых англійских королевских», которые отличались, по его словам, от «бурдастых шотландских» длинною шелковистою псовиной, вниз висящею, как у ангорских коз, волосяными густыми бровями, загнутыми вниз крючком, густыми усами и бородою, как у козла. Ни у одного из английских авторов мы не встречаем даже намека на существование таких странных по виду собак.

В настоящее время шотландские борзые не составляют более редкости и их можно найти почти в каждом замке, правда в небольшом количестве. Настоящих заводов, как прежде, имевших по 20—60 собак, уже не имеется. Современные дирхоунды значительно улучшились — сделались рослее и красивее прежних, лет 50—100 назад, и этим усовершенствованием они обязаны стараниям любителей в последнее двадцатипятилетие. Разведением шотландских брудастых занимаются даже многие англичане, так как они ценятся дорого и на них всегда бывает спрос, но уже в качестве комнатных собак, вообще chiens de luxe, а не охотничьих.

Как охотничья собака дирхоунд давно потерял прежнее значение с усовершенствованием нарезного оружия — штуцеров и кара-

бинов, а еще того более с чрезмерным раздроблением лесных участков и прав на охоту. Прежде крупные собственники и начальники (старшины) кланов нераздельно пользовались охотою в горах и нагорных лесных зарослях. Теперь все владельческие и общинные участки сдаются частями по дорогой цене и травля оленей дирхоундами сделалась крайне затруднительною и неудобною, главным образом потому, что форсированное преследование борзых пугает зверей и заставляет их перекочевывать в чужие дачи. В некоторых местностях охота с дирхоундами даже вовсе запрещена. Weston Bell говорил (в 1892 г.), что оленьих борзых держат только в 7 участках из 48 и что для выслеживания раненого оленя употребляются большею частью дрессированные колли, которые осторожнее и не тревожат зря раненого зверя. Во всяком случае, роль дирхоундов значительно сузилась, так как они не преследуют свежего оленя, а только догоняют и останавливают раненого.

Между тем настоящая охота с дирхоундами прежде заключалась именно в травле здорового зверя, исключительно самцов. Из описаний С. Джона и других авторов мы видим, что охотники (пешие) с собаками обыкновенно становились в засаду на тропе или же оленя выгоняли на них. Иногда охота производилась скрадом, то есть, заметив стадо, подходили к нему, прячась за кусты и скалы, даже подпалзывали, к чему были приучаемы и собаки; приблизившись на достаточное расстояние, охотник сбрасывал собак со своры. В исключительных случаях дирхоунды сами отыскивали оленя чутьем, но обыкновенно они выслеживали раненого. На свору брались всегда две собаки, так как одной было очень трудно справиться с оленем. Хотя некоторые и могли, как свидетельствует лорд Танкервиль, опрокинуть в одиночку оленя-рогача, но подвергались большому риску быть убитыми или ранеными. Вообще чем породистее дирхоунд, тем настойчивее его преследование, но так как чересчур злобные борзые часто делаются жертвою своей храбрости, то, по словам Танкервиля, ценятся более осторожные собаки, которые сначала заганивают оленя и берут его уже измученного.

Из сказанного видно, что от дирхоундов не требуется особенной быстроты — пруткости; это тем более понятно, что они скачут не в след зверя, а с боков, один справа, другой слева, как бы мастерят. А так как травля производится в сравнительно открытой местности и чаще в гору, то борзые получают преимущества над преследуемым оленем. Самая поскачка показывает, что собаки не употребляют больших усилий: они никогда не скачут полным махом, если этого не требуется, и во время скачки держат голову высоко, а не растягиваются подобно английским борзым, так что со стороны кажется, что собака постоянно оглядывается. Следует заме-

тить и то, что гористая и неровная местность не может благоприятствовать быстрой скачке. Хорошие опытные собаки всегда стараются отбить от стада одного оленя-рогача и уже не отстают от него. Скачка продолжается довольно долго — несколько минут; иногда олень останавливается, только пробежав километров 15. Знатоки говорят, что если через 3—4 минуты собаки не добрались до зверя, то часто отказываются от дальнейшего преследования. Ловят (или гонят) дирхоунды, конечно, молчком, но если олень остановится и примет оборонительное положение, так что трудно к нему подступиться, то дают знать о себе отрывистым лаем.

Обыкновенно олень через некоторое время останавливается и пробует защищаться, для чего или забирается в воду — ручей или озеро, или, прижавшись к скале, угрожает рогами, причем, случается, и убивает ими неопытных и слишком смелых собак. Дирхоунды не любят воды, плохо плавают, и им трудно взять его в воде; в последнем же случае они ограничиваются лаем и выжиданием приближения охотника, который в этом случае иногда стреляет в остановившегося оленя. Осторожные собаки берут оленя только на бегу, причем хватка у них бывает различная: одни берут за горло, другие за плечо или за переднюю ногу, третьи за заднюю ногу, причем стараются перекусить сухожилие и свалить оленя на бок. Сильная собака может одна с маху (броском?), как мы видели, опрокинуть рогача. Подоспевший охотник или прикалывает растянутого зверя по-старинному — большим охотничьим ножом, или чаще пристреливает его почти в упор.

За исключением быстроты, выносливости, храбрости и острого зрения, дирхоунды, по-видимому, не обладают другими достоинствами. Чутьё у них, за редкими исключениями, очень плохое, так что не всякая собака может выследить раненого оленя. Большинство ловят только на глаз и, потеряв зверя из виду, нередко бестолково мечутся направо, налево и часто начинают преследовать свежего оленя, если таковой подвернется. Вот почему многие охотники предпочитают теперь прямо стрелять оленей из-под гона вымесков дирхоундов с фоксхоундами, которые никогда не стеривают след и не угонивают оленя так далеко. Гораций Росс вообще очень плохого мнения об их умственных способностях и сноровке. Вообще это кроткие, привязчивые и верные собаки; чужих людей они обыкновенно не трогают, так что их можно держать на свободе. Они не драчливы, но под старость становятся очень сварливыми. Гикман рассказывает, как один знаменитый представитель породы (именно *Gruomach*) был в старости загрызен и съеден товарищами по псарне. Хотя, по объяснениям псаря, эта расправа была вызвана тем, что старик очень обижал молодежь, но, во всяком случае, она не рекомендует характер собак. Как и всякая борзая,

дирхоунды имеют привычку бросаться за всем бегущим, и от этой привычки их необходимо во избежание неприятностей отучать — иначе они сделаются большими скотинниками.

С первого своего появления на выставках, т. е. с конца 50-х и начала 60-х годов, дирхоунды сразу заняли на них выдающееся положение по количеству, качеству и однотипности. Выставки много содействовали популярности и распространению породы. Наилучший подбор шотландских борзых бывает на Бирмингемской выставке. Замечательно, что в последние годы хороших сук встречается гораздо более, чем выдающихся кобелей, между тем как обыкновенно во всех почти породах наблюдается обратное явление. Кроме того, суки дирхоундов всегда бывают гораздо мельче кобелей, и разница в росте тем значительнее, чем собаки чистокровнее.

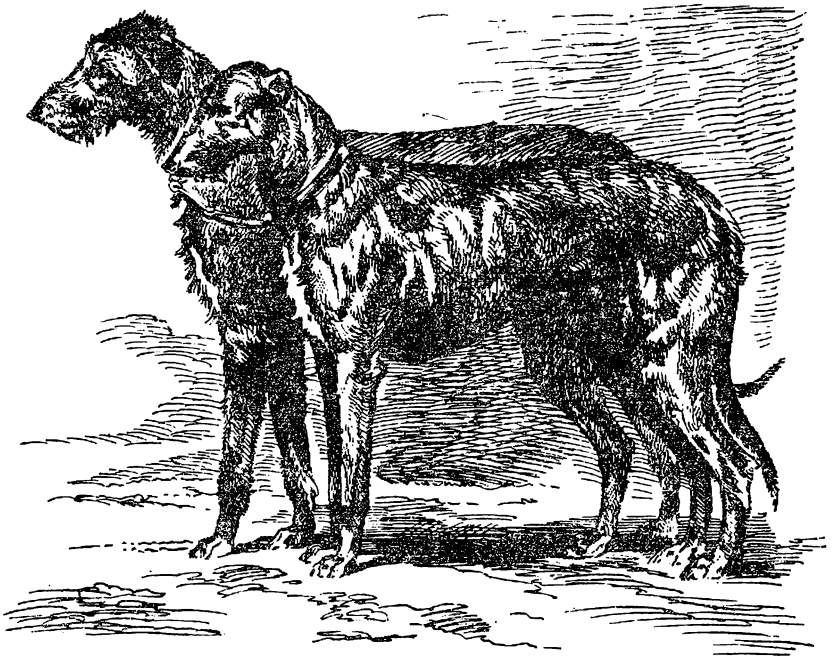
Надо полагать, что нескладность и большой сравнительно рост кобелей зависят от погони за рослыми и массивными производителями, причем на недостатки сложения почти не обращается внимания. Гикман совершенно справедливо замечает, что предпочтение, даваемое росту, имело следствием очень грубые головы, толстые, висячие, густо одетые уши, даже с бахромой, слабый склад и грубость членов. «Теперь, — говорит он, — в судьях нет никакой надобности: нужны только весы и линейка в 3 фута длины». По его мнению, большие и массивные собаки мало пригодны для охоты и рост более 76 см совершенно излишен, даже вреден; достаточно, если собака имеет от 66 до 71 см. Недавно (в 1892 г.) основанный клуб любителей дирхоундов, кажется, решил приостановить эту погоню за ростом, еще понятную для ирландского волкодава. Кроме того, следует заметить, что крайне безрассудно пускать в производители огромных нескладных кобелей, так как они могут только ухудшить породу. Многочисленные примеры показывают, что и мелкие кобели, если только они принадлежали к рослой породе (семье), большею частью дают крупных собак. Это наблюдение не мешало бы помнить всем любителям великанов. Замечено также, что при освежении крови новыми производителями рост сук увеличивается в гораздо большей степени, чем рост кобелей. Собаки этой породы не принадлежат к числу плодовитых и долговечных: щенки выращиваются с большим трудом, при недостаточном движении делаются кривоногими и многие погибают от чумы. Вероятно, эта слабость породы происходит от чрезмерной кровности, т. е. от частых кровосмешений. Молодые собаки имеют короткую, сравнительно мягкую псовину.

По мнению Дальзиеля, современные дирхоунды имеют чересчур короткую колодку, слишком тяжелую и простоватую голову, тяжелые уши и недостаточно жесткую шерсть. Эти недостатки

произошли от погони за ростом, который, по Дальзиелю, не должен бы превышать 76 сантиметров при 81—86 с. окружности груди и 61 с. окружности живота. В настоящее время некоторые шотландские борзые достигают огромного роста — 85 сантим. и 105 фунтов веса. Суки редко бывают тяжелее 85 ф. Описание породы заимствуем у того же Дальзиеля.

Голова. Наибольшая ширина ее между ушами, затем она постепенно суживается к носу; щипец в общем такой же, как у английской борзой; толстая тяжелая морда — признак помеси. Вообще голова должна быть длинная, слегка выпуклая под глазами, но без

Рис. 3. Шотландская брудастая борзая дирхоунд («Охотничья газета», 1891, № 3)

большой прилобистости, придающей голове тяжелый вид. Череп скорее может быть назван плоским, чем выпуклым; он покрыт довольно длинною шерстью, но более шелковистою, чем на теле. Усы шелковистые, ясно выраженные, борода большая. Собаки с жесткою шерстью на голове не ценятся.

Глаза темные, обыкновенно темно-карие или ореховые; светлые глаза не уважаются, но иногда при голубом окрасе бывают совершенно голубые глаза. Веки должны быть черные. В спокойном состоянии глаза имеют кроткое выражение, но как только собака возбуждена, взгляд ее становится внимательным, как бы

пронзительным, принимая особое выражение, свойственное этой породе.

Уши высоко посаженные и в спокойном состоянии загнутые назад и прижатые к голове, как у английской борзой; когда же собака возбуждена, они слегка приподнимаются, сохраняя свой сгиб. Породистость узнается по ушам. Ухо должно быть тонко и мягко на ощупь, как мышиная шкурка; чем оно меньше, тем лучше. Шерсть на нем короткая, но на конце допускается небольшая бахрома из удлиненных шелковых волос. Какого бы окраса собака ни была, уши должны быть черные или по крайней мере темные.

Нос черный, иногда голубой, смотря по окрасу, но у светлых собак большею частию черный; он заострен и слегка выпукл.

Шея сильная, короче, чем у английской борзой, так как дирхоунду не надо нагибать шею для схватывания добычи. У соединения с затылком шея имеет выгиб. Горло резко отделяется от головы и покрыто густою, длинною и жесткою псовиной.

Грудь развита более в глубину, чем в ширину, однако же очень узка. *Ребра* спущены ниже, чем у английских. *Спина* с верхом, так как прямая степь неудобна при скачке в гору. Зад поэтому должен быть очень сильно развит, с широким тазом и мускулист.

Ноги широкие, скорее плоские, чем круглые (костью). Плечи и сильные и широкие. Передние ноги прямые (в струне). Задние ноги хорошо выгнутые. У очень широкозадых собак сальце (соответствующее колену у человека) слегка повернуто наружу, почему пазанки имеют наклонность к сближению. Такой склад очень ценится знатоками, так как позволяет легче выбрасывать вперед задние ноги. Некоторые невежды называют такие сближенные задние ноги коровьими, но это неверно, так как коровьими ноги называются, когда пазанки сближены в верхней части (в сгибе), а лапы выворочены наружу. Пазанки должны быть широкие и плоские, с правильным сочленением. *Лапы* сжатые и в комке с дугообразно изогнутыми пальцами. Авторитеты говорят, что лапа должна как можно более походить на кошачью (?). Распущенные (раздвинутые) и вытянутые пальцы считаются крупным недостатком.

Хвост длинный, тонкий и гибкий, посажен очень низко, согнут, как у английской борзой. Вытянутый хвост должен касаться земли. Вполне одетая собака может иметь незначительный, едва заметный подвес. Длинный подвес указывает на помесь с колли, русской борзой и др. Завитки на хвосте считаются еще большим пороком.

Псовина. Относительно псовины требования довольно сбивчивы. Дальзиель находит чрезмерным пристрастие к очень жесткой шерсти и справедливо замечает, что твердость волоса зависит от его длины, т. е. чем он будет короче, тем будет казаться щетини-

стее, а тот же выросший волос становится более мягким. То же замечание относится к усам и бороде. Вообще псовина должна быть довольно жестка и груба на спине, шее и боках, но сравнительно мягка на голове и на груди. Такова же уборная псовина на передних и задних ногах (до пазанков), однако не очень длинна, мягка и шерстиста, а больше шелковиста. Некоторые собаки очень хорошего происхождения имеют на теле как жесткий так и шелковистый волос, но если преобладает жесткий, то это не считается недостатком. Всего предпочтительнее густая, грубая, плотная и жесткая псовина, торчащая на спине. Шерсть на черепе не должна быть совершенно гладкою (прилизанною), хотя это замечается у собак лучших кровей. Вообще следует заметить, что псовина темных окрасов бывает мягче, чем светлых, особенно полóвого. По Веро Шо, длина псовины от $7^1/_2$ до 10 сантиметров.

Окрас темно-серый с голубым оттенком, как у скай-терьера, считается наилучшим. Затем следует темно-серый и светло-серый. Наименее ценится половый или светло-рыжий. Вообще светлые собаки избегаются, и совершенно напрасно. По мнению Дальзиеля, всего красивее и типичнее желтые собаки с черною мордой и ушами; темно-серая масть вовсе не благоприятствует охоте на оленя из засады, и знатоки полагают, что светлый и рыжий окрасы в этом отношении удобнее. Уши должны быть всегда черные; у светлых собак предпочтительнее темный щипец. Белый окрас нетипичен для дирхоунда и не уважается, так как большинство белых дирхоундов происходит от пиринейских собак, почти сплошь белых. Белые отметины не допускаются, кроме небольшой на груди и на лапах. У темных собак грудь большею частию серая, т. е. более светлая. Редко, впрочем, можно встретить дирхоунда совсем без белых волóс, которые, впрочем, незаметны в общей массе. Белая проточина на голове, большой ошейник и белые ноги считаются большими пороками.

Курляндские брудастые борзые (курляндские клоки)

Курляндских брудастых борзых надо считать прямыми потомками борзых, приведенных каким-то (?) народом арийского происхождения, поселившимся на берегах Балтийского моря за много столетий до начала христианской эры. Что брудастые борзые были главною охотничьею собакою норманнов — это не подлежит никакому сомнению, и хотя указания на брудастых борзых у кельтов мы встречаем ранее, чем исторические сведения о набегах норманнов, но нельзя не обратить внимание на то, что распространение брудастых борзых в Западной Европе почти совпадает с обла-

стью владычества этого беспокойного народа. О больших быстрых собаках, сопутствовавших морским разбойникам, грабившим берега Шотландии, упоминается в балладах Оссиана. В скандинавских сагах, вероятно, найдутся какие-либо подробности о страшных собаках, помогавших норманнам в их набегах. Бекман говорит, что норманнские викинги держали, кроме стай гончих (?), сотни борзых и травильных собак, называвшихся *grehounds,* с которыми добывали кабанов и оленей. Самое название grehound, тождественное с английским grelhound, показывает, во-первых, что эти собаки были борзые, а во-вторых, что последнее название и сами собаки были скандинавского происхождения. С этими норманнскими grehound'ами добывалось в обширных лесах Скандинавии такое количество зверей, что мясо солили и употребляли для провианта кораблей.

Этим пока ограничиваются наши сведения о норманнской борзой, и в средние века о ней, сколько известно, не упоминается ни в одном охотничьем сочинении, хотя, быть может, кое-что и будет разыскано в статьях, хрониках и летописях. В современных шведских книгах об охоте и собаках Скандинавского полуострова о брудастых борзых, кажется, вовсе не говорится. Косвенное указание на балтийских борзых можно видеть лишь в словах одного из французских авторов, что в средние века борзые доставлялись из Англии и Северной Европы, т. е. из Скандинавии или Северной Германии. Как мы видели выше, о брудастых борзых в Англии также не упоминалось в течение многих столетий до XVI века, как будто их вовсе не существовало.

Не так давно найденные близ Балтийского побережья в России ископаемые остатки крупных собак борзовидного склада, резко отличавшихся от собак первобытных обитателей Европы времен каменного века, несомненно принадлежали брудастым борзым, приведенным арийцами в очень давние времена, в эпоху так называемого бронзового и железного веков. Отсюда эти собаки через Данию распространились на Скандинавский полуостров. Берега моря были в те времена наиболее населены, да и самая ровная и низменная местность Дании, Северной Германии и нынешних прибалтийских губерний представляла более удобств для охоты с быстрыми собаками. Но в древний и средневековый периоды германцы, славяне и литовцы охотились исключительно на крупных зверей — зубров, лосей, медведей и кабанов, для которых требовались не столько резвые, сколько сильные собаки. Поэтому брудастые борзые по необходимости должны были здесь часто смешиваться с крупными травильными собаками-мордашами, иногда в такой степени, что утрачивали свой брудастый тип. Германские народы никогда не отличались любовью к скачке и охоте с борзы-

ми, а потому и вели среднюю породу — догов, более резвых, чем мордаши, но с более складными челюстями, чем у борзых хортых и брудастых.

Таким образом, весьма возможно, что к концу средних веков брудастые борзые почти совсем перевелись как в Северной Германии, так и в Дании со Скандинавией, будучи вытеснены датскими догами. По крайней мере, о первых мы не встречаем никаких известий до XVII столетия. К этому времени крупные звери в Северо-Германской низменности были уже почти уничтожены и их заменили волки, размножению которых способствовали почти непрерывные войны. Но травильные собаки оказались малопригодными для волков, так как они могли догонять лишь молодых волков. Британцы именно потому сохранили и усовершенствовали своих борзых, как хортых, так и брудастых, что у них в средние века уже не было других крупных зверей, кроме волка и оленя, требовавших быстроты.

Поэтому неудивительно, что именно с этого времени брудастые борзые снова выступают на сцену и спрос на них значительно увеличивается. А так как лучшие собаки для охоты на волков сохранились в Ирландии, то оттуда главным образом и вывозились производители для восстановления и улучшения исчезавшей породы балтийских брудастых. Надо полагать, вывоз ирландских волкодавов был весьма значителен, если он вызвал упомянутый акт Кромвеля. Мы знаем, что в конце XVI столетия король датский Христиан IV получил в подарок от шотландского короля Иакова VI 10 шотландсих борзых. Август Сильный, курфюрст саксонский и король польский, также получал ирландских брудастых, а затем, уже из русских источников, нам известно, что брудастые борзые неоднократно получались из Англии курляндскими дворянами.

Что Курляндия, вообще страна ливонских рыцарей, была коренным местонахождением брудастых борзых, доказывается тем, что у немецких писателей 17-го и 18-го столетий большие жесткошерстные борзые с бородой и усами всегда назывались курляндскими. Гидингер, немецкий художник прошлого столетия, дает изображение такой собаки под названием «немецкая, или коротко-жесткошерстная обыкновенная борзая». Находясь в постоянных сношениях с русскими, особенно со времен Петра Великого, курляндские бароны несомненно заимствовали у русских дворян и самый способ травли с борзыми при содействии гончих и получали из России псовых собак взамен своих брудастых.

Мы знаем, что 150—200 лет назад здесь было две или даже три самостоятельные породы борзых: брудастые с короткою щетинистою шерстью, сходные с ирландскими и шотландскими, от кото-

рых, вероятно, и происходили так называемые космачи, или курляндские клоки, отличавшиеся более длинною и косматою всклокоченною псовиной, и которых можно считать вследствие условий климата коренной балтийской породой. От этих клоков и русских псовых произошла новая порода, составляющая как бы переходную форму от брудастой к псовой борзой — именно так называемые курляндские псовые, уже без бороды и усов, но с длинною и курчавою псовиной. А потому относящиеся к псовым, «у оных, — говорит В. Левшин в своей «Книге для охотников», — голова, уши, ноги до колена и хвост (?) были как бы выбриты, прочее же тело покрыто густою шерстью».

Более близкое знакомство русских охотников с курляндскими борзыми начинается с Петра II, но особенно во времена бироновщины[23]. Из писем Артемия Волынского к князю (?) Салтыкову в 1734 г. мы видим, что в правление герцога-временщика псовые охотники сильно увлекались брудастыми борзыми, без сомнения, курляндскими. Во всех письмах Волынского говорится преимущественно о брудастых или хортых, между тем как на псовую борзую только намекается в письме Наумова к Салтыкову. Волынский в своих письмах несколько раз говорит о черных и чубаро-пегих брудастых, о брудастой суке *Татарке* (?) и справляется об их резвости, не упоминая, однако, о злобности.

Что русские охотники конца прошлого столетия очень ценили злобность брудастых борзых и получали этих собак из Курляндии, видно из рассказа Меленона Вагунина (псевдоним), помещенного в «Журнале коннозаводства и охоты» за 1842 г. (февраль). Автор передает со слов княгини Ф. Ф. Барятинской почти беспримерный случай приемки огромного матерого волка из-под одной борзой, происшедший в 1785 году. Князь Гавриил Феодорович Барятинский, как оказывается, постоянно посылал своего ловчего в Курляндию (за борзыми) и Кострому (за гончими). Ловчий привозил из Курляндии немало собак, потому «что тамошние собаки больно грузны и против наших ничего не стоят». В 1779 году он привез оттуда *Рид-Кана,* выписанного из Ирландии курляндским помещиком Блюмом и присланного последним в подарок князю. Это была собака необыкновенной величины, силы, резвости и красоты. *Рид-Кап,* известный всем современным охотникам, прожил, однако, не более 2 лет, убившись за лисицею. Дети его (от псовой суки) вышли еще лучше отца. Один из них был знаменитый волкодав *Зверь,* которым был затравлен в одиночку огромный волк, правда только на 4-й версте, что говорит о силе собаки, но не рекомендует ее пруткость. Об этом подвиге узнали в Петербурге (Зубов) и настаивали на присылке *Зверя.* Однако были посланы двое детей *Зверя*; «один был очень похож на отца — такой же большой, глаза

навыкате, щипец сухой, ребра длинные, такой же серый и также окликан *Зверем*».

В прибалтийской исторической охотничьей литературе мы не могли разыскать никаких указаний на борзых в Курляндии, хотя сведения о них со временем будут разысканы в частных письмах, подобных упомянутым письмам Волынского, и, быть может, в рукописных мемуарах. По справкам, брудастых борзых в Остзейском крае теперь нет, во всяком случае, они составляют там большую редкость, чему причиною надо считать большой налог на борзых (в 15 р.), как в Царстве Польском. Известно, что в Германии (Пруссии) курляндские борзые встречались еще в начале этого столетия. У русских псовых охотников, как, вероятно, у остзейских баронов, брудастые борзые были нередки до начала 60-х годов, но есть основания думать, что брудастые борзые в центральных губерниях были большею частию шотландского происхождения. Старинные псовые охотники держали брудастых борзых на своих псарнях вместе с псовыми борзыми специально для травли волков и нередко с целью увеличения злобности скрещивали обе породы, придерживаясь типа псовых. Известнейшие своею злобностью псовые фамильных пород несомненно имеют подмесь крови брудастых.

На московских и петербургских выставках брудастые борзые показывались очень редко, а последние годы о них уже вовсе не слышно. На 1-й очередной московской выставке были очень типичные дирхоунды Рошфора, выписанные из Англии; затем в 1878 г. в Петербурге выставлялись охотою его императорского высочества великого князя Николая Николаевича очень рослые (до 17 в.) серые брудастые породы Запольского в Харьковской губернии. Позднее показывали брудастых Г. А. Чертков (шотландских); кажется, М. С. Сухотин, Мухин (*Грубиян,* на XIV очер. выставке). При замечательной злобности брудастых и модном увлечении нынешних псовых охотников волчьею травлею надо удивляться пренебрежению их к этой породе и тому, что они вовсе не интересуются реставрируемою породой ирландских волкодавов, пользовавшихся такою славою у наших дедов и прадедов.

Очень хорошее описание брудастых борзых, судя по всему именно курляндских, а не шотландских, находится в книге Губина, откуда и заимствуется.

Брудастые борзые представляют тип собак средней величины и отличаются от других пород борзых собак необыкновенно жесткою псовиной, длинными жесткими бровями, такими же усами и некоторыми отличительными признаками своих частей.

Рост брудастых борзых приблизительно средний, но преимущественно кобели бывают около 16, а сука около 15 вершков.

По виду брудастые борзые скорее прямостепы, но при этом должны быть непременно с легкою напружиной как у кобеля, так и суки.

Голова средней величины, с прилобью или круглолоба; щипец средней величины; лоб скорее широкий и выпуклый. *Глаза* обыкновенные, с нависшими над ними жесткими бровями.

Уши продолговатые и очень маленькие, постоянно находятся в откладе; зарез ушей правильный, но только концы ушей не могут соприкасаться между собою, как у борзых псовой породы. В возбужденном же состоянии брудастые борзые приподнимают уши, как и все чистокровные борзые с ушами в откладе, и только никогда не бывают с ушами конем и в чепце.

Шея средней длины, пропорциональна росту собаки, и хотя скорее коротка, чем длинна, но тем не менее правильна.

Грудь широкая, выпуклая; соколок груди заметно выдается из-за плеч вперед и не образует глубоких западин.

Плечи полные, мускулистые. Движения в локотках свободные.

Ребра очень бочковатые, но не низкие, во всяком случае, не выше локотков.

Подхват тонкий, но не особенно высокий. *Черные мяса* полные, хорошие.

Ноги прочные, сухие и костистые; пазанки средней величины, скорее низки, чем высоки. *Лапа* небольшая, с плотно прижатыми костистыми пальцами, хотя и продолговатая, но тем не менее круглее, чем лапы борзых других пород. Постанов ног правильный, и задние ноги скорее прямые, чем лучковатые.

Правило брудастой борзой должно быть вокорот, то есть короче правила чисто псовой борзой, так что при измерении его известным способом оно не должно доставать до первого маклока на полпальца или на одну четверть вершка; притом прочное в основании и к концу тонкое, оно должно быть всегда в себе свободно. В рыску брудастые борзые всегда несут правило высоко приподнятым в чистом серпе или в полукольце.

Псовина брудастой борзой составляет исключительный признак ее породы и должна быть скорее длинной, чем короткой, вследствие чего псовина у брудастых борзых достигает нередко полуторавершковой длины, но притом она клокаста и жестка, как у тюленя. Только ноги с передней стороны и лапы бывают покрыты жесткою, короткою псовиной, все же остальные части собаки должны быть покрыты одинаково длинною клокастою и жесткою псовиной, не исключая даже головы, которая еще вдобавок украшается густыми, жесткими и длинными волосяными бровями и усами; одни только уши должны быть покрыты сравнительно мягкою и очень короткою, наподобие мышиной шерсти,

псовиной. Правило брудастой борзой привеси не имеет, а кругом должно быть покрыто одинаковою жесткою псовиной равномерной (?) длины с псовиной обыкновенной (!) и только к концу заострено. Вообще брудастые борзые уборной псовины, отчесов и привеси не имеют.

Настоящий *окрас* брудастых борзых: красный, половый, грязно-половый с мазуриной, красный с мазуриной, черный и черный в подпалинах (!).

Линька у брудастых борзых начинается с первых чисел мая и оканчивается к августу месяцу совершенно; характер очень скоросый (сварливый), но вместе с тем бывают вежливы и послушны. Рыск веселый и всегда на рысях. Резвость брудастых борзых средняя как на коротке, так и в полях; по при этом бр. б. очень азартны, поимисты и злобны.

Сравнивая это описание русской брудастой с описанием дирхоунда, можно видеть, что между ними есть многие, хотя и несущественные, отличия. Так, например, у первых голова грубее и одета более жесткою и длинною псовиной; уши более прижаты к шее; грудь шире, ребра выпуклее, спина прямее; задние ноги короче; хвост короче; псовина хотя не длиннее, но неровная — клочками и взъерошенная. Окрас шотландских борзых преимущественно серый в различных оттенках; черная же масть, тем более черная с подпалинами, им вовсе не свойственна, да и у русских брудастых подпалины должны означать примесь гончих.

Балканские брудастые борзые

Из прикавказских, вообще азиатских, стран брудастые борзые могли проникнуть в Европу двумя путями: через Кавказ и южные русские степи по Днепру и Западной Двине к берегам Балтийского моря или через Малую Азию и Геллеспонт на Балканский полуостров. Более вероятия, что первым путем эти собаки приведены были ранее, чем вторым. Это можно заключить из того, что Ксенофонт еще вовсе не упоминает о каких-либо брудастых охотничьих собаках, да и вообще собаки этого типа должны иметь более позднее происхождение, вернее, сделались известны древнему миру позднее хортых борзых и догообразных собак, так как изображений брудастых не встречается на египетских, на ассирийских и даже древнегреческих памятниках. Громадные псы царя Албании (Эпира?), присланные Александру Македонскому для травли львов и слонов, вряд ли принадлежали к брудастым и, вероятно, происходили от тех гигантских ассирийских догов, которые действительно употреблялись для охоты на львов и не уступали последним ростом и сложением. Этих самых собак имел в виду

Плиний, говоря в своей «Натуральной истории» (I столет.), что самые сильные собаки, гораздо более рослые, чем молоссы, имеющие склад борзой и употреблявшиеся для травли львов и слонов, происходили из Эпира. Здесь уже видно, что мы имеем дело с борзыми, но были ли это брудастые собаки — решить трудно, и, как мы уже говорили, ввиду сенсации, произведенной в римском цирке страшными брудастыми, присланными из Скоттии Флавиану Симнаху (в IV веке), вернее предположить, что собаки Эпира не имели характеристических признаков брудастых.

С другой стороны, из слов хроники Голингсгеда, относящейся к III столетию, что борзые времен короля скоттов Крантилинта происходили *не из Греции,* а были туземные, можно вывести логическое заключение о том, что собаки подобные шотландским встречались и в Греции, вообще на Балканском полуострове. Весьма странно также, что название Албании, оставшееся теперь только за древним Эпиром, давалось прежде Дагестану, Шотландии, именно странам, обладающим брудастыми борзыми.

О том, что в современной Албании встречаются брудастые борзые, видно из того, что М'Нейль искал для освежения крови своих дирхоундов брудастых собак в Албании. О нахождении их в почти смежных Боснии и Герцеговине мы знаем из статьи А. Чайковского, который говорит, что этих борзых держат очень многие боснийские беги, т. е. дворяне-помещики из потурчившихся сербов. Эти собаки, как борзые, так и гончие, по словам названного автора, очень крупны, с жесткою псовиной; борзые похожи на крупных шотландских и бывают злы и раздражительны, и босняки употребляют их для внушения страха райям-христианам. Каждый боснийский бек выходит из дому всегда в сопровождении борзых. Теперь, когда многие магометане выселились в Турцию и отношения их к населению резко изменились, эти борзые, без сомнения, даже сделались очень редкими. В Болгарии и Сербии брудастых борзых, кажется, нет, но в Македонии встречаются какие-то огромные гладкошерстные собаки, которых привозил М'Нейль в Шотландию для скрещивания с дирхоундами. Всего вероятнее, что эти македонские собаки составляют помесь молоссов с борзыми, быть может брудастыми, и принадлежат к прямым потомкам древних албанских собак времен Александра Македонского и Плиния.

Азиатские брудастые борзые

Об азиатских брудастых можно прибавить к сказанному выше очень немного. О породах и разновидностях их имеются самые смутные понятия. Например, мы не знаем, все ли овчарки кавказских татар[24] сходны с нашей южнорусской, т. е. длинношерстной и

приземистой, или же они в большинстве имеют жесткую псовину и борзоватый склад. Известно только, что они очень рослы и злобны и не раз нападали на охотников, подвергая их жизнь опасности. Такие овчарки встречаются в Дагестане и в других (?) местностях Закавказья, но ни один из кавказских охотников не потрудился описать наружность этих собак. Вообще кавказские охотники не обращали ни малейшего внимания на породы туземных собак, хотя бы одних охотничьих.

Между тем несомненно, что в одном Закавказье встречается несколько различных пород вислоухих борзых; породы же собак пастушьих, вообще сторожевых, дворных должны быть здесь крайне разнообразны. Необходимо иметь в виду, что почти все азиатские народы шли в Европу через Кавказ и что крайне пестрое население последнего состоит главным образом из потомков отсталых племен, увлеченных в общем движении, которые почему-либо предпочли осесть на месте. Почти каждая из этих народностей приводила и своих собак, типы которых при топографии местности и замкнутой жизни многих племен должны сохраниться и по настоящее время и во многих случаях могли бы послужить к разъяснению некоторых этнографических вопросов. Вообще по домашним животным и собакам в особенности нередко можно, так сказать, наглядно судить о происхождении народа и его родстве с другими, не прибегая к мало кому доступному сравнительному изучению языков.

Несмотря на такую важность изучения кавказских собак, до сих пор мы встречаемся только с голословными указаниями на необыкновенное разнообразие пород собак на Кавказе; мы знаем, что там кроме многих пород борзых существуют собаки со стоячими ушами вроде наших лаек, что там есть и брудастые, даже горные, близкие к тибетским догам. И из нескольких тысяч образованных кавказских охотников не нашлось ни одного, который бы дал подробное описание виденных им пород и собрал бы сведения о распространении и назначении собак, известных ему туземных племен.

С лишком 50 лет прошло с тех пор, как Реутт вскользь упомянул о татарских брудастых борзых — бараках, и за это время никто даже не намекнул о том, что татарские брудастые собаки имеют какое-либо сходство с борзыми. Из этой невнимательности можно только заключить, что эти собаки по внешности или, точнее, псовине мало отличались от настоящих овчарок, т. е. что они имели мягкую и длинную, а не щетинистую шерсть. Только к одним баракам, а не к курляндским, тем более шотландским борзым относятся следующие слова Реутта: «Собаки эти опушены по всему туловищу и оконечностям, даже на щипце и ногах, *мягкою,*

немного волнистою псовиной, которая, однако, никогда, даже на правиле, висячею не бывает».

Кроме бараков, Реутт упоминает о каких-то татарских ураках, бывающих с космами на лапах, по краям и на перепонке пальцев и весьма редко с *хохолками:* на голове в виде гребня и на верхних передних, также на задних коленных сгибах ног в виде снопков, что преимущественно встречается в Персии, у шахсеванских борзых собак. Достойно внимания, что о хохлатеньких борзых говорится еще в 1734 г. в одном из писем Артемия Волынского к графу Салтыкову: «...для вашего графского сиятельства поберег от большой моей суки бурматно-пегой (кажется, брудастой) да от Еврейскова породы, от *хохлатинких* собак». Надо полагать, что А. С. Хомяков, писавший об охоте в «Москвитянине» за 1845 г.*, говоря, что на Кавказе, в самой глубине его горных долин уцелела еще отчасти *старая порода,* нисколько не похожая на т. н. горскую борзую», имел в виду именно брудастых борзых. «Собаки термигойцев, — говорит он далее, — отличаются резко от всех других псовиною, шириною склада и приподнятыми кверху ушами». Согласно нашей теории происхождения борзых, брудастые борзые, конечно, древнее турецко-татарской вислоухой; затем все брудастые отличаются шириною зада и уши у них маленькие и могут слегка приподниматься, хотя и не становятся конем, как у псовых.

Из некоторых устных показаний кавказских охотников можно заключить, что в Дагестане у горцев встречаются также какие-то жесткошерстные крупные пастушьи (?) собаки. Такие жесткошерстные собаки черного брудастого типа, надо думать, найдутся и в других местностях Кавказа и Малой Азии, и этот тип, конечно, надо считать более древним, чем мягкошерстный.

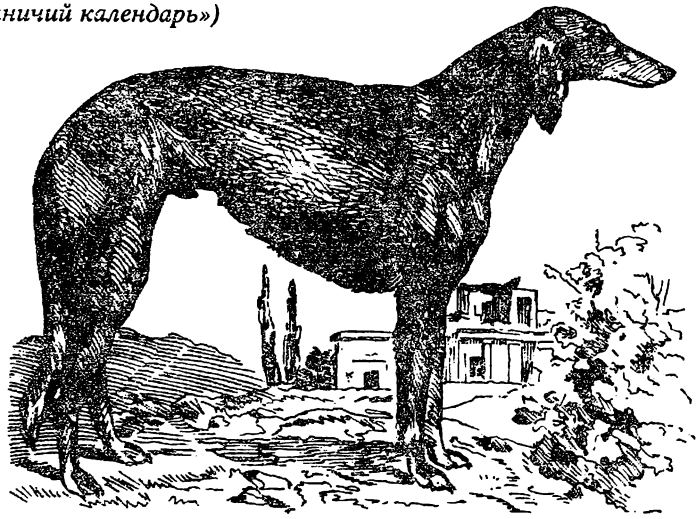
Есть аналогия между жесткошерстными брудастыми собаками и дикими видами баранов и козлов с короткою и жесткою шерстью, родичей домашних овец и коз с длинною и мягкою шерстью. Эта длинная и мягкая шерсть, называемая руном, на самом деле необыкновенно развитый вследствие подбора и отчасти климатических условий подшерсток, причем чем культурнее порода, тем менее шерсть ее заключает жестких волос — ости, или песичи. Но хотя жесткошерстная брудастая собака происходит непосредственно от такого же дикого родича, некогда охотившегося за дикими баранами на плоскогорьях Центральной Азии, а длинношерстная овчарка — порода позднейшего происхождения, из этого, однако, нисколько не следует, чтобы в древности борзых собак скрещивали только с щетинистошерстными брудастыми собаками.

---

* См. перепечатку в «Ж. имп. общ. охоты»[24], 1876, январь.

Таким образом, на Кавказе и в Малой Азии, когда хортые борзые, египетские и ассирийские, встретились с брудастыми двух типов, от скрещивания их могли образоваться брудастые с жесткою и с длинною лохматою псовиной. К последним принадлежат, например, ангорские и карагиссарские борзые в центре Малой Азии, упоминаемые Чайковским и отличающиеся густою псовиной обыкновенно верблюжьего цвета, серого или мышиного и среднего роста. К какому типу относятся брудастые борзые Курдистана, о которых говорится у Ла Бланшера; неизвестно и весьма возможно, что он смешивает их с персидскими. Что же касается

Рис. 4. Персидская борзая («Охотничий календарь»)

последних, нередко привозившихся в Европу, то происхождение их довольно загадочно. Некоторые персидские борзые во многих отношениях напоминают наших псовых и даже имеют небольшие полустоячие уши. Такова, например, персидская борзая, изображенная в книге Rottledge'a; между тем как у Шпехта персидская борзая имеет висячие уши. По всей вероятности, порода эта образовалась вследствие позднейшего скрещивания брудастой лохматой борзой с восточными вислоухими. Шахсеванские хохлатые борзые, о которых было сказано выше, несомненно принадлежат к такой помеси.

РУССКИЕ БОРЗЫЕ

Из всех охотничьих собак русские борзые представляют для нас, русских охотников, наибольший интерес. Действительно, они замечательны во многих отношениях — как самостоятельная и

крайне своеобразная порода собак, несомненно выведенная русскими охотниками, как одна из красивейших собак, не имевшая себе равных в быстроте на коротких расстояниях.

Все это обязывает нас проследить подробно историю возникновения охоты с борзыми в России и происхождение псовых борзых.

К сожалению, сведения об охоте и собаках у славян в древности весьма скудны. Оно и понятно, если принять во внимание, что летописцами были монахи, вообще духовные лица, всегда весьма неприязненно относившиеся к охоте и считавшие собаку нечистою — псом смердящим. В этом отношении католическое духовенство резко отличалось от греко-русского, так как до времен Реформации, даже до XVIII столетия, большая часть епископов и высшего духовенства были охотниками. Мы знаем, что и теперь лучшие заводы охотничьих собак — сеттеров и пойнтеров — принадлежат англиканским священникам.

Несмотря, однако, на скудость сведений об охоте и собаках дотатарского периода, можно доказать, что русские борзые — породы сравнительно новейшего происхождения и ни в каком случае не чистокровнее всех габсбургов и гогенцоллернов, как утверждал авторитет псовых охотников П. М. Мачеварианов, а тем более не были сотворены таковыми, не существовали спокон века, по мнению некоторых невежд — феопенов дворянского происхождения.

Дело в том, что у славян в древности не было и не могло быть борзых в настоящем смысле слова, т. е. таких быстрых собак, которые могли бы в течение нескольких минут, даже секунд догнать на чистом месте любого зверя по той простой причине, что они быстрее. Борзая ловит, а не заганивает. Самая местность, занимаемая славянами, была тогда покрыта дремучими лесами и отнюдь не могла благоприятствовать охоте с такими собаками. Нигде не встречается ни одного описания подобной травли и прилагательное «борзый» применяется, по крайней мере до XV столетия, только для обозначения быстроты коней. Известно, что в Древней Руси охота — ловитва — производилась при помощи тенет и собак, подлаивавших белку, отыскивавших бобров, гонявших и задерживавших оленя, зубра и тура; но это были, очевидно, те же самые остроухие собаки, которые до сих пор встречаются почти во всей России и на Кавказе в качестве промысловых, дворных и пастушьих. Это доказывается охотничьими фресками, украшающими лестницу на хорал Софийского собора в Киеве, построенного Ярославом Мудрым в память отражения печенегов[8], хотя сам творец «Русской Правды»* предпочитал «сидеть на берегу

* В «Русской Правде» назначена довольно большая пеня за украденную собаку: наравне с соколом и ястребом. «А же кто украдет чюж *пес*, любо

реки с удицей». На фресках между прочими сценами изображены охота на белку с лайкой, конная охота на медведя и лютого зверя (барса), остроухая собака, гонящая оленя, и соколиная охота на зайца. В завещании Владимира Мономаха[26] вовсе не упоминается о собаках, и собственно охота — ловы, ловитва — в те времена имела, в отличие от промысла, вид единоборства богатырей с крупными и опасными дикими зверями при незначительной помощи собак. У князей киевских и новгородских могли быть тогда лишь ловчие собаки, которые отличались не столько быстротою, сколько силою и злобностью. Борзых же князьям и их дружинникам вполне заменяли гораздо более быстрые ловчие птицы — сокола, ястреба и беркута, бравшие зайца, лису, волка, сайгу и, кроме того, пернатую дичь. Этот способ охоты, часто упоминаемый в летописях, очевидно, ведет начало из Индии, откуда пришли все славяне; в Индии же и по настоящее время борзых нет, и псовая охота там вовсе не известна, даже между магометанами.

Можно предположить только, что у князей киевских могли быть собаки с Балканского полуострова — именно те брудастые полуборзые-полугончие, которые и до сих пор сохранились в Балканских горах, представляя собою помесь североафриканских борзых с брудастой овчаркой. Такое предположение тем более вероятно, что подобные же брудастые собаки, как мы видели, были выведены из передней Азии на Балтийское побережье одним из германских племен в эпоху великого переселения народов. Но это были все-таки еще не борзые, а рослые, сильные и сравнительно очень быстрые выборзки, гораздо менее похожие на борзых, чем современные шотландские дирхоунды. Вообще трудно сказать положительно, были ли эти собаки приведены на Балтийское побережье через Кавказ из Малой Азии уже в виде помеси арабской борзой с овчаркой, или же эта порода образовалась на месте путем скрещивания приведенных из Азии овчаров с хортыми борзыми кельтов и белгов. Последнее предположение вероятнее.

Выше было замечено, что борзая в сплошных лесах, занимаемых славянами до времен татарского нашествия, была совершенно неуместна и бесполезна. Но ее не было в древности и во всей Южной и Юго-Восточной России, имевшей степной характер, но еще не лишенной лесов. Геродот, описывая быт народов, обитавших на юго-востоке Европы за 500 лет до р. х., говорит, что все они занимаются охотой, которая производится следующим образом: охотник, высмотрев с вершины дерева какого-либо зверя, пус-

ястреб, любо сокол, по три гривны продажи, а господину гривна». Очевидно, здесь идет речь об охотничьих собаках, принадлежавших дружинникам, т. е. об упомянутых ловчих псах, употреблявшихся для охоты на крупных зверей, которых нельзя было затравить соколами и ястребами.

кает в него дротиком, а потом, вскочив на коня, преследует раненого с помощью собак. Очевидно, это были не борзые, а ловчие собаки. Самый способ травли зайца, лисицы, волка или других зверей не мог бы не обратить на себя внимания наших предков. Все древние обитатели Южной России дотатарского периода, начиная со скифов, сарматов и кончая половцами и печенегами, принадлежали к турецко-татарским племенам, выходцам из Центральной Азии — Алтая и Монголии. Но так как у современных алтайских татар и монголов борзых нет, то нет никакого основания думать, что они были у их сродичей, проникших в Восточную Европу ранее, чем магометанство распространилось в Западной Азии. Так как у древних ассириян настоящая охота с борзыми была неизвестна и на их многочисленных памятниках мы встречаем в качестве зверовых охотничьих псов изображения громадных догов, реже — остроухих собак вроде наших северных, то имеем полное основание утвердительно сказать, что в Малую Азию, Персию и Прикаспийские степи борзые были приведены арабами, покорившими в VII веке Персию, в VIII — Грузию и Туркмению. Здесь арабские борзые смешались с туземными вислоухими и длинношерстными горными собаками и образовали новую самостоятельную породу так называемых восточных борзых, характеризовавшихся короткою псовиною на теле при мохнатых висячих ушах и хвосте, обличавших их смешанное происхождение.

Когда монголы в XIII столетии наводнили Персию и Багдадский калифат и взяли Багдад, они, конечно, не могли не оценить охотничьих достоинств и быстроту неведомых им собак, уже пользовавшихся большим почетом в магометанском мире. Эти борзые были особенно пригодны им для охоты в степях, где они добывали им массу зверей — зайцев, сайг и антилоп, вполне гармонируя с облавным, массовым способом охоты, присущим монголо-татарским племенам, когда в охоте принимало участие целое войско, которое окружало громадное пространство. Такую охоту описывает Марко Поло в бытность свою у Кублая-хана в Монголии, где, однако, роль борзых выполнялась гепардами и даже дрессированными тиграми. Монгольские орды при своем нашествии на Юго-Восточную Европу по необходимости должны были кормиться охотой, так как стад, следовавших за ними и отбираемых у половцев и других кочевых народов, было недостаточно для прокормления полчищ. Насколько Россия была в те отдаленные времена богата снедными животными, видно из того, что триста лет позднее войско Иоанна Грозного, шедшее на Казань, кормилось главным образом добываемыми по пути снедными зверями, птицею и рыбою.

Но кроме малоазиатских борзых татары, несомненно, привели

с собою массу своих монголо-татарских собак, резко отличавшихся от туземных собак как легкого короткошерстного, так и более тяжелого и длинношерстного — волкообразного типа. Эти татарские собаки, о которых будет говориться в своем месте, более туземных имели право на название гончих. Когда татары осели на места, заняв Юго-Восточную Россию, и приняли магометанство, они, подобно всем последователям ислама, обратили особое внимание на борзых и охоту с ними. А так как в лесистых местностях травля ими была весьма затруднительна, то постепенно выработался особый, татарский, смешанный способ охоты, имевший аналогию со способом наганивания зверей одной половины орды на другую. Роль загонщиков выполнялась здесь татарскими гончими, выгонявшими из леса на опушку зверей прямо в зубы борзым, которых держали на сворах всадники — ханы и узбеки. Подобный способ охоты сохранился, по-видимому, до настоящего времени у приалтайских киргизов, к которым он перешел от русских татар.

С XV века летописцы уже не говорят более о ловах, ловчих, а о псарях, псовой охоте, охоте с собаками. В первый раз слово «псарь» упоминается в духовном завещании князя Владимира Андреевича (1410). Татарское владычество не могло остаться без влияния на изменение характера коренных русских охот — заганивания верхом с собаками крупных зверей в лесу и травли ловчими птицами мелких зверей и птицы на лугах, полях и болотах — травли, в свою очередь заимствованной татарами. Мы знаем, что русские по своей переимчивости приняли многие нравы и обычаи, начиная с одежды и кончая теремами, и нет никакого сомнения, что псовая охота на татарский образец существовала еще до Василия III (отца Иоанна Грозного), который, как известно исторически, был страстным любителем травли борзыми и даже заболел смертельно в отъезжем поле у Волоколамского (1533).

Герберштейн в своих записках о Московии дает довольно обстоятельное описание великокняжеской охоты с борзыми. Из этого описания видно, что в общих чертах охота производилась так же, как и теперь. Зверя, преимущественно зайца, выгоняли из леса при помощи очень большого количества крупных canes molossus et odoriferos, т. е. мордашей и духовых, или гончих собак, причем говорится о громком и *разнообразном* лае. Травля же выгнанных зайцев производилась т. наз. kurtzi *«с пушистыми хвостами и ушами»*, «неспособных к долгой гонке», которых спускали со свор стоявшие на опушке всадники. Очевидно, это были восточные вислоухие борзые, имевшие длинную шерсть только на ушах и правиле, и именно куртинки, т. е. курдские борзые — название, сохранившееся за азиатскими борзыми до последнего времени.

Отсюда можно заключить, что борзые, приведенные татарами в Россию, если и изменились, то очень мало и еще сохранили висячие уши и короткую псовину на теле, которая, может быть, несколько огрубела и удлинилась вследствие влияния климата. Как магометане и подражатели арабов, татарские ханы и узбеки должны были иметь о своих борзых, считавшихся символом знатности и богатства, такое же попечение, какое оказывают африканским слюги бедуины и среднеазиатским тазы туркмены, и, вероятно, тщательно блюли их в чистоте, не смешивая с другими собаками, считавшимися нечистыми и недостойными прикосновения правоверного. Присутствие татарского царевича (Ших-Алея) и татар на охоте, описываемой Герберштейном, может служить указанием на то, что она еще не была достаточно усвоена русскими и требовала руководителей. Насколько ценились тогда борзые, видно из того, что при заключении торгового договора с датским королем Христианом II в 1517 году ему были отправлены в подарок борзые, которых Христиан, в свою очередь, отправил французскому королю Франциску I.

Полное право гражданства псовая охота получила в Московском государстве несколько позднее, именно во времена Иоанна Грозного, после взятия Казани, когда мудрое правительство сразу закрепило свою власть, переселив значительную часть татарских князей и узбеков (дворян), самого беспокойного элемента, недовольного новыми порядками, в нынешние Ярославскую и Костромскую губернии, причем наделило их поместьями и понуждало креститься. С этого момента слияния татарского и русского служилого сословия, вскоре перероднившегося, татарские борзые и гончие распространяются по всему Московскому государству и под названием псов словенских проникают даже на запад, в Польшу. В старинных польских охотничьих книгах (?) говорится, что для травли волков надо употреблять псов словенских, отличающихся ростом и силою.

Надо полагать, что во второй половине XVI столетия начинается вывод новой — *русской* — породы борзых. Это доказывается, во-первых, несоответствием татарской борзой климату и условиям островной (т. е. выжидательной, а не активной) охоты; во-вторых, тем, что христиане не имели основания относиться так педантично к чистокровности своих собак; наконец, борзые рассеялись повсеместно, и трудно было вести породу в чистоте, тем более что сношения казанских татар с астраханскими, ногайскими[27] и крымскими должны были сильно затрудниться. Татарские борзые могли принадлежать только татарам высшего сословия, никогда не были многочисленны и сохранялись от вырождения только свежею кровью южных борзых.

Таким образом, произошло сознательное, отчасти вынужденное скрещивание с туземными охотничьими собаками, каковыми были остроухие собаки волчьего типа. К концу XVI столетия у ярославских и костромских дворян-татар выработалась новая порода борзых, отличавшаяся длинною псовиною на всем теле с подшерстком, отчесами и гривою на шее и большими стоячими или полустоячими ушами. Все эти резкие породные признаки были переданы северною волкообразною собакой, в свою очередь происшедшею от неоднократной подмеси волчьей крови естественным и искусственным путем к чистопородной полудикой собаке, отличавшейся от волка более легким строением тела и длинными стоячими и узкими ушами. Эта форма ушей, замечавшаяся у разновидности русских борзых, известных под названием остроушек, до пятидесятых годов XIX столетия и по законам реверсии встречающаяся в виде редкого исключения по настоящее время, доказывает, что псовая борзая не могла образоваться от скрещивания татарской борзой с короткоухим волком. С течением времени у большинства псовых борзых, как у всякой культурной породы, не имеющей надобности беспрестанно напрягать свой слух и мускулы ушей, конец ушей стал загибаться назад, а затем уши стали держаться в закладе, прижатыми к затылку, настораживаясь, т. е. слегка приподнимаясь только в минуты возбуждения. Таким образом, длинные, вислые и пушистые уши kurtzi у Герберштейна превратились в стоячее, полустоячее и прижатое ухо русской борзой; татарская борзая, как смешанная порода, оказалась слабее северной чистопородной и чистокровной ловчей собаки и только придала ей большую легкость, стройность и красоту.

Нет никакого сомнения в том, что для скрещивания с татарской борзой выбирались самые крупные и легкие остроухие северные собаки, которые и ранее во многих случаях заменяли борзых, т. е. были ловчими собаками, которые могли заганивать зверя, особенно в лесах и пересеченной местности. Такие собаки борзовидного склада встречаются до сих пор во многих местностях Северной России и в Сибири; к ним относятся зырянские, вогульские, башкирские и тунгусские лайки[28]. По свидетельству П. Е. Яшерова, в селе Согостыре, при устьях Лены, встречается разновидность рослых северных собак, по складу очень напоминающих борзых, с настолько узким черепом, что уши у них, будучи прижаты, перекрещиваются концами, как у прежних наших псовых. Легкое сложение их вызвано аналогичным борзой назначением ловить оленей зимой в тундре по насту. Между этими легкими разновидностями лаек, отличавшимися длинными узкими ушами, встречаются экземпляры очень большого роста, до 17 вершков, например, между башкирскими и вогульскими, и нет никакого основания

думать, чтобы между коренными собаками Средней и Северной России, вообще в Московском государстве и даже Великом княжестве не было подобных собак, тем более что зырянские лайки до сих пор ведутся в Вологодской губернии, смежной с Костромской и Ярославской. Эта порода или разновидность отличается от карельской лайки Олонецкой и Новгородской губерний более длинным ухом и более легким сложением. Князь А. А. Ширинский-Шихматов, исследователь пород северных собак, говорит, что движения зырянской лайки можно сравнить со скачкой и броском псовой, тогда как бег карельской напоминает бег тяжелой гончей. Мы знаем, что во времена царя Алексея Михайловича особенно ценились так называемые лошие собаки. В 1665 году боярин Благово ударил царю челом 2 охотниками и 10 лошьими собаками, за что и получил ценный царский подарок — 100 р. денег*. Эти ловчие собаки велись в России еще в начале XIX века, так как упоминаются Левшиным в его книгах. Так назывались, несомненно, не гончие, а остроухие лайки большого роста, приученные к загониванию лосей.

Во всяком случае, татарская борзая скрещивалась с туземными собаками, и очень странно предполагать, что русская псовая происходит от сибирских или монгольских собак, основываясь на том, что эти собаки могут ловить зверя и будто бы имеют очень плохое чутье и чрезвычайно острое зрение**. Сибирские остроухие собаки тут ни при чем по той простой причине, что монголо-татарские племена не могли привести их в большом количестве, ибо это были исключительно лесные и тундровые собаки. Монголам могли сопутствовать главным образом монгольские собаки, хотя бы потому, что они до сих пор питаются трупами людей и животных, в чем не могло быть недостатка при нашествии. Но монгольские собаки не имеют ничего общего с борзой вообще, тем более псо-

* Кутепов

** Совершенно непонятно, каким образом зоолог Гондатти, а за ним барон Розен в своем «Очерке истории борзой собаки» могут утверждать, что на всем пространстве Сибири встречается одна порода лаек с плохо развитым чутьем, почти не лающая, с загнутыми кончиками ушей и большими глазами навыкате. Самые названия этих собак — духовые, зверовые промысловые собаки, лайки— доказывают их чуткость и присущую им способность лаем указывать нахождение зверя. Все это теперь известно каждому охотнику. Гондатти, очевидно, имел в виду ездовых собак, которых только и видел. Северные собаки делятся на много пород и разновидностей, и между ними действительно некоторые имеют сравнительно слабое чутье, которое в тундре, как и в степи, не меет такого значения, как в лесу и пересеченной местности. В тундре собака может видеть дальше, чем почуять, притом во все стороны, а не по ветру.

вой, потому что они имеют вислые небольшие уши, сравнительно короткую шерсть, окрас большею частью черный в подпалинах и, как мы увидим далее, приближаются к гончему типу.

Северная собака легкого склада дала решительно все, что отличает русских псовых от других борзых: длинную псовину, образующую отчесы и гриву, масть — серую, серо-пегую и белую, форму ушей, прямой постанов задних ног (под себя), наконец, хвост, который, как известно, многие лайки не загибают кольцом на спину, а держат по-волчьи. Даже бросок, т. е. крайнее напряжение сил при настигании зверя, — качество, переданное лайкою и только получившее у псовой крайнее развитие. Лайка тоже делает при виде зверя ряд быстро следующих один за другим скачков и также бросает преследование, когда убеждается в бесполезности своего усилия, чего никогда не делает, по крайней мере в степи, восточная борзая, отличающаяся тягучестью и настойчивостью погони.

Сильнейшим доказательством справедливости теории происхождения русских псовых от смешения татарских борзых с среднерусской лайкой служит тот факт, что на Северном Кавказе у горцев адыге и кубанских казаков борзые имеют стоячие уши с загнутыми кончиками, часто серый окрас и более длинную псовину на шее, вроде гривы. Очевидно, эти борзые произошли от помеси вислоухой борзой горской с кавказской волкообразной собакой — дворняжкой и пастушьей, принадлежащей к типу лаек*. Есть основание думать, что смешение это произошло сравнительно недавно, не более 40—50 лет назад, так как в 70-х годах борзые Северного Кавказа, по крайней мере Терской области, почти вовсе не отличались от крымок**.

Н. П. Кишенский в своем замечательном труде «Опыт генеалогии собак», не имеющем ничего равного себе не только в русской, но и во всей иностранной литературе и положившем основание решению вопроса о происхождении различных пород собак, первый указал на то, что русская борзая есть результат скрещивания северной волкообразной собаки с восточной борзой. Последняя дала только легкость склада, удлинила морду, но большая часть признаков унаследована псовой от лайки. Стоячее ухо, которое впоследствии стало закладываться назад — в затяжке, что замечается у многих лаек, ребра ниже локотков, спина с верхом (наклоном) и длина псовины переданы ей лайкой; шелковистость же псовины есть следствие ухода (и, прибавим со своей стороны, зависит

---

* Серые с черноватою полосой по хребту, с короткой (сравнительно) псовиной, за исключением груди, шеи и хвоста.

** Например, *Карагос,* привезенный Егорновым в 1876 году и бывший на выставке.

также от позднейшей примеси мягкошерстной брудастой борзой); при худом воспитании и дурном выращивании она становится жесткою и грубою (песиковатою). Удлиненная псовина на шее, баки и отчесы, тем более муфта, свойственны лишь северному типу. Серая волчья масть характеристична для лаек; полóвая же есть видоизменение волчьей масти в другом направлении — это, собственно, светло-рыжая, а рыжие волки, как и лайки, встречаются нередко, но между ними никогда не бывает красных*. Лайки и волки, как и большая часть псовых, принадлежат к светломордым, и подпалины им несвойственны, а если и бывают, то светлые и нередко отграниченные. Вообще Кишенский совершенно основательно считает распределение псовины и масть настолько важными и устойчивыми породными признаками, что полагает возможным на основании их решать вопрос о происхождении собаки. Наконец, псовая борзая имеет «ту же волчью манеру *нажидать* добычу на близкое расстояние, целиться лежа и ловить одним коротким отчаянным усилием; последнее, служившее в продолжение многих поколений предметом подбора, развилось в баснословный бросок, подобный ружейному выстрелу».

Как бы то ни было, почти через 50 лет после взятия Казани и начала смешения победителей с побежденными и туземной собаки с пришлой, царь Борис уже посылает в дар персидскому шаху Аббасу двух борзых, конечно новой русской породы, так как татарские борзые мало отличались от персидских, не представляли для персов ничего интересного и посылка их не имела никакого смысла. К тому же времени, вероятно, относится упоминание старинных польских авторов о псах словенских, с достоинствами которых поляки имели возможность ознакомиться во времена междуцарствия и самозванцев. Известно исторически, что первый самозванец был страстным любителем псовой охоты и медвежьей травли и что он и окружающие его польские паны привели с собою немалое количество польских хартов. Последние, имея тоже свои достоинства, могли даже оказать некоторое, хотя незначительное, влияние на стати псовых, быть может, несколько облагородили их общий вид, улучшили уши и правила. Впрочем, еще царю Федору Иоанновичу английские купцы привозили борзых, легавых и бульдогов.

Трудно ожидать, чтобы в смутные времена конца XVI и начала XVII столетий псовая охота процветала в Московском государстве. В Подмосковье, очевидно, не осталось хороших собак, если царю Михаилу Феодоровичу пришлось посылать за ними в северную

* Красные лисообразные лайки встречаются в Финляндии и составляют отдельную породу.

медвежью сторону. В 1619 году он отправляет в Галич, Чухлому, Солигалич, Судай, Кологрив и на Унжу двух охотников и трех конных псарей с наказом брать в тех местах у всяких людей собак борзых, гончих, меделянских и медведей. В грамоте даже приказывалось губным старостам давать стрельцов, пушкарей и рассыльщиков в помощь против тех бояр, дворян и прочих местных жителей, которые не захотели бы добровольно расстаться со своими любимыми псами и медведями*. Отсюда прямой вывод, что нынешняя Костромская губерния была действительно родиною псовых борзых и русских гончих и в ней еще в XVII столетии встречались лучшие, наиболее типичные представители.

Надо полагать, что именно с эпохи воцарения дома Романовых начинается упорядочение псовой охоты и приведение ее в стройную систему и русские борзые окончательно обособляются в отдельную, самостоятельную породу. В 1635 году появляется «Регул, принадлежащий до псовой охоты», составленный стольником рижским немцем Христианом Ольгердовичем фон Лессиным на немецком языке**. Из этого «Регула» мы видим, что в псовой охоте тогдашнего времени выработалась определенная терминология, в которой было уже очень мало татарских слов; что татарского остались только охотничьи одежда, седловка и сигналы, начинавшиеся не с высокого тона, как на западе, а с низкого; что, наконец, татарские вислоухие борзые, если не перевелись вовсе, то сделались очень редкими. Фон Лессин описывает только одну породу псовых борзых, у которых «псовина и лисы наподобие вихров, псовина длинная висящая, какая бы шерсть ни была, наподобие кудели», т. е. прямая, не волнистая. Таким образом, уже в начале XVII столетия русская борзая резко отличалась длиною и мягкостью псовины и не могла иметь почти такую же короткую шерсть, как у крымки, только с подшерстком, т. е. той, какую описывает г. Губин под названием чистопсовой, считаемую им за самую старинную породу русских борзых.

Царь Алексей Михайлович, как видно из исторических документов, главным образом из его писем, охотился почти исключительно с ловчими птицами и, если и травил борзыми волков и зайцев, то очень редко. Это не мешало ему ценить борзых и вместе с соколами посылать их персидскому шаху, вероятно, и западноевропейским государям. К этому времени соколиная охота достигает наивысшего развития, но вместе с тем становится достоянием немногих лиц; травля с борзыми, видно, начинает заменять травлю

---

* Кутепов.

** Регул этот (рукописный) найден был недавно в архивах графов Паниных.

ловчими птицами, и бояре времен царей из дома Романовых, по-видимому, забавлялись главным образом псовою охотою, реже охотою с ястребом. Вероятно, тогда произошла известная поговорка: соколиная охота — царская, псовая — барская, ружейная — псарская, а также поговорка-загадка (бежит копейка, за копейкой рубль, за рублем сто рублей, а на сто рублев и цены нет). Огнестрельное оружие стало употребляться для охоты на зверей (крупных) со времен Иоанна Грозного, но, по-видимому, до Петра III, когда уже распространилась стрельба влёт, которая сделалась известною во времена Алексея Михайловича, русские дворяне считали постыдным охоту с ружьем и продолжали принимать даже медведей и лосей из-под собак ножами и рогатинами, пернатую же дичь ловили ястребами, так как доставать соколов было очень трудно.

Петр Великий вовсе не был охотником: при его кипучей деятельности ему было некогда развлекаться охотою. Но внук его Петр II был страстным псовым охотником, и, вероятно, исследование архивов императорской охоты в особенности прольет много света на псовую охоту в начале прошлого столетия. Несомненно, что вместе с основанием Петербурга и постоянными сношениями с прибалтийским рыцарством началось взаимодействие русской борзой и балтийской брудастой. Это влияние особенно сказалось в царствование Анны Иоанновны, во времена Бирона и влияния курляндцев, получивших обширные поместья в Центральной России. Русские охотники должны были поражаться ростом, силою и злобностью курляндских брудастых, а курляндские бароны и новые русские помещики-немцы, в свою очередь, пленяться быстротою и красотою русских псовых. Очень может быть, что в начале XVIII века балтийские брудастые борзые уже имели значительную примесь ирландских волкодавов, которым и были обязаны своими выдающимися качествами. В письмах Ф. Наумова и Артемия Волынского к графу С. А. Салтыкову, относящихся к 1734 году, неоднократно упоминается о черных и чубаро-пегих брудастых, которые «скакали не лихо». Точно так же из этих писем можно заключить, что русские охотники усиленно скрещивали различные породы борзых — английских, польских брудастых — между собою и с псовыми.

Хотя не имеется ни описания, ни рисунков курляндских брудастых борзых, или клоков, прошедшего столетия, но можно с уверенностью сказать, что они принадлежали, подобно местным брусбартам и брудастым гончим, не к щетиношерстному горному типу, а к мягкошерстному, кудлатому, то есть равнинному типу, к которому относятся овчарка и пудель. Очень может быть, что в старинных остзейских замках найдутся портреты баронов с брудастыми

борзыми, картины, изображающие травлю ими, а в семейных архивах — переписка, бросающая свет на эту теперь бесследно исчезнувшую породу. Несомненно одно, что курляндские клоки резко отличались своей клокастой псовиной от шотландских и прочих борзых; когда же они стали вырождаться, то остзейские немцы стали мешать их, с одной стороны, с русскими псовыми, а с другой — с ирландскими волкодавами и, вероятно, с шотландскими дирхоундами.

Эти скрещивания дали, как и следовало ожидать, различные результаты: в первом случае псовая борзая удлинила псовину клоков, сделала ее более мягкою, правильно волнистою, даже завитою. К аналогичным последствиям приводили и другие скрещивания брудастых собак с небрудастыми, и не подлежит никакому сомнению тот странный и еще не объясненный факт, что подобные смешения очень часто необыкновенно удлиняли псовину! Так образовались ирландские водяные спаниели, также немецкие шнур-пудели. При повторительном скрещивании полученных помесей с псовыми исчезли усы, брови и борода. Собаки стали гладкомордыми, гладконогими, гладкохвостыми, с курчавой псовиной, как у барана, с первого взгляда поразительно похожими на ирландского уатер-спаниеля, только огромного, остромордого и борзоватого. Можно подумать, что курляндские псовые произошли от помеси курляндских клоков с хартами смежной Польши. Но этому мнению противоречит низкопередость, удлиненная псовина на шее и в особенности необычайная пруткость, соединенная с броском, унаследованные от псовой; злобность же, сила и рост переданы им, конечно, клоками и увеличены подбором. Весьма возможно, что в выводе этой породы главная роль принадлежала не остзейским баронам, а русским псовым охотникам, более интересовавшимся борзыми и охотою с ними, чем немцы, характеру которых она вовсе не соответствовала. Едва ли в Прибалтийском крае существовала когда-либо настоящая псовая охота на русско-татарский образец, и, вероятно, бароны употребляли борзых преимущественно для травли волков. Мы знаем только, что русские охотники прошлого столетия неоднократно скрещивали псовых с брудастыми — как ирландскими, так и курляндскими. Знаменитый *Зверь* князя Г. Ф. Барятинского, бравший в одиночку матерого волка (см. «Брудастые борзые»), происходил от *Рид-Капа* — ирландского волкодава, выписанного из Англии курляндским помещиком Блюмом, и псовой суки.

Таким образом, приблизительно около 50-х годов прошлого столетия образовалась новая порода псовых борзых со многими признаками брудастых, только голомордая. Но так как эти курляндские псовые имели весьма неуклюжий вид и слишком резко

выделялись между русскими псовыми красавцами, то совершенно естественно, что русские охотники не могли быть довольны внешностью курляндских псовых и, в свою очередь, стали усиленно смешивать их с чистокровными русскими псовыми. Результатом было окончательное исчезновение брудастого типа, как в псовине, так и складе, но псовина улучшилась — она сделалась длиннее, тоньше и гуще. Образовалась новая разновидность, которую в отличие от коренной породы стали называть *густопсовой*. Отсюда понятны сравнение Губина псовой борзой, как он называет собственно густопсовую, с орловскими рысаками* и мнение его, что порода эта выведена недавно, так что еще в начале восьмисотых годов считалась большою редкостью и ценилась очень дорого. По словам Губина, помещик Шацкого уезда П. Е. Мосолов, обладая настоящими псовыми (густопсовыми), продавал их в Польшу по 7 и 10 тысяч рублей на ассигнации. Из дальнейшего описания видно, что Губин считает псовую продуктом смешения чистопсовой борзой, считаемой им древнейшею русскою породой, с курляндской псовой на том основании, что между псовыми (густопсовыми) выраживались нередко голошерстные в типе чистопсовых. «Регулом» фон Лессина ясно доказывается, что в XVII столетии существовала только одна, или преобладала, порода борзых с длинною псовиной «наподобие кудели», а следовательно, мнение Губина, никем, впрочем, и не поддержанное, не выдерживает никакой критики.

Несмотря на то что Елизавета Петровна, еще будучи царевной, отличалась необычайною любовью к псовой охоте, мы не могли найти ни одного печатного сведения о том, как и с какими борзыми она охотилась в подмосковном селе Измайлове и других местах. Но и в еще более продолжительное царствование Екатерины Великой не выходило никаких охотничьих книг, из которых бы можно было составить себе понятие о тогдашних псовых охотах и породах борзых. Сохранилась лишь рукописная книга, вероятно копия, «Руководство к ружейной охоте» егермейстера Петра III Бастиана, в которой о борзых ничего не говорится; в 1778 (?) и 1785 гг. выходила книжонка Г. Б. «Псовый охотник», перевод какой-то, вероятно рукописной, польской книги, заключающий в себе описание хортой борзой. Во 2-м издании «Совершенного егеря» (17** г.) описание борзой и псовой охоты — дословная перепечатка «Псового охотника», так что чуть ли не единственные печатные сведения о русской псовой охоте и русских борзых времен Екатерины мы находим в «Записках Болотова» (1791), всего несколько строк, и в

* Более нежели вероятно, что густопсовая борзая была выведена графом А. Г. Орловым.

сочинении Дубровина о Пугачевщине, в котором упоминается о борзых симбирского помещика Ермолова (деда современника нашего Н. П. Ермолова), посланных им графу Панину, усмирителю пугачевского бунта. Впрочем, в 60-х годах было, по-видимому, составлено для графа А. Г. Орлова руководство к псовой охоте под названием: «О порядошном содержании псовой охоты борзых и гончих собак». Книга эта, написанная под титлами, была подарена известному псовому охотнику Симбирской губ. Н. М. Наумову, от которого перешла к П. М. Мачеварианову. Что же касается книги «Псовый охотник» издания 1728 (?) года, о которой несколько раз упоминает Губин в своем руководстве, то, судя по некоторым цитированным фразам*, можно было бы думать, что это тот же «Псовый охотник» Г. Б., о котором говорилось выше; но так как далее г. Губин говорит, что он выписывает из этой старинной книги лады курляндских борзых, о которых Г. Б. не упоминает вовсе, то надо заключить, что у него имеется какая-то никому из охотников и библиографов не известная книга о псовой охоте. По всей вероятности, она рукописная и написана позднее 1728 года**.

Первый раз деление русских борзых на породы мы встречаем только в «Книге для охотников» Левшина и в его же «Всеобщем и полном домоводстве», относящихся к началу этого столетия. В «Книге для охотников» (стр. 24) говорится, что «псовые собаки разделяются на обыкновенных *псовых* и *густопсовых*. К последним прежде всего надлежат собаки, собственно *русскими* называемые, имеющие длинную шерсть в завитках, очень густую и длинную псовину на правиле». А далее: «Борудастые собаки имеют шерсть весьма густую, *длинную* и клокастую. Сих также разделяют на борудастых обыкновенных и *клоков*. Клоки имеют по всему телу, даже на голове и ногах, шерсть густую, жесткую, иногда кудрявую. Лучшие из оных (?) *курляндские;* у оных голова, уши, ноги до локтей и хвост бывают как бы выбриты; прочее же тело покрыто густою шерстью...»

Почти то же самое повторяется во «Всеобщем и полном домоводстве». «1) *Русские собаки густопсовые* бывают очень рослы, имеют шерсть густую в завитках, т. е. длинными косицами, волнами висящими; хвост, или, по-охотничьи, правило, с густою, косицами же висячею шерстью подобием бахромы. 2) *Псовые* имеют шерсть довольно густую, но без завитков. 3) *Борудастые* (?),

* Именно фраза: «не узка и не кругла, была бы сверху широка»; правило «в чистом серпе и в себе было бы свободно».

** Можно, впрочем, допустить, что она была составлена для руководства молодого императора Петра II (1727—1730).

инако курляндскими называемые, имеют на себе шерсть густую, жесткую и кудрявую. Породная курляндская собака должна иметь голову, уши и ноги по колено с низенькою гладкою шерстью, как бы выбритые, стан же и прочие части покрыты густою вышесказанною шерстью, кроме хвоста, который должен быть голый и серпистый, т. е. в кольцо загнувшийся...» Как видно, курляндские псовые здесь неправильно причисляются к брудастым, так как они голоморды. В обеих книгах к хортым причисляются «польские, английские и крымские» и ни слова не упоминается о *чистопсовых.* Каким же образом могла произойти эта порода псовых и откуда могло возникнуть мнение, что это старинная, коренная порода русских борзых, доказывающая свою кровность тем, что в ней никогда «не выраживаются сюрпризы, как у псовых», и самым названием «чистый пес» в смысле отсутствия какой-либо подмеси и «чистоты» собаки по виду? Хотя г. Губин и ссылается на никому не известную книгу «Псовый охотник», в которой встречаются будто название и описание чистопсовой, однако все старые охотники, из которых многие начали охотничью карьеру в начале этого столетия, никогда не считали чистопсовую коренною русскою породой, а позднейшим продуктом помеси псовых с хортыми и восточными борзыми, большинство — даже неустановившеюся породою. Мы не можем, конечно, безусловно отрицать возможности существования в какой-либо местности Средней России с давнего времени отродья борзых с очень короткою псовиною, но с подшерстком вроде вышеупомянутых кубанских борзых. Такая порода могла образоваться от смешения восточной борзой с какой-нибудь коротькошерстною лайкою, подобно последним борзым, но всего вероятнее, что она могла произойти от хартов, приведенных поляками в конце XVI и начале XVII столетий вместе с самозванцем. Влияние польских хартов продолжалось и в XVIII веке, и из писем Волынского и Салтыкова мы видим, что русские псовые охотники восторгались ростом хортой литовского графа Завиши и намеревались вязать ее с польской же или брудастой сукой. Артемий Волынский писал также, что «один английский дворянин привез ему английскую суку; такой наивной еще не видал», откуда видно, что в царствование Анны Иоанновны были не особенною редкостью и английские борзые. Красота и *чистота* форм последних, еще не имевших подмеси бульдога, были соблазнительны для русских псовых охотников, и неудивительно, что они при всяком удобном случае подмешивали польских и английских хортых к своим псовым.

Во всяком случае, такие помеси в прошлом столетии не могли быть особенно частыми и систематичными и встречались только у больших бар, имевших сношения, ведших знакомство с польскими магнатами и членами английского посольства, как Волынский,

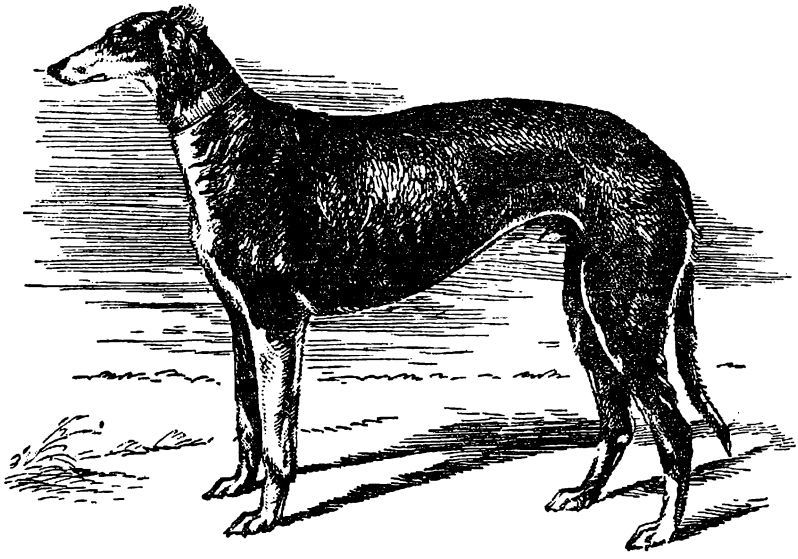
Салтыков, Панин и Орлов. Чистопсовые могли выделиться в самостоятельную расу только в начале этого столетия, по окончании наполеоновских войн. Если и теперь, когда число псовых охотников уменьшилось по крайней мере вдесятеро против прежнего, на нашей памяти по окончании севастопольской кампании последней турецкой войны, даже ахалтекинской экспедиции[29], приводились в Россию военными десятки, сотни крымок, турецких борзых и туркменских тазы, то в начале этого столетия русские офицеры не могли стесняться подобного рода живою контрибуцией и без зазрения совести отбирали всех понравившихся им лучших легавых и борзых. Известно достоверно, что все наши туземные легавые происходят от французских, отчасти немецких легашей, приведенных в огромном количестве из Франции и Германии. А так как большинство охотников-офицеров были тогда псовыми, а не ружейными охотниками, то само собою следует, что по окончании наполеоновских войн немало попало в Россию и борзых, главным образом польских хортых, частью английских или близких к ним, тогда еще не составлявших большой редкости во всей Западной Европе, особенно в Польше и употреблявшихся преимущественно для травли зайцев.

Таким образом, в двадцатых годах текущего столетия в России имелись четыре самостоятельные породы псовых борзых: русская псовая, курляндская, густопсовая и чистопсовая, причем каждая из них имела резкие, более или менее наглядные отличия даже для непосвященных. В эти времена почти каждый состоятельный помещик, подмосковных губерний в особенности, вменял себе в нравственную обязанность держать борзых и гончих, иногда в значительном количестве — сотнями. Многие из владельцев таких крупных заводов из ложного самолюбия отнюдь не дозволяли мешать своих собак с чужими и вели породу в безусловной чистоте, придерживаясь одного из этих типов с некоторыми мелкими отличиями склада, роста и главным образом окраса. Вследствие такого замкнутого ведения породы в различных местностях образовались многочисленные разновидности — отродья этих типов, имевшие весьма устойчиво передававшиеся приметы и называвшиеся по фамилии владельцев. Нельзя, в самом деле, допустить тождество борзых ярославских и владимирских помещиков с псовыми орловских и воронежских охотников. Были густопсовые в завитках, вилою и с прямою псовиною, лещеватые и с довольно выпуклыми ребрами, было, наконец, немало таких фамильных пород, которых нельзя было отнести к какому-либо определенному типу, так как они были промежуточными.

Хотя в турецкие войны прошлого столетия[30] русскими псовыми охотниками и вывозилось из Крыма и Молдавии немалое количе-

ство вислоухих борзых, но они долгое время не имели и не могли иметь заметного влияния на лады и поскачку русских псовых. Настоящая степная травля и охота внаездку были тогда почти неизвестны, и существовали только островная езда и травля из-под гончих, причем требовалась пруткость и бросок, но не сила в смысле способности к продолжительной скачке. Русские охотники, как и теперь, опасались испортить, точнее, обезобразить псовых подмесью степных, главным образом потому, что последние надолго, т. е. на несколько поколений, передавали вислые уши, совершенно не гармонировавшие общему виду псовой. Постоянная же

Рис. 5. Горская борзая («Охотничий календарь»)

островная езда в лесных губерниях послужила к необыкновенному развитию быстроты на коротких расстояниях в ущерб силе. Если принять во внимание часто упрямое ведение породы в самой себе, т. е. замкнутое, несмотря на периодически опустошавшую псарни чуму, ведшую к вынужденному кровосмешению и вырождению, то неудивительно, что, когда леса поредели в 20 — 30 годах, знаменитые густопсовые оказались непригодными для продолжительной травли в полях, тем более в степях Саратовской, Воронежской и других черноземных губерний. Более предусмотрительные южные охотники мешали своих густопсовых с чистопсовыми или же с английскими и польскими хортыми, которые, конечно, не могли испортить общий вид русской борзой, и уши ее в особенности. Но английская борзая старого типа не отличалась силою, сама подвер-

галась вырождению и не могла улучшить рыхлое сложение густопсовой.

В этот критический момент, когда большинство псовых охотников начинало роптать на короткодухость густопсовой, на сцену выступили борзые, бывшие до сих пор почти неизвестными и соединявшие силу с пруткостью и стальными ногами, не разбивавшимися ни в какую колоть и гололедицу. Это были горские борзые закавказских татар и персидских курдов[31], отличные от степных тазы туркменов.

Первые горки были приведены в Россию фельдмаршалом графом И. В. Гудовичем и его сподвижниками после арпачайского дела (в 1807 году), где был разбит персидский сераскир Юсуф-паша. Некоторые из этих собак были куцые и отличались необычайным развитием зада, что делало их весьма изворотливыми на угонках, несмотря на отсутствие хвоста. Но слава горских борзых начинается, собственно говоря, с знаменитого *Сердечного* (генерал-майора П. А. Ивашкина), происходящего от собак И. А. Кологривова и выведенного от скрещивания горских с чистопсовыми*. В продолжение 5 лет (с 1818 по 1823 г.) *Сердечный* отличался феноменальной резвостью на московских садках, на которых не встречал соперников. *Сердечный* не ловил, но, так сказать, бил зверя (зайца), заскакивая б. ч. вперед. Не было примера, чтобы когда-либо он не только упустил зайца, но и не убил его с первой угонки. Это была в полном смысле лихая собака.

Необычайная резвость *Сердечного* была причиною тому, что все очень богатые и очень страстные охотники стали доставать с Кавказа горских борзых и смешивать их с псовыми, причем одни придерживались псового, другие, имевшие возможность доставить новых производителей, — горского типа. Кроме Кологривова, Ивашкина, горские борзые были у А. А. Столыпина, саратовского губернского предводителя**, Е. Н. Тимашева, А. П. Кравкова и в особенности у генерала А. В. Жихарева, который вел их до самой смерти своей почти в чистом виде. Кровь *Черкеса,* выве-

---

* См. «Ж. конноз. и охоты», 1842 г., № 7. Здесь в первый раз печатно употреблен термин чистопсовая, однако не в смысле породы, а для обозначения кровности, чистоты псовых, что доказывается тире между словами. Надо полагать, что в это время густопсовые преобладали и *чисто* псовых было сравнительно мало. Позднее, как известно, название чистопсовая стало применяться к русским борзым, имевшим сравнительно короткую псовину и происходившим от смешения псовых как с хортыми, так равно и с восточными борзыми.

** Именно анатолийские куцые, подаренные каким-то черкесским (?) князем, женившимся на родственнице Столыпина. Привезены красно-пегий кобель и черная сука (Мачеварианов. Письма. — «Пр. и охота», 1880, VII).

денного из Персии, имелась в большей части собак калужских охотников: челищевские борзые тоже имели в числе родоначальников куцых горских борзых (с 20-х годов).

Турецкая кампания 1828 года, в свою очередь, имела последствием множество вывезенных в Россию восточных борзых — крымских и собственно турецких; кавказские офицеры, возвращаясь на родину, постоянно приводили горских собак. Знаменитая столыпинская сука *Любезна,* позднее (в 30-х годах?) *Отрадка* А. С. Хомякова, отличавшаяся на московских садках, тоже происходили от анатолийских куцых Столыпина, мешанных с псовыми, еще более содействовали упрочению славы восточных борзых и мнению о необходимости скрещивания псовых с вислоухими для придачи первым недоставшей им силы. «Надо было видеть, — говорил Мачеварианов*, — как господа саратовские и, в подражание им, смежных губерний охотники, озадаченные крымками, кинулись добывать собак с *вислыми ушами.* Тут не было разбора ни кровности, ни породистости, ни статей, ни лада: лишь бы висели уши; а достать было легко от кочующих в астраханских и саратовских степях калмыков и киргизов. Сколько раз при разборе этих нетопырей упоминались князья Тюмень и Джангер-Букеев как главные выводители таких именитых пород; от смелейших доставалось и Шамилю...» Огромное количество крымок было приведено в южные и средние черноземные губернии после крымской кампании.

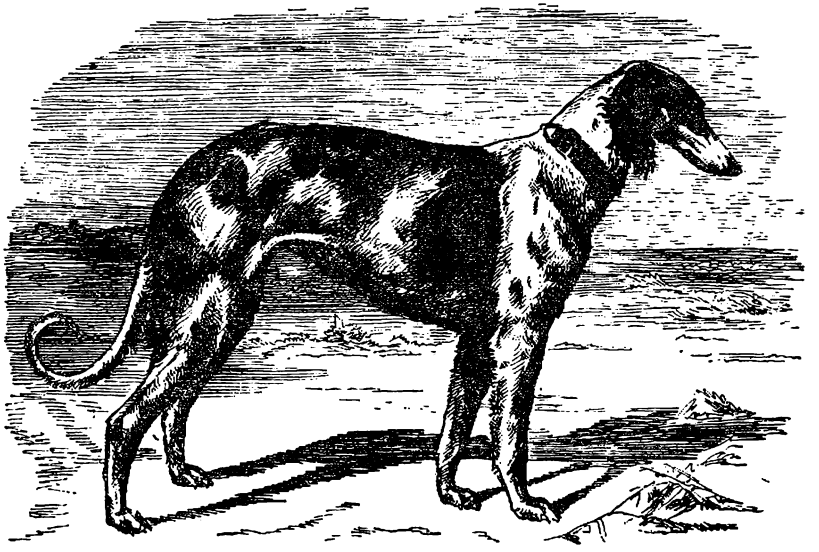
Неудивительно поэтому, что к 60-м годам большая часть псовых была перемешана с крымками, вообще восточными борзыми, утратила длинную псовину и характерный постанов ушей — в закладе, то есть сделались короткошерстны и получили ухо с крывью, хотя короткое, но распущенное. Эти мешаные псовые и сделались известны у нас около 50-х годов под не совсем правильным названием чистопсовых, подразумевая у них короткую неволнистую псовину. Такие чистопсовые собаки имели одно время очень большое распространение, но, собственно говоря, не успели выделиться в особую породу с постоянными признаками, так как под этим названием разумелись не только помеси псовых с восточными, наиболее многочисленные, но также и продукты скрещивания псовых с выписанными английскими и польскими хортыми борзыми, которых немало было приведено в Россию в 1831 году после первого польского восстания. Поэтому весьма распространенное мнение, что чистопсовые борзые происходили исключительно от смешения псовых с английскими, неверно, и таких англопсовых было меньшинство. Правда, еще в 20-х годах английская

* «Зап. охотника Симбирск. губ.», стр. 41.

сука *Модестка,* принадлежавшая Поливанову, заставила обратить внимание на английских борзых, но так как они совершенно не соответствовали нашему климату и в те времена доставались с большим трудом, то встречались редко у немногих передовых псовых охотников, которые охотно, впрочем, подмешивали кровь английских и хортых к псовым, так как помеси эти не могли иметь такого безобразного уха, как чистопсовые полукрымки.

Можно утвердительно сказать, что к 60-м годам все русские псовые утратили свою чистокровность, что вряд ли между ними можно было найти борзую без малейшей, хотя бы отдаленной,

Рис. 6. Крымская борзая («Охотничий календарь»)

примеси крови вислоушек. Курляндские псовые исчезли бесследно, вероятно, еще ранее, и о них сохранились лишь смутные воспоминания; настоящих густопсовых тоже не осталось даже на их родине — в губерниях, лежавших на север и восток от Москвы. Были лишь собаки лучше и хуже одетые, и все почти имели распущенное ухо: уши взатяжке встречались в виде редкого исключения. Освобождение крестьян сразу сократило, по крайней мере на три четверти, количество псовых охот, уцелевших только у самых рьяных, истинных охотников, и прежде не особенно полагавшихся на псарей; это, конечно, не могло благоприятствовать тщательному ведению породы. Старинный тип густопсовых настолько утратился, что некоторые охотники, притом немолодые, стали высказывать мнение, что порода эта никогда не существовала, мифическая.

Действительно, на Политехнической выставке 1872 года и первой очередной Императорского общества охоты в 1874 году не было не только ни одной настоящей густопсовой, но и большинство собак, называвшихся псовыми, были на самом деле чистопсовыми.

Эти выставки, имевшие значение осмотра имеющегося налицо материала, показав полное отсутствие и утрату определенных типов, послужили к единению псовых охотников и убедили их в необходимости воздержаться от дальнейших смешений псовых с хортыми и вислоушками и придерживаться одного типа. Как мы увидим далее, результатом скрещивания различных фамильных разновидностей явилась современная псовая, отличающаяся от прежних псовых и густопсовых большим развитием мускулов и бóльшею силой, сохранив их пруткость, а иногда и бросок. Садки 90-х годов показали, однако, что эти «усовершенствованные» псовые еще не могут состязаться в быстроте, конкурировать с английскими и что по отношению к быстроте скачки борзых мы так же отстали от англичан, как отстали от американцев в рысистом спорте.

Из этого краткого очерка происхождения наших псовых очевидно, что история борзых в России может быть разделена на 4 периода. Первый период — татарский — с XIII столетия до Алексея Михайловича, в течение которого вырабатывалась новая порода русских борзых и устанавливался порядок псовых охот. 2-й период начинается с «Регула» фон Лессина и приведения охоты с борзыми в стройную систему и характеризуется увлечением брудастыми борзыми, их злобностью, ростом и силою, затем выводом новых пород — курляндской псовой и густопсовой. 3-й период — с 20-х годов до освобождения крестьян — характеризуется модой на восточных борзых, бестолковым смешением всех прежних пород, совершенным исчезновением курляндской псовой и почти полною утратою густопсового типа. Наконец, новейший, современный нам период отличается стремлением охотников выработать из оставшегося материала универсальную псовую, которая бы ловила и вдаль и накоротке, а также прекращением экспериментов над скрещиванием русских борзых с восточными и английскими.

Что касается первого периода, то мало вероятности на то, что он когда-либо разъяснится. О борзых прошлого столетия, наверное, со временем будет найден обильный материал в архивах министерства иностранных дел, императорской охоты и некоторых дворянских родов. О псовой охоте начала XIX века имеется уже достаточное количество печатных свидетельств современников, и можно представить себе довольно полную картину деятельности псовых охотников до эмансипации. Отличительные черты этого

периода: сначала многочисленность разновидностей, вызванная стремлением каждого крупного псового охотника вывести собственную породу, затем самое безалаберное их смешение. Многие из этих фамильных отродий имели более или менее резкие отличия в ладах, масти и внутренних качествах, настолько резкие, что опытный глаз знатока мог определить принадлежность собаки к той или другой известной охоте.

Рассмотрим теперь главные из этих фамильных отродий.

Мы знаем, что в екатерининские времена пользовались известностью как владельцы больших псарен **князь Г. Ф. Барятинский,** обладатель знаменитого полубрудастого *Зверя* (см. стр. 63), такие исторические личности, как **граф Зубов,** очень желавший получить этого *Зверя,* и **граф П. И. Панин,** который, и усмиряя пугачевский бунт, не забывал о собаках, как видно из письма его к О. А. Поздееву, в котором говорится о резвом сером кобеле П. М. Ермолова, деда известного всем нынешним псовым охотникам Н. П. Ермолова, недавно умершего.

Еще более знамениты охоты **графа Алексея Григорьевича Орлова,** князя Салтыкова, светлейшего князя П. В. Лопухина; позднее славились наумовские, липуновские, трегубовские, сущовские, плещеевские псовые, также собаки Храповицкого и Кологривова. Все эти отродья давно исчезли, но кровь некоторых из них сохранилась в немногих современных псовых охотах. По преданию, у графа А. Г. Орлова были борзые всех пород, но преимущественно густопсовые, и он был главным выводителем этой породы, что более нежели вероятно, так как вряд ли кто имел такие средства и возможность иметь лучших производителей и такие знания, талант и чутье животновода. Охота его ездила в отъезжие поля за сотни верст, причем приглашались все соседние помещики. Ему же, графу А. Г. Орлову, принадлежал почин устройства в Москве садок, на которые заблаговременно рассылались приглашения-повестки по всей России*.

Князь П. В. Лопухин имел также громадную охоту (в Воронежской губ.) и был страстным любителем собак. Покойный А. В. Жихарев, говоря о происхождении своих борзых, передает, что сын князя П. П. Лопухин рассказывал ему, что отец за несколько часов до смерти позвал его к себе и завещал беречь, как брата, светлоголового кобеля *Прозора.* Эта масть преобладала в лопухинских борзых.

Н. М. Наумов, симбирский сосед графа А. Г. Орлова, постоянно охотился с последним, хотя имел очень большую охоту: 200 —

* Вероятно, в биографии графа найдутся и другие подробности, касающиеся его псовой охоты.

300 борзых и 30 — 40 смычков гончих внапуску. Борзые у него были густопсовые, псовые, чистопсовые, брудастые двух пород и малая часть английских и хортых. По-видимому, лучшие наумовские борзые происходили от собак графа. Последний перед смертью (в 1808 г.) передал Наумову, как ближайшему другу и товарищу по охоте, книгу «О порядошном содержании псовой охоты борзых и гончих собак», написанную под титлами в 1765 году. Эту книгу Наумов, в свою очередь, незадолго до кончины подарил П. М. Мачеварианову, пользовавшемуся его дружбой и имевшему его собак.

Борзые **И. П. Липунова** также пользовались громкою известностью в начале XIX столетия между охотниками Тамбовской и Воронежской губерний. Это были настоящие густопсовые с необыкновенно длинною и тонкою псовиной, которая волновалась от малейшего движения воздуха даже в комнате. Благодаря собакам Липунов из мелкопоместных дворян сделался генерал-поручиком, приобрел большие средства и дружбу св. князя П. В. Лопухина. От липуновских густопсовых происходят псовые А. В. Жихарева (см. далее).

И. А. Кологривов, знаменитый полугорским кобелем *Сердечным,* купленным генералом П. А. Ивашкиным, по-видимому, имел большею частью мешаных собак. К таким же полупсовым принадлежала *Плекирха,* подаренная им известному орловскому охотнику Н. В. Киреевскому. Кровь кологривовских собак имелась также в борзых С. М. Глебова; многие борзые Курской губернии имеют родоначальником *Свирепа I* В. И. Кологривова (сына). *Свирепа,* в свою очередь, происходил от знаменитого горского кобеля графа Гудовича и псовой суки. От *Сердечного,* как известно, потомства не было; *Свирепа* же, повязанный с псовой сукой *Пулькой I* Мазолевского, дал ряд резвых собак*.

Собаки **Храповицкого** в Калужской и Ходалея (в Тульской?) также были смешанного происхождения — полугорскими, причем многие были даже куцыми. *Черкес,* кобель персидской (?) породы, случайно приобретенный Храповицким, сделался родоначальником большей части борзых калужских охотников — Н. М. Смирнова, П. А. Березникова, В. Ф. Белкина, М. А. Гейера, Н. В. Мажарова, Н. П. Сорохтина**.

---

* См. статью Томилина в ж. «Прир. и охота», 1890 г., май.

** Г. Кашкаров в апрельской книге «Ж. охоты» 1878 г. подробно объясняет происхождение этих собак. *Черкес,* по всем вероятиям, был чистопсовым, а не восточной борзой, так как имел заложенные назад уши. Храповицкий завел охоту (в Малоярославецком у.) с 1846 г. От *Черкеса* и серой с подпалинами псовистой суки *Сайги* премьер-майора А. Ст. Белкина произошел красный черномордый *Марс I* и полóвая *Змейка.* Марс отличался

Более подробные сведения имеются о породах густопсовых Трегубова, Плещеева, Сущева во Владимирской и смежных губерниях, породах, славившихся красотою и резвостью. Вот как описывает их П. М. Мачеварианов.

Трегубовские. «Собака вообще грубовата; рост средний (!): кобели пятнадцати, а суки четырнадцати вершков. Голова с прилобью, но сухая и с проточиной среди лба; щипец сухой и складный; глаза огромные навыкате, темного цвета, блестящие и умные; уши небольшие, тонкие, вместе поставленные и совершенно острые — конец, а на затылке лежат плотно одно возле другого. Степь и корпус богатырства невыразимого; ребра плотные, бочонком и спущены на четыре пальца ниже локотков; крестец длинный и широк!.. Между задних маклаков укладываются шесть пальцев; черные мяса огромные. Тело крепкое и твердое как дуб; правило тонкое — вопрямь и вокорот, с редковатою, но длинною уборною псовиной. Задние ноги поставлены широко, передние — прямы как стрелы, и хотя грубоваты, но костисты, пружинисты и сухи; пазанки склеенные, (лапа) в комке, и собака стоит на коготках. Псовина волнистая и шелковистая; цвет ее преимущественно полóвый, чубарый, полово-пегий и чубаро-пегий. Эта порода была резвости жесточайшей: из нее родилось много лихих псов. Бросок же у этих собак баснословный. Их родина Владимирской губернии Суздальский уезд. Но только порода эта по причине своего богатырства и избытка энергии не любила лежки и требовала работы постоянной; в противном случае или зажиреет, или ее не удержат никакие запоры.

Порода собак плещеевских была красоты идеальной! Все рослые: суки аршинные, а кобели — аршина и полутора вершков в наклоне; с длинными гордыми шеями, статные до изящества и чрезвычайно резвые. У плещеевских собак, когда уши были подня-

---

необыкновенною злобностью, соединенною с резвостью (однажды им было затравлено в утро 12 русаков, и он брал в одиночку волка). От *Черкеса* и хортой черно-пегой *Залетки* произошла *Черкиза,* от которой и *Марса,* а также *Султана* (сына *Черкеса* и *Залетки*) велись борзые собаки Березникова и Смирнова. От другого сына *Черкеса* и *Залетки* — *Араба* и полóвой *Змейки* произошел знаменитый *Сибирь* А. А. Атрыганьева, темно-голубой с красными подпалинами кобель громадного роста, необыкновенной ширины и силы, очень злобный, но с ввалившимися глазами. Собаки Березникова и Смирнова, имевших общую охоту, были большею частью черные и черно-пегие в подпалинах и чистопсовые, иногда даже хортые. Гейеровские собаки происходят от борзых В. Ф. Белкина, родственных собакам Храповицкого, Березникова и Смирнова. Крывь же в ушах, замечавшаяся в гейеровских, белкинских и мажаровских собаках, дала полукрымская сука *Зарница. Сибирь* впоследствии перешел к Н. М. Смирнову.

ты, то концы их загибались наперед. Псовина прямая, мягкая и глянцевитая. Цвет ее большею частью белый, серый и серо-пегий.

Порода сущевских собак походила на плещеевскую; но только имела следующие недостатки: многие собаки были белоносые и с подопрелыми глазами, а у некоторых — один глаз был большой навыкате, а другой — малый, белый и подопрелый. Эти собаки были необыкновенно пылки, цепки и превосходны под островом, но в полях далеко уступали трегубовским и плещеевским. Цвет псовины белый с полóвыми крапинками на ушах в виде горошин; были и полово-пегие».

Из этого описания видно, что трегубовские собаки никак не могли называться густопсовыми и, несомненно, заключали в себе примесь горских.

Кроме этих борзых следует упомянуть также о собаках графа Апраксина, Назарьева, Воропанова, Колтовского, Перхурова, князя Чегодаева, костромских помещиков Мустафина, Павлова, славившихся также своими гончими.

Почти все означенные охоты к началу 70-х годов не существовали; сохранилась только кровь некоторых борзых у других владельцев. К современным псовым, оказавшимся налицо к началу выставок, принадлежат следующие фамильные породы.

Жихаревские борзые. Умерший в 1881 году на 92-м году жизни отставной генерал-майор Александр Васильевич Жихарев, помещик Тамбовской губ., начал самостоятельно охотиться с 1815 года и вел свою породу от вышеупомянутых липуновских собак, именно от *Сатаны,* светло-полово-пегого *Досаждая* и сероголовой *Биянки,* отличавшихся длиною и тонкостью псовины, которая в следующих поколениях, однако, вследствие меньшего ухода сделалась короче и грубее. В 60-х и 70-х годах охота Жихарева славилась главным образом горскими борзыми, имевшими небольшую подмесь псовых, а не псовыми. Последние, несомненно, имели подмесь горских, так как уши у них были распущены, а также подмесь курляндских псовых, выразившуюся в курчавости псовины некоторых собак *(Награждае* Н. А. Болдарева и др.). Сам Жихарев никогда не выставлял своих собак, но кровь их ценится и теперь в некоторых охотах. Жихаревские псовые в наше время уже не отличались красотою и породистостью, но были очень злобны и достаточно резвы, хотя и не в такой степени, как раньше, в 50-х и 60-х годах. Гораздо типичнее и кровнее были густопсовые борисоглебского помещика А. С. Вышеславцева, писавшего под псевдонимом Старого Охотника, который вел породу деда в чистоте до 70-х годов. Несколько идеализированный портрет одного из его кобелей был не раз помещаем в охотничьих журналах. Последняя представительница породы *Милка* была повязана с одним из жиха-

ревских кобелей; дети ее* отличались только длиною псовины и серо-пегой мастью, но были грубоголовы и имели распущенные уши, хотя один из них, *Шайтан* Г. А. Черткова, получил на V очер. выставке большую серебряную медаль.

Назимовские собаки более 40 лет пользовались известностью, как самые злобные. А. В. Назимов, помещик Тверской губ. (Бежецкого у.), умерший в 1888 году, держал охоту с 30-х (?) годов. Происхождение его собак довольно темное, по-видимому, они родственны борзым тверского помещика Н. Н. Гордеева, славившегося до 50-х годов своими злобачами, а также содержали кровь трегубовских собак, самых богатырских по сложению. Во всяком случае, это собаки мешаные, причем подбор производился только по злобности, а не по красоте, даже не по ладам, почему они не имеют определенного, установившегося типа. По свидетельству некоторых охотников, имевших назимовских собак, в них была давнишняя примесь горских собак, почему большая часть борзых имела сравнительно короткую псовину и распущенное ухо, не будучи, однако, чистопсовыми; иногда выраживались и настоящие псовые с длинною псовиной. Судя по грубости и короткости головы, непомерной злобности, частой волнистости псовины, надо думать, что Назимов подмешивал изредка и кровь брудастых. Предположение это тем более вероятно, что до самой смерти Назимова у него всегда держались на псарне одна или несколько брудастых борзых. Понятно, что при скрещивании назимовских собак с другими отродьями борзых они хотя утрачивали свои отрицательные качества — грубоголовость, чистопсовость, плохое ухо, — но в большинстве случаев уже не имели прежней беззаветной злобности, т. е. кровь других пород пересиливала кровь мешаных назимовских. Одним из немногих исключений был *Удав* князя Гагарина от мачеварианowской суки.

Из всего писаного о назимовских борзых охотниками, их имевшими, можно действительно заключить, что тип их еще не вполне установился; большею частью они были (по псовине) чистопсовыми, вообще ладными, широкими, сухими собаками, на правильных ногах, но с хорошими головами попадались редко; они именно отличались широколобостью, укороченным и заостренным щипцом, т. е. головою свайкой, особенно развитыми щеками. Вероятно, это зависело как от подбора собак с мертвою хваткою и очень развитыми мускулами челюстей, так равно и подмеси брудастых.

---

* Два кобеля и сука были подарены мне, а мною еще 6-месячными щенками — Г. А. Черткову, В. А. Шереметеву и (сука *Вьюга*) С. С. Карееву. Последний, кажется, породы от нее не взял, т. к. считал жихаревских борзых мешаными.

Хорошие головы с ушами взакладе встречались редко, так же как черные глаза; чаще глаза были небольшие, желтоватые. Окраса бывают всякого, кроме муругого (красного с черным щипцом), что служит косвенным доказательством отсутствия в них крови восточных борзых.

Собаки эти имеют хороший рыск, послушны, даже кротки, не скотинники. Несмотря на то что не отличались псовистостью, они тем не менее были очень выносливы и даже в 20° мороза, лежа в санях, не дрожали и не ежились. Особенною резвостью не отличались, но изредка между ними выдавались даже лихие собаки. Главное же достоинство их замечалось в злобности до самозабвения: они влеплялись даже в волчью шкуру. Смелые до дерзости, они брали всегда мертво, без отрыва, так крепко, как может брать только кровный бульдог, причем закрывали глаза и опускались всем корпусом. Эта злобность была у них прирожденною, так что молодых собак не было надобности притравливать. Как известно, А. В. Назимов и его соохотники, державшие собак той же породы, охотились главным образом зимою, внаездку, на нескольких санях объезжая волков, заблаговременно приваженных к падали.

Известность назимовских борзых начинается с 50-х годов, и об его черно-пегом *Хищном* упоминает еще Дриянский в своих «Записках мелкотравчатого». Но особенною славой пользовались они в семидесятых и восьмидесятых годах, когда большинство охотников предпочитали злобность борзых их резвости и травлю волков — травле русака. Чистокровные борзые этой породы были и, может быть, имеются у А. И. Новикова, А. С. Паскина, Р. С. Сипягина, князя В. В. Мещерского, Л. В. Лихачева, у тульских охотников братьев Бибиковых и др. На выставках настоящие кровные назимовские собаки, кажется, никогда не показывались, что весьма понятно, но на волчьих садках они участвовали неоднократно с блестящим успехом*.

Гораздо большее влияние на лады современных псовых имели **протасьевские борзые,** которые, будучи более ладными, мало уступали им в злобности. Помещик Сапожковского у. Рязанской губернии Ф. В. Протасьев вел породу от чистопсовых М. А. Траковского. По свидетельству племянника Протасьева г. П., в борзых Ф. В. Протасьева имелась примесь английских, сказывавшаяся в бедности псовины, угловатости линий головы, в короткости правила и отчасти в ушах. Сам Протасьев, по-видимому, не подмеши-

* После публикации этой статьи в мартовском номере журнала «Природа и охота» за 1897 год в майском номере появились замечания А. Новикова «По поводу статьи «Русские борзые». См. раздел «Приложения» — **Ред.**

вал (?) посторонней крови, хотя г. Губин и утверждает, что он перепортил своих собак тем, что переблюл всех своих сук с кобелем породы собак какого-то Кареева. Но кареевские собаки были у двоюродного брата Протасьева, велись особо, и сам Ф. В. был слишком высокого мнения о своих собаках, чтобы смешивать их с другими, тем более что он часто говаривал: «Борзые кареевской породы хотя и красивы и злобны, но по ногам далеко не родня нашим»*.

Большая часть протасьевских собак хотя имели чистопсовый тип, но были почти всегда псовистее борзых Траковского; некоторые собаки, как, например, *Опромет* е. и. в. великого князя Николая Николаевича и *Кидай* графа А. Д. Шереметева, могли называться скорее псовыми, чем чистопсовыми. Вообще эта порода пользовалась большою известностью в 60-х и 70-х годах, особенно с того времени, как Протасьевым были проданы графине де Шово (Юсуповой) два кобеля громадного роста за 2000 р. с., производившие фурор в Париже между русскими охотниками, посетителями графини. Кровь протасьевских собак имеется теперь во многих охотах, а именно: у Н. А. Болдарева, гр. Строганова, П. Н. Белоусова, которым была куплена у М. А. Траковского знаменитая *Быстра*.

Еще большее значение для псовых охотников в последнее двадцатилетие имели **мачевариановские собаки,** едва ли не самые ладные и красивые современные русские борзые, не имевшие, однако, типичных признаков псовых, так как они заключали не особенно давнюю подмесь горских. По словам самого П. М. Мачевариановa**, порода ведется им от своих (?) собак, трегубовских, наумовских и салтыковских. В конце сороковых годов он, задавшись целью дать своим псовым большую ширину ладов и более силы в скачке, впустил в породу кровь горских борзых А. В. Жихарева и А. А. Столыпина (*Фоблаза* Белякова, подаренного последнему Жихаревым). Полугорки вязались затем с чистокровными псовыми, и таким образом им была выведена особая разновидность псовых, отличавшаяся красотою головы, большими навыкате глазами, чрезвычайною шириной зада, не вполне правильными (не взатяжке) ушами, сравнительно негустою и недлинною псовиною и правилом вокороть. Собаки эти славились (с 50-х годов) в Симбирской и соседних губерниях необычайною резвостью, но не отлича-

---

* Н. А. Кареев писал, что отцом его А. Н. Были проданы Протасьеву 3 кобеля, в том числе знаменитый черно-пегий *Хищный* (назимовской породы). Что у Протасьева встречались собаки очень псовые и даже в завитках, видно из слов В. Насонова («Пр. и охота», 1892 г., июль).

** «Ж. охоты», 1876 г., июль.

лись злобностью и были небольшого роста. В семидесятых годах они уже настолько измельчали и выродились, что Мачеварианов был вынужден в 1873 году искать для продолжения породы родственных им производителей и обратился с этой целью к арзамасскому помещику Н. П. Ермолову.

Ермоловские собаки мало отличались от мачевариановских, так как имели аналогичное происхождение, заключали ту же кровь, хотя, может быть, имели еще более древнюю родословную. Мы видели выше, что еще у прадеда Н. П. Ермолова были (в 1776 г.) замечательные по красоте и резвости серо-пегие псовые (густопсовые?). Прадед же Ермолова вел породу от собак своего прадеда, так что собаки велись в одном роду без подмеси других (не псовых) пород почти два столетия — факт в охотничьих летописях беспримерный. Только дед Н. П. Ермолова, достав горского кобеля, завел мешаных собак. Вторично кровь горок подмешана к породе в 1851 году. Именно через полугорского кобеля *Любима I* (от чистокровного горского кобеля Яненко и псовой *Летки* Н. Н. Ермолова). Затем в 1860 году порода была подновлена трегубовской *Славой*, а в 1869 мачеварианов ской *Алмазкой*. С 1873 года Н. П. Ермолов и П. М. Мачеварианов вели уже одну общую породу.

После смерти Мачеварианова в 1880 году и Ермолова в 1889 г. собаки их рассеялись по всей России, и теперь мало найдете охот, не заключающих крови этих борзых. Но чистокровных мачеварианов ских или ермоловских, кажется, ни у кого не ведется*; всего ближе к этой породе борзые П. Ф. Филатова, содержащие очень много крови мачеварианов ских собак.

Кроме этих угасших и смешавшихся между собою и другими псовыми отродий следует упомянуть о собаках Каракозова, Лихарева, Ратаева, Ступишина, Назарьева, Воропанова. **Борзые Каракозова** (Аткарского уезда) отличались ростом, шириною склада, коротким, сравнительно толстым щипцом и недлинною сравнительно псовиною; они в особенности славились злобностью; многие за русаком вовсе не скакали. Из них знаменитый *Космач* (не с подмесью ли курляндской псовой или брудастой?) догонял вугон старого голодного волка и брал его в одиночку. **Лихаревские собаки** были настоящими густопсовыми старого типа, что доказывает *Поражай* Перепелкина на выставке, очень похожий на рисунок густопсовой Вышеславцева. По мнению некоторых, лихаревские псовые происходят от прежних кареевских борзых. **Ратаев,**

* После смерти Н. П. Ермолова лучших производителей: знаменитых *Кару* и *Сердечного*, а также *Проказу*, *Смелого* и *Славу*, приобрел П. Н. Белоусов и до сих пор имеет несколько чистокровных ермоловских.

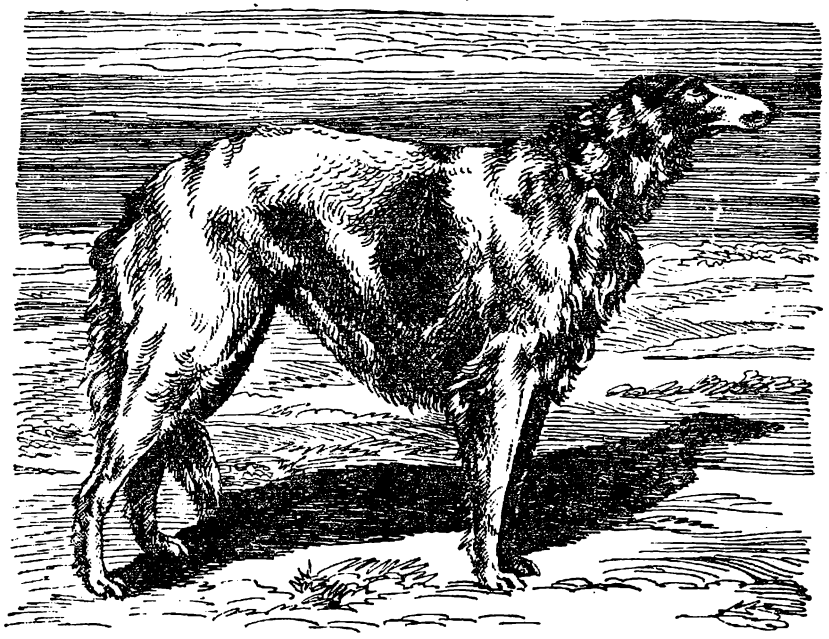
бывший управляющим императорской охоты, помещик Романовского уезда Ярославской губернии, известен охотникам главным образом по *Злодейке,* кровь которой имеется в весьма многих современных борзых, но *Злодейка,* кажется, происходила не от его собак, так как вся охота была продана им еще в 1852 году*. **Н. Д. Ступишин** (Сергиевские минеральные воды) имел до 80-х годов замечательно типичных густопсовых, происходивших из знаменитой некогда (в 40-х годах?) демидовской охоты в Сиверцах (Петербургской губернии). Последние ступишинские борзые вместе с близкими к ним (?) по виду **назарьевскими собаками** были приобретены недавно умершим П. Ф. Дурасовым в 1888 году. Кровь **воропановских псовых,** тоже весьма замечательных по красоте и резвости, сохранилась (?) в собаках П. Долинского.

Все эти разновидности можно считать исчезнувшими, так сказать, растворившимися в других породах. В настоящее время вследствие выставок, удобства сообщений все псовые охотники успели перезнакомиться между собою и вряд ли можно найти у кого-либо борзых, которые велись бы в чистоте, без прибавления крови других *неродственных* собак в течение 20, даже 10 лет. Большинство современных борзых приобрели общий тип, который можно назвать современной псовой, то есть все породы и разновидности, перемешавшись между собою, были как бы приведены к одному знаменателю. Исчезли следы густопсовой, главным образом узкая глубокая грудь, плоские ребра, длинная волнистая, тем более кудрявая псовина, унаследованная от курляндских псовых, вымерших много ранее; все эти признаки замечаются теперь у немногих собак в виде исключения, по закону атавизма, вспоминая породу. Не стало вовсе чистопсовых борзых как английского, так восточного происхождения, хотя на юге России псовые всегда получают укороченную псовину. Кончились бестолковые скрещивания псовых с вислоушками, и вместе с тем прекратились робкие попытки реставрации отжившей свой век густопсовой, в ее несколько карикатурном виде. Все русские борзые получили общий, довольно однообразный, но еще неопределенный (?) вид и отличаются между собою, собственно говоря, только большею или меньшею красотою, большею или меньшею грубостью форм, что зависит не столько от вкусов владельца, сколько от того, предпочитается ли им резвость злобности или наоборот. Весьма сомнительно, чтобы в каком-нибудь уголке России могли уцелеть псовые до сих пор неизвестной породы, т. е. разновидности без примеси крови собак мачевариано-ермоловских, протасьевских, жихаревских и в особенности кареевских.

* См. публикацию в «Моск. ведом.», 1852 г., № 143. Продавались 17 гончих и 20 борзых.

Из современных борзых наибольшее распространение, если не известность, имеют протасьевско-ермоловско-кареевские, именно собаки С. С. Кареева (племянника знаменитого охотника А. Н. Кареева), хотя последние вследствие частых подмесей менее кровны, чем собаки Н. А. Кареева (сына А. Н. Кареева, охота которого была воспета Дриянским), Другова, В. Н. Чебышова, С. А. Барышникова и князя Д. Б. Голицына, охотников, умевших вовремя остановиться и сохранить в породе своих собак преобладание крови старинных кареевских собак. Успех борзых С. С. Кареева объясняется прежде всего тем, что они оказались на первых

Рис. 7. Наян, русская псовая борзая А. Н. Кареева («Журнал охоты» А. Е. Корша, 1890, № 3)

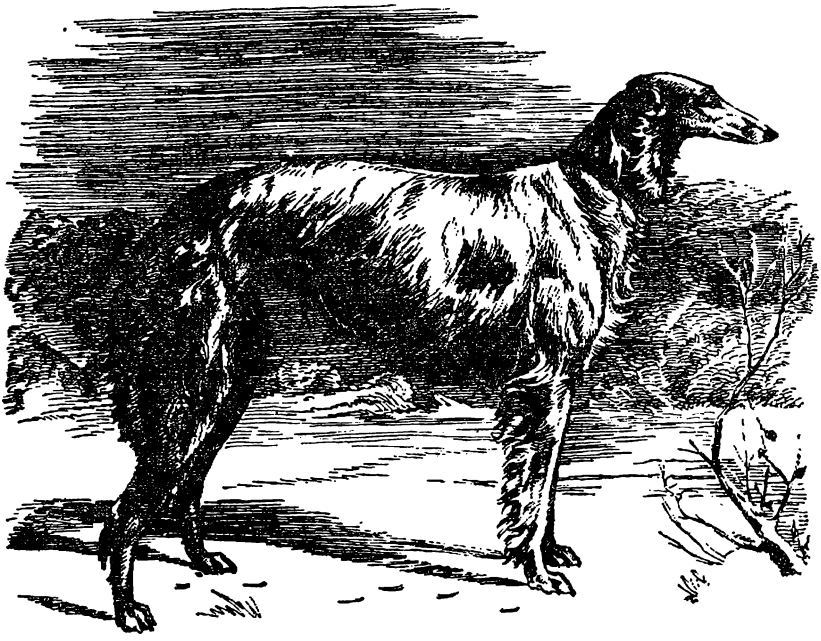

выставках единственными собаками, близкими к старому густопсовому типу, имели очень большой рост и длинную псовину, а также умением владельца, нашедшего в них источник немалых доходов. Когда же охотники перестали увлекаться длиною псовины и лещеватостью и познакомились с борзыми другого, более сильного типа — протасьевскими и мачевариано-ермоловскими, то С. С. Кареев первый, чтобы улучшить свою породу, уже начавшую вырождаться, стал прибавлять в нее кровь других собак.

По-видимому, родоначальники собак С. С. Кареева — *Наян* и *Вихра,* от которых он повел породу, не были чистокровными каре-

евскими, которые едва ли не происходят от собак князя Барятинского, близкого родственника по женской линии деда С. Кареева. Обе собаки, во всяком случае суки, были полукровными кареевскими, и *Вихра* принадлежала сначала Коробьину, а *Наян* Лихареву (см. выше)*. Эти два производителя дали целый ряд выдающихся собак, обращавших общее внимание на первых пяти московских очередных выставках. Громадный, 19-вершковый *Победим* С. С. Кареева, *Награждай* и *Наградка* Чебышова, *Раскида* Типольта были на них бесспорно лучшими представителями русских борзых и более других приближались к старинному типу гус-

Рис. 8. Современная псовая. Наградка В. Н. Чебышова («Охотничий календарь»)

* Коробьин («Пр. и охота», 1885, апрель) доказывает, что *Вихра* происходит от *Злодея* Иванчина и *Вьюги* А. Н. Кареева, которая тоже была полукровной, так как родилась от суки Бабина и кареевского кобеля. *Наян* был сын лихаревского *Похвала* и *Проказки* А. Н. Кареева. Н. А. Кареев отвечал на эту заметку, что *Наян* происходит от *Проказки* и *Награждая* отцовских собак и что отец только давал *Наяна* Лихареву для породы. Позднее Корш говорил, что *Злодей,* отец *Вихры,* был мосоловских собак, однопородных с свечинскими, а *Вьюга,* мать *Вихры,* от кареевского *Карая* и суки другой породы (Бабина), принадлежала Н. В. Лихареву, соседу А. Н. Кареева, не имевшему будто других собак, кроме кареевских.

топсовых. Но уже в красавце *Карае* Картавцева сказалось вырождение породы вследствие близкого родства, выразившееся в полном отсутствии энергии. Вероятно, это обстоятельство побудило С. С. Кареева, как опытного собаковода-практика, искать подходящих производителей для освежения крови. Сначала им был взят помет от *Нещады* Хомяковского (см. далее), затем от воейковского *Хищного;* но пометы эти не были особенно удачны, и Кареев остановился на ратаевской хромой *Злодейке.* Последняя дала ему и другим лицам от кровных кареевских кобелей немало очень хороших собак, но придала большинству из них свою прилобистость и муруго-пегий окрас. Происхождение *Злодейки* и брата ее *Чародея,* бывшего на 1-й очередной выставке, довольно темное, и об этом можно узнать, вероятно, в архивах императорской охоты. С. С. Кареев* говорил сначала, что *Злодейка* — породы Домогацкого, который вел породу от собак деда Кареева князя Барятинского, косвенно намекая этим, что *Злодейка* тоже сродни кареевским. Позднее** он утверждал, что она происходит от собак какого-то П., помещика одного из черноземных уездов, все собаки которого поступили в императорскую охоту. Улучшенные кареевские собаки имели успех, но, по-видимому, С. С. Кареев вследствие большого спроса продавая дорогою ценой лучших производителей, не имел возможности правильно вести породу, и она в настоящее время утратила ее типические признаки и рост. Из прежних кареевских борзых наиболее чистокровная в настоящее время сохранилась в псовой охоте П. Н. Белоусова: это *Победа,* дочь знаменитого *Лебедя* С. А. Барышникова и *Леды,* происходящей от известной *Любки* (зол. мед.) и *Любезного* (зол. мед.). Подробный аттестат *Победы* у владельца.

Из других владельцев современных псовых следует указать на Н. А. Болдарева, князя Д. Б. Голицына, В. Н. Чебышова, Н. В. Мажарова, князя Н. М. Вадбольского, гг. Челищевых, П. Ф. Филатова, П. Н. Коротнева, А. А. Дурново, П. Н. Белоусова, Н. Н. Бибикова и др. О собаках этих охотников будет говориться при обзоре московских очередных выставок, к которому и переходим.

История московских очередных выставок, отчасти и садок — это история современных борзых, притом весьма поучительная. Мы видим, как последовательно, одни за другими, показываются на них представители главных разновидностей, как затем корифеи выставок являлись главными производителями и обновителями

* Ответ Н. А. Хомякову. «Пр. и охота», 1885, июль.

** «Пр. и охота», 1892 г., август, стр. 113.

крови других борзых, начинавших вырождаться вследствие ведения в близком родстве, как постепенно главные разновидности утрачивали чистокровность, не всегда улучшаясь по внешности и полевым качествам.

На первой очередной выставке (1874—75) были, собственно говоря, представители трех определенных разновидностей псовых — кареевской, белкинской и жихаревской, так как происхождение борзых царской своры осталось неизвестным. Преобладали собаки кареевской породы, выставленные С. С. Кареевым, В. Н. Чебышовым и А. А. Типольтом. Они обращали на себя общее внимание красотою, ростом, псовиною, но все имели распущенные лапы: длинное, сваленное на сторону правило и сравнительно слабый зад. Огромный 19-вершковый *Победим* Кареева, получивший большую серебр. медаль, был, кроме того, лещеват. Красно-пегий *Награждай* Чебышова, награжденный золотой медалью (никогда более не выдававшеюся псовым на московских выставках) и признанный лучшим представителем кареевской породы и псовых вообще, имел несколько короткую шею и небольшую прилобистость, был лещеват и узок. Говоря по справедливости, *Раскида* Типольта была красивее и правильнее *Награждая:* она имела отличную голову и большие глаза, но короткое правило и сравнительно короткую псовину; в ней было что-то чистопсовое, но главный ее недостаток был — кобелиные стати, т. е. короткость колодки.

Из других борзых заслуживал внимания *Награждай* Н. А. Болдарева (б. сер. мед.) жихаревской породы, отличавшийся рабочими ладами, псовиною в завитках, грубостью головы и выказавший на садке замечательную злобность. Оригинальная псовина его, смущавшая некоторых мнимых знатоков, происходила, очевидно, от примеси, быть может отдаленной, курляндской псовой или же курляндской брудастой; но уж, конечно, ни в каком случае не овчарки. В семидесятых годах брудастые борзые не были еще особенною редкостью и встречались, напр., в охотах Назимова, Губина, Обезьянинова, Запольского и др.

Точно так же производили впечатление отличных полевых собак чистопсовый бурматный *Карай* и молодой красно-пегий, псовый по ладам *Выручай* Н. В. Мажарова, тоже получившие большие серебряные медали; *Карай* оказался собакой выдающейся злобности. Во всех мажаровских борзых очень заметна недавняя примесь крымки, выразившаяся в распущенных ушах. Свора его величества была очень нарядна, но не однотипна. Черно-пегий *Любезный,* рослый и красивый кобель, весьма отличался от полово-пегого, еще более псовистого и замечательно длинного *Лебедя,* а красно-пегий *Чародей* (брат упоминавшейся *Злодейки*)

выдавался прилобистостью и головою был сходен с мажаровским *Выручаем,* но имел лучшие глаза.

Вторая выставка была несколько разнообразнее. Кроме очень ладных сук — *Наградки* Кареева с хорошими глазами и правильными ушами (больш. серебр. медаль), *Наградки* Чебышова с несколько распущенными ушами (малая серебрян. медаль) и несколько грубоголового и малоглазого *Наяна* (б. сер. мед.) Чебышова — выдавался в особенности *Злорад* князя Черкасского. Этот замечательно правильно сложенный кобель, лучший представитель породы чистопсовых, получивший больш. серебр. мед., хотя по баллам вышел на золотую, происходил от собак М. А. Траковского и приходился несколько сродни протасьевским борзым*. Мало уступал *Злораду* по красоте *Угар* Тумановского (б. сер. мед.), псовый по ладам, но плохо одетый, замечательно правильный кобель с отличными головой и глазами и совершенно правильно затянутым ухом, как у старинных густопсовых. К сожалению, оба кобеля эти пропали бесследно как производители, по крайней мере, потомство их на выставках не показывалось. В этом отношении серо-пегий *Хищный* воейковских собак, принадлежавший его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу (б. сер. мед.), хотя уступал *Злораду* и *Угару,* принес более пользы, так как от него был взят Кареевым помет. Этот очень нарядный, но плохо одетый кобель происходил от жихаревского *Похвала,* отца болдаревского *Награждая,* и от псовой суки Д. М. Елагина.

В следующем (1877) году не выставлялось ничего нового и выдающегося. Было много собак кареевской породы, показанных А. Н. Кареевым, В. В. Друговым и другими. Борзые Д. Т. Каншина, хотя во многих отношениях превосходили кареевских, очень имели мало влияния на породу и исчезли почти бесследно вместе со смертью владельца спустя два года. (Впрочем, от *Завладая* Каншина, по свидетельству Н. А. Болдарева, имеются 3 прекрасных кобеля у П. Н. Белоусова.)

На 4-й очередной выставке, устроенной по случаю войны лишь в январе 1879 года, большое оживление в мире псовых охотников внесено было протасьевскими собаками, проданными за смертью Ф. В. Протасьева в разные руки. Особенное внимание обращал на себя полово-пегий *Опромет* его императорского высочества великого князя Николая Николаевича (больш. серебр. мед.), с превосходными ногами, несколько прилобистою головой, хорошими глазами и хорошо одетый, даже в завитках; затем чубаро-пегий *Кидай*

* По Кашкарову, *Злорад* происходил (с отцовской стороны) от *Черкеса* (см. выше) Атрыганьева; именно от суки Траковского и кобеля Бырдина, мурогого *Марса II,* на которого будто очень походил.

графа А. Д. Шереметева, весьма осанистый кобель, очень ладный, с хорошей головой, но плохо одетый и вообще чистопсовый по формам. Прочие протасьевские собаки, выключая *Поражая* Болдарева, не представляли ничего замечательного. Псовые охотники резко разделились на два лагеря: одни восторгались протасьевскими *Опрометом* и *Кидаем,* основательно указывая на безукоризненность их рабочих ладов; другие восхваляли *Карая* Картавцева, сына *Награждая* Чебышова. *Карай* был действительно замечательно красив и даже имел чересчур тонкую и изящную голову для кобеля. Но задние ноги у него были коровьи, а лапы, как у большинства кареевских собак, круглые, кошачьи. Кроме того, впоследствии оказалось, что он совершенно лишен энергии и злобности, ловил в охотку, скакал плохо, причем после каждой травли у него дрожали передние ноги; вдобавок он оказался бесплодным. Увлекшись кареевскими и протасьевскими собаками, охотники почти не заметили перепелкинского чубаро-пегого *Поражая* лихаревских собак. Это был среднего роста довольно широкий и мощный кобель на хороших ногах, с очень низко спущенным ребром, довольно сухою головой, с прекрасными глазами, богато одетый, в завитках. Такой типичной густопсовой не бывало ни на одной выставке, и очень странно, что ей была присуждена только малая серебряная медаль, что, вероятно, и было причиною того, что он не был пущен производителем*. Не обратили на себя внимания невидные, т. е. небольшие, хотя очень ладные чистопсовые суки — *Змейка* и *Мытарка* — лучшие из челищевских собак.

Пятая выставка замечательна тем, что на ней впервые появляются очень удачные продукты скрещивания различных разновидностей. С. С. Кареев, убедившись в необходимости освежения крови своих собак, остановился, наконец, на ратаевской *Злодейке,* сестре *Чародея. Злодейка* в противоположность брату, давшему хотя и замечательно ладных и необыкновенно широкозадых собак, но куцых**, оказалась замечательною производительницей. Наилучшим представителем улучшенных кареевских собак был красно-пегий (муруго-пегий?) *Чародей* Чебышова от его *Награждая,* очень похожий на дядю и вполне заслуживавший присужденную ему большую серебряную медаль. Полукровные кареевские собаки — полово-пегий *Наян* Кареева (от *Терзая* и *Злодейки*), *Любим* Чебышова (от *Награждая* и *Злодейки*), *Победим II* Кареева (от *Победима I* и *Награды* Хомяковского) — тоже получили большие серебр. медали. Гвоздем выставки был, однако, поздно

---

* *Поражай* был подведен его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу.

* На Петербургской выставке 1878 года.

приведенный на выставку и экспертизе поэтому не подвергавшийся *Удав* кн. П. С. Гагарина (Нижегородской губ.) от мачеварианов-ской *Голубки* и кобеля барона Жомини назимовских собак. Это был действительно выдающийся по ладам и злобности кобель, очень большого роста (18 в.), чрезвычайно правильно сложенный, с отличною головою, но грубою песиковатою псовиною. На этой же выставке был показан Г. А. Чертковым очень недурной кобель *Шайтан* (б. сер. мед.)* от *Милки* Вышеславцева и жихаревского кобеля, давшего ему грубую голову.

Кровные мачевариановские собаки, которые уже давно славились в среде нижегородских, симбирских, пензенских и других охотников, появились лишь в следующем году, после смерти П. М. Мачеварианова (1880), сначала *Язва,* показанная осенью 1880 года в Тамбове на выставке Тамбовского отдела Императорского общества охоты (VI очередная), затем на VI очер. выставке в Москве *Убей* Н. А. Болдарева, красный кобель небольшого роста, как и все мачевариановские собаки, с отличными головою, глазами и ушами, псовиною в завитках. Обе собаки получили по праву большие серебряные медали. На VII же выставке были черные с подпалинами борзые П. А. Березникова, незадолго перед тем поступившие в императорскую охоту. Все 12 собак были довольно типичными чистопсовыми, некоторые из них имели распущенные уши. За однотипность им была выдана золотая медаль. Из чистокровных кареевских особенно выделялись *Карай, Терзай* и *Любка* Вердеревского, получившие в отдельности и за свору большую серебряную медаль. Из кареевских улучшенных замечательна была *Злодейка 2-я* С. С. Кареева (от *Терзая* и *Злодейки* ратаевской), получившая бол. сер. мед. на VI и VII выставках; это прилобистая и плохо одетая сука, очень ладная и выказавшая замечательную резвость и большую злобность. Очень недурны были также получившие б. сер. медали *Подар* и *Пожар* В. Н. Чебышова от *Поражая* Кареева и ратаевской *Злодейки*** и очень на нее похожие; также *Злодейка* кн. Гагарина от кареевских *Победима I* и *Злодейки II* и его же *Дорогой* от *Удава* и кареевской *Злодейки II,* совмещавший в себе, следовательно, кровь мачевариановских, назимовских, кареевских собак и ратаевской *Злодейки,* на которую очень походил. Большая охота, выставленная молодым охотником В. И. Лихачевым, состояла главным образом из проданных ему Кареевым кровных (?) и полукровных собак и весьма заурядных чистопсовых борзых, купленных у ярославских охотников — Дедюлина и Трутнева.

* Подарен мною щенком.

** *Поражай* сын *Терзая* и *Вихры; Терзай* от *Старого Наяна* и той же *Вихры.*

Значительное количество собак, родственных мачеварианов-ским, появилось лишь на следующей, VIII выставке, именно ермоловские и филатовские. Все они отличались отличными головами и глазами, сухими ногами, шириною склада, были очень однотипны, но мелки ростом, бедно одеты и имели укороченное правило. Лучшими из ермоловских оказались: муруго-пегий *Карай,* самый рослый изо всех ($16^1/_2$), с небольшою прилобью, получивший только малую сер. медаль, и его однопометница красно-пегая *Кара**, едва ли не самая красивая и ладная сука изо всех бывших на выставках, не исключая типольтовской *Раскиды* и *Наградки* Кареева. Она получила большую сер. медаль. Из собак П. Ф. Филатова очень хороши были *Черкай* (от мачеварианов-ского *Даньяра*) и в особенности сука *Тамара***. На этой же выставке Н. В. Мажаров показал потомство своего *Выручая* (от *Лиходейки*) — *Милку* и *Красотку,* черных с подпалинами сук, очень ладных и несомненно лучших изо всех мажаровских собак и заслуживавших больших сер. медалей. Борзые Д. С. Сипягина и Ф. А. Свечина, происходившие главным образом от назимовских, по виду не представляли ничего замечательного, но некоторые из них (особенно *Туман* Свечина) выказали на садке замечательную злобность. Большая охота графа А. Д. Шереметева, занимавшая, подобно прошлогодней лихачевской, значительную часть манежа, была составлена главным образом из потомков протасьевских собак, именно *Кидая,* не выходивших из уровня посредственности.

На IX опять первенствовали борзые Ермолова, Филатова и М. В. Столыпина, тоже мачеварианов-ские. На ней кроме очень хорошей и кровной суки *Удачи* Н. П. Ермолов показал результат не особенно удачного скрещивания мачевариано-назимово-кареевских собак, именно *Гордеца,* происходящего от *Удава* и гагаринской *Злодейки* (см. выше). Большой интерес представили многочисленные борзые, выставленные П. Ф. Дурасовым, происходившие частию от полумачеварианов-ской суки, царских *Лебедя* и *Любезного* (см. 1-ю очер. выставку) и *Нахала* Ратаева (от *Чародея* и *Злодейки,* т. е. брата и сестры). Позднее Дурасовым были приобретены от Ступишина (см. выше) 2 кобеля и сука демидовских собак густопсового типа и куплены несколько борзых у сына известного симбирского охотника Н. В. Назарьева, славившегося своими собаками и имевшего также знаменитых плещеевских псовых.

На X очередной выставке лучшими псовыми были: *Порхай* и *Победка* князя Д. Б. Голицына (от *Подара* Чебышова и ратаевской

* По мнению Н. А. Болдарева, бывшая на XXI выставке *Дивна* П. Н. Белоусова по костяку и мощности сложки выше *Кары.*

** Родоначальниками филатовских собак были мачеварианов-ские красно-пегий *Кролик,* черно-пегий *Даньяр* и полово-пегая *Пальва.*

Злодейки), *Сердечный** Н. П. Ермолова, получившие большие сер. медали, и Барышникова кровный кареевский *Лебедь*, один из выдающихся представителей породы, почему-то удостоенный только малой серебряной медали.

На XI выставке Ермолов показывал уже других мешаных собак — детей своей *Кары* и болдаревского *Карая* (от протасьевского *Поражая*), но кровь протасьевских собак, хотя увеличила рост ермоловских, но придала им много грубости. Н. А. Болдарев выставил 4-х кобелей, 3-х от *Поражая*, в том числе очень ладного *Алмаза* (б. сер. мед.). Д. Б. Голицын показал 4-х собак от *Подара* Чебышова (см. выше) и *Русалки* Кареева (дочери *Хищного* Воейкова и кареевской *Наградки*); из них выдавались *Русалка*, с небольшой прилобиной (больш. сер. мед.) и *Резвый* (м. сер. мед.). Лучшею собакою выставки был, однако, упомянутый выше половопегий *Лебедь* С. А. Барышникова (от *Пылая* Кареева и чебышовской *Наградки*), получивший уже бол. сер. медаль, так же как и мало уступавшая ему однопометница *Вихра*.

Следующие две выставки отличались многочисленностью и разнообразием представителей новых разновидностей псовых. Все собаки XII выставки были смешанного происхождения. Из них новыми для посетителей явились борзые Д. П. Вальцова и К. Н. Болдарева. Первый выставил 8 собак, большею частию от своей *Подруги* и мачевариано-ермоловских кобелей. *Подруга* никогда не бывала на выставках, но пользовалась довольно широкою известностью, как замечательно резвая, злобная и ладная сука**. Однако большая часть ее потомства отличалась малосогнутыми задними ногами, которые давал, кажется, протасьевский (болдаревский) *Поражай*. Лучшими были *Поспех* (б. сер. мед.), из сук — *Колпица* (б. сер. мед.). Родственное происхождение и те же недостатки имели собаки К. Н. Болдарева, из которых лучший — *Подар* (от *Поражая* и *Подруги*), получил большую серебр. медаль. Собаки А. И. Храповицкого тоже родственны вальцовским, т. к. происходят от его *Лезгинки* (полумачеварионовской). Н. П. Ермолов, в свою очередь, показал 7 собак, родственных вальцов-

---

* *Сердечный* был после смерти Ермолова приобретен П. Н. Белоусовым, в охоте которого был производителем.

** По Озерову, Д. П. Вальцов ведет свою породу от *Подруги*, протасьевского *Поражая* и полумачеварионовской *Лезгинки;* затем им была снова впущена кровь протасьевских — через *Кидая* и ермолово-мачеварионовских, через (?) *Лукавку* Ермолова. *Подруга*, родоначальница многих современных псовых, полукровная (полуанглийская от собак князя Д. Д. Оболенского, который имел англичан и псовых) назимовская, от его *Пылая* и *Сиротки*, дочери *Сверкая* Бахтинского и свечинской *Душеньки*. *Лезгинка* — дочь мачеварионовской *Блошки и Нахала* ивашкинских собак.

ским, именно *Карая II* от *Подруги* и *Поражая* и 6 молодых от этого *Карая* и своей *Кары,* но ни одна не выдавалась из среднего уровня. Впоследствии сам Ермолов сознавался, что *Карай* оказался плохим производителем. Самою выдающеюся собакою этой выставки была *Сударка* Гагарина, впоследствии Глебова (б. сер. мед.), от *Удава* и *Злодейки II* (см. выше), лучшее, что дал *Удав,* от которого, как мешаного кобеля, получалось потомство с довольно разнообразными наружными и внутренними качествами.

XIII выставка отличалась многочисленностью борзых (107) и количеством новых молодых экспонентов. Из прежних Н. А. Болдаревым приведено было 7 собак, большею частию от протасьевских и полупротасьевских кобелей и ермоловских сук. Из них три, в том числе *Алмаз,* уже были на прежних выставках; из молодых же лучшею оказалась *Кара,* дочь *Карая II* и *Кары* Ермолова. Последний прислал 5 собак по первой осени; из них 3 однопометника *Кары* Болдарева получили порознь малые серебряные и большую серебряную медаль за свору; самому же заводчику за правильное ведение породы был выдан ценный приз (в первый раз). Все эти собаки по красоте форм уступали прежним кровным ермоловским и мачевариановскими, выигрывая лишь в росте и полевых качествах (?). Прежний тип этих собак более всего сохранили отличные суки П. Н. Коротнева *Радость* и *Юла* от ермоловского *Сердечного* и *Наглы* владельца (от ермоловского *Козыря*). Очень удачным продуктом скрещивания обновленных кареевских собак с мачеварианoвскими явилась сука *Заноза* (мал. сер. мед.) А. Ф. Васильева от *Подара* кн. Д. Б. Голицына и *Летки* Филатова. Собственно мачеварианoвский тип на выставке сохранен был только П. Ф. Филатовым, замечательно красивый кобель которого *Соболь* был лучшим кобелем и вполне заслуживал присужденную ему награду (б. сер. мед.). Прочие собаки, за исключением *Грубияна* А. В. Шумовского (от борзых Н. В. Мажарова), сохранившего тип гейеровских, имели еще более сложное происхождение и заключали в себе кровь протасьевских, ермоловских, жихаревских собак и вальцовской *Подруги.* Большая часть собак, выставленных Н. И. Сорохтиным, — от *Варвара* своих собак (4-я очер. выст.) и сук Вальцова и Шумовского; лучшим был, однако, *Зверь* от *Хватая* М. В. Столыпина (мачеварианoвского?) и *Зацепы* Шумовского. Борзые (6) Г. О. Немировского от собак Мачеварианова, Гагарина и Вальцова не представляли ничего замечательного. Из 8 борзых И. В. Иваненкова от собак Вальцова и Болдарева лучшею была очень рослая, но чистопсовая по псовине *Милка* (б. сер. мед.). Из 12 собак К. В. Шиловского, происходивших от мешаных жихаревских, протасьевских и вальцовских, достойна внимания *Победа* (бол. сер. мед.). Лучшею из озеровских была бурматная

Голубка (бол. сер. мед.) от *Даньяра* и *Сайги* Вальцова, затем отец ее — черный *Даньяр* (от *Араба,* сына *Удава* и *Злодейки* кн. Гагарина, и *Лезгинки* Вальцова). Аналогичное происхождение имели и борзые (3) А. И. Храповицкого, т. е. также от собак Вальцова. Из них чубарый *Марс,* молодой кобель по 1-й осени, получил бол. сер. медаль. Как видно, на этой выставке преобладало потомство вальцовских и болдаревских собак, о происхождении которых говорилось выше.

На XIV выставке выдавались и преобладали мешаные ермоловские. Из них лучшею была *Серна* Н. П. Ермолова от его *Сердечного* (см. выше) и коротневской *Наглы* (дочери ермоловского *Козыря*) — замечательно ладная сука с отличною головой и совершенно правильным закладом ушей, но очень сиротливая. Она получила большую серебряную медаль и была куплена за очень дорогую цену молодым охотником И. Т. Долинским. П. Н. Коротнев выставил *Крылата* (от *Дорогого* Болдарева и своей *Наглы*), грубого и несколько горбатого кобеля, впрочем, лучшего на выставке (бол. серебр. медаль) и купленного в Англию для Уэльслея за 400 р. с. Очень хороша была также *Ведьма* кн. Д. Б. Голицына (б. сер. мед.) от *Щеголя* Ермолова и *Змейки* кн. Д. Б. Голицына, *Утеха* Н. А. Болдарева (от *Карая II* и ермоловской *Кары*), не подвергавшаяся экспертизе, затем *Раскида* И. П. Соколова (от *Атамана* Болдарева и *Подруги II* Вальцова). Шиловский выставил 10 собак, родственных болдаревским и вальцовским и большею частью уже известных. Борзые Инсарского происходили от гагаринских собак; близкое с ними происхождение имели столыпинская *Наградка* (м. сер. мед.) и большая часть борзых Г. О. Немировского. Наконец, И. Т. Долинским выставлено было 14 собак от кареевских с подмесью мачеварионовских, отчасти воропановских; лучшею из них признавалась *Вьюга,* чистокровная кареевская от *Победима I* и *Наградки,* одна из лучших сук кареевской породы, с совершенно правильными задними ногами (бол. сер. мед.). Очень хороша была также *Леда* (бол. серебр. мед.), от *Любезного* Кареева и *Любки* Вердеревского.

Начиная с XV-ой, московские очередные выставки начинают, видимо, приходить в упадок и терять свой интерес для псовых охотников. Эта выставка была особенно бедна борзыми, и едва ли не лучшими на ней были полуермоловские собаки г-на Панова, из которых *Даньяр* (от *Озорника* своих собак и ермоловской *Кары*) получил на XV и XVI выставках малую серебряную медаль, на выставке же 1889 года в Петербурге — большую серебряную.

На XVI выставке также большая часть борзых были мешаные — ермоловские и гагаринские. Вдовой Н. П. Ермолова, умершего в 1889 г., выставлены четыре ничем не замечательные собаки

и приведена для продажи вся охота — около 30 борзых. Лучшими оказались П. Н. Коротнева *Блистай* (от его *Крылата* и *Проказы* Ермолова) с торчащими, как у лайки, ушами (б. сер. мед.) и *Швырок* от *Грубияна* Черткова и своей *Наглы,* получивший только малую серебряную, и однопометник его — *Удар* Корша (м. сер. мед.). Очень хорош был *Алмаз* М. В. Столыпина, по-видимому им родственный. Инсарский выставил 5 недурных борзых от гагаринских, б. ч. уже бывших на предыдущей выставке; Филатов — 3-х, из которых лучшая, *Зазноба,* получила малую серебряную. Борзые (6) К. В. Шиловского от своих, болдаревских и вальцовских, не подвергавшиеся экспертизе, ничего особенного не представляли; то же собаки (5) С. М. Шульгина (жихаревских и болдаревских кровей), кроме *Победки* (м. сер. мед.). Назимовская порода имела представителей в лице трех очень грубых собак Е. Е. Чевакинского. Улучшенных кареевских выставил Г. Н. Вельяминов, получивший за свору из 3 борзых большую серебряную; но в них кроме крови *Злодейки* Ратаева имелась еще кровь *Поражая* Перепелкина (см. выше) и *Хищного* Воейкова. *Завладай* Максимова, получивший только бронзовую медаль, замечателен тем, что, несмотря на короткие ноги вопрямь, на московских осенних садках 1890 года взял 1-й приз на резвость. Он происходил от чебышовских (мешаных) *Наяна* и *Неги.* Из новых собак замечательны были борзые П. И. Шехавцова, однопометники от своих (кажется, с примесью озеровских или вальцовских) собак. Лучший из них — чубаропегий *Сокол* получил большую серебряную медаль (два остальных — малую, а вся свора — большую) и был куплен И. Т. Долинским за 1 000 рублей.

Следующая (XVII) выставка опять была бедна количественно (60 экз.) и качественно. Первенствовали болдаревские собаки (7), из которых *Пылай* и *Атаман* получили большие серебряные. *Пылай,* по 1-й осени, 18 верш., от *Подара* (б. сер. мед. на XII выст.) и *Завлады* (от *Алмаза* — б. сер. на XI и *Колпицы* — б. сер. мед. на XII выставке). Очень хороши были родственные болдаревским борзые Шиловского, особенно *Блистай* и *Лукавка* Е. П. Шиловской (от болдаревских кобелей и вальцовских сук), проданные Медведеву за 1500 руб. *Удар* Корша (см. XVI выст.) удостоен был, как один из лучших кобелей, большой серебряной медали. Из собак новых экспонентов заслуживали внимания борзые (3) Курдюмова, О. И. Улагай (4, в особенности серо-пегая *Бурка*) и А. П. Кожевникова от *Азиата* Жихарева и своих собак; лучший из них — *Лиходей,* с плохими передними ногами и закрюковатым правилом, получил малую серебряную медаль.

На XVIII выставке из мешаных мачевариано-ермоловских борзых были выставлены только 2 суки П. Н. Коротневым и 5 собак

Г. Н. Коротневым; из них лучшею оказалась сука первого — *Ханка,* имевшая, однако, сильно распахнутую грудь, т. е. широкий постанов передних ног, что служит плохою приметою для резвости. Б. Инсарский показал 5 собак, прямых потомков гагаринских; П. В. Ладыженский — *Удачу* (мал. сер. мед.), внучку *Удава,* очень ладную, но грубоголовую суку неприятного окраса и с грубой псовиной. Борзые В. А. Гевлич — от филатовских и соловцовских собак — очень грубые, но крепко сложенные, имели уже подмесь кареевских. Большинство, именно борзые (10) князя Б. А. Васильчикова, Вердеревского (8), Г. И. Кристи (5) и князя Д. Б. Голицына, происходили от улучшенных кареевских. Из собак первого экспонента выделялись *Похвал* и *Лиходей* (бол. сер. медали). Более типичны были голицынские *Награждай* и *Победа,* внуки чебышовского *Награждая* и ратаевской *Злодейки,* от которой ими унаследован грязный окрас и прилобь (у *Победы*); обе собаки получили бол. сер. медали. Г. И. Кристи выставил очень хороших сук — *Злоимку* и *Злодейку* (от кареевского *Атамана*), удостоенных той же награды. Серо-пегие собаки Д. Н. Вердеревского, хотя значились чистокровными (?) кареевскими, не представляли ничего особенного.

Некоторое оживление в мире псовых охотников, обескураженных упадком выставок и победами английских борзых на испытаниях резвости, было внесено выставкой Киевского отдела Императорского общества охоты, на которой приняли участие многие южные охотники, не участвовавшие на московских выставках. Особенно замечательного, однако, ничего не было, и на ней преобладали борзые от озеровских, вальцовских и болдаревских собак, родственные между собою. Наибольший интерес представляла охота князя Д. И. Ширинского-Шихматова, состоявшая из 16 собак, б. ч. от озеровских сук и кобелей; лучшим был *Поражай* (от озеровской *Стрелки* и *Поражая* И. Т. (?) Долинского), получивший малую сер. медаль отдела и большую от Общества любителей породистых собак; недурны были суки *Слава* и *Сударка* (от тех же собак) и *Искра* (от *Голубки* Озерова и *Лебедя* В. П. Глебова), которым также присуждены малые серебряные. Из борзых С. М. Канивальского, б. ч. мешаных озеровских с ермоловскими, лучшею была *Голубка* (м. сер. мед.), а из 5 собак М. А. Цветкова, мешаных озеровских, ермоловских и чебышовских, выделялась *Сайга* от *Любима* Чебышова и *Сайги* Озерова. Н. А. Болдарев показал 3 собак, из которых *Алмаз* и *Поражай* (м. сер. медали) уже были на московских выставках. Только собаки (7) барона Штейнгеля принадлежали к улучшенной кареевской породе. Из них 5 получили малые сер. медали, но наибольшего внимания заслуживала *Раскида* с очень красивою головою. Сам С. С. Кареев выста-

вил только весьма интересную помесь арабского слюги с псовой — очень изящного кобеля *Бельбая* в типе старинных английских, т. е. хортого, который был приобретен г. Цветковым. Продолжал ли последний опыты дальнейшего скрещивания — неизвестно. Несомненно, что небольшая подмесь слюги к псовым была бы им очень полезна.

Следующая (XIX) московская очер. выставка была крайне бедна (40 борзых) и представляла мало интереса. Кроме уже известных *Награждая* Голицына, *Удара* Корша и *Пылая* Болдарева выдавались вальцовская *Стрелка* (или *Вьюга*) от *Раскиды* И. И. Соколова и *Кайсака* Немировского и в особенности борзые В. П. Глебова, из которых особенного внимания заслуживала черно-пегая *Стрелка* (б. сер. мед.), очень ладная сука от *Сударки* князя Гагарина и *Атамана* Кареева, а также *Удав* и *Чернец* (м. сер. медали) от протасьевского *Кидая* и своей *Злодейки.* Из собак неизвестных кровей обращал внимание серо-пегий *Завладай* П. И. Георгиевского от *Удара* своих (?) собак и *Отрады* Курносова, замечательно хорошо одетый кобель, с отличною головою и правильными ушами, заслуживавший большой, а не малой серебряной медали.

Последние московские очередные выставки ясно доказали, что при неопределенности правил экспертизы, различии во взглядах на породу у ежегодно менявшихся судей и наличности других неблагоприятных для псовой охоты условий они падают и количественно и качественно. Выставленная на XX выставке большая охота Окромчеделова, в подражание прежним охотам В. И. Лихачева и графа А. Д. Шереметева, хотя и привлекала внимание праздных зевак, но не представляла ничего выдающегося. Из 30 борзых, б. ч. кареевских, ни одна не получила высокой награды. Лучшими были собаки е. и. в. великого князя Николая Николаевича (4), в особенности *Дорогой* (от озеровской *Лебедки* и *Атамана* Глебова) и очень ладная, но плохо одетая сука *Пройда* (от *Поражая* своих собак и *Дружбы* Дурасова), награжденные, однако, только малыми серебряными. Из молодых псовых охотников хорошие экземпляры представили князь Б. А. Васильчиков (4-х от болдаревского *Блистая,* 5 от кареевского *Хана* и своих сук, полукровных кареевских) и граф Д. С. Шереметев (4).

В том же (1894) году открылась весною 3-я киевская очередная выставка, на которой было 37 борзых, б. ч. от озеровских, вальцовских и глебовских собак, заключавших главным (?) образом кровь ермоловских. К таковым принадлежали борзые главного экспонента князя Д. И. Ширинского-Шихматова (13), Критского и Каширенинова. Родственны им собаки графа Нирода с подмесью кареевских. Из первых наивысшую награду (большую сер. медаль

и золотой жетон Импер. общ. охоты) получил серо-пегий *Поражай,* очень ладный, но острощипый кобель (от *Лебедя* Глебова и озеровской *Кары*), однопометница его *Сайга* (м. с. м.), *Поспех,* превосходный кобель с не совсем правильными передними ногами, от *Атамана* Глебова и *Колпицы* Вальцова (мал. серебр. медаль отдела и от Общества любителей породистых собак) и *Алмазка* от *Лебедя* Глебова и *Голубки* Николаева (м. с. м.). Из двух собак Критского, лучшая — *Язва* от озеровской суки (м. с. м); очень хорош также *Крылат* (м. с. м.) Каширенинова, тоже от озеровской суки. *Швырок* Нирода был уже на XVI очер. выставке, на которой тоже получил мал. серебряную. Затем следует упомянуть о 3 собаках барона Штейнгеля, из которых *Тиран* (собак Сатиной) награжден малой серебряною. Три борзые Канивальского от собак Новикова, отличавшиеся круглолобостью, экспертизе не подвергались.

На XXI выставке (40 псовых и 6 хортых) улучшенные кареевские преобладали над ермолово-болдаревскими и им родственными. К таковым принадлежали 5 собак князя И. С. Мещерского от кобеля князя Д. Б. Голицына *Награждая* и своей суки, 3 борзые А. Е. Звегинцева, 2 — графа Н. А. Адлерберга, 3 — Бек-Мармарчева, сука В. Д. Дмитриева и 2 суки Г. И. Кристи. Лучшими оказались последние, именно *Отрада* (от *Славы* Хомяковского и *Озорного* Чебышова) и *Злодейка,* уже получившая б. сер. медаль на XVIII выставке. Наибольший интерес представляли собаки молодых охотников, впервые дебютировавших на выставках: П. Н. Белоусова и А. А. Дурново, последние не столько ладами, сколько резвостью, обнаруженною на петербургских садках, где они достойно поддержали падавшую славу псовых. П. Н. Белоусов выставил 3 собак разного происхождения, именно известную по тамбовской выставке (см. выше) *Язву,* переименованную в *Красотку, Кару* от *Славы* Н. П. Ермолова и *Сердечного* — кругом ермоловских собак и *Дивну* от *Задачи* Дурасова и *Озорного* Н. А. Болдарева. Последняя сука — лучшая представительница псовых на выставках 90-х годов, с замечательно красивыми головой, ногами, правильными ушами и очень ладная — получила большую серебряную медаль и приз Русского охотничьего клуба. Из 5 очень однотипных собак А. А. Дурново от *Украсы* собак Чевакинского (назимовских) и кобелей императорской охоты (полукареевских?) лучшие — *Нагла* и *Красотка,* получившие малые серебряные. В 1894 году *Красотка* взяла великокняжеский приз, а *Нагла* мачевариановский. Обе суки много теряли оттого, что были непсовисты, имели желтые глаза и розовый вощок. П. Ф. Филатов показал 3-х ничем не замечательных собак, из которых 2 суки были уже не вполне чистокровными. Некоторый интерес представлял

Замечай князя Мещерского от псовой суки и хортого куцего кобеля собак Мосолова, тоже мешаных.

Наконец, последняя, XXII выставка была самая бедная (39, из них 5 английских). На ней снова преобладали ермолово-болдаревские и близкие к ним борзые. Кареевские были представлены лишь С. С. Кареевым и, конечно, для продажи; они были совсем заурядными борзыми. Особенно выдавались П. Н. Белоусова *Дивна* и *Сердечный* (от *Лебедя* своих собак и *Хвалы* Раевского) типа старинных густопсовых борзых, получивший большую серебряную, затем сука А. К. Болдарева — *Лиходка* (от *Чародея* И. И. Соколова и *Удачи* охоты великого князя Николая Николаевича), которой присудили большую серебряную и приз Русского охотничьего клуба, *Летка* (от *Надмена* Вальцова и *Молвы* Н. А. Болдарева) и *Удача* (от *Кидая* Н. А. Болдарева и *Плутовки* В. Н. Бибикова), удостоенные малых серебр. медалей. Лучше двух последних были *Милка* А. А. Евсеева (от почти кровных (?) ермоловских) и *Сударка* Д. Д. Осиповского (от *Поражая* Болдарева и *Пагубы* своих собак).

Из этого поверхностного обзора наших выставок мы видим, что на первых семи выставках преобладали качественно и количественно кареевские псовые; но уже с 1879 года, когда появились несомненные признаки вырождения породы вследствие кровосмешения (*Карай* Картавцева), появляются улучшенные кареевские от *Нещады, Хищного* и главным образом *Злодейки.* Борзые князя Гагарина, показанные на V выставке и садках на волка, сильно уронили славу кареевских, которая еще более померкла с вскоре затем последовавшей продажей всей кареевской охоты В. И. Лихачеву. На VII выставке вместе с гагаринскими, т. е. мачевариано-назимовскими псовыми, уже улучшенными подмесью крови той же *Злодейки,* показывается чистокровный мачеварионовский *Убей;* на той же выставке мы видели и последних чистокровных березниковских. В следующем году родственные мачеварионовским ермоловские и филатовские собаки выдаются красотою форм, много проигрывая мелким ростом. Поэтому уже с IX выставки Ермолов и его поклонники начинают подмешивать к своим собакам кровь гагаринских, протасьевских и других псовых, которые действительно прибавили первым росту, но ухудшили внешность. Тогда же псовые охотники познакомились с дурасовскими псовыми, содержавшими старинную кровь назарьевских и ступишинских собак. Старый тип кареевских псовых до последнего времени всего лучше сохранялся С. А. Барышниковым, показавшим на X и XI выставках своего *Лебедя;* кареевские с прибавлением *Воли* Сипягина (на-

зимовской) велись у князя Д. Б. Голицына и В. Н. Чебышова, а кровь мачеварионовских в наибольшей чистоте хранилась в филатовских собаках. С XII выставки начинается преобладание борзых очень смешанного происхождения, и в следующем году московские очередные выставки достигают апогея своего развития. Из этих мешаных собак постепенно выделяются борзые Н. А. Болдарева, Д. П. Вальцова, П. Н. Коротнева, заключавшие в себе кровь мачеварионовских, протасьевских и ермоловских. Со смертью Ермолова выставки приходят в упадок, теряют большую часть своего интереса и снова начинается преобладание мешаных кареевских, за исключением последних выставок, где по числу и достоинству первенствовали болдаревские, мешаные протасьевские и ермоловские, так же как и на киевских, где большинство собак происходили от озеровских.

В результате этих взаимоскрещиваний все разновидности псовых утратили свою типичность, обезличились; исчезли последние густопсовые и чистопсовые, и получилась новая порода со смешанными признаками — *современная псовая,* мало похожая на старинную псовую, как понимали ее старые охотники, отличавшие густопсовых от обыкновенных псовых. Теперь самыми чистокровными псовыми (но не самыми ладными) едва ли не при ‹дется› считать челищевских, филатовских, назимовских (?) и мажаровских, сохранившихся без подмесей у многих полевых охотников.

Главными причинами упадка московских выставок надо считать бездеятельность псового отдела, отсутствие правил экспертизы, а следовательно, выработанного типа — идеала русской борзой; неимение студбука и возрастающую путаницу и неверности в родословных; затем ничтожность поощрений, в виде покупаемых за деньги медалей, и отсутствие денежных призов, как на конных выставках. Немалое значение имел также все более и более возрастающий антагонизм между выставочными и полевыми охотниками, предъявлявшими совершенно различные требования к собакам: первые слишком большое значение придавали голове и вообще красоте собак; последние чересчур много внимания обращали на ноги и рабочие лады. Наконец, псовый отдел императорского общества до последнего времени не принимал никаких мер к привлечению экспонентов и не прислушивался к требованиям съездов псовых охотников, стремившихся упорядочить выставки. Трудно поверить, что за 20 с лишком лет общество не могло выработать и утвердить приметы русской борзой, т. е. с чего следовало начать, и не успело составить правильный студбук, имеющийся не только у Общества любителей породистых собак, но даже у недавно основанного Финляндского общества!

В конце концов московские выставки сделались достоянием

небольшого кружка псовых охотников, приводивших собак главным образом с целью продажи. Но и этот небольшой кружок разделился на два враждебных лагеря — приверженцев улучшенных(?) мачевариано-ермоловских собак и почитателей улучшенной кареевской породы, причем борьба между ними велась с переменным счастием. Только очень недавно некоторые благоразумные охотники, без предрассудков и антипатий, догадались скрещивать ермоловских псовых с кареевскими, что следовало бы сделать лет 12—15 назад, когда и та и другая породы были кровными и не представляли из себя винегретов различных разновидностей.

Главная ошибка большинства псовых охотников заключалась в том, что они не довольствовались лишь освежением крови новыми производителями, а чуть ли не каждый из них старался вывести собственную породу скрещиванием нескольких, совершенно отличных между собою разновидностей. У очень многих борзые имеют предками представителей 5—6 и даже более отродий, и вряд ли найдутся охотники, которые за последние 10 лет вели породу без подмеси посторонней крови. По-видимому, никому не было известно правило овцеводов, по которому кровь другой породы должна быть приливаема к породе вырождающейся или требующей известных изменений только в сильно разбавленном виде, то есть что противно правилам зоотехнии, и нельзя скрещивать две, хотя бы родственные, разновидности и от этой помеси вести породу. Следует полученных вымесков скрещивать опять с коренной, основной расой и только детей их пускать в завод как производителей.

На это можно возразить, что для таких правильных экспериментов надо иметь немалое количество собак, затем, что псовые охотники имели дело, собственно говоря, с одной породой борзых, только различных владельцев. Первое замечание совершенно основательно, что же касается второго, то нельзя не принять во внимание, что к началу выставок во многих разновидностях обыкновенных псовых еще очень сказывалась недавняя подмесь хортых, крымок, чистопсовых, густопсовых и даже курляндских псовых; признаки одной из этих пород и составляли как бы отличительные черты той или другой фамильной разновидности, или вариэтета, обыкновенно неправильно называемого «породой» такого-то охотника. Между тем в зоотехнии очень хорошо известен тот факт, что при скрещивании двух даже очень близких разновидностей, имеющих смешанное происхождение, получает как бы импульс атавизм — возвращение к предкам, и в результате оказываются животные таких ладов и мастей, которые уже давно не замечались ни в той, ни в другой разновидности. Получаются т. н. сюрпризы, обыкновенно приводящие в смущение неопытных

заводчиков и заставляющие их совершенно напрасно сомневаться в чистопородности чужого животного, избранного для скрещивания с ними. Очевидно, эта разнотипность однопометников, по крайней мере на первых порах, должна сказываться еще сильнее, когда в породу в скором времени снова впускалась посторонняя кровь.

Кроме того, большинство наших собаководов в своем стремлении к улучшению или освежению породы делали еще другую, обычную, впрочем, в небольших заводах ошибку. Именно: они приобретали большею частью производителя, т. е. кобеля, или даже только пользовались его услугами и вязали его со всеми или почти со всеми своими суками, не выждав результатов первого скрещивания. Между тем было бы гораздо менее риска испортить всю породу, приобретая для завода не чужого кобеля, а суку, но, как видно из каталогов выставки, это случалось весьма редко по той причине, что хорошие суки оставляются заводчиками на племя, а не продаются. Едва ли не единственным и притом блестящим исключением является известная ратаевская *Злодейка,* дети которой обновили кровь кареевских собак. Вопреки мнению коннозаводчиков, мы полагаем, что влияние матери на приплод гораздо сильнее влияния отца, которое может быть только быстрее, и совершенно понимаем, почему русские промышленники и инородцы при выборе щенков обращают внимание только на охотничьи качества сук, вовсе не заботясь о наружных и внутренних достоинствах кобелей.

Кроме этих неблагоприятных условий не столько для выставок, сколько для собаководства и вывода нескольких определенных типов русских борзых, пригодных для различных местностей и климатов, были и менее важные причины, препятствовавшие достижению последней и главной цели.

Прежде всего выставки и возрождение псовой охоты вызвали открытие настоящих заводов борзых с исключительною целью их продажи, причем не обращалось внимания на полевые качества собак, с которыми почти не охотились. Эта торговля, продолжающаяся и теперь, поддерживаемая усиленным спросом русских борзых за границу, была причиною порчи многих очень хороших собак, с каждым поколением утрачивавших резвость, злобность, наконец, жадность и скакавших по охотке. Между тем нам нужна не комнатная псовая борзая величественного вида, как иностранцам, а резвая и злобная собака, которою можно было бы травить и русака, и красного зверя. Много пользы этим заводчикам и немало вреда псовой охоте принесли эфемерные показные охотники, промелькнувшие подобно метеорам. Они накупали по дорогой цене плохих и отличных собак, мешали их зря и потом, через 3—4 года, перепортив их, уничтожали свою охоту, к которой не

имели никакой склонности. Таким образом исчезло бесследно немало первоклассных кобелей и сук, которые в руках настоящих охотников принесли бы много пользы и могли бы способствовать улучшению русских борзых.

Между тем как выставочные охотники обращали слишком много внимания на внешность собаки, притом главным образом на рост, красоту головы и псовины, другие — собственно полевые охотники — искали грубых и прочных рабочих ладов и главным образом злобности. Это различие требований привело, однако, к одному результату — почти всеобщей утрате броска и лихой резвости, утрате, доказанной в последнее время состязаниями псовых с английскими. Вообще антагонизм между выставочными и полевыми охотниками, изредка принимавшими участие в садках, сильно затормозил правильное улучшение типа современной псовой; первые боялись испортить головы, вторые опасались за утрату силы и злобности своих собак подмесью выставочных медальеров. Вот почему такие рабочие собаки, как челищевские, мажаровские, назимовские, в настоящее время могут считаться самыми кровными, вернее имеющими наиболее отдаленную примесь чужой крови. Очень мало существует на Руси полевых охотников, избегающих выставок и садок, но имеющих собак замечательных по ладам, резвости и злобности.

Но как рабочая борзая грубых форм, так и элегантная выставочная псовая все-таки принадлежат к одной расе — современной псовой, отличной от прежних русских пород. 30—50 лет назад у нас их было еще целых четыре: обыкновенная псовая, густопсовая, чистопсовая и курляндская псовая, остатки которых, кроме последней, мы видели на московских очередных выставках. Всего лучше сохранилась первая порода с более или менее заметною подмесью восточной борзой. Потребность в сильной собаке чувствовалась уже нашими отцами и дедами в этих смешениях: густопсовые отживали свой век, курляндская псовая становилась достоянием предания. Центр псовой охоты мало-помалу перемещался из примосковных губерний в черноземные, островная охота с гончими постепенно заменялась охотою внаездку, требовавшей от собак выносливости и продолжительной скачки. Мечта о возрождении густопсовой так и осталась мечтою некоторых старых охотников, не сумевших сохранить ее, и реставрация излишней породы не могла встретить сочувствия у настоящих охотников.

Главная роль в выработке нового типа русской псовой бесспорно принадлежала мачевариано-ермоловским собакам, которые имели только незначительные, легко поправимые недостатки — малый рост, короткую псовину и укороченное правило. Неудивительно поэтому, что большая часть современных борзых

заключает большую или меньшую примесь этой крови, которая у многих исправила порочные лады: коровьи задние ноги, кривые и чрезмерно длинные хвосты; узкая грудь, плоские ребра стали встречаться реже; собаки сделались в общем как будто однообразнее, так что даже знатоки стали затрудняться определением их происхождения на глаз. Тем не менее как результат скрещивания многих разновидностей до сих пор в одном помете встречаются разнокалиберные щенки, что доказывает еще не вполне установившийся тип. Было бы и странно, чтобы он мог вполне определиться при таком разнообразии требований и вкусов и отсутствии руководящей нити в виде сообща выработанного идеала современной псовой. Понятно поэтому, что последняя имеет еще много недостатков, подлежащих исправлению: распущенное ухо, хотя встречается редко, но нынешние псовые не так псовисты, они почти утратили волнистость псовины и характерные отчесы и муфту, сделались чрезмерно бочковаты и прямостепы, редко имея низко спущенные ребра и правильный верх, голени у них слишком прямы, пазанки чрезмерно длинны и недостаточно эластичны.

Между тем как исчезновение резвых накоротке густопсовых и курляндских псовых совершенно понятно и естественно, трудно объяснить себе причину вымирания чистопсовых. Правда, порода эта не могла еще называться вполне определенною и установившеюся и до сих пор не решено окончательно, произошла ли она от смешения псовой с английской или с восточной, или были две разновидности чистопсовых. Такие собаки, как *Злорад* кн. Черкасского могли иметь предком только англичанина, а не вислоушку. Не подлежит никакому сомнению, что в степи чистопсовая борзая пригоднее псовой, а что она лучше вымеска псовой с плохой вислоушкой, об этом нечего и говорить. Хороших английских борзых доставать теперь очень легко, да они и ладами и ушами более подходят к псовой, чем восточные борзые. Говорят, что псовая при скрещивании с английской утрачивает бросок, но, во-первых, это еще не доказанное предположение, а во-вторых, бросок при степной ловле не имеет большого значения и обыкновенно утрачивается сам собою. Можно только удивляться, что до сих пор почти никто из псовых охотников (кроме, быть может, гг. Апушкина и Мосолова) не занялся правильным, методичным скрещиванием английских с псовыми.

Переходим теперь к описанию как прежних, так и существующих пород русских борзых.

Выше мы видели, каким путем татарские kurtzi Герберштейна с пушистыми ушами и хвостом, скрещиваемые с легкою породою

волкообразных северных собак, превращались в остроухих борзых с длинною псовиною. Подобное образование породы наблюдается и в настоящее время на Кубани, где также сталкиваются северные остроухие дворняжки с вислоухими восточными борзыми; только дворняжки эти, как более южные, не имеют длинной псовины, и кубанские борзые могут быть названы чистопсовыми. Что русские борзые XVII столетия все имели длинную псовину, доказывается сочинением фон Лессина (1635); хотя последний не упоминает об ушах, но из слов Левшина (начало XIX стол.) и Хомякова (в сороковых годах) очевидно, что большинство псовых еще имело сто-

Рис. 9. Густопсовая борзая по Вышеславцеву («Охотничий календарь»)

ячие или полустоячие уши. В XVII веке, несомненно, и не было других пород русских борзых, кроме описанной фон Лессиным, так как влияние хартов, приведенных поляками в Смутные времена[33], не могло быть значительным и эти харты в смешении с псовыми не могли успеть выделиться в новую самостоятельную породу: образовавшиеся чистопсовые помеси с короткою псовиною, с подшерстком и уборною псовиною, обновляемые только псовыми, неминуемо возвращались через несколько поколений к прежнему коренному типу. В течение всего XVII столетия порода псовых блюлась, по-видимому, в чистоте и совершенствовалась главным образом в подмосковных областях, где сосредоточивались вотчины бояр и служивых людей.

В следующем столетии, когда значительная часть казенных земель на юге и юго-востоке была роздана заслуженным и чинов-

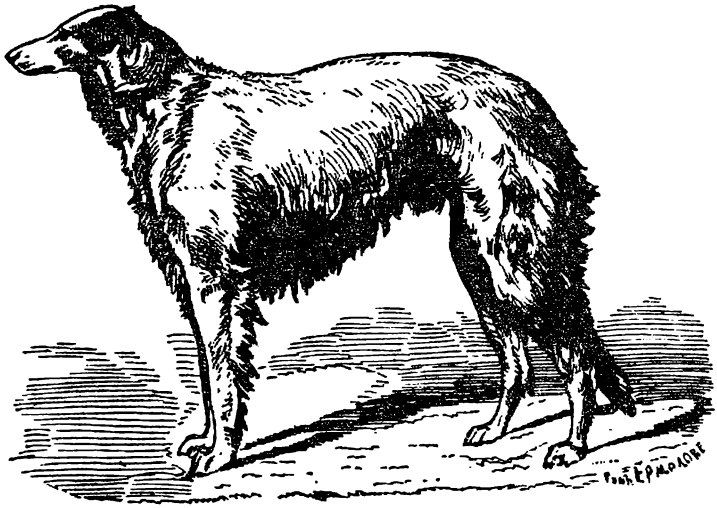
ным дворянам, район псовой охоты значительно расширяется, вместе с тем начинаются частые скрещивания с польскими хартами, английскими и в особенности брудастыми борзыми, обратившими на себя внимание русских охотников своею злобностью. Результатом этого увлечения брудастыми была новая, промежуточная порода — *курляндская псовая,* с более благообразною наружностью. Тогдашние псовые охотники — русские бары и курляндские бароны — были недовольны резвостью брудастых и их внешностью и стали скрещивать их с псовыми, которые отняли у них усы и бороду, оставив злобность и силу, прибавили им резвости, в особенности пруткости, т. е. быстроты накоротке, передав также характерный для псовой бросок. Письма Салтыкова и Волынского и знаменитый волкодав *(Зверь)* князя Барятинского доказывают нам это увлечение брудастыми. Сам *Зверь* был уже продуктом смешения брудастого ирландского кобеля с псовой сукой.

Однако курляндская псовая, по-видимому, никогда не имела широкого распространения и составляла редкость даже в больших охотах; она была слишком неуклюжа, груба и неэлегантна в сравнении с красавицей псовой. Но прыткость и в особенности злобность ее были слишком заманчивы для охотников, а потому ими в непродолжительном времени была выведена новая порода псовых, отличавшаяся очень длинною, густою и волнистою, даже завитою псовиной, узкогрудых и низкопередых, с удлиненными задними ногами и сильно развитым верхом, красотою и прыткостью даже превосходивших старинную расу. Надо полагать, что *густопсовая* была создана в больших подмосковных охотах в конце прошлого века, так как о ней впервые упоминается только у Левшина. В его время это была уже, несомненно, если не преобладающая, то самая ценная порода. Губин говорит, что в начале этого столетия псовые (т. е. густопсовые) считались еще большою редкостью и продавались очень дорогою ценою в Польшу (см. выше).

Это первенствующее значение густопсовых продолжалось не более полустолетия. В течение этого времени они совершенствовались в красоте и длине псовины, пруткости, броске и злобности. Но чрезмерное увлечение псовиною и пруткостью, а главным образом островная езда и постоянная травля из-под гончих на коротких перемычках, ведение породы в близком родстве при сортировке не по ладам, а по резвости имели результатом быстрое вырождение. Густопсовая была всегда борзою крупных бар и велась, стало быть, псарями почти без наблюдения и контроля владельца охоты. Явилась чрезмерная лещеватость, уродливая остростепость, порочный зад и слабосилие. Такие собаки, конечно, совсем непригодны для охоты внаездку в открытых местностях. Псовые охотники средних черноземных губерний не могли быть довольны «ко-

роткодухими осетрами», «чехонными псовыми» и были вынуждены необходимостью мешать их с горскими, крымскими и хортыми борзыми. Успехи *Сердечного,* а позднее *Отрадки* на московских садках были причиною того, что к 50-м годам почти все русские борзые — и псовые, и густопсовые, курляндские псовые — перемешались с вислоухими восточными, образовав новую разновидность, вернее две разновидности, — *чистопсовых* борзых, названных так в отличие от прежних псовых, и густопсовых. Самое название «чистопсовые» встречается в печати только с сороковых годов. Эти чистопсовые не составляли, по-видимому, никогда

Рис. 10. Современная псовая.
Лебедь императорской охоты («Охотничий календарь»)

вполне определенной самостоятельной породы, так как имели смешанные и непостоянные признаки, приближаясь то к хортым, то к восточным, а всего чаще к псовым борзым, которыми постепенно и поглощались, мало-помалу утрачивая короткую псовину и распущенное ухо. Вместе с псовыми и остатками густопсовых эти разновидности чистопсовых образовали *современную псовую,* уже несколько отличную от прежней псовой конца прошлого и начала нынешнего столетия.

Таким образом, из 3 или 4 постепенно образовавшихся рас русских псовых борзых в конце концов выделилась одна порода — современная псовая, с довольно еще смешанными и неопределенными наружными признаками и внутренними качествами. Для того чтобы вполне выяснить и установить эти признаки, составить себе

идеал псовой борзой, необходимо предварительно ознакомиться со всеми, хотя бы исчезнувшими, расами, как они описываются старинными и современными охотничьими писателями, начиная с фон Лессина и кончая Губиным.

Вот что говорит фон Лессин о статях борзых в своем «Регуле, принадлежащем до псовой охоты» (1635):

«Вначале голова сухая и продлинноватая, без перелома. Щипец ту же длину имеет, без подуздины. Зазор (глаза) навыкате. Степь или наклон — облая, о соколке (груди) не описую... Ноги передние прямые без поползновения, также и задние. Правило длинное, в серпе, псовина и лисы вподобие вихров. Псовина длинная висящая, какая бы шерсть не была, наподобие кудели. Ноги передние вывернуты лопатки назад. Ребра ниже щиколоток (?). Ногти, как у передних, так и задних ног, короткие и крутые, чтобы так как башмаком стучать должны. Ноги, как передние, так и задние, сухие. О степи не описываю — облая или шатровая, а доказываю только о ребрах и о черных мясах — чтобы черные мяса крутые, отвислые вподрез (?). У кобеля подборы (перепонка под пахом) тонкие и натуге, притом не отвислые. У сучки черные мяса лучше продлинноваты(е), мочи (помочи — то же, что подборы) крепкие, хотя несколько помочи и отвислые, да притом же были и крепки. Мышки бы (у суки) круглые и крутые, соколок был бы острый и пригнулся бы несколько книзу. У кобеля продлинноватые мышки*, высокие и крепкие, а соколок, хотя и остр, только надлежит (ему) быть кверху или прямо. Вощечку быть крепкому, как сзади, так и впереди. Ширину между крестцов — чтобы четыре пальца свободно укладывались. Ребра низкие, свислые, притом же плотные. Кобелю должно наперед упасть, а суке должно быть в колодке».

Описание борзых в книге Г. Б. «Псовый охотник» (1785), перепечатанное затем во 2-м издании (1791) «Совершенного егеря», относится, очевидно, к хортой борзой**.

«Борзых резвых и цепких узнать по статям, а именно: голова сухая, длинноватая и *клинчатая;* щипец длинный и тонкий, глаза большие и хорошие, ноги сухие и жиловатые, в пазанках сжатые и узковатые, не лаписты и *разноперсты,* но чтобы утыкала (ногтями) в землю; ребра долгие, плотные и ниже локотков и были бы *бочковатые; задние ноги потянулись, черные мяса велики, толсты и крепки;* правило серповатое и в себе бы было свободно,

---

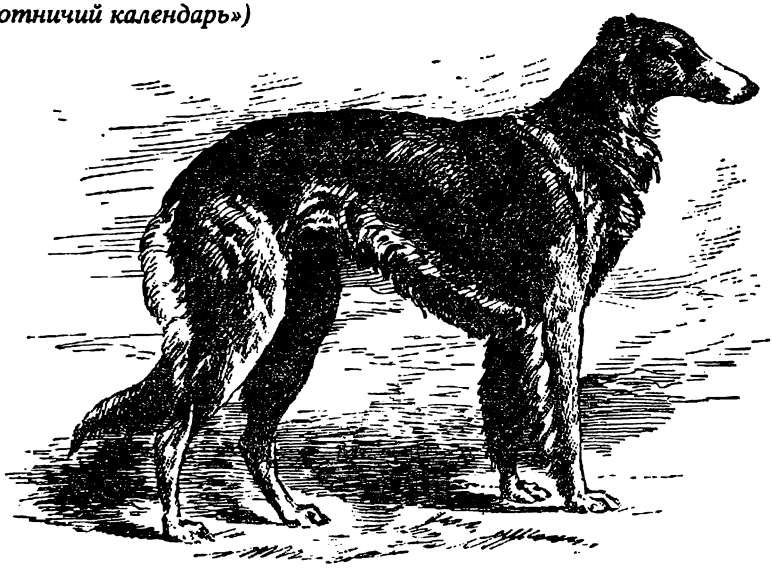
* Мышками фон Лессин называет «выше от колена до степи», вероятно, место от локотков до загривка.

** Это видно из предисловия, в котором Г. Б. (не Григорий ли Барятинский, обладатель *Зверя?*) говорит, что его труд — перевод с польской (рукописной) книги, а также из самого описания.

широкая в груди и локотках, крепкого тела, не узка и не кругла, сверху была бы *широка,* не переляка и не очень долга; а кобель что круче и короче, то красивее. Суке борзой должно быть статной и широкой; хотя которая и крутая, только бы в себе была широка, хороша и не переляка, крепка, довольных черных мяс, головы сухой, острых глаз, щипца и шеи длинной, правило серповатое, не слабых ног и не лещеватых и узких ребр».

В начале этого столетия о борзых писал Левшин в своей «Книге для охотников» и позднее в «Всеобщем и полном домоводстве» (ч.XII). Описания пород и статей борзых не отличаются у него точ-

Рис. 11. Современная псовая. Коротай Мюра («Охотничий календарь»)

ностью. «Впрочем, ныне породные собаки редки, — говорит он, — ибо охотники сделались непостоянны и одной известной породы не держатся, а блюдут лучших сук с кобелями резвыми, хотя неизвестной породы; а оттого и выходят от собак само по себе резвых порода и дети негодны.

О статях борзых собак, поелику оных очень много (?) пород, определить трудно; ибо каждая порода имеет свою оценку, да и сами охотники не очень в том согласны между собой. Однако же вообще приметы красивой и резвой собаки состоят в том, что она должна иметь длинную, суховатую голову, тонкий щипец (носовую часть), не быть подуздa... Далее, шея у нее должна быть *длинная и гордая,* степь, или хребет, *длинный и широкий,* особливо же у суки, ибо кобель не столько длинный считается красивейшим. От борзой собаки требуют, чтобы она была поджара и сухопара, но

притом ребриста и *широка в груди,* противное чему означает собаку слабую. Сарновая кость, т. е. длинные последние ребра считают за признак резвой и сильной в полях собаки. Правило должна иметь она длинное с густою псовиною, прямо висящее и *кверху в кольцо загнутое.* Ноги... сухие, не мясистые, прямые, чтобы концы оных не поползли, т. е. не выгнулись бы вперед; зацепы (лапы) малые, сжатые, как у зайца-русака, и чтобы опирались они на коготках».

Длинная и гордая шея, длинный и широкий хребет с широкою грудью и, наконец, правило, в кольцо загнутое, — признаки не псовых, а хортых и восточных или, во всяком случае, мешаных борзых. Это видно и из описания мастей борзых.

«Шерстьми борзые собаки бывают разные, как то: белые, полóвые, красные, муругие, то есть красные с черным щипцом и черными концами ног, черно-пегие, полово-пегие, красно-пегие, серо-пегие; бурматно- и чубаро-пегие, серые и чубарые, когда они полосаты и в полосах находится больше серого и желтого».

Далее: «Сука, имеющая кобелиные стати, считается красивою и резвою. Что надлежит до ушей, то оные у псовых собак должны быть подняты вверх, а у хортых обвислые...»

Почти то же, в сущности, говорит Левшин в своем «Всеобщем и полном домоводстве». Упомянув о четырех главных русских породах (густопсовых, псовых, курляндских и хортых борзых), он говорит далее: «К складным, или красивым, статям кобеля борзого потребно, чтобы имел он голову чистую с длинным щипцом, огнистыми и ясными глазами и бодрыми ушами, длинный скамьистый стан, однако ж без переслежины; правило длинное, прямо висящее, или хотя кольцом на конце вверх загнувшееся, но не свислое в сторону; ноги сухие, жилистые, и персты у оных сжатые, как бы на ногтях стоящие или опирающиеся. Чем больше персты у собаки сходствуют к русачьим, признак ее резвости; когда же, говоря поохотничьи, ступни у ней поползли, персты кривы и раздвинуты, значит собаку слабую. Сука борзая при всех вышесказанных статях должна иметь голову сухую и длинную; стан короткий красивее в кобеле, а у суки же должен быть длинен. Как у кобеля, так и суки борзой вислые уши составляют безобразие. Должно, чтобы только концы оных загибались вниз, как бы были заломлены. Широкие ребра составляют признак сильной собаки; равным образом и широкая грудь. У которых собак задние ноги длиннее передних, таковые резвее скачут в гору, а у коих длиннее передние (!), таковым способнее ловить под гору. Имеющие же передние и задние ноги равной (?) меры бывают способны к ловле по плоскоместью. Редко удаются резвые собаки (!) из тех, у которых зад бывает выше переда в лопатках».

В начале сороковых годов писали о борзых только известные А. Д. Хомяков и Н. Реутт, но описания их не дают более точного понятия о породах русских борзых и их ладах. Хомяков* сравнивает английскую борзую с густопсовою и крымкою: «Английская борзая имеет свои добрые качества и может быть полезна в помеси, чтобы исправить недостатки наших доморощенных пород: она увертлива на угонках, довольно красива, отличается иногда полнотою черных мяс и тетивою, но почти никогда не имеет хороших ребр, до локотков, и редко имеет хорошую степь, т. е. совсем без переслежины; наконец, она далеко уступает пруткостью и даже красотою склада нашей густопсовой, а силою и крепостью ног с крымаком не может тянуться. Кажется, вообще можно сказать, что, имея дома такие типичные породы и с такими разнообразными достоинствами, как густопсовая с ее различными оттенками, клоками (которых мы также причисляем к густопсовой), бурдастыми и прибурдями, и горскую с ее бесчисленным разнообразием, нам не для чего искать породы заграничной и что искусный охотник может составить помеси, соединяющие в себе всевозможные совершенства.

Точно так же, как граница римского или германо-романского мира определяется борзыми с острыми, назад откинутыми ушами, а мир ислама вислоухими, так и мир славянский может гордиться своей самобытной породой. Густопсовая принадлежит, очевидно, области лесной: она уступает соперницам в силе, т. е. в дальней поскачке, но превосходит их своею почти баснословною пруткостью накоротке; она рослее, гораздо красивее, несравненно сильнее в боевой схватке, злобнее на дикого зверя и в то же время послушнее. Ее отличительный признак — прямое ухо, поднятое кверху, как будто настороже, т. е. по пословице: держи ухо востро».

Реутт ничего не говорит о статях и отличиях русских пород между собою, но делит русских борзых на густопсовых и чистопсовых. *«Псовая* значит *борзая,* в прилагательном относящееся собственно к собаке, во-вторых, служит сокращением *псовистой.* Таким образом, произнося *псовистая* или *псовая борзая собака,* мы определяем собственно тип *русской борзой собаки;* виды ее по количеству псовины определяются выражениями *густопсовая* и *чистопсовая* собака, подразумевая под этим *борзых.* Отличительный характер густопсовой собаки составляет длинная шерсть, или *псовина,* иногда в завитках по всему туловищу и оконечностям,

* Статья «Спорт», напечатанная сначала в «Москвитянине» 1874 года, № 2, затем в собрании сочинений и перепечатанная в «Ж. импер. общ. охоты»[24], 1876, январь («Мнение Хомякова об охоте»).

кроме щипца, головы, ушей и лап. Чистопсовая собака не опушена псовиною по туловищу, но имеет ее на правиле висячею, на краях черных мяс, ног и по бокам шеи расположенную гребнем».

Первое подробное и обстоятельное описание русской борзой, именно густопсовой, дано А. С. Вышеславцевым, писавшим позднее под псевдонимом Старого Охотника в «Журнале охоты» Мина 1862 г. (август, стр. 3—11, «Псовая собака»). Описание это было дополнено автором почти 20 лет спустя («Прир. и охота», 1880, VI), уже после выхода в свет «Записок псового охотника Симбирской губернии» П. М. Мачеварианова (1876), составивших эпоху в литературе псовой охоты. Мачеварианов принимает четыре вида (?) псовых собак — густопсовых, обыкновенных псовых, курляндских псовых и чистопсовых. Описания ладов этих пород, однако, весьма поверхностны и даже сбивчивы, так как главное отличие между ними оказывается в псовине:

1) *«Густопсовая* собака имеет длинную густую, шелковистую псовину в четверть, в крутых завитках, преимущественно на шее, над передними лопатками, на боках, на мочах, на черных мясах, на гачах и в особенности на правиле. Цвет псовины кровных густопсовых был, по рассказам стариннейших охотников, белый, черный (?), серый, черно-пегий и серо-пегий; но теперь встречаем муругих, красных, половых, черных с подпалинами, бурматных и всех означенных мастей пегих...

2) *Обыкновенные псовые* собаки имеют густую, волнистую псовину в вершок по всему корпусу; большие ровные отчесы, бакенбарды и длинную волнистую уборную псовину, особенно на правиле, доходящую до четверти и более... Псовина обыкновенных псовых собак бывает различных мастей...

3) *Курляндские псовые* имеют голову, уши, горло, передние ноги от локотков, задние от голенного мускула и правило атласисто-гладкие, как у левреток; а все прочее тело покрыто псовиною в самых мелких завитках, как у молодого кровного пуделя. Собаки эти были рослые, крепкие, злобные, сильные и необыкновенно резвые. Из них преимущественно выраживались лихие. Ныне их не только трудно иметь, но даже встретить, разве в Курляндии...

4) *Чистопсовые,* как должно предполагать, происходят от дальнего смешения псовых с хортыми или псовых с крымскими собаками. Псовина на них низкая, плотная, шелковистая и гладкая; отчесы густые, идущие по бокам шеи гребнем. Уборная псовина не волнистая, а прямая и редкая, как страусово перо... Цвет псовины курляндских и чистопсовых собак одинаков с прочими псовинами...»

Книга Мачеварианова вызвала оживленную полемику между псовыми охотниками и многие очень дельние замечания, а также более обстоятельные описания признаков старинных пород псовых. Лучшее описание густопсовой со всеми присущими ей достоинствами и недостатками, как сказано выше, дает А. С. Вышеславцев*, описывая борзых тридцатых годов своего брата — *Сорвана* и *Милотку* — идеалы красоты псовой собаки.

«Ростом *Сорван* был 17 вершков, *Милотка* была среднего роста с небольшим верхом; шерсть у обоих белая, шелковистая, волнистая, местами с завитками; *глаза* большие, темно-карие, ласковые; *лапы* в комке, с длинными пальцами. *Уши* лежали *всегда* концами вместе на затылке и даже скрещивались, когда собак брали на свору; *лоб* продолговатый, узкий и едва заметным уступом сходил на переносицу, образуя грациозный профиль греческих античных статуй· *щипец* до того сухой, что ясно были видны формы и направление костей и главные вены, и к носу несколько наклоненный книзу, без чего щипец походил бы на лисий или волчий. *Шея,* сравнительно с английскими собаками, была недлинная и поднималась от лопаток вверх не так прямо, что было у всех породистых псовых тогдашнего времени. Зарез (как у лошадей на затылке) меньше, чем у английских. *Спина* с крутым верхом, с сильными почками, но не такая широкая и полная, как у английских собак, и всегда пирогом, т. е. с заметными позвонками, несмотря на густую и длинную шерсть. *Ребра* отнюдь не бочковатые, как у английских и некоторых горских собак, но очень длинные, пониже локотков и с большим расстоянием одно от другого, что при короткости собаки почти уничтожало пахи; достаточное же расстояние между ребрами как у собаки, так и у лошади дает животному возможность сильно сгибаться и разгибаться на скаку. *Зад* широкий и несколько свислый, что способствует заносить дальше под себя задние ноги; прямой крестец — плохая рекомендация для скаковой лошади и борзой собаки. *Ноги,* особенно задние, *Сорван* держит всегда, так сказать, под собою, а не за собою сзади; так же держат их олени, дикие козы, зайцы. Задние ноги несколько изогнуты, не совсем прямые, отчего они длиннее, так как изогнутая линия длиннее прямой; до лучковатых ног еще далеко; с прямыми задними ногами редко хорошо скачут и лошади и собаки. *Мускулы* на задних ногах (черные мяса) и плечах были длинны, но не выпуклы; у английских собак, напротив, они коротки и очень выпуклы; первое дает быстроту, второе — способность продолжительной скачки, что замечается у английской скаковой лошади. *Грудь* не шире ладони, так же как у волка и

* «Прир. и охота», 1880, стр. 114—117, июнь. «Идеалы псовых собак».

дикой козы, и если некоторые охотники ищут у борзых широкой груди и выпуклых мускулов, то очень ошибаются. *Хвост* (правило) был не серпом, но саблей, что, конечно, много грациознее, и недлинный, как у многих сырых собак, но не доходит до земли вершка на два по крайней мере... Эти стати и были, по свидетельству охотников семидесятых годов (моего деда, отца и других старых охотников) прошлого столетия, статями чистокровных псовых борзых. «Кобель должен умещаться в равностороннем четырехугольнике (квадрате)», — говорил один из наших известных старинных охотников (т. е. холка, концы пальцев передних ног и пятки задних должны составлять равносторонний четвероугольник, из которого выходит только часть шеи и голова); сука значительно длиннее; если она с некоторым верхом, то грациознее».

Как видно из описания, а также предыдущих статей того же автора, последний имел в виду исключительно густопсовую борзую. О псовых собаках вообще, как старинных, так и современных, писали кроме Вышеславцева очень многие охотники (Н. Челищев, Н. Д. Ступишин, С. С. Кареев, Н. П. Ермолов, Блохин, В. Озеров, Д. П. Вальцов и некоторые другие), но мнения этих охотничьих авторитетов будут приведены далее, в общем описании статей всех псовых, а теперь мы приведем почти дословно описания чистопсовых, псовых и курляндских псовых, даваемые П. М. Губиным в его замечательном «Руководстве ко псовой охоте» (1890), которое во всех отношениях надо поставить гораздо выше мачеварианowских записок, хотя автор, увлекаясь полемикой, в свою очередь, впадает в крайности и противоречия. Так, например, Губин густопсовых вовсе не признает породою, и коренною русскою породою борзых, о чем было уже упомянуто выше, считает чистопсовую. Тем не менее его описания чистопсовой и курляндской псовой, можно сказать, единственные и притом весьма подробные и обстоятельные.

«О чистопсовых борзых собаках. Самою древнейшею и сообразною нашему климату породою русских борзых была порода собак кровная *чистопсовая*. Название же этой породы борзых образовалось, как я уже сказал, от слова «чистый пес», в смысле чистокровности, чистопородности и *чистоты* собаки по виду, т. е. элегантности, пропорциональности частей и необыкновенной красоте ладов ее. Вследствие чего старинные псовые охотники, убедившись при этом в изумительной резвости этих собак, необыкновенно дорожили ими и тщательно вели породу этих чистых псов, которая и сохранилась на Руси до наших времен под названием чистопсовых борзых.

Чистопсовую борзую собаку старинные знатоки, псовые охотники, сравнивали относительно кровности с кровною арабскою лошадью и поясняли это тем, что в пометах от кровных чистопсовых отца и матери дети-сюрпризы (как нынче называют) никогда не выраживаются, а я утверждаю, что и не выраживаются.

По виду чистопсовая кровная борзая должна быть красоты неописанной; чрезвычайно пропорционально сложенная, элегантная. Такая собака никогда не должна быть очень крутою и короткою, т. е. в комке, а скорее длинною, не исключая и кобелей. Кобель должен быть *непременно* с верхом, а сука — прямостепая и *непременно* с самой легкой напружиной, т. е. чтобы степь слегка была выгнута кверху вроде небольшого вершка, едва заметного у суки.

Голова чистопсовой борзой должна быть небольшая, правильная, чрезвычайно сухая, продолговатая, с пропорционально длинным правильным щипцом; с блестящими, темными или черными, всегда веселыми навыкате глазами.

Уши чистопсовой борзой должны быть маленькие, узкие и продолговатые и правильно поставленные: должны в спокойном состоянии собаки *непременно* лежать на затылке вместе, как бы соединяясь концами, и только в тревожном состоянии собака ставит их конем, а иногда бывает и с приподнятым ушком, словом, уши чистопсовой борзой должны быть *непременно* в откладе и с правильным их зарезом.

Ноги чистопсовой борзой должны быть сухие, костистые; лапа русачья, продолговатая; задние ноги потянулись, с правильным постановом их, т. е. не очень прямы и не очень лучковаты и зацепами утыкались бы в землю; задние пазанки средней величины; передние ноги должны быть прямы, как бы подобраны под собаку и стоять должны на коготках, как бы слегка суживаясь от локотков к земле в лапах, если смотреть на собаку спереди.

Грудь выпуклая, полная, так что соколок груди не образует в стоячем положении собаки по сторонам своим *глубоких* западин. Ширина груди должна быть пропорциональна ширине зада и вообще ширине собаки, которая, если смотреть сверху, должна казаться собакою широкою и длинною. По выражению старинных охотников, о чистопсовой борзой в книге под заглавием «Псовый охотник», издание 1728 (?) г., говорится так: *«Не узка и не кругла, была бы сверху широка»**.

Шея чистопсовой борзой есть отличительный признак ее чисто-

* Сравни описание ладов борзой к Г. Б. «Псовый охотник» 1785 г. Выше мы уже говорили, что существование издания 1728 года весьма сомнительно.

кровности и непременно должна быть длинная и конистая, как у кобелей, так и у сук.

Ребра бочковатые, но не особенно низкие и не высокие, во всяком случае, не выше локотков.

Подхват тонкий, хороший.

Правило чистопсовой борзой составляет исключительный признак чистокровности ее и поэтому *непременно* дожно быть в чистом серпе, всегда весело приподнятое в рыску и главное *«в себе было бы свободно»*. Длина правила должна быть такой меры, что когда пропустить его между задних ног собаки и вывести из-под брюха сбоку наверх, то чтобы последний хвостовой позвонок мог прикрыть первый с того бока маклок; такой длины правило будет всегда пропорциональным росту собаки и всегда будет красиво; более короткое или более длинное правило для чистокровной чистопсовой борзой будет составлять уже недостаток, не говорящий в пользу ее чистокровности.

Плечи полные, мускулистые. Движение в локотках свободное. Соколок груди должен выдаваться из-за плеч вперед.

Черные мяса полные, хорошие.

Псовина чистопсовой борзой должна быть короткая, немного длиннее, чем у крымской борзой, но только необыкновенно мягкая, блестящая и в зимнее и осеннее время имеющая густой, пушистый подшерсток. Уборная псовина, привесь и отчесы не особенно редки и при этом неравномерно распределены, а именно: уборная псовина на гачах сравнительно очень длинная, достигает полуторавершковой длины, волнистая или, вернее, вилая, с густым подшерстком у основания и красиво вниз висящая пушистыми шелковистыми прядями; на нижней стороне ребер и подхвате без заметного подшерстка, но достаточно густая, шелковистая, прямая, постепенно удлиняющаяся с половины ребер и пахов книзу, никогда не превышает внизу одновершковой длины; на шее кругом головы едва превышает полувершковую длину обыкновенной псовины чистопсовой борзой и лежит гладко, волнообразно; отчесы небольшие; привесь на правиле полувершковой длины, шелковистая, прямая и не очень густая, висящая с нижней стороны правила, тогда как верхняя часть правила покрыта короткою вилою псовиною; вследствие чего правило должно казаться тонким, постепенно утончающимся от прочного основания к концу; на передних же ногах с задней стороны шелковистая редкая привесь не превышает длины одного вершка. Псовина на голове, начиная от ушей и шеи, и на ногах спереди должна быть приблизительно длины мышиной шерсти, блестящая и атласисто-гладкая.

Настоящий окрас чистопсовой борзой: белый, половый всех теней, полово-пегий и муруго-пегий... Линька у чистопсовой бор-

зой начинается с первых чисел мая и в течение двух месяцев оканчивается совершенно, так что к 1-му июля здоровая (т. е. не больная) собака должна окончательно перебраться, сбросив с себя всю старую псовину.

Рост чистопсовой борзой средний.

Характер вежливый, ласковый, веселый, смирный и настойчивый в полях.

Рыск веселый, передний и всегда на рысях.

Резвость чистопсовых борзых баснословная как накоротке, так и в полях; хотя в силе с горскими и крымскими они сравниться не могут, но тем не менее уходу русаку от чистокровных почти быть не может на том основании, что по причине их шеистости они очень поимисты и потому более двух-трех угонок русаку не дают никогда, а чаще ловят русаков без угонок. При этом очень зорки, азартны и злобны, но никогда не волкодавы, хотя травят волков и чистопсовыми борзыми, так же как травят их и крымскими».

Судя по описанию ладов чистопсовой, надо полагать, что г. Губин имел в виду вполне установившуюся породу чистопсовых, происшедшую от скрещивания псовых с английскими борзыми старого типа, вероятно, еще в конце или средине прошлого столетия. Мы знаем из писем Салтыкова и Волынского, что в пятидесятых годах прошлого столетия английские борзые не составляли у нас редкости и очень уважались многими псовыми охотниками. Нечего и говорить, что теория чистокровности чистопсовых не выдерживает никакой критики.

«О псовых борзых собаках. Второю установившеюся веками породою русских борзых, но позднее(?) первой (т. е. позднее чистопсовой породы) следует считать породу кровных псовых собак.

Порода псовых собак образовалась от меси чистопсовых с курляндскими борзыми собаками, и поэтому относительно кровности псовую борзую можно сравнить с кровным орловским рысаком, а псовая русская борзая выведена старинными знатоками — псовыми охотниками, не оставившими, к несчастию, потомству своих имен, но тем не менее с достоверностью можно утверждать, что порода псовых русских борзых в начале 1800 годов считалась еще большою редкостью, так как в те времена помещик Тамбовской губернии Шацкого уезда Павел Ермолаевич Мосолов, обладая настоящими псовыми борзыми, продавал их в Царство Польское по баснословно дорогой цене для того времени, а именно: по семи и десяти тысяч рублей на ассигнации за собаку... и что порода псо-

вых борзых есть выведенная, то доказывается тем, что в пометах от кровных псовых собак всегда и прежде выраживались сюрпризы; так, например, от кровных, в завитках, красавцев псовых отца и матери некоторые щенята выраживались голошерстными и наоборот...

По виду кровная псовая борзая должна быть громадна, мощна, псова и свирепа. Пропорционально сложенная, такая борзая если это кобель, то должен быть крутой, с верхом, страшной ширины и в комке точно сбитый, а сука прямостепая, широкая, с богатырскою колодкой и длинная, но не перелякая, не растянутая и без всякой переслежины.

Голова псовой борзой должна быть большая, сухая и костистая, с длинным, здоровым, ровным щипцом и никак не вострощипова-та, т. е. не тонкорыла или, как говорят, кувшинница; вообще голова псовой борзой не должна представлять пряничной головки, словом, голова псовой борзой должна быть очень правильная, но в увеличенном пропорционально росту размере против чистопсовых собак. Лоб средний, не очень широк и не узок; глаза очень большие, свирепые, со слегка отвислыми нижними веками, из-за которых должен виднеться кровавый белок страшного глаза.

Уши псовой борзой должны быть в откладе, так же как у чистопсовых, небольшие и даже немного крупнее, при этом могут быть в чепце или без него, стоячими конем или с приподнятым ушком, но *всегда* в спокойном состоянии в откладе, и чем ухо псовой борзой имеет правильней зарез, тем лучше; это означает, что такая псовая борзая выродилась ближе к типу чистопсовых собак; с распущенным ухом, но только в слабом виде распущенности могут быть псовые борзые, выродившиеся ближе к типу собак борзых курляндской породы, что хотя и не доказывает непородности псовой борзой, как и все упомянутые разновидности постанова ушей у псовой собаки, но тем не менее уменьшает красоту собаки; большая же распущенность уха у псовой борзой (т. е. мешаное ухо), несомненно, должна служить доказательством грубой меси собак.

Ноги прочные, мускулистые и крепкокостистые; при этом должны быть сухи так, чтобы на костях через кожу видны были жилы; пазанки средней величины пропорционально росту собаки, и задние пазанки должны быть скорее высоки, т. е. длинны, чем низки; лапа большая, продолговатая, с сухими, плотно прижатыми друг к другу костистыми пальцами; передние ноги от бочковатости ребер и ширины груди должны быть обращены лапами как бы внутрь и, слегка суживаясь в оконечностях, стоять должны прямо, как натянутые струны; задние ноги должны быть скорее лучкова-

ты, чем прямы, но непременно правильно поставлены, т. е. не вразмете и не лыжеваты: стоять псовая борзая должна на коготках, как и всякая хорошая борзая собака.

Грудь широкая, но не выпуклая; грудные западины довольно глубоки; соколок груди едва выдается из-за плеч.

Шея длинная, но еще лучше, если конистая, как у чистопсовых.

Ребра очень низкие, ниже локотков пальца на три и бочковатые, так что на загривке собаки (т. е. над передними лопатками) должна свободно укладываться ладонь; ширина зада так велика, что между маклоками можно укладывать семь пальцев, и вообще зад должен быть шире переда.

Подхват хороший, высокий, необходимый для собаки с верхом.

Правило псовой борзой должно быть длинное, прочное в основании и к концу тонкое, в спокойном состоянии собаки опущенное книзу и только в рыску приподнятое в чистом серпе. Длина правила у псовой борзой определяется таким же способом, как у чистопсовой, только правило псовой борзой должно быть немного длиннее правила чистопсовой, т. е. чтобы последний хвостовой позвонок мог при измерении только доставать до позвоночного столба и ни в каком случае не далее, так как более длинное правило или более короткое, чем у чистопсовой, будет составлять уже большой недостаток, не говорящий в пользу чистокровности борзой псовой породы.

Плечи полные, мускулистые. Движение в локотках свободное. Соколок груди едва выдается из-за плеч вперед.

Черные мяса огромные, полные, с страшно развитою мускулатурой и крепкие.

Псовина псовой борзой должна быть длинная, приблизительно двухвершковой длины, притом редкая, не густая, всегда мягкая, как шемаханский шелк, и непременно блестящая, серебристая, одинаково длинная как на ребрах, мышках, шее, так и на спине; уборная псовина, привесь и отчесы много длиннее обыкновенной; так, например, уборная псовина на гачах нередко достигает четырехвершковой длины, с густым подшерстком, и висит вниз волнообразными шелковистыми прядями; на нижней стороне ребер и подхвате — очень редкая, без заметного подшерстка и никогда не превышает двух с половиною вершков длины, и то только в самом низу, так что на взгляд это удлинение против обыкновенной псовины должно быть почти незаметно. Отчесы у кобелей иногда бывают громадные и нередко достигают 4-вершковой длины; у сук же отчесы бывают преимущественно одинаковой длины с обыкновенною псовиной и редко превышают ее. Привесь на правиле от трех до четырех вершков длины, висящая вниз с нижней стороны правила и всегда, за очень редкими исключениями, прямая, шелко-

вистая; волнообразная привесь встречается очень редко; с верхней стороны правила псовина должна быть короче обыкновенной и, постепенно укорачиваясь к концу правила, только у основания его всегда бывает в завитках или волнообразною; на передних же ногах с задней стороны шелковистая редкая привесь не должна превышать длины обыкновенной псовины. Псовина на голове, начиная от ушей и шеи, и на ногах спереди ложна быть очень короткая, в виде мышиной шерсти, и немного только от глаз к ушам крупнее, но непременно блестящая и атласисто-гладкая. Вообще псовина борзых псовой породы бывает трех сортов, а именно: прямая, вилая, т. е. волнистая или волнообразная, и в завитках. По этим видам псовины и выражаются охотники о псовых собаках так: «Прямопсовая; с вилою псовиной; с псовиною в завитках». Все эти разновидности псовины происходят у псовых борзых вследствие того, что собака если выраживается ближе к типу курляндских борзых, то бывает с вилою или в завитках псовиною, если она выродится ближе к типу чистопсовых собак, то бывает с псовиною более прямою. И поэтому ни одна из этих трех разновидностей псовины у борзых псовой породы не исключает их чистокровности, при одном только условии, чтобы псовина эта была не густа, т. е. не шерстиста, так как шерстистость, густопсовость всякой борзой есть неизменный признак грубой меси в собаке и доказательство подмеси крови овчарных или дворных собак.

Настоящий окрас псовой борзой: белый, бледно- или красно-полово-пегий, серо-пегий и муруго-пегий.

Линька борзых псовой породы составляет главную их особенность и заключается в том, что кровная борзая псовой породы начинает линять с апреля месяца и продолжает линьку до половины сентября, совершенно незаметно для глаз неопытного охотника; она никогда не вылинивает сразу, а теряет псовину постепенно, по волоску, так что вида своего не изменяет и во время линьки, чего никак не может быть с грубомешаными псовыми и других пород собаками.

Рост борзой псовой породы крупный.

Характер энергичный, но скоросый и свирепый.

Рыск передний или у стремени; походка гордая и как бы с иноходью».

Очевидно, г. Губин описывает здесь не псовую, а разновидность густопсовой, более грубых и широких ладов, т. н. волкодавов, отличавшихся силою и свирепым характером; весьма сомнительно, однако, чтобы эти волкодавы имели длинную шею и отвислые нижние веки. Более нежели странно утверждать после напечатания «Регула» фон Лессина, что псовая борзая — порода недавнего

происхождения, образовавшаяся от смеси чистопсовой с курляндской, и совершенно отрицать существование густопсовой, которая, в действительности происходя от смеси старинных псовых с курляндскими псовыми, именно отличалась густою псовиною, унаследованною ею от последних.

«О курляндских борзых собаках. Курляндские борзые представляют собою самый крупный тип собак изо всех пород борзых, известных у нас в России.

По виду курляндская борзая страшна и как бы неуклюжа. Движения ее походят как бы на движения медведя, бегать рысью она никогда почти не могла, а рыскала иноходью, с развалом или напрыгом, а поэтому курляндская борзая при громадной своей величине, необъятной ширине зада, страшной низкопередости и общей сыроватости, при понуром ее виде, казалось бы, ничего не должна обещать по виду в пользу своей резвости, но тем не менее необыкновенная правильность ее частей, в отдельности взятых, дает ей возможность быть страшно резвой, но только на очень коротком расстоянии. Вообще курляндские борзые, как кобель, так и сука, должны быть с верхом: зад много выше и шире переда, вследствие чего при крутом верхе собаки и большом ее наклоне к переду она должна быть всегда низкопереда.

Голова курляндской борзой прилобиста и сыра, с продольною впадиною (лощинкою) посредине лба; щипец длинный, здоровый и правильный; лоб средний, скорее широк, чем узок; глаза большие, свирепые.

Уши средней величины, скорее велики, чем малы, узки, продолговаты и постоянно в откладе лежат по обеим сторонам головы, вдоль шеи. При этом в возбужденном состоянии собаки курляндской породы никогда ушей не ставят во всю их длину, а только как бы вздергивают их кверху, причем кончик уха свисает как бы назад и набок; но, несмотря на распущенность уха, никогда не поворачивают их кпереду, свесив и запрокинув всю конечную половину уха наперед, как это делают борзые мешаной породы.

Ноги прочные, сухие и крепкокостистые: главная особенность ног курляндской борзой заключается в том, что задние ноги много длиннее передних (сравнительно с размером ног борзых собак других пород); задние пазанки длинные; передние пропорциональны величине передних ног и скорее низки, чем высоки; лапа большая, продолговатая, но сравнительно с лапами борзых других пород круглее; передние ноги должны быть прямы, а задние лучковаты и слегка как бы вразмете, но так, чтобы это не составляло положи-

тельного недостатка или порока в собаке. Вообще постанов ног, и в особенности передних, должен быть правилен.

Грудь не широкая сравнительно с шириною зада; соколок груди не выдается из-за плеч, и грудные западины довольно глубокие.

Шея правильная.

Ребра низкие и бочковатые; ширина степи, крестца, и в особенности зада, необыкновенная. Зад много шире переда.

Подхват хороший, высокий, необходимый у собак с верхом.

Правило курляндской борзой очень длинное и ровное, так что при измерении длины правила способом, указанным выше, последний хвостовой позвонок, проходя через маклок, может соприкасаться с другим, противуположным маклоком, но не далее того; притом правило курляндской борзой во всяком ее положении должно быть опущено книзу и только в конце загибается немного кверху, изображая из себя как бы букву *г;* во время же скачки за зверем курляндские борзые отделяют правило так же, как и всякие другие борзые собаки.

Плечи полные, мускулистые. Движение в локотках свободное. Соколок груди не выдается из-за плеч вперед или иначе, не заметен.

Черные мяса огромные.

Псовина курляндской борзой должна быть длинная, приблизительно двухвершковой длины, и вся в мелких завитках, притом совершенно равномерно распределена по всему корпусу собаки, за исключением кобелей, у которых псовина на шее, постепенно удлиняясь к голове, нередко достигает трехвершковой длины и бывает с более крупными завитками, что и заменяет у кобелей отчесы; у сук же и этого не бывает, а потому псовина на всем корпусе у сук должна быть одинаковой длины. Главная особенность породы курляндских борзых та, что эта порода собак не имеет ни отчесов, ни привеси. Щипец и нижняя часть головы, а также ноги передние от локотков, а задние от колен покрыты очень короткою атласисто-гладкою и блестящею псовиною, как голова и ноги спереди у псовых и чистопсовых борзых; лоб, начиная от глаз до ушей, хотя покрыт такою же короткою псовиною, но уже псовина эта лежит волнообразно, переходя между ушей как бы в завитки, сливающиеся у ушей с завитками обыкновенной псовины; правило все кругом покрыто короткою волнообразною псовиною, как у двухмесячных щенят псовой породы. Вообще псовина курляндских борзых мягкая, шелковистая; но тем не менее грубее псовины борзых псовой породы.

Настоящий окрас курляндской борзой: серый, половый всех теней, муругий, чубарый и пегий означенных мастей. Окрас белый без отметин никогда у курляндских борзых мне не встречался.

Линька у курляндских борзых начинается с апреля месяца и продолжается до сентября, как и у псовых борзых, но только вылинивает курляндская борзая не так, как псовая; она линяет частями, так, например, прежде вылиняет шея, затем перед, а на заду держится еще старая псовина, и наоборот, и т. д., словом, курляндская борзая сбрасывает с себя старую псовину не по волоску, как псовая борзая, а частями*.

Рост курляндской борзой — самый крупный, так что суки менее 17 вершков, а кобели менее 18 вершков встречаются как исключение.

Характер свирепый и притом понурый.

Рыск задний и у стремени, притом всегда напрыгом или иноходью с развалом, рысью же почти никогда.

Резвость курляндской борзой страшная, но только на очень коротком расстоянии; при этом курляндские борзые очень поимисты, чему способствует их низкопередость, а в схватке с волком они незаменимы по причине необыкновенной их силы, т. е. мощности и злобы».

Это описание курляндской псовой единственное** и, надо полагать, совершенно верное.

Собственно говоря, признаки всех псовых совмещены в большей или меньшей степени в современной псовой, которая нередко имеет склад чистопсовой, псовину волнистую и голову псовой или густопсовой. Поэтому всего целесообразнее рассмотреть в отдельности каждую часть тела всех пород псовых на основании описаний старинных и современных охотничьих авторов; затем из имеющегося и разобранного критически материала будет уже нетрудно составить приметы современной псовой. Начнем с головы.

Красота и правильность *головы* у борзой, как у большей части пород собак, главнейшее условие породистости. Породистой, кровной борзой, как замечает Д. П. Вальцов, можно скорее простить поползшие ноги, чем грубую и короткую голову. Кроме курляндской псовой, имевшей сравнительно широкий лобастый череп и сырой щипец свайкой, у всех русских борзых голова должна быть

---

* В этом она представляет большую аналогию с русскою степною овчаркою. — **Л. С.**

** Несмотря на все старания, мы не могли найти ни одного печатного указания в немецкой литературе Остзейского края. Полагаем, однако, что в старинных усадьбах баронов должны сохраниться по крайней мере изображения этих борзых на картинах и портретах прошлого столетия.

узка, суха и длинна; у старинных псовых и густопсовых череп был настолько узок, что уши у них скрещивались концами*, чего у современных никогда не замечается. Почти у всех русских борзых, отличающихся злобностью, головы сравнительно грубее и прилобистее, щипец короче и мясистее, т. е. с очень сильно развитыми жевательными мускулами; такое строение головы отчасти зависит от подбора, но едва ли не чаще происходило от подмеси ради увеличения злобности крови брудастых или же курляндских псовых.

Как это ни странно, но до сего времени отношения размеров головы к росту и длине борзой, а также щипца (т. е. морды) к черепу с точностью неизвестны, так как никаких измерений не производилось и судьи руководствовались при оценке головы лишь глазомером, не у всех одинаково верным. Вообще голова псовой борзой относительно длиннее и у́же в черепе, чем у английских, и приблизительно равняется росту собаки в загривке, а длина шипца должна равняться длине черепа или немного превосходить ее. Череп сверху плоский, овальной формы, не расширяющийся к затылку, а переходящий с небольшим закатом в сильно развитый и острый соколок**, точнее, затылочный гребень, причем, однако, затылок не отделяется от шеи, а незаметно переходит в нее. Квадратность или клинчатость черепа, также прямой срез к затылку — безусловно порочны. Надбровные дуги мало развиты, и лоб постепенно переходит в щипец без перелома, так что от самого затылка до конца морды (вощечка) выходила бы прямая линия. Поэтому допускается лишь едва заметная изложина посредине лба. Ермолов называет профиль головы псовой греческим в том смысле, что, если смотреть в профиль, линия лба и щипца представляется почти прямой, с незначительным возвышением у бровей и с впадиной между глаз.

У чистопсовых, происходивших от хортых, череп был всегда выпуклее, чем у происходивших от смешения псовых с восточными борзыми, голова которых мало отличалась от головы русских борзых. Самое главное, чтобы лоб не имел выпуклости и перелома, как у английской и курляндской псовой, а сливался бы со щипцом; однако небольшая прилобистость, придающая собаке более серьезный и угрюмый вид и своеобразную красоту, не может считаться

* Такое положение ушей встречается у согостырских (в устьях Лены) борзовидных лаек, употребляемых для заганивания оленей в тундре. Только уши у них скрещиваются, когда прижаты к шее; в спокойном же состоянии уши не соприкасаются.

** Губин и большинство охотников называют *соколком* выдающуюся часть грудной кости, что правильнее. Ермолов и некоторые другие соколоком зовут затылочный гребень.

пороком, равно как и легкая горбоносость. По справедливому замечанию Вышеславцева, «щипец, несколько наклоненный книзу, не так походит на волчий или лисий». Прилобистость, большею частью соединенная с горбоносостью, замечалась у трегубовских собак, у *Чародея,* ратаевской *Злодейки* и у большей части потомков последней, составляя весьма устойчивый признак некоторых отродий псовых и густопсовых в особенности. Но, само собою разумеется, излишняя горбоватость щипца, напоминающая баранью голову, очень некрасива и порочна.

Щипец должен равномерно утончаться к концу, иметь надлежащую длину и быть настолько сухим, чтобы на нем ясно виднелись формы личных костей и главные вены; подбородок до горла не мясист и покрыт нежной атласистой псовиной. Очень узкий, тонкий и сильно заостренный щипец, так же как маленькая голова, не свойственны псовым*. Острощипость почти всегда соединяется с подуздостью, т. е. укорочением нижней челюсти, вследствие чего верхние резцы находятся впереди нижних. Такое строение щипца составляет большой порок у всех собак, тем более у борзых, и бывает причиною непоимистости. Кроме того, подуздость, придавая щипцу борзой сходство с стерляжьим носом, крайне безобразит общий вид собаки, а потому считается всеми большим пороком, тем более что она большею частию является следствием ведения породы в близком родстве и передается в потомство. Точно так же порочен щипец слишком тупой, курносый с выемкой и так называемый щучий, т. е. широкий и плоский. Вощок (чутье) непременно черного или темно-коричневого цвета; светлый вощок — большой недостаток и служит признаком начинающегося вырождения; ноздри довольно широкие (раскрытые), чуть выдающиеся над нижнею челюстью.

Глаза. «У каждой кровной породистой, резвой и красивой борзой, какой бы породы она ни была, — говорит Мачеварианов, — глаз должен быть огромный, блестящий, навыкате». Это совершенно верно, так как неоспоримо, что изо всех чувств самое необходимое для борзой — зрение. «Зазор навыкате», говорил еще фон Лессин, но отсюда не следует, однако, заключать, что глаза должны быть выпуклы, так как выпуклость глазного яблока связана с близорукостью. Мачеварианов, а за ним Ермолов сравнивают глаз псовой с вальдшнепиным, но сравнение это весьма неудачно именно потому, что у вальдшнепа, как почти ночной птицы, глаза слишком выпуклы и круглы; кроме того, они имеют

* Поэтому рисунок густопсовой, сделанный Вышеславцевым, с очень маленькой пряничной головкой совершенно не верен. Следует заметить, что у псовых сук, как у всех собак, голова относительно меньше и тоньше, чем у кобелей.

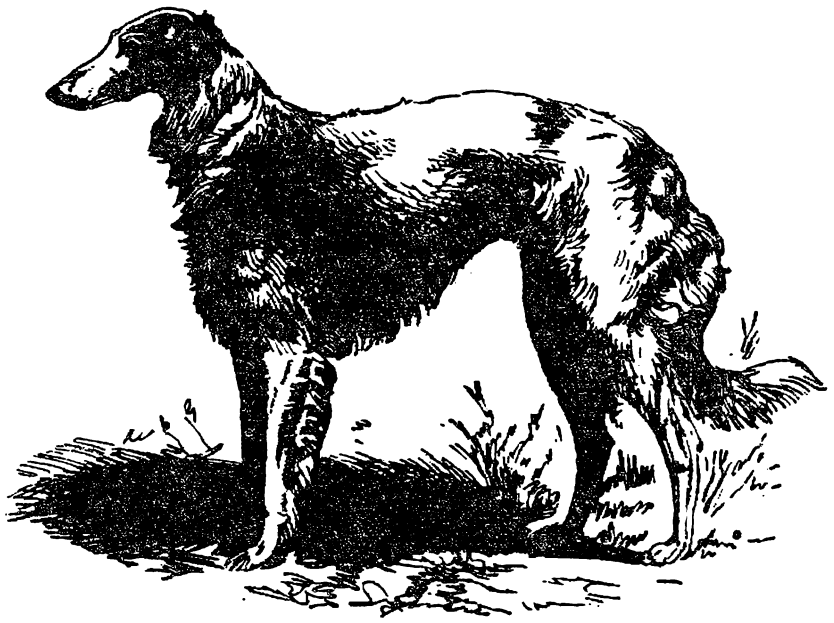
чересчур кроткое и даже глупое выражение. Гораздо вернее сравнить глаза борзой с соколиными, так как они должны быть ясными, блестящими и иметь тот острый взгляд или выражение, которое присуще хищным птицам. «Голова с огнистыми и ясными глазами» (Левшин). «Глаза горят, как агаты» (Челищев).

Хотя взгляд псовой имеет, если она не ласкается, суровое или по крайней мере серьезное выражение, но он все-таки не должен быть свирепым. Поэтому весьма странно, почему г. Губин в своем руководстве, описывая псовую борзую (вернее, густопсовую), говорит, что глаза у нее «большие, свирепые, с слегка отвислыми нижними веками, из-за которых должен виднеться кровавый белок страшного глаза» (т. е. белок с кровяными жилками). Действительно, у некоторых волкодавов замечаются иногда кровяные пятнышки на белках, но это происходит от частого озлобления при схватках с волками (Мачеварианов); отвислости же век ни в каком случае у псовых (за исключением курляндских псовых) быть не должно, и такой глаз всего чаще встречается у хортых от отдаленной подмеси мордашей, которой в русских борзых никогда не бывало.

В общем, глаза у псовой больше, чем у английской, не так круглы, как у брудастых, и имеют продолговатый и прямой разрез, отнюдь не косой, как у волка, лисы и некоторых лаек. Что касается цвета радужины, то он должен быть черный или темно-карий; карие желтоватые глаза — недостаток, особенно у белых, полóвых, серых и пегих этих окрасов собак; такие глаза допускаются лишь (Озеров) у чубарых, бурматных и этого окраса пегих. По замечанию некоторых охотников, у особенно злобных собак глаза большею частью с желтоватою радужиной, но эта примета не вполне верна и, вероятно, основана на том, что в очень злобных псовых часто бывает примесь брудастых и что желтый глаз имеет всегда очень суровый, иногда даже свирепый взгляд. По свидетельству старых охотников, густопсовые, в большинстве волкодавы, имели чаще суровый взгляд, более гармонировавший с их несколько понурым видом и волчьей манерой держать шею. Глаза в темных окрайках, окружены ресницами (черными); подопрелые веки, т. е. светлого, телесного цвета, хотя некрасивы, не составляют, однако, порока, как полагают многие, потому что встречаются большею частью у кровных собак белого окраса, и хотя передаются потомству, но легко могут быть исправлены производителем, не, имеющим этого недостатка. По свидетельству С. Кареева, изредка замечаются у псовой и серые глаза; это, однако, уже признак начинающегося вырождения. У очень кровных собак вследствие частого кровосмешения глаза имеют часто различную величину и окрас, подопрелые веки, наконец, становятся почти белыми.

Уши подобно глазам составляют нераздельную часть головы, тем более что у современных псовых они почти не отделяются от нее и мало заметны. Мы имеем полное основание думать, что у старинных русских борзых уши были если не всегда, то большею частию стоячими или полустоячими, т. е. с загнутыми (наперед) кончиками. К сожалению, фон Лессин об ушах вовсе не упоминает; однако значительно позднее, в начале XIX столетия, Левшин в своей «Книге для охотников» говорил: «Что надлежит до ушей, то оные у псовых собак должны быть подняты вверх, а у хортых обвислые». Во «Всеобщем полном домоводстве» им также говорится о

Рис. 12. Современная псовая. Крылат Уэльслея («Охотничий календарь»)

«бодрых» ушах, очевидно стоячих. Даже в сороковых годах А. Хомяков, говоря о русской борзой, считал ее отличительным признаком «прямое ухо, поднятое кверху, как бы настороже, т. е. по пословице: держи ухо востро».

Многие из современных охотников помнят т. н. остроушек с большими стоячими ушами, как у лаек; такие борзые встречались в некоторых охотах, особенно у мелкотравчатых, и имели своих поклонников, считавших стоячие уши признаком особенной чуткости, т. е. сильно развитого слуха и даже (!) резвости. Изредка такие остроушки встречаются вследствие атавизма кое-где и теперь; в Кубанской же области, как мы видели, почти все борзые,

составляющие как бы прототип русских борзых XV и XVI столетий, имеют стоячие уши.

Но лет 50 или более стоячее ухо уже не считается типичным для псовой и густопсовой борзых; курляндские же никогда такого уха не имели. Теперь правильные уши должны быть небольшими, как бы сложенными вдвое вдоль, в расправленном виде иметь форму заостренного клина с слегка закругленными сторонами; они заложены назад и лежат вдоль шеи у затылка собаки, даже соприкасаясь концами между собою; эти т. н. уши в закладе, или откладе, имеют полную аналогию с ушами лайки, когда она их щулит, т. е. прижимает, чем-нибудь испуганная, вообще из боязни. Такое странное положение ушей не встречается ни у одной породы собак, и трудно дать ему удовлетворительное объяснение. В возбужденном состоянии или когда борзая настораживается — прислушивается, эти заложенные назад уши она более или менее приподнимает кверху конем, причем кончики их в это время обыкновенно запрокидываются наперед (т. н. ухо в чепце, по Губину); совсем стоячее ухо, как сказано, встречается у немногих современных псовых даже в минуту возбуждения.

Вследствие частых скрещиваний псовых с широколобыми хортыми и вислоухими восточными борзыми вполне правильный постанов ушей встречается очень редко, и у большей части современных псовых уши хотя и плотно прижаты к шее, но широко расставлены и почти никогда не соприкасаются кончиками*; нередко они даже свешиваются концами к щекам (уши с крымью), что считается большим недостатком и признаком подмеси вислоухих борзых. Следует заметить, однако, что у чистопородных густопсовых ухо могло быть распущено вследствие атавизма, т. е. когда они выраживались ближе к типу курляндских псовых, так что распущенное ухо не всегда бывает следствием нечистокровности. Во всяком случае, уши должны быть тонки и покрыты короткой атласистой псовиной, без пучков и прядей; тонина ушей — признак высской крови.

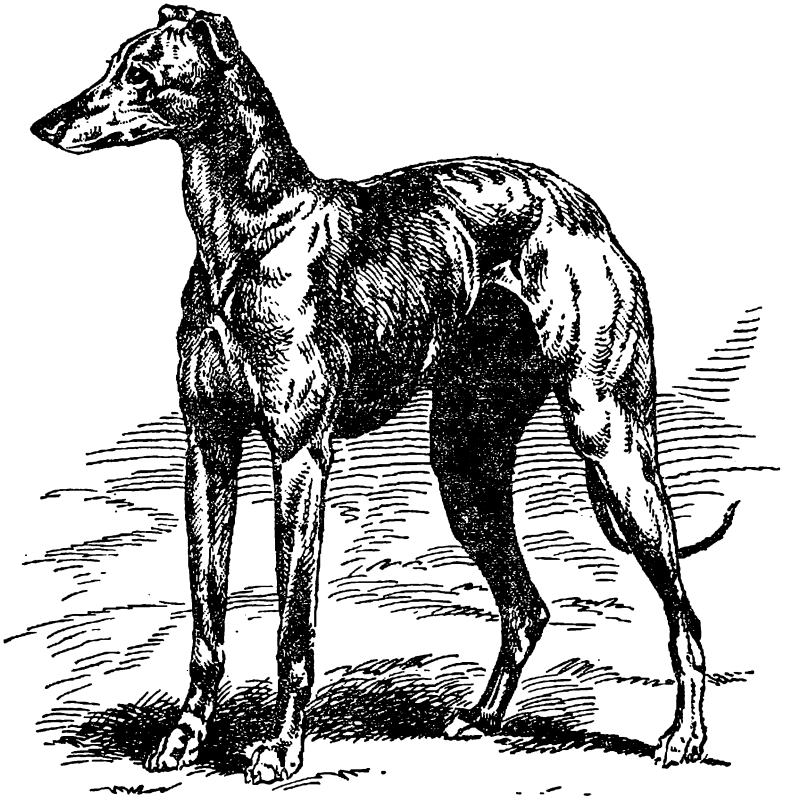
Шея. Фон Лессин говорит о «волковатой» шее, как о порочной, и советует браковать «толстошееватых» и короткую шею имеющих; также и Левшин упоминает в «Книге для охотников» о «длинной и гордой» шее. Тем не менее к числу типичных, хотя бы порочных, признаков старинных густопсовых надо отнести именно короткость шеи и ее волчий постанов — понурость, свойственный преимущественно волкодавам. Старые авторитетные охотники, как Вышеславцев, Ступишин, Челищев, положительно утверждают, что у густопсовых шея была не длинная и не поднятая кверху,

* Как, например, у *Угара* Тумановского.

как у лошади или лебедя, а короткая и прямая, почти на одной линии со степью (спиной), что ясно видно на рисунке густопсовой Вышеславцева и заметно в меньшей степени у старого кареевского *Наяна,* чебышовского *Награждая,* перепелкинского *Поражая* и у некоторых других борзых старого типа. Вообще вся шея с псовиной имела прежде волчий склад и была лишена возвышенности у затылка.

Короткость и негибкость шеи были главными причинами непоимистости густопсовых, и в связи с броском объясняют, почему они так часто убивали зайца грудью на угонках. Обыкновенные псовые, надо полагать, всегда имели лучшую шею; точно также у

Рис. 13. Фуллертон,
.английский борзой кобель полковника Д. Т. Норта.
Главный приз Waterloo Cup 1889 и 1890 гг.
(«Журнал охоты» А. Е. Корша, 1890, № 6)

современных русских борзых, особенно имеющих кровь мачеварионовских, шея правильнее, т. е. пропорционально росту длиннее, гибче, и хотя не такая гордая, конистая и выпуклая, как у английских, а также хартов и чистопсовых, происходящих от английс-

ких и хартов, но отнюдь не понурая, притом сухая, без мясистого загривка, сжатая с боков; у сук она всегда тоньше, длиннее и более плоска, чем у кобелей. Мускулистая, здоровая шея, как справедливо заметил Ермолов, нужна волкодаву, а для ловли и поимки русака удобнее длинноватая гибкая шея.

Грудь и плечи. Хотя старинные псовые имели довольно широкую грудь, но она никогда не достигала ширины английских и восточных борзых. Несомненно, однако, что густопсовые всегда имели сравнительно узкую грудь, а у последних вырождавшихся представителей этой породы грудь была даже чрезмерно узкая и впалая. По Вышеславцеву, она была не шире ладони и не выдавалась между плеч. Недостаток ширины у этих борзых более или менее возмещался глубиною груди, которая спускалась на 2—4 пальца ниже локотков. Вообще следует заметить, что у борзых, как у животных, предназначенных для быстрой скачки, грудь должна быть сравнительно у́же, чем у всех других пород собак, и притом тем у́же, чем кратковременнее бывает их скачка, то есть пылкие борзые всегда лещеватее сильных, ловящих вдаль. Мы видим, что у английского скакуна, у дикой козы, зайца, даже у волка, отличающегося выносливостью в беге, грудь всегда гораздо у́же сильно развитого зада. У современных псовых она сделалась шире, выпуклее, мускулистее, с выдающимся из-за плеч соколком, без глубоких западин, но зато редко спускается ниже локотков; многие псовые имеют даже распахнутую грудь, что у скакового животного считается большим пороком. Во всяком случае, зад борзой должен быть гораздо, по крайней мере в полтора раза, шире переда.

У прежних псовых, тем более густопсовых, плечи были не очень выпуклы, даже плоски; у современных же они полнее, мускулистее и резче очерчены, особенно у мачеварионовских и им сродных. Плечи у них с довольно высокою лопаткой, косые, с свободными локотками, отделенными от грудного ящика, так что между ними и ребрами помещается палец или два; подвернутые внутрь локотки — большой недостаток, так как собака, тыкаясь локотками в грудной ящик, не может иметь быстрой скачки; кроме того, они всегда бывают соединены с косолапостью, т. е. вывернутыми наружу лапами. Замечательно, что теперь, как в старину, тупой и короткий соколок груди считается признаком тупости борзой в скачке. У фон Лессина говорится притом, что у сук «соколок должен пригнуться книзу, а у кобелей надлежит быть направленным кверху или прямо».

Ребра, образуя грудной ящик, составляют нераздельное целое с грудью и должны бы рассматриваться с нею. По-видимому, старинные псовые были так же широки в груди и имели выпуклые, а не

плоские ребра, как большинство современных, но ребра были у них спущены ниже локотков, чем они отличались от более широкогрудых чистопсовых и курляндских псовых. Фон Лессин говорит положительно: «ребра ниже щиколоток (!)», и далее «ребра, низкие, свислые, притом же плотные». Даже в книге «Псовый охотник» (1785), составляющий перевод с польского, и где, по всему вероятию, описывается хортая, а не псовая, требуется от статной борзой ребер долгих, плотных, ровных и ниже локотков, но притом бочковатых, что почти несовместимо. Вообще грудь псовой имеет или, вернее, имела большое сходство с грудью северных волкообразных собак.

Широкое ребро всегда было признаком сильной собаки: «слабая собака пашистая и редкоребрая — ребро от ребра отстоит далеко» (фон Лессин). Однако «резвыми или ловцом они быть не мешают, только день езди, три корми». О широком ребре и ребристости говорит и Левшин. Даже в 70-х годах Н. Челищев, описывая старинную густопсовую упоминает о частых, как бы слитых, ребрах.

Тем не менее надо полагать, что широкие ребра не были характеристичны для настоящей густопсовой, изо всех борзых имевшей самую короткую колодку, — именно потому, что слитые ребра могут давать только силу в скачке, но не резвость. Вышеславцев, таким образом, прав, требуя у густопсовой большого расстояния между ребрами, что при короткости собаки почти уничтожает пахи; по его справедливому замечанию, достаточное расстояние между ребрами как у скаковой лошади, так и у борзой дает возможность туловищу сильно сгибаться и разгибаться при скачке.

Что касается собственно большей или меньшей выпуклости ребер, неправильно называемой бочковатостью, то у современной псовой ребра все-таки менее закруглены, чем у английской и восточных борзых, у которых грудной ящик в разрезе составляет почти правильный овал. У псовой же он должен иметь в разрезе яйцевидную форму с тупым концом на спине, а у лещеватой и остростепой густопсовой даже чечевицеобразную. Вообще не следует увлекаться бочковатостью ребер у борзых, всегда соединенной с чрезмерно широкою, распахнутою грудью. Очевидно для всякого, что грудная клетка с крутыми круглыми ребрами не может сильно увеличиваться в объеме при дыхании и что широкая грудь обусловливает укорачивание плеч и выворачивание локотков наружу.

В настоящее время требуют от псовой ребер только до локотков при достаточно широкой, даже чуть распахнутой груди; если же грудь узковата, то ребра должны быть обязательно спущены ниже локотков на 1—2 пальца, как у старинных густопсовых, то есть глубина груди обратно пропорциональна ее ширине. Сильно

спущенные ребра при короткости колодки у кобеля часто быстро уменьшаются к подрыву. Это некрасиво, хотя не может считаться порочным (Ступишин), но вообще длинные последние ребра всегда считались признаком резвых и сильных в полях собак. С другой стороны, борзая с крутыми короткими ребрами, постепенно уменьшающимися к подрыву, всегда кажется прибрюшистою, особенно сука, и не имеет правильного подрыва, так как живот у нее не подобран выше пахов. Между тем резко обозначенные пахи способствуют свободному галопу даже у легавых. Вообще окружность груди у борзых должна быть несравненно более окружности живота, чем у всех прочих пород собак, а именно в $1\,^1/_2$ раза и до 2-х.

Спина. Строение спины и зада обусловливает большую или меньшую силу всякого четвероногого. Широкая прямая спина с сильно развитым задом встречается у борзых сильных, т. е. способных к продолжительной скачке — хортых и восточных. Все же породы и отродья русских борзых, даже чистопсовые, никогда не имели прямой брусковатой или широкой спины, так как все они были низкопереды и не предназначались для продолжительной скачки в полях. При постанове задних ног под себя перпендикулярно телу и при их длине крестец неминуемо должен был выгнуться и образовать верх, характерный для всех пород псовых, в особенности курляндских псовых, которые были самыми низкопередыми и широкозадыми из русских борзых. Таким образом, спинной хребет имел выгиб, который был особенно заметен при короткости колодки, т. е. у кобелей.

Искривление это не следует смешивать с переслеговатостью или провислостью, замечаемой преимущественно у старых сук и слабых кобелей и выражающейся в том, что концы лопаток выдаются выше средины степи (спины). У сук, имеющих более длинную колодку, чем кобели, спина может быть почти прямою, но все-таки крестец (маслаки) должен несколько возвышаться над лопатками и ни в каком случае не быть ниже их. Таким образом, у сук может и должен быть некоторый наклон, то есть, как правильно говорит Д. П. Вальцов, спуск от крестца к лопаткам, что бывает у всякой низкопередои собаки, даже при прямой спине. У кобеля же, по его мнению, должен быть верх, а не наклон, то есть выгнутая посредине спина; степь от лопаток удлиняется горбом и понижается к маслакам; очень большой верх может, однако, оказаться горбом и, следовательно, порочным неестественным искривлением спинного хребта.

Правильно выгнутый хребет (или т. наз. напружина) дает спине упругость и гибкость, очень важные в поскачке, особенно на небольшие расстояния, хотя и в некоторый ущерб силе. «Прямой

крестец, — замечает Вышеславцев, — плохая рекомендация для скаковых лошадей и борзых». При таком выгибе, или верхе, зад необходимо должен быть слегка свислым, как у многих английских скакунов. Правильный верх должен, по Вальцову, начинаться от плеч, идти полукругом (?) до середины спины и также постепенно спускаться к крестцу, так что линия крестца составляла бы без всякого излома его продолжение до корня правила. Озеров тоже требует, чтобы верх начинался от плеча постепенным возвышением, достигал середины между плечами (лопатками) и кострецом (крестцом) и также бы постепенно спускался, образуя чуть скошенную линию между кострецом и корнем правила (хвоста). Он полагает, однако, что требовать у собаки в полевом теле этого перехода без малейшего намека на западинку при соединении лопаток со спинною костью невозможно. Короткий обрубленный крестец — большой порок, ибо ведет к еще большему — прямым палкообразным ногам. По Блохину, степь, понижаясь к маслакам, переходит в так называемую срамную площадь, которая понижается к комлю правила и расширяется к вертлюгам. Эта срамная площадь (между маслаками и комлем правила) у псовых длинная, а не короткая, как у английских, и совершенно плоская, то есть вертлюги не ниже правила.

Что касается ширины спины у русских борзых, то она, конечно, всегда соответствует ширине груди и грудного ящика. Скамьистая, то есть плоская, широкая брусковатая спина псовым вовсе не свойственна. Разумеется, собака не должна быть остростепой, иметь шатровую спину, как у осетра: это — порок, присущий только выродившимся чистокровным густопсовым и не встречающийся ни у какой другой породы. Однако плоская спина с сильно развитыми мускулами может дать только силу, а не резвость: спина должна быть слегка закруглена, но не может иметь желобка. По мнению Озерова, спина должна быть настолько широка, чтобы скрыть от глаз соединение спинного хребта с ребрами достаточно брусковатой полосой. Правильная степь действительно должна быть закругленная — облая, как определил ее еще фон Лессин: «Степь или наклон — облая... Сухопарые и небегчивые собаки имеют не облую степь, но шатровые и сами собою узкие».

Последние слова доказывают, что во времена Алексея Михайловича борзые с острыми выдающимися позвонками не составляли редкости; быть может, они уже предпочитались другим для ловли на коротких перемычках, где силы вовсе не требовались.

У сук спина должна быть несколько шире, особенно в мочах. Чем ближе современные псовые к густопсовому типу, тем чаще между ними встречаются суки, имеющие небольшой верх при достаточно длинной колодке. Вообще чем прямостепее собака, тем

спина у нее шире, и наоборот: очень крутые кобели всегда бедны спиной, и она у них бывает пирогом, т. е. с заметными позвонками, несмотря на густую и длинную псовину.

Многие авторитетные охотники высказывали мнение, что от суки с верхом (напружиной) всегда более шансов получить ладных, крутых кобелей, чем от прямостепой*. Приверженцы широкой сложки псовых утверждают, что скамьистые суки всегда лучше вынашивают щенят и бывают молочнее сук с напружиной. Это верно только относительно коротких сук в кобелиных статях, как для всех пород собак, но если у суки просторные пахи и брюхо имеет достаточное помещение для щенят, то замечание это лишено основания.

Хотя густопсовые и курляндские псовые несомненно были узкогруды и лещеваты, особенно первые, но можно утвердительно сказать, что при всем том они имели, особенно курляндские, широкий, даже несоразмерно, зад. У старинных псовых времен Алексея Михайловича между крестцов свободно укладывались четыре пальца (фон Лессин). Вышеславцев, описывая густопсовую с узкою грудью и спиною пирогом, говорит о сильно развитых почках и широком заде. По Блохину, между маслаками** должна была укладываться ладонь большой мужской руки. У знаменитых трегубовских собак, по свидетельству Мачеварианова, между задних маслаков укладывалось шесть пальцев. Собака с широким и свислым задом может дальше бросать под себя задние ноги, вследствие чего скачок ее длиннее. Таз непременно должен быть широк, ибо только при этом условии задние ноги могут далеко захватывать пространство впереди передних.

Передние ноги. Плечевая кость должна несколько податься назад при соединении с локтевою, то есть плечи косые, тогда ноги будут стоять правильно, под собаку, иначе будет казаться, что собака стоит на подпорках. Хотя передние ноги служат только опорой во время скачки, как у зайца, тем не менее они не должны быть тонки костью, так как при несоразмерно слабых передних ногах борзая будет пронослива на угонках — непоимиста. У резвых и достаточно сильных борзых передние ноги костисты, жилисты, не мясисты, так что сквозь кожу видны вены, конечно, правильны, параллельны от плеча до лап и образуют с передними пазанками

---

* По свидетельству С. С. Кареева, 18-вершковая сука *Заирка* Калмуцкого с верхом давала отличных щенят и отлично их выкармливала.

** Маслаками (правильнее мослаки) называются выдающиеся оконечности папортных костей, т. е. таза, к которым прикрепляются кости задних ног и между которыми помещается крестец. Вертлюги же означают сустав, в котором соединяется задняя нога с папортною костью таза.

(пястью) почти прямую линию (передние ноги в струне). Нельзя, однако, не согласиться с мнением немецких кинологов, что «совершенно прямые бабки не имеют надлежащей гибкости — упругости и при остановке на полном скаку вызывают растяжение связок и бывают причиной быстрого утомления и даже вывихов». Сухие ноги спереди всегда кажутся более узкими, чем сбоку, т. е. не круглыми; вообще кости передних ног должны быть сплющены с боков.

Задние ноги с мускулами составляют главную часть тела борзой, как всякого скакового животного. Наиболее важное значение имеют седалищные мышцы — черные мяса. Старинные псовые, густопсовые в особенности, довольно резко отличались строением задних ног от английских, восточных и отчасти современных псовых в том отношении, что все мускулы у них были плоски — не так выпуклы — и длиннее, что зависело от большей длины костей задних ног сравнительно с передними, чего мы не замечаем у других пород. При широком заде ноги широко расставлены, параллельны между собою, если смотреть сзади; при узковатом заде коленки (вернее, пяточные кости) сближаются и зад собаки принимает форму коровьего или телячьего.

Следует заметить, что старинные охотники никогда не называли задние ноги с слегка вывороченными наружу лапами порочными, а напротив — считали таковые приметой резвости, вернее пруткости (прыткости, т. е. резвости накоротке). Действительно, параллельные задние ноги и пазанки могут быть красивы только у широкозадой борзой; при узковатом же заде они должны быть широко расставлены, но это еще далеко не коровьи ноги. Во всяком случае, такой постанов способствует более свободному и дальнему закидыванию ног вперед во время скачки и он гораздо правильнее обратного положения постанова ног с вывороченными в поле (наружу) коленками и лапами, вывернутыми внутрь. Собака уже потому может широко расставлять задние ноги, что они очень длинны сравнительно с передними; при этом они могут быть совершенно правильными.

Точно также по причине чрезмерной длины задних ног старинные русские борзые держали их или сильно вытянутыми назад, или под себя, сильно выгнув спину. Первый постанов встречается иногда у английских борзых; второй же свойствен исключительно некоторым псовым и большинству чистопсовых и обусловливает тот верх, который характеризует последних: собака изображает собою как бы согнутую пружину, готовую выпрямиться. Так держат задние ноги олени, козы, зайцы, и очень может быть, что так называемый бросок обусловливается именно таким постановом. Далеко отставленные назад ноги, по-видимому встречавшиеся

чаще у обыкновенных псовых и чистопсовых, также придают много красоты собаке, так как она тогда напоминает английскую скаковую лошадь. Это называлось «задние ноги потянулись», «задние ноги в струне». У современных псовых, большею частию прямостепых и с укороченными задними ногами, оба эти постанова, особенно первый, замечаются редко.

В обоих случаях задние ноги, собственно голени, должны соединяться с пазанками под углом, т. е. иметь ясно очерченный сгиб (в противном случае собака будет казаться стоящею на подпорках), однако не настолько, чтобы казаться лучковатыми, т. е. слишком согнутыми. С прямыми и, следовательно, короткими задними ногами (вопрямь) собаки и лошади редко хорошо скачут*, и такие ноги некрасивы даже не у борзых (наприм., пойнтеров, сеттеров), которые именно должны отличаться особенно удлиненными задними конечностями. Прямые ноги без обозначенных коленок всегда имеют удлиненный пазанок, обусловливающий силу, но не быстроту. По мнению немецких кинологов, «очень прямой постанов задних ног сильно уменьшает быстроту хода (у легавой) и обыкновенно соединяется с неправильною спиною». У старинных псовых, тем более густопсовых, пазанки были короткие, что по законам зоотехнии весьма выгодно для быстроты движения. Английским коннозаводчикам это давно известно, и у знаменитых скакунов ноги от колен, как передние, так и задние, соответствующие пазанкам, короче, чем у рысаков и других лошадей; то же замечается у зайцев. Чем длиннее берцовые кости и, следовательно, их мускулы, тем большие скачки может делать животное. Хотя у оленя, козы и других быстроногих зверей задние ноги от коленок (пазанки, бабки) и длинны, но зато скакательный мускул у них необычайно широк и полон, т. е. выпукл.

Действительно, если мы примем во внимание, что для быстроты скачки кроме учащенности скачков важное значение имеет длина прыжка, которая всегда находится в прямом отношении к длине ноги, то мы необходимо должны прийти к заключению, что короткий пазанок необходим, так как он удлиняет ногу вследствие того, что собака, как бы сильно ни вытягивала ногу, всегда ставит ее под углом в скакательном суставе. Кроме этого, при опускании ноги с длинным пазанком на землю потребуется более времени, чем ноге с пазанком коротким, ибо прямая линия от зацепов до

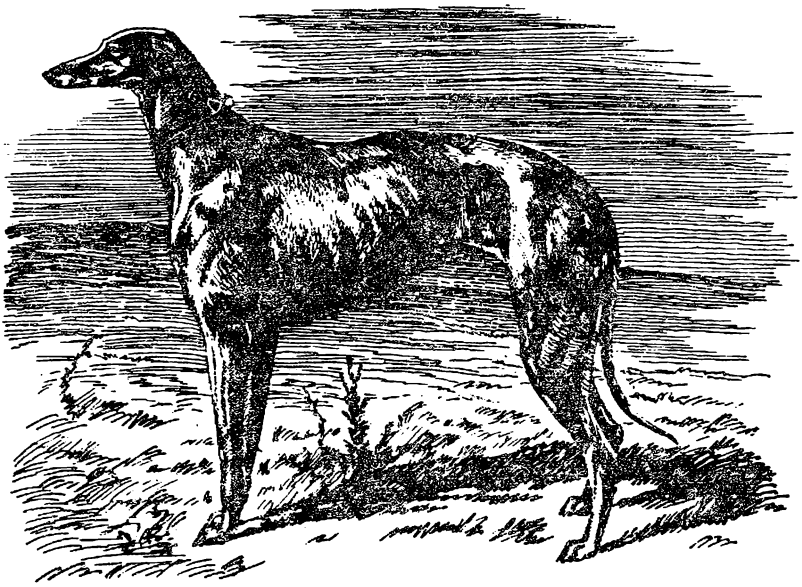
---

* У очень резвого *Завладая* Максимова, взявшего первый приз на московских садках, задние ноги были вопрямь, но зато имели сильно развитые и выдающиеся черные мяса. По моему мнению, задние ноги вопрямь с удлиненными пазанками встречаются у псовых вследствие атавизма и унаследованы от северных волкообразных собак.

земли будет длиннее. Длинными пазанки не могут быть и потому, что голенная часть у густопсовых длиннее, чем у других пород (Ступишин). Длинный же мускул скорее устает, а потому собака с короткими пазанками не способна к продолжительной скачке. Таким образом, у современных псовых, имеющих более развитые, выдающиеся, хотя укороченные, бедряные мускулы, пазанки должны быть длиннее, чем у густопсовых, не достигая, однако, размеров пазанков, например, лаек.

Во всяком случае, пазанки должны быть сухи, с резко обозначенными сухожилиями, а не мясисты. Современная псовая скеле-

Рис. 14. Современная английская борзая («Охотничий календарь»)

том и мускулатурой приближается более к восточным борзым, чем к старинной псовой, тем более густопсовой; бедряные мышцы у нее, однако, не так выдаются и узловаты, как у английских. Прежний характерный постанов задних ног под себя и выгнутость спины — верх — встречаются теперь сравнительно редко. По Озерову, задние ноги должны быть «несколько оттянуты назад (отнюдь не очень), в форме полувзведенного курка; тетива (ахиллесово сухожилие, соединяющее коленку, вернее пятку, задних ног с черными мясами) толстая, крепкая, как натянутая проволока; соединение ее с коленом сильно увеличивает ширину последнего».

Лапы у всех русских борзых всегда были более или менее продолговатые — русачьи. «Которая имеет волчьи ступни, а не ла-

пы — отдавать наварщику», — говорил фон Лессин. Однако нельзя не заметить, что курляндские псовые, по-видимому, имели кругловатые лапы, особенно задние, и что у густопсовой лапы были круглее, чем у псовой. Круглую лапу, если она в комке со слитыми пальцами, нельзя считать недостатком, так как она требуется от английских и встречается нередко у чистопсовых английского происхождения. Совершенно круглая — кошачья — лапа, правда, некрасива, но это дело вкуса: англичанам, напротив, не нравятся узкие русачьи лапы даже у пойнтеров и других пород. У нас всегда русачья лапа считалась признаком резвости: «Чем больше персты у собаки сходствуют с русачьими, признак ее резвости» (Левшин, «Домоводство»).

Это предпочтение действительно имеет практическое основание: между тем как пойнтеру, вообще легавой, необходима широкая лапа, которая бы не вязла в болоте и мягкой лесной почве, русским и восточным борзым приходится скакать главным образом по твердой, иногда замерзшей почве залежей, целин, сухих лугов, где узкая и длинная лапа целесообразнее, ибо езда в топь случается редко. У лошадей тоже, как известно, копыта бывают тем у́же, чем почва крепче и каменистее; у северного оленя и лося копыта сравнительно гораздо больше по объему, чем копыта настоящего оленя и козы, тем более серны и горного козла. Русачья, т. е. продолговатая лапа, как известно, обусловливается неравномерностью пальцев (фаланг); у круглой же, кошачьей лапы все пальцы почти одинаковой длины, почему она не может так глубоко уходить в мягкую почву, как узкая русачья.

По-видимому, у всех русских псовых пород задние лапы были значительно больше передних, как у русака, но об этом отличии их от других борзых никем не упоминается; вообще у всех псовых лапы далеко не так малы, узки и плотны, как у крымских, тем более горских борзых, поэтому всегда побеждавших их в жестель и гололедицу. Главное, чтобы лапа соединялась с пазанком не под прямым углом (т. е. не поползла), а под тупым и чтобы пальцы не были распущены, составляли как бы одно целое. Они должны быть собраны в комок, как бы склеены, достаточно, но не чрезмерно, длинны, с небольшими зацепами (последний сустав с ногтем) и короткими крепкими ногтями блестяще-черного цвета, упирающимися в землю. Стоять собака должна на коготках, так чтобы едва касалась земли подошвами; при постанове задних ног под себя борзая должна, конечно, стоять на пятках (мякишах); пятка не широкая, а продолговатой формы.

Пальцы, обращенные наружу, упираются торцом в землю (Блохин); по Губину, пятые пальцы, находящиеся на внутренней стороне передних пазанков и неправильно называемые им прибы-

лыми*, служат будто борзой для упора во время скачки, при остановке и поворотах на угонках. У всех псовых ногти короче и поставлены выше, чем у английских, поэтому первые скакали и ловили по страшной колоти, до крови обдирая себе ноги, ногти же оставались целыми, так как они их не срывали. Еще крепче ногти у горских борзых.

У прежних псовых лапы были с густою подпушью, предохранявшей пальцы от холода и ссадин; у современных она замечается редко. Озеров говорит, что подпушка на лапах типична, но требовать ее от полевой собаки не всегда возможно, и что от каждого пальца (снаружи) идет косица волос. По замечанию Кашкарова, у помесей и вообще у современных борзых к волосам лап пристает снег; собаки, обгрызая поэтому волос, смачивают его слюной, отчего образуются ледяные шарики между пальцами, причиняющие боль собаке и препятствующие быстрой скачке; волосы постепенно выщипываются, подошва оголяется и делается чувствительною к холоду. Вероятно, у псовых шерсть содержит более жировых веществ, так что снег не пристает к ней.

Правило (хвост). Все старинные породы псовых, кроме, быть может, чистопсовых, несомненно имели длинное правило. О длинных хвостах говорят и фон Лессин и Левшин. Самое название «правило» указывает значение хвоста у борзой, как руля при скачке, и вполне понятно, что у собак, не отличавшихся сильно развитыми черными мясами, более длинный хвост способствовал изворотливости при угонках; борзые же с огромными и выпуклыми мускулами задних ног не нуждаются в длинном руле и могут даже обойтись вовсе без него, что мы и видим на куцых горках, отличающихся необычайно широким задом. Некоторое значение для длины хвоста имели и рост, и общая неуклюжесть, неповоротливость борзой. Самое длинное правило имели курляндские псовые, затем густопсовые, псовые; самое короткое — чистопсовые. Неудивительно поэтому, что в старину длина правила служила даже приметой резвости (вернее, прыткости) и поимистости — изворотливости; для измерения хвоста прежде употреблялся особый прием, а именно: правило пропускалось между задних ног, затем подтягивалось к маслакам; у густопсовых оно должно было непременно доставать ближайшего, а у курляндской — дальнего маслака. Тем не менее хвост никогда не должен был доставать до земли. Собака с очень длинным правилом всегда имеет рыхлый вид, особенно когда хвост слаб, т. е. тонок.

* Прибылыми пальцами, волчьими, шпорами называются обыкновенно пятые (иногда и шестые) добавочные пальцы на задних ногах, встречающиеся сравнительно редко.

У современных псовых хвост должен быть в основании не тоньше большого пальца, но не мясист и деревянист, а упруг и силен, постепенно утончаясь к концу; лучше, если правило не достает земли вершка на два. Держится оно в спокойном состоянии серпообразно или, еще лучше, с саблевидным выгибом; на ходу оно поднимается на одной линии с туловищем или немного выше. Крутой постанов хвоста на ходу и в особенности кривохвостость, т. е. сваленный на сторону конец правила, считается пороком, так же как свернутый в кольцо или полукольцо конец правила, как у восточных или английских борзых; по замечанию С. Кареева, у псовых, мешанных с крымками или горскими, конец хвоста, когда возьмешь его в руки, сгибается так, что может служить признаком подмеси.

У курляндских псовых, судя по их описанию, конец хвоста всегда приподнимался кверху полукольцом, образуя как бы букву *г*. В старину такой изгиб не считался, однако, недостатком и у других псовых. Левшин говорит о правиле, «кверху в кольцо загнутом», а в другом месте («Домоводство»): «Правило длинное, прямо висящее или хотя кольцом на конце вверх загнувшееся, но не свислое в сторону».

У псовых хвост одет густою и длинною псовиною, только у курляндских он был покрыт кругом короткою волнообразною шерстью, как у двухмесячного псового щенка, то есть был почти голым. У густопсовой подвес (или привесь) на правиле была длиннее, гуще, чем у псовой, притом не прямая, а волнообразная, даже в завитках (у основания); хвост у них никогда не имел такой густой псовины и не был так тяжел, как у длинношерстных лаек и шотландских колли, хотя хвост последних по форме и подвесу имеет немалое сходство с правилом густопсовой, как и сам колли имеет некоторую аналогию с последней. Эта подвесь достигала у густопсовых 4-х (даже более) вершков длины, не укорачиваясь к концу хвоста, как у сеттеров. С верхней стороны правила псовина должна быть короче, чем на туловище, и постепенно укорачиваться к концу.

У современных псовых с сильно развитыми черными мясами вследствие подмеси куцых горских правило значительно укоротилось, и встречаются борзые не только с правилом вокороте, но и полухвостые, т. е. конец хвоста не достигает даже коленок. Правило вокорот замечается всего чаще между псовыми, происходящими от мачеварионовских и ермоловских собак; короткий хвост имели также знаменитые трегубовские псовые, которые, несомненно, судя по своему богатырскому сложению, также имели примесь горских. Подвесь теперь редко превышает двухвершковую длину, и на верхней стороне хвоста псовина очень короткая.

Собаки в рыску, при движении, держат правило покруче, т. е. не параллельно земле, а выше, и притом согнутым.

Псовина. Длинная псовина — характерный признак всех псовых, которые, вероятно, от этого и получили свое название. Всего длиннее она у густопсовых, причем несомненно, что на длину шерсти обращалось прежде особенное внимание при подборе производителей: зимой псовина имела 3 — 4 вершка длины на туловище, а на гачах, правиле, сзади передних ног в исключительных случаях достигала почти полуаршина. На шее псовина также сильно удлинялась, образуя, преимущественно у кобелей, так называемые отчесы, вроде волчьих, которые нередко принимали вид так называемой муфты, или лис. Волнистость, даже курчавость псовины густопсовые, очевидно, унаследовали от курляндских псовых; хотя прежде и встречались густопсовые в завитках, но завитки все-таки не служили признаком этой породы и большинство охотников предпочитали, как видно, слегка волнистую псовину, допуская завитки только на конце зада и боках (Кареев). Всего замечательнее была *густота* шерсти, ее мягкость, тонина и вместе с тем шелковистость, зависевшие, впрочем, главным образом от тщательности содержания.

Обилие псовины у старинных густопсовых причиняло им, однако, более вреда, нежели пользы, так как задерживало линьку, требовало ухода, заставляло собак страдать от жары летом, сильно худеть, ложиться в воду, а в жаркую осень быстро зарьявать и сбавлять скачки. Старинные псовые имели более короткую и прямую псовину, но более приближались к густопсовым, чем современные. «Псовина и лисы наподобие вихров... Псовина длинная, висящая, какая бы шерсть ни была, наподобие кудели» (фон Лессин). По-видимому, у обыкновенной псовой шерсть на теле не превышала 3 вершков длины, а уборная псовина — четверти аршина; отчесы и баки были у них короче и у сук почти не заметны; на всем теле, кроме груди и брюха, замечался густой подшерсток, псовина же была реже и грубее, т. е. толще, чем у густопсовой, и почти всегда прямая, редко чуть волнистая. У чистопсовых же псовина редко достигала более вершка длины на теле и двух на хвосте, гачах и шее; она была мелкою, блестящею, с густым пушистым подшерстком осенью и зимою; отчесы небольшие, едва заметные.

Псовина на голове у всех псовых, начиная от ушей и шеи и на ногах спереди, очень короткая, в виде мышиной шерсти, и немного только длиннее от глаз к ушам, но непременно блестящая, атласистая и гладкая. Летом все псовые имели укороченную и более редкую псовину и лишались пушистого подшерстка. Линька начиналась у густопсовых с весны (апреля) и продолжалась очень долго — до осени, причем для ускорения линьки собак обыкновенно подма-

зывали; то же и у обыкновенных псовых, только они вылинивали незаметно, постепенно теряя псовину по волоску; наконец, чистопсовые вылинивали в течение двух месяцев — мая и июня (Губин). Следует заметить, что на юге густопсовые и псовые после первой же линьки получают более короткую и редкую псовину и по внешности более или менее приближаются к чистопсовым.

Что касается курляндских псовых, то псовина у них, как известно, была довольно длинная, кудрявая, в завитках на туловище и очень короткая и атласистая на морде, передних ногах кругом, начиная от локотков, и задних ногах от коленок; на шее она постепенно удлинялась к голове, нередко достигая 3-вершковой длины, и имела более крупные завитки; лоб, начиная от глаз до ушей хотя был покрыт такою же короткою псовиною, как на щипце, но псовина эта лежала волнообразно, переходя между ушей как бы в завитки, сливавшиеся затем с завитками затылка. Такая волнистая шерсть на задней части черепа замечалась еще у некоторых псовых первых московских очередных выставок, например, у *Награждая* Н. А. Болдарева и др.

Что касается современной псовой, то по длине и качеству псовины она мало отличается от старинной псовой, но нередко имеет более или менее волнистую шерсть. Озеров допускает завитки на шее, слегка волнистую псовину на спине до крестца, более волнистую на крестце и гачах; на ребрах псовина короче, но с оконечности ребер ниспадает длинными шелковистыми прядями. Большая часть современных псовых завитков не имеет.

Окрас. Типичными окрасами для всех псовых почти единогласно считаются серый и половый со всеми их оттенками до чисто-белого и рыжего, включая так называемый голубой (мышиный, или пепельный) и бурматный*, а также пегий этих мастей. Преобладание этих окрасов служит одним из веских доказательств происхождения русских борзых от северных волкообразных собак. Красный и чубарый (тигровый, т. е. с темными пятнами и полосами) окрасы характеристичны для английских и отчасти хортых борзых; черный, черно-пегий, также муругий (красная или красно-половая масть с черными кончиками волос и пробивающейся кое-где черною остью)** окрасы свойственны восточным борзым, причем мазурина (рыжий окрас различных оттенков с черным щипцом и черными конечностями) встречается всего чаще у горских; подпалины почти всегда указывают примесь крымок; кровные псо-

* Бурматным окрасом называется серый или полóвый различных оттенков, как бы подернутый пылью, т. е. грязно-серый или грязно-полóвый. Губин почему-то не признает этого названия и полагает, что слово «бурматный» есть испорченное «муруго-пегий»(!).

** По Мачеварианову, концы ушей черные и черный ремень на спине.

вые не должны иметь ни мазурины, ни подпалин; у них допускаются только подласины, т. е. более светлый окрас на морде и конечностях, что зависит большею частью от просвечивания подшерстка, который всегда бывает светлее ости. Одним из признаков чистокровности псовых многими считается белая кожа и светлый подшерсток. Курляндские псовые тоже были большею частью серого и полóвого окрасов до рыжего включительно, но всегда с черным оттенком.

По справедливому замечанию Ермолова, главное отличие окраса псовых от окраса английских замечается в том, что он не везде так равномерен и так густ по колеру, например, полóвая и серая псовая к оконечностям всегда бывает окрашена много светлее. Что касается чисто-белого окраса, без отметин, то эта масть всегда очень уважалась у псовых, справедливо считаясь признаком кровности; но именно вследствие чрезмерной кровности белая масть должна быть рассматриваема как первая степень альбинизма, а потому белые борзые, особенно густопсовые, в большинстве отличались рыхлостью и слабостью сложения.

Рост и общий вид. Из всех псовых самыми рослыми были курляндские псовые, которые, по преданию, редко бывали менее 18 вершков в загривке и достигали 20 вершков. Этот громадный рост, вероятно, унаследован ими от ирландских волкодавов, скрещиваемых в прошлом столетии с курляндскими брудастыми и обыкновенными русскими псовыми. Между густопсовыми также очень часто встречались 18-вершковые кобели, изредка 19-вершковые. К числу таких гигантов принадлежали, например, *Сибирь* Атрыганьева и *Победим I* Кареева (см. выше). Самая рослая сука из современных псовых, вероятно, *Заирка,* г. Калмуцкого, которая, по словам С. Кареева, имела 18 вершков в загривке. Очень рослые собаки, однако, редко бывают ладны и большею частью бывают бедны задом и лещеваты (исключение составлял *Сибирь*). Нормальным ростом для современных псовых надо считать, согласно Ермолову, 15 вершков для суки и 17 для кобеля, причем допускаются колебания на вершок в ту и другую сторону, т. е. на вершок больше и на вершок меньше; но рост суки выше 16 (17?) вершков и кобеля выше 18 скорее может считаться недостатком. Почти все известные по резвости собаки были среднего, даже небольшого роста.

За исключением курляндских псовых, отличавшихся довольно непривлекательною и неуклюжею внешностью, все псовые имеют весьма элегантный вид и по красоте и изяществу форм едва ли не занимают первое место в собачьем мире, так как головою превосходят английскую борзую. Общий вид псовой борзой, часто смешиваемый с статями, выражается в благородстве и изяществе очертаний головы, чистоте отделки конечностей, в общей пропор-

циональности сложки, мягкости блестящей псовины и даже в движениях, полных энергии и огня (Озеров).

К сожалению, у нас до сих пор нет измерений отдельных частей борзых, как это делается в Англии и других странах. Эти размеры, главным образом пропорции между ними, могли бы дать очень верное понятие о складе псовых и разрешить многие споры и недоумения охотников. Не подлежит никакому сомнению, что густопсовые, а затем псовые изо всех борзых имеют самую короткую колодку, конечно кобели, так как суки в этом отношении мало отличаются от сук других пород. По Вышеславцеву, правильно сложенный густопсовый кобель должен был помещаться в квадрате (подобно пойнтеру), то есть «холка (!), концы пальцев передних ног и пятки задних должны составлять квадрат»; верх спины в этом квадрате не умещается. Между современными псовыми вряд ли уже найдутся такие короткие кобели. К сожалению, ими утрачена также и т. наз. русачья повалка, типичная для старинных собак: почти все теперь лежат на боку, подобно другим неборзым собакам. Утрачены прежняя энергия, бодрость и чуткость, выражавшаяся в частом приподнимании ушей и вскакивании. Большинство имеют вялый, апатичный вид, в чем можно убедиться на выставках.

Характер псовых различен, смотря по породе, а также воспитанию. Курляндские псовые были самыми злобными, свирепыми и угрюмыми; густопсовые также большею частию имели суровый характер и были чрезвычайно злы, особенно к чужим собакам, неборзым, которых не могли равнодушно видеть. Воспитанные в комнатах борзые, как всегда в этом случае, становятся более веселыми, добродушными, послушными, понятливыми и ласковыми к людям, даже чужим, и их можно приучить не бросаться на собак. Однако как собака очень густо одетая, даже современная сравнительно короткошерстная псовая, не говоря о прежних псовых и густопсовых, плохо выносит комнатную жизнь и требует большого ухода за псовиной, так как легко подвергается здесь забойке. Очень кровные и избалованные борзые делаются весьма разборчивыми в пище, привередливыми, обидчивыми и капризными, а на траве начинают ловить по охотке, когда им вздумается, т. е. утрачивают главные качества борзой — жадность и энергию.

Хотя борзая по природе своей и назначению должна быть зла, но далеко не все борзые бывают злобны, так как по охотничьей терминологии злоба и злобность — два совершенно различные понятия. Под злобностью разумеется исключительно врожденная, как бы инстинктивная, ненависть к волку; такие борзые могут быть очень ласковы к людям и, хотя редко, очень миролюбивыми,

вовсе не злыми с другими собаками. Телятников («Пр. и охота», 1888, IX) рассказывает о *Сокрушае* Сошальского и своей *Ведьме,* которая даже была робкого характера и никогда не грызлась, что они забирались на дроги, где лежал затравленный волк, и начинали его грызть; устанут трепать — закроют глаза и стоят неподвижно, впившись в волка, потом снова начинают трепать; то же самое *Ведьма* проделывала и с волчьими шкурами. Некоторые особенно злобные борзые впиваются даже в мерзлого волка. Вообще злобностью называется та слепая злоба, которая заставляет таксу впиваться в барсучью шкуру, а хорошо притравленную лайку — в медвежью.

Особенною злобностью отличались прежде курляндские псовые, затем густопсовые, даже носившие поэтому название волкодавов. Большинство старинных псовых тоже брали волков, но преимущественно прибылых, и между современными борзыми мало найдется собак, которые бы не брали молодых волков; нередки такие, из-под которых принимают и сострунивают переярков; матерого же волка можно затравить только сворой или двумя из особенно сильных и злобных псовых, так как он несравненно сильнее всякой борзой. Случаи травли голодного матерого волка одной собакой давно сделались преданием. К таким знаменитым волкодавам принадлежали *Зверь* князя Барятинского, *Космач* Каракозова и немногие другие.

Вообще почти все затравливаемые теперь матерые волки — волчицы, трехгодовалые самцы, очень старые, слабые и больные особи или очень нажравшиеся падали. Это понятно, так как матерый волк очень резв и очень силен и его надо сначала догнать, затем осилить; к сожалению, злобность крайне редко совмещается с резвостью: очень резвые борзые плохо берут волка и, видя в нем очень опасного противника, часто только щиплют его за гачи. Многие собаки, хорошо берущие прибылых, при травле матерого, даже переярка, сбавляют скачки, скачут не всеми ногами. Матерый, бывавший в переделках волк очень хорошо понимает это и дает себя щипать за гачи заячницам. «Но вот спущены три кобеля, хорошо берущие волка; волк покосился, мгновенно сообразил по той решительности, с которой они неслись к нему, что из этого может выйти, и в тот же миг вся фигура его преобразилась: голова опустилась ниже, шея вытянулась, толстым пушистым наростом поднялся загривок на его холке, могучие ноги замахали чаще» (Жомини).

Дело в том, что матерый волк хотя и очень резов, но не пруток, и только пруткая борзая может догнать его при обыкновенных условиях. А. И. Новиков полагает, что даже лихая борзая, т. е. исключительной резвости, может добраться до матерого волка не

более как с расстояния 120 сажен. Но кроме резвости материк требует от собак особенных злобности и силы. Только очень злобные борзые берут мертво, а не вотхват, и по месту, т. е. в ухо, шиворот или в горло, так как лишь при таком приеме они могут быть в безопасности от волчьих хваток. При всем том матерый волк настолько силен, что он свободно тащит двух, даже трех влепившихся в него борзых; часто он, остановившись, подбивает под шею собак, держащих его за горло, задние ноги, взмахивает ими, и собаки отлетают в разные стороны; между тем злобная борзая так крепко стискивает челюсти, что ее с трудом может оторвать за ошейник даже очень сильный человек.

Настоящими волкодавами могут быть названы только те борзые, которые берут волка по месту и без отрыва, т. е. у которых, как у бульдогов, сводит судорогой мускулы челюстей; следовательно, мускулы эти должны быть сильно развиты. Только из-под таких надежных злобачей можно принимать переярка, а при удаче и матерого. Самым лучшим приемом считается прием в глотку и горло, который иногда (неправильно) называют глоточным хватом, так как волк начинает задыхаться; бывали примеры, что он оказывался даже задушенным. Однако, по замечанию знатоков (А. И. Новикова), борзые, которые захватили волка за шиворот или в ухо, держат крепче, как бы замирая, без отрыва; собака же, захватившая в горло, хотя не отрывается, но от времени до времени она старается как бы глубже впиться в горло, вероятно, потому, что раздражается хриповатыми звуками в горле волка и, стало быть, сознает, что она не задушила его. Многие злобачи теряют при этом сознание, закрывают глаза, как бы лишаются чувств и продолжают держать уже принятого (приколотого) волка, так что приходится прибегать к чрезвычайным мерам — приподнимать задние ноги, дуть в ухо, обливать водой (?). Некоторые собаки при этом настолько озлобляются, что бросаются на охотника.

Хотя все сильные и рослые борзые, какой бы ни было породы, по природе своей должны быть злобны к волку, однако настоящих волкодавов с правильным приемом очень мало. Натравливанием и частою практикой можно добиться удачной травли прибылых и иногда переярков, но беззаветная злобность, равно как и сноровка в приеме, — врожденные качества, передающиеся по наследству. Перегодовавшие кобели назимовской породы прямо брались на охоту вместе со старыми собаками и брали мертво, по месту, а если получали хватку, то брали еще злобнее, между тем как обыкновенно молодые борзые после хваток начинают бояться волка. Точно так же, как злобность борзых может быть развита практикой в течение нескольких поколений, злобность легко может быть ими утрачена, если потомством злобных собак будут травить толь-

ко зайцев. Полевая практика, то есть травля вольных, хотя бы молодых, волков несравненно действительнее травли садочных, которых собаки берут неохотно, во-первых, потому, что они большею частию сильно воняют, а во-вторых, потому, что травленный на садках волк не бежит, а чаще останавливается в оборонительном положении, так что собаке трудно подступиться к нему без хватки. Преимущество же борзой именно заключается в том, что она прытче волка и может его сначала опрокинуть, а затем поместиться в горло или шиворот лежащему. Некоторые собаки опрокидывают волка грудью, другие, приспев к волку, дают ему такой «ровок» в гачу, что он летит через голову, и тогда, пользуясь моментом, приемистая борзая берет его по месту и держит без отрыва.

Главное качество борзой, однако, не злобность, а резвость, быстрота скачки, мерилом которой всегда служит заяц, преимущественно русак. Старинные псовые, густопсовые и курляндские псовые, предназначавшиеся большею частию для травли на коротких перемычках, отличались от хортых и восточных борзых главным образом пруткостью, т. е. резвостью накоротке, сдавая скачки при ловле на большом расстоянии, т. е. скоро уставая, выбиваясь из сил. Хортые и все вислоухие борзые, напротив, пригоднее для травли в открытых местностях, так как, обладая большею силою, могут скакать гораздо более продолжительное время. Чистопсовые, а также псовые с подмесью восточной или английской крови и современные псовые обладают, так сказать, мешаными качествами, т. е. достаточными пруткостью и силою, но необычайная пруткость в соединении с огромною силою, неутомимостью, так наз. лихость, всегда, тем более теперь, встречалась между русскими борзыми в виде редкого исключения. По мнению А. В. Жихарева, хотя общий уровень резвости горских борзых* был выше уровня резвости его псовых, но между последними чаще выраживались собаки необычайной резвости. Замечателен тот факт, что едва ли не большинство борзых, знаменитых резвостью (*Сердечный* Кологривова, *Отрадка* Хомякова и др.), представляли первую помесь псовых с горскими, и в них счастливо соединялись пруткость и бросок первых с силою вторых. Интересно также, что все лихие борзые — это такое же исключительное явление, как гении между людьми.

Пруткость псовых, т. е. резвость накоротке, в значительной мере зависит от манеры поскачки, совершенно отличной у них от поскачки хортых и восточных борзых. Густопсовые и обыкновенные псовые, если в них не было примеси, скачут без исключения

* Следует заметить, что в знаменитых жихаревских горках была подмесь крови псовых.

варкою (учащенною) поскачкою, как бы изгибаясь змееобразно, вытянув шею и как бы кладя голову на ноги. «С приподнятою же головою, подобно хортым, скакать им было невозможно, во-первых, потому, что они все более или менее низкопередые, а во-вторых, оттого, что они слишком далеко заносят задние ноги вперед, так что туловище ставят почти перпендикулярно земле, и если бы не вытягивали при этом шею, то опрокидывались при каждом прыжке. Это резко бросается в глаза, когда густопсовая стоит без своры и внезапно увидит зверя: первый ее взмах невольно заставит содрогнуться от боязни, что она опрокинется и расшибется» (Ступишин). Когда смотришь вугон, собака катится как шар, и, глядя со стороны, трудно рассмотреть ее проворные машки. Напротив, вытяжная редкомахая поскачка свойственна вообще собакам сильным, степным; мешаные русские псовые с небольшою примесью степной борзой большею частию имеют поскачку скорее редкомахую, но спешную, и только на броске, если он есть, зачастят (Ермолов).

Кроме пруткости, все старинные русские борзые (псовые, густопсовые, курляндские псовые и чистопсовые) отличались от всех хортых и восточных борзых своим броском, нераздельно связанным с пруткостью. «Бросок — это тот быстрый, молниеносный страшный порыв, который резвая собака делает к поимке зверя» (Мачеварианов). «Бросок, или кидок (кидка), есть способность кровной (?) собаки, приспев на известное расстояние (от 3 до 15 саж.) к зайцу, метнуться к нему пулей» (Ермолов). «Кидок, — по определению Кареева, — когда собака доспеет к русаку на расстояние 8 — 9 саж., как молния наддает и моментально бросается на него. Эти-то два усиленные скачка, в которых часто бывает 7, а у крупных собак даже до 9 аршин, что можно видеть по пороше, и называются кидкою».

Бросок, хотя и составляет принадлежность псовых, но, по мнению Мачеварианова и Ермолова, в собаках с примесью горских или крымских усиливается, удлиняется; так, например, собака исключительно псовой крови сделает бросок к зайцу в 3 — 4 саженях от него, но такая мешаная собака, доскакав сажен 8 — 10 до зайца, бросается мимо самой пылкой псовой и уносит зверя из под носа. У собак лихих, исключительной резвости, бросок достигает 15 саж. и даже более (по Мачеварианову, до 20-ти). Часто бывает, что передняя собака разевает рот, чтобы схватить русака, а собака, бывшая сзади, вдруг очутится впереди с зайцем в зубах или перекувыркивается с ним. Быстроту броска сравнивают с вольтами каменных стрижей, стремительным падением сокола на летящую добычу, а о силе его можно судить из того, что собака на броске, задев скосика за переднюю ногу лошади, вышибала ей бабку, так что лошадь

падала вместе с всадником (Мачеварианов). Нередки случаи, что борзая на броске ударялась о пенек и оставалась на месте, разбившись вдребезги. Вообще поимка с броском бывает почти всегда через голову, т. е. собака перекувыркивалась или падала с русаком; сплошь и рядом она убивала его грудью, разбивая ему ребра или задние ноги. Курляндские псовые почти всегда «били, как поленом». Нетрудно заключить, что манера поскачки псовых и их пруткость не благоприятствует поимчивости, особенно при увертливости зайца.

Бросок, т. е. способность метнуться к зверю пулей, встречается у многих животных, подстерегающих добычу, в особенности у рода кошек. В некоторой степени он замечается у многих северных лаек, которые часто, внезапно увидев вблизи зверя, нагоняют его коротким отчаянным усилием. Вероятно, эта способность волкообразных собак была унаследована псовыми как лесными борзыми, только она получила у них огромное развитие вследствие особых условий травли в лесистых местностях. Бросок, во-первых, развивается островною ездою со стаей гончих, притом при обилии зверя (зайцев), во-вторых, местностью — полянами и перемычками; в-третьих, травлею исключительно со своры. При этих условиях бросок иногда развивается даже у горских борзых. Наоборот, псовая в степи при охоте внаездку и без своры большею частью утрачивает бросок: собака умеряет свою пылкость, ее не возбуждает гон стаи, травля соседей и натянутая свора. Неудивительно поэтому, что в настоящее время вследствие изменения характера псовой охоты бросок встречается только у немногих псовых, что ясно доказали столичные садки.

Без всякого сомнения, резвость, пылкость и сила скачки в значительной мере обусловливаются известным сложением, правильностью ладов и главным образом развитием зада и задних ног. Знаток при взгляде на собаку может почти всегда определить, тупа ли она, резва ли вообще, прутка или способна к продолжительной скачке. Неудивительно поэтому, что правильности ладов всегда и везде придается такое важное значение. Но все-таки одних рабочих ладов — крепких ног и хороших мускулов — недостаточно: в собаке должна быть кровь, порода, значение которых давно сознано коннозаводчиками. Точно так же, как известно немало знаменитых скакунов с порочным экстерьером — вывороченными наружу ногами, растянутою и провислою спиною, так точно и между кровными борзыми встречаются вовсе неладные собаки значительной резвости. Отсюда известный парадокс: не по ладам собака скачет, а по породе. Никто не станет спорить о том, что есть еще нечто, кроме силы мускулов, — это энергия нервной системы, дозволяющая делать иногда сверхъестественные усилия,

и что эта нервная энергия в особенности развита у кровных животных.

Между охотниками известно немало примет резвости борзых, как взрослых, так и в щенячьем возрасте, примет, впрочем, не всегда имеющих какое-либо основание. По фон Лессину, короткий и тупой соколок — «признак не ловцов». До сих пор многие считают длину правила приметой резвости. Левшин утверждал, что надо выбирать щенков, у которых «черепная кость остра, с малым раздвоением», а в другом месте, что «сарновая кость (т. е. длинное последнее ребро) считается признаком резвой и сильной в полях собаки». То же говорил и Губин, только сарновой костью он называет одно лишнее или два ребра (т. е. с обеих сторон) в виде небольшой косточки, которая очень редко бывает видна, а только может быть прощупана и встречается лишь у немногих собак выдающейся резвости. Вторая примета, по Губину, заключается в длине таза и, следовательно, расстоянии от последнего спинного позвонка до первого хвостового; расстояние это может равняться от 2 до 6 пальцев; наконец, третья примета у Губина — особенно длинные и острые нижние клыки.

ГОНЧИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Под названием гончих известны все охотничьи собаки, преследующие зверя с лаем. Определение это слишком общо, так как под него подойдут и многие вовсе не гончие породы, и его следует дополнить так: гончими называются собаки, преследующие зверя почти с непрерывным лаем, не только навзрячь (т. е. когда виден зверь), но даже по свежему следу (вдобор), притом до тех пор, пока зверь не будет ими остановлен или нагнан в сети, на борзых или на стрелка или пока сами собаки не изнемогут от усталости.

Различие между гончей и борзой заключается в том, что последняя гораздо быстрее первой и большею частию значительно резвее преследуемого зверя; борзая ловит, гончая загонивает или наганивает. Быстрота скачки препятствует борзой подавать голос, а потому она ловит молча; быстрота же не может вполне выказаться в заросшей или пересеченной местности, а потому борзая — собака степей и равнин, арена же гончей — леса и горы. Борзая ловит только то, что видит, и имеет очень острое зрение и плохое чутье; гончая видит преследуемого зверя редко, а потому зрение у нее мало развито, но зато она обладает замечательно тонким чутьем, которое позволяет ей быстро гнать следом и, по мнению многих авторитетов, превосходит чутье легавых, составляющих как бы особый отдел (побочную линию гончих), приспособленных к охоте на птицу и в длинном ряде поколений утративших главное качество гончей — привычку преследования.

Определение гончей, данное нами, совершенно верно, так как под него подходят не только все известные породы гончих, но и некоторые дикие собаки, считающиеся многими, с некоторыми основаниями, за родичей гончих. Таковы, например, в Азии буанзу и горный волк, в Африке — гиеновая собака, или охотничья гиена. Гончие наклонности в большей или меньшей степени свойственны всем породам домашних и диких собак; овчарка, пудель и лайка, волк и лиса также нередко преследуют зверя с голосом, но разница между ними и настоящими гончими состоит в том, что они ищут только по горячему следу и подают голос, только когда видят преследуемое животное, как бы изъявляя тем свою радость; если же им не удалось поймать его в первые минуты, то бросают погоню. То есть они не имеют очень важного, если не главного, качества гончей — вязкости, или настойчивости в преследовании, что может зависеть от слабости чутья, стомчивости или, наконец, от

характера. Волки, например, охотятся на зайцев, наганивая их на залегших в засаду товарищей, подстерегают добычу на тропах или употребляют какие-либо другие хитрости.

Другое важное свойство гончей — гоньба голосом вдобор по невидимой добыче — несомненно, выгодное для человека-охотника, на первый взгляд может показаться совершенно излишним и даже вредным по отношению к самим собакам, как бы дающим тем знать преследуемому зверю о своем близком присутствии. На этом основании многие предполагали, что дикие родичи гончих лаяли только по-зрячему и что гоньба вдобор, как и разнообразие голосов, совершенно отличных от обыкновенного лая, брехания других собак, были следствием подбора в указанном направлении. Несомненно, что голоса гончих могут совершенствоваться, но тем не менее гоньба следом — необходимое достояние гончей — замечается у некоторых диких собак и объясняется характером лая, отчасти местностью. Страшный рев стаи буанзу должен производить подавляющее впечатление на преследуемого зверя, особенно в горах и пересеченной местности с обманчивыми отголосками эха, которое может заставить зверя броситься прямо в зубы собакам. Но, конечно, некоторые породы негончих, наприм. лайки, овчарки, могут приобрести привычку гнать голосом по следу, а также и другие гончие качества.

Происхождение гончих довольно загадочно и вряд ли может когда-либо быть дознано и вполне доказано. Хотя современные нам породы содержат значительные примеси борзых, северных собак и молоссов, но в них все-таки преобладает кровь настоящих гончих. Всего естественнее производить их от названных выше африканских и азиатских диких видов со свойствами гончих. Еще Гамильтон Смит в своей «Natural History of Dogs» говорил, что «сравнение чутких собак — Canis sagaces — с Lyciscus tigris (Lycaon pictus) и буанзу дает право заключать, что одно из этих животных, а может быть оба, смешавшись, дали начало нашим чутким собакам» (т. е. гончим). Ла Бланшер родичем всех гончих, большеухих и остроухих, считает остроухого буанзу; Н. П. Кишенский производит западных круглоухих от Lycaon pictus, а восточных остроухих — от буанзу.

Ближайшее знакомство с наружным видом и анатомическим строением гиеновой собаки заставляет усомниться в верности теории русского кинолога. Впрочем, последний оговаривается, что «африканские гончие были одомашнены в такой отдаленный период, что можно допустить что и дикий вид, давший им начало, мог значительно измениться, даже совершенно исчезнуть». Я тоже держусь последнего мнения и полагаю, что прежде в Северной Африке существовал дикий вид гончих одноцветных (вероятнее,

темно-бурых) с яркими подпалинами и большими широкими ушами (разумеется, стоячими, как у Lycaon и фенеков) и что вид этот исчез, как исчезли, например, дикие родичи европейских лошадей и крупного рогатого скота.

Что западные гончие не могли произойти от Lycaon pictus или разновидности его Hyaena venatica, доказывается следующими соображениями.

Lycaon pictus принадлежит к другому роду семейства Canidae, отличающемуся четырехпалостью передних ног (у р. Canis передние ноги пятипалые), несколько иною формой зубов, и составляет как бы переходную ступень от собак к гиенам. Гиеновая собака высокопереда, вообще высока на ногах, имеет на конце хвоста кисточку. Морда у нее черная, подпалин не бывает. Окрас всегда пегий, очень редкий у диких животных, причем пежины располагаются весьма разнообразно; но пегость нисколько не сближает ее с западными гончими, которые в древние, даже средние века были одноцветных мастей, почти всегда с подпалинами (кроме белых); пежины явились у них позднее как результат скрещивания разномастных собак и отчасти вырождения*. Такие собаки почти не встречаются к северу от экватора. Это животные степные, которые иногда форсируют добычу, иногда подстерегают ее на водопоях, хотя держатся большими стаями, но берут только численностью и не обладают отличительным качеством гончих — способностью гнать голосом вдобор, и голос их, хотя имеет сходство с собачьим лаем, но все-таки не голос гончей**.

---

* О пежинах см. статью проф. Рулье в «Вестнике ест. наук» и у Кишенского в его «Опыте генеалогии собак».

** Приводим здесь сокращенные описания гиеновой собаки по Гибелю («Säugethiere», 850—851) и Фицингеру (Naturg. d. Säugethiere», I, 195—198). По Гибелю, Canis lycaon (Canis pictus, Hyaena picta Temm., Hyaena venatica Bursch. и Canis tricolor griffith) — пестрая собака, отличается сходством с гиеной и пегостью. Голова у нее очень большая и толстая, морда тупая и широкая, до глаз черная; лоб, темя, затылок и верхняя часть шеи светложелтые с красноватым оттенком. От носа через темя до шеи идет черная полоса. Окрас трехцветный — белый, черный и желтый, с преобладанием черного или желтого. Уши очень большие и висячие, снаружи черные. Радужина бурая; хвост у основания желтого цвета, затем с черными полосками, пушистый кончик хвоста (кисточка) белый; хвост немного длиннее коленного сгиба. Псовина тонкая, без подшерстка; у старых и у линяющих собак кожа почти голая (черного цвета). Ноги обыкновенно четырехпалые, но иногда на передних замечается зачаточный пятый. Зубы очень большие и крепкие; верхний клык не выдается над коренными; первый коренной очень большой, 2-й гораздо меньше... Длина тела 3 фута и более, вышина в плече почти 2, длина хвоста $1^1/_3$ф. Обитает в Восточной Африке от Кордо-

Судя по новейшим описаниям и рисункам, домашние собаки Конго, встречающиеся во всей Экваториальной Африке, имеют некоторые общие черты с западными гончими, а именно: толстую морду, большие широкие уши (стоячие с круглым обрезом) и сравнительно длинные задние ноги*. Они действительно испол-

---

фана до мыса Доброй Надежды. Охотится стаями за антилопами и небольшими (?) зверями и бросается иногда на людей.

По Фицингеру, род Lycaon имеет конечности почти одинаковой длины, лишен заднепроходной железы, передние и задние ноги четырехпалые; хвост тонкий, средней длины, не очень пушистый (buschig); зрачок круглый... Уши большие, очень длинные и торчащие. Псовина тонкая, короткая и гладкая, особенно на животе и конечностях. Хвост к концу одет более длинною шерстью. Уши с наружной и бóльшей части внутренней стороны одеты шерстью, и только у основания находится голое пятно. Подшерсток замечается только на шее и хвосте. Это один из самых пестрых зверей. Выше экватора основной цвет более белый, южнее — черный... Отечество — Южная и Центральная Африка до Конго, Мозамбика, Нубии, Кордофана. Обитает в степях и низменностях стаями в 30—40 особей. Прежде был обыкновеннее. По образу жизни имеет большое сходство с волком, но охотится чаще днем, чем вечером или ночью. Главную добычу гончих собак составляют мелкие антилопы, молодые страусы и др., которых бол. частью подстерегают у водопоев. Настолько быстры, что немногие звери могут спастись от преследования. Гонят даже львов, пантер и леопардов, которых и одолевают численностью. Нападают и на домашний скот и производят среди овец страшные опустошения. Голос их сходен с собачьим лаем. Капские колонисты[34] пробовали приручать щенков Lycaon pictus, но безуспешно. То же утверждает и А. Брем, но, по словам Ливингстона, охотничья гиена, Hyaena venatica, разновидность Lycaon pictus, употреблялась прежде некоторыми племенами Южной Африки для охоты (наприм., у племени балала пустыни Калагари).

* Собаки Конго бывают обыкновенно небольшого, редко среднего роста. Голова у них удлиненно-коническая с ясно выраженным переломом; череп плоский с морщинами на лбу, когда уши насторожены; верхняя челюсть длиннее нижней. Хвост часто крючком, как у моськи, вообще сильно загнут на спину. Окрас всегда красно-пегий, но редко яркого оттенка. Шерсть гладкая и короткая, немного длиннее на спине и особенно на хвосте, не образуя, однако, султана. Собаки эти в большом загоне, крайне робки, худы и вонючи, так как питаются экскрементами. Обыкновенно не лают, а воют или скулят, но иногда издают довольно характерный лай. Швейнфурт говорит, что динки[35] (Dinkas) кастрируют своих собак, чтобы они были проворнее и выносливее. В низовьях Конго часто обрезывают им хвост и уши; некоторые племена (наприм., батаки) едят собак («Chasse et Pêche», 1896). Более подробные, хотя сбивчивые, сведения о собаках Конго сообщает A. Reul в своей книге «Les râces des chiens» (Bruxelles, 1894). Он говорит, что собаки эти, называемые туземцами мпоа, довольно разнообразного вида: некоторые похожи (ростом и видом) на английскую борзую

няют должность гончих и должны с визгом выгонять дичь из трав и зарослей, так что, весьма возможно, имеют одинаковое происхождение, то есть общего родича. Но ближайших родственников западноевропейских гончих надо искать главным образом в Тунисе, Марокко, Триполи, вообще в прежних варварийских владениях[36], откуда произошли испанские и французские гончие. Современные египетские собаки имеют, по-видимому, еще менее общего с последними, чем собаки Конго, хотя на древних памятниках времен фараонов и встречаются пегие собаки неборзоватого сложения с широкими висячими ушами. Дворняжки алжирских дуаров (деревень) подобно египетским и турецким (константинопольским) полудиким собакам весьма напоминают шакалов.

Гораздо более вероятия имеет происхождение гончих от индийского буанзу, вполне совмещающего в себе все гончие качества. Но буанзу может быть родичем только тех гончих с короткими и заостренными ушами, которых Кишенский отделяет от западноевропейских — с большим закругленным ухом, под названием восточных. Буанзу всего более походит на волка, но ниже на ногах; масть у него тоже волчья, в различных оттенках и всегда с большими светлыми подпалинами. Он охотится стаями в 8—12 штук и отличается тем, что постоянно кричит; крик этот — странный рев, совершенно непохожий ни на лай домашних собак, ни на вой волка, шакала или лисицы. Буанзу форсирует добычу голосом, руководствуясь при охоте главным образом превосходным обонянием; прирученные в молодости, они могут служить отличными гончими. Отсюда видно, что этот вид диких собак отличается от волка главным образом голосом, который, вероятно, соответствует реву или т. н. заливу, характеристическому для русских, т. е. восточных гончих, и вязкостью. Но, как справедливо замечает Кишенский, прежде чем достигнуть Европы или, вернее, России, чистый тип Canis primaevus не мог не утратиться вследствие скре-

(ayant la taille et presque l'aspect d'un greyhound); но он видел также гораздо низшего роста, которые лаяли подобно домашней собаке или выли, как дикие. Особенно поразила Reul'я форма черепа — широкого и сплющенного, так что глаза очень широко расставлены; кроме того, нижняя челюсть гораздо короче верхней. Затем профессор зоотехнии высказывает нелепое предположение: «Ces chiens ont un aspect qui fait penser an croisement avec le levron d'Italie». В «Congo illustrè» была помещена интересная заметка о туземных собаках, приводимая у Рёля целиком. Здесь говорится, что они ростом с лисицу, желто-рыжего окраса (jaune fauve), иногда желто-пегого и черного с подпалинами. Шерсть на туловище короткая, на хвосте довольно длинная (demi-long); морда заостренная, глаза маленькие, уши стоячие средней длины, хвост свернут штопором. Череп массивнее, чем у лисицы, лоб покатый (fuyant), скулы выдаются более, чем у европейских собак. Собаки эти не лают, а воют, очень боятся белых людей и европейских собак.

щиваний; в наших русских породах гончих очень заметна примесь собак северного типа, может быть, в некоторых случаях и прямо волка. Буанзу главным образом передал восточным гончим голос и вязкость — настойчивость в преследовании, качество очень редко встречающееся у лаек, тем более у волков*.

Кроме буанзу в Азии обитает еще другой вид дикой гончей собаки, именно Canis (Cuon) alpinus — черный волк, имеющий более обширное распространение, так как встречается, хотя и редко, во всех горах Средней Азии, начиная с Южной Сибири. По свидетельству известного путешественника по Китаю М. М. Березовского, это настоящие гончие, которые никогда не бросят зверя, пока не загонят его до полусмерти, которые гонят голосом гончих по следу, не видя зверя, например ночью в нагорных лесах. Охотятся они стайками (семьями) в 6—10 особей различного возраста и отличаются необыкновенною вязкостью и силою челюстей, так как на бегу вырывают (у крупной антилопы Budorcas) целые куски мяса. У туземцев Среднего Китая существует поверие, что самые лучшие гончие получаются от помеси с горным волком, но вымески эти опасны тем, что могут съесть заснувшего хозяина. Canis alpinus ростом с небольшую собаку (крупнее лисицы), рыжей масти, как лиса-огневка, и хвост у него почти лисий; вообще он представляет по виду как бы середину между волком и лисицею. Вряд ли можно считать горного волка родоначальником азиатских гончих, хотя весьма возможно, что он употреблялся монгольскими народами для скрещиваний в целях улучшения породы.

---

* По Гибелю («Säugethiere», 849—850), голова буанзу — Canis primaevus (C. dukhunensis Sykes) — средней величины, широкая; морда шире и короче, чем у шакала; уши же больше и шире, торчащие, заостренные и одетые шерстью; зрачки круглые; бока сжаты, пахи подтянуты; конечности длинные (?) и сильные, подошвы одеты длинною шерстью; хвост пушистый, достигает пазанков, прямой (т. е. не загнутый). Псовина густая, на туловище темно-ржаво-красного цвета, на спине с черными крапинками (gesprenkelt); некоторые волосы беловатые, черные, темно-рыжие и с черными полосками (schwarz geringelt). Вся нижняя сторона, губы и лапы желтоватые, щеки и горло красноватые; радужина красно-бурая; когти черные. Хвост у основания бледно-ржавый с черными полосками, на конце черный. Суки меньше, бледнее и имеют менее крапин на спине. Длина тела $2^1/_2$ фута, вышина в плече $1^3/_4$ф., длина хвоста $1^1/_3$ф. Зубная система отличается (от зубов шакала) тем, что верхние клыки гораздо длиннее коренных, из которых второй сильно уменьшен; в нижней челюсти недостает последнего коренного (Kauzahn). Буанзу обитает в средней части Непала, но заходит далее к северу и на юг до Коромандельского берега. Скрывается в густых лесах, живет в расселинах скал и в норах и охотится днем и ночью стайками в 8—10 шт. Самка мечет в феврале 2—4 щенков. Приручаются труднее шакала и лисы.

Гончие были первыми охотничьими собаками, ранее борзых, так как первобытный человек был звероловом, а не пастухом, жил в лесах и ему часто приходилось сталкиваться с лесными собаками и взаимно делить добычу. На древних египетских памятниках за 2000 лет до р. х. уже встречаются изображения собак, очень сходных с современными (западными) гончими, т. е. с большими вислыми ушами, доказывающими давность приручения. Но из тех же памятников видно, что египтяне охотились преимущественно в открытых равнинах с борзыми. Об охоте в лесах при помощи собак, очевидно гончих, имеются лишь более поздние сведения, которые относятся к Греции и Северо-Западной Африке. У ассирийцев, сколько известно по раскопкам, единственными охотничьими собаками были доги — молоссы, изображения которых, заметим кстати, встречаются и на египетских памятниках.

Первые письменные сведения об охотничьих собаках древности встречаются в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Последний говорит в «Илиаде» о каких-то метагонах и хвалит их понятливость и молчаливость (!) при отыскивании следов. *Аргос* Одиссея[37] описывается замечательно быстрой, отважной и сильной охотничьей собакой, гонявшей коз, оленей и зайцев; на древнегреческом барельефе он представлен собакой среднего роста с висячими, не очень большими ушами и пушистым хвостом (Duruy «Histoire des Grecs», 1887, I, 137). Названия метагоны и *Аргос* могут с некоторою натяжкою служить косвенным доказательством африканского происхождения этих псов, так как Метагониумом назывался мыс Северной Африки, а *Аргос,* вероятно, назывался так потому, что происходил из г. Аргоса в Арголиде — стране, заселенной, по преданию, выходцами из Египта за 1800 лет до р. х., за 6 столетий до Троянской войны. У древних греков породы назывались всегда, а иногда и клички давались по месту происхождения.

Подробные сведения об охоте в Древней Греции мы находим у Ксенофонта, который в своей «Cynegetica»* обстоятельно описы-

* На русском языке имеются: краткое извлечение из Ксенофонта г. Воробьева, помещенное в журнале «Природа и охота», полный, но менее точный перевод в «Русском охотнике» 1892 года и сокращенный перевод барона Розена в его книжке «Очерк истории гончих». Перевод этот просто возмутителен по своей безграмотности, тем более что он появился после двух названных. Например: «Уши длинные, тонкие, *на конце без шерсти*». «Надплечье в небольшом расстоянии от плеч» (то есть лопатки сближены). «Бока не слишком впалые и *выступающие вкось*». «Бедра крутые, *сзади* мускулистые, *не стянутые кверху, закругленные внутрь, нижняя часть боков и самые бока тонкие*». «Верхняя часть ляжки твердая; *нижняя длинная, подвижная,* крепкая; задние голени выше *передних,* несколько сухощавые; *ноги подвижные*».

вает как стати хороших гончих, так и охоту с собаками на зверей. Из описания нельзя, однако, вывести, подобно Кишенскому, заключения, чтоб эти греческие гончие имели большое сходство с современными западноевропейскими. Стати гончей Ксенофонта совершенно не соответствуют изображениям охотничьих собак на древнегреческих барельефах, так что мы встречаемся здесь со странным противоречием. За исключением вислоухих *Аргоса* Одиссея и собаки Диогена, все рисунки собак в «Histoire des Grecs» Duruy представляют нечто среднее между борзой и северной собакой со стоячими ушами и более или менее пушистым хвостом. Эти собаки настолько похожи на борзоватых лаек с недлинной псовиной, что Mégnin, очевидно , незнакомый с трактатом Ксенофонта, высказывает мнение (см. «l'Eleveur», 1896 г.), что главными охотничьими собаками у греков были борзые, очень похожие на современных греческих (?), кавказских и русских борзых (!).

Охотничьи собаки Ксенофонта были настоящими гончими — правда, с современной точки зрения довольно несовершенными гончими — которые выслеживали зверя и иногда, но редко, подавали голос, не видя его, т. е. добираясь по следу. С ними охотились всегда в лесу, и были они не особенно параты, так как заяц делался добычею их редко, почти случайно; самые лучшие могли сганивать оленьего теленка, а кабана могли взять они только во время сильных жаров, когда он скоро утомляется. Отсюда видно, что это были вовсе не борзые, тем более что о травле у Ксенофонта не говорится ни слова. Обязанность охотничьих собак его времени заключалась в том, чтоб отыскать следы зверя и загнать его в тенета. Из описания охоты на кабанов видно, что настоящих стай не было, что древние греки охотились со сбродом собак различного происхождения и разнообразной внешности и пускали их по следу не сразу, а поодиночке, одну за другою, сначала самую пешую и чутьистую, которая разыскивала след. Это подтверждается позднее Овидием в его «Метаморфозах», где в сказании об Актеоне, превращенном в оленя, говорится, что стая злополучного охотника состояла из весьма разнообразных по виду собак: «Тут были спартанские, критские, аркадийские, одни быстрые, другие чутьистые, вымесок от волка, пастушьи, белые и черные, сильные и легкие, собаки со щетинистою шерстью, собаки с пронзительными голосами от критского выжлеца и спартанской выжловки». У Ксенофонта также упоминаются спартанские (лаконские), критские, локрийские и индийские собаки, и по-видимому, они отличались не одним происхождением, но и внешностью; например, спартанские считались самыми чутьистыми и употреблялись в качестве ищеек для отыскивания кабаньих следов. Известно, что в Спарте гончие составляли общее достояние и всякий гражданин имел право охо-

титься с ними; отсюда надо заключить, что это были однопородные гончие, из которых составлялись настоящие стаи, содержавшиеся на отдельных псарнях*. Критские гончие, по свидетельству Арриана, были жесткошерстными, брудастыми, а индийские — самые рослые, сильные, резвые и злобные, которых сто лет позднее Аристотель называл помесью льва с собакою, — были не восточными гончими, как полагает Кишенский, а полудогами**.

Таким образом, во времена Ксенофонта кроме туземных — пастушьих и сторожевых собак северного типа с острыми стоячими ушами и мохнатыми хвостами, встречающихся на барельефах и также бывших охотничьими, — существовало еще не менее трех пород гончих и полугончих псов; настоящие гончие с отличным чутьем — спартанские, быть может, потомки метагонов Гомера, брудастые критские и полудоги — индийские, всего вероятнее, помесь ассирийских догов с борзыми. Однако Ксенофонт описывает как гончую только одну, вероятно спартанскую, породу, которую следует отнести к западному (североафриканскому) типу — толстомордому и длинноухому. Породистая гончая должна иметь, по его словам, большой рост, легкую голову с выпуклым лбом и ясным переломом, тупоносую морду, большие тонкие уши, с внутренней стороны голые, подтянутые пахи, прямой, длинный и тонкий гон, длинные и несколько лучковатые задние ноги (зад выше переда); масть хороших собак не должна быть одноцветной рыжей, белой или черной (так как это, по мнению Ксенофонта, *признак близости* к полудиким), а у белых (и черных?) должно быть на лбу рыжее пятно и у рыжих белое пятно. Только шерсть (по переводу Воробьева) должна быть «длинная, тонкая, шелковистая и густая; у породистых на задней стороне передних ног, на гачах и нижней части гона должна быть длиннее». Псовина, следовательно, указывает на примесь северных псовистых собак.

---

* Римский писатель IV стол. (до р. х.) Фест считал спартанских ищеек помесью (с молоссами?).

**Очень странно, что Ксенофонт не упоминает вовсе о молоссах — охотничьих собаках Молоссии (занимавшей большую часть древнего Эпира и нынешней Албании и названной так по имени Молосса, сына Пирра и внука Ахиллеса), прямых потомков ассирийских охотничьих догов, приведенных в Эпир после Троянской войны Пирром. Эти собаки были известны сто лет позднее Ксенофонта, так как сохранилось предание (у Плиния), что царь албанский послал в дар Александру Македонскому двух огромных собак, которые брали в одиночку льва и слона. В Индии тоже были подобные собаки: Диодор Сицилийский, живший во времена Юлия Цезаря Августа, говорит, что индийский царь Sopithes подарил воинам Александра 150 собак необыкновенной величины и силы, которые могли вдвоем растянуть льва.

Из дальнейшего описания видно, что от хорошей гончей требовалось, чтоб она, отыскав след, давала о том знать движением ушей (т. е. настораживала, приподнимала их) и хвоста, но не брехала бы по следу, т. е. не гнала голосом вдобор. Совет спрашивать встречных, не видали ли они собак, если они далеко ушли или стеряли след, тоже указывает на прерывистый гон. Впрочем, дальше говорится, что гончие должны искать на кругах, легко прихватывая след, и весело гнать по нем, держа голову наклонно к земле, причем уши висят свободно; гнать (по-зрячему) должны резко и непрерывно, с большим визгом и вяканьем (!), а по следу гнать быстро, *когда нужно,* подвякивая. Чутье у греческих гончих тоже было не особенно тонкое, так как в иней, мороз и при сильной росе даже очень чутьистые не могли соследить зайца, пока малик не обогреет солнце. Ксенофонт советует выходить на охоту очень рано, чтобы собаки могли искать по горячему следу. Все это приводит к заключению, что гончие древних греков не были настоящими гончими и хотя, вероятно, происходили от египетских, африканских, но заключали в себе немало посторонней крови. Впрочем, от них и требовалось немного — только найти зверей и загнать их в расставленные тенета. Насколько ценились древними греками хорошие охотничьи собаки, видно из того, что (по Плутарху) Алкивиад заплатил за своего любимого пса 7000 драхм (5500 франков).

Относительно брудастых щетинистых гончих с острова Крита могут быть две теории: или эти собаки произошли от скрещивания африканских гончих с брудастыми пастушьими псами Малой Азии, или же они — прямые потомки дикого брудастого вида, обитавшего в горных лесах Юго-Западной Азии до Тибета и, как лесного жителя, обладавшего многими качествами гончих. Я склонен думать, что брудастые с щетинистою псовиною имеют последнее происхождение, хотя допускаю, что некоторые современные брудастые гончие с длинною и мягкою шерстью составляют позднейший продукт скрещивания западных и, быть может, восточных гончих с настоящей лохматой степной овчаркой. По моему мнению, все факты говорят за то, что брудастые собаки были приведены в Европу первыми арийскими племенами (именно кельтами) и в качестве охотничьих, пастушьих и сторожевых собак начали быстро оттеснять к северу аборигенов — породы каменного века — северных остроухих собак, происшедших от дикой, не очень псовистой собаки с очень длинными острыми стоячими ушами, вроде современной зырянской[28], скрещиваемых с волком, реже с лисой и песцом.

Эти брудастые собаки могли распространяться и доставляться из Азии не только сухим путем или, вернее, по рекам (Дунаю, Дне-

пру, Западной Двине), но и морем, при посредстве, например, финикийцев[6] и легендарных колонизаторов западноевропейских стран вроде Энея и Брутуса, и в помесях с гладкошерстными борзыми кельтийских племен образовали несколько пород брудастых борзых.

Азиатское происхождение и указанный способ распространения щетинистых собак доказывается нам многими историческими и современными данными. Критские щетинистые гончие были собственно малоазиатскими. Самые древние гончие собаки Апеннинского полуострова (этрурские и умбрийские) и Галлии были брудастые и, весьма вероятно, были ввезены финикийцами, троянскими и греческими переселенцами. Сведения об этих гончих встречаются двумя столетиями позднее Ксенофонта. Брудастые гончие считались здесь туземными и не только преобладали в Западной Европе, но были едва ли не единственными даже в начале средних веков. Людовик Святой в XIII столетии, возвращаясь из плена, привел с собою из Татарии (нынешн. Туркестана) целую стаю брудастых гончих (chiens gris de Saint Louis), подаренных ему внуком Чингисхана. Подобные гончие, как оказалось в последнее время, до сих пор существуют в Афганистане, и щетинистые охотничьи собаки встречаются на Памире, именно каратегинки — птичьи гончие, или подсокольи собаки (см. т. I, стр. 232)*, и в Тибете, где они даже называются greiffs, откуда, вероятно, произошло французское название брудастых гончих «грифон». Наконец, в Греции и на Балканском полуострове в настоящее время вовсе нет гончих гладкошерстных западного типа — здесь встречаются лишь брудастые и остатки молоссов. Отсюда можно сделать логическое заключение, что в древности здесь даже вряд ли когда были настоящие длинноухие североафриканские гончие.

Гладкошерстными охотничьими собаками римлян были кроме борзых лишь молоссы, приобретавшиеся ими из двух местностей — Балканского полуострова и Британии, также из страны белгов и Галлии. Стаи гончих, которых Павел Эмилий отнял у македонского царя Персея, всего вероятнее, состояли из молоссов или их вымесков. Гамильтон Смит говорит, что элимейские собаки (в Македонии), о которых говорит Дмитрий Константинопольский, должны быть сходны с изображениями некоторых собак, находимых в Египте, и с кровяными собаками; а так как последние имеют значительную примесь мастифов, то, надо полагать, элимейские собаки были тоже полудогами или даже почти чистокровными

* Л. П. Сабанеев дает ссылку на 1-й том своей книги «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые», вышедшей в 1896 г. — См.: Л. П. Сабанеев. Собаки охотничьи... Легавые. М.: ФиС, 1986, с. 249. — **Ред.**

молоссами. Из писем Сидония Аполлинария видно, что еще в V столетии после р. х. молоссы употреблялись в качестве ищеек, отыскивавших логово зверя, который затем преследовался настоящими гончими (горячими умбрийскими, вероятно брудастыми). Элиан, живший в III веке, упоминает об ищейках, отыскивавших сначала на своре лежку кабана и оленя, а затем, когда были где следует расставлены тенета, бросавшихся с лаем на зверя и старавшихся загнать его в сети, также имел, вероятно, в виду молоссов. Римляне, как любители травли и сильных ощущений, конечно, должны были иметь особое пристрастие к сильным и злобным собакам.

Но тяжелые молоссы, не обладавшие достаточными быстротою, настойчивостью в преследовании и нестомчивостью, не удовлетворяли требованиям настоящих охотников, и в начале средних веков этих собак стали скрещивать с брудастыми гончими, главным образом для травли кабанов, медведей, зубров и диких быков (туров), а несколько позднее — с африканскими гончими, оказавшимися наиболее совершенными гончими, самыми чутьистыми, вязкими, голосистыми и красивыми. Эти африканские гончие проникли в Западную Европу не через Грецию, а через Испанию, что совершенно понятно. Очень может быть, что они были известны в Иберии еще до начала христианской эры, так как кельтиберы[38] и галлы служили наемниками Карфагена и составляли сухопутное войско последнего. Но тем не менее известность этих гончих совпадает со временем нашествия мавров и начинается с конца VII или начала VIII века. Первые охотничьи писатели Западной Европы — Гастон де Фуа, затем дю Фулью упоминают о берберийских белых гончих — Baux, родоначальниках белых королевских, также об испанских гончих*.

Первые сведения о новой, более совершенной расе гончих относятся именно к концу VII и началу VIII века. По преданию, она была выведена св. Губертом, надо полагать, скрещиванием африканских или, точнее, мавританских гончих с молоссами белгов. Эти гончие св. Губерта справедливо считаются родоначальниками современных западных гончих: от последующих смешений их с борзыми, брудастыми гончими и отчасти (в Германии) с туземными охотничьими собаками — остроухими северными лайками — образова-

* Но этими указаниями и ограничиваются наши сведения о гончих Испании и Северо-Западной Африки; между тем очевидно, что в истории всех западноевропейских охотничьих собак замечается немало важных пробелов, которые могут быть пополнены исследованиями в Испании и мелких североафриканских государствах, где должны сохраниться наиболее чистокровные представители длинноухих короткошерстных гончих. Мы не знаем даже, есть ли теперь в Испании какие-либо гончие.

лись все многочисленные породы французских, английских, немецких и швейцарских гончих, отличающихся длинными, закругленными снизу ушами, низкопередостью и яркими подпалинами на морде и ногах, резко отделяющимися от более темного окраса туловища. Выше уже говорилось, что североафриканская гончая должна была иметь черный или темно-бурый цвет шерсти с яркими подпалинами. Все гончие средних веков были одноцветными, а не пегими, и еще во времена дю Фулью, т. е. в XVI столетии, было четыре породы; белые, черные, рыжие (багряные) и серые, из которых рыжие и серые были брудастыми. Только позднее, когда все эти гончие перемешались между собою и другими, породы сделались пегими и начали уже называться не по масти, а по местностям. Знаменитый Гастон Фебус предпочитал черно-подпалых гончих. Подпалины вообще составляют важнейший внешний признак гончей: это, как справедливо заметил Н. П. Кишенский, «ее родовой признак; другие породы собак, так сказать, имеют только право быть в подпалинах, а гончие не имеют права быть без них». Все современные породы гончих без подпалин происходят от английских фоксхоундов, имеющих избыток крови борзых.

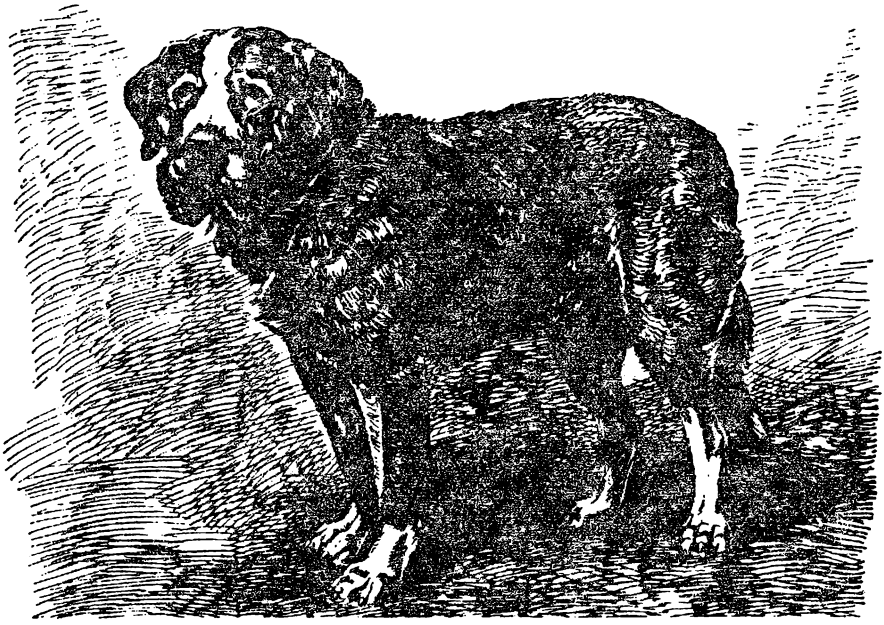
Наконец, спустя 500 лет после появления сан-губеров с многочисленными разветвлениями, из глубины Центральной Азии проникают в Восточную Европу гончие, совершенно отличные от брудастых и африканских, с короткими острыми вислыми ушами, заостренною мордой, прямою шерстью, удлиненною на спине, загривке, хвосте и на гачах, с относительно сильно развитым передом, волчьей масти различных оттенков, со светлыми и грязноватыми подпалинами. Огромные стаи этих гончих были приведены в Россию монголо-татарскими племенами в XIII и XIV столетиях и, может быть, сопутствовали им в набегах на славян. Последние исследования показали, что родичи этих татарских гончих до сих пор уцелели в горной глуши независимой страны Лоло в самом сердце Китайской империи и, обладая в совершенстве всеми качествами гончих, пользуются довольно широкою известностью под названием *махугоу*. Эти китайские гончие, встретившись в России с коренными охотничьими собаками — различными породами лаек, образовали с ними несколько новых рас и разновидностей со смешанными признаками, но с очевидным преобладанием гончей крови. Некоторые разновидности заключают небольшую примесь русского вариэтета молоссов — меделянки, а также волка, ради увеличения злобности. Скрещивание волков с русскими выжловками изредка производится в настоящее время, хотя не приносит желаемых результатов.

Из сказанного нами следует, что все современные гончие могут быть разделены на три отдельные группы или типа: 1) древней-

ший — *брудастый* с характерными бородой, усами и псовиною; 2) тип *западных,* или африканских, толстомордых, длинноухих и низкопередых и 3) тип *восточных* гончих с высоким передом, клинообразною мордою и коротким треугольным ухом. Карликов западных и брудастых гончих, под общим названием *бассетов,* мы отделяем для удобства изложения в особую, четвертую группу.

Способы охоты с гончими были довольно разнообразны и подвергались постепенным усовершенствованиям. Первобытная охота с почти полудикими собаками заключалась, вероятно, в том, что человек, руководствуясь их лаем, пересекал дорогу преследу-

Рис. 15. Меделянка
(«Природа и охота», 1889, № 9)

емому зверю и убивал его палицами, пращею, дротиком, позднее стрелами, пускаемыми из лука, после чего ему приходилось, вероятно, самому отбиваться от разъяренных псов и кормить их внутренностями добычи. Следующая стадия охоты с гончими состояла в том, что лес оцеплялся массою людей и в средину его пускали огромные стаи гончих, которые выгоняли в поле все живущее, догоняя раненых животных. Так охотились, по сказанию Марко Поло, полчища татарских ханов, так охотятся до сих пор, по свидетельству новейших путешественников, многие дикие племена Африки. У древних греков, римлян, германцев и славян применялся более совершенный или, вернее, добычливый способ охоты:

гончие служили главным образом для того, чтобы загонять зверя в расставленные в надлежащих местах тенета. У галлов, англосаксов и средневековых германцев нередко употреблялся более охотничий метод: зверь выставлялся гончими на охотников, которые травили его борзыми. В Западной Европе эта травля из-под гончих никогда не достигала такого развития и распространения, как в Европейской России, где она была введена татарами после принятия ими магометанства и заимствования от арабов охоты с борзыми. Надо полагать, что переход от полного бездействия и томительного выжидания к бешеной скачке сломя голову — всего более соответствовал порывистому характеру русского народа. Галлы первые стали охотиться парфорсом, т. е. загонять зверей до их изнеможения, что мы знаем от Оппиана, за 2 столетия до р. х. Епископ клермонтский римлянин Сидоний Аполлинарий (V век) в письмах к Нуммату смеялся над тем, что тот мучает зайцев, и советовал ему обзавестись тенетами. Парфорсная охота без существенных изменений сохранилась во Франции по настоящее время; в Англии же она за последние два столетия приняла совершенно особый характер травли полуборзыми, полугончими и является не только упрощенным, но и ускоренным способом охоты. Наконец, в XIX столетии приобретает все большее и большее значение мало распространенная прежде ружейная охота с гончими, бесспорно, самая простая и экономическая.

Группа первая
БРУДАСТЫЕ ГОНЧИЕ

Под названием брудастых известны гончие с удлиненными волосами на морде и более или менее жесткою псовиною. Породы их немногочисленны, и вообще, как и брудастые охотничьи собаки, легавые и борзые, это тип вымирающий, вытесняемый другими, более совершенными гладкомордыми гончими.

В своем образцовом труде «Опыт генеалогии собак» Н. П. Кишенский весьма подробно и обстоятельно рассматривает происхождение брудастых гончих. Взгляд его на брудастых собак настолько интересен, что мы приведем эту главу почти дословно:

«Происхождение брудастых гончих от общего корня всех брудастых собак не подлежит ни малейшему сомнению; где бы мы ни встретили гончих этого типа, в России или во Франции, на Балканах или в Англии, всюду характеристичные видовые признаки брудастой группы сохраняются этими гончими с замечательным постоянством.

Не говоря уже о *распределении* псовины, признаке, на котором, собственно, и основано особое название этих пород, даже такой вообще весьма неустойчивый признак, как *масть,* у брудастых гончих исключительно устойчив в наследственности.

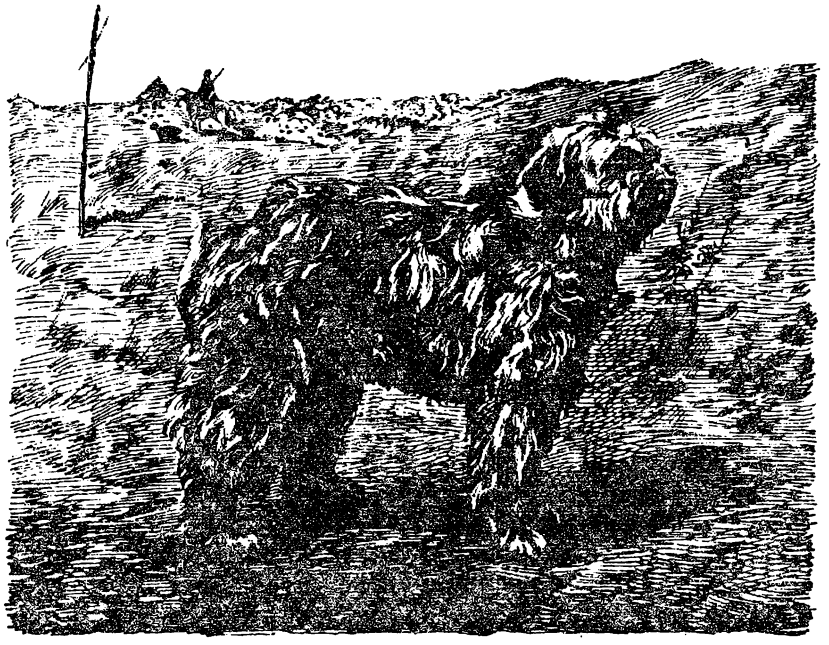
Наконец, формы, или лады, у всех пород брудастых гончих замечательно однообразны.

Распределением, формой и даже качеством псовины не только большая часть, но все кровные брудастые породы гончих ничем не отличаются от кровных южнорусских овчарок, то есть от породы, которая сохранила из всей брудастой группы наиболее *видовую* чистокровность. Те же самые изменения, которые замечаются в псовине овчаров, свойственны псовине брудастых гончих; у некоторых пород, а иногда и отдельных особей последних псовина из прямой и жесткой изменяется в мягкую и шерстистую, делается волнистой и даже несколько курчавой; как у овчаров, так и у брудастых гончих псовина вследствие своего шерстистого свойства легко сваливается в куски войлока, от которых собака освобождается только во время линьки. Как у овчаров замечается непостоянство в *длине* псовины, так же точно и у брудастых гончих этот признак очень непостоянен; и не только в породе или стае можно наблюдать разницу в длине псовины, но даже однопометники разнятся между собою в этом отношении. Однако *распределение* псовины, несмотря на колебания ее длины, никогда и у брудастых гон-

чих не изменяется, голова и ноги неизменно остаются одетыми характерной *брудастой* псовиной.

Та же одинаковость между овчарами и брудастыми гончими замечается и в масти: типичная масть овчаров — *зольно-серая* и *пыльно-* или *тускло-рыжая преобладает* во всех породах брудастых гончих; как названные масти у первых изменчивы в оттенках, нередко переходя в белый с *красноватым* или *сероватым* подшерстком, так же точно все это обыкновенно и у вторых. Единственная разница масти тех и других заключается в том, что брудастые гончие наиболее *темных* оттенков бывают с более или менее

Рис. 16. Русская овчарка
(«Природа и охота», 1889, № 9)

яркими подпалинами, чего у породистых, кровных овчарок *никогда не бывает.*

Но здесь необходимо заметить, что относительно *подпалин* у брудастых гончих существуют два различных мнения: большая часть действительных знатоков этих гончих утверждают, что подпалины кровным брудастым гончим вовсе не свойственны, и собаки в подпалинах всегда некровны, то есть мешаны в недавнем времени с другими гончими породами. В подтверждение такого мнения указывают на тот факт, что в стаях *подпаленых* брудастых гончих неминуемо выраживаются особи, утратившие другие типичные признаки этих гончих: так появляется *долгорылость,* особен-

ная голошерстость на физиономии и проч. Эти признаки некровности у подпаленых брудастых гончих замечал я сам.

Иностранные охотники-писатели, описывая старинные кровные породы брудастых гончих, *не упоминают о подпалинах* у этих собак... Ввиду всего этого, мне кажется, следует принять, что *типичными* брудастыми гончими надо считать собак *без подпалин;* но последние, *вероятно,* изредка появляются и в кровных породах вследствие более или менее *редких* случаев *атавизма.*

В *формах* брудастых гончих хотя и замечается большая изменчивость, чем в двух рассмотренных до сих пор признаках, однако же и формами большая часть брудастых гончих пород стоят ближе к *овчарам,* чем к какой-либо из пород гончих западной или восточной группы.

Короткий и круглый череп свойствен всем кровным брудастым гончим в такой же степени, как и овчаркам, только у гончих обыкновенен *сильно развитой затылочный гребень,* что, как известно, у кровных овчарок не встречается. Короткая морда и форма ее у большей части брудастых гончих ничем не отличается от морды овчарки. Колодка этих гончих так же *вальковата,* как у последней; хвост также обыкновенно серповидной формы. Родственность между брудастыми гончими и овчарами так близка, что даже пороки ладов, обыкновенные у последних, в той же мере свойственны и первым; *коровьи* задние ноги — недостаток, свойственный большинству овчарок, также обыкновенен у брудастых гончих...

Уши всех брудастых гончих, независимо от их *длины,* неизменно сохраняют *круглую форму.*

Только в *росте* и *размерах* отдельных частей склада, как в признаках, наиболее подверженных изменчивости, некоторые породы брудастых гончих в значительной степени разнятся от чистых овчаров. Самые крупные гончие этих пород, например, вандейские грифоны и некоторые русские брудастые гончие, известные в старину у нас под именем тумана, едва достигают роста средней овчарки, но большинство несравненно меньше; остальные породы гораздо малорослее. Относительная длина ног подвержена значительным колебаниям: между брудастыми породами гончих мы можем видеть отдельные породы на высоких ногах, так что собака кажется вздернутой; такова большая часть русских брудастых, которых мне приходилось видеть; многие породы на пропорциональных, толстокостных ногах, некоторые на низковатых...

Уши по величине очень различны: у французских грифонов они так же длинны и широки, как и у гладкошерстных гончих этой страны; у русских уши гораздо короче, но, как я уже сказал, они у всех кровных брудастых сохраняют круглый обрез...

В числе характерных наружных признаков брудастых гончих только два, по моему мнению, указывают на их происхождение не исключительно от брудастой группы: значительно развитой затылочный гребень, а у некоторых пород (вандейских грифонов) и сильно выдающиеся надглазные дуги уже вводят в сомнение относительно их непосредственного происхождения. Кроме того хотя и можно допустить, что подпалины в строгом смысле не есть признак типичных брудастых, однако никто не станет отвергать, что у бесспорно кровных и самых типичных брудастых гончих общий окрас большею частью бледнеет к оконечностям, нередко переходя около губ в светло-серые *подласины**.

Но этих наружных признаков недостаточно: значительное развитие затылочного гребня сводится к изменению размеров отдельной части склада, что могло сделаться породным признаком вследствие одностороннего подбора. Бледность окраса к конечностям и даже изредка появление настоящих подпалин могли бы считаться реверсией, следствием случайных скрещиваний, что не дает еще права на исключение данных пород из кровной группы, ибо чистокровных в строгом смысле *вида* домашних собак не существует.

Если же мы обратимся к исследованию внутренних качеств брудастых гончих, то найдем многие черты, которые настолько резко отделяют их от кровной брудастой группы, что делается немыслимым принять их непосредственное происхождение.

Так, все породы, бесспорно принадлежащие к кровно-брудастой группе — овчары, пуделя и проч., отличаются малой наклонностью к форсированию добычи; они чрезвычайно азартно бросаются, стремительно, напрягая все силы, преследуют в виду, но так же скоро бросают преследование — вязкости следом у них недостает окончательно, и как ни ненавидят хорошие овчарки волка, как ни отчаянно нападают на него, однако в преследовании его никогда не руководятся чутьем.

Голоса овчарок, пуделей и пр. *отрывисты;* преследуя волка или что-либо иное, овчарка тявкает *сухо* и в высшей степени *отрывисто,* как будто у нее не хватает духу для полного голоса.

У брудастых гончих мы видим черты диаметрально противуположные: все известия о древних породах этих собак изображают нам их замечательно *привязчивыми* в преследовании следом, надеющимися более на чутье, чем на зрение, гончими *пешими,* с жалобными *продолжительными* голосами, которые галлы сравнивали с голосами нищих, просящих милостыню...

---

* *Подласины* отличаются от подпалин тем, что они того же цвета, как и общий окрас собаки, но гораздо бледнее... — **(К.)**

Итак, на основании качеств в связи с указанными выше наружными признаками можно утверждать, что брудастые гончие произошли от скрещивания кровных брудастых собак с какими-нибудь настоящими гончими.

На основании моих многих наблюдений над наследственностью признаков, я также смело утверждаю, что преобладание в брудастых гончих наружных признаков брудастых групп не есть неопровержимое доказательство количественного перевеса крови этой последней. Брудастые собаки с особенным постоянством передают наследственно свои наружные признаки — брудастую псовину и круглоту головы...»*

Так как древнегреческие брудастые (критские) и большинство западноевропейских гончих имели щетинистую, а не клокастую псовину, то мы имеем полное право предположить, что брудастые гончие произошли от горной разновидности брудастых собак, более близкой к коренному брудастому дикому виду и менее культурной, чем степная лохматая овчарка. Последняя находится в таком же отношении к первой, как культурная овца с длинным руном к дикому барану с короткою и жесткою шерстью. Как у овчарки, так и у мериноса мы встречаемся с одним и тем же явлением — выпадением волоса и необычайным развитием подшерстка, превращающегося в так называемое руно.

Эти горные или лесные брудастые, как и все виды диких собак, должны были иметь, по весьма понятным причинам, более гончие наклонности, т. е. руководились более чутьем, чем зрением, и были настойчивее в преследовании, чем собаки открытых местностей, равнин, подобно борзым и степным овчаркам. Гончие качества, очевидно, могли развиваться только в зарослях и скалах, где собака может видеть зверя только на очень близких расстояниях.

Отсюда само собою вытекает предположение, что вначале для охоты на зверя в древности могли употребляться чистокровные брудастые собаки, которых только позднее стали скрещивать с гончими западного типа (африканскими) и, может статься, восточного. Это тем более вероятно, что от гончих, употреблявшихся у греков только для того, чтобы загнать зверей в тенета, а не для сганивания зверя, или для того, чтобы выгнать его на охотника с борзыми, луком или ружьем, не требовалось гоньбы по следу, вдобор, считавшейся даже недостатком. Кроме того, мы уже знаем, что гончие древних греков не отличались ни быстротою (паратостью),

---

* Здесь Н. П. Кишенский приводит несколько подтверждающих примеров, а в примечании рассказывает о двух любопытных фактах необычайного удлинения псовины при скрещивании брудастых собак с гладкошерстными.

ни сильным чутьем, т. е. в этом отношении к ним не предъявлялось таких строгих требований, как в настоящее время.

Таким образом, родиной брудастых гончих следует признать не побережья Черного моря, а нагорные леса Юго-Западной или даже Центральной Азии. Как уже было сказано, в Каратегине и Тибете сохранились до сих пор брудастые жесткошерстные собаки небольшого роста с гончими наклонностями. По новейшим известиям, на английских выставках появились крупные брудастые гончие из Афганистана; вероятно, от этих горно-азиатских гончих и произошли греческие и западноевропейские брудастые гончие.

Азиатское происхождение брудастых гончих не подлежит никакому сомнению. На египетских памятниках не встречается, сколько известно, ни одного изображения собаки характерного брудастого типа. Хотя, по словам Э. Брема (отца) и Гейглина, в Египте встречаются брудастые пастушьи собаки, т. е. овчары, но они, по-видимому, позднейшего происхождения и приведены сюда из Малой Азии армянскими переселенцами. В европейские страны брудастые охотничьи собаки проникли ранее гладкошерстных африканских и азиатских и вытеснили здесь коренные породы собак северного типа. Весьма странно, однако, что на древнегреческих памятниках встречаются главным образом изображения последних собак, очень редко собак с большими висячими ушами — западного типа и ни одного изображения брудастой. Сведения о брудастых гончих Древней Греции весьма неопределенны. Ксенофонт вовсе не упоминает о таком резком признаке, как брудастость, которую, впрочем, игнорировали и многие современные нам охотничьи авторы; только много позднее, почти в начале нашей эры, Овидий в своих «Метаморфозах», перечисляя разновидных собак стаи Актеона, говорит о щетинистой гончей и о собаках с пронзительными голосами, происходящими от помеси критских (по Арриану, брудастых) со спартанскими ищейками.

Что касается Западной Европы, то можно с уверенностью сказать, что брудастые гончие проникли сюда из Греции и Малой Азии еще до начала нашего летосчисления, задолго до появления здесь гончих другого, так называемого западного типа. Греческий поэт Оппиан за два столетия до р. х. в своей «Cynegetica» упоминает о бретонских брудастых охотничьих собаках, а Арриан (2 ст. по р. х.) довольно подробно описывает галльских брудастых гончих, под названием Segusii. Немного позднее Немезиан (III ст.) говорил о брудастых гончих из Этрурии. Принимая во внимание азиатское происхождение кельтов, затем сказание о Брутусе, правнуке Энея (переселившемся в Северо-Западную Францию, названную по его имени Бретанью), тем более исторические сведения о нашествии кельтов на Балканский полуостров и малоазиатский

берег, где ими было за 3 века до р. х. основано целое государство — Галация, необходимо заключить, что брудастые гончие Галлии происходили из Малой Азии и Греции и очень давно заменили здесь для охоты собак северного типа, сделавшихся сторожевыми и пастушьими. Что же касается этрурских и умбрийских итальянских гончих, то они, может быть, имеют еще более древнее происхождение, так как Этрурия, по преданию, была заселена пелазгами[21]. Во всяком случае, брудастые охотничьи собаки могли быть привезены сюда Энеем после падения Трои или греческими колонизаторами Апеннинского полуострова.

Германские племена, по-видимому, никогда не имели самостоятельной породы грифонов. Это доказывается тем, что в саличесских законах у франков, в бургундских и алеманнских брудастые гончие называются именем галльского племени — Segusii; в позднейшее время на них нет никаких указаний, и теперь существует только одна порода брудастых, именно штирийская, без сомнения родственная североитальянским и балканским и происходящая непосредственно от последних, притом, вероятно, в текущем столетии. Гончие грифоны в Центральной Европе, вероятно, скоро смешались с борзыми и образовали здесь породу брудастых борзых, весьма обыкновенных в средние века по Балтийскому побережью. Польско-литовские брудастые имеют французское происхождение, а от смешения их с курляндскою брудастою борзою образовалась порода курляндских, или русских, паратых и борзоватых брудастых гончих. Самостоятельное происхождение имеют также шотландские выдровые собаки, заключающие в себе кровь терьера.

Как было сказано, гончие брудастого типа принадлежат к вымирающим породам: они отжили свой век и постепенно вытесняются другими более совершенными расами, не имеющими их недостатков и их непривлекательной, хотя оригинальной, внешности. По чутью, голосам, вязкости и характеру все современные породы гладкошерстных гончих стоят выше брудастых, и настоящие грифоны в значительном числе сохранились только во Франции; французские гончие грифоны дали начало всем брудастым легавым.

Французские брудастые гончие (грифоны)

Французские охотничьи писатели насчитывают во Франции 4—5 пород грифонов, отличающихся между собой главным образом цветом и длиною псовины. На самом же деле существуют только одна или две расы, остальные же, как видно, в настоящее время

имеют лишь немногочисленных представителей сомнительной чистокровности. Самая распространенная современная порода — вандейско-нивернейская, причем, как увидим далее, вандейские грифоны происходят от бретонских, а нивернейские — от брессанских грифонов. Бретонских и брессанских грифонов и грифонов Св. Людовика можно считать почти совсем вымершими и исчезнувшими. Нельзя при этом не обратить внимания на то, что французские охотники до сих пор не составили подробного описания хотя бы одной породы брудастых гончих, как это сделано ими для гладкошерстных, что доказывает пренебрежение, оказываемое брудастому типу. Замечательно, что самое лучшее описание ладов брудастой гончей, даже сравнительно с описанием выдровых гончих (оттерхоундов), сделано П. М. Губиным для русской породы, тоже почти исчезнувшей.

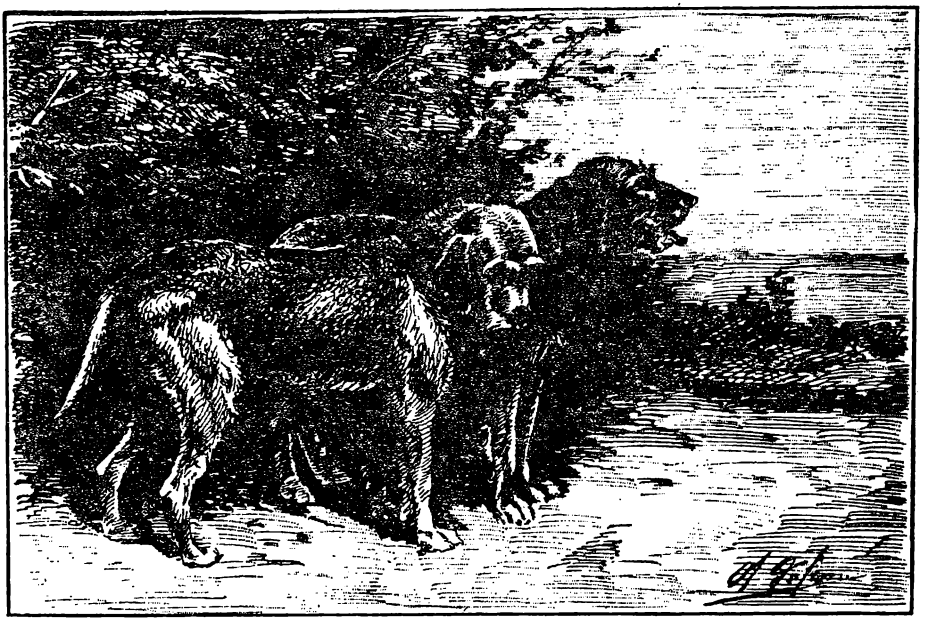
По старшинству происхождения французские грифоны делятся на следующие породы: 1) *бретонские рыжие* (багряные), древнейшая и коренная раса; 2) *брессанские* — серо-рыжие с черными отметинами и длинною псовиной, родственные первым; 3) *грифоны Св. Людовика* одноцветной темно-серой масти, привезенные Людовиком Св. в XIII столетии из Западной Азии; 4) *вандейские пегие,* происшедшие от смешения названных пород со значительною подмесью белых королевских (гладкошерстных) гончих; 5) *нивернейские* черно-пегие — от скрещивания брессанских с гладкошерстными черно-пегими гончими; 6) *вандейско-нивернейские,* наиболее распространенные, черно-пегие с подпалинами, составляют улучшенную расу очень сложного происхождения, а именно от смешения вандейских с нивернейскими с примесью фоксхоундов. Кроме того, известны еще две породы брудастых бассетов — бретонских рыжих и желто-пегих вандейских, происходящих от грифонов тех же названий.

1. Бретонские багряные грифоны (Chiens fauves de Bretagne)*. О бретонских брудастых гончих говорил еще Оппиан за 2 стол. до р. х., перечисляя известные ему 17 пород охотничьих собак. О них уже упоминается в древнейших бретонских хрониках (летописях). Дю Фулью в своем классическом сочинении об охоте с гончими («La Vénerie», 1561) говорит, что в хронике «Joannes Monumetensis» приведено следующее предание: после падения Трои Эней удалился в Италию с сыном своим Асканием, который сделался царем латинян. Правнук Энея — Брутус, убив нечаянно отца (Сильвия), должен был бежать из Италии в Грецию. Там он освободил плен-

* Неизвестно, на каком основании барон Розен переводит fauve — муругий. Муругими, т. е. с более темным окрасом на морде и ногах бретонские грифоны никогда не бывают и темномордость вообще не свойственна брудастому типу.

ных троянцев и вместе с ними и большим числом гончих и борзых собак высадился в Арморике (Западная Франция), которая и получила от него название Бретани. Далее сообщалось, что у троянцев были такие собаки, которые заганивали оленя до смерти. Дю Фулью высказывает мнение, что все породы французских гончих, кроме белых, которые родом из Берберии (варварийских владений) и отличаются особою выносливостью в жаркую погоду, происходят от рыжих бретонских. Он считает последних старинною породой бретонских герцогов и рыцарей. Huet de Nantes, соперничавший с Гастоном Фебусом (XV стол.) количеством

Рис. 17. Бретонские грифоны («Охотничий календарь»)

собак, славился своими рыжими гончими. Рисунок, помещенный у дю Фулью, ничем почти не отличается от изображения белой гладкошерстной гончей и представляет очень толстомордую и вовсе не брудастую собаку; между тем как в рукописи Гастона Фебуса, жившего столетием ранее, встречаются очень хорошие изображения брудастых, из чего можно заключить, что бретонскими гончими назывались безразлично рыжие гончие брудастые и гладкошерстные. Дю Фулью говорит, что багряные гончие сходны с белыми, но не так хорошо выносят жару; они паратее, грубее и энергичнее; всего более они были распространены в царствование Франциска I. Приводя далее предание о гоньбе ими оленя в течение 4 дней (!), он замечает, что собаки эти имеют очень сильное сложение, не боятся

воды и холода, очень смелы и предпочитают оленя другим зверям; но они упрямы и наганиваются труднее, чем белые. Лучшими дю Фулью считает ярко-рыжих, почти красных, с белым пятном на лбу или на шее (загривиной); желтоватые, также серо-пегие и черно-пегие ничего не стоят, из собак со вздернутым чутьем выходят хорошие ищейки (limiers). Гончие эти непригодны для гоньбы по зайцам и другим зверям и, кроме того, скотинники, а потому встречаются только у королей и принцев крови. Почти то же говорится о рыжих гончих в «Maison rustique» (1578). Ярко-рыжая масть, во всяком случае, не свойственна псовине брудастых и указывает на значительную примесь гладкошерстных.

Однако современник дю Фулью Jean du Bec Crespin («Chasse au liévre», 1593) считает багряных гончих, толстохвостых и грубошерстных, рабочими собаками, пригодными и для простых дворян*, а далее говорит, что они самые чутьистые после белых, долговечны и что он знал выжловку, которая в одиночку гнала зайца, не сбиваясь на след другого.

У новейших авторов под названием бретонских гончих описываются грифоны. Например, у барона Лекутё, затем у графа Лекутё и Mégnin. Граф Лекутё, впрочем, замечает, что прежде были две разновидности бретонских гончих, подобно вандейским, — гладкошерстная и жесткошерстная. Ла Бланшер, не давая описания, говорит только, что для Бретани пригодны были только брудастые гончие и что остатки очень древней породы багряных бретонских собак сохранились до сих пор в Вандее и Бретани под общим названием вандейских грифонов.

Барон Лекутё (1858), у которого помещен рисунок бретонского грифона, говорит, что порода эта сделалась очень редкою, но еще встречается в Бретани, главным образом около Morlaix. Собаки эти очень энергичны, самостоятельны и чутьисты, хорошо держали след без подмена, паратее и горячее вандейских, но выносили жару хуже последних; они довольно большого роста, крепкого сложения, не боялись ни воды, ни холода, довольно упрямы и трудно приучались к послушанию; предпочитали оленя другим зверям, но по своей горячности и нетерпеливости были, однако, пригоднее для охоты на черного зверя (волка и кабана). Лучшими считались более ярко окрашенные, именно багряные (rouge brun), которые

* «Je fais grand compte des chiens rougeastres brulez, ce sont chiens qui se mettent á toute heurte; ils chassent en tout temps; ils ont ordinairement la queue grosse et le poil gros, ils sont courageux, c'est tout feu et semblent que ces chiens le vommissent, ils ont les yeux rouges avec cela, croyez qu'ils sont de leur nature promts, légers, ardents, qu'ils veulent tousiours estre en exercice, s'ennuyant au chenil, ne sont jamaîs las, ni morfondus, vrays chiens des gentilhommes qui les mettent á toute heurte, et qui chasse á toute heure...»

предпочитались серо-пегим или черно-пегим. Собаки, имевшие косматые хвосты (гоны), считались лучшими и более паратыми гонцами. Вследствие горячего темперамента бретонские грифоны довольно часто подвергались болезням.

По словам графа Лекутё (1890), эти гончие, еще встречающиеся в Бретани, имели средний рост, сильное сложение, были отважны, самостоятельны, отлично гнали в непроходимых чащах (полазисты), но отличались упрямством, непослушанием и часто меняли гонного зверя, так как хотя обладали довольно хорошим чутьем, но были вследствие горячности очень пронослиеы и не любили зверей, которые хитрили и делали сметки (лису, козу, зайца). Подобно вандейским они часто бросали преследование после двухчасовой гоньбы, т. е. не отличались вязкостью и неутомимостью.

Еще худшего мнения об этой породе грифонов, очевидно выродившейся и утратившей прежние достоинства, Mégnin. Он говорит, что это сумасшедшие собаки, часто гоняющие по овцам и другим домашним животным, но паратые, сильные, выносливые (?) и обладающие хорошим здоровьем. По его мнению, современные бретонские грифоны довольно близки к старинным, но вследствие скрещивания их с местными брикетами (мелкими выродками гончих, употребляемыми для ружейной охоты) порочность ладов их усилилась. Поэтому Mégnin советует подмешивать крови вандейских грифонов — более культурной и правильнее сложенной расы. В наибольшей чистоте тип бретонских сохранился у Генри де Ламанди (департ. Сарты), выставившего в 1889 г. 12 рыжих грифонов. Следует здесь заметить, что вандейские грифоны произошли от белых (гладкошерстных) гончих с подмесью бретонских рыжих грифонов (выжловки Анны де Божё *Baulde*, а позднее выжлеца *Miraud* адмирала д'Аннебо).

2. Брессанские грифоны (Chiens de Bresse). Об этой также древней породе упоминается Аррианом в его описании страны сегузиев (галльского племени), или Бресса. По его словам, порода гончих Segusii очень ценилась в его время галлами и римлянами. Это были собаки с длинною псовиною, не очень большого роста, довольно неуклюжего сложения, с угрюмой и дикой наружностью, серого или грязно-желтого окраса, не очень паратые (пешее критских щетинистых), но голосистые; они гнали по следу и навзрячь с подвывом такими жалобными голосами, что галлы сравнивали с голосами нищих, просящих милостыню. Назначение их было выгонять зайцев на охотников с борзыми, стоявших на опушке (борзые ловили и приносили зайца в поноске).

Эта порода галльских гончих позднее распространилась и между германскими племенами, пришедшими в столкновение с кельтийскими народностями. Это доказывается тем, что о сегузиях

упоминается в салических законах франков (V стол.), бургундских (конец V) и алеманнских (VII век) и за украденного сегузия назначен очень значительный денежный штраф (пеня), особенно за вожака стайки или за ищейку этой породы*. Но собственно в Германии брудастые гончие были, вероятно, еще в VIII столетии вытеснены гончими типа сан-губеров и помесями последних с мордашами и северными собаками.

Гончие сегузиев, распространенных по левому берегу Саоны, приняли впоследствии название этой местности — брессанских. О них довольно часто упоминают французские авторы 16-го, 17-го и 18-го столетий; современные же охотничьи писатели сообщают об этой породе довольно сбивчивые сведения. Очевидно, она смешалась с другими, небрудастыми гончими и в чистом виде более не существует, хотя кровь ее несомненно преобладает в так наз. нивернейских грифонах. Барон Лекутё говорит, что под названием брессанских грифонов в позднейшее время описывалась совсем другая порода, которая, по-видимому, образовалась от смешения с малорослыми гончими (брикетами), выведенными в начале XVIII века из Швейцарии. По его словам, брессаны были белой или сероватой масти с большими рыжими отметинами, имели средней величины заостренную голову с бодрым и энергичным выражением, правильно свернутые уши, правильный склад, обусловливающий нестомчивость, хорошие голоса, рост от 49 до 54 сантиметр., достаточную паратость и долговечность. Они превосходно гоняли по зайцам, но не отличались позывистостью и между ними часто встречались перечуны. По мнению барона, они изредка еще (в 60-х годах) встречаются. На рисунке изображена им (выжловка графа Б. в Алльe) не очень псовистая брудастая с низко поставленными длинными ушами, не свернутыми в трубку, с лучковатыми (задними) ногами и очень низко поставленным гоном. Надо полагать, что как описание, так и рисунок относятся к позднейшим вымескам.

Ла Бланшер говорит, что потомки брессанских гончих сохранились в небольшом количестве в стаях охотников Бургони, Франш-Конте и Ниверне. По графу Лекутё, эта порода была прежде весьма распространена в Брессе, Франш-Конте, Мерване, Бурбоне

---

* *Lex Salica,* VI, 1. Si quis *sigusium* canem magistram imbulaverit aut occiderit, hoc est 600 den. qui faciunt sol 15 culpabilis judicatur.

Lex Burgundionum. X, 1. Si quis canem, Vetraum (борзые), aut *Segutium*... и т. д. В аллеманских и баварских узаконениях Segusium исковеркано в seusiu и seucem.

Lex Allamanorum. LXXXIV, 1. Si quis cursale *Seusiu,* qui primus currit, inviolaverit 6 sol conponat, qui secundum — 6 sol.

Lex Bojuvariorum, XX, 1. Si quis canem *seucem,* quod leitihunt dicunt, furoverit, aut similem aut ipsum reddat et 6 sol conponat.

и других местностях, где ее еще легко (?) можно достать. О них помнят все старые охотники Мервана и Бурбоне, а охотничьи подвиги брессанов увековечены в рассказах маркиза де Фудра. По описанию графа, это были гончие среднего роста с длинною, часто даже очень длинною псовиною, довольно невзрачные, нескладные и приземистые, серого или грязно-желтого (т. е. волчьего) окраса, не очень паратые, но чутьистые и очень вязкие. Он говорит, что видел в Мерване стаю, гонявшую матерого волка целый день и с утра возобновившую преследование. О чутье брессанов можно заключить из того, что бывали случаи, когда они отыскивали кабана по следу, оставленному 36 часов назад. Несмотря на нескладность, они отличались выносливостью и долговечностью.

Mégnin считает брессанских грифонов почти совсем исчезнувшей расой и полагает, что если она и встречается, то лишь одиночными экземплярами. По его словам, она имела рыжевато-серую псовину, как у волка, более или менее темного оттенка с тусклыми черными отметинами. Еще Арриан указывал на то, что галлы часто скрещивали своих гончих с волками. Темно-серый окрас, вероятно, передан брессанам позднее грифонами Св. Людовика.

3. Серые грифоны Св. Людовика. (Chiens gris de St. Louis).Происхождение этих гончих относится к XIII веку. Известно исторически, что Людовик IX (Святой), возвращаясь из плена в святой земле, привез с собою целую стаю серых брудастых гончих из Татарии, подаренных ему внуком Чингисхана*. Эти татарские** гончие, надо полагать, были общего происхождения с современными афганистанскими брудастыми гончими, но не имеют ничего общего с татаро-костромскими.

Хотя в некоторых старинных охотничьих сочинениях, например у дю Фулью и в «Maison rustique», ничего не говорится о качестве псовины серых гончих Св. Людовика, но не подлежит никакому сомнению, что это были брудастые собаки. Мы уже знаем из описания бретонских, что дю Фулью не обращал никакого внимания на длину и качество псовины; рисунки же основных пород (черных, белых и серых гончих), помещенные в его сочинении, почти не

---

* «Le roy Saint Louis estant allé à la conqueste de la terre saincte, fut fait prisonnier; et comme entr'autres bonnes choses, il aymait le plaisir de la chasse, estant sur le point de la liberté, ayant sceu qu'il auoit une race de chiens en Tartarie qui estoit fort excellente pour la chasse du cerf, il feit tant qu'à son retour il en amena une meutte en France; ceste race de chiens sont ceux, que l'on appelle gris, la vieille et ancienne race de cette couronne» (Charles IX. Chasse royale).

** Название это ввело в заблуждение барона Розена, который в своей «Истории (!) гончих собак» пространно доказывает, что серые гончие Св. Людовика — русские гончие, даже были выведены из Европейской России! Татарией в XIII—XIV столетии называлась только Средняя Азия.

отличаются между собою и очень плохи, много уступая в верности более ранним изображениям, помещенным в рукописи Гастона Фебуса, между которыми встречаются несомненные брудастые. Первый действительно хороший рисунок гончей Св. Людовика встречается в книге барона Лекутё и снят с гобелена XVI столетия. Как видно, этот грифон имел сравнительно короткую псовину на туловище и совсем короткую на ногах, что доказывает сильную примесь небрудастой крови. Очень хорошее изображение серых грифонов Св. Людовика помещено в новейшем сочинении графа Лекутё (1890); здесь также представлены собаки с короткою и щетинистою шерстью.

Описание наружности и внутренних качеств серых грифонов довольно разноречиво, из чего можно заключить, что эта порода подвергалась большим изменениям вследствие скрещивания с другими гончими. Дю Фулью (1561) говорит, что лучшие были «gris sur l'eschine, estans quatrouillez de rouge et les jambes de mesme poil, comme de la couleur de la jambe d'vn lieure (liévre)»; встречались с черным оттенком и с ногами «canelees et ondees de rouge et de noil». В царствование Людовика XII (начало XVI века), в эпитафии к знаменитой гончей короля *Relais* говорится:

Mon poil, qui était gris, tirait fort le brum
Qui de la vieille race est le plus commun.

В «Maison rustique» (1578) повторяется то же, что у дю Фулью.

В «Chasse royale» Карла IX (1560—1574) серые гончие описываются так: большого роста, ухо высоко поставлено: колодка широкая и сильная; у чистопородных окрас псовины сходен с цветом шерсти русака.

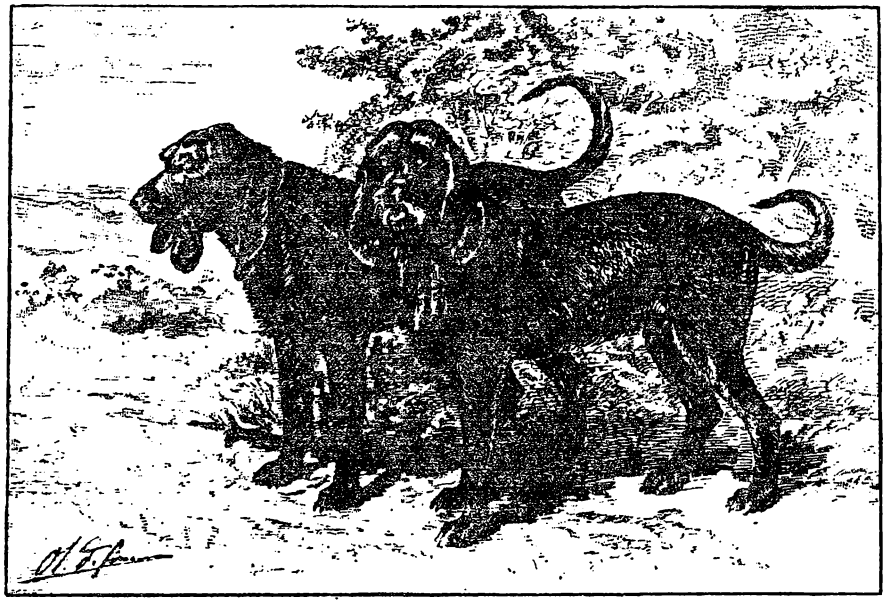
Позднейшее описание серых грифонов у барона Лекутё отличается только тем, что вместо «quatrouillez de rouge», что надо понимать, вслед за Ла Бланшером (quatroeillés), что собаки были четырехглазы, т. е. с красными бровями, говорится, что спина у них была серая, marbré de rouge, что весьма сомнительно. Далее барон Лекутё прибавляет, что серебристо-серые считались менее выносливыми и паратыми.

В самое новейшее время граф Лекутё (1890) писал, что считает эту породу утраченною, но лет 15 назад на выставках стали появляться из глухой провинции, главным образом из окрестностей г. Gers (департ. Морбиган в С.-В. Франции), крупные грифоны черновато-серого окраса, несомненно имевшие тип и лады этих серых грифонов, как они описывались у старинных авторов. Они большого роста, с сухою длинною головой, очень низко поставленными, очень тонкими и сильно свернутыми в трубку ушами, с креп-

кою, хорошо выгнутою спиною, правильными ногами, серо-волчьей масти, часто с черноватым или серебристым оттенком.

Как видно из сравнения этих описаний, порода серых грифонов значительно видоизменилась по внешности, и вернее принять вместе с Salnove, что чистокровные серые гончие исчезли еще в XVII столетии в помесях с нормандскими гончими. Последняя стая на оленя, по его словам, принадлежала графу Суассонскому в 1618 г.; при Людовике XIII в королевской охоте оставалась только стая серых грифонов на зайцев.

Рис. 18. Грифоны Святого Людовика («Охотничий календарь»)

Так же разноречивы описания охотничьих качеств серых гончих. Вначале они считались превосходными для охоты на оленя, и дю Фулью и другие говорят, что с ними в старину охотились исключительно французские короли и герцоги Алансонские. Знаменитый *Relais* Карла XII в день смерти, на 13-м году, пришел первым к загнанному оленю. Во времена дю Фулью серые гончие встречались уже только у дворян, так как были неприхотливы и гоняли всякого зверя; для принцев же считались мало пригодными, так как боялись многолюдства и шума, трудно выносили жару и уже плохо гнали по оленю. Он считает их очень паратыми, энергичными и выносливыми собаками, не боявшимися холода и воды, и необычайно вязкими, так что они заганивали зверя до смерти, но упря-

мыми и пронозливыми; вообще они не любили гнать по зверям, которые хитрили.

Карл IX в своей «Chasse royale» не особенно высокого мнения об этих гончих. Он говорит, что это бешеные собаки, с которыми рискуешь сломать шею, что чутье у них хуже чем у сан-губеров, и слабостью их чутья и азартностью объясняет то, что они гонят впяту, бросаются при напуске с голосом и не могут удержаться, чтобы на гоньбе не броситься за выскочившим перед ними зверем.

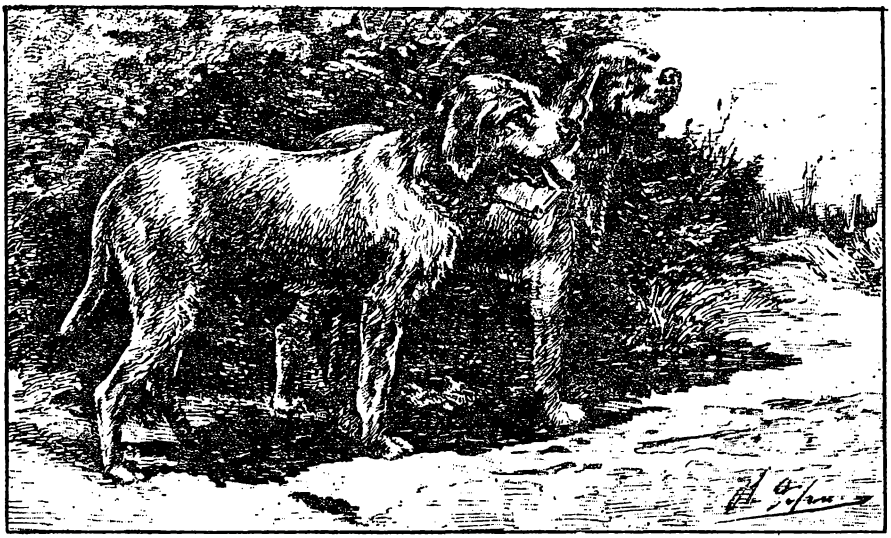
Барон Лекутё подтверждает их азартность, горячность, непозывистость, непослушание и слабость чутья. По его словам, они очень удобны тем, что гнали по всякому зверю, отлично разыскивали следы и были очень вязки, выносливы, не боялись ни жары, ни холода и имели хорошие голоса. Но серые грифоны чрезвычайно горячи, непослушны, очень далеко уходят от охотника и часто меняют гонный след на более свежий.

Из всего сказанного очевидно, что серые грифоны Св. Людовика очень скоро утратили прежние охотничьи достоинства. Это станет понятно, если сообразить, что они произошли от одной стаи и что скрещивание с другими породами вскоре стало необходимостью. Трудно поверить поэтому, чтобы они могли где-либо уцелеть во Франции, но кровь их сказывается в серой масти и серых отметинах некоторых гончих, хотя такой окрас мог быть передан и более древнею, притом, можно сказать, туземною породой — брессанскими брудастыми.

4. Вандейские грифоны. Вандейские пегие грифоны произошли от скрещивания коренных брудастых пород (которые были, собственно говоря, одноцветными, а не пегими) — бретонских, брессанских и серых Св. Людовика с вандейскими гладкошерстными или же, что вероятнее, от помеси старинных бретонских рыжих грифонов с белыми королевскими гончими. Известно достоверно, что в образовании вандейских гладкошерстных гончих дважды участвовали брудастые производители (*Baulde* и *Miraud*), так что действительно могли образоваться две параллельные ветви — брудастые и гладкошерстные. На этом основании французские авторы и считают вандейских грифонов лишь разновидностью вандейских гончих, с одинаковыми мастью, ростом, сложением, охотничьими качествами, и отличающеюся только жесткою и длинною псовиною. Может быть, эта тождественность ладов и характера действительно первое время замечалась у молодой расы, но так как впоследствии она неоднократно смешивалась с грифонами Св. Людовика и брессанскими, то сходство вандейских брудастых с вандейскими гладкошерстными должно было исчезнуть, что доказывается современными рисунками. Гр. Лекутё и Mégnin полагают, что примесь серых грифонов Св. Людовика прибавила силы и неутомимо-

сти, энергии и смелости, дала им более короткую и сильную колодку, а также серые отметины, которые во многих стаях вандейцев считаются признаком породистости. По мнению тех же лиц, брессаны также участвовали в образовании вандейцев и передали им свое тонкое чутье и отличные голоса, но вместе с тем и менее благородный вид и порочность ладов. От бретонских брудастых вандейские грифоны получили золотистый оттенок рыжих отметин. Все авторы согласны в том, что вандейские брудастые сложены крепче, что они горячее гладкошерстных и более склонны к подме-

Рис. 19. Вандейские грифоны («Охотничий календарь»)

ну, то есть к гоньбе свежего зверя; таким образом, о тождестве ладов и охотничьих качеств не может быть и речи.

Отсюда следует, что вандейских грифонов надо считать породой улучшенных грифонов, образовавшейся вследствие скрещивания различных брудастых гончих с гладкошерстными. Эта порода в настоящее время является преобладающею, и нахождение чистокровных представителей старинных пород грифонов более чем сомнительно. Вероятно, это те же вандейские брудастые, выдавшиеся мастью в одного из своих брудастых предков.

Вандейские грифоны — собаки большого, даже очень большого роста. По графу Лекутё, рост их от 62 до 70 с.; барон Лекутё говорит, что изредка в Вандее встречаются гигантские выродки и что эти гончие имеют более крепкое сложение, чем гладкошерстные вандейские, между тем как Ла Бланшер называет их гончими несколько тяжелого сложения с менее развитою мускулатурою,

чем у последних. Нельзя, однако, не заметить следующие противоречия. По Mégnin, это — красивые, крупные собаки правильного (?) и крепкого сложения, с сильною колодкою, развитыми ляжками и правильными ногами. Граф Лекутё говорит, что у них спина несколько вогнутая (hargé), то есть провислая, а на рисунке у Mégnin изображен вандейский грифон Бодри д'Ассона с совершенно порочными (коровьими) ногами.

В описаниях масти тоже встречаются некоторые противоречия. По графу Лекутё и Mégnin, она грязновато-белая с желтыми, рыжими и серо-голубыми (gris souris) отметинами. По Ла Бланшеру эти собаки серо-пепельные, темно-серые и красно-желтые; встречаются белые, но редко, и они не уважаются. Пегость вандейских грифонов, однако, не подлежит никакому сомнению и явилась неизбежным следствием сложных помесей одноцветных собак с белыми и пегими.

Что касается собственно ладов этой породы, то они ни у кого не описаны, и вообще признаки ее не установлены, хотя лады грифонов и гладкошерстных вандейских вовсе не тождественны. Эта небрежность служит косвенным доказательством пренебрежения, оказываемого ныне брудастым гончим, и их сравнительной малочисленности. Впрочем, еще 40 лет назад барон Лекутё говорил, что порода эта приходит в упадок и дискредитируется частыми скрещиваниями с гладкошерстными. «К сожалению, — говорит граф Лекутё, — часто встречаются вымески, о происхождении которых трудно догадаться». Ла Бланшер сознается, что на подбор вандейцев обращалось весьма мало внимания

Внутренними достоинствами и рабочими качествами вандейские грифоны действительно превосходят более старинные породы, но и здесь не обошлось без некоторых, впрочем несущественных, противоречий. Одни авторы считают вандейцев не особенно паратыми («Не надо только требовать от них большой паратости», — говорит Ла Бланшер); другие, как граф Лекутё, утверждают, что хороший вандейский грифон не уступит в паратости (?) какой бы то ни было английской собаке*, но он же говорит выше, что «подобно гладкошерстным вандейским, от которых (?) происходят, в. грифоны часто бывают чрезмерно горячи и параты на первых порах, так что после двухчасового быстрого (!) гона у многих бывает удалелый зверь; однако следа они не теряют, ибо обладают хорошим чутьем». Тонкое чутье, внимательность и большая понят-

* Совершенно непонятно, почему барон Розен в своей «Истории гончих» называет вандейских грифонов породой не вполне установившеюся и говорит, что они имеют мурудие отметины и что паратость их *много выше* (!) английских.

ливость, по его словам, позволяют им исправлять ошибки (когда стеряют след) скорее других собак. Граф Лекутё даже считает их самыми умными и понятливыми гончими. «К сожалению, — говорит он, — подобно гладкошерстным вандейцам, даже в большей степени, вследствие своей страстности грифоны плохо держат гонный след и имеют наклонность гнать по свежему зверю, пробежавшему на виду у них. Это большой недостаток, особенно в лесах, изобилующих зверем. Поэтому надо выбирать для завода наименее горячих и наиболее крепких и вязких. Кроме того, так как они имеют наклонность мельчать и возвращаться к грубым формам своих предков — брессанских и бретонских грифонов, то следует выбирать наиболее ладных».

Вандейские грифоны считаются до сих пор превосходными для охоты на волков и кабанов, но мнения об этом несколько различны. По уверению Ла Бланшера, это настоящие волкогоны, питающие врожденную ненависть к волкам; он встречал молодых собак, почти щенков, которые убегали в лес и гоняли по волчьему следу до изнеможения. «Это настоящие потомки собак наших предков, — продолжает он, — удостаивающие внимания только достойных соперников — волка и кабана». Если когда стая и помкнет по козе или зайцу, то некоторые старики не принимают участия в гоньбе. Граф Лекутё, со своей стороны, утверждает, что вандейские грифоны гонят по волку вовсе не так охотно, как гасконские и нормандские гончие, и что они всего пригоднее для охоты на кабана, так как идут в самые непролазные чащи даже в одиночку. Само собою разумеется, что брудастые гончие по самому качеству псовины должны быть полазистее и пригоднее для охоты в чащах, следовательно на кабанов, чем гончие с короткою шерстью, более чувствительные к уколам.

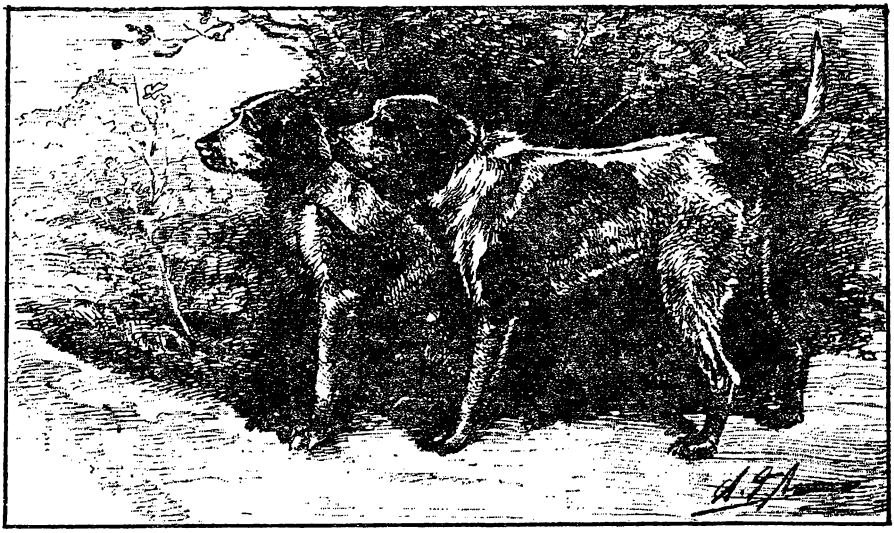
Вандейские грифоны всего более распространены на западе Франции — в Вандее и Бретани до Пуату (Ла Бланшер). По графу Лекутё, это одна из наиболее распространенных и любимых пород, особенно в больших лесах Западной и Центральной Франции, между охотниками на волков и кабанов*. Надо полагать, однако, что он имел в виду и помеси этих гончих.

5. Нивернейские грифоны. Эта, во всяком случае, новейшая порода брудастых довольно темного и очень сложного происхождения. Граф Лекутё полагает, что она была выведена скрещиванием вандейских грифонов со старинными овернскими гончими, давшими им черные отметины и подпалины, более легкую, менее мускулистую колодку, меньший рост и вообще более стройное сло-

* Очень странно, что, несмотря на распространенность этой породы, граф Шабо вовсе не упоминает о ней, равно как о нивернейских грифонах.

жение. По мнению Mégnin, которое ближе к истине, нивернейские грифоны произошли от брессанских; они встречались еще в 60-х годах у охотников Шароле, Ниверне и Бурбоне, но теперь чистопородных нет, а встречаются лишь помеси их с вандейскими грифонами и другими гончими. Это, вероятно, справедливо, так как 25 лет назад Ла Бланшер упоминает только о вандейско-нивернейских гончих, притом как о помеси вандейских с брессанскими, т. е. считает нивернейских прямыми потомками древних брессанских. Далее он говорит, что лучшие стаи вандейско-нивернейских принадлежат де Шампаньи и графу Лекутё, которые вывели очень

Рис. 20. Нивернейские грифоны («Охотничий календарь»)

рослых (60—70 с.) собак черно-пегих и желто-пегих и серо-желтых с крепкою колодкою, очень чутьистых, сильных, энергичных, смелых и злобных к волку, вообще улучшили породу, сделали собак более паратыми и нестомчивыми.

Очевидно, граф Лекутё в своем описании имел в виду эту последнюю разновидность, или породу, к которой, может быть, действительно подмешана кровь овернских гончих, давших им черные отметины и подпалины. По объяснению Mégnin, чтобы уничтожить недостатки, свойственные нивернейским гончим, подобно их родоначальникам — брессанским, нивернейских грифонов скрещивали с вандейскими, а затем улучшали (!) эту *помесь* английскими *вымесками* (Фруассар) и черными красно-подпалыми швейцарскими гончими (близкими к овернским?). Фруассар скрещиванием с полукровными английскими вывел стаю черно-пегих грифо-

нов, несколько растянутых и бедных задом, но очень хороших и паратых гонцов. От потомков этих черно-пегих и белой брудастой вандейской выжловки с прибавлением крови английских фоксхоундов Этьен Коста вывел породу трехцветных грифонов*, которые теперь и носят название вандейско-нивернейских. Коста пустил в породу не кровного английского выжлеца, а полукровных английских выжловок, которых вязал с чистокровными (!) грифонами*. Остается только решить довольно трудную и сложную задачу: определить, сколько различных кровей заключает в себе эта самая винегретная порода, новейший продукт творческой фантазии легкомысленных французов!

Таким сложным путем произошли современные, самые усовершенствованные французские грифоны, которые, по-видимому, преобладают над вандейскими. Действительно, эти собаки весьма пригодны для современной охоты, так как гонят всякого зверя, неприхотливы, неутомимы, легки, сильны, параты и голосисты. Э. Коста нередко брал стаей подряд 4—5 коз, затем гонял еще волка, кабана или зайца. Его грифоны имеют хорошие, отчетливые (clair) и звучные голоса, так как он браковал (?) собак с продолжительными голосами (gorge trainarde) и чрезмерно воющих (hurlant outre mesure). Сент-Этьеннский журнал «Chasseur français», описывая вандейско-нивернейских грифонов в тех же выражениях, как и Mégnin, добавляет, что они считаются самою лучшею породою грифонов, имеют очень тонкое чутье, хорошо разбирают следы и, сколовшись, скоро справляются, притом очень смелые и атакуют (кабана) в самых густых зарослях.

Тем не менее настоящего подробного описания этой новой породы грифонов до сих пор не имеется; надо полагать, потому, что признаки ее непостоянны и неуловимы, кроме трехцветности. Приходится ограничиться приведением размеров выжлеца *Флажоле* Э. Коста, получившего в 1888 году почетный отзыв. Эти размеры могут дать некоторое понятие о ладах породы.

Высота	$71^1/_2$	сант.
От носа до основания хвоста	104	»
Длина хвоста	45	»
Окружность груди	77	»
Окружность живота	64	»
Окружность морды	28	»
Окружность головы позади глаз	42	»
Расстояние от затылка до конца носа	27	»
Расстояние между концами вытянут. ушей	60	»
Окружность ноги у локтя	22	»

* Достойно замечания, что гончие Коста воспитывались небольшими стайками на соседних фермах на полной свободе. Такой режим, конечно, много содействовал улучшению породы самой в себе как в наружном виде, так и во внутренних качествах.

Английские брудастые гончие (оттерхоунды)

В Великобритании имеется только одна порода брудастых гончих, т. н. оттерхоунд, или шотландская выдровая собака, называемая так потому, что употребляется исключительно для охоты на выдр. Кроме того, в Уэльсе и Шотландии кое-где изредка встречаются какие-то брудастые гончие с сильною примесью гладкошерстных, вероятно, остатки старинной породы брудастых.

Главная арена деятельности выдровых гончих — вода и норы, а потому они несколько уклоняются от гончего типа и по своему строению и наклонностям к подземной охоте приближаются к брудастым терьерам, которые несомненно принимали участие в образовании этой своеобразной породы. Вообще подобно большинству английских собак последняя имеет довольно сложное происхождение. Мнения английских авторов в отношении ее генеалогии весьма разноречивы. Многие считают оттерхоундов очень старинною расою на том основании, что охота с собаками на выдр и бобров была известна в древности; другие указывают на то, что во времена Turbervill'я («Arte de Venerie», 1575), в конце XVI столетия, для этой охоты употреблялись всякие гончие — блоудхоунды и другие. По Блэну (конец XVIII ст.), оттерхоунды составляют продукт скрещивания старинной (южной) гончей с водяным спаниелем (ирландским?), который передал им плотную псовину и наклонность к плаванию; «лучшие собаки, — говорит он, — имеют кровь бульдога, который дал им смелость, храбрость и настойчивость». Блэн, однако, не объясняет, откуда же взялись у оттерхоунда усы и борода.

Юатт и Ричардсон считали выдровых собак за помесь южной гончей с брудастым терьером, что гораздо ближе к истине. Веро Шо, тем не менее, наивно уверяет, что все будто согласны в том, что оттерхоунды произошли «непосредственно» от южной гончей; однако, глубокомысленно замечает он, обе породы значительно отличаются псовиной и окрасом, и на старинных гравюрах южная гончая изображается сходною с грубыми (!) стэгхоундами и фокс-хоундами. Дальзиель высказывает весьма основательное мнение, что оттерхоунды происходят по прямой линии от брудастых гончих, когда-то существовавших в Англии, ибо, говорит он, это настоящие гончие собаки, в которых невероятно, чтобы имелась кровь водяного спаниеля, терьера или дирхоунда. В самых новейших английских сочинениях, именно у Ли (Rawdon Lee), говорится, что хотя и предполагается, что оттерхоунд — помесь уэльского харьера, южной гончей и терьера, но так как выдровая собака гораздо псовистее и рослее этих пород, то он полагает. что они

произошли от не очень давней помеси (с кем?) блоудхоунда (!). Ибо довольно часто встречаются оттерхоунды черно-подпалой масти, и голос у них более напоминает густой, низкий лай блоудхоунда, чем звонкий и громкий лай фоксхоунда*.

Французские авторы граф Лекутё, Mégnin и другие полагают, как и следует ожидать от французов, что в образовании этой породы принимали участие и французские грифоны. Mégnin говорит, что по наружному виду оттерхоунд — продукт скрещивания харьера с брудастым терьером или грифоном. Граф Лекутё очень невысокого мнения о выдровых собаках и утверждает, что это не порода, даже не подпорода (!) и что они произошли от смешения харьеров с грифонами, шотландскими терьерами, бульдогами, даже блоудхоундами, почему они очень разнотипны и у собак одной стаи замечаются резкие отличия в росте и наружности. «Лучшие современные оттерхоунды Англии, — говорит он, — почти все имеют большую или меньшую примесь крови моих старинных нивернейских грифонов, которых в продолжение долгого времени я посылал туда щенками; после же войны 1870 года была продана в Англию вся моя стая».

Весьма возможно, что в последние тридцать лет англичане подмешивали к оттерхоундам французских грифонов, но вряд ли в прежние времена последние принимали какое-либо участие в образовании этой породы по той простой причине, что в Англии должны были быть свои собственные брудастые гончие. Эти английские грифоны в скрещивании с борзыми кельтов дали дирхоундов, а в смешении с терьерами — тех полугончих-полутерьеров, о которых под именем agasseus** говорит Оппиан в своей «Cynegetica». Английские авторы, писавшие об оттерхоундах, совершенно упустили из виду очень важное указание Жервеза Маркама, о котором сами же упоминают, говоря об южных гончих. Именно Маркам прямо называет серых жесткошерстных гончих севера grif-feld'ами и указывает на то, что они были особенно хороши на лисиц и барсуков (следовательно, и для подземной охоты) и вообще отлично их выслеживали, почему в каждой охоте держали

---

* Далее Ли сообщает, что г. Каррик, директор (ловчий) знаменитой карлейльской стаи оттерхоундов с целью обновления крови последних нарочно выписал из западных (?) штатов Сев. Америки южных гончих (там уцелевших); однако, хотя эти собаки оказались замечательно сходными с рисунком южной гончей у Юатта (1840), Каррик на скрещивание не решился.

** По Оппиану, эти собаки были весьма невзрачного и взъерошенного вида, имели очень хорошее чутье, отлично разыскивали следы, но не гнали голосом, а подкрадывались к зайцу и ловили его на логове. Так и посейчас поступают, наприм., ирландские терьеры.

по одной или по две таких собаки. До сих пор в Уэльсе встречается брудастая разновидность (!) харьеров, которая, вероятно, произошла от этих английских грифонов. Такая порода, очевидно, была вполне пригодна и для охоты на выдру, и поэтому совершенно излишне было прибегать к сложным скрещиваниям нескольких пород, имевших между собою мало общего. Вряд ли оттерхоунды заключают в себе и небольшую дозу крови, наприм., южной пешей, блоудхоунда, дирхоунда и брудастого терьера, но можно поручиться, что англичане не раз подмешивали к выдровым собакам ради необходимой силы челюстей бульдога и для улучшения ладов и быстроты — фоксхоунда. Современные охотники, как видно из описания Ли, требуют от выдровых собак ладов лисогона.

Хотя современные оттерхоунды не могут быть названы породою с вполне установившимся типом, подобной фоксхоундам, и в одной стае, даже в помете встречаются собаки разной величины, разной шерсти и различных относительных размеров, — тем не менее они имеют не меньшее право на название породы, чем французские грифоны последней формации. Выдровые собаки, повидимому, делятся на несколько разновидностей или, вернее, зачаточных пород; к таковым следует отнести тех уэльских брудастых харьеров, о которых было сказано выше. Дальзиель говорит, что они похожи на оттерхоундов ладами и окрасом и хотя малы ростом, но тоже могут употребляться для охоты на выдр. По свидетельству Mégnin, в Англии, главным образом на Гебридских островах, встречается малорослая порода оттерхоундов-бассетов, о которых, однако, я не нашел никаких указаний в английских источниках. Mégnin говорит, неизвестно с чьих слов, что эти бассеты имеют очень густую и плотную, наподобие войлока, псовину и отлично выносят холод, так что даже ныряют под лед.

Охота на выдру принадлежит к числу очень старинных английских спортов, так как о ней упоминается еще в 1212 г. Именно говорится, что Эдуард I имел стаю в 12 выдровых собак; но и ранее было известно, что англичане охотились с собаками на бобров. Никакого указания на внешность и псовину этих бобровых и выдровых собак не имеется; хотя Каюс и Турбервиль свидетельствуют, что в их время употреблялись для охоты на выдру блоудхоунды (вероятно южные гончие) и другие гончие, но мы соглашаемся с мнением Ли, который говорит, что средневековые оттерхоунды были такими же брудастыми гончими, как и современные. Известно, что охота на выдру в XIII и XIV столетиях считалась третьестепенной и стояла ниже охоты на зайца и куницу — наравне с охотой на барсука и дикую кошку. У Эдуарда II (1307) был осо-

бый ловчий с 2 псарями, заведовавший выдровой охотой — 12 выдровыми гончими и 2 борзыми. Позднее (в XVII стол.?) этот спорт вышел из моды и выдровых собак держали обыкновенно бродяги на северных границах Англии, также в Уэльсе. Только в начале XIX века оттерхоунды стали довольно обыкновенны в Южной Шотландии, Девоншире и на западе и севере Англии. С тех пор охота на выдр все более и более распространялась, хотя численность собак была не особенно значительна. В 1878 году, по Стонехенджу, было 9 стай; в 1886 Дальзиель насчитывал 12, а в 1892 году было уже 20, главным образом в Шотландии. В небольшом количестве оттерхоунды встречаются во Франции, Бельгии и Германии с целью истребления выдр, очень вредных для рыбного хозяйства. По-видимому, на материке всего обыкновеннее оттерхоунды в Бельгии, где лет 6—7 назад назначена за выдру довольно большая денежная премия.

Охота с оттерхоундами считается сравнительно доступною, так как производится пешком и собаки не отличаются особенною паратостью. Ли говорит, что лет 40—50 назад (т. е. в середине этого столетия) охота на выдру была почти заброшена, вероятно потому, что новому поколению спортсменов не нравилось употребление копий, тенет и других снарядов, при ней употреблявшихся. Все это сделалось теперь достоянием музеев, и собак наганивают так, чтобы они могли справиться с выдрой без посторонней помощи, особенно в начале охоты. Гончих набрасывают к реке; они скоро находят следы, хотя бы выдра прошла 3—4 часа назад, даже более, если верить показаниям старых охотников, так как они имеют замечательно тонкое чутье. Оттерхоунды имеют врожденную страсть к охоте на выдру, даже совсем молодые. Выследив зверя, собаки выживают его из норы, затем гонят его берегом, пока не поймают. Теперь уже вышел из употребления обычай поднимать выдру на копье, а в некоторых охотах даже воспрещается бросаться на нее, когда она взята собаками, хватать ее за хвост, размахивать перед собаками для их возбуждения и затем бросать в середину стаи. Сезон охоты продолжается с середины апреля до конца сентября. Иногда, например в Девоншире, на выдру охотятся и с фоксхоундами или же прибавляют к стае выдровых один или два смычка лисогонов.

Но последние чрезмерно горячи и параты для этой пешей охоты и, кроме того, имеют сравнительно очень слабое чутье. Ли рассказывает, что Джон Россель 2 сезона натаскивал своих фоксхоундов, сделал с ними по берегам рек около 3000(!) миль, но не нашел ни одного следа выдр, хотя тут их был не один десяток! Mégnin говорит об оттерхоундах-бассетах, что на Гебридских островах, где выдры весьма многочислены, охотники с стаей пристают к какому-

либо острову, спускают собак, которые начинают разыскивать; как только одна найдет выдру, то выгоняет ее из убежища (в скалах), прочие подваливают, и начинается гон; охотники же остаются в лодках, чтобы пересечь дорогу зверю, когда он вздумает плыть в открытое море.

По описаниям Веро Шо, Дальзиеля и Ли, довольно, впрочем, разноречивым, признаки оттерхоунда следующие.

Общий вид. По Дальзиелю, оттерхоунд имеет много общего с блоудхоундом (?): должен быть очень правильно и крепко сложен, выносли в, нестомчив, иметь замечательное чутье и врожденную

Рис. 21. Выдровая собака («Охотничий календарь»)

ненависть к выдре. Ли говорит, что по строению он должен походить на фоксхоунда, именно быть высоким на ногах, подбористым и хорошо сложенным. Рост около 24 дюймов; приблизительный вес выжлеца 65 фунтов (англ.), выжловки 55 ф.

Голова, по Веро Шо, большая, выпуклая и довольно широкая; по Дальзиелю, сравнительно шире, чем у блоудхоунда; лоб выпуклый, морда довольно длинная с широкими ноздрями. У Ли говорится только, что голова должна быть длинная, с крепкими и сильными челюстями.

Глаза темные, с умным выражением (Веро Шо), серьезные и умные (Ли); над глазами могут быть т. наз. очки (желтые брови), которые не считаются недостатком.

Уши тонкие и плоские, плотно прилегающие к голове (В. Шо); длинные, тонкие, висячие и обрамленные уборною псовиною (Дальзиель); длинные, висячие, плотно прижатые, чтобы вода не могла проникать в ушное отверстие (Ли).

Шея не должна быть длинна и от длинной шерсти кажется еще короче, чем на самом деле (Дальзиель).

Плечи косые и мускулистые (В. Шо); довольно косые (Дальзиель).

Колодка мощная, крепкая, с хорошими ребрами (В. Шо). Спина сильная и широкая; ребра хорошо спущены, особенно задние (Дальзиель).

Лапы большие, приспособленные к плаванию (В. Шо); большие, но в комке (Дальзиель). Лапы широкие, подошвы очень жесткие и крепкие, ширина лапы увеличивает скорость плавания, а жесткость подошвы имеет большое значение при гоньбе на каменистом берегу.

Ноги прямые, правильно поставленные, с крепкими костями (В. Шо). Ноги прямые, ляжки большие и крепкие, пазанки правильные (Д.).

Гон довольно длинный, держится высоко (В. Шо); хорошо одет густою шерстью, высоко поднят кверху, но не согнут (Д.); хвост загнутый (Ли).

Псовина очень жесткая и непроницаемая для воды (В. Шо). Жесткая, курчавая и плотная; вообще длинная псовина имеет расположение к шелковистости, что лучше мягкой шерсти, подобной овечьему руну (Ли).

Окрас обыкновенно сероватый или красновато-серый, как у дикой козы (В. Шо). Обыкновенно серый или пепельный с черными и рыжими отметинами, более или менее яркими (Д.). Наилучшим окрасом считается серо-пегий, хотя и не такой пестрый, как у биглей, притом цвета «перца, смешанного с солью». Желто-серые, желтые или желто-бурые тоже хороши; попадаются и черно-пегие, часто с белою грудью и белыми лапами, но не считаются особенно красивыми; видел и совсем белых, но шерсть у них была уже совсем мягкая, подобно овечьему руну (Ли).

Из описания видно, что англичане еще не вполне сговорились относительно признаков выдровых гончих и что они еще довольно разнотипны. Это подтверждается и размерами лучших собак одной стаи (Каррика):

	Возраст.	Вѣсъ.	Ростъ.	Длин. отъ носа до основан. хвоста.	Длина хвоста.	Окружн. груди.	Окружн. живота.	Окружн. головы.	Окружн. передн. ноги.	Длина головы.	Окружн. морды.	Длина уха.
Lottery.	3	34,5	61	99	43	76	61	43	18	26	28	21
Danger.	1½	33	34(?)	103	46	79	58	46	17	28	29	23

Вероятно, в росте *Danger'a* вкралась опечатка, и следует читать не 34, а 54; но и тогда очевидно, что приземистый и растянутый *Danger* очень мало походит на *Lottery*. Он длиннее последней, имеет более длинный хвост, более толстую голову, более длинные уши, но вместе с тем подбористее выжловки.

По словам Ли, очень трудно составить хорошую стаю, так как собаки эти часто подвергаются чуме и тихой стечке. Лучшие собаки принадлежали Jeoffrey Hill'ю, получившему их в 1869 г. от своего брата лорда Hill'я и умершему в 1891 г. За 20 л. (1870—1890) стаей в 25 смычков взято было 704 выдры, причем на один 1881 год пришлось 62 штуки. Стая его (гаукстоновская) перешла к Carnaby Forster'y. Собака карлейльской стаи под управлением Каррика некоторое время считалась непобедимой как на воде, так и на выставочных скамьях, но кендальские оттерхоунды все-таки затмили карлейльских. Происхождение их одинаковое с гаукстоновскими. *Ragman* был замечательно ладен и хорош на охоте и работал 8 лет. Это был черно-пегий выжлец с короткой, почти торчащей псовиной, настолько плотной, что она была совершенно непроницаема для воды; славился он тем, что хватал выдру прямо за голову, целиком в пасть. Кендальские собаки были проданы в 1891 году Carnaby Forster'y, уже приобревшему гаукстоновскую стаю. Это, по заключению Ли, была, вероятно, самая дешевая стая изо всех когда-либо продававшихся, так как была куплена (около 12 смычков, не считая нескольких терьеров) за 200 фунтов, тогда как на аукционе за нее бы наверное дали 1000 ф.

50-балльная оценка
(по Веро Шо)

Голова и глаза	10
Уши	5
Спина и плечи	10
Ноги	5
Пальцы (лапы)	5
Псовина	10
Общий вид и окрас	5
	50

100-балльная оценка
(по Ли)

Голова и уши	20
Шея и грудь	10
Плечи	5
Спина и зад	10
Ноги и лапы	20
Задняя часть и хвост	10
Псовина	20
Общий вид и окрас	5
	100

Из этих расценок отдельных частей видно, что на общий вид и голову, при стобалльной табличке обращается менее внимания, чем на рабочие части.

Южноевропейские брудастые гончие

О них до сих пор имеются весьма скудные и отрывочные сведения. Неизвестно, существуют ли брудастые гончие в Испании, но вероятнее предположить, что они там встречаются, по крайней мере в Пиренеях. Об итальянских брудастых гончих упоминается Бекманом, но итальянские охотники считают жесткошерстных разновидностью гладкошерстных, которых насчитывают четыре породы: Segugio di Lomellina, Segugio dell'Appenino, Segugio dell'Alpi и Bracca calabrese. В каталогах итальянских выставок значатся под этими названиями — Segugio a pelo caprina (козлиная), pelo rasato, spinoso (щетинистая). Судя по названию Segugio, надо полагать, что коренная раса гончих была брудастая, что, впрочем, и доказывается указаниями римских писателей на этрурских и умбрийских щетинистошерстных. Следует заметить, однако, что, по объяснению Бекмана, итальянское название гончих — cani di seguito или segugio происходит не от галльских сегузиев (брудастых гончих брессанских), а от слова seguire — следовать. Краткое описание итальянских гончих будет дано в своем месте. От итальянских гончих грифонов, вероятно, произошли и местные брудастые легавые.

В Южной Австрии, именно в Штирии, встречается порода брудастых гончих, так наз. пейнтингеровская, выведенная очень недавно (в 1870 году) скрещиванием ганноверских ищеек с каринтийскими брудастыми гончими. Порода эта пользуется здесь большею известностью и признаки ее были выработаны в 1886 г. *Общий вид:* собака среднего роста (45—50 с.), сильного сложения, хвост держит прямо, не согнутым; выражение морды умное и серьезное, но не злобное. *Голова* средней величины с слегка выпуклым лбом, небольшим переломом и хорошо развитым затылочным гребнем; нос черный, морда спереди притупленная; брылей нет. Шерсть на голове короче, чем на туловище, и настоящей бороды не бывает (длина головы от носа до затылка 22—24 с.). *Уши* средней величины, плотно прилегающие к щекам, покрытые мягкою и гладкою шерстью. Глаза ясные; б. ч. карие, с умным выражением. *Шея* сильная, недлинная, сверху несколько выгнутая. *Спина* широкая; длина туловища от 65 до 70 см., но не менее 65 см. *Грудь* глубокая; объем ее от 66 до 79 см. *Живот* слегка подтянут. *Гон* прямой, средней длины, не загнутый на спину, хорошо одетый; снизу волос длиннее, но настоящего подвеса нет. *Ноги* прямые, сильные и мус-

кулистые, с не особенно большими подошвами и пальцами в комке. *Псовина.* Волос лишь слегка загнутый на конце, почему псовина не особенно косматая; шерсть без блеску, на ощупь жесткая и грубая; на груди и на задней стороне передних ног слегка удлиненная (уборная) псовина. *Окрас* красный или половый; бывают белые пятна на груди и лапах, но они нежелательны. Недостатками считаются: очень узкая голова, ухо в складках или внизу заостренное, слабые ноги, короткий, тонкий или сильно загнутый кверху хвост; очень длинная, завитая и мягкая псовина, другой окрас, кроме указанных, неплотно примыкающие зубы (т. е. собственно подуздость) и плохо развитые клыки.

Пейнтингеровские брудастые гончие, выведенные Пейнтингером, употребляются в Гохгебирге в качестве гончих и в качестве ищеек и в последнее время начали довольно сильно распространяться. В Южном Тироле встречается еще другая малоизвестная порода желто-пегих брудастых, известная под названием Welsche Bracken, но права гражданства на выставках она еще не получила. В Боснии и Герцеговине брудастые гончие, по-видимому, весьма обыкновенны и составляют единственную туземную расу гончих очень древнего происхождения; вероятно, это самая чистокровная порода изо всех европейских, а потому было бы интересно найти о них какие-либо подробности в австрийских охотничьих журналах. О них только вскользь упоминает Чайковский в своей статье «Породы борзых и псовая охота на востоке». По окончании последней турецкой кампании[29] многими офицерами были вывезены из Болгарии брудастые гончие, но собаки эти не представляли ничего особенного ни по ладам, ни по типу. Встречаются ли подобные гончие за Балканами и в Греции — неизвестно; также мы не знаем, существуют ли подобные охотничьи собаки в Малой Азии и Персии, что более нежели вероятно, так как в последнее время в Англию привозились на выставку брудастые гончие из Афганистана под названием baruszi (?).

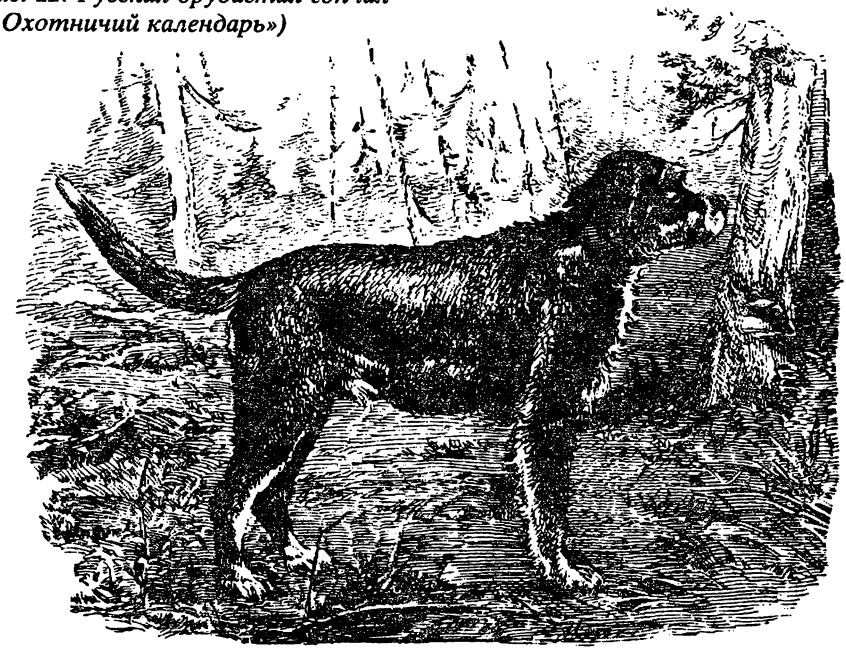
Русские брудастые

Хотя весьма вероятно, что обыкновенная южнорусская овчарка, отличавшаяся злобностью, употреблялась в Древней Руси для травли волков, кабанов, туров и зубров, но настоящие брудастые гончие появились в России едва ли не позднее других русских пород (старинной русской прямогонной, русской пешей, татарско-костромской с их разновидностями), не ранее начала прошлого столетия, именно из Курляндии и Литвы.

В первый раз упоминается о них у Левшина в начале текущего века. В своей «Книге для охотников» (1813) он говорит: «Герман-

ские гончие собаки гонят по всем зверям, а поелику сходны к ним русские, каковы костромские и ярославские, также курляндские бородастые (имеющие густую жесткую шерсть и густые усы)». В своем «Всеобщем и полном домоводстве», написанном немного ранее (1800), Левшин говорил о них подробнее: «...бородастые гончие, инако курляндскими называемые. Имеют на себе шерсть густую, клокастую, на морде или, по-охотничьи на чутье усы; на ногах они пониже, но ноги имеют толще, большею частью шестипалые и хвосты негустые; считаются нестомчивыми».

Рис. 22. Русская брудастая гончая («Охотничий календарь»)

У Мачеварианова описание брудастых гончих, как и всех пород, крайне поверхностно. «Курляндская брудастая с клокастою псовиной. Все с яркими, тонкими голосами, очень параты, но пронозливы и недобывчивы». Н. П. Кишенский (в «Опыте генеалогии собак») говорит о русских бурдастых только вскользь, не давая их примет. Он замечает только, что они всегда были редки и все были иноземного происхождения, причем появились у нас с северо-запада — Литвы и Курляндии, почему и назывались часто курляндскими и литовскими; почему же они были известны многим под названием тумана, решить невозможно. Ранее в своих «Записках ружейного охотника» (1879) Кишенский писал, что «знал только четырех бурдастых гончих, с которыми много охотился; это были рослые гончие серо-пегой масти без подпалин, крутоголовые, бор-

зоватого склада, очень выносливые, с тонкими и звонкими голосами; гоняли они отлично по зайцам, но были невязки по лисице». Неизвестно, каких гончих он имел при этом в виду — курляндских или русских, так как борзоватостью они подходили к последним, а голосом к первым. У остзейских немцев и у поляков нет описания курляндско-литовских брудастых, но, вероятно, П. М. Губин прав, говоря, что эти последние составляют совершенно особую породу от русской, так как много мельче ее, головастее, прибрюшистее, тонкоголосее и пешее.

По мнению П. М. Губина, с которым нельзя не согласиться, порода русских брудастых гончих не имеет ничего общего с курляндскими, французскими и английскими брудастыми. Необыкновенное сходство по наружному виду (за исключением шерсти) ладов брудастой гончей с русской прямогонной, затем сходство голосов, характера, гоньбы и полаза, несомненно, доказывает, что в породе брудастых гончих преобладает кровь русских прямогонных гончих собак; исключительный же постанов задних ног (лучковатость), затем продолговатая, а не круглая лапа и, наконец, узкость черепа с прилобью, а также способность нести гон во время гоньбы, как борзая во время скачки, наводят меня, говорит П. М. Губин, на предположение, что нет ли в породе русской брудастой гончей частички крови и брудастой борзой, смешанной с курляндскою брудастою гончею. Действительно, всего вернее предположить, что эта порода образовалась скрещиванием старинных русских прямогонных гончих с курляндскими брудастыми борзыми, что доказывается описанием Губина, видевшего и имевшего много собак этой породы.

«По *виду* русские брудастые гончие с клокастою, жесткою, как у тюленя, шерстью, с густыми бровями, нависшими над глазами, и с такими же щетинистыми усами; при этом очень крупного роста; ребристы, широки и очень мощны. Вообще русские брудастые гончие страшны на вид; но при этом необыкновенно правильны, сухи, крепкокостисты и положительно в борзых ладах.

Голова большая, длинночутоватая, сухая и *с прилобью;* лоб узкий с заметно выдающимся остряком; подгрудка не бывает даже у осенистых собак. Основание чутья длинное, толстое и непременно ровное, не утончающееся к концу, так же как и у прямогонных гончих, и при этом развитое (подвижное).

Глаза большие, чёрного или очень темного цвета и всегда на слезе*.

* По П. М. Губину, глазами на слезе называются глаза «как бы подернутые слезою, из-за которой виднеется кровяной белок свирепого на вид глаза», т. е., очевидно, с несколько отвислою нижнею векой.

Уши тонкие, правильные, плотно прилегающие к щекам собаки. При возбужденном состоянии она их никуда не запрокидывает, а только вздергивает кверху, как прямогонная гончая. Уши поставлены скорее высоко, чем низко.

Ребра низкие, ниже локотков и бочковатые.

Спина прямая, с легкой напружиной; мочи широкие, тело мускулистое, твердое; портки (черные мяса) очень развитые.

Ноги прочные, сухие и крепкокостистые, лапа более продолговатая, чем у гончих всех других пород; при этом также в комке, т. е. с плотно сжатыми костистыми пальцами. Постанов ног правильный, задние ноги всегда лучковаты. Задних прибылых пальцев никогда не бывает. Вообще брудастая гончая должна быть скорее высока на ногах, чем низка, но не сохастовата и не высокопереда. Стоять должна на коготках.

Гон прямой, круто серповидный; во время гоньбы брудастые несут гон, как борзые во время скачки; во всяком же другом положении собаки гон держится так же, как у прямогонных гончих, только в более крутой форме серпа.

Шерсть длинная, клокастая, грубая и жесткая, как у тюленя, в особенности на бровях и в усах, достигает нередко полуторавершковой длины и при этом как бы запрокинутая наперед, почти равномерно покрывает весь корпус собаки с едва заметными изменениями длины шерсти на тех же частях тела, как у прямогонных и костромских гончих; под глазами (между усами и глазом), на ушах и на ногах шерсть очень короткая и грубая; на гачах же и на нижней стороне гона пушистая, равной длины с обыкновенной шерстью собаки и также не должна представлять ни привеси, ни уборной псовины. В возбужденном состоянии у брудастых гончих на загривке только подымается шерсть, как щетина, а на шее и спине это почти незаметно для глаз.

Цвет шерсти у брудастых гончих серый и преимущественно в черенках, багряно-серый, кофейно-серый, черно-серый и черный, но непременно с серым подшерстком; также бывают брудастые гончие в подпалинах и с очками. Светлых мастей, пегих и белых, никогда не бывает.

Рост очень крупный (до 16 в.) как у выжлецов, так и у выжловок, которые менее выжлецов приблизительно на вершок.

Характер свирепый, привязчивый к зверю, упрямый и скоросый; но, несмотря на это, брудастые гончие очень умны, необыкновенно привыкают к своему доезжачему, и хотя очень послушны ему, но тем не менее они небезопасны, так же как и русские прямогонные гончие. Полаз веселый, заемистый и на скачках совершенно одинаковый с полазом прямогонных русских гончих; ведут зверя во все ноги и преимущественно на верхнее чутье. Паратость

и неутомимость страшные, но проносчивы и в жаркое время скоро зарьявают, зато в позднюю осень, по заморозкам, в болоте и по белой тропе, с первозимья брудастые гончие незаменимы.

Голос у брудастых гончих очень крупный (низкий), томный (с гнусью) и у некоторых бывает с заливом. Очень тонких голосов почти не бывает, даже и у выжловок.

Злоба и привязанность к зверю, в особенности к волку, у брудастых гончих мертвая, нередко длинная и безграничная. А поэтому из брудастых всегда выходили в полном смысле зверогоны. По зайцу гонят всегда неохотно и плохо; узнавши же зверя, гонять по зайцу совсем перестают. По лисе гонят хорошо, но волка предпочитают всегда как вполне природные волкогоны и вполне одиночные, за редкими исключениями (?), волкодавы...»

Брудастые гончие всегда были у нас редки и встречались у немногих псовых охотников, а после освобождения крестьян почти совсем перевелись и выродились. Сохранились ли они где-либо в Польше, Литве и Курляндии — ничего не известно. О брудастых гончих Черниговского полесья упоминает Н. Вербицкий. Он говорит, что «косматые или, лучше, длинношерстные, на манер курляндских (прямошерстных?), собаки эти очень похожи по виду на длинношерстную испанскую болонку (у Брема)». Они мало похожи на гончую — очень большого роста, могучего склада, очень высокопереды, с длинной, несколько острорылой мордой, висячим, круглым, средней длины ухом (даже кажущимся малым при их огромной голове), с коротким, точно обрубленным хвостом с довольно длинным подвесом. Они однóмастны, дымчатого цвета с особым стальным отливом; В говорит, что такой странный окрас он встречал только у некоторых овчарок. Собаки эти тонкоголосы, параты, очень хорошо гонят зайца и козу, по отзывам, гонят и волка. Встречаются редко, именно в Городницком у. Черниг. губ., у Д. Б-го. По-видимому, это совсем особая, неизвестная порода.

На выставках брудастые гончие появлялись очень редко. На 1-й московской (1875) был показан П. В. Бахметьевым (Московской губ.) довольно типичный смычок русских брудастых; затем на выставке 1883 г. М. С. Сухотин (Орловская губ.) выставил 2 смычка, которые, как говорили, происходили от выписных (французских?), что, впрочем, сомнительно. Типичнее других был *Спевак* — серый, в небольших и неярких подпалинах. Другие два выжлеца были чепрачной масти, огромного роста, но головы у них продолговаты и усы, борода жидки; выжловка мелка и тоже очевидно нечистокровна.

Группа вторая
ЗАПАДНЫЕ ГОНЧИЕ

В первой главе уже говорилось о том, что трудно допустить, чтобы западные гончие могли произойти от гиеновой собаки или охотничьей гиены, и что родичем короткошерстных гончих следует считать другой африканский дикий вид собак, вероятно, черно-подпалой масти, давно уже исчезнувший. Lycaon pictus ни по общему виду и складу, ни по качеству и окрасу псовины не имеет ничего общего с западными гончими.

С другой стороны, я также не согласен с мнением Н. П. Кишенского, что древнегреческие охотничьи собаки времен Ксенофонта имели тип западных или, вернее, африканских гончих. Весьма возможно, что в Греции были и вислоухие египетские гончие и что название свое метагоны Гомера получили от северо-африканского мыса Metagonium'a, что вислоухий *Аргос* Одиссея также принадлежал к западному типу и назывался так потому, что происходил из Арголиды, страны Пелопоннеса, которая, по преданию, была заселена выходцами из Египта за 600 лет до Троянской войны. Но, принимая во внимание: 1) что на барельефах и других древнегреческих памятниках охотничьи собаки имеют острые стоячие уши и изображения вислоухих собак встречаются очень редко; 2) что на Балканском полуострове, в Греции и Малой Азии нет ни одной породы гладкошерстных гончих; 3) что из описания Ксенофонта видно, что *лучшие* гончие должны были иметь густую и длинную, тонкую и шелковистую псовину, с подвесами (уборной псовиной) на задней стороне передних ног, на гачах и нижней части гона; 4) что масть этих гончих была вовсе не пегая (допускались лишь белые или рыжие отметины на голове и подпалины), — следует заключить, что вислоухие лучшие охотничьи собаки Ксенофонта были или помесью африканских гончих с туземною расой волкообразных собак, или же просто принадлежали к южноевропейскому горному типу псовистых вислоухих собак, известных теперь под общим названием испанок.

Поэтому весьма сомнительно, чтоб африканские гончие могли проникнуть в Западную Европу через Грецию, и гораздо вернее предположить, что эти собаки попали сюда ближайшим и самым естественным путем — через Испанию, имевшую постоянные сношения с Северной Африкой еще со времен Карфагена.

В доказательство этого происхождения и способа распространения западных гончих можно привести следующие веские доводы.

Иберы и галлы служили наемниками в сухопутном войске карфагенян, а известно, что все кельтийские племена отличались осо-

бенною любовью к охоте, и притом охоте с собаками, а не при помощи тенет и ловушек.

Испанцы, или, точнее, кельтиберы, едва ли не были учителями галлов в охоте с гончими, так как во французской охотничьей терминологии встречается много испанских слов.

Гастон Фебус в своей знаменитой рукописи, хранящейся в Мазариновской библиотеке, часто упоминает об испанских гончих. Mégnin высказывает предположение, что встречающиеся на рисунках остромордые гончие с закатистым лбом (высоким затылком) и длинными висячими, но не плоскими ушами были именно испанскими. Может быть, это предположение и неверно, но тот факт, что еще в XVI столетии во Франции были испанские гончие, заслуживает внимания.

Тот же Гастон Фебус говорит о виденных им в Мавритании (берберийских владениях) собаках, употреблявшихся для охоты на оленей и называвшихся Baux.

Несколько позднее дю Фулью высказывает мнение, что «все породы гончих (французских) происходят из Бретани, кроме белых, которые родом из Берберии». Это доказывается тем, что они гнали, несмотря ни на какую жару (и были очень чувствительны к холоду, добавим мы).

Испания составляет несомненную родину гладкошерстных легавых, которые, бесспорно, происходят от зверовых гончих западного, т. е. африканского, типа.

Огромное количество африканских охотничьих собак было приведено в Испанию маврами в VIII и IX столетиях.

Надо полагать, что ближайшее знакомство со старинной испанской охотничьей литературой, очень богатой сравнительно с современной, а также исследование некоторых исторических документов, в особенности времен Карла Великого, бросит свет на этот темный вопрос о происхождении западных длинноухих гончих. К сожалению, ни современные, ни старинные испанские книги об охоте и собаках нам так же не известны, как французским авторам даже достоверно неизвестно, существуют ли в современной Испании какие-либо гончие, хотя отсутствие их было бы совершенно невероятно. Если они были в XVI столетии во времена Гастона Фебуса, то почему же исчезли теперь, когда охота в Испании не производится с такими стеснениями и ограничениями, как в других странах Западной Европы?

Из сказанного нами выше можно заключить, что гладкошерстные гончие могли появиться у кельтиберов и галлов ранее начала христианской эры. Известно, что Арриан упоминает, говоря о брудастых галльских гончих (брессанских), о каких-то белых гончих, более легких сложением, красивых и паратых. Эти белые (вероят-

но, пегие) гончие, вероятно, были африканского происхождения и соответствовали Baux Гастона Фебуса. Барон Лекутё даже считает несомненным, что бретанские, брессанские, даже нормандские, сентонжские и сан-губеры, т. е. (арденнские), были известны до завоевания Галлии римлянами. Трудно, однако, предположить, чтобы последние отличали так много пород, когда в XVI столетии сами французы описывали только четыре расы гончих: черных и белых гладкошерстных и рыжих и серых брудастых.

Римляне, как известно, были плохими охотниками и не имели хороших (туземных) охотничьих собак, почему получали их из весьма различных стран — Иберии, Галлии, Балканского полуострова и Греции и из малоазиатских стран. Между этими породами могли быть и короткошерстные гончие с длинными круглыми ушами. Jullien говорит, что, кроме гончих из Этрурии (брудастых), в Италии не было собак годных для больших стай или, по крайней мере, их мало ценили. По словам римских писателей, писавших о крупных охотах, собаки, которых держали римские охотники, почти всегда привозились из чужих стран. В списке чужестранных собак, особенно ценившихся римлянами, значатся между прочими собаки из Аркадии, Акарнании и Этолии (по Грацию Фалиску). Павел Эмилий, покорив Македонию, привел с собою стаи гончих, отнятых у македонского царя Персея, которые, вероятно, были очень хороши, так как многие знатные римляне завели таких же*. Как мы видели в вступительной главе, более вероятия, что это были не настоящие гончие, а травильные, т. е. молоссы, в древности несомненно часто заменявшие гончих. Но римляне имели полную возможность получать собак и из Северной Африки, так что короткошерстные гончие могли проникнуть в Среднюю Европу и через Италию. Кишенский предполагает, что распространение гончих западного типа совпало с владычеством римлян, которые и в покоренных странах сохраняли обычай доставать для охоты иноземных собак. Известно, что знатные римляне жили здесь в огромных земельных имениях, жалованных им императором, причем, как справедливо замечает Кишенский, этих гончих было сравнительно немного и из них долго не могла выродиться местная порода.

Первые сведения или, точнее, намеки на гладкошерстных гончих встречаются в V или даже VI веке, именно в бургундских узаконениях. Между тем как в салических законах франков говорится только о брудастых гончих — sigusium (segusii Арриана), у бургундов, вторгнувшихся в нынешнюю Восточную Францию, стали отличать кроме этих гончих еще другую породу под названием

* Jullien. «La chasse, son histoire et sa législation», стр. 53.

canes petrunculus. В этих petrunculus надо видеть гладкошерстных гончих на том основании, что в Германии с IX века по XV названия Canes petrunculus или petronius, также Steinbracke принадлежали гладкошерстным немецким гончим; до сих пор последнее название относится, по Бекману, к горным гончим. В VII столетии в баварских и алеманнских законах вместо petrunculus упоминаются (кроме canis seusius) еще три-четыре породы гончих, именно leutihunt, spurihunt, triphunt и canis porcaritius-ursaticus — собственно травильная собака. Из них leutihunt употреблялась для выслеживания оленей, spurihunt — для отыскивания лосей, зубров и туров, а triphunt — для кабанов. Первые две породы, или разновидности, были несомненными ищейками, а не настоящими гончими и, вероятно, уже заключали примесь крови молоссов; эта подмесь была еще значительнее в triphunt, тогда как c. porcaritius-ursaticus — травильные собаки — были, вероятно, догами, т. е. помесью борзых с молоссами с преобладанием крови последних.

Что касается белых галльских гончих, то они несомненно были очень легкого сложения и параты. Но так как галлам приходилось иметь дело главным образом с крупными зверями, как медведь, кабан, зубр и тур, то кроме быстроты требовались сила и злобность, которыми вряд ли могли обладать гончие африканского происхождения. Хотя Плиний говорит, что, для того чтобы придать злобность и силу своим гончим, галлы скрещивали сук (выжловок) с волками, но всего скорее эти качества вместе с ростом могли быть получены от травильных собак молоссов, которые в те времена имели уже обширное распространение и, по римским источникам, существовали у белгов и бритов, куда проникли через материк по Дунаю и Рейну или же морем. Именно в Арденнах, в стране белгов, совершалось это смешение двух рас, и весьма вероятно, что именно св. Губерт первый вывел породу сильных, крупных, злобных и чутьистых гончих с низкими и сильными голосами, более грубых по сложению и псовине и выносливых к изменениям температуры. Reul высказывает (или повторяет) предположение, что гончие св. Губерта происходят от тех собак белгов, о которых говорит еще Silius Italicus, как о превосходных ищейках. Однако мы знаем, что в V веке у римлян ищейками служили иногда вовсе не гончие, а молоссы*.

В самом деле, родство сан-губеров, очевидно главных родоначальников всех западноевропейских гладкошерстных гончих, с травильными собаками невольно бросается в глаза всякому беспристрастному исследователю. Откуда у них и многих других гончих, даже легашей, явились толстомордость, выпуклость черепа, сильно развитый затылочный гребень, морщины на морде, отви-

* Сидоний Аполлинарий. Epistolae, lib. IV. 21.

слые брыли и веки, подгрудок, наконец, страшные низкие и звучные голоса? Конечно, не от африканских гончих, тем более не от Lycaon pictus. Мордаши всегда у всех народов и во все времена, начиная с глубокой древности, как справедливо замечает Кишенский, служили соблазном для охотников, которые подмешивали их ко всем охотничьим и травильным собакам, начиная с борзой и кончая терьером. Скрещивание гончих с мордашами тем более оправдывалось, что последние вплоть до XIX столетия, когда окончательно сошли с охотничьей арены, неоспоримо обладали хорошим чутьем.

Но кроме африканской гончей и мордаша в образовании типа западных гончих принимали участие и другие породы. Мы имеем много фактов частого скрещивания гладкошерстных гончих с туземными брудастыми, которые и дали рыжие и серые отметины, более грубое сложение и бóльшую выносливость к холоду. Многие легкие породы даже французских гончих, не говоря об английских, имеют несомненные признаки подмеси хортых борзых; наконец, большая часть немецких гончих содержит значительную примесь крови северных собак, аборигенов страны, а быть может, и восточных гончих, примеси которой не осталось и следа во французских породах.

Во всяком случае, гончих св. Губерта, наиболее сохранивших признаки мордашей, следует считать родичами, точнее — главными родоначальниками всех современных пород западных гончих; от скрещивания этой коренной расы с другими вышеупомянутыми гончими, борзыми и северными собаками произошли все французские, немецкие и английские породы. В Англию сангубery или близкие к ним гончие проникли в XI веке вместе с норманнами: в Польшу и Швецию они попали не ранее XV столетия.

Главные признаки гончих западного типа (по Кишенскому) следующие.

Морда спереди притуплена; нос высокий, как бы несколько сдавленный с боков, мало или совсем не выдающийся вперед губ, нередко значительно вздернутый кверху. *Глаза* всегда черные, сидят высоко. Сильно развиты надбровные дуги и затылочный гребень, с ними соединенный, так что голова сверху остра. *Лоб,* щеки и морда нередко морщинисты и у молодых собак, к старости же делаются морщинистыми у всех без исключения. *Уши* большею частию круглые, всегда широкие и длинные, достигают по меньшей мере до оконечности носа; посажены очень низко.

Все гончие этой группы низкопереды, широкогруды, но сравнительно с этой шириной ребра, хотя и бочковаты, коротки, спускаются только до локотков, но чаще до них не достигают. Ноги если

толсты, то сыры, если же сухи, то тонки. Гончие эти со шпорами по природе.

Гон или прямой, или слегка изогнутый, носится всегда (?) отлого, а не круто.

Псовина короткая, плотно прилегающая; если же и несколько длинная, то редкая; подшерстка не бывает. На гоне псовина чаще очень короткая или же с редким подвесом, как у сеттера.

Масть. Волос всегда одноцветный до корня; псовина всегда блестящая; подпалины б. ч. красные и всегда резко отделенные. Некоторые породы (наприм., польские тяжелые) имеют оконечность морды черную (признак родства с мордашами), а подпалины только на щеках. Конец гона никогда (?) белым не бывает.

Отличительная черта западных гончих — угрюмость и склонность к злости. Многие из них злы на людей. Гончие эти сравнительно недолговечны: редкая может служить в стае с молодыми до 8 лет. Зубы стираются и желтеют тоже сравнительно быстро.

ФРАНЦУЗСКИЕ ГЛАДКОШЕРСТНЫЕ ГОНЧИЕ

Известно из истории, что кельтские племена изо всех европейских народов отличались особым пристрастием к охоте на диких зверей, причем брали их открытою силой, начистоту, при помощи собак, не прибегая к тенетам и ловушкам, подобно древним грекам, а позднее германцам и славянам. Об охоте и охотничьих собаках галлов говорил еще Оппиан. Франки и другие германские племена (бургунды, норманны), вторгнувшиеся в Галлию, наследовали от аборигенов страны страсть к форсированию зверя собаками, и первые французские короли (из династии Меровингов) уже держали огромные стаи гончих. Дагобер, Фредегунда (VI в.) в особенности отличались любовью к охоте.

Охота у древних галлов, по свидетельству римских авторов, производилась двумя различными способами. Зверей, преимущественно волков и зайцев, выгоняли гончими из леса в поле, на опушку, где их поджидали всадники с борзыми на сворах. Или же зверей загонивали гончими до изнеможения, так что охотники могли их приколоть копьями или убить стрелами и дротиками. Такие сильные звери, как лось, тур, зубр, медведь и кабан, требовали или многочисленной стаи, или очень сильных и злобных собак. По этой причине во всех странах Европы для такой охоты употреблялись собаки с большею или меньшею примесью травильных, т. е. молоссов. В Германии эти охотничьи собаки приближались по виду к последним, во Франции же они (кроме борзых) всегда сохраняли гончий тип.

Выше было сказано, что галлы охотились преимущественно,

если не исключительно, с брудастыми гончими и что гладкошерстные гончие стали распространяться у них только в XII столетии, когда св. Губерт вывел новую породу собак, соединивших в себе признаки южных гончих с признаками мордашей. Африканские гончие, проникшие в средневековую Францию через Испанию, по климатическим условиям страны и другим причинам не удовлетворяли требованиям французских охотников и подверглись скрещиванию с более энергичными и акклиматизированными травильными белгов. Позднее крестоносцы в течение столетий приводили, возвращаясь из Малой Азии и африканских стран*, огромное количество охотничьих собак всех трех главных типов (борзых, гончих и молоссов). Все это неминуемо должно было повлечь за собою образование новых рас и разновидностей.

История говорит нам, что в средние века псовая охота во Франции и, хотя в меньшей степени, в Германии считалась необходимым атрибутом людей благородного происхождения. Борзые и гончие сопутствовали крестоносцам, стаи гончих окроплялись в церкви святою водой, епископы и настоятели монастырей охотились с ними, даже монахини скакали верхом по лесам вслед за стаей. Во времена Гастона де Фуа (Фебуса), т. е. в XIV столетии, во Франции насчитывалось до 20 тысяч охотников с гончими; некоторые из них, как сам Фебус, имели громадные стаи, до 1200 собак; немногим уступали в численности стаи Huet de Nantes и Монморанси. Название chiens courats впервые встречается в рукописи Гастона Фебуса.

Однако еще во времена последнего, даже столетием позднее, как это видно из книги дю Фулью, французские охотники различали только четыре главные породы гончих: две брудастые и две гладкошерстные, притом по окрасу псовины. Только позднее, при Генрихе IV, число рас значительно увеличилось и их начали называть по местностям, а не по цвету шерсти. Очевидно, к XVI столетию коренные расы образовали много разновидностей, обособившихся в отдельные породы. Для нас особенно важное значение имеет происхождение породы так называемых белых королевских гончих, давшей, в свою очередь, начало большей части французских пород гончих XVII и XVIII столетий.

По-видимому, новая порода гладкошерстных гончих св. Губерта не особенно долго пользовалась популярностью в охотах французских королей и дворян. Эти собаки были слишком пеши, не особенно чутьисты, а потому мало пригодны для охоты на оленя — главного объекта охоты после истребления во Франции зубров и лосей, многочисленных в Древней Галлии и Франции Меровин-

* Крестовый поход Людовика Святого.

гов. Уже Людовик IX Святой, как было не раз упомянуто, охотился не с черными красно-подпалыми гончими, а с серыми брудастыми, выведенными из Азии. Но и эти грифоны не удовлетворяли требованиям тогдашних знатных охотников, так как имели очень много недостатков. Тогда обратили внимание на белых гончих (Bauds).

Эти белые гончие были, однако, не белою разновидностью гончих св. Губерта, как полагает большинство современных и даже старинных французских авторов, а самостоятельною очень старинною породой гладкошерстных французских гончих, так как, вероятно, о них упоминал еще Арриан. Дю Фулью говорит, что «несомненно, все породы гончих происходят из Бретани, кроме белых (chiens blancs, dicts Bauds), которые родом из Варварии. Это доказывается тем, что белые гончие гонят, несмотря ни на какую жару». Еще ранее Фебус упоминает в своей рукописи о виденных им в Мавритании (Варварии) собак, употребляемых для охоты на оленя и называемых Baux. Надо полагать, что эти Baux были родственны испанским гончим, о которых неоднократно упоминается в рукописи. Из новейших авторов только барон Лекутё (1858) подтверждает африканское происхождение белых королевских гончих. Описывая вандейских, он говорит, что «почти все (?) авторы согласны с дю Фулью в том, что белые гончие происходят из варварийских владений». А далее: «Однако, латинские авторы оставили описание сходной (?) расы (Vertragi) родом из Англии, почему можно предположить (совершенно неожиданное заключение!), что она была вывезена во Францию крестоносцами». Что белые гончие приводились во Францию крестоносцами, это совершенно верно, так как крестовые походы предпринимались и в Северную Африку. Людовик Святой и его сподвижники легко могли привести таких гончих из своего последнего похода в Тунис. Такие же собаки из Испании или непосредственно из Африки могли быть и у Гастона де Фуа, обратившего внимание на их специальное назначение для охоты за оленем.

Описывая первую королевскую расу французских гончих, называемых «chiens blancs dicts Baux et surnommez Greffiers», дю Фулью говорит: первою собакой этой породы был *Souillard,* подаренный одним бедным дворянином (вероятно, секретарем — greffier — короля) королю Людовику (XI), который не обратил на *Сульяра* внимания, так как охотился только с серо-пегими (грифонами). Сенешаль Гастон выпросил *Сульяра* и повязал его с выжловкой дочери короля Анны Бурбонской кличкою *Baude* (тоже, вероятно, породы Baux — белых), которая дала 6 щенков. От потомства *Baude* и *Souillard* и произошла эта порода, которая впоследствии, при короле Франциске I, была улучшена (сделалась сильнее и

энергичнее) вязкою с рыжим *Miraud,* grand chien fauve de Bretagne (бретонским грифоном), принадлежавшим адмиралу d'Annebaud, который подвел его королю Франциску I*. Затем шотландская королева (из французского королевского дома) прислала белого выжлеца (?) *Barraud.* Белые гончие гоняли исключительно по оленю, были крайне выносливы к жаре, очень вязки и верны в гоньбе, но несколько боялись воды, особенно зимою. Наилучшими считались белые или красно-пегие, прочие были хуже. Гончие эти достигали совершенства только на 3-м году; часто бывали скотинниками...

Позднейшие авторы о происхождении белых королевских гончих передают несколько иначе. Барон Лекутё говорит, что до Людовика XI белые гончие (Bauds) были мало известны, пока сенешаль Гастон не подарил королю известного *Сульяра.* От этого выжлеца и выжловки *Baude* (принадлежавшей greffier?), пошла порода «grands chiens blancs de roi». Они были совсем белые, пока Франциск I не впустил крови рыжего (бретонского грифона) *Miraud.* Позднее, при Генрихе II, этих гончих опять скрещивали с белым выжлецом *Barraud.*

Наконец, у Megnin (кажется, со слов Salnove) передается такой вариант. *Souillard,* белый выжлец породы св. Губерта, был повязан с рыже-пегой итальянской выжловкой (braque), принадлежавшей greffier (секретарю) короля. От них произошел совсем белый выжлец, кроме рыжего пятна на плече; от этого выжлеца и белой суки и пошла порода, названная greffiers.

Надо полагать, что рассказ дю Фулью, как старейший, ближе к истине, и нельзя не подивиться легкомыслию новейших французских авторов, смешивавших chiens Baux или Bauds с белыми выродками сан-губеров, которые (выродки) вряд ли принимали какое-либо участие в образовании породы белых королевских, так что можно смело вслед за дю Фулью признать белых гончих Baux и St. Hubert за две различные коренные расы. Эти две расы дали начало всем многочисленным западноевропейским породам и разновидностям гончих, причем для Франции большее значение имели более легкие по сложению белые chiens Baux, чем черные сан-губеры.

Эти белые гончие старинной расы Baux, называвшиеся сначала greffiers, получили впоследствии (при Франциске I) имя *белых королевских* и пользовались большою славой в XVI и большей половине XVII века; из них по преимуществу состояли королевские стаи того времени. Действительно, по своему послушанию, верности в гоньбе и паратости гончие эти не имели тогда соперников.

---

* Jullien. La chasse, son histoire, 650.

Стая в 30 собак, по Salnove (1655), управлялась одним пикером (выжлятником); по другим сведениям (?) эти гончие сганивали трех, даже четырех оленей в день, а волка (не матерого) в 10 часов; при этом они гнали по одному оленю, не обменивая его след на другой, свежий, хотя бы этих свежих следов были сотни. Понятно, какое огромное значение имела такая верность в гоньбе при большом количестве оленей в королевских парках.

Хотя кровь королевских гончих неоднократно освежалась примесью других гончих, например рыжих бретонских и черных сангуберов, но к началу XVIII столетия раса окончательно выродилась и утратила почти все свои качества. Вероятно, это произошло от кровосмешения, вызванного желанием во что бы то ни стало удержать белую масть, а также не менее нелепою погоней за длиною и красотою куафюры, т. е. ушей. Французские охотники всегда до последнего времени обращали слишком много внимания на масть и уши, отдавая им преимущество перед ладами вообще, рабочими в особенности. Все усилия французских венёров, были по-видимому, направлены к тому, чтобы придать головам своих гончих более изящества, именно уничтожить лопоухость, сделать ухо более длинным, тонким, низким и свернутым трубкою — одним словом, придать ему форму локона. Следствием этого странного увлечения были болезни ушей, глухота, тупоумие и, наконец, вырождение.

Наибольшего блеска и великолепия французская охота с гончими достигла в царствование Людовика XIV. При нем стали охотиться на оленей ночью с факелами; только охотничья музыка получила полное свое развитие при Людовике XV (маркиз Дампьер). В старости Людовик XIV предпочитал охотиться с пешими нормандскими гончими, а потому неудивительно, что знаменитая раса королевских гончих быстро утратила свои охотничьи качества и уже не удовлетворяла его молодого преемника.

Упадок французской охоты с гончими начинается с 1722 года, когда Людовик XV стал охотиться с знаменитой стаей английских вымесков графа Тулузского, не знавшей упалого (meute sans quartier). В 1730-м были выписаны для королевской охоты гончие из Англии. Эти безголосые и паратые собаки (по Туссенелю) сганивали оленя в час. Ищейки (limiers) были уничтожены, загнанному оленю уже не резали поджилок, а пристреливали из карабина, вообще все традиции старинной охоты были нарушены. С этого времени французские породы или теряют чистокровность, или вырождаются в слабосильных и безладных собак, лишенных жадности к зверю и паратости.

Почти одновременно с выделением породы белых королевских шло обособление других старинных разновидностей французских

гончих. Уже со времен Генриха II гончих стали отличать не по мастям, а по местностям, что все-таки имело более смысла. Таким образом, кроме четырех основных пород (белых королевских, черных св. Губерта, серых Св. Людовика и рыжих бретонских) в XVII столетии, даже ранее, были известны: голубые гасконские, черно-пегие сентонжские, желто-пегие вандейские, трехцветные пуатевены, нормандские и артуа. Все эти породы произошли от взаимоскрещивания 4 основных рас и, смешиваясь, в свою очередь образовали многие разновидности. Из них гасконские считались прямыми (?) потомками сан-губеров, вандейские — белых королевских, нормандские — сан-губеров с примесью рыжих (бретонских) и серых грифонов; сентонжские и пуатевены, вероятно, произошли от белых королевских с небольшою подмесью борзых; артуа считались местною разновидностью нормандских.

Все эти породы французских гладкошерстных гончих сохранялись в чистоте до середины, даже конца XVIII столетия, образовав многочисленные разновидности, не имевшие, впрочем, существенных отличий. Революция[14] сразу и на долгое время прекратила существование больших охот французских принцев и знатных дворян. Гончие подверглись беспощадному и поголовному истреблению, уцелели лишь те, которым обрезывали уши, выдававшие их благородное происхождение, и те, которые находили убежище в монастырях и других укромных уголках провинциальной глуши.

Наполеон I снова завел охоту и поощрял французское собаководство, запретив выписывать (для императорской охоты) английских собак; он охотился с нормандскими гончими, хотя и был недоволен их пешестью. Но французских гончих оставалось очень мало, и они оказывались при изменившихся условиях местности очень мало пригодными для охоты. После реставрации[39] французские дворяне по необходимости должны были ездить с кровными фокскхоундами или же смешивать их с уцелевшими представителями туземных рас. Только во второй половине текущего столетия, можно даже сказать — в 70-х годах, французы, почти утратив последние остатки своих некогда знаменитых собак, хватились за ум и начали заботиться об их реставрации. Надо отдать справедливость французским охотникам, что за последние 20—25 лет сделано ими очень много, и если ими не восстановлены прежние породы, то выведены новые разновидности, очень к ним близкие, отличающиеся бóльшею паратостью, крепостью здоровья и сложения. Нельзя не заметить, однако, что они повторяют прежнюю ошибку: слишком много пород и слишком длинны уши!

Все породы французских гладкошерстных гончих с их многочисленными вариететами, по моему мнению, можно ради удобства разделить на две главные группы: тяжелых и легких. К первой

относятся те расы, которые ведут начало от гончих св. Губерта и отличаются тяжелым складом, пешестью, сильным развитием морщин и брылей, лопоухостью, вообще резкими признаками крови мордашей; сюда принадлежат сан-губеры, нормандские гончие, артуа; гасконские составляют уже, так сказать, промежуточную породу, но более близкую по сложению к тяжелому типу. Ко второму, легкому типу относятся породы, содержащие много крови расы Baux, или белых королевских, и имеющие более стройное, даже несколько борзоватое сложение, тонкие сухие уши, свернутые в виде длинной трубки (локоном), менее толстую морду и очень пеструю масть с преобладанием белого цвета. Гончие второго типа, как более совершенные по внешним, внутренним и охотничьим качествам, имеют большее право на существование и блестящую будущность. Это вандейские, сентонжские и пуатевенские гончие, а также некоторые новые их видоизменения и помеси. В 3-ю группу можно включить всех измельчавших и перемешавшихся между собою гончих, известных под названием брикетов (briquets) и употребляемых мелкими охотниками, главным образом при ружейной охоте на зайцев. Здесь же следовало бы рассмотреть и 4-е подразделение французских гладкошерстных, т. н. бассетов, т. е. французских гончих с укороченными ногами, аналогичных с немецкими таксами, но опять-таки ради удобства эти бассеты будут рассмотрены отдельно, вместе с последними и английскими биглями.

Гончая св. Губерта

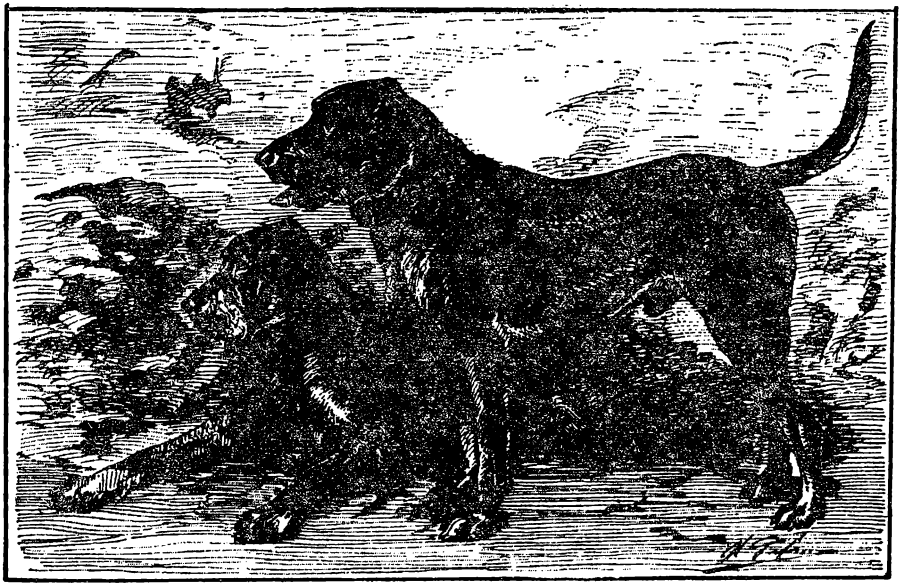
Хотя эта старинная порода гончих — прямых потомков leutihunt и spurihunt баварских и алеманнских узаконений[40] — принимала большее или меньшее участие в образовании почти всех гладкошерстных гончих Западной Европы, но влияние черных краснопалых арденнских собак на некоторые французские расы было весьма незначительно. Гораздо большее значение сан-губеры имели для гончих и легавых Центральной Европы, а также для гончих Англии. Все лопоухие немецкие гончие и легавые собаки происходят от этой основной породы; английские тальботы, южные гончие — непосредственные ее потомки; блоудхоунды, бигли, харьеры, даже фоксхоунды содержат более или менее значительную дозу крови сан-губеров.

В настоящее время порода эта имеет лишь исторический интерес, так как в чистом виде давно уже не существует. Блоудхоунды — это полумастифы со сплющенной с боков головой, составляют самостоятельную породу, выведенную англичанами от нормандской гончей, привезенной в Англию во времена Вильгельма

Завоевателя, и английских догов. Французские и бельгийские авторы поэтому несправедливо называют блоудхоунда гончею св. Губерта, так как первый более отличается от последней, чем французские породы между собою. Гораздо большее сходство с сангуберами по внешности и внутренним качествам имеют немецкие потовые собаки (Schweisshunde) и в особенности польские тяжелые гончие, почти вполне сохранившие тип старинной расы, до глубоких морщин на голове и черномордости, обличающих кровь мордашей.

Сколько известно из прежних описаний и рисунков, гончие св. Губерта были большого роста, с длинной колодкой, сырого мяси-

Рис. 23. Гончие святого Губерта («Охотничий календарь»)

стого склада, отличались тяжелою головою с огромными брылями и морщинами на лбу, отвислыми веками, что придавало глазам страшное и дикое выражение, и широкими, большими, плоскими ушами (лопоухостью). На очень плохих рисунках дю Фулью все представители 4 пород мало отличаются друг от друга и представлены очень толстомордыми. В рукописи Гастона Фебуса имеются очень хорошие для того времени и верные рисунки, из которых один изображает, по-видимому, сан-губера. Масти эти гончие были черной, с яркими рыжими подпалинами на морде и ногах и красно-желтыми же бровями (очками); белые отметины были только на груди; изредка между ними выраживались белые собаки вследствие кровосмешения и альбинизма, но белые королевские гончие, как

замечено выше, не имеют ничего общего с этими белыми сан-губерами, что видно из описания внешности и полевых качеств тех и других. О происхождении породы сан-губеров от смешения гладкошерстной гончей (вероятно, североафриканской) с молоссами или теми собаками, которых Silius Italicus называет хорошими ищейками для поднятия кабана, говорилось выше.

Известность сан-губеров начинается с X столетия, когда мощи св. Губерта были перенесены французским королем Людовиком (Débonnaire) в Арденнский лес и здесь был основан во имя этого святого монастырь. Монахи стали разводить собак своего патрона, и отсюда слава черно-подпалых гончих распространилась по всей Европе. В течение многих столетий, почти до конца XVIII века, в монастыре св. Губерта порода эта велась в возможной чистоте, причем ежегодно, по установленному обычаю, настоятель посылал к французскому двору 6 собак, большею частию черных, изредка белых. Вероятно, из этой же породы выраживались двуносые ищейки, упоминаемые старинными авторами.

Во Франции сан-губеры были распространены до Людовика IX Святого, который стал охотиться с серыми брудастыми. Стаи первых французских королей состояли из сан-губеров. Дю Фулью говорит, что старинные гончие аббатства св. Губерта в Арденнах должны быть совсем черные, но теперь (в XVI в.) встречаются всяких (?) мастей, что они распространены в Лотарингии, Гайнау, Фландрии и Бургундии, имеют крепкую колодку, короткие ноги, потому не параты, хотя с отличным чутьем; боятся, однако, воды и холода. Охотнее гонят по кабану, лисице, вообще по вонючему зверю, так как не любят быстроногой дичи. Из них, в особенности черных, выходили хорошие ищейки.

Карл IX (в своей «Chasse royale») не особенно высокого мнения о гончих качествах сан-губеров. Для охоты на оленя они были мало пригодны, так как не умели держать гонного, и когда свежий олень сменял уставшего, то собаки терялись и не гнали ни того, ни другого. В XVI столетии в королевской охоте уже не было поэтому черных гончих и они содержались только в качестве ищеек (limiers). Salnove в своей книге (1655) говорит еще о существовании стай сан-губеров на севере Франции. В монастыре св. Губерта порода велась до первой французской революции, и собак посылали Людовику XVI еще в 1776 г. (Jullien, стр. 326), из письма которого видно, что монастырские гончие еще служили в королевской охоте отличными ищейками. Барон Лекутё (1858) говорит, что старинная раса гончих св. Губерта, долго преобладавшая во французских охотах, была черного цвета с рыжеватым оттенком, с красными бровями и подпалинами на ногах, с довольно длинными ушами; они были не так высоки на ногах, как нормандские, менее вежливы (послуш-

ны), горячее, грубее, паратее и гнали по всему; далее он продолжает: эти гончие имели могучее сложение, были очень горячи, трудно приучались к послушанию, редко подвергались болезням, не боялись (?) ни воды, ни холода и отлично гнали по черному зверю — кабанам, лисицам, барсукам (и волкам?). Полагает, что раса эта еще сохранилась (в 50-х годах) в Арденнах. Но, сколько известно, современные арденнские и вообще бельгийские гончие, хотя, надо думать, происходят от сан-губеров, но ростом и внешностью мало напоминают своих предков. Reul в своей книге не описывает ни одной породы бельгийских гончих.

Так как во Франции никогда не было отдельной породы ищеек, как в Германии, и для отыскивания логова зверя служили в качестве духовых собак преимущественно черные гончие св. Губерта, реже другие (даже брудастые), то нелишне будет вкратце объяснить здесь, в чем заключается работа ищеек, о которой русские охотники не имеют никакого представления. Надо заметить прежде всего, что ищейку, духовую или осочальную собаку, не следует смешивать с потовыми, или кровяными, гончими. Общего между ними то, что те и другие должны подавать голос, только когда это требуется, быть пешими и хладнокровными. Обязанность духовой собаки — отыскать логово, лежку или стоянку того самого зверя, которого предполагается в тот же день взять гончими. Потовая же собака употребляется преимущественно для разыскивания раненого зверя, то есть служит не для псовой, а для ружейной охоты. Отсюда следует, что всякая ищейка может быть хорошей потовой, но не всякая кровяная собака пригодна для разыскивания следов нераненого зверя.

В настоящее время за отсутствием в Германии настоящих парфорсных охот с гончими на дикого оленя порода ищеек (Leithunden) совсем исчезла и предварительные разведки при помощи особо приучаемой к тому гончей (limier) делаются теперь только французскими охотниками с гончими. В Англии, по словам графа Лекутё, в Девоне и Сомерсете, где еще охотятся на диких (а не привозных — ящичных) оленей, ищейку до некоторой степени заменяет особый разведчик, т. н. harbourer, но он только высматривает со скалы или дерева стоянку оленя.

У нас в России гончие ищейки на зверя вряд ли когда употреблялись, но духовые собаки лайки часто исполняют их обязанности у северно-русских и сибирских промышленников. У псовых охотников, впрочем, в необходимых случаях доезжачий или выжлятник, отправляясь на разведки волчьего выводка, брали с собою какую-нибудь опытную, чутьистую и вежливую гончую, которая, не подавая голоса, могла бы способствовать более точному определению логова. Так как оленей и кабанов у нас в средних губерниях нет, а

волков обыкновенно подвывают (что французам и немцам вовсе не известно), то ищейки здесь излишни, но надо полагать, что в Юго-Западной России, на Кавказе и во многих местах Сибири и Туркестана настоящие, правильно обученные ищейки могли бы значительно облегчить, упорядочить охоту и ускорить ее окончание.

Как было сказано, до конца прошлого столетия в качестве ищеек употреблялись главным образом гончие св. Губерта. Однако для этой цели пригодны всякие гончие, удовлетворяющие известным условиям. Самые лучшие ищейки, по графу Лекутё, встречаются между сан-губерами и артуа. Хорошо работают также некоторые вандейские грифоны, даже будто фоксхоунды (!); хотя не все породы гончих давали хороших ищеек, но ими могут быть даже дворняжки и пастушьи собаки. Лучше, говорит граф, выбирать ищеек между гончими и, кроме того, давать им изредка погонять со стаей, чтобы поддержать страсть к охоте. По Bellier de Villiers'у, лучшие ищейки встречались прежде между нормандскими гончими, и он совершенно справедливо замечает, что главное достоинство limier заключается не в молчаливости, а в хорошем чутье, следовательно, он должен быть породистой гончей.

Кроме того, от духовой собаки требовались и некоторые внешние качества: Bellier de Villiers говорит, что хорошая ищейка должна иметь 49—54 сантим. росту, широкий лоб, живые глаза, толстое чутье, высокий перед, прямые и мускулистые плечи, широкую грудь, короткую спину, предпочтительно грубую шерсть и темную масть. Грубошерстные собаки выносливее, а темный окрас не так заметен в лесу.

Что касается внутренних достоинств, то от limier требовались, кроме чутья, смелость, нечувствительность к холоду и дождю и небоязнь чащи. Очень энергичная собака слишком натягивает свору и утомляет охотника (пикера). По барону Лекутё, волчья ищейка должна быть злобна, энергична и необходимо, чтобы она уже гоняла по волкам и хорошо брала их.

Относительно силы чутья или, вернее, манеры выслеживания мнения французских авторов несколько расходятся. Большинство считает верхнее чутье вредным, но граф Лекутё предпочитает верхочутых, хотя соглашается, что верхнее чутье опасно, если собака не вежлива и плохо обучена, так как она может пойти напрямик к другому зверю, а не к тому, которого начала выслеживать. Если же опытная ищейка ведет прямо против ветра к зверю, то это дает возможность не подходить к нему слишком близко, и следовательно, представляется менее риска спугнуть его. Если же зверь вышел из оклада (осоки, отсюда название «осочальная собака»), то через 2—3 часа с современными малочутыми гончими, продолжает граф, можно ничего не найти или гонять другого зверя.

Натаска, обучение ищеек и самая работа их превосходно описаны Эл. Блазом в его классической книге «Chasse aux chiens courants», откуда всего лучше сделать извлечение, дополнив последнее примечаниями из других (позднейших) авторов.

Хотя ищейки употребляются теперь редко, и обыкновенно прямо пускают гончих, но для того чтобы выследить заблаговременно оленя, остановить его по всем правилам, поставить где следует подставы и не рисковать подменом, предварительные разведки с помощью ищейки необходимы.

Как известно, принято (в Зап. Европе) охотиться только на самцов оленей, причем из них выбираются самые старые. Если таковой не будет заблаговременно выслежен, то стая может погнать и самку. Парфорсная охота — не ружейная, где это безразлично: охотник должен смотреть, кого он стреляет. Для коз выбор самца не имеет большого значения, так как олень покрывает 20—30 самок и оказывается много лишних самцов: козел же — большею частью одну-две самки. Вот почему надо утром удостовериться, куда отправился олень после ночной жировки и где он находится. Пол и возраст определяют по следам, помету и сломанным ветвям. Без помощи ищейки это очень трудно, почти невозможно, так как тогда надо иметь несколько человек, которые бы следили за оленем и его выходом на кормежку.

Ищейка должна быть бурого незаметного окраса, иметь хорошее чутье, крепкие ноги, острое зрение, а главное — уметь молчать. Нельзя учить собаку ранее, чем она вполне разовьется, ибо на своре развитие ее замедлится и она будет заморышем; самое меньшее она должна быть 2 лет, всего лучше — 3-х. Но к хомуту (botte) надо приучать заблаговременно. Это кожаный ошейник шириною в 4 дюйма (pouces), чтобы собака, натягивая свору (волосяную веревку в 4 метра), не задыхалась. Нельзя дрессировать собаку, которая уже гоняла в стае, так как такую гончую трудно отучить лаять. Ищейка должна быть энергична, проворна, должна обладать самолюбием, понимать выговоры и упреки. Valet de limièr обязан очень хорошо изучить ее характер и действия и учить только лаской, не прибегая к побоям. Вполне выдрессировать ищейку можно в течение года, но для этого надо водить ее в лес два раза в неделю, во всякое время года и несмотря ни на какую погоду.

Каждая порода зверей требует специальной ищейки, которая не должна обращать никакого внимания на след других животных. Самые лучшие ищейки бывают из нормандских гончих, но последние очень редки. Если такой не имеется, выберите из стаи бурого выжлеца, смелого, энергичного, молчаливого, с высоким передом

и короткой колодкой. Хорошие, даже лучшие духовые собаки встречаются между грифонами.

Обучение производится так: собаку направляют на требуемый след, ободряя ее лаской; некоторые предпочитают пускать ее со старой опытной ищейкой. Если новобранец плохо идет следом, с него снимают хомут и пускают по горячему следу; тогда уже он наверное пойдет и на своре и будет тянуть ее. Если и это не подействует, собаку бракуют. Случается, впрочем, что иные принимаются за работу очень поздно.

Настоящая дрессировка начинается, когда собака уже предварительно натаскана. Ее берут для этого в лес, где находится только один олень, выбирая тихую погоду и не очень сухой день, предпочтительно осенний, ибо тогда в лесу виднее. Если встречаются заячьи, козьи или какие другие ненужные следы, а оленья ищейка станет их разнюхивать, то ее надо пристыдить и отвести назад: она должна знать след только одной породы. Однако при обучении не следует уводить собаку со следа оленьей самки, так как после 2—3 охот, собственно кормежек (curées), ищейки большею частию перестают обращать на него внимание; некоторые даже на эти следы мочатся.

Как только ищейка отыщет свежий след оленя, ее подбадривают; если попадается помет, дают ей вдоволь нанюхаться. Весьма важно, чтобы собака во избежание подмена никогда не причуивала верхним чутьем против ветра; когда будет замечена склонность к этому, ее ударяют хлыстом и отводят на настоящий след. Хороший limier узнается по тому, что, будучи пущен по следу другого оленя, отказывается идти по нем, даже если этот след будет более свежим. Точно так же ищейка не должна подавать голоса, и от этого надо ее отучать, отводя назад, где след менее волнует собаку. Самое бо́льшее, ей дозволяется сопеть носом, что должно означать что-нибудь необычайное. Bellier Villiers говорит, что выслеживание втихомолку может сделаться у ищеек наследственною привычкой. Надо по возможности стараться, чтобы limier не увидал того зверя, которого ищет. Однако весьма важно изредка доводить его до логова и дать нанюхаться вволю. Известно, что, прежде чем лечь, олень всегда мочится. Иногда, чтобы раззадорить собаку, бросают на след куски оленины.

Дрессировщику необходимо хорошо знать привычки местных оленей — когда они держатся в кустах, когда в крупном лесу. Чтобы не сбиться самому и предупредить других охотников, кладут на след сломанные ветки толщиною в мизинец комлем по направлению следа. Необходимо подробное рассмотрение следов, чтобы можно было по индивидуальным особенностям отличать их от следов животных одинакового возраста. Это делается во избежание

подмена. Свежесть следа определяют, соображаясь с почвой, а также пометом; вышина и размеры зверя — по расстоянию между следами, их величине и по сломанным рогами ветвям. Обыкновенно ограничиваются возможно большим обрезыванием оклада, но иногда нарочно сганивают оленя с лежки, только сейчас же затем останавливаются, чтобы он не ушел далеко. Стрекотание сорок и соек означает, что олень на ногах и ходит. Затем возвращаются назад старым следом; если придут к первому залому, значит, все верно и олень обложен.

Начиная охоту, сначала пускают в чащу несколько старых собак, затем подпускают к ним и главную стаю, которая обыкновенно составляется из не особенно позывистых и верных в гоньбе собак, хотя не моложе 2-х осеней, чтобы не надорвались. Лучшие гончие оставляются для подставы, которая ставится с конным пикером (на смычках или на общей своре) в определенном заранее месте, большею частию на перекрестках и пригорках, чтобы они видели и могли быть видимы.

Дрессировка ищейки на кабана и волка гораздо труднее. Кабаньих духовых собак начинают обучать летом, так как в это время свиньи держатся в опушках, зимою же они забиваются в чащи и болотные трущобы, куда непривычные собаки идут крайне неохотно. Здесь тишина еще необходимее; свору надо держать покороче, чаще подзадоривая собаку. Весьма важно, чтобы собака, назначаемая для выслеживания волка или кабана, вовсе не знала других зверей. Если она бросается назад под ноги и шерсть у нее поднимается дыбом, то на волка не пригодна. Наоборот, если она, почуя волка, тянет сворку, то ее поощряют голосом и бросанием на след прикормки. Обыкновенно молодую собаку натаскивают на волка со старой, сначала по снегу, но лучше учить на следах волчат и молодых волков, которые не так сильно и отвратительно пахнут. Волчья ищейка должна искать совершенно тихо и бесшумно. Разведки делаются зимою на рассвете, а летом полчаса после восхода.

Нормандская гончая

Эта порода, довольно близкая к сан-губерам, до сих пор еще встречается в Северной Франции, хотя в очень небольшом количестве и в виде помесей. Она отличается от предыдущей меньшею грубостью сложения, более изящною и благородною внешностью — так сказать, уже офранцужена, что сказывается главным образом в ушах, низко поставленных и имеющих не форму лопуха, а свернутых в трубку, хотя еще довольно широких.

Происхождение нормандских гончих довольно темное и, во вся-

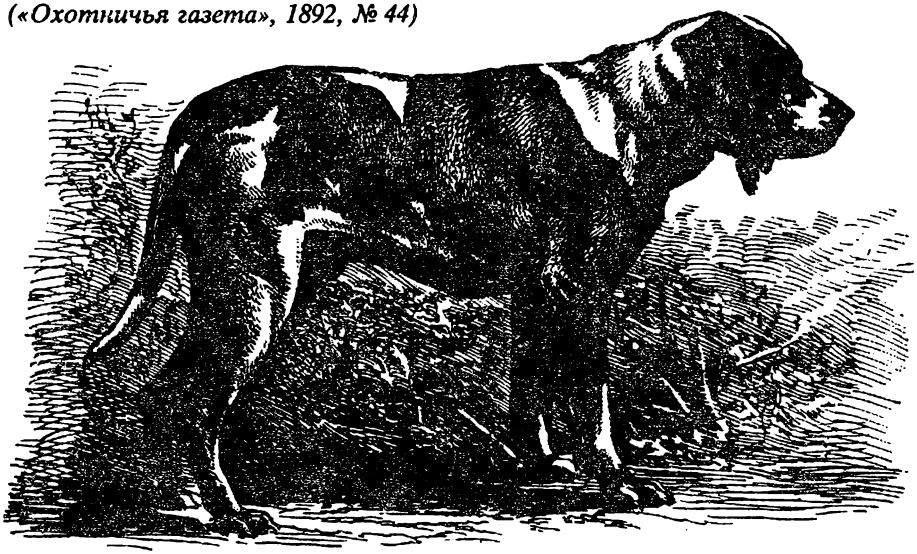
ком случае, очень странное. Несомненно, что нормандские бароны, утвердившиеся в Северной Франции и унаследовавшие страсть к охоте с гончими от аборигенов, скрещивали черных арденнских собак с туземными французскими, именно белыми Baux и серыми и рыжими грифонами. Это доказывается отметинами, ушами, отчасти сложением — более сбитой, укороченной колодкой. Ла Бланшер говорит, что серые грифоны Св. Людовика были поглощены нормандскими гончими; это вполне возможно, но произошло не в средние века, а в сравнительно новейшее время. Грифоны дали характеристичные рыжие и серые отметины, удлинили псовину, а белые варварийские гончие улучшили лады и уши сан-губеров.

Барон Лекутё считает нормандских гончих одними из лучших, так как с основательностью бретонских они соединяли тонкость чутья и красоту вандейцев. Как мы увидим далее, нормандцев надо считать главными родоначальниками почти всех пород английских гончих, которые ведут начало с завоевания Англии норманнами. Нормандские гончие, по французским источникам, продолжали вывозиться сюда и в XVI, XVII столетиях, так как ценились здесь очень высоко. Кровяные собаки острова Кубы, приученные выслеживать беглых негров, тоже потомки нормандских гончих (то есть улучшенных сан-губеров) с примесью испанских бульдогов.

Из описаний французских охотничьих авторов прошлого столетия (Leverrier de la Conterie, d'Yauville) и современных (обоих Лекутё, Ла Бланшера, Меньяна и Шабо, повторяющего графа Лекутё), описаний не вполне согласных, можно заключить, что нормандские гончие прошлого столетия, по крайней мере, были очень рослыми и мощными собаками (до 77 с, по графу Лекутё, 25 дюймов, по Леверье де ла Контери, 25—30 д., по Массону, в «Nouvelle Vénèrie normand», 1847). *Голова* длинная, по Леверье, средней длины, по Ла Бланшеру, и замечательной длины, по графу Лекутё (вероятно, принимавшего в соображение происхождение блоудхоунда от нормандской), сухая, с широким выпуклым лбом, покрытым морщинами, с двумя углублениями (ямками) между глаз и между ушей и (по гр. Лекутё) с чрезвычайно выдающимся соколком. Морда довольно короткая (недлинная), четырехугольная, покрытая очень резкими морщинами, с очень широкими ноздрями, как у всех старинных рас, с отличным чутьем. Губы, по Ла Бланшеру, с огромными отвислыми брылями, что, вероятно, справедливо, так как брыли вполне гармонируют с морщинами; оба Лекутё говорят о небольших брылях. *Глаза,* по Леверье и обоим Лекутё, большие и живые с отвислыми нижними веками, но Ла Бланшер говорит, что глаза, хотя большие и открытые, но лишены блеска и кажутся потухшими и старыми даже у молодых собак. *Уши* очень низко поставленные, тонкие, очень длинные и свернутые трубкой.

Плечи тяжелые, массивные от подгрудка (Ла Бланшер), но Леверье называет этих собак лещеватыми, что не совсем вяжется с подгрудком, который, несомненно, замечался и у собак нынешнего столетия (Masson). *Колодка* длинная(?), но очень крепкая, поясница широкая и выпуклая. *Конечности* замечательно сильные, по графу Лекутё, иногда с тонкими мускулами (на бедрах и ляжках); ноги сухие (nerveuses); по обоим Лекутё, коленки несколько изогнуты и сближены (т. е. задние ноги коровьи). *Лапы,* по Ла Бланшеру, сухие и заостренные, т. е. русачьи. *Гон,* во всех описаниях у основания очень толст, но к концу оканчивается острием; по

Рис. 24. Нормандская гончая
(«Охотничья газета», 1892, № 44)

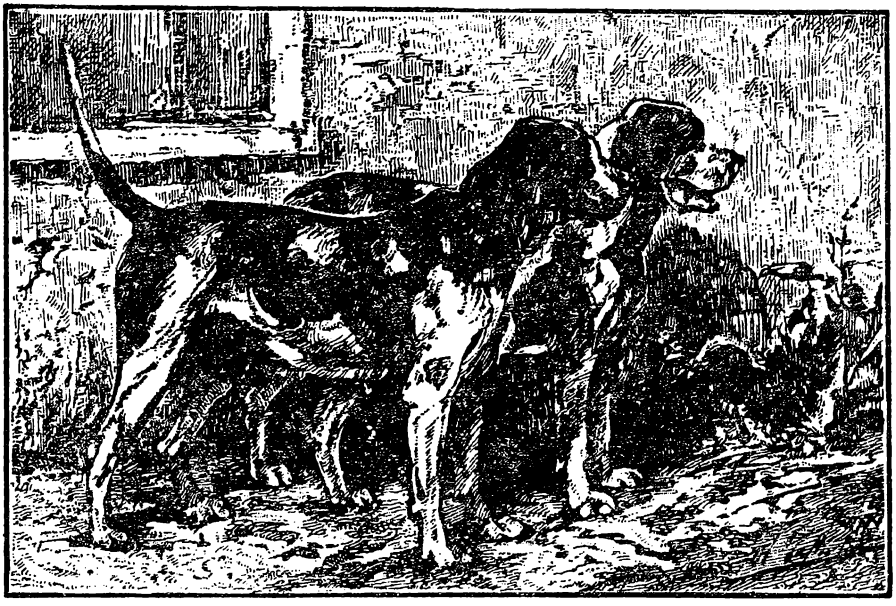

Леверье, он согнут серпом (в полукруг), а по барону Лекутё, держится свечкой (перпендикулярно).

Масть нормандских гончих, была, по-видимому, очень разнообразна. По d'Yauville, нормандские ищейки были черного, белого, рыжего или серовато-рыжего (серо-бурого) окрасов. Леверье и Ла Бланшер говорят, что прежде были две породы (разновидности) нормандских гончих: цветные (серо-рыжие и черно-подпалые) и белые, вероятнее пегие. Первые (по Леверье) были сильнее, выносливее, менее чувствительны к холоду, белые же — умнее, послушнее и не меняли гонного следа на более свежий. Это очень веское доказательство высказанного мнения о происхождении нормандских гончих от 3-х, даже 4-х коренных пород. По Массону, в 40-х годах чистокровные нормандские гончие Lemoyne были трехцветные (т. е. с подпалинами), б. ч. с основною серою рубашкою (обличавшей кровь серых грифонов). Mégnin, со слов какого-то

автора (?), говорит, что нормандские гончие бывают серо-бурые (серо-рыжие) и черные с подпалинами и белой манишкой. Желтопегие нормандцы появились только в последнее время от подмеси английской крови, так как о них упоминают только оба Лекутё, и не могут быть названы чистокровными. По всей вероятности, типичною мастью нормандских гончих должна считаться серобурая (чепрак — manteau) или белая с большими серыми или рыжими отметинами и подпалинами. Рисунки нормандских гончих, довольно редкие во французских сочинениях, мало сходны между собою. Наиболее типичною должно считать выжловку в книге

Рис. 25. Нормандские гончие («Охотничий календарь»)

барона Лекутё. У Ла Бланшера изображен очень тяжелый и короткий выжлец.

Гончие эти отличались (прежде) тонким чутьем и выносливостью, большою вязкостью, злобностью, несравненною красотою голосов, но были очень пеши. Граф Лекутё называет их ротозеями, часто терявшими следы и не умевшими разобраться в них, а только зря голосившими. Такое мнение совершенно не вяжется с тонкостью чутья и, должно быть, относится к выродившимся собакам. В старину, до Людовика XV, из них составлялись королевские стаи и порода эта пользовалась большим уважением; с 30-х годов XVIII столетия она стала вытесняться как в королевской охоте, так и в Северной Франции английскими вымесками и чистокров-

ные нормандцы начали употребляться лишь в качестве ищеек; в этой работе они не имели соперников.

При изменившихся условиях охоты, требовавших от собак бóльшей паратости, нормандские гончие были неминуемо обречены на вымирание, и если они и сохранились до настоящего времени, хотя в нечистокровном виде, то благодаря именно своим качествам ищеек. Массон упоминает о чистокровной нормандской стае Lemoyne в первой половине текущего столетия; но так как собаки были очень пеши, то к ним стали прибавлять английских. Однако старая кровь пересилила, и теперь, говорит Массон, гончие du Rosier, например, могут быть названы почти чистокровными нормандскими. Несколько позднее (в 50-х годах) барон Лекутё замечает, что наибольшую чистоту крови имеют в Нормандии гончие, происходящие от собак Lemoyne и Dary. Граф Лекутё (1890) говорит, что собаки de Trèbons и de la Broise приближаются к старому типу. На французских выставках чистокровных нормандских гончих, по-видимому, не было. Граф Шабо полагает, что теперь редки даже англо-нормандские гончие, вероятно потому, что они уступают англо-пуатевенам и англо-сентонжам. Такая стая имеется будто только у de la Broise.

Гончая артуа

Гончие артуа, или артезианские, называемые иногда пикардийскими, также одна из старинных пород. Это тоже потомки сангуберов или, вернее, нормандских гончих, почему многие авторы считают их разновидностью последних. В некоторых отношениях, именно шириной уха, артуа приближаются к сан-губерам, но они не имеют очень старообразного вида, таких морщин, отвислых век и брылей, меньше ростом, легче сложением и не так пеши, как обе названные породы. Вероятно, они позднейшего (т. е. не средневекового) происхождения, так как впервые описываются Селинкуром («Parfait Chasseur»), который говорит, что у пикардийских дворян ведется порода гончих серого и бурого (рыжего) окраса, которая считается во всей стране лучшею для охоты на зайцев; гончие эти замечательно выслеживают зайца, даже пробежавшего час назад в сухое время, и гонят по нем чрезвычайно верно; они имеют отличные голоса, очень высокие и чрезвычайно далеко слышные; гонят так же хорошо по волкам, но не обращают никакого внимания на лисиц; они очень красивы, хорошего роста, имеют веселую наружность французских и ум (!) английских собак, вообще доставляют большое удовольствие...

В настоящее время, по свидетельству Mégnin, гончие артуа не отличаются (?) от нормандских, считаются их разновидностью и на

выставках в Тюильри образуют с ними один отдел. Но гончие эти гораздо распространеннее нормандских, хотя вряд ли встречаются в чистом виде, так как много раз смешивались с английскими, о чем упоминает Ла Бланшер, что доказывается изменением в их складе и масти и сравнением описаний этой породы у более старинных авторов. По словам графа Лекутё, артуа часто скрещивали с нормандцами, которые дали им более длинный и тонкий (?) гон без подвеса (и вероятно, прибавили росту). Неудивительно поэтому, что брикеты (т. е. измельчавшие, выродившиеся гончие, перемешанные с другими, только французскими, гончими, даже легавыми, и употребляемые для ружейной охоты) крестьян и мелких землевладельцев в Пикардии более сохранили тип старинных артуа; по Mégnin, несмотря на небольшой рост, они подходят к описанию барона Лекутё, которое и следует принять в основание, дополнив замечаниями новейших писателей.

Общий вид. Гончие среднего роста (49—54 с). По графу Лекутё, они стали рослее (до 60 с.), но хуже складом, который и в 50-х годах уже не был безукоризненным, так как барон Лекутё называл их несколько лещеватыми и узкогрудыми. По моему мнению, характеристичные признаки породы состоят в коротком и вздернутом чутье, плоских длинных ушах и небольшом подвесе на гоне, обличающем давнюю подмесь длинношерстной породы (грифона). *Голова* короткая, морда тоже, и слегка вздернутая, лоб широкий. *Глаза* большие и красивые; по Ла Бланшеру, навыкате. *Уши* плоские, довольно длинные; по Ла Бланшеру — лопухом, толстые и не очень длинные; граф Лекутё говорит, однако, что у старинных заячьих гончих артуа времен Генриха IV и Людовика XIII уши были плоские и очень длинные; современные артуа (с примесью нормандских) имеют, по словам Mégnin, очень низко поставленные уши, еще более длинные, чем у нормандцев, свернутые в трубку. *Корпус* довольно длинный, крепкого сложения, но уже в 50-х годах артуа были лещеваты и узкогруды, что подтверждает и граф Лекутё. По Бланшеру, поясница (почки) широкие, ноги толстые. *Гон* псовистый, вздернутый, иногда согнутый; по Бланшеру, низко поставленный, до половины псовистый, с подвесом (fournie) и загнутый; теперь такие хвосты встречаются редко (от скрещиваний с нормандскими и английскими). *Окрас* самых старинных артуа был (по Селинкуру) серый и рыжий (одноцветный?); оба Лекутё и Ла Бланшер говорят, что настоящие артуа должны быть белыми с серыми и рыжими отметинами, но что теперь часто встречаются черно-пегие в подпалинах, т. е. трехцветные; масть эта (черно-пегость), вероятно, передана фоксхоундами.

Артуа до сих пор считаются, даже нечистокровные, лучшими гончими по зайцу; по Ла Бланшеру, они не имеют тут соперников.

Этою специальностью артуа обязаны тем, что уцелели в большем числе и в более чистом виде, чем другие французские породы. Они сохранили хорошие голоса, отличное чутье и вязкость; барон Лекутё говорит, что хотя артуа средней паратости, но неутомимы, притом довольно смелы и злобны, нападают на кабана и храбро гонят его в чаще, почему употребляются и для кабаньей охоты; хорошо выправляют след, когда сбились с него. Оба Лекутё считают их очень умными и понятливыми; однако между ними встречаются пустобрехи (clabauds) и копуньи; первый недостаток, обличающий ослабление чутья, вероятно, передан английскими гончи-

Рис. 26. Артезианские гончие («Охотничий календарь»)

ми, тогда как второй унаследован от своих родичей, а может быть, от брикетов. Кроме того, артуа (по барону Лекутё) часто оказываются непослушными и их трудно состаивать. Это, по справедливому замечанию барона Лекутё, прямой признак подмеси брикетов, т. е. подружейных нестайных гончих, ибо чем гончие породистее, тем легче их наездить.

В Россию гончие артуа были привезены в 80-х годах А. Н. Дунаевым, но в скором времени перевелись почти бесследно, хотя обладали многими хорошими гончими качествами — верно гоняли по зайцам и имели отличные, хотя очень низкие, голоса.

Гасконская гончая

Эта южнофранцузская порода, также не существующая в чистом виде, имеет по внешнему виду уже более сходства с гончими второй группы, хотя сохраняет грубость форм и пешесть гончих первой группы, которую можно назвать франко-бельгийскою. В гасконских гончих очевидна примесь каких-то более элегантных гончих, по всей вероятности, испанских, о которых упоминает Гастон де Фуа (Фебус), давших им крайне оригинальный окрас — голубой или мраморный, серо-крапчатый, как у наших маркловок, с темно-красными отметинами. Ла Бланшер считает гасконцев и их черно-пегую — бордосскую — разновидность потомками арденнских, т. е. сан-губеров.

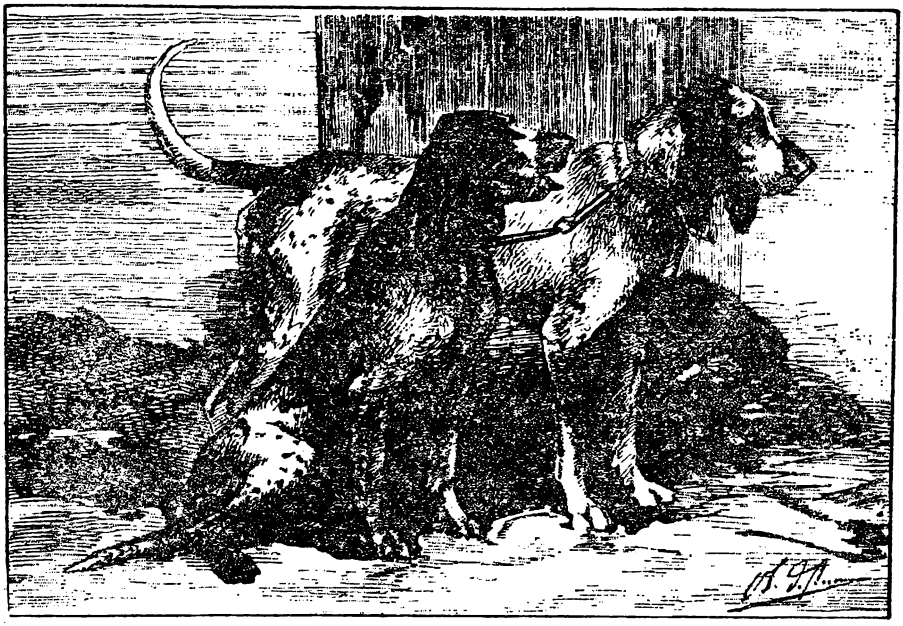
Гасконские гончие — очень старинная раса, о которой упоминают средневековые авторы. Гастон де Фуа (Фебус) подтверждает их достоинства; Генрих IV держал гасконцев вместе с гончими св. Губерта для охоты на волков, которая всегда была их специальностью. Чистокровных гасконцев не встречается вовсе еще с конца прошлого века, и все современные голубые гончие содержат бóльшую или меньшую примесь сентонжей, фоксхоундов и различных брикетов и носят название гасконских только за свой характеристичный окрас. Вообще эта порода, подобно сан-губерам и нормандцам, т. е. всем гончим с сильно развитыми признаками мордашей, с своей дряхлой наружностью, обличающей вялость, пешесть и злобу, отжила свой век, не имеет практического значения (как волкогоны), потеряла свой raison d'être и в противуположность сравнительно легким, изящным и более культурным породам второй группы недостойны реставрации, т. е. эти ветхие породы не стоит восстанавливать из их остатков.

Настоящие гасконские гончие имели весьма внушительную наружность: большой, иногда даже огромный рост (от 66 до 77 с., 24—28 д., по барону Лекутё), массивное сложение, подгрудок, тяжелую голову с большими брылями, отвислыми веками и огромными ушами. Но при всей своей злобности они всегда отличались крайнею пешестью, вялостью, недостатком энергии и сообразительности. В этом согласны все французские авторы XIX столетия. Самое подробное описание их (и лучший рисунок) дает барон Лекутё, которое повторяется графом Лекутё.

Голова большая, тяжелая, иногда длинноватая, по Ла Бланшеру, толстая, с отвислыми брылями. Чутье чрезвычайно широкое, нижние веки очень отвислые, так что весь белок глаза красный (налитый кровью); граф де Шабо говорит даже об опущенных верхних веках, несколько прикрывавших глаз. *Уши* очень (по Ла Бланшеру, чрезмерно) длинные, довольно тонкие, совершенно

свернутые трубкой (trés papillotées). *Спина* немного растянутая и несколько вогнутая; Ла Бланшер называет ее широкой и мускулистой. Грудная клетка хорошо развитая, грудь очень глубокая, с толстою и несколько обвислой кожею (подгрудком). *Плечи* круглые, тяжелые. *Ноги* правильные (?); по Ла Бланшеру, крепкие и несколько укороченные. *Пазанки* согнуты и сближены; Ла Бланшер тоже говорит, что гасконцы отличаются короткими (?) задними ногами и, кроме того, толстыми сочленениями. *Лапы,* по Шабо, сухие и правильные; барон Лекутё замечает, что многие собаки имеют волчий след (даже волчью побежку). *Гон* тонкий,

Рис. 27. Гасконские гончие («Охотничий календарь»)

посаженный высоко. *Окрас.* Основной цвет голубой или белый с многочисленными черными крапинками (черно-крапчатая масть) и темно-красными (lié de vin) отметинами*, часто с подпалинами на глазах (очками) и на ногах; кожа тоже покрыта черными пятнами и крапинами соответственно пятнам и крапинам этого цвета. По гр. Шабо, подпалины светлые, по Ла Бланшеру, также и красные.

Гасконские гончие имели великолепные низкие, но глуховатые

* Надо полагать, что испанские гончие, родоначальники гасконских с одной стороны, отличались именно этою мастью и главным образом темно-красными отметинами.

(?) голоса; по Шабо, продолжительные и напоминавшие низкие соборные колокола. Чутье у них было очень тонкое (?), но нижнее. Отличались крепостью, долговечностью и пользовались превосходным здоровьем. О недостатках говорилось выше. Барон Лекутё полагает весьма основательно, что так как гасконцы малосообразительны и английские гончие тоже плохо разбирают следы, то помеси между ними не могут быть удачны. Де Шабо держится противоположного мнения, но, сколько известно, англо-гасконской разновидности не существует.

Настоящие гасконцы, как сказано выше, в чистом виде не встречаются. Барон Лекутё говорит, что старинную породу надо искать со стороны Pan. Позднее граф Лекутё писал, что лучшие экземпляры гасконских гончих он видел на выставке 1863 года у барона de Ruble из этой самой местности и что порода сохранялась в роде барона со времен Генриха IV. Однако из книги графа де Шабо видно, что гасконцы барона де Рюбля произошли от скрещивания (его старинных собак) с остатками стаи de Saint-Légier, т. е. породы Вирелад. Оставляя на племя только голубых собак, барон восстановил первоначальную расу, причем качества ее значительно улучшились, а именно: голова стала легче, глаз лучше (живее и яснее), спина крепче, и собаки приобрели верхнее чутье.

Что касается современных французских гончих, ведущих происхождение от гасконских, то кроме помеси их с сентонжами, т. н. расы Вирелад, о которой будет говориться далее, известно несколько разновидностей гасконских гончих, скорее относящихся к брикетам, но сведения о них довольно сбивчивы и неопределенны. По свидетельству барона Лекутё, в Ландах и близ Бордо с давних времен из помеси гасконских гончих с брикетами образовалась особая *порода* (?) среднего роста, *голубого окраса с подпалинами вокруг глаз,* тонкими ногами и сухим, длинным и тонким гоном; они хорошо гонят по зайцам и волкам, так же копотливы, как гасконские гончие, но паратее их. В его время (50-е годы) существовало несколько этих гончих на границе Ланд со стороны Лавердана, в департаменте Lot-et-Garonne. Ла Бланшер говорит, что **бордосская разновидность** (bordelais) — черно-пегая и эти гончие считаются Carayon-Latour'ом — последними представителями черно-пегих гончих Карла IX, происходивших от сан-губеров; по маркизу же du Foudras, бордосская разновидность произошла от скрещивания сентонжского выжлеца с гасконской выжловкой. Вероятно, здесь идет речь о другой разновидности, так как далее упоминается о **мелкой расе Lot-et-Garonne,** обладающей, по Carayon-Latour'у, необычайным здоровьем, понятливостью, горячностью и энергией (ardents et actifs). Быть может, голубые гончие барона Лекутё

близки или тождественны с голубыми гончими Фудра́, а бордосская разновидность — с арьежскими гончими, но, конечно, трудно разобраться в помесях, где и сами французские охотники совершенно сбиты с толку и блуждают во тьме. Граф Лекутё замечает, что в окрестностях Тулузы и Бордо встречается несколько вариететов, отличающихся кровяно-красными отметинами (sang de boeuf).

Во всяком случае, т. н. **арьежские гончие**, о которых говорится у графа Лекутё и у Меньяна, ближе к гасконской расе, чем к сентонжской. По графу Лекутё, эта старинная порода не без достоинств, имеет большое сходство с гасконскою и сентонжскою, но суше, жиже, легче и лишена их благородной наружности отчасти вследствие вырождения, отчасти от подмеси брикетов. Эти собаки довольно большого роста, черно-пегие с светлыми подпалинами; некоторые бывают совсем черные, как сан-губеры. Голова у них очень узкая, ухо *широкое* и весьма длинное, грудь очень узкая, спина обыкновенно чересчур растянута, хвост низко поставлен. Некоторые разновидности, голубого окраса на спине и боках и более паратые, встречаются с недавнего времени около Ланд в департаменте Lot-et-Garonne и славятся как заячьи гончие (вероятно, это голубые гончие барона Лекутё). По мнению Mégnin, арьежские гончие составляют промежуточную породу между брикетами, гасконскими и сентонжскими гончими: мелкие охотники вязали своих сук-брикетов с кровными выжлецами; поэтому арьежи имели наружные и внутренние качества, свойственные настоящим гончим и брикетам; были замечательно хороши на зайцев и для охоты в горах. Но так как кровные гасконцы и сентонжи исчезли, то без подновления крови арьежские гончие стали вырождаться и сделались редкими. Граф де Шабо считает их происходящими от голубых гасконских и арьежских брикетов и очень высокого мнения об этой породе. Он считает их лучшими в мире гончими на зайцев, т. к. они обладают превосходным чутьем, отличными голосами и здоровьем, не боятся жары и солнца, очень любят охоту и хорошо сложены: у них красивая голова, хорошие грудь и ребра, заячьи лапы, подгрудка не бывает. Граф выражает при этом пожелание, чтобы черно-крапчатая масть (вроде масти лавераков bluebelton), встречаемая у многих арьежев, была принята за типичную. В настоящее время, по Mégnin, лучшими представителями этой породы (?) считаются заячьи гончие Adlebert'a в Millau. Но эти гончие происходят от выжлеца Вирелад и арьежского брикета, имеют рост и окрас сентонжей, очень голосисты, параты, выносливы, сильны и весьма понятливы. Как видно, они имеют очень мало общего с настоящими арьежскими.

В прежнее время пользовалась большою известностью подпо-

рода гасконских гончих, т. н. **голубые гончие Фудра***, теперь уже, по-видимому, совершенно исчезнувшая. Она образовалась от скрещивания гасконцев с сентонжами, но ближе к первым. По Ла Бланшеру, эти гончие появились почти одновременно с пуатевенами — в начале XVIII века (1720—1733), а по барону Лекутё — были выведены пуатевенским епископом де Фудра от голубого гасконского выжлеца и сентонжской выжловки. По описаниям барона Лекутё и графа де Шабо, это были собаки хорошего (по графу, среднего) роста, несколько растянуты и довольно низки на ногах, с широкою и крепкою спиной, не очень глубокою грудью, вообще сильного сложения; голова у них была квадратная, уши тонкие, шелковистые, свернутые в правильную трубку и хорошо поставленные; главное же отличие их состояло в оригинальном окрасе: хотя псовина была белого цвета, но так как кожа была усеяна черными крапинами (как у гасконцев), то, когда шерсть намокала от дождя или росы, собаки казались голубыми или аспидного цвета. Граф Шабо говорит, что видел в молодости двух гончих голубых с бледно-желтыми подпалинами, и из слов его можно заключить, что голубые гончие всегда (и сухие) казались голубыми. Рисунок у барона Лекутё *(Мариус,* голубой выжлец графа де Б.) несомненно изображает темную, а не белую собаку.

Голубые гончие обладали нижним, но замечательно тонким чутьем, так как (по графу де Шабо) они в 2 часа пополудни могли разобраться в заячьих следах, оставленных утром. Они очень хорошо работали в чаще, где выказывали большую паратость, но в чистых местах были пеши; лучше всего гнали по оленю и зайцу; имели очень хорошие голоса, продолжительные и вибрирующие (Шабо), чем отличались от сентонжей; вообще были гораздо энергичнее и сильнее последних, легче выращивались, лучше ели и пользовались отличным здоровьем. Шабо основательно замечает, что Saint-Légier поступил бы благоразумнее, если б подпустил к своим сентонжам кровь голубых гончих, наиболее к ним подходивших.

Вандейская гончая

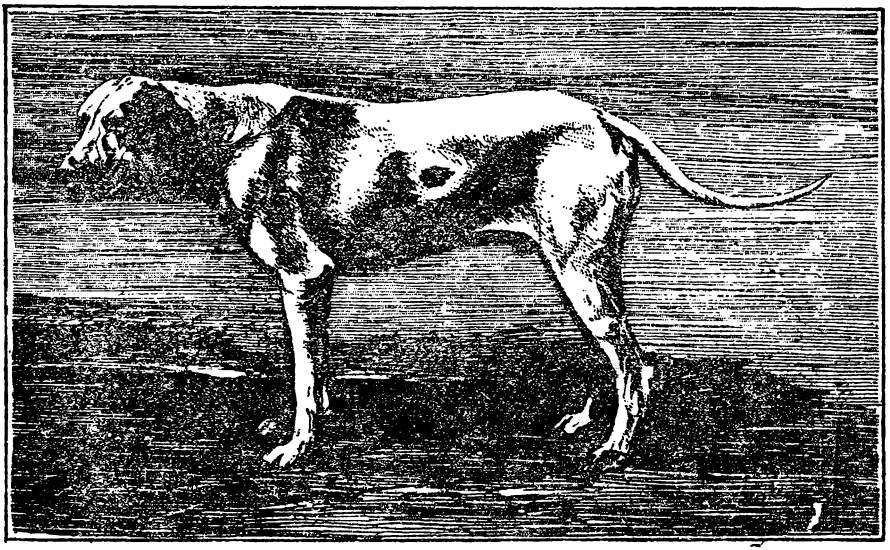
Вандейские гончие в настоящее время являются самыми старинными и типичными представителями второй группы французских гончих, так как считаются прямыми потомками белых королевских гончих, о происхождении которых говорилось выше. Надо полагать, что так назывались просто выродившиеся белые королевские, к которым в начале прошлого столетия или ранее была

* Граф де Шабо почему-то называет этих собак гончими Верхнего Пуату.

прибавлена с целью увеличения паратости кровь борзых. Таким образом, вандейские гончие представляют некоторую аналогию с браками Дюпюи.

Это предположение гораздо вероятнее странной теории графа Лекутё о происхождении вандейцев от помеси белых сан-губеров с браками. Граф ставит на вид, что манера поиска и гоньбы указывает на это скрещивание: горячностью гона и быстро наступающею усталостью вандейцы будто очень напоминают пойнтера (?), а формами, манерою держать хвост, тонкостью кожи и волоса приближаются к старинным бракам, к которым подходят также

Рис. 28. Вандейская гончая («Охотничий календарь»)

мускулистыми бедрами и плечами. Спрашивается, каким образом из двух тяжелых рас, сан-губеров и браков, могли произойти паратые гончие? Каким образом 200, а может быть, 300 лет назад легавые, бывшие тогда не более, не менее как бракованными ружейными гончими и происходившие от брикетов, могли употребляться для улучшения гончих, остается совершенно неизвестным. Именно признаки сходства вандейцев с пойнтерами (!) и легавыми, приводимые графом Лекутё, доказывают несостоятельность его теории и справедливость мнения об участии крови борзых.

Современные вандейцы ни в каком случае не могут быть названы чистокровными потомками вандейских гончих дореволюционного периода[41]. В старину белые королевские гончие встречались исключительно в королевских охотах и у знатных дворян. Они

отличались умом, энергией, паратостью, верностью в гоньбе и никогда не сбивались со следа гонного зверя. Старинные вандейцы — прямые потомки белых королевских — имели (по Шабо) широкий лоб, большие умные глаза, тонкое узкое ухо локоном, тонкий гон, глубокую грудь, русачьи лапы, широкую и плоскую спину (rein), иногда несколько растянутую, что способствовало (?) быстроте; были жилисты, достаточно мускулисты, отличного роста, окраса белого, редко с оранжевыми отметинами.

Граф де Шабо пишет, что белые королевские встречались еще в конце XVIII столетия у многих пуатевенских (Пуату смежна с Вандеей) дворян; это были гончие большого роста (до 28 д.), белые, иногда с небольшими оранжевыми пятнами, очень красивые, легкого сложения, отличавшиеся самостоятельностью (в поиске), энергией и считавшиеся наилучшими. Революция совершенно уничтожила их, но генерал de la Rochejacquellin говорил ему (Шабо), что у de Vaugiraud каким-то чудом уцелел выжлец, которого последний повязал с местными выжловками-брикетами — брудастою и гладкошерстною. Собаки этих пометов и были родоначальниками современных вандейских (гладкошерстных и брудастых?). Позднее к ним была прибавлена кровь пуатевенских гончих. Этим современным вандейцам ставили в упрек недостаток здоровья и силы, выносливости, отбойчивость, непрочность, плохие голоса; все эти недостатки унаследованы ими от брикетов. Шабо прибавляет, что генерал в 1832 году выписал из Англии стаю в 30 белых королевских гончих (вероятно, talbots), потомков собак, посланных Генрихом IV Иакову I; но они вскоре погибли.

Из отрывочного и неполного описания вандейских гончих у французских авторов можно заключить, что они имели многие признаки и качества, общие с борзыми. Это были очень красивые собаки, очень большого *роста* (по графу Лекутё), легкого, довольно слабого сложения, с сухою *головой,* гибким, тонким, длинным и низко поставленным *ухом,* неглубокою грудью с не очень спущенными *ребрами,* крепкою *спиной* (rein), довольно сильными *бедрами,* длинным, тонким, заостренным к концу *гоном,* который держался не круто, очень гладкой и тонкой *псовиной.* Они были очень параты вначале, но скоро уставали и требовали отдыха, хотя бы кратковременного; не боялись жары, но были чувствительны к холоду; были очень горячи и не знали препятствий, особенно вначале, но им недоставало выносливости и верности, так что они часто скалывались; голос подавали реже других французских рас (бар. Лекутё), т. е. были редкоскалы; отличались злобностью и драчливостью... Как почти во всем этом не видеть влияния борзой крови?..

Можно только вывести отсюда заключение, что вандейские охотники в погоне за паратостью и красотою совершенно испортили и видоизменили знаменитых белых королевских. Понятно также, почему теперь настоящих вандейских гончих нет, и современные вандейцы, хотя во всех отношениях стоят выше прежних, имеют с ними мало общего, главным образом масть — белую с желтыми или рыжевато-желтыми отметинами. Появление новых разновидностей объясняется и другими недостатками, присущими прежней расе, обусловливаемыми, по мнению одних охотников, ее кровностью, пристрастием владельцев к белым гончим и вырождением: вандейцы складывались очень поздно — к третьему году*; в помете обыкновенно половина щенков никуда не годилась, и часто от хороших производителей рождались нескладные и бессильные собаки. Барон Лекутё видит причину этого не в вырождении, т. е. кровосмешении, а, напротив, в том, что не заботились о чистоте породы и в плохом корме (рис и молоко!). Mégnin тоже объясняет появление слабых щенков плохим кормом, но также и вырождением породы. Кроме того, старинные вандейцы были неудобны тем, что для охоты требовалась большая стая. Ла Бланшер, а за ним граф Шабо, ссылаясь на «Traté des chasses á conrre et á tir», говорят, что вандейские гончие гоняли особенным манером, именно требовали отдыха, хотя непродолжительного. Стая в 25 собак превосходно гнала по оленю в течение часа, но затем четвертая часть отставала и, если было жарко, отставшие собаки ложились в воду и отдыхали, пока не приближался гон; тогда они присоединялись к стае. Таким образом чередовались почти все гончие, пока олень не был сгониваем.

В настоящее время лучшими вандейскими гончими считаются собаки семьи Бодри д'Ассонов, которая уже много лет занимается улучшением этой почти вымершей породы. Однако гончие Бодри д'Ассонов скорее могут быть названы особою породой, чем вандейскими, так как они весьма отличаются от них внешними и внутренними качествами, что станет понятным, если принять во внимание чрезмерную сложность новой породы, происшедшей от скрещивания различных рас и разновидностей. Трудно поэтому верить графу де Шабо, что порода Бодри вполне установилась и обладает постоянными признаками, одинаково хорошими охотничьими качествами и одинаково правильными ладами, тем более что из слов графа видно, что Бодри д'Ассон до сих пор считает нужным по временам прибавлять к своим собакам «несколько капель» посторонней (?) крови, так как, по мнению его (Бодри),

* Только Ла Бланшер, наоборот, утверждает, что вандейцы начинают работать очень молодыми и легко воспитываются.

это единственное средство поддержания на псарне здоровья, плодородия и известных полевых достоинств.

Винегретность породы Бодри д'Ассонов доказывается историей ее происхождения, описываемой графом. Еще ранее (в 70-х годах) Ла Бланшер первый возвестил о вандейцах Бодри д'Ассона, приведя выписку из вандейского журнала (газеты), в которой говорится о чистокровной (?) стае вандейских гончих Леона Бодри д'Ассона. Старинные вандейские гончие имели довольно узкую грудь, длинные висячие уши и низкие протяжные голоса. Так как прежде главным объектом охоты в Вандее были волки и кабаны, то их старались не загнать, а застрелить. Поэтому требовались собаки пешие, но с большими голосами, которые бы давали возможность заблаговременно выбрать место для засады. Теперь волки и кабаны почти исчезли и преобладает чисто парфорсная охота — на лисиц, коз, оленей. Бодри д'Ассон подбором и улучшением корма расширил грудную клетку, укоротил ноги, изменил уши и голоса и достиг большей паратости, так что гончие его уже не так горланили и трясли ушами, как прежние... Трудно, однако, поверить, чтобы эти пешие (но вместе с тем длинноногие) горластые гончие были настоящими вандейцами, которые должны были отличаться противоположными качествами.

Граф де Шабо, однако, говорит, что Леон Бодри д'Ассон с целью сохранения породы вандейцев стал скрещивать своих вандейских сук с желто-пегим выжлецом породы *Céres* (разновидность вандейских), принадлежавшим г. Maichin. Позднее суки из этого помета были повязаны с выжлецом породы Верхнего Пуату *(голубых гончих Фудра,* т. е. разновидностью гасконских с примесью сентонжей). Затем сын Леона, Арман Бодри д'Ассон, известный своим горячим характером (и бестолковостью), вознамерился вывести породу паратых гончих, которые бы брали переда у англо-французских вымесков. С этою целью он стал вязать отцовских выжловок (вряд ли чистокровных) с англо-пуатевенскими выжлецами, главным образом с *Tenor* и *Volant,* из которых первый был *жесткошерстный* (!), так как выдался в бабку — чистокровную дирхоунд (брудастая шотландская борзая); позднее он впустил еще кровь *англо-сентонжо-пуатевенских* выжлецов *Тамерлана* и *Мушкатера* графа де Шабо и *Salgor'a* породы *Cères,* который почти не имел примеси английской крови и потому исправил породу. Все собаки с черными и серыми отметинами браковались, и на племя оставлялись только желто-пегие.

Вот как оригинально французские охотники восстанавливают и улучшают свои знаменитые породы, встречая одобрение знатоков! Спрашивается, сколько кровей различных пород заключается в мнимых вандейцах Бодри д'Ассона?

Так как вандейские гончие не отличались качеством голосов и были редкоскалы, то, очевидно, помеси их с фоксхоундами удавались весьма редко и собаки выходили совсем безголосыми. По графу Лекутё, англо-вандейские гончие встречаются редко; они большею частию трехцветные или с темно-рыжими отметинами, формами грубее англо-сентонжей и англо-пуатевенов, так как происходят от некровных вандейцев; они паратее других помесей, но имеют очень плохие чутье и голоса...

Вандея всегда была классическою страной охоты, и до революции[41] в ней насчитывалось немалое число стай. Во многих местностях страны крестьяне и фермеры занимались воспитанием гончих для продажи, и промысел этот был очень значителен и весьма выгоден, так как хорошая собака продавалась дороже коровы. Но так как дальним охотникам было неудобно разъезжать по фермам, то администрацией (когда?) были устроены (где?) две собачьи ярмарки — в мае и июле. Теперь по весьма понятным причинам ярмарки эти пришли в упадок, и собаки старинных пород появляются на них в гораздо меньшем количестве, чем разнородные вымески.

Малоизвестная и уже исчезнувшая *порода Céres,* названная так (по словам Ла Бланшера) по фамилии владельца, по всей вероятности, составляет разновидность вандейцев, а не пуатевенов, как это полагают некоторые авторы: пуатевены сравнительно грубого склада, грубошерстны и всегда трехцветны, а собаки породы Céres отличались нежностью сложения и желто-пегим окрасом. Гончие Céres (по барону Лекутё) очень давнего (?) происхождения и встречались только у некоторых шарантонских и лимузенских охотников. Граф Лекутё говорит, что, по слухам, кровь этих собак еще сохранилась на западе Франции (?) у de l'Hermite и de Montjon, а граф Шабо утверждает, что видел (когда?) трех собак, принадлежавших внуку г. Céres; из них осталась потом одна, участь которой ему неизвестна. По описанию барона Лекутё, гончие эти небольшого роста (около 54 с., т. е. 20 д.), с сухой *головой,* широким лбом, тонкой и удлиненной *мордой,* большими живыми и выразительными *глазами* навыкате (à fleur de tête), очень хорошо поставленными *ушами,* свернутыми трубкой и необыкновенно тонкими и прозрачными, круглой *колодкой* с небольшим подрывом, прямой, широкой, вогнутой *спиной,* очень глубокой грудью, очень сухими *ногами* и пазанками, русачьими *лапами,* толстым в корне и тонким к концу *гоном,* который держали правильно, несколько согнутым, тонкою и эластичною *кожей,* всегда гладкою, тонкою и блестящею *псовиной* рыже-пегого (красно-пегого) окраса, причем рыжие отметины имели вид круглых и широких пятен на спине, ушах и щеках. (По графу Лекутё, желто-пегие Cères имели всегда

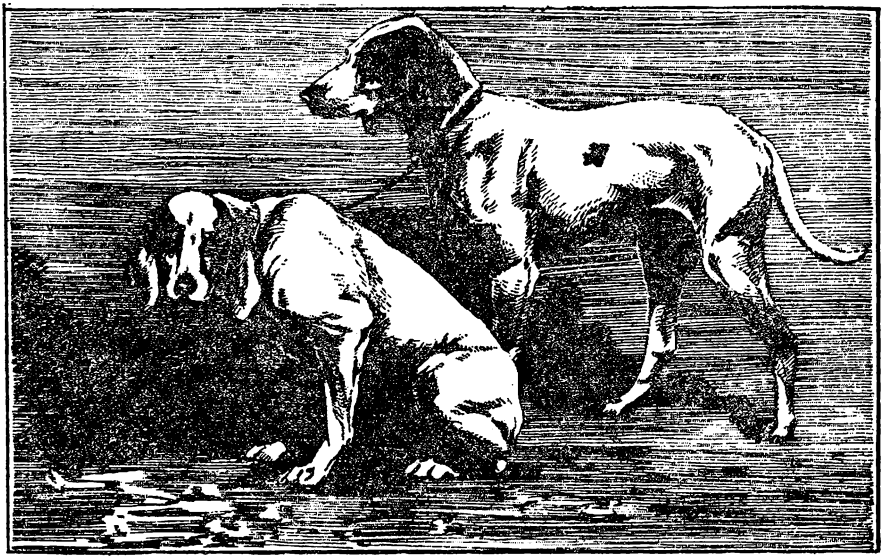
широкие и (?) круглые пятна на спине и на обоих щеках.) Они обладали очень звучными и мелодичными (flutée) голосами, были параты и верхочуты, очень хорошо гнали по зайцам и отлично по волкам. Вообще, по мнению барона, эта порода заслуживает внимания, так как имела первоклассные охотничьи достоинства и чутье соединялось у нее с вязкостью и паратостью; к сожалению, она почти утратилась в помесях с английскими; любители же гончих этой породы очень ее ценят, а потому доставать собак очень трудно. Однако, по мнению барона Лекутё, в породе Cères замечается недостаток кровности, что произошло от вырождения (?) или от неудачных скрещиваний. Рисунок в книге барона Лекутё *(Pyrrhus)* изображает довольно крепко сложенную гончую с легкою и удлиненною головой и колодкою почти как у фоксхоунда. Собственно говоря, chiens Cères справедливее могут быть названы вандейскими брикетами.

Так называемые **фарфоровые гончие,** или брикеты Франш-Конте, должны быть рассматриваемы как мелкая разновидность белых вандейских с небольшою подмесью других гончих. Их не следует смешивать с черно-пегими люцернскими (швейцарскими) гончими, которых тоже почему-то зовут фарфоровыми*. Брикеты Франш-Конте, называемые фарфоровыми, вероятно, по причине белой масти и небольшого (?) роста, сделались известны только в последнее время, так как упоминаются только графом Лекутё и Mégnin. Последний рассказывает, что в конце прошлого столетия в Восточной Франции очень уважались белые и желто-пегие гончие, тонкомордые, с правильно свернутыми средней длины ушами, с хорошими голосами, чутьем и поиском. Особенно славилась стайка гончих графа де Шуазеля из Люневиля, которые назывались фарфоровыи гончими, или люневильскими. По рассказам охотников, порода эта сохранилась следующим образом: смычок люневильских гончих достался доктору Coillot из Монбазона; внук последнего, тоже доктор, укрепил породу деда скрещиванием выжловок с выжлецами чистокровных фарфоровых гончих, принадлежавших Mannot (в Безансоне) и Mertial (в Ранге), и выжлецами г. Micaud, содержавшими подмесь крови артуа и нормандцев. Так как в 1878 г. стай этих не существовало, то д-р Coillot должен был прибегнуть к подмеси (незначительной) других кровей, сначала харьера, а позднее гасконо-сентонжа; только недавно (в 1888 г.?) им

* Бекман говорит в своей книге («Rassen d. Hundes»), ссылаясь на статью графа de Resulat «Chasses en France—Comté, avant et après la Rèvolution 1789» («Journ. des Chasseurs», XXI), что в конце прошлого столетия в Восточной Франции была порода желто-пегих заячьих гончих, вывезенных из Швейцарии и называвшихся фарфоровыми.

был приобретен выжлец *Cartouche,* происходивший, по-видимому, из стаи Mannot. Собаки Coillot, появившиеся на парижских выставках в 1884 г., обратили всеобщее внимание своею оригинальною красотою и типичностью. По описанию графа Лекутё, фарфоровые гончие маленького (?) *роста* (54—60 с.), с белой тонкой и гладкой *псовиной* с небольшими оранжевыми отметинами, узкою *головою,* напоминающею голову красивой вандейской, тонкими, не очень длинными и хорошо свернутыми *ушами,* тонкими *конечностями,* прямым, тонким и правильным *гоном,* отличными голосами с подвывом* (hirleurs) и очень тонким чутьем. Они

Рис. 29. Фарфоровые гончие («Охотничий календарь»)

довольно легко наганиваются и достаточно послушны, довольно ретивы, но не особенно горячи, умеренно параты и превосходно гонят по зайцу, также по козам, но не любят лисьего следа. В настоящее время фарфоровые гончие встречаются, по-видимому, у многих ружейных охотников.

* Е. Д. Артынов, говоря о голосах (русских) гончих, говорит, что во Франции и Швейцарии (см. далее) есть породы гончих, в которых постоянный зарев (собственно залив) есть общее свойство их голосов; это т. н. chiens hurleurs или chiens chanteurs. Залив этих собак совершенно особенный и действительно напоминает пение (которое, впрочем, не произвело на Артынова хорошего впечатления). Такой же голос имела также одна гончая, кажется, породы артуа у одного русского охотника.

Очень близки к фарфоровым **гончие де ла Лу (de la Loue)**, давно утраченная порода, славившаяся во времена Карла IX и Генриха II; позднее они были известны в королевской охоте под названием Régents. Эти собаки имели рост и внешность фарфоровых, которые, быть может, от них происходят. Граф Лекутё, сообщая о них вышеприведенные краткие сведения, неизвестно на каком основании высказывает совершенно неожиданно нелепое предположение, что гончие *арлекины*, находящиеся в царской охоте (когда?), происходят от этих гончих де ла Лу, так как царские арлекины выведены 200(!) лет назад из Польши (?), куда собаки де ла Лу были привезены Генрихом II (в середине XVI столетия).

По барону Лекутё, порода заячьих гончих в Лотарингии и Бургони происходит от вандейских или (!) брессанских (?), скрещенных с харьерами или брикетами. Трудно поверить, чтобы местные брикеты могли произойти от исчезнувшей брудастой породы или английской заячьей гончей.

Чтобы не возвращаться более к брикетам, объясним здесь как роль их у французских охотников, так равно их происхождение.

По толкованию графа Лекутё, брикеты — вымески различных гончих, даже не гончих пород, часто очень красивые по внешности, но отличающиеся тем, что дают разнохарактерное потомство, часто имеют прибылые пальцы (подобно английским, которых граф считает тоже своего рода брикетами), трудно состаиваются и наганиваются, гонят вразнобой, каждая сама по себе, тем более что даже однопометники бывают разных ног. Они так перемешаны, что трудно поддаются описанию за недостатком отличительных черт. Все главные породы имеют своих выродков-брикетов, но немногие местности обладают более или менее установившимися породами (или подпородами) брикетов. Вообще, чем ближе брикеты подходят к коренному типу, тем более они ценятся. Большинство бывают небольшого роста (но некоторые достигают 66—69 см.), всевозможных окрасов и обыкновенно не отличаются вязкостью и выносливостью. Главное, что отличные по внешности брикеты и хорошие гонцы почти всегда дают совсем негодных собак.

Briquet, brachet, braquet, bracon, говорит Ла Бланшер, это собака браконьера, вообще мелкого охотника (ружейного). Это были собаки среднего роста, вязкие, умные, которых часто приучали гнать молчком. С XV столетия слово braque употребляется уже для обозначения гладкошерстной легавой; в Англии brachets появились позднее под названием харьеров и биглей. Ла Бланшер приходит к заключению, что briquet была гончая разновидность ружейных, а chien courant — гончею парфорсных охотников. В XIII столетии стали пользоваться брикетами для того, чтобы

поднять зверя, которого не стоило окладывать с ищейкой. По словарю Литтере, braques употреблялись для того, чтобы выгонять зайцев на борзых или для других охот, считавшихся неблагородными. Briquet служил также для выслеживания раненого животного, о чем говорится в первой охотничьей (рукописной) книге «Roy Modus»: «Car il est nécessaire d'avoir toujours un chien bien affaité pour siévir du sang lequel est nommé *braquet*». В средние века braquets употреблялись и на охоте с луком. Таким образом, по мнению Ла Бланшера, брикеты были гончие, лучше обученные, более понятливые, что справедливо и для настоящего времени. Замечательно, что в старину пикер возил своего braquet на седле, чтобы в случае надобности пускать его на след. Очевидно гладкошерстная легавая происходила по прямой линии от этих умных одиночных гонцов, т. е. малорослых ищеек, которые искали, когда им приказывали, и гнали молчком, если это требовалось.

Сентонжская* гончая

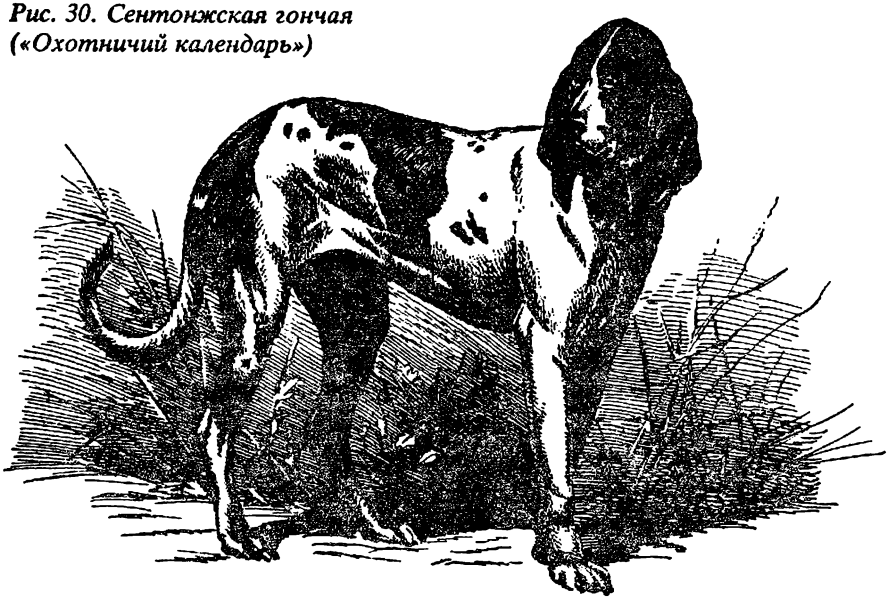
Эта порода происходит от белых королевских гончих с примесью крови борзых, что доказывается ее ладами. Это бесспорно лучшая раса старинных французских гончих, которая притом сохранилась в наибольшей чистоте. Она действительно обладает в высокой степени почти всеми качествами отличных гончих: превосходным чутьем, хорошим голосом, паратостью и послушанием. В этих отношениях сентонжи стоят выше всех западноевропейских гончих, не говоря об английских, и если сложение их было прежде вследствие кровосмешений несколько рыхлым и жидким, то этот недостаток уже исправлен в улучшенных породах Saint-Légier и Вирелад, имеющих очень небольшую примесь родственной породы — гасконских гончих. Сила крови сентонжей настолько велика, что помеси их с фоксхоундами скоро возвращаются к коренному типу, отличаясь от него главным образом крепким сложением.

Судя по описаниям, довольно подробным, этой великолепной породы как со стороны внешности, так и по отношению к внутренним достоинствам, сентонжи гораздо более вандейцев имеют право называться прямыми потомками знаменитых королевских гончих, хотя в них и замечается, быть может, позднейшая, через гасконских гончих, подмесь крови тяжелого толстомордого типа. Эти гончие очень большого — аршинного — *роста* (66—77 см.), но вместе с тем очень легкого, борзоватого склада, придающего им

* Saintonge — прежняя провинция Западной Франции, составляющая теперь большую часть департамента Нижней Шаранты.

оригинальную, но весьма изящную и благородную наружность. *Голова* сухая, легкая, с высоким лбом и сильно развитым затылочным гребнем, морда слегка вздернутая или кажущаяся таковою от ширины и толщины чутья (ноздрей); по барону Лекутё, нижние веки отвислые, о чем другие авторы не упоминают. *Уши* длинные, тонкие, очень низко поставленные, сильно свернутые в красивую трубку (локоном), всегда черные. *Шея* легкая и длинная, без подгрудка. *Грудь* очень глубокая, но узковата; ребра хорошо спущены (по барону Лекутё, довольно длинные), и собака кажется лещеватою, с сухими, костлявыми и сжатыми боками. *Спина*

Рис. 30. Сентонжская гончая («Охотничий календарь»)

узкая, несколько выгнутая (и, судя по рисункам, с верхом). *Ноги* сухие и жилистые, передние совершенно прямы. Бедра (cuisses) несколько плоски. *Лапы* русачьи. *Гон* поставлен низко, часто саблеобразно изогнут. *Окрас* белый с большими черными пежинами и огненно-красными подпалинами (по барону Лекутё, светлыми); уши обязательно черные (также нёбо и мошонка); у многих чистокровных сентонжей замечается серое пятно (см. далее); кожа (как у крымской борзой и гасконской гончей) усеяна мелкими черными крапинами (légerement truitée du noir).

Как и следовало ожидать, сентонжи были довольно параты, особенно по-зрячему; по словам барона Лекутё, в Пуату бывали примеры, что чистокровные сентонжи на охоте за оленем гнали впереди английских гончих. Но манера их гона сильно уменьшает паратость; именно сентонжи, подобно многим (?) другим француз-

ским гончим, при каждом взлаиваньи поднимают кверху голову и замедляют бег. Побежка их (по барону Лекутё) — галоп вперемежку с растянутою рысью. Вследствие своего сложения сентонжи не отличались большою выносливостью, особенно когда стали вырождаться от кровосмешений. Барон Лекутё говорит, что после 12-часовой гоньбы по матерому волку часто впереди оказывались собаки, бежавшие утром позади всех, и что сентонжи неутомимы первый день, но затем требуют несколько дней отдыха. По словам графа де Шабо, они сганивали матерого волка на третьи сутки (с ночлегами). Гоняли сентонжи по всякому зверю, в особенности по оленю, козе и зайцу; то же по волку, но тут они уступали гасконским и пуатевенским. *Голоса* имели (по барону Лекутё) превосходные, но по Шабо, который тоже называет голоса отличными, несколько глуховатого тембра, и часто собаки бывают редкоскалы (т. е. подают голос с промежутками). Кровные сентонжи, хотя легко наганивались и управлялись в стае, но были нежны, очень разборчивы в пище, трудно выращивались и страдали недостатком энергии.

Этот важный порок вместе с недостатками экстерьера, а главное, необходимость заставили французских охотников подмешать к уцелевшим представителям чистокровной расы кровь родственной ей породы. По словам стариков-охотников, во времена революции все сентонжи были перебиты, остались только два выжлеца и одна выжловка у слуги эмигрировавшего за границу маркиза Porte aux Loups (Порталу). Эти три собаки достались племяннику маркиза Saint-Légier и были родоначальниками современных сентонжей. Все собаки Сан-Лежье, по Aldebert'у, имели на бедре (но не на колодке) небольшое серо-бурое пятно цвета козьей шерсти. Эта козья отметина, служившая признаком кровности и высокого происхождения, замечается и в настоящее время у большинства новейших сентонжей и гончих Вирелад*.

Гончие Вирелад, выведенные Carayon-Latour'ом, однако, вовсе не составляют особой породы, даже подпороды, подобно, например, вандейцам Бодри д'Ассона. Это сентонжи, улучшенные подбором и обновленные незначительною подмесью крови родственных им гасконских гончих. Carayon-Latour, наследовавший в 1846 г. последних представителей кровных гончих Сан-Лежье**, был вынужден необходимостью скрещивать их с собаками барона de Ruble — помесью гасконцев с сентонжами; выбирая из пометов

* В этой серой отметине надо видеть признак отдаленной подмеси серых брудастых гончих.

** Ла Бланшер писал, однако (в 1874 г.), что сентонжи еще велись внуком Сан-Лежье.

щенков, наиболее похожих формами и окрасом на собак Сан-Лежье, Carayon-Latour, по словам Mégnin, «вывел знаменитую породу Вирелад», т. е. на самом деле восстановил старинную породу. Следует заметить, кстати, что французы имеют крайне своеобразный взгляд на породу и крайне легкомысленно относятся к номенклатуре своих гончих, выдумывая новые породы там, где нет и разновидности, и наоборот, соединяя под одним названием несколько пород, почти не сходных. Примером служат вандейские гончие Бодри д'Ассона, которые могут быть названы отдельною породой; припомним также, что французские авторы не считают

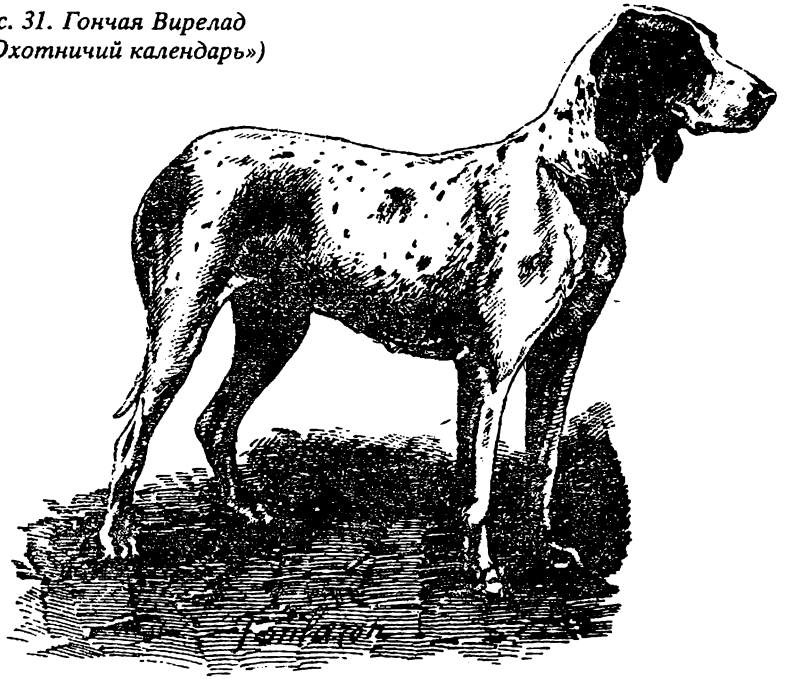

Рис. 31. Гончая Вирелад («Охотничий календарь»)

вандейского грифона даже разновидностью вандейских гладкошерстных!

Кроме гасконо-сентонжей барона de Ruble, Carayon-Latour пользовался еще кровью бордосских гончих из Жиронды, принадлежавших Бордосскому охотничьему обществу, но эта разновидность, как было замечено выше, в свою очередь произошла от смешения гасконцев и сентонжей. В новой (!) расе «сила и здоровье гасконцев соединяются с элегантностью и легкостью сентонжей». Сколько можно видеть из описаний гончих Вирелад, они почти не отличаются от собак старинной расы. Это, по графу де Шабо, гончие очень большого *роста* и весьма благородной наружности; они сильны, легки, но несколько растянуты и сыроваты (Шабо —

поклонник английских гончих), *масти* черно-пегой в желтых очках (четырехглазые), с правильным *ухом,* свернутым в красивую трубку; *голова* не очень тяжела; *бедра* несколько лучше, чем у сентонжей (не так плоски); *гон* поставлен правильнее (не так низко), и собака хорошо его держит; *лапы* русачьи. Они вязки, средней паратости, чутье имеют нижнее. Надо полагать, что сохранились и кровные сентонжи, так как тот же граф де Шабо говорит, что лучшая выжловка сентонжской породы последнего времени — *Calypso* известного Поля Кальяра.

По словам графа Лекутё, «в последнее сорокалетие порода сентонжей обращала на себя (по справедливости) наибольшее внимание и благодаря удачным скрещиваниям еще довольно многочисленна, произведя много помесей, которые уже отчасти вернулись к коренному типу».

Из этих помесей особенно распространены (вероятно, более вireладов) **англо-сентонжские гончие,** которых едва ли не следует признать лучшими в мире, так как, сохраняя тип, красоту, чутье, вязкость и голоса сентонжей, они обладают силою и здоровьем фоксхоундов. Неудивительно поэтому, что она теперь выделилась в особую разновидность с постоянными признаками, притом самую главную и наиболее распространенную, особенно в Западной Франции. В англо-сентонжах есть небольшая (по необходимости) примесь гасконцев, но от них не осталось никаких следов, кроме разве здоровья, которым в еще большей степени обладают фоксхоунды, а потому эта разновидность неправильно называется англо-гасконо-сентонжскою.

Усиленное скрещивание французских гончих с английскими началось, собственно говоря, лет 40 назад, хотя помеси были известны гораздо ранее (стая сенешаля Гастона в начале XVIII века). Оно, конечно, было вызвано недостатком силы и паратости: леса сделались чаще, время — дороже и для охотников; и последние стали считать утомительною и неудобною продолжительную охоту с кровными французскими, сравнительно очень пешими гончими. Большинство французских охотников теперь охотятся с английскими вымесками, которые, впрочем, уже выделились в несколько самостоятельных пород или, вернее, разновидностей, отличающихся от коренных французских рас главным образом более крепким сложением. Будущность имеют только англо-сентонжи и англо-пуатевены, отличия между которыми незначительны.

Граф де Шабо, один из самых убежденных сторонников улучшения французских гончих английскими, описывая англо-гасконо-сентонжских, высказывает вместе с тем некоторые интересные соображения. По его мнению, главная часть — *конечности,* и

всего важнее — *лапы;* они должны быть с крепкими пальцами и когтями, не очень круглы или продолговаты, непременно русачьи, как у старинных сентонжей. Он требует не толстых, а сухих жилистых *ног,* предпочитает несколько согнутые *пазанки,* т. е. некоторую лучковатость, считая ее признаком паратости и выносливости. *Плечи* должны быть плоские и очень косые, ибо от длины плечевых мускулов, равно как и бедряных, зависит быстрота собаки... *Грудь* лучше глубокая, а не широкая, так как ширина ее бывает во вред быстроте, как у скаковой лошади. *Спина* не должна быть вогнутою. Помесь всегда более сказывается на ушах и голове. *Голова* должна быть легкая, с развитым лбом и открытыми ноздрями; *глаза* большие, живые и умные; *уши* тонкие, хорошо приставленные, несколько свернутые, покрытые черною блестящею и мягкою на ощупь шерстью; бледно-оранжевая кайма на переднем крае ушей и такие же брови — признак сильной крови сентонжей; *шея* крепкая, но тонкая и длинная, как у кровной лошади. Англичане требуют от фоксхоунда длинной шеи, ибо, стеряв след, он разыскивает его нижним чутьем; метисы же должны иметь непременно (?) верхнее, а потому должны держать голову высоко. Многие собаки, не обещающие с виду паратости, гонят впереди стаи и имеют отличные голоса лишь потому, что держат голову (шею) горизонтально, что дает им возможность давать голос без больших усилий. (Большинство французских гончих на гоньбе держат голову низко и поднимают ее кверху при каждом взлаивании, чем уменьшается быстрота гоньбы.) *Гон* у основания должен быть толст, к концу постепенно суживается и на бегу держится вертикально. *Псовина* очень гладкая и тонкая, но вместе с тем и очень плотная. *Окрас* должен быть, как у сентонжей, черно-пегий с очень светлыми (?) подпалинами...

Mégnin говорит, что скрещивание французских гончих с английскими началось главным образом в конце пятидесятых годов, когда герцог Бофор привел во Францию свою стаю фоксхоундов и охотился с нею на волков. Граф де Шабо при участии других известных охотников вывел породу англо-сентонжей; De la Besge — англо-пуатевенов.

Пуатевенская гончая

Пуатевенские гончие происходят, несомненно, от одного общего корня с сентонжскими и вандейскими, т. е. от белых королевских, тем более что все эти местности смежны; всего более подходят они к сентонжам, с которыми многими смешиваются. У старинных авторов о пуатевенах не упоминается (?), и из немногих косвенных указаний можно заключить, что прежде они мало отли-

чались от сентонжей. Современные пуатевены, говорит барон Лекутё, оставшиеся в незначительном количестве, имеют позднейшее происхождение и ведут родословную от собак de Laryе, лимузенского дворянина, родом шотландца. Как он вывел своих гончих — улучшением ли местных или скрещиванием с шотландскими (дирхоундами?) — неизвестно, продолжает барон. Граф Лекутё полагает, что порода de Laryе выведена из помеси сентонжей с нормандцами: от первых она получила стройное и легкое сложение и верхнее чутье, а от нормандцев выпуклый(?) череп, сильно выдающийся гребень и постанов (низкий) хвоста, очень длинного, также ширину и силу членов; последняя же порода дала, наконец, и рыжие отметины, так как сентонжи вовсе их не имели, а пуатевены всегда трехцветные.

Трудно согласиться с мнениями обоих Лекутё, особливо относительно участия каких-то шотландских собак, под которыми, конечно, подразумеваются дирхоунды, хотя пуатевены, как и все гончие типа белых королевских, имели очевидную подмесь борзой крови. Ничего общего с тяжелыми массивными и сырыми нормандцами стройные и борзоватые пуатевены также не имеют. Между тем не подлежит никакому сомнению, что в новейших пуатевенах течет кровь брудастых: ни одна порода французских гладкошерстных, даже нормандская, которая содержит несомненную примесь грифонов (рыжих бретонских и серых Св. Людовика), не имеет такой сравнительно *длинной и грубой* псовины на теле, тем более на гачах и гоне. Самый характер пуатевенов — беспокойный и нетерпеливый — обличает в них потомка грифона, а не сентонжа и нормандца. Голосами также они приближаются к грифонам. Всего проще и естественнее, конечно, будет предположение, что одним из родичей собак de Laryе были красно-пегие грифоны соседней Вандеи или же багряные бретонские, и даже странно, как это не пришло в голову барону Лекутё, увлекшемуся шотландским происхождением самого de Laryе.

Тем не менее современные пуатевены не могут быть названы чистокровными потомками гончих de Laryе, в свою очередь значительно уклонившихся от первоначального типа. По преданию, или, вернее, рассказам стариков охотников, собаки de Laryе, погибшего на эшафоте, были или перебиты, или рассеялись; уцелели две или три; из них остался в живых только один выжлец, который, будучи повязан с сентонжскими и нечистокровными выжловками с примесью пуатевенов de Laryе, и был родоначальником новейшей расы пуатевенов XIX столетия. По другой версии, последние произошли от одной пары гончих породы de Laryе, уцелевших у одного пуатевенского дворянина, который, чтобы сохранить их, обрезал им хвосты и уши.

По описанию барона Лекутё, пуатевенские гончие имели (в 50-х годах) следующие признаки: *рост* около 23 д. (62 с.), т. е. средний; красивую, сухую, продолговатую *голову,* несколько заостренную и горбоносую; живые и умные *глаза;* довольно (?) короткие, но чрезвычайно тонкие и шелковистые *уши,* свернутые трубкой; длинную *шею;* глубокую *грудь;* выгнутую *спину;* сдавленные *бока* (лещеватость); несколько длинную и грубую *псовину,* более густую на гачах и гоне, что свидетельствовало о выносливости; *масть* трехцветную.

Ла Бланшер говорит, что пуатевены имели слишком длинную и остроносую морду, что уши были поставлены низко, что псовина их *несколько жестка для гладкошерстной легавой,* окрас чернопегий в подпалинах и с черными и красными (рыжими) отметинами; сложены крепче сентонжей.

Граф Лекутё повторяет описание барона Лекутё, но прибавляет им росту (от 63 до 70 см.) и замечает, что пуатевены (de Larye) отличались особенно плоскими и широкими мускулами, как у нормандцев, и что это было очень важным признаком породы.

Гончие de Larye, как достоверно известно, имели превосходные рабочие качества и протяжные, очень звонкие голоса. Тонкость их чутья была необычайная: они чуяли волчьи следы за 500 и более метров и скакали галопом по старому следу; сильное чутье, по мнению графа Лекутё, обусловливалось именно их горбоносостью (!). Выносливости они были замечательной. В доказательство последней приводится (бароном Лекутё) случай, что гончие de Larye, гнавшие по волку в продолжение дня, преследовали зверя и на другое утро. По русской мерке, это не доказывает большой паратости; на самом деле гончие de Larye были trés colleés á la voix, что́, вероятно, находилось в связи с манерой их держать понуро шею; вообще в чаще и тростниках они гоняли лучше, чем в чистолесье. Пуатевены считаются лучшими волкогонами, и хотя не отличались паратостью, но все-таки легко сганивали прибылого декабрьского волка.

Недостатки гончих de Larye, вернее, их потомков заключались в нетерпеливом и беспокойном их характере как в лесу, так и дома, на псарне, в чрезвычайной трудности выкормки и воспитания; граф Лекутё говорит, что они в течение более 20 лет были подвержены кровотечениям из носу — болезни, которая грозит расе полным исчезновением.

Вместо того чтобы разыскать неродственных гончих той же породы, довольно распространенной в Верхнем Пуату, французские охотники стали прибегать ко всеобщей панацее — подмеси крови фоксхоундов. Скрещивания эти начались еще лет 40 назад la

Debutrie и графом de la Besge, которые вязали английских выжлецов с пуатевенскими выжловками, причем помеси вышли очень удачными. В настоящее время англо-пуатевены принадлежат к числу очень распространенных вымесков, хотя теперь уже начинают поглощаться англо-сентонжами, с которыми скрещивались ради их замечательной крепости и железного здоровья, так как кровотечение из носу унаследовали и англо-пуатевены. Последние, однако, шире и сложены сильнее, чем англо-сентонжи; голова у них длиннее, уже и суше (костистее), уши более плоски и менее свернуты, ноги толще; масть трехцветная, часто чепрачная (manteau noir, bordé de rouge); желтых бровей не бывает. Они очень вязки, имеют хорошие, мелодичные (flutée) и протяжные голоса. Всего охотнее также гоняют по волкам.

В конце 80-х и начале 90-х годов лучшею стаей пуатевенов считалась стая известного парфорсного охотника Servant (недавно прекратившего охоту), который вывел своих собак от почти чистокровных собак с небольшою примесью английской крови, купленных у Поля Кальяра в 1877 году. П. Жерюзе совершенно основательно полагает, что при однократном скрещивании двух рас (в дальнейшем ведении полукровных собак) неизбежен возврат к более старому и устойчивому типу. Так как, по его мнению, английские собаки представляют из себя смесь различных французских (как будто все современные французские гончие не такая же смесь; дело в позднейшей примеси борзой к фоксхоунду и образцовом подборе) с подбором наиболее паратых производителей, то французская кровь очень скоро осиливает и английского почти ничего (?) не остается. С 1877 года к гончим Сервана не прибавлялось ни одной капли английской крови, а потому их можно считать пуатевенами и сказать, что это чистокровные собаки улучшенные подбором (?).

Конечно, 20 лет для собачьей породы означает не менее десяти поколений, и в этом периоде времени можно, пожалуй, вывести новую породу, но нельзя не заметить, что современные пуатевены имеют очень сложное происхождение: корень — белые королевские, затем сентонжи с какой-то примесью образуют старинных пуатевенов (прошлого столетия); de Laryе смешивает их с грифонами, охотники времен Реставрации[39] опять с сентонжами, наконец, наши современники прибавляют английскую кровь. Во всяком случае, английские фоксхоунды чистокровнее этих пуатевенов и большинства других французских пород, т. к. уже около столетия ведутся многими английскими охотниками в совершенной чистоте. Из этого, однако, нисколько не следует, чтобы фоксхоундов можно было считать настоящими гончими, а не полуборзыми-полугончими, какими они и есть на деле.

АНГЛИЙСКИЕ ГОНЧИЕ

Охота с гончими сделалась известна в Англии позднее, чем на материке Западной Европы, и англичане совершенно напрасно тщатся доказать древность происхождения блоудхоундов и биглей. Первых они смешивают с мастифами, вторых — с какими-то, вероятно, брудастыми терьерами. В конце древнего периода истории и в начале средних веков на Британских островах были только следующие охотничьи породы: молоссы, употреблявшиеся для травли крупных зверей, гладкошерстные борзые — для травли зайцев, брудастые борзые — для травли оленей и аборигены страны — северные собаки волчьего типа, предки современных колли, которые еще в прошлом столетии были не так псовисты и не так низки на ногах. Можно почти с уверенностью сказать, что гончих в Древней Британии, как и в Древней Греции, заменяли эти остроухие лесные собаки, смешиваемые с известными целями с борзыми, дирхоундами и мастифами. Если в первое тысячелетие христианской эры и встречались в Великобритании какие-либо настоящие гончие, то случайно и в очень небольшом количестве.

Настоящая охота с гончими сделалась известна здесь лишь со времени завоевания Англии норманнами, привезшими многочисленные стаи близких к сан-губерам нормандских гончих, с которыми они гоняли оленей в конфискованных лесах по французскому образцу, с торжественною и блестящею обстановкой. Позднее войны с Францией еще более содействовали распространению французских гончих и французской парфорсной охоты.

Однако чистокровные французские гончие преобладали лишь на юге Англии, так как Уэльс и Шотландия долго сохраняли независимость; пешие собаки были здесь непригодны, и потому их стали скрещивать с борзыми, преимущественно брудастыми, как более выносливыми. Вследствие этого образовались новые породы или разновидности, более паратые, большею частью жесткошерстные, так называемые северные гончие в отличие от южных, которые вскоре разделились на блоудхоундов-ищеек и собственно гончих — Slowhounds, southern hounds, т. е. пеших, или южных.

По мере уничтожения и расчистки лесов в Южной Англии и уменьшения количества диких зверей, в особенности оленей, охота с пешими гончими становилась все более и более затруднительною. Население увеличивалось, леса превращались в парки, и охотничьи традиции норманнских баронов постепенно утрачивались. К концу XVI века парфорсная охота была почти забыта, так что французский король Генрих IV должен был посылать Иакову Стюарту учителей охоты «в лесах, а не замкнутых местностях, как

парки», конечно, с собаками. Можно также с уверенностью сказать, что преемники Генриха IV неоднократно посылали английским королям французских гончих, притом самых лучших, именно белых королевских, отличавшихся от сан-губеров наружным видом и охотничьими качествами. От этих белых королевских, вероятно в смешении с блоудхоундами или южными пешими гончими (так как белые гончие не могли быть многочисленны в Англии и составляли собственность королей), произошли тальботы, получившие это название от знаменитой фамилии лордов Тальботов. Предположение, что тальботы были только белою разновидно-

Рис. 32. Нерио, английская гончая Д. Я. Рошфора («Журнал охоты», 1875, т. III, № 5)

стью сан-губеров или блоудхоундов, не выдерживает критики; тем более нелепо мнение, что белые гончие составляют самую старинную и коренную расу.

У первых английских охотничьих авторов — Эдмунда Ланглея, Юлианы Бернерс, доктора Каюса и др. — о гончих упоминается лишь вскользь, в неопределенных выражениях — прямое доказательство непопулярности охоты с ними или полного незнакомства с нею. Первые подробные сведения о гончих дает Жервез Маркам в своей «Countrey Contentements» (1631). Маркам говорит, что в его время для охоты и поимки оленя, козы, зайца, барсука, выдры,

кабана употреблялись различные hounds'ы, т. е. гончие или, точнее, ловчие собаки. По его словам, в Шешире, Ланкашире и других холмистых местностях охотились с крупными и сильными slow (пешими) hounds'ами. В Ворчестере, Бедфордшире и в странах с пересеченною местностью преобладали hounds'ы среднего роста; в северных же равнинных графствах (Йоркшире, Кумберленде, Нортумберленде) употреблялись маленькие, легкие и паратые гончие. Эти собаки бывают различных окрасов: белые, черно-пегие, также с черно-бурыми отметинами; они гонят зайцев, оленей, коз и выдр, так как хорошо идут в чащу и в воду. По его мнению, лучшие по чутью и выносливости гончие белой масти, с черными ушами и черным пятном у основания хвоста. Далее говорится о griffeld'е, жесткошерстной (брудастой) гончей, превосходной для охоты на хищников — лисиц, барсуков и вообще вонючих зверей. Так как эта порода очень пригодна для отыскивания зверя, то в каждой стае держали по 1 или по 2 смычка griffeld'ов в качестве ищеек. В этих английских грифонах нельзя не видеть северных гончих, родоначальников оттерхоундов, а в белых и наилучших гончих — королевских или тальботов. Английские авторы XVIII столетия уже очень подробно описывают парфорсную охоту, сделавшуюся национальным спортом.

По мере дальнейшей расчистки лесов французский способ охоты с пешими гончими становится все затруднительнее: требовались более паратые собаки, которые бы не давали скрывшемуся из глаз зверю времени для отдыха; продолжительная охота была притом не в характере англичан, привыкших к быстрой травле своих greyhounds'ов и deerhounds'ов. Может быть, белые королевские гончие только на время приостановили упадок парфорсной охоты на французский лад. В начале XVIII века, когда охота с гончими во Франции достигла своего апогея, высшей степени совершенства, в Англии уже вырабатывались самостоятельные породы паратых парфорсных гончих и свой, оригинальный способ охоты-скачки; прежние пешие породы скрещиваются с борзыми, и образуется лисогон-фоксхоунд, считаемый, не без основания, идеалом парфорсной гончей для охоты в расчищенных лесах-парках. Как быстро совершились изменения прежней охоты и гончих, видно из того, что в 1722 году Людовик XV уже охотился с английской стаей сенешаля Гастона, а в 1731-м английские гончие были выписаны для королевской охоты.

Таким образом, старинные английские породы подвергались коренным изменениям сообразно новым требованиям охотников, уцелев лишь случайно в наиболее глухих провинциях. Вывод новых паратых гончих почти совпадал с выводом английских скаковых лошадей, и трудно решить, что имело большее влияние — охота ли

с гончими на развитие коннозаводства, или скаковое конезаводство на новый способ охоты и новые породы собак? Верно лишь то, что охота на лисицу выработала из морской нации лучших кавалеристов. Замечательно, что полного развития английская парфорсная охота достигла в конце прошлого и в начале текущего столетия, в то время когда у французов, учителей англичан, охоты и охотничьих собак почти не существовало. Англичане ловко воспользовались смутным временем[42], и английские гончие, английские легавые, английские ружья всюду вытесняют французские, и законодательная роль Франции во всем касающемся охоты всецело переходит к Англии.

Главною породой гончих в Англии является фоксхоунд, другие же далеко не имеют такого значения; от южной пешей гончей сохранились лишь жалкие остатки; блоудхоунд — потомок нормандской гончей и мастифа — превратился в комнатную собаку; стэгхоунды представляются теперь, в сущности, рослыми фоксхоундами и близки к исчезновению за ненадобностью; харьеров — уменьшенных лисогонов и биглей-карликов южной гончей, постепенно принимающих формы миниатюрного фоксхоунда, напротив, ожидает блестящая будущность. На самом деле, очень скоро, быть может лет через 20, англичане будут иметь только четыре сорта фоксхоундов, главное отличие между которыми будет заключаться в росте: крупных, обыкновенных, маленьких и карликовых.

Примечание. Фицингер, разумеется, все английские породы гончих производит от немецких (Canis sagax). Он отличает следующие расы: 1) D. englische Jagdhunde (Canis sagax anglicus), Lyemer Каюса, Talbot и южная гончая Смита (Natural History of Dogs); Ф. считает ее за климатическое видоизменение немецкой гончей, что, впрочем, недалеко от истины, если последнюю считать за сан-губера; 2) d. englische Fuchshunde (Canis sagax anglicus vulpicapus) — фоксхоунда — от предыдущей породы и большого датского дога (!) — Canis leporarius danicus; 3)d. englische Stöberhunde (Canis sagax anglicus irritans) — бигль, от фоксхоунда и таксы (!); 4) d. englische Parforcenhunde (Canis sagax anglicus major), staghound Смита — от C. sagax anglicus и мастифа (!) (C. Molossus mastivus); 5) d. englische Schweisshunde (C. sagax anglicus) sanguisequus) — Sleuthound skotorum Spelmann'a bloodhound — Каюса, от C. sagax anglicus и C. molossus danicus; 6) d. englische Bracke (C. sagax anglicus Bracca) — от фоксхоунда и борзой (!), подразумевая, по-видимому, харьера; 7; d. Hirschhunde (C. sagax anglicus cervinus) — Staghound Смита, от блоудхоунда и кабаньей собаки (!) (C. leporarius, laniarius suillus). Как видно, генеалогия довольно оригинальная. Впрочем, Фицингер и пойнтера считает продуктом скрещивания фоксхоунда с английским догом (мастифом).

Блоудхоунд

Выше было замечено, что английские блоудхоунды составляют в настоящее время вполне самостоятельную расу и что это вовсе не старинные сан-губеры, как это считается чуть ли не всеми французскими авторами. Действительно, блоудхоунды ведут начало от этой основной породы группы тяжелых гладкошерстных гончих, но они вовсе не прямые чистокровные потомки последних, так как происходят вовсе не от сан-губеров, а от усовершенствованной более культурной породы — нормандских гончих. Известно исторически, что охота с настоящими гончими в Британии введена была завоевавшими ее норманнами, которые привели свои стаи гончих, образовавшихся от смешения сан-губеров с местными (Северной Франции) брудастыми, главным образом рыжими бретонскими. С другой стороны, происхождение блоудхоундов от нормандских гончих доказывается офранцуженными ушами первых — не плоскими (как у сан-губеров), а свернутыми в трубку.

Старинные английские авторы вовсе не отрицают, а подтверждают французское происхождение блоудхоундов и стэгхоундов (оленьих гончих). Поэтому очень странно, что новейшие охотничьи писатели пытаются доказать туземность этих пород. Дальзиель довольно наивно оспаривает мнение о происхождении блоудхоундов от сан-губеров. Он говорит, что масть (черно-подпалая) не может служить тому доказательством, ибо она встречается во всех породах даже неохотничьих собак, и что блоудхоунды были ищейками, а не гончими, как сан-губеры. Ему, по-видимому, неизвестно, что еще в XVIII столетии (даже в XIX) в Англии охотились со стаями блоудхоундов на оленей и что сан-губеры, как и нормандцы XVII и XVIII столетий, пользовались большею славой как ищейки, чем в качестве гончих. Но Дальзиель, по крайней мере, с откровенностью дилетанта сознается, что он считает невозможным и бесполезным исследование генеалогии какой бы то ни было породы. Rawdon Lee идет еще далее и с уверенностью авторитета заявляет о древности блоудхоунда, ибо еще Граций Фалиск и Страбон свидетельствовали о ввозе кровяных собак из Британии в Галлию, а Оппиан даже увековечил в стихах исключительную силу их чутья и необычайное мужество. Собаки эти получались из Британии для военных целей, но впоследствии их стали будто употреблять для охоты на оленей и других крупных зверей и «от них-то произошла та прекрасная порода гончих, которою обладали наши соседи — французы». Очевидно, Ли спутал блоудхоундов с молоссами — английскими мастифами, которые действительно могут считаться древней, хотя все-таки не туземной, расой Британских островов и в смешении с настоящими гончими африканского происхождения

образовали (в Бельгии) старинную породу гончих св. Губерта. Но древние белги и все прочие кельтийские племена материка, с галлами включительно, уже обладали подобною же породою боевых собак, о чем свидетельствуют римские писатели.

Первый намек на блоудхоундов встречается только в XIV столетии в сочинении Юлианы Бернерс (1380), которое составляет, впрочем, довольно бесцеремонную переделку книги Гаса де ла Бигня (1340), написавшего ее для французского короля Иоанна II, в бытность его в плену у англичан. Почтенная дама говорит о каком-то lemor, в котором надо видеть, конечно, французского limier. У Эдмунда Ланглея, писавшего в том же столетии, о блоудхоундах или близких к ним собаках не упоминается. Известно, однако, что король Эдуард III, когда воевал с Францией (1346), привел с собою 60 смычков оленьих гончих, которые, вероятно, были не позднейшие стэгхоунды, тоже происходившие от блоудхоундов, а нормандские гончие, т. е. настоящие блоудхоунды*. По всей вероятности, та гончая шотландского короля Эдуарда Баллиоля, которая в 1333 году гнала оленя 80 миль, пока оба не упали мертвыми, была не дирхоундом, которая всегда была борзою, а блоудхоундом, быть может, с примесью последней крови.

В XVI столетии, во времена Каюса (1576), блоудхоунды, по-видимому, уже мало употреблялись для охоты, так как к тому времени образовалось несколько разновидностей, более пригодных для этой цели. Блоудхоунды, говорит он, самая крупная порода гончих; они имеют большие брыли и длинные уши; название блоудхоунд — Sanguinarius — дано им потому, что они также отыскивали по следу раненого зверя. Далее Каюс советует воспитывать их в темном помещении, чтобы приучать к ночной (и главной) работе по разыскиванию воров и разбойников. Старинные традиции парфорсной охоты были тогда почти забытыми, так как французский король Генрих IV отправил английскому королю Иакову учителей охоты Бомона с помощниками и неоднократно посылал английскому двору стаи гончих. Здесь (т. е. в Англии), говорит граф Лекутё, эти гончие (Георга IV) сохранились под названием блоудхоундов, т. е. *кровных* собак. Остроумному графу, по-видимому, неизвестно, что блоудхоунды были известны в Англии гораздо ранее и что они назывались не кровными, а кровяными, так как отыскивали по крови раненого зверя.

* Mègnin говорит, что оленьи гончие (стэгхоунды) происходят от нормандских гончих, вывезенных во времена Карла I и Карла II (XVII век); стая Стюартов, Георга II и Георга III (XVIII век) состояла из этих собак (?), у последнего короля были собаки весом в 120 килогр., следовательно, это были не стэгхоунды, а более рослые и тяжелые гончие, именно английские блоудхоунды.

Можно почти с уверенностью сказать, что французские короли XVII столетия присылали английским именно белых королевских, а не каких-либо других гончих по той простой причине, что они считались в то время наилучшими и наиболее достойными королевского подарка. От этих гончих Генриха IV, надо полагать, и произошли те белые гончие, о которых впервые упоминает Жервез Маркам (1631). К тому времени роль блоудхоундов как гончих почти закончилась и они принимают лишь малое участие в образовании новых пород охотничьих собак. Более паратые, чутьистые и умные королевские заменили их для охоты на оленя, и нельзя не согласиться с мнением Ричардсона и других более старинных английских авторов, что тальботы были (главными) родоначальниками всех английских пород гончих. Непосредственно от блоудхоундов могли произойти лишь шотландские sleuthound'ы и южная пешая гончая — расы уже исчезнувшие, потому что не были пригодны для охоты в расчищенных лесах и парках, где собаки гнали зверя навзрячь и должны были обладать главным образом хорошими ногами. Следует заметить, что до начала XVIII века охота с гончими в Англии составляла привилегию королей и лордов и что белые королевские гончие поэтому могли долгое время сохраняться в чистоте.

Таким образом, предки современных блоудхоундов довольно скоро перестали быть гончими по преимуществу и превратились сначала в ищеек, т. е. стали употребляться для отыскивания зверя на логове или по кровяному следу, а затем исключительно для охоты на людей. Bloome в своей книге, написанной в 1688 г., говорит о блоудхоундах как ищейках (limiers) для отыскивания зверей и советует для улучшения чутья обмывать им нос уксусом. В «Cynographia Britannica» говорится, что в старину блоудхоунд употреблялся для того, чтобы подкрадываться к лежке зверя (оленя, кабана), которого убивали стрелою или копьем; если же это не удавалось, то блоудхоунд выслеживал по крови, а мастиф должен был прикончить зверя.

Это указание на совместную охоту с мастифом очень важно. Средневековые охотники при таких условиях вряд ли могли воздержаться от попыток скрещивания блоудхоунда с молоссом, всегда, с глубокой древности до позднейших времен, соблазнявшего силой, злобностью и энергией. Трудно ожидать, чтобы охотники не желали иметь породу собак, которые бы могли в одиночку или вдвоем покончить с раненым зверем. Такое скрещивание еще чаще практиковалось позднее, когда блоудхоунды стали исполнять обязанности полицейских сыщиков. Кровь мастифа несомненно подмешивалась, и в очень недавнее время, и все доказывает близкое родство современного блоудхоунда с C. molossus; это — как бы

сплющенный мастиф, у которого долговременным подбором видоизменены головы и уши.

Смешение блоудхоундов с мастифами подтверждается тем, что прежде всего кровяные гончие стали употребляться во время войны короля Эдуарда I (1272—1307) для преследования неприятельских беглецов, т. е. они исполняли обязанности тех боевых собак, о которых говорят римские писатели. Позднее подобные же услуги они оказывали англичанам во время войны с Ирландией. По преданию, король шотландский Роберт Брус, преследуемый кровяными собаками, только тем и сбил их со следа, что сначала бежал ручьем, а затем влез на дерево. Уэллес для того, чтобы спастись от блоудхоундов, убил своего спутника. Позднее герцог Монмаутский, разбитый королевскими войсками и спрятавшийся во рву, был разыскан блоудхоундами. Из старинных хроник видно, что с блоудхоундами отыскивали воров, разбойников, политических и религиозных преступников. В начале XVIII столетия, когда шотландские разбойники делали набеги на северные графства, население последних было вынуждено преследовать их с целыми стаями собак, с рогами, т. е. просто травить как диких зверей. В 1616 году в Карлейле был опубликован приказ, которым предписывалось шести приходам содержать на общественный счет по одному блоудхоунду для сторожевых постов. Около того же времени был издан т. н. «закон горячего следа», предписывающий беспрекословно отворять двери блоудхоунду, если он перед ними останавливался на поиске. Доктор Каюс, говоря о дрессировке блоудхоундов для отыскивания преступников и украденного скота, замечает, что во время поиска собаку держали на своре, чтобы быть ближе к ней, когда ей потребуется помощь.

В прошлом столетии блоудхоунды употреблялись исключительно для поимки браконьеров и скотокрадов*. В 1795 году для подавления восстания мерронов на Ямайке было выгружено англичанами 200 блоудхоундов, которые произвели такое впечатление на мятежников, что они немедленно положили оружие. Еще не так давно блоудхоунды употреблялись испанцами для отыскивания беглых негров на острове Куба, но эти собаки приближались более к бульдогам (испанским), с которыми смешивались, чем к настоящим кровяным гончим, уже утратившим свою свирепость. Еще в начале XIX века в Англии существовало общество, которое содержало стаю блоудхоундов со специальною целью разыскивания воров, кравших баранов. Но главным назначением этих собак в

* Дальзиель высказывает мнение, что блоудхоунды стали употребляться для отыскивания скотокрадов (вероятнее, лесокрадов и браконьеров) еще со времен издания жестоких лесных законов нормандских королей.

конце прошлого и в начале текущего столетия было выслеживание браконьеров (с убитой дичью), как это делают и теперь немецкие кровяные, или потовые, гончие (Scweisshunde), гораздо более к тому пригодные, так как они несомненно чутьистее, что весьма понятно, ибо немецкие кровяные гончие никогда не переставали быть охотничьими собаками.

С увеличением числа лесных сторожей и улучшением полицейского надзора блоудхоунды, разумеется, сделались излишними и уцелели лишь в немногих знатных семьях в качестве комнатных собак. Стонехендж писал в 1869 году, что 25 лет назад блоудхоунды велись почти исключительно английскими аристократами. Как гончие пешие блоудхоунды утратили свое значение и употреблялись для охоты крайне редко; ими даже мало пользовались для скрещивания с другими охотничьими породами. Это превращение злобных и кровожадных собак в мирных спутников, четвероногих телохранителей внушительной наружности совершалось постепенно в течение длинного ряда поколений и было следствием постоянного сожительства с человеком, а главное, не псарного воспитания. Хотя покойный Стонехендж имел предубеждение против характера блоудхоунда, но за последние 40 лет они сделались гораздо более добродушными и безопасными для чужих людей. Они послушны, вежливы, очень любят детей, не драчливы с собаками и потому в качестве спутников гораздо удобнее сварливых дирхоундов (и русских борзых, прибавим со своей стороны). Так велико влияние культуры и комнатного воспитания. Трудно поверить, что эти огромные страшные псы на самом деле безобиднее маленького терьера и что они даже не бросаются на раненого зверя, которого они же только что гнали.

Тем не менее охотничьи инстинкты гончей еще не вполне заглохли в потомках сан-губеров и нормандцев и с ними изредка охотились и продолжают, быть может, охотиться и в настоящее время. Во второй половине XIX столетия в Великобритании были известны только две стаи — Томаса Невиля близ Винчестера* и лорда Вольверстона, но многие лорды имели по одному, по два смычка блоудхоундов для гоньбы ланей в парке, а за неимением их — для гоньбы по следу, проложенному тряпкой с пахучим (анисовым) маслом. Лорд Вольверстон (в 70-х годах) приобрел, не

* По Rawdon Lee, собаки эти были темного окраса и назывались черными сан-губерами (?), происходившими из стаи Вильяма Prufus. Блоудхоунды встречались также у лесных стражников (лесничих?) Нью-Фореста в Гампшире, где назывались тальботами; они были меньше ростом против обыкновенного. (Вероятно, это были последние представители южной гончей.)

жалея средств, лучших представителей породы и сформировал стаю в 25 смычков, которая отлично гнала по оленю. Но когда лорд пригласил на охоту принца Уэльского, стая насела на осла, который подменил гонного оленя. После такого скандала Вольверстон продал всю стаю лорду Каррингтону, от которого через год она перешла к известному французскому охотнику графу Лекутё де Кантеле. Последний еще в 60-х годах имел стаю блоудхоундов, накупленных им в Англии, но так как они происходили от собак, никогда не гонявших и утративших жадность, то были разных ног и различной злобности; впоследствии они были (по Жерюзе) еще более испорчены (?) подмесью полукровных гончих (?) Ватимениля. Новая стая графа Лекутё, просуществовав несколько лет, была продана, как и вся охота графа, с аукциона (в 80-х годах). Кроме блоудхоундов Лекутё во Франции славились также (еще в 1864 г.) гончие принца Наполеона, который держал 5 смычков для охоты на ланей.

Мнения об охотничьих качествах блоудхоундов довольно разноречивы, что, впрочем, весьма понятно. Rawdon Lee говорит, что хотя они гораздо пешее фоксхоундов, но зато трудолюбивее, старательнее и добросовестнее и долго не бросают найденного следа, видимо наслаждаясь его запахом; притом они отличаются самостоятельностью в поисках и имеют очень хорошие голоса. Граф Лекутё, видящий в блоудхоундах сохранившуюся в чистоте французскую расу, очевидно, дает слишком пристрастный отзыв об их охотничьих качествах. По его мнению (письмо к графу де Шабо), блоудхоунды, хотя требуют улучшений в складе (растянутость колодки, подгрудок), недостаточно энергичны и не гонят стайно, так как бывают разных ног, но «в них сочетались (!) достоинства английских гончих с качествами сентонжей и пуатевенов». Они обладают крепким здоровьем (?) и силой (fond), имеют хорошее, хотя и не особенно тонкое чутье, очень верны в гоньбе и не меняют гонного следа на более свежий, по крайней мере на след другого зверя (ранее в своей книге граф говорил, что блоудхоунды имеют такое верное чутье, что гонят одного оленя из пятидесяти, находящихся в лесу. Судя, однако, по тому, что его же стая променяла оленя на осла, трудно поверить такому быстрому улучшению чутья и соображения); голоса у них отличные*, хотя скорее глухие, чем яркие (claires), но когда зверь бежит напрямик в высокоствольном

* Что касается голоса блоудходунда, то он действительно должен быть замечателен именно своим низким тоном, т. е. басистостью, унаследованной им от молоссов. Дальзиель говорит, что, кто слышал раз голос блоудхоунда, никогда его не забудет: то сильный, низкий, ужасающий, протяжный и звучный (?) лай, который особенно сильное впечатление производит в горах.

лесу в виду собак, то последние имеют наклонность гнать во все ноги молчком (подобно фоксхоундам). В этой породе встречаются рослые и тяжелые на вид собаки, которые оказываются на деле очень (?) паратыми, что обусловливается крепостью их сложения и сильною мускулатурой. Затем они очень вежливы и в этом отношении не уступают самым умным английским гончим. Очень понятливы, легко могут быть отозваны со следа (позывисты), привязаны к хозяину, имеют веселый (!) и кроткий нрав и очень незлобны; многие не трогают убитого зверя. Граф полагает, что они достаточно чутьисты, верны и послушны для того, чтобы хорошо гнать и по козам.

Граф де Шабо упоминает о двух замечательных в гоньбе блоудхоундах, ему принадлежащих, но, по-видимому, они были не чистокровны и произошли от помеси с фоксхоундами, которые действительно могли улучшить лады и прибавить энергии и жадности, которых недостает блоудхоундам. П. Жерюзе полагает, что при разумном подборе, имея многочисленную стаю, можно было бы вывести (графу Лекутё) лучших в мире гончих, в которых характеристичные свойства английских и французских гончих соединялись бы с идеальной (!) красотой. Мнение это также страдает сильным преувеличением: немало гончих с гораздо лучшими охотничьими достоинствами, а идеальная красота блоудхоундов граничит с безобразием.

Веро Шо говорит, что в последнее время английские охотники делали опыты скрещивания блоудхоундов с южными гончими (из Америки?) собственно с целью укрепления охотничьих качеств первой расы, а также здоровья. Прежде блоудхоунды действительно не отличались прочным здоровьем, трудно выращивались и были недолговечны, что происходило от частых, вынужденных необходимостью кровосмешений. Теперь, когда численность их значительно увеличилась, собаки стали много сильнее, здоровее и прочнее, но до сих пор не отличаются плодородием — пометы блоудхоундов весьма малочисленны. Свойство это унаследовано ими от мастифов. Замечательно, что ни в одной породе собак не замечается такой разницы в росте между кобелями и суками, как у блоудхоундов.

С другой стороны, несомненно, что изредка английские охотники подмешивали кровь блоудхоунда к лисогонам ради улучшения чутья, поиска и голосов последних. Lee указывает на майора Cowen'a, который, находя весьма полезным такое скрещивание, вывел особую разновидность, пользующуюся известностью — своих Bracs o'Dervent foxhounds'ов. Весьма возможно, что блоудхоунды употреблялись и для улучшения голосов оттерхоундов, как это полагают многие авторы.

В восьмидесятые годы вспоминали также и о прежней специальности блоудхоундов — выслеживании воров и преступников. Действительно, блоудхоунды даже в щенячьем возрасте обладают наследственной склонностью к разнюхиванию человеческих следов, притом чужих, незнакомых. Еще 1855 году был случай поимки ограбивших замок воров при помощи блоудхоунда. На выставке Кеннель-клуба в 1866 году была сделана попытка устроить испытания этим собакам. Их пускали по следам, оставленным людьми, одетыми в новую и старую обувь; но оказалось, что они очень скоро сбивались со следа и по странной случайности выказали лучшее чутье на испытание с чистой подошвой, а не натертой кониной. Позднее, когда общественное мнение было крайне возбуждено зверскими убийствами Джека Потрошителя, испытания эти были возобновлены многими любителями, но также оказались бесплодными и не имели практического значения. Lee совершенно верно замечает, что невероятно, чтобы собака могла следить преступника по мокрым и холодным тротуарным плитам, попираемым другими пешеходами, и что блоудхоунды могут принести пользу только в лесу или в поле, но никак не в городе. Однако и в поле блоудхоунды потерпели полное фиаско. Lee очень подробно и довольно наивно описывает, как он пробовал одну собаку по пороше и как она стеряла след через 600 ярдов; в тот же день пускали блоудхоундов другие лица поодиночке и до 5 разом по следу, сделанному за четверть часа; хотя результаты были удачнее, но все-таки Ли приходит к заключению, что чутье у них ниже среднего, и обращает внимание на то обстоятельство, что собаки сначала бежали по следу молчком, а как только к ним подпустили бассета, начали гнать, по примеру последнего, голосом. Он надеется, впрочем, что в 3—4 поколения удастся вывести таких собак, которые будут искать следом, сделанным за 3—4 часа, если только след этот не перекрещивается несколько раз другими пешеходами. По словам Ли, мистер Эдвин Brough, известный заводчик блоудхоундов, весьма успешно занимается дрессировкою блоудхоундов с 3—4-месячного возраста и, по-видимому, достиг сравнительно хороших результатов. По мнению Brough'a, современные блоудхоунды гораздо паратее своих предков, оберегавших границы Шотландии. Нет, однако, никакого сомнения, что в настоящее время для такой цели, т. е. для отыскивания воров и разбойников, имеется немало более чутьистых и более понятливых пород, чем блоудхоунды. Известно, что легавых, ретриверов, пуделей и терьеров очень часто приучают к отыскиванию потерянных вещей, но всего пригоднее для отыскивания чужих следов были бы немецкие Schweisshunde, которые до сих пор служат лесничим и лесникам для отыскивания браконьеров.

Таким образом, блоудхоунды, в сущности, отжили свой век, не имеют практического значения и являются архаическою, декоративною, выставочною породою. Выставки много содействовали распространению и популярности блоудхоундов, делавшихся редкими, но они, хотя улучшили лады, принесли им немало вреда, так как окончательно превратили их из охотничьих в chiens de luxe и довели их оригинальную внешность до безобразия. Современные блоудхоунды сохранили лишь весьма поверхностное сходство со своими родичами сан-губерами и нормандцами и так же похожи на них, как французские легавые на современных французских гончих. Ни одна современная охотничья порода собак, не исключая различных догов, не имеет такого длинного и вместе с тем сдавленного черепа, такого огромного затылочного гребня, таких громадных ушей (кроме прежнего ирландского водяного спаниеля), отвислых брылей и век и такой просторной кожи, которая висит складками на голове, шее и даже колодке. Все это достигнуто любителями в какие-нибудь 30—35 лет, главным образом подбором в известном направлении благодаря выработанным ими наружным признакам породы, т. е. предъявляемыми к ней требованиями, которые постепенно увеличивались, т. е. делались все строже. Знаменитости 60-х годов, более близкие к сан-губерам, теперь бы, конечно, считались очень плохими представителями расы.

Недавно (в 1896 г.) вышедшее описание признаков породы, принятое для выставочных собак, можно принять за основание, дополнив для сравнения и соображения замечаниями, делавшимися авторами ранее. Поэтому здесь будут встречаться некоторые противоречия, объяснимые отчасти прогрессом, сделанным породою в последнее время, отчасти личными взглядами и вкусами. Это знамя пунктов настолько подробно сравнительно с поверхностными описаниями французских гончих, что можно составить себе верное понятие о блоудхоундах, даже не имея перед собою рисунков.

Общий вид. Блоудхоунд соединяет (?) в высшей степени все признаки (!) стайных гончих собак. Он больше ростом, могучее сложением и массивнее, чем какие-либо другие гончие. Кожа у него тонкая, обвислая, слишком просторная для туловища, особенно на голове и шее, где образует толстые складки. Выражение исполнено благородства и достоинства: собака должна казаться эмблемой ума, величия и силы. Блоудхоунды ласковы, недрачливы с собаками и не злы (hargneux) к людям; характера скорее скромного (timide), одинаково чувствительного как к хорошему, так равно и к дурному обращению. Веро Шо говорит, что блоудхоунд имеет вид очень умной и сильной собаки, однако не дикой и не свирепой. По Дальзиелю, он производит поражающее впечатление, привлекателен, полон сознания силы. Reul, однако, замечает, и с

мнением его нельзя не согласиться, что отвислые веки и красные белки придают всегда гноящимся, маленьким впалым глазам страшный и отталкивающий вид, что-то дикое и жестокое.

Рост. У взрослых (2-летних) кобелей рост колеблется между 75—78 см; у сук 70—75 см. Рослые собаки предпочитаются небольшим, если только рост не в ущерб характеру, общему виду собаки. По Lee, средний рост выжлеца около 26 д., суки на 1—2 д. меньше. Граф Лекутё замечает, что ни у одной породы гончих не замечается такой разницы в росте у кобелей и сук, но это другими авторами не подтверждается, рост у него показан от 69 до 80 см., больший, чем у других.

Голова сравнительно с длиною узка, а с корпусом длинна; от теменных костей к концу морды слегка утончается. В профиль верхняя линия черепа должна составлять продолжение линии морды (т. е. в профиль перелом незаметен). Расстояние от носа до перелома (лба) должно быть не менее расстояния от перелома до затылочного отверстия при общей длине головы в 30—32 см. Череп длинный и узкий, с сильно развитым затылочным гребнем. Лоб не выдающийся, хотя от впалости глаз кажется выпуклым. Брыли имеют четырехугольную форму и с верхней линией морды образуют прямой угол; сзади они оканчиваются глубокими складками, которые соединяются на шее с другими, образующими подгрудок. У сук складки эти менее развиты.

По Веро Шо, чутье широкое, с широко раскрытыми ноздрями. Дальзиель говорит, что череп выпукл, имеет куполообразную форму и чрезвычайно развитый, почти острый затылочный гребень; брыли (губы) тонкие, весьма развитые и спускаются гораздо ниже нижней челюсти. Reul добавляет, что с них почти всегда течет липкая слюна. Граф Лекутё замечает, что голова (череп?) особенно узка у сук; по Дальзиелю же, верхняя челюсть (т. е. морда?) длинная и узкая, особенно у кобелей. Клыки, по словам графа Лекутё, почти такие же, как у волка.

Глаза глубоко ввалившиеся в орбитах; веки отвислые от тяжелых складок на морде. Цвет глаз соответствует окрасу псовины и изменяется от темно-орехового до желтого. Ореховая радужина предпочитается, хотя у черно-подпалых собак встречается редко. По Дальзиелю, глаз впалый, со спокойным, проницательным и очень выразительным взглядом. Reul говорит, что нижние веки парализованы, обвисли и как бы вывернуты наружу, обнажая темно-красную слизистую оболочку... Глазное яблоко маленькое, глубоко лежащее в орбите; радужина рыжая (fauve).

Уши тонкие, мягкие на ощупь, чрезвычайно длинные, низко поставленные и падающие красивыми складками; передний край уха завернут в средину и назад. Веро Шо говорит, что кожа ушей

очень тонкая; Дальзиель — что уши ниспадают красивыми складками вроде драпировки и так длинны, что могут быть соединены концами впереди носа. Reul, называя уши тяжелыми, замечает, что собака не может ими вовсе двигать и что расстояние между концами растянутых ушей превышает вышину собаки (см. размеры).

Шея длинная. По Дальзиелю, она длиннее, чем кажется. Reul говорит, что складки образуются и на загривке, когда собака поднимает голову.

Грудь имеет между ногами форму de carène profonde. По Стонехенджу, она была скорее широкая, чем глубокая. Граф Лекутё утверждает, что грудь не очень широкая, но очень глубокая. Очевидно, форма груди изменилась и собаки сделались менее бочковатыми, но с более спущенными ребрами.

Ребра (бока) закругленные. По Дальзиелю, ребро глубокое и достаточно выпуклое.

Плечи мускулистые, сильно наклоненные кзади. По Дальзиелю, плечи довольно косые.

Ноги прямые, с сильными костями и сочленениями; лапы крепкие, с поднятыми пальцами; бедра (cuisses) с сильно развитыми мускулами. Стонехендж говорит, что ноги и лапы вследствие недостатка движения часто были порочными. Grenvile F. Hodson, известный судья блоудхоундов, утверждал прежде, что при красивой внешности и могучем корпусе собаки эти вовсе не имеют ног, т. е. очень порочные ноги. У Веро Шо (в 70-х годах) — ноги с круглыми лапами (должны быть, но бывают редко) и сжатыми пальцами. В 80-х годах Дальзиель уже требовал сильных, прямых и мускулистых передних ног, круглых лап, и непременно в комке, с большими крепкими ногтями черного цвета. Однако Ли еще недавно сказал, что он «склонен думать, что, как у всех больших собак, у блоудхоундов мало развиты бедра и задние ноги (от постоянного лежания и недостатка движения)». Reul говорит, что так как собаки эти постоянно лежат, то у них всегда замечаются мозоли (на бедрах); поэтому они несвободны в движениях и бегут как связанные, особенно первое время (пока не разойдутся). К этому следует прибавить, что, по графу Лекутё, подошвы (пятки) очень жестки и черного цвета. В настоящее время ноги и зад значительно улучшились, так же как у мастифов, догов и сенбернаров, и теперь блоудхоунды с коровьими ногами встречаются довольно редко.

Спина широкая и сильная, слегка вогнутая. По Дальзиелю, туловище средней длины, поясница и зад очень мускулистые.

Гон длинный, высоко поставленный, кончается острием (сходит на нет) и одет с нижней стороны не очень длинной псовиной; держится высоко — свечкой и не должен сгибаться в виде охотничьего

рога. Но еще в 60-х годах, по Стонехенджу, требовался красиво загнутый хвост, перпендикулярно к спине (волос посредине нижней части хвоста мог достигать 2 дюймов длины). По Дальзиелю, гон гибкий, держится прямо, как палка, не очень высоко; у основания он толст, к концу утончается, не оканчиваясь, однако, острием. Граф Лекутё, воспитавший, по его словам, 300 собак, говорит, что хвост часто бывает согнут. Во всяком случае, гон у блоудхоунда теперь выпрямился, но держится не так круто.

Псовина. Стонехендж говорит, что она коротка и жестка на теле, тонка и шелковиста на ушах и голове. По Дальзиелю, она должна быть коротка, тонка и густа. Надо полагать, что действительно качество шерсти изменилось к лучшему, но каким образом граф Лекутё мог найти у блоудхоундов *короткую и густую шерсть* вкупе *с коротким и мелким подшерстком,* совершенно непонятно и невероятно как полнейший абсурд.

Окрас черный с подпалинами, красный с желтыми подпалинами или одноцветный багряный (fauve). Иногда на более темно окрашенных местах заключаются более светлые волосы, как у барсука, или даже белые крапины (это признак начинающегося вырождения от кровосмешения). Чисто-белый цвет допускается лишь на груди, на лапах и на кончике хвоста. В 60-х годах предпочитались собаки черные с подпалинами или чепрачные с темно-багряным окрасом на нижней стороне; черный волос часто имеет рыжеватый оттенок (от рыжего основания). По Веро Шо, любимою мастью была тоже темно-багряная с черным чепраком, причем багряный цвет незаметно переходил в черный. Дальзиель упоминает о желтых бровях, о которых почему-то не говорится у других авторов. Судя по всему, в прошлом и в XVII столетиях кроме белой груди, белых лап и белого кончика хвоста допускались белые отметины на голове и на теле. Знаменитый *Luath XI* капитана Clayton'a первых выставок был светло-красно-бурого окраса, который теперь всегда бракуется.

50-балльная оценка
(по Веро Шо)

Голова	10
Уши и глаза	5
Брыли и подгрудок	5
Колодка и грудь	5
Ноги и лапы	10
Окрас	5
Псовина	5
Общий вид	5
Итого	50

100-балльная оценка
(в скобках — последние изменения по R. Lee)

Голова	15 (20)
Глаза и уши	10 (15)
Брыли и подгрудок	10 (5)
Шея	5 (5)
Плечи и грудь	10 (10)
Спина и ребра	10 (10)
Ноги и лапы	20 (15)
Псовина и окрас	5 ($7^1/_2$)
Гон	5 (5)
Общий вид	10 ($7^1/_2$)
Итого	100

Оценка блоудхоунда по балльной системе изменялась несколько раз. Сначала была изменена 50-балльная, затем 100-балльная, которая в 90-х годах подверглась переделке, притом к худшему, так как прибавлены были баллы за голову с ушами и глазами (35 из 100!) и убавлены за ноги и лапы, тогда как следовало бы сделать наоборот.

Размѣры извѣстныхъ блоудхоундовъ.

	Возрастъ.	Вѣсъ въ килом.	Величина въ плечѣ.	Разстояніе отъ носа до основанія хвоста.	Длина хвоста.	Объемъ груди.	Окружн. живота.	Окружн. головы.	Окружн. морды.	Окружн. ноги у локтя.	Разстояніе отъ затылка до конца носа.	Длина растянут. ушей.	Длина уха.	Разстояніе между ушами.	Длина брылей.
Don (M-s Humphries).	4 г.	—	—	114	46	89	71	46	—	22	33	70	24	22	16
Dido (J. C. Tinker)...	19 м.	39½	65	116	47	84	66	46	38	22	35,5	66	—	—	—
Lufra (B. Fowler).....	3 г.	39	69	109	43	81	64	52	33,5	25	28	66	—	—	—

Благодаря выставкам и моде на блоудхоундов последние встречаются гораздо чаще прежнего, хотя исключительно у богатых и достаточных людей, и питомники этих собак уже довольно многочисленны. Псарное воспитание, однако, грозит ухудшением их характера. Больших питомников нет, пометы малочисленны, щенки трудно выращиваются, и хорошие экземпляры ценятся очень дорого, но дешевле сенбернаров и колли. Правильное разведение блоудхоундов началось, собственно, в начале 60-х годов, когда мистер Jennings в Йоркшире получил несколько производителей от лорда Faversham и барона Ротшильда; в несколько лет благодаря своему искусству он вывел таких собак, как *Друид* и *Вельком,* проданных им принцу Наполеону. Примеру Jennings'a последовали майор Cowen и мистер Pease, которые забрали призы с потомками *Друидов* Jennings'a, повязанных с другими производителями. Позднее особенно славился *Cromvell* г. Millais, издохший в 1892 г. Теперь (в 90-х годах) лучшими представителями породы считаются *Bono, Bardolph* и *Burgundy* из питомника Scarborough, так как им неоднократно присуждались кубки, выдававшиеся лучшей охотничьей (!) собаке всей выставки. *Burgundy* при весе в 111 фунтов (12-ти месяцев) и $26^{3}/_{4}''$ роста имел в обхвате груди 35 д. и голову длиною в 13 д., что даже чрезмерно. Вообще это (по Lee) едва ли не самая типичная собака по морщинам, ушам, голове, складу и общему виду. Брат его *Bardolph* получил в Манчестере

приз лучшей охотничьей собаки выставки. Эта собака вместе с *Bono* считаемая лучшими современными блоудхоундами, происходит от *Beckford'a* (№ 26188) и *Bianka* (№ 28374).

Английская пешая гончая (kerry-beagle)

Английская пешая гончая — непосредственный, почти чистокровный потомок южных пеших (old southern hounds) и, следовательно, тех старинных гончих нормандских королей и баронов, которые вскоре образовали две расы блоудхоундов — ищеек и собственно южных гончих. До последнего времени полагалось, что южная гончая исчезла еще в первой половине текущего столетия; новейшие исследования показали, однако, что остатки ее в небольшом количестве уцелели в Ирландии под названием kerry-beagles и что эти же old southern hounds'ы сохранились в Северной Америке, куда были привезены в начале прошлого столетия (?) английскими переселенцами.

Южные пешие гончие, образовавшиеся из нормандских, впоследствии, в начале XVII века, были, несомненно, улучшены примесью белых королевских, или тальботов, что несколько задержало вырождение первых. Но в XVIII столетии, с выделением породы фоксхоундов и изменением характера парфорсной охоты в Англии, южные гончие начинают исчезать и уступать свое место новым породам. Таплин в «Sportsman's Cabinet» (1804) неоднократно упоминает о южных гончих, хотя и говорит, что в его время они были уже редки. По его словам, ранее они были распространены повсеместно, и ему самому приходилось в 1775 году охотиться со стаей южных гончих. Они были гораздо рослее современных (т. е. начала XIX века) гончих, происходящих от этих старинных собак. В другом месте Таплин говорит, что южная гончая, несомненно, выродилась в харьера, главным образом в низменных странах Англии, и что она была величественной наружности, обозначавшей силу; они имели удлиненную спину, выпуклые ребра, глубокую грудь, очень длинные уши, приятный и звучный голос; окрас был такой же, как у фоксхоундов. О белых гончих, или тальботах, он не говорит ни слова. Последнее указание на эту породу встречается у Ричардсона (1851), считавшего тальботов самою старинною расой, называвшейся прежде гончими св. Губерта. Он говорит, что это пешие, очень горластые гончие, с большими брылями и очень длинными и большими (?) ушами, выдающимся затылочным гребнем, как у блоудхоунда, и жесткими волосами на животе. Последние два признака указывают, что Ричардсон имел в виду белую разновидность нормандских гончих или, вернее, помесь

белых королевских с блоудхоундами; как известно, нормандские гончие отличались очень развитым затылочным гребнем и были довольно псовисты, так как содержали примесь (бретонских и других) грифонов.

По свидетельству Юатта (писавшего в 40-х годах), южная гончая вышла из употребления вследствие своей пешести, ибо новое поколение спортсменов предпочитало кратковременную быструю охоту охоте, длившейся целый день. Последняя стая этих гончих была, по его словам, в Девоншире; по уничтожении последней несколько собак уцелело в одной из деревень графства (Avelon Giffard). Так как в настоящее время графство отличается многочисленными и очень хорошими оттерхоундами, то теория происхождения их от южных гончих, говорит Веро Шо, цитирующий Юатта, получает еще большее подтверждение.

Однако несомненно, что потомки южной гончей, хотя измельчавшей, сохранились до сих пор в Ирландии, где известны под довольно странным названием — kerry-beagles (от графства Керри)*, хотя имеют мало общего с настоящими биглями. В 1851 году Ричардсон упоминал о керри-биглях как о крупных, энергичных собаках ростом в 26 дюймов, даже до 28 д., с очень развитыми брылями и широкими висячими ушами; их иногда будто трудно было отличить от хороших блоудхоундов. Далее Ричардсон говорит, что они употреблялись для охоты на оленя и что в окрестностях Килларнея (в Ирландии) существовали две стаи керри-биглей. Ли поясняет, что одна из этих стай (Герберта), большая часть собак которой имела черно-подпалую или багряную масть, была уничтожена в 1847 году во время голода, разорившего страну и ирландских дворян, вынужденных продать свои имения (за которые они не получали аренды в течение 5 лет); другая же стая (О'Коннеля) около того же времени рассеялась по стране; несколько смычков попали к племяннику О'Коннеля, который довел впоследствии стаю до 20 смычков, но в 1868 году продал ее Клеменсу Ryan в Типерари. Это единственная стая во всем королевстве. Ранее же сороковых годов керри-бигли были обыкновенны на юге Ирландии. Еще ранее Rawdon Lee известный французский собакозаводчик Поль

* Название это служит доказательством того, что слово beagle происходит не от beigle — малый, а от французского глагола beugler — мычать, вопить; несомненно, голосу придавалось прежде более значения, чем росту. Название kerry-beagles впервые встречается у Блюма (Bloome, в «The Gentlemane Magazine», 1650), который называет их спутниками южных гончих и тальботов (в качестве ищеек, вероятно) и говорит, что они были чернопегой масти и около 45 с. ростом; далее Блюм прибавляет, что, однако, в Ирландии встречается разновидность, имеющая до 72 (!) с. роста и очень похожая на блоудхоунда.

Кальяр, по словам графа Лекутё, сообщал последнему, что видел в Ирландии гончих, называвшихся керри-биглями, которые имели большое сходство со старинными сан-губерами, были, так сказать, выродившеюся разновидностью этой породы, более легкого сложения, но тем не менее обладавшею многими достоинствами.

Подробное описание признаков керри-биглей, приводимое Ли, не оставляет никакого сомнения в том, что это прямые потомки старинных пеших гончих, более близких к нормандцам или даже сан-губерам, чем к настоящим биглям. Поэтому очень странно, что Ли не признает в них old southern hounds'ов — самостоятельную породу и считает их *крупною* ирландскою разновидностью биглей, что совершенно нелепо.

Кроме Ирландии, старинная пешая гончая сохранилась еще в южных штатах Северной Америки, в Виргинии и др., куда они были вывезены из Англии лет 200 назад, когда порода настоящих паратых гончих фоксхоундов только еще начинала вырабатываться. Дальзиель поэтому ошибается, считая виденных им в Соединенных Штатах американских гончих за потомков старинных фоксхоундов (!), привезенных первыми английскими колонистами; эти американские фоксхоунды, говорит он, легче английских, имеют более изящное сложение и лишены компактности, обличающей силу и выносливость, хотя они слывут за очень нестомчивых. Головою они *ближе к блоудхоундам;* уши у них длинные, тонкие и не закругленные (не закругляемые?), окрасом же одинаковы с современными фоксхоундами (т. е. пегие). Французы, в свою очередь, видят в этих американских southern hounds'ах потомков старофранцузских гончих, доставленных в Америку французскими переселенцами (?). В обозрении «Chasse illustrée», где упоминается об испытании гончих в Северной Америке в 1888 году, говорится, что эти потомки старофранцузских гончих гораздо легче (стройнее) английских фоксхоундов, выше на ногах, имеют более изящную голову и прекрасные (с французской точки зрения, т. е. длинные, в трубку) уши, которые никогда не подрезываются. Выше (стр. 256) уже было замечено, что (по R.Lee) Карриком выписывались из Западных Штатов (с целью улучшения оттерхоундов) несколько южных гончих, которые хотя и не имели родословной, но были замечательно похожи на рисунок, помещенный в книге Юатта.

Описание керри-биглей, доставленное Mc'Namara (из Килларнея) изучившим эту породу R. Lee, не оставляет, как сказано, никакого сомнения в том, что это те же гончие без заметной подмеси новых пород, только, по-видимому, несколько измельчавшие, так что они соответствуют французским брикетам, хотя употребляются не для ружейной, а для парфорсной охоты.

Голова средней величины, череп длинный и широкий, от глаз до затылка овальной формы (сверху); длина морды почти равняется длине черепа. Лоб низкий, надбровные дуги выдающиеся. Щеки сухие (без складок). *Глаза* большие, на слезе (блестящие), с умным выражением, цветом от светло-желтого до темно-карего. *Морда* длинная, спереди затупленная, может быть слегка горбоносою. Чутье широкое, не четырехугольное, а заостренное к концу; ноздри широкие. Верхняя губа отвислая и в углу рта образует толстую складку. Зубы крепкие, правильной формы. *Уши* большие, вислые, сидят очень низко и спускаются ниже шеи. *Шея* (сверху) несколько выпуклая, толстая, не отделяется резко от затылка (на одном с ним уровне?), с ясно выраженным подгрудком. *Грудь* широкая, низкая (глубокая). *Плечи* сильные и широкие. *Спина* не длинная, крепкая. *Зад* широкий, мускулистый, слегка выгнутый (приподнятый). *Ляжки* толстые, слегка изогнутые. *Ноги* костистые, мускулистые, короткие и крепкие. *Лапы* круглые, сжатые (в комке). *Гон* длинный, с подвесом, у корня толстый, носится высоко, согнутым. *Псовина* грубая, плотная и гладкая. *Окрас* черный с подпалинами, голубой с пятнами (мраморный) с подпалинами, черно-пегий с подпалинами и белый с подпалинами. *Рост* около 22 д. (55 см., т. е. средний). Собаки Ryain'a вовсе не имеют подмеси блоудхоундов, обладают достаточною паратостью, сильными и благозвучными голосами с заливом, причем во время самого жаркого гона замедляют бег, сильно закидывая голову. Прежде они употреблялись исключительно для зайцев, но недостаток в последних (!) заставил держать керри-биглей для гоньбы по оленю (ящичному, т. е. выпускному).

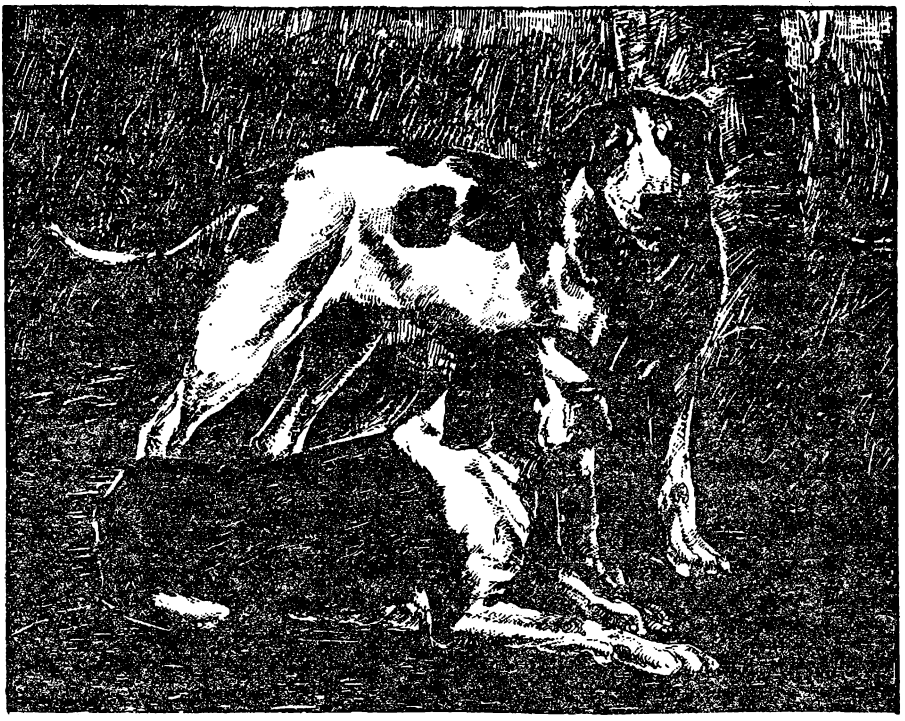
Стэгхоунд

Стэгхоундов, или оленьих гончих, не следует смешивать с дирхоундами, или шотландскими борзыми, которые иногда называются первым именем, так как употреблялись для охоты на оленя. Порода оленегонов в настоящее время вряд ли существует в Англии в чистом виде; она, вернее, составляет крупную и более тяжелую разновидность фоксхоундов, с которыми очень часто скрещивалась, т. е. поглощена ими. Прежние стэгхоунды, судя по отрывочным сведениям, очень напоминали французских гончих вообще и были родственнее им, чем блоудхоунды, тем более фоксхоунды.

Охота с гончими на оленя началась в Англии с эпохи завоевания ее норманнами, которые ввели здесь французскую парфорсную охоту с ее правилами и привели с собою тяжелых и пеших нормандских гончих, близких к сан-губерам. История говорит, что во времена нормандского владычества выселялись целые селения, разру-

шались церкви с целию расширения мест, занятых оленьими парками; Эдуард III, когда воевал с Францией, взял с собой 60 смычков оленьих гончих. В средние века, однако, для охоты на оленей употреблялись и блоудхоунды, тоже называвшиеся тогда оленьими гончими, так что надо полагать, что в первое время не было особой породы стэгхоундов и она выделилась лишь позднее (в XVI и XVII столетиях?), когда стали требовать от гончих большой паратости. Поэтому автор «Sportsman's Cabinet» 1804 г. (Таплин), а за ним Идстон и в последнее время Дальзиель правы, считая старинных

Рис. 33. Стэгхоунды («Охотничий календарь»)

стэгхоундов за основную породу, за корень всех английских гончих.

Охота на крупного зверя в Англии с гончими, говорит Ла Бланшер, процветала с XI столетия, с нормандского нашествия, и до XVI. Традиции охоты постепенно утрачивались, население увеличивалось, леса расчищались и истреблялись; с этого времени начинают держать оленей и ланей в огороженных парках. В 1603 году Генрих IV послал Иакову Стюарту учителя парфорсной охоты (Бомона) «в лесах, а не в огороженных местностях, как парки»; но все-

таки тогда преобладала охота в парках, где зверь почти всегда был на виду у охотников и собак, так как не было поросли и кустарника. Прежние гончие уже не были пригодными в таких местностях и требовались более паратые. Таковыми могли быть лишь белые королевские гончие, славившиеся в XVII веке, и французские короли, конечно, присылали английским только этих королевских гончих. Mègnin поэтому ошибается вдвойне, говоря, что стэгхоунды происходят от нормандских собак, вывезенных в Англию во времена Карла I и Карла II, и что стаи Стюартов — Георга II и Георга III — состояли из нормандских гончих. Во-первых, оленьи гончие существовали до Карлов и были приведены норманнами, а, в XVII столетии из Франции по причинам весьма понятным могли доставляться в подарок лишь лучшие гончие, именно королевские.

Но белые королевские по необходимости должны были смешиваться с прежними оленьими и другими породами английских гончих — блоудхоундами, южными пешими гончими, а позднее фокскхоундами. Таплин говорит, что стэгхоунды конца XVIII столетия произошли от старинных английских южных собак с низкими голосами, смешанных с более паратыми вымесками блоудхоундов с фокскхоундами. Эти оленьи гончие все-таки резко отличались от фокскхоундов и составляли особую породу, уже не существующую. Граф Лекутё, а за ним Mégnin утверждают, что последняя стая настоящих стэгхоундов, имевшая много крови нормандских гончих, была продана в Австрию в 1827 году. По Ли, старинная стая, выведенная в Exmoor'e, была продана в Германию (?) в 1811 году и потомки этой стаи с подходящею помесью охотятся и по настоящее время.

Как бы то ни было, современные стэгхоунды имеют очень мало общего со стэгхоундами прошлого столетия и очень мало отличаются от фокскхоундов, настолько мало, что английские авторы не дают им отдельного описания, считая их крупною разновидностью или даже просто рослыми фокскхоундами, употребляемыми для охоты на оленя, а не на лисицу. Юатт в сороковых годах говорил, что стэгхоунды крупнее фокскхоундов, имеют лучшее чутье, но не так параты. Вероятно, они имели тогда еще много крови более пеших старинных собак, так как 20 лет спустя Стонехендж, описывая стаи Ротшильда и королевскую, называет их более рослыми и *более паратыми,* чем фокскхоунды, и происшедшими от последних. Следует заметить, однако, что гончие различных стай заметно отличаются между собою и что вообще порода эта сильно варьирует, не имеет определенного типа по весьма понятным причинам: каждый владелец придерживался своих вкусов и взглядов, и новейшие стэгхоунды не успели еще выделиться в особую породу, да

вряд ли когда составят ее, так как охота на оленя скоро утратит в Англии всякий смысл.

Таким образом, мы видим, что под названием стэгхоунда — оленьих гончих — были известны в разное время по крайней мере 4 различные породы: сначала, в средние века, нормандские гончие и блоудхоунды; с XVI столетия — белые королевские и помеси с ними, которые в XVIII веке образовали самостоятельную породу; современные же стэгхоунды — только рослые и более массивные фоксхоунды с незначительною уже подмесью старой крови оленьих гончих прошлого столетия — южных пеших гончих. Действительно, как замечает граф Лекутё, некоторые собаки имеют более толстую, четырехугольную (незаостренную) голову, более толстую морду, более отвислые губы, более широкие ноздри, более могучий скелет, и в них поэтому в меньшей степени сказывается кровь терьера (!), борзой и бульдога, чем в настоящих фоксхоундах. Лет 40 назад, продолжает он (т. е. в 50-х годах), еще можно было найти гончих этой породы; нередко встречались собаки 24—25 д., могучего сложения, с большими, длинными и вместе широкими головами, с лучше (т. е. ниже) поставленными ушами и не такими мохнатыми хвостами. Подобных гончих разыскал в Англии еще в начале 80-х годов известный Servant (подобно графу Лекутё, видевший в английских гончих только испорченных французских), сначала будто изучивший формы прежних стэгхоундов по старинным гравюрам. Им собрана и разведена была целая стая собак трехцветного окраса, с черным чепраком и небольшими белыми крапинами, с багряными головами, ушами и краями чепрака. Не так давно Servant почему-то прекратил охоту и распродал своих гончих, конечно не добившись превращения их в старинных французских (нормандских?). Современные стэгхоунды не могут иметь много общего с нормандскими, как блоудхоунды вовсе не сан-губеры. Это — французское самообольщение. Англичане, если б видели в том надобность, легко могли бы восстановить оленьих гончих прошлого столетия простым подбором наиболее подходящих к старинному типу производителей, примесью керри-биглей и тех потомков южной пешей гончей, которых они разыскали в Северной Америке, где эти гончие сохранились почти в чистом виде.

Но стэгхоунды не пользуются уже прежнею популярностью. Уменьшение числа стай для охоты на оленей, по свидетельству Ли, началось около 100 лет назад вследствие употребления высоких изгородей (?); упадок охоты несколько замедлился вследствие того, что стали охотиться на привозных оленей. Такой способ теперь преобладает, и диких оленей гоняют только в Девоне и Сомерсете (в Шотландии нет стэгхоундов, и их заменяют там, в

редких, впрочем, случаях, дирхоунды). Собственно говоря, это не охота, а садка, тем более что загнанного (сгоненного) собаками оленя никогда не прикалывают и он может служить объектом охоты много раз. Поэтому в последнее время стали подниматься голоса против подобного рода увеселения, но нападки противников оленьей гонки, по мнению Ли, несправедливы, так как никакой кровожадности тут нет.

Охота на оленя аналогична с охотою на лисиц (которые теперь тоже в большинстве саженые, а не дикие), но доставляет более удовольствия, так как продолжается не 40 минут, а 3 часа. Прежде пешие стэгхоунды едва опережали всадников; теперь этого не бывает, но, к сожалению, говорит Ли, обращается более внимания на лошадей и их скачку, чем на собак. Девоно-сомерсетская стая, с которою охотятся на диких оленей, состоит из 34 смычков очень крупных гончих: 25—26 д. считается настоящим ростом; из них часть так называемых хохлатых (tufters). Это большею частью старые собаки, обязанность которых найти оленя, выследить его, отбить от стада и погнать; только тогда к ним подпускают всю стаю. Следовательно, эти тофтеры отчасти выполняют предварительную работу ищеек (limiers). Число их зависит от местности (большею частью 4 смычка), и ими бывают самые выносливые, чутьистые, вязкие и голосистые гончие, вернее — способные гнать голосом. Немые тофтеры совершенно бесполезны, хотя современные стэгхоунды очень склонны к гоньбе молчком. Надо полагать из этого, что тофтеры должны более напоминать старинных оленьих гончих, от которых требовалась не одна паратость. В Девоне и Сомерсете с 12-го августа до конца октября охотятся за самцами; в конце октября начинают гонять по самкам, и охота оканчивается в апреле; всего в местности, служащей для охоты, добывается из-под стаи около сотни оленей обоего пола. В других частях страны охотятся на самцов и самок безразлично. У привозных оленей (так называемых ящичных, так как их выпускают заблаговременно из ящиков) спиливают рога, чтоб они не поранили друг друга в заключении, и их специально подготовляют для гона, дают особую пищу. Они редко подвергаются каким-либо повреждениям, когда бывают сгонены.

К 90-му году числилось 12 стай стэгхоундов в Англии (около 300 смычков) и 4 стаи в Ирландии, всего менее 1000 собак, т. е. много менее, чем фоксхоундов*. Наибольшею известностью поль-

* В 1894 году, по «Field'у»; было в Англии 17 стай (в том числе стая в 35 смычков королевская и в 41 смычок девоно-сомерсетская) и в Ирландии 6 (самая большая — Ward Union, в 30 смычков). Отсюда можно сделать заключение, что охота на (выпускного) оленя распространяется.

зуется девоно-сомерсетская стая, которая ведет родословную с 1827 года, хотя некоторые относят ее происхождение к XVII столетию, за 250 лет назад. Окрестные помещики — Оклэнды, Бассеты и другие — действительно имеют охотничьи рога от прошлого века, а серебряные охотничьи пуговицы переходят из рода в род, по наследству, но современные безголосые стэгхоунды и в этой стае выведены от крупных, отборных фоксхоундов с примесью старинной крови. Интересно, что Бассеты охотятся теперь со стаей, составленной из одних *выжлецов,* продаваемых другими охотами за излишеством.

Другая известная стая стэгхоундов — это королевская, содержимая на государственный счет в Аскоте, причем егермейстер, назначаемый господствующей партией (а не наследственный, как прежде), получает 1500 фунтов (около 14 000 рублей) жалования. Эта стая состоит (по Ли) из 40 смычков и ведет свое начало от 1812 года, когда принц-регент приобрел знаменитых Hoodwood'овских фоксхоундов (см. далее), так как они были паратее старинных южных гончих и тальботов, бывших основанием прежней королевской стаи. В 50-х годах королевские гончие, по Стонехенджу, как говорилось выше, имели широкие и короткие головы; Дальзиель утверждает, что (в 80-х годах) головы у них были различной формы, не так длинны (?), как у фоксхоунда, что стая хорошо подобрана, но разница в росте выжлецов и выжловок очень большая — в 5 см. Собаки эти сильного сложения, коренасты, мускулисты, с широкою и низко спущенною грудью, могучей спиной, с сильно развитыми бедрами, прямыми ногами, с круглыми (цилиндрическими) костями и крепкими лапами. Все указывало больше на силу и выносливость, чем на быстроту, но тем не менее они были очень параты, ибо все члены находились в полном между собою соответствии. Позднее Ли говорил, что нынешние королевские стэгхоунды очень параты, хорошо подобраны и почти однотипны; кобели ростом около 24 д., а суки около 22 $^{1}/_{2}$. Стая сганивает оленя (выпускного) в 2 $^{1}/_{2}$—3 часа. Из других стай более других известна стая барона Ротшильда (около 30 смычков).

Ли подтверждает полнейшее тождество современных стэгхоундов с фоксхоундами и говорит, что это только самые рослые лисогоны, с которыми охотятся на оленя, которые так же параты, имеют такое же хорошее (!) чутье, такую же псовину, окрас и лады. В обеих породах главное внимание обращалось на крепость и толщину ног и сильное развитие бедер. Но так как стэгхоунды не подвергаются операции подрезывания (округления) ушей, подобно фоксхоундам, то они, в общем, при своей массивности и более длинных ушах на первый взгляд имеют довольно резкие отличия, почему многими считаются особой породою. Характер собаки нис-

колько не изменился от перемены объекта преследования: стэгхоунды так же добры, ласковы, понятливы и позывисты, как фоксхоунды.

В России стэгхоунды сделались известны со времен императрицы Анны Иоанновны, которая была большой любительницей парфорсной охоты на оленей по английскому способу с английскими же гончими, нарочно покупавшимися для императорской охоты. По-видимому, в прошлом столетии и в начале нынешнего оленьи гончие встречались у нас чаще фоксхоундов, и так как они обладали тогда достаточною паратостью при весьма удовлетворительных других охотничьих качествах, то едва ли не были причиною моды на английских гончих. Несомненно, наилучшие англо-русские гончие происходили от помеси прежних стэгхоундов с русскими породами; таковы гончие Глебова, Смирнова, Березникова. Позднее, с 50-х годов, в Россию стали привозить только настоящих фоксхоундов, принесших такой большой вред русской охоте с гончими.

Кишенский в своем «Опыте генеалогии собак», описывая английских гончих, ничего не говорит о стэгхоундах; очевидно, под первою разновидностью фоксхоундов он имел в виду именно эту породу, тем более что относит к этой разновидности и березниковских гончих, которые, вероятно, и послужили ему образцом для описания.

По его словам, первый тип английских породистых гончих был масти исключительно черно-пегой, черные пежины с серым или бурым подшерстком, большею частию без подпалин, но иногда со светлыми белесоватыми подпалинами. Голова толсторылая, длинномордая, несколько заостренная к носу; череп продолговатый, неприлобистый; уши средней длины, сидят не особенно высоко. Колодка круторебрая, с широкой спиной. Ноги толстые, пропорциональной вышины или немного низковаты. Гон всегда псовистый и очень закрючковатый, иногда почти кольцом, посажен высоко и носится круто. Вообще толстокосты, мускулисты и сухи складом. Параты, но уступают в этом отношении другим; довольно чутьисты и далеко не с дурными голосами. Этот тип, как я сказал, редко встречается теперь и в Англии, где его считают происходящим из Шотландии (?). К нам в Россию он привозился крайне редко; стая таких английских гончих была у г. Березникова, а потом перешла в императорскую охоту. Принимая во внимание описанные признаки, я полагаю, что этот тип из английских паратых самый древний, известный на континенте в XVII столетии под именем шотландских гончих. На основании признаков произошел он от скрещивания западных гончих с северной волкообразной собакой, которая, весьма вероятно, до появления гончих заменяла их в

Англии, как заменяет и теперь у некоторых северных народов. Остатки северной собаки сохранились в Англии и преимущественно в Шотландии под именем пастушьей собаки (colley).

Однако, сколько известно, шотландской породы гончих никогда не существовало, а т. н. северные гончие (northern hounds), вероятнее всего, представляли собою помесь южных гончих французского происхождения с дирхоундами, которые одни только могли дать им недоставшую паратость и вместе с тем были универсальной охотничьей собакой шотландцев, заменяя им борзую и гончую. Подшерсток и некоторые другие признаки (псовистый и закрюковатый гон, светлые подпалины, отсутствие прилобистости) вовсе не свойственны каким бы то ни было английским гончим и произошли от подмеси к английским гончим крови русских гончих, которая, несомненно, имелась и в березниковских гончих, как равно в родственных им смирновских.

Фоксхоунд

Ни одна порода собственно охотничьих (не промысловых) собак не имеет такого важного значения для целой страны, доставляя удовольствие, занятие и заработок десяткам тысяч людей, как фоксхоунды. Содержание стай этих собак и вообще все траты, связанные с лисьей охотой, оцениваются десятками миллионов рублей.

С другой стороны, ни одна порода гончих не возбуждала и не возбуждает до сих пор столько споров и разноречивых мнений о своих достоинствах и недостатках. Между тем как одни охотники из патриотизма или староверства презрительно относятся к фоксхоундам как вымескам, составленным и по сейчас фабрикуемым англичанами из винегрета разных гончих и негончих собак, даже не желают признавать их за гончих, другие считают лисогонов самыми лучшими, породистыми и чистокровными гончими в мире или по крайней мере видят в них необходимый материал для улучшения местных пород гончих.

Эта первостепенная роль, которую играют фоксхоунды в Англии, повсеместное распространение их, затем ложные о них представления побуждают нас рассмотреть подробнее, как вырабатывалась эта порода, почему она получила такое значение, объяснить причину таких странных противоречий между ее противниками и поклонниками.

Охота на лисиц с гончими в Англии началась, вероятно, со времени норманнского нашествия и пользовалась с самого начала уважением нормандских баронов по той понятной причине, что это

был почти единственный хищный зверь, если не считать барсука, выдру и мелких хищников. Известно, что волки были окончательно истреблены в Англии при короле Эдгаре в X столетии*. Охота на оленя, конечно, считалась более высокою — королевскою.

Тем не менее английские короли охотились и за лисицами, и ловчий Эдуарда II Twici (начало XIV века) в своем охотничьем сочинении дает подробное наставление, как следует охотиться с гончими на лисиц «в кустах, зарослях и чащах» (см. Rawdon Lee)**. В средние века, однако, не было и не могло быть породы гончих специально для охоты на лисиц. Для такой охоты требовались собаки чутьистые и выносливые, но не особенно паратые. Мы знаем, что в это время Англия еще была покрыта густыми лесами, строго охранявшимися жестокими лесными законами нормандских королей, и что эти леса препятствовали быстрой гоньбе собак и бешеной скачке всадников. Для охоты на лисиц употреблялись тогда тоже пешие гончие, потомки нормандских, как для оленей и зайцев. Только в Шотландии, где волки встречались до начала XVII века и где долгое время главною, почти единственною охотничьею собакою были полуборзые-полугончие дирхаунды, с которыми охотились еще аборигены Шотландии — пикты и скотты, пешие гончие никогда не были распространены и их с давних времен стали скрещивать с борзыми, преимущественно брудастыми. Таким образом в Шотландии и в северных графствах еще в средние века выработалось несколько пород или разновидностей так называемых паратых северных гончих, резко отличавшихся от южных пеших хоундов. Жервез Маркам в своей «Countrey Contentement» (1631) говорит, что в северных графствах употреблялись небольшие легкие и паратые гончие пегих окрасов и упоминает о griffeld'ax (очевидно, от слова griffon), обыкновенно жесткошерстных гончих различного окраса, превосходных для охоты на лисиц, бар-

* Волки были истреблены после усмирения королем взбунтовавшихся жителей Уэльса, обязавшихся доставлять ежегодно известное количество волчьих голов. Ссылка, тюрьма, отпуск домой — все было таксировано на волчьи головы, соответственно важности преступления или общественного положения лица. Вся нация тогда охотилась на волков, и в 996 г. они были окончательно истреблены. В Шотландии они существовали до 1680 г., а в Ирландии до 1710 г.

**Впрочем, еще ранее встречается указание на охоту на лисиц и гончих для этой охоты. Бекман говорит о повелении короля Иоанна от 1213 года, из которого приказа видно, что тогда охотились на лисиц с фоксхоундами и борзыми. В конце XIII века охотились таким же образом, т. е. лисиц выгоняли на борзых, которыми травили. В средние века вообще охотились на лисиц главным образом вследствие их многочисленности и ради их меха, что подтверждает известный судья фоксхоундов John Fisher (см. Дальзиель).

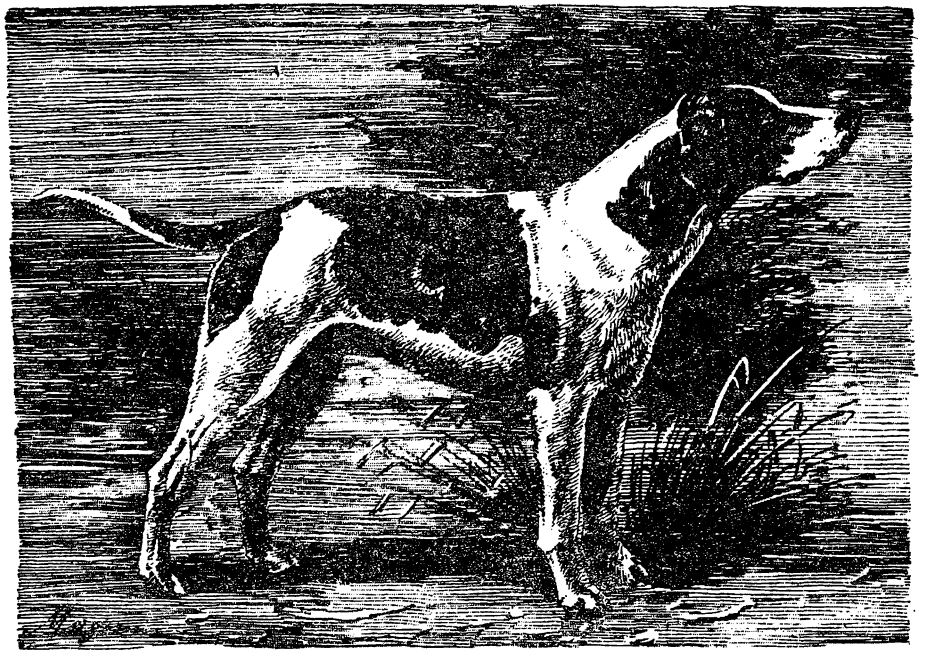
суков и вообще вонючего зверя (см. выше, стр.248). Паратость, т. е. быстрота, могла быть приобретена только подмесью крови борзых, а так как в Шотландии преобладали дирхоунды, а в северных графствах Англии помесь дирхоунда с английской борзой, то естественно заключение, что северные гончие произошли от скрещивания южной пешей гончей с тою или другою породою борзых.

В XVII столетии, когда леса Англии стали превращаться в расчищенные парки и гонный зверь был виден издалека, пешие, хотя чутьистые, гончие не могли более удовлетворять английских охотников и последние по необходимости должны были прибегнуть к северным паратым собакам. Поэтому все авторы согласны в том, что паратая английская гончая, т. е. фоксхоунд, произошла не непосредственно от южной или северной гончей, а от скрещивания северных гончих с борзыми. Джон Скотт, охотничий писатель, живший в начале текущего столетия, подтверждает это мнение и даже называет заводчиков, произведших это смешение (по Веро Шо). Грубость форм и псовины фоксхоунда и подвес на хвосте доказывают, что в образовании их опять-таки участвовали брудастые борзые. Впоследствии для увеличения энергии и силы к ним неоднократно (хотя секретно) прибавлялась кровь бульдога, которая сказывается до сих пор в широком черепе некоторых лисогонов, напоминающих своего лобастого предка. Об этой подмеси, сколько известно, все английские авторы благоразумно умалчивают, но она очевидна и понятна. Напротив, утверждение французских авторов (Mègnin, Reul и др.), что фоксхоунды произошли от скрещивания стэгхоундов с борзыми, бульдогами и *терьерами,* совершенно голословно и весьма нелепо. Можно, пожалуй, допустить участие стэгхоунда в образовании новой породы, но подмесь терьера бессмысленна и потому невероятна.

Тип паратой гончей исключительно для охоты на лисиц вырабатывался очень медленно, по крайней мере в течение двух столетий. В книге Ли встречаются указания на то, что стаи лисогонов, быть может, встречались даже в XVI столетии. В № «Фильда» от 6-го ноября 1875 года был помещен рисунок рога, принадлежащего Корбету, с надписью: «Thomas Boothby, эсквайр. Tooley parc Leychester. С этим рогом он охотился 55 лет с первой тогда стаей фоксхоундов. Родился в 1477 г., умер в 1572 г.» Но надпись, очевидно, более позднего времени, т. е. сделана после смерти Boothby; затем некоторые английские охотники высказали мнение, что его собаки могли гонять также по оленю. J. Apperby, писавший под псевдонимом Nimrod и умерший в 1843 году, приводит предание, что первая стая фоксхоундов принадлежала Thomas Fownes'y, охотившемуся в самом начале XVII века, и что предок лорда Arundel' я имел подоб-

ную стаю в конце того же столетия. Первая стая перешла к мистеру Bowes в Йоркшире, а вторая находилась во владении Арунделей до 1782 года, когда перешла во владение Meynell'я, исторической личности в летописях охоты на лисиц. Blew, автор «Noticia venatica» (нов. изд. 1689 г.), описывает чарльтонскую стаю в Суссексе, принадлежащую герцогу Монмаутскому и лорду Грею, с которою охотились за лисицею. Стая эта в 1750 году была переведена в Hoodwood. Лорд Wilton в своей книге «Sports and Pursuits of the Englich» говорит, однако, что до 1750 года не было специаль-

Рис. 34. Английская паратая гончая, фоксхоунд («Охотничий календарь»)

ных собак для охоты на лисиц. Фоксхоунды (питомника Belwoire в Meltonmowbray), принадлежащие герцогу Рутланд, происходят по прямой линии от собак лорда Wilton'a. Надо полагать, что охота с гончими вообще и на лисиц в частности вряд ли могла пользоваться популярностью ранее начала прошлого столетия, т. е. того времени, когда король Георг I разрешил принимать в ней участие фермерам и буржуазии. Во многих местностях Англии фермеры составили тогда общества для охоты на лисиц, причем каждый из участников должен был содержать двух-трех собак.

До революции 1688 г.[43] охота на лисиц ставилась наравне с охо-

той на барсука, и Жервез Маркам в своей книге о верховой езде и воспитании охотничьей лошади не советует выезжать лошадей для охоты на лисиц, так как охота эта производится в неудобных для скачки местах. На лисиц стали все охотиться, лишь когда леса стали гуще, а дичь сильно уменьшилась. Уже Соммервиль, умерший в 1742 г., в своей поэме описывает охоту на лисиц так, что уже нет никакого различия с нынешнею. В 1769 г. был наконец учрежден первый клуб охотников на лисиц*. К этому следует также прибавить, что (о чем уже было сказано выше) в двадцатых годах прошлого столетия во Франции уже славились паратостью английские гончие графа Тулузского, а в 1730 году была выписана для Людовика XV стая гончих, сганивавшая оленя в час, из чего можно заключить, что это были не стэгхоунды, а настоящие фоксхоунды; известно, что даже современные стэгхоунды сганивают оленя в $2^1/_2$—3 часа.

Дальзиель в доказательство старинного происхождения фоксхоундов сообщает, что он видел в Северной Америке (в Виргинии) фоксхоундов (?), которые, по преданию, происходили от лисогонов, вывезенных из Англии первыми колонистами 200 лет назад. Но из его же описания видно, что это несколько видоизменившиеся потомки английской южной пешей гончей, едва ли не более близкой к блоудхоундам, чем к фоксхоундам. Французы, более всех наций склонные видеть во всех гончих и легавых потомков французских собак, прямо высказывают мнение («Chasse illustrèe»), что гончие южных штатов, известные под названием southern hounds (южных гончих), происходят от старофранцузских гончих и что на испытании фоксхоундов в быстроте, неутомимости и голосах (происходивших в Северной Америке в 1888 г.) обнаружилось глубокое различие между двумя породами американских гончих — потомками английских и французских. Следовательно, в Америке встречается (в северных и западных штатах) другая порода этих гончих, гораздо более близкая к современным английским фоксхоундам, чем виргинская южная гончая.

Во всяком случае, фоксхоунды как самостоятельная порода с известными определенными признаками существуют более 150 лет и первые родословные книги их ведутся (в Broclesby) с 1786 года. Само собою разумеется, что в течение этого времени они подвергались некоторым изменениям или (с английской точки зрения) улучшениям, но главным образом (по крайней мере с начала XIX столетия) при помощи подбора лучших производителей, а не подмесью крови других пород, которые подпускались редко, большею

* «Начало охоты на лисиц в Англии» (перевод). «Журн. коннозав. и охоты», 1859, № 8, стр. 482—489.

частью в виде опыта*, в умеренном количестве и в, так сказать, сильно разжиженном виде. Подмесь бульдогов делалась, вероятно, в конце прошлого или начале нынешнего века; в последнее же время ради улучшения чутья, голосов и головы фоксхоундов англичане стали подбавлять кровь французских гончих. Граф Лекутё обращал (в 1890 году) внимание на то, что лет 15 назад, т. е. в 70-х годах, англичане накупили во Франции много вымесков вандейских гончих (гладкошерстных) выжлецов, которых вязали с выжловками фоксхоундов. Поэтому, продолжает он, теперь вывозят из Англии собак, которые хотя и не похожи на вандейских, но имеют их достоинства и недостатки, а именно: голоса и чутье у них лучше, чем у прежних лисогонов, но они менее послушны и наганиваются (se créancent) с большим трудом. Надо думать, что англичане пользовались и другими французскими гончими, а не одними вандейцами, которые менее всех способны улучшить фоксхоундов.

Старинные — первые — фоксхоунды не обладали и не могли, конечно, обладать такою паратостью, как потомки их в XIX столетии. R. Lee рассказывает, что в 1738 г. стая герцога Ричмондского гоняла лису с 7 ч. 45 м. утра до 5 ч. 50 м. вечера. В конце прошлого и в начале нынешнего века фоксхоунды уже очень мало уступали складом и паратостью современным. Улучшением породы и установлением типа охотники более всего обязаны известным корифеям английской охоты начала XIX века: Осбальдестону, полковнику Торнтону, John Musters'y, Мейнелю и некоторым другим лицам, не щадившим средств и трудов на совершенствование новой расы. Знаменитая книга Бекфорда (вышедшая в 1810 г.) о фоксхоунде, его содержании на псарне и охоте с ним до сих пор не только нисколько не утратила значения, но считается наилучшим руководством. «Все, что он писал тогда, — говорит Ли, — остается верным и по настоящее время, потому что никакая собака не изменилась так мало за целое столетие, как фоксхоунды. Владельцы их не сумасбродствовали и не увлекались модною мастью, формою головы и длиною ушей и другими фантастическими (декоративными) признаками; охотникам требовалась рабочая собака, и они поддерживали породу без изменений. Что действительно фоксхоунды XIX столетия изменились менее всех прочих западноевропейских пород, этому можно поверить, и потому их следует считать вполне установившеюся и едва ли не наиболее чистокровною поро-

* При этом в большинстве случаев при неудавшейся помеси все нечистокровные экземпляры браковались и сбывались большею частью за границу. Отсюда мнение о разнотипности фоксхоундов и неверности их пометов.

дой. Джон Скотт действительно имел полное право сказать, что «теперь не слыхать более жалоб, как в прежнее время, на избыток крови борзой в фоксхоунде, на недостатки чутья, позывистости и выносливости...» Ли говорит, что в течение большого промежутка времени лисогоны сохранили рост, скелет, склад, общий вид и едва ли потеряли сколько-нибудь в быстроте, энергии и выносливости. Портрет *Рингвуда* из стаи Брокльби, сделанный Стубом в 1792 г., действительно очень близок к современным, однако рисунок, сделанный с английской гравюры, помеченной 1799 г., изображает очевидных выборзков, что особенно сказывается в их головах.

Особенное развитие охота на лисиц в Англии получила после 1815 года, и процветание ее продолжалось до Крымской войны. Тогда еще не было стипль-чезов, и лошади поэтому доставались легче, так как не годившихся для скачек продавали охотникам; теперь же такие кровные скакуны покупаются для скачек с препятствиями. Но, кроме того, местность тогда гораздо более благоприятствовала охоте: не было проволочных изгородей, заросли не были заняты фазанниками, не было, наконец, железных дорог. Впрочем, на севере, на Ричмондской линии например, машинисты при встрече с охотой останавливают поезда.

Из одного этого факта нетрудно заключить о степени популярности этой охоты, даже пристрастия к ней. Она вполне может быть названа национальною, и это действительно верно, если принять в соображение, что в охоте или, вернее, скачке может принять участие всякое лицо, которое явится на сборный пункт верхом и в традиционном красном костюме. Трудно поверить, даже представить себе, какое громадное значение имеет охота на лисиц для целой страны не только в качестве главного спорта, но и важной отрасли сельского хозяйства. Содержание множества собак и лошадей, пикеров и наездников стоит огромных сумм, дает занятие тысячам людей и немалые выгоды земледельцам-фермерам, выводящим охотничьих лошадей (гунтеров) и воспитывающих щенков. Только благодаря развитию охоты с фоксхоундами англичане имеют таких прекрасных (полукровных) лошадей для кавалерии; именно охота на лисиц превратила эту морскую нацию в лучших кавалеристов в мире, сделала верховую езду необходимою не только для богачей, но и для людей с небольшими средствами. В открытии сезона охоты, можно сказать, принимает участие вся нация: обычное течение дел приостанавливается, пустеет парламент; очень немногие лица, имеющие возможность охотиться, не принимают в ней участия. Все политические знаменитости Англии, почти без исключений, были псовыми охотниками. Несомненно также, что страсть к псовой охоте много способствовала любви английских помещиков к сельской жизни.

В 1890 году насчитывалось (по Ли) 190 стай*, регулярно охотящихся в различных местностях Великобритании, причем огромное большинство стай приходилось на долю собственно Англии. В этих стаях насчитывается более 10 тысяч (взрослых) собак; число лошадей, принимающих участие в погоне за лисицей, по приблизительному вычислению лорда Jarborough, достигает 90 тысяч. Содержание стай, жалованье людям и пр., по расчету Ли, обходится не менее 3-х миллионов фунтов стерлингов в год, а по мнению лорда Jarborough, доходит до 4 $^{1}/_{2}$. Конечно, эти цифры за отсутствием и невозможностью правильной статистики только приблизительные, но они не должны быть преувеличены, так как один авторитетный охотник говорил Ли, что в одном только Йоркшире содержание 17 стай фоксхоундов, не считая харьеров, обходится не менее 500 тысяч фунтов в год. Сюда не входят расходы посторонних охотников, не имеющих собак и не принимающих участие в расходах по содержанию общественной стаи, также огромные суммы, истрачиваемые в продолжение сезона участниками охоты в отелях, существование которых иногда обусловливается именно охотниками. Короче, вся нация — фермеры и торговцы, лорды, эсквайры, достаточные горожане — прямо или косвенно заинтересованы в процветании охоты на лисиц. «Нас следовало бы назвать не нацией торгашей, а нацией охотников на лисиц!» — восклицает в пафосе Rawdon Lee.

Самая многочисленная стая фоксхоундов находится в Blackmoor Vale, в Дорсете (80 смычков)**, у герцога Бофора (75 см.), в Belvoire (62) и др. Многие стаи содержатся сообща многими лицами под управлением специалистов своего дела, и для охоты арендуются значительные пространства за большие деньги. Наибольшею известностью пользуются (по графу Лекутё) собаки Бофора, Фиц Вильяма, Фиц Геридинга, Ротшильда, Poltimore. Хорошие фоксхоунды знаменитого происхождения и безукоризненного сложения встречаются вообще только у английских аристократов, ведущих породу в течение многих поколений. Клейма, выжигаемые (на бедрах) раскаленным железом, известны всем охотникам. Достать оттуда можно только бракованных или излишних собак (большею частию не подходящих к стае ростом или окрасом) на аукционе по очень дорогой цене — не дешевле 80, 100 франков (по Лекутё). На материк Европы попадается большею частию брак, без всяких родословных, покупаемый на аукционе в Rugby от фунта до десяти за смычок. О стоимости известных стай и отдельных собак

* Вероятно, число это неверно, так как, по газете «Фильд», в 1894 г. было в Англии 306 стай, в Шотландии — 10 и Ирландии — 20.

** В 1894 г. в ней было 86 смычков.

можно судить по следующим цифрам: за наилучшую стаю Corbet заплатил 1.500 гиней и сейчас же перепродал ее за 2.000. Стая Осбальдестона была продана (в 1840 г.) за 5.290 гиней — наивысшая цена, когда-либо заплаченная за стаю. 10 смычков того же владельца были однажды куплены за 2.380 гиней. В 1845 г. стая Foljambe была приобретена за 3.600 г. Лорд Poltimore продал 13 собак за $12^1/_2$ тысяч франков (граф Лекутё). В 1806 г. Осбальдестон купил одну собаку *Burton* за 800 гиней. Но вообще фоксхоунды продаются в одиночку дешевле колли, сенбернаров и даже терьеров. Это происходит оттого, что в этой породе, как вполне установившейся и вполне удовлетворяющей своими внешними качествами охотников, а следовательно, имеющей очень высокий общий уровень, редко встречаются особенно выдающиеся экземпляры, которые бы могли служить для дальнейшего улучшения породы; кроме того, надо иметь в виду их многочисленность. На выставках собак фоксхоунды появляются очень редко и в таком случае привлекают на себя общее внимание. Специальные выставки начали устраивать еще в 70-х годах в Йоркшире, но они долго не прививались, и только с 1877 года в Peterborough* ежегодно в июне открывается большая выставка, на которой все любители, лорды и фермеры, встречаются как равные и на которой можно видеть всех лучших современных собак этой породы.

Читая описания охоты на лисиц в Англии, много раз помещавшиеся в охотничьих и неохотничьих изданиях, мы видим, что от фоксхоундов главным образом требуется паратость, быстрота скачки и что с континентальной точки зрения самая охота является на самом деле простой скачкой с препятствиями по неопределенному направлению, принимаемому лисой и преследующими ее собаками. Идеал гончей в глазах англичан русским и французским охотникам действительно может показаться только выборзком. Те и другие будут правы. В быстроте фоксхоунд превосходит кровного английского скакуна и уступает только борзым, которых значительно превосходит в выносливости, т. е. продолжительности скачки. Хорошей собаке достаточно 3-х минут для того, чтобы пробежать милю (немного более $1\ ^1/_2$ версты). Вопрос о быстроте скачки фоксхоунда в первый раз был поднят еще в 1794 г., когда в Нью-Маркете состоялся заклад между Meynell' ем и Smith Barry; первые фоксхоунды проскакали 4 мили в 8 минут с несколькими секундами, но они специально дрессировались для этого состязания. Немного позднее знаменитая выжловка полковника Торнтона

---

* На выставке в Peterborough 1894 г. было, например, 16 стай. Из них лучшими (как всегда) оказались собаки из Варьикшира; эти фоксхоунды отличаются замечательно толстыми костями ног.

Merkin пробежала 4 мили в 7 $^{1}/_{2}$ минут; она также заблаговременно тренировалась и подготовлялась к испытанию. В последнее время стали устраивать правильные состязания в паратости, причем собаке, пришедшей к цели первою, выдается приз. Для того чтобы собаки могли пробежать точно определенное расстояние, их пускают по следу, оставленному потаском — внутренностями лисицы или другими сильно пахнущими веществами. Наибольшая быстрота, достигаемая в настоящее время, 4 мили в 7 минут. Wyner (у R. Lee) рассказывает, что одна из его собак сделала 11 миль в довольно трудной местности в 53 минуты. Известно, что *Conqueror,* собака полковника Торнтона, в одиночку дошел лису на 18 миле; *Comrade* Ирвинга взял лису на одной миле, несмотря на гористую местность и 3-дюймовый слой снега, но это, вероятно, случайность. В благоприятных местностях гоньба по лисе продолжается час, иногда 40 минут и только в сильно пересеченных местностях затягивается на более продолжительное время. «Наши прапрадеды, — говорит Ли, — начинали охоту в 8 ч. утра, а теперь охотники и собаки часто являются на сборный пункт после полудня».

Большинство фоксхоундов, однако, плохо работают в трудных местностях — чаще, оврагах, рытвинах. Исключение составляют собаки горных округов Кумберленда и Вестнорленда, которые, хотя не имеют такой древней родословной, как другие, более знаменитые стаи, но отличаются феноменальною выносливостью. Вся эта страна замечательно дикая и гористая, и каждый сезон случается, что стае приходится гонять здесь не один десяток часов без перерыва. Гоньба начинается на рассвете и кончается ночью, так что всадники остаются далеко позади. Например, в сезон 1892 г. собаки однажды жарко гоняли в 10 вечера и только на следующее утро некоторые собаки вернулись на псарню, остальные же через день и два; некоторых пришлось даже искать, потому что они попали в ущелья или расселины (crag baunt), из которых не могли выбраться без помощи людей. Гон этих собак иной; у них больше терпения, и они отлично и вполне самостоятельно разыскивают следы, что особенно важно, когда они скалываются и некому назвать их на стеряный след: охота в Lakes производится пешком, так как ни одна лошадь, даже мул, не могут следовать за собаками. Эти сведения, сообщаемые Ли в его книге, должны быть очень интересны для русских любителей английских гончих; очевидно, кумберлендские фоксхоунды окажутся наиболее пригодными в наших дебрях, а также в Крымских и Кавказских горах.

Паратость и выносливость, обусловливаемые сильным сложением и полною гармонией форм, составляют едва ли не единственные полевые достоинства, рабочие качества фоксхоундов. Чутье,

сила которого, можно сказать, обратно пропорциональна паратости, у них почти всегда ниже посредственности; да оно им и не особенно нужно, так как большею частью им приходится гнать в открытой местности и навзрячь, всадники же быстро направляют их на истинный путь, если в стае не найдется собаки чутьистее прочих. Тем не менее им часто случается гнать впяту, т. е. назад, а не вперед. От необычайной паратости зависит также и плохое качество голосов фоксхоундов: они редкоскалы, многие подают голос только по-зрячему, а некоторые, самые паратые, даже всегда скачут молчком. Гоньба в парках без подседа из молодой поросли бывает причиною очень важного порока — переченья, которое, впрочем, англичанами считается не недостатком, а достоинством. То же самое можно сказать относительно гоньбы по другой лисе, подменивающей прежнюю. Этот change, считаемый французскими охотниками большим пороком, доказывающим слабость чутья, англичане, напротив, называют счастливой случайностью, дозволяющею продолжить удовольствие охоты; мало того, они нередко, когда собаки стеряют следы уже замученной лисицы, им подпускают свежую из ящика. Наконец, большая часть фоксхоундов (но не все) неохотно гонят в чаще, терновнике, в камышах и иногда даже бросают здесь след или же обегают крепкие места и скачут наперерез гонному зверю — перечат.

К числу достоинств фоксхоундов кроме паратости и способности ускорять бег, нажимать на зверя, когда они видят, что последний начинает уставать, надо прибавить железное здоровье, долговечность и выносливость, затем легкость наганивания, состаивания и управления, вообще послушание* — следствие подбора и воспитания, энергию и злобность**. Фоксхоунды очень понятливы и отличаются способностью ориентироваться и возвращаться домой.

---

* О степени послушания фоксхоундов можно судить по тому, что каждая гончая должна знать свою кличку, а также клички лучших гончих, которыми во время охоты называют стаю, стерявшую след. По окрику: «Hounds! hounds!» — из стаи должны выходить одни выжлецы, по словам: «Ladies in!» — выходят выжловки, а по крику: «Pups, pups!» — молодые собаки.

**Прирожденную им энергию и злобность фоксхоунды всего более выказывают на материке Европы (и в Северной Америке), где им приходится большею частью гонять по волкам или кабанам, с запахом которых они быстро осваиваются. Lowe, описывая свою поездку в Россию, рассказывает, что фоксхоунды, привезенные им известному бессарабскому псовому охотнику Калмуцкому, когда их пустили в огороженный парк, где находился выпущенный волк, сначала не знали, что делать, но затем, подзадориваемые Лоу, поняли, что от них требуется, и очень хорошо погнали. На другой день решено было волка затравить (на воле?); собаки быстро дошли и разорвали его в клочья.

Известны случаи, что проданные собаки возвращались в свой кеннель с очень дальних расстояний (из Хилдернеса в Кент, из Суссекса в Кумберленд и пр). Кумберлендские фоксхоунды на охоте в Lakes плутают редко. Ли замечает, что в последнее время у фоксхоундов развилось особое качество — предохранять себя от всадников и искусно лавировать между ними, а также прибавилось чувство самосохранения при гоньбе около железных дорог.

Всеми этими качествами, или свойствами характера, фоксхоунды обладают едва ли не в большей степени, чем какая-либо другая порода стайных гончих, в послушании и вежливости мало уступая подружейным гончим непсарного воспитания. Высокая степень культурности фоксхоунда объясняется образцовым их содержанием в кеннелях, уходом, выкормкою, затем состаиванием и наездкою, которые обходятся очень дорого владельцам. Кроме того, следует заметить, что щенки (рождающиеся весною) во избежание чумы редко выращиваются в кеннеле; большею частью, как только могут обойтись без матки, они раздаются на руки фермерам и другим любителям, в конце лета возвращающим их обратно под названием молодых собак. В это время обыкновенно устраиваются частные выставки щенков и за лучших присуждаются призы — различные серебряные вещи. Во многих местностях существует обычай выдавать жене фермера, выкормившей лучших собак, серебряный кубок, чайницу или шелковую материю на платье. Поэтому, например, в Хилдернесе, фермеры которого охоту на лисиц любят до фанатизма и где существует обычай раздачи щенных сук пред щенением, фермерши наперерыв, одна перед другой, стараются всякими правдами и неправдами заполучить лучшую выжловку. Интересно, что для щенения здесь всегда устраивают углубление в омете соломы, и такую нишу суки предпочитают всяким другим помещениям. В конце лета, после сбора щенков и щенячьих выставок, производится браковка, даются клички, подрезываются, т. е. округляются (ножницами) уши. Последняя операция, вошедшая в обычай лет сто назад, считается необходимою, по объяснению Ли, для того, чтобы собаки не рвали ушей в кустарниках и живых изгородях, а по Дальзиелю, для того, чтобы во время кормежки собака не пачкала ушей в корыте и на концах их не заводились язвы. Принимая, однако, во внимание различные толкования этого обычая и что он не распространяется на стэгхоундов, имеющих сравнительно более длинные уши, надо полагать вернее, что он возник вследствие неравномерности длины ушей фоксхоундов, встречающейся и по настоящее время. Затем начинается настоящее воспитание, или дрессировка, основанное на безусловном послушании и полном доверии к учителю, причем хлыст играет очень важную роль. Бракованные собаки и щенки составляют собственность ловчего и

продаются в другие кеннели или за границу, нередко театральным антрепренерам, из которых многие содержат целые стаи для представлений из сельской жизни. В последнее время стаи фоксхоундов часто появляются на сценах первоклассных театров к большому удовольствию публики, которая встречает четвероногих артистов радушнее, чем певцов и певиц.

В прежнее время многие стаи содержались не на псарне, а фермерами — участниками охот; фермеры во многих местностях составляют кружки для охоты на лисиц; каждый участник воспитывал 2—3 собак и в известное время являлся на сборный пункт со своей сворой. По звуку рога собаки выбегали из окрестных ферм и собирались в стаю, редко многочисленную. Подобная организация до сих пор сохранилась в некоторых северных графствах.

Большие стаи обыкновенно разделяются на две — выжлецов и выжловок, и каждая стая гонит отдельно, в разные дни, поочередно, так что охотятся 6 дней в неделю (кроме воскресений). Выжловки, по общему мнению, гонят лучше и поимистее кобелей. У некоторых владельцев обе стаи бывают смешанные, но в таком случае собаки самым аккуратным образом подбираются по росту.

Фоксхоунды являются самою распространенною и наиболее известною породой гончих на всем земном шаре, так как они в большем или меньшем количестве встречаются во всех странах Европы, в Северной Америке, Южной Африке и в Индии*. В Соединенных Штатах, по-видимому, встречаются и фоксхоунды, происходящие от лисогонов, вывезенных в прошлом столетии английскими колонистами. В России эта порода предпочитается другим многими псовыми охотниками, но встречается преимущественно в виде помеси с русскими и польскими гончими, о чем будет сказано в своем месте. Стая чистокровных фоксхоундов имеется, например, у крупного бессарабского землевладельца Калмуцкого.

Во Франции английские гончие были очень распространены лет 20—25 назад, теперь же там, как видно, преобладают англо-сентонжи и англо-пуатевены, так как французские парфорсные охотники по весьма понятным причинам не могли отрешиться от традиций старинной французской охоты и не захотели помириться с плохим чутьем, голосами и простоватостью ушей фоксхоундов и превращением охоты в безумную скачку с препятствиями. Французские охотники употребляют чистокровных фоксхоундов большею частью для охоты на кабанов и лисиц (волков во Франции мало), но жалуются на то, что собаки не любят чащи, камышей, вообще

* В Индии (и в некоторых других местностях?) фоксхоунды быстро теряют чутье и вырождаются.

крепких мест. Лучшие стаи в настоящее время имеют граф d'Osmont и виконт де Ларошфуко. В Германии стаи фоксхоундов встречаются главным образом у офицерских кавалерийских кружков, а в Австро-Венгрии у многих знатных лиц, в особенности у венгерских магнатов в прежнее время, лет 15—20 назад, что отчасти зависело от того, что императрица Елизавета была страстной любительницею парфорсной охоты, с каковою целию даже иногда посещала Англию.

Лады фоксхоундов давно, так сказать, вылились в определенную форму, и порода эта имеет признаки более устойчивые и характерные, чем какая-либо другая английская раса. Все фоксхоунды имеют почти одинаковые стати, и никаких споров об этом нет и быть не может, но тем не менее в Англии существует несколько так называемых фамильных разновидностей, отличающихся между собою, иногда довольно наглядно, второстепенными приметами, наприм., ростом, окрасом, расположением отметин, длиною ушей и т. п. Лорды-владельцы старинных стай гордятся тем, что порода их фоксхоундов отличается от других даже незнатоками. В сущности, все фоксхоунды очень похожи друг на друга и ни в одной породе нельзя так редко встретить особенно выдающиеся экземпляры по красоте и охотничьим достоинствам. Ли говорит, что со времен знаменитого *Фурьера* Осбальдестона, родоначальника большей части современных фоксхоундов, было не более двенадцати действительно замечательных по сложению собак, воспоминания о которых сохранились и кровь которых особенно ценится. Таковы, кроме *Фурьера, Кромвель* из стаи Fitzhadring'a, *Royal* сэра Watkin-Wynn, некоторые собаки лорда Бентинка, *Троян* Corbet'a и *Леди* Томаса Mostyn'a. Последние два владельца настолько высоко ценили кровь упомянутых собак, что, злоупотребляя кровосмешением, испортили свои стаи.

Общий вид имеет наибольшее значение. Главное условие — симметрия, соразмерность всех частей; паратость и выносливость обусловливаются полною гармонией ладов и сильно развитою мускулатурою. Большой рост считается хуже среднего, и еще Бекфорд и Соммервиль полагали, что крупные собаки устают скорее; но разница в росте бывает довольно значительна. Так, например, известная выжловка *Blue Ransom* имела только 17 $^1/_2$ д. (около 44 см.), между тем как выжлец *Warwick Shire Riddlesworth* был 27 д. (67 $^1/_2$ см.). В старинных охотах собаки имели рост от 58 (суки от 53) до 66 сантиметров, редко более. Теперь (по графу Лекутё) рост фоксхоундов от 60 до 69 см.

Голова должна быть довольно велика и хорошо приставлена (к шее), с ясно обозначенным, но не выпуклым лбом (с переломом); череп достаточно длинный, так же как и морда, которая не должна

быть заострена, говорит Дальзиель. По Ли, она довольно большая, но отнюдь не тяжелая; надбровные дуги ясно очерчены, но не высоки и не остры. Череп достаточной длины и ширины, так что, если мерить ее впереди ушей у выжлеца, то она имеет в окружности около 16 дюймов. Морда должна быть длиною около 9 $^1/_2$ д., с широкими открытыми ноздрями. С французской точки зрения голова фоксхоунда неудовлетворительна, так как сравнительно с французскими гончими она длинна, узка, напоминает голову слюги, т. е. арабской борзой, что уже большое преувеличение. Только граф Шабо, любитель английских гончих, хотя и говорит, что у фоксхоундов нешироκий череп и длинная голова с развитыми щеками, но дает им легкие морщины (?) на лбу и широкие ноздри. Во всяком случае, ноздри у фоксхоундов никогда не бывают так широко раскрыты и подвижны, как у французских и русских гончих.

Уши посажены низко и прилегают к щекам (Дальзиель); хорошо обрамляют голову (Ли); они обыкновенно закругляются. Граф Шабо говорит то же и прибавляет, что кожа на них тонкая и шерсть на ощупь гладкая, как атлас; граф Лекутё, напротив, утверждает, что уши поставлены очень высоко и обыкновенно плоски и широки, что совершенно справедливо (особенно при сравнении с ушами французских гочих) и видно из рисунков. Следует добавить, что уши часто бывают на хрящах. Впрочем, уши — единственная слабая сторона экстерьера фоксхоундов, единственная не вполне установившаяся часть, а потому они сильно варьируют в длине, постанове и форме, что, вероятно, зависело от позднейшей подмеси французских ушастых гончих, имевших влияние и на утолщение морды. Очень может быть, что Н. П. Кишенский и прав, говоря, что обычай закругления ушей вызван именно разнообразием их длины, портившим с первого взгляда общее впечатление, производимое во всех других отношениях безукоризненной по однотипности стаей.

(*Глаза* большие, не впалые, темного цвета — по Губину, так как о глазах у английских авторов не упоминается.)

Шея постепенно утолщающаяся от головы к плечам, длинная и мускулистая, но не грубая и без складок (Дальзиель). Ли добавляет, что сверху она слегка выпукла (выгнута). Граф Шабо поясняет, что длинная шея необходима фоксхоундам, имеющим нижнее чутье, для обнюхивания следов.

Грудь глубокая и довольно широкая (Дальзиель). В собаке ростом 24″ (60 см) окружность груди (объем) должна быть более 30″ (75 см).

Ребра крутые (Ли), придающие грудному ящику некоторую угловатость (Дальзиель).

Плечи сильные, правильные, не очень выпуклые (тяжелые), достаточно скошенные (Дальзиель). По Ли, они и длинны.

Спина и поясница широкие, крепкие, с сильно развитою мускулатурою (Дальзиель). Слабоспинные собаки не выносливы. Спина должна сливаться с задом (Ли).

Передние ноги длинные, мускулистые; локотки должны быть прямы, параллельны корпусу и свободны, так как это обусловливает свободу движений и паратость (Дальзиель). Передние ноги прямые, сильные, с толстыми костями (Ли). Многие требуют, чтобы передние ноги были «в струне» — прямы как стрела, другие не считают это необходимостью, так как такие ноги (собственно передние пазанки — пясть) лишены эластичности и скорее разбиваются. В последнее время кости ног значительно утолстились благодаря варвикширским фоксхоундам, отличавшимся костью. Следует заметить, что кости ног у фоксхоундов всегда цилиндрической формы, а не плоской, как у пойнтеров.

Задние ноги. Зад очень сильно развитой; бедра широкие и сзади слегка выпуклые (Дальзиель); твердые и мускулистые (Ли); ляжки длинные. Пазанки правильные (Дальзиель), вертикальные, а не согнутые, как у борзой, по Ли (т. е. задние ноги не лучковаты); совершенно параллельны между собою, т. е. не выгнуты внутрь или наружу, что имеет существенное значение (Ли).

Лапы круглые, в комке, с приподнятыми пальцами, крепкими когтями и твердыми, крепкими подошвами (Дальзиель). Лапа круглая, кошачья (Ли). Граф Шабо прибавляет, что пальцы сжаты и подошвы защищены жесткими волосами; граф Лекутё, однако, недоволен лапами фоксхоунда и говорит, что они маленькие (?) и круглые, почему через 4—5 лет на твердой и каменистой почве фоксхоунды совсем разбиваются на ноги и хромают. Это мнение страдает преувеличением: лапы фоксхоунда скорее велики, чем малы. Кроме того, граф Лекутё говорит, что фоксхоунды часто имеют прибылые пальцы, которые англичане отрезывают, как и на передних ногах; это доказывает, по его мнению, помесь, ибо породистая гончая не должна иметь прибылых. Сколько нам известно, добавочные пальцы (когти) встречаются далеко не у всех фоксхоундов.

Гон у основания толстый, затем постепенно утончающийся (на нет); собака хорошо держит его (почти вертикально) слегка согнутым; хвост имеет (?) короткий подвес из жестких волос (Дальзиель). Ли говорит почти то же. Граф Лекутё по поводу грубости псовины и подвеса на хвосте не преминул заметить, что это не говорит в пользу чистоты расы.

Псовина короткая, густая, жесткая и блестящая (Дальзиель). Шерсть плотная, короткая и довольно жесткая на ощупь (Ли).

Рубашка черная и черно-пегая с подпалинами, различных пегих мастей — русачья, желтая, красная, серая (барсучья), белая с подпалинами; в некоторых старинных стаях преобладает голубо-пегая масть южных гончих (Дальзиель). Главный окрас, говорит Ли, черно-пегий, черно-пегий с подпалинами и русачий или барсучий (серый) с крапинами. По словам графа де Шабо, теперь в моде серо-пегая масть. Граф Лекутё говорит, что есть даже совершенно белые и черные. Старинные английские авторы и многие современные охотники держатся того мнения, что белые гончие самые чутьистые, серые уступают в этом отношении белым, но зато очень любят охоту, хорошо берут зверя и нестомчивы; черно-пегие хорошо гонят и очень послушны, но часто безголосы; желто-пегие (красно-пегие) очень упрямы, и их трудно наганивать. Эти мнения или поверия, конечно, имеют реальное основание и объясняются помесями. Прежде, лет 30 (?) назад, по Стонехенджу, любимою мастью в Англии была черно-пегая в подпалинах (самая красивая), причем пежины распределялись часто с большою правильностью: основной цвет колодки был белый, на спине черный чепрак, то же на бедрах, и у основания хвоста черное пятно, часто с промежуточной желтой или красно-бурой отметиной. Часто верхняя часть головы и уши бывают красно-бурые или красно-желтые, морда и проточина на лбу белые, нижний край ушей и место впереди глаз буровато-черные (belvoir tan). Одноцветной белой и темной масти избегали и прежде, но иногда для контраста в стае держали 1—2 черных или буро-черных собак. Русачий и барсучий окрасы и серо-пегие прежде не уважались, тоже голубо-крапчатый (blue motled), как более свойственные харьеру. Эти окрасы считались унаследованными от южной гончей и служили признаком меньшей паратости, что вполне понятно.

Прежняя 50-балльная таблица (по Веро Шо)

Голова и шея	10
Грудь	5
Спина и почки	10
Ноги и лапы	15
Гон	5
Общий вид	5
Итого	50

Новейшая 100-балльная таблица

Голова	15
Шея	5
Плечи	10
Грудь и ребра	10
Спина и зад	10
Задняя часть (бедра)	10
Пазанки	5
Ноги и лапы	20
Окрас и псовина	5
Гон	5
Общий вид	5
Итого	100

Оценка баллами при экспертизе фоксхоундов редко применяется судьями (единоличными), и балльные таблички имеют, как для многих других пород, лишь то значение, что по ним видно, на какие именно части обращено наибольшее внимание, какие из них считаются самыми главными, существенными.

Несовершенство первой таблички бросается в глаза, но здесь всего более ценятся рабочие части; на голову, сравнительно с пойнтерами и сеттерами, обращается менее внимания.

Харьер

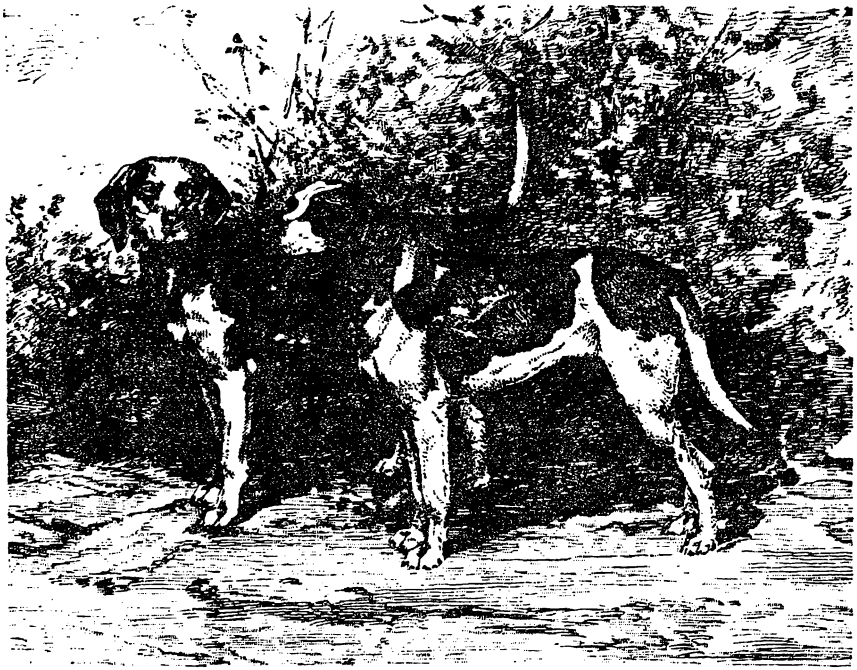
Под названием харьеров (harriers) известны с давних времен в Англии гончие, употреблявшиеся почти исключительно для зайцев. Слово harrier, по мнению большинства авторов, происходит от hare — заяц, но Wynn, автор «Истории мастифа», полагает, что оно обозначает гончую вообще и производит его от нормандского harier или harer, равнозначущего с французским harasser — утомлять, замучивать, загонять; английское harry тоже значит разорять и имеет корень heer — войско. Действительно, болотный лунь (хищная птица) называется marsh-harier (разоритель болот). В этом же смысле доктор Каюс говорит о stag-harrier'ах и fox-harrier'ах. То есть harrier было прежде равнозначуще со словом hound (и немецким stäuber) и означало гончую. Такая этимология тем более вероятна, что именно норманны ввели в Англии охоту с гончими и привели их с собою из Франции, где охота с гончими на зайцев без помощи тенет, т. е. настоящая парфорсная, была известна еще в древности. Аполлинарий Сидоний, клермонтский епископ (V век), в письме к другу своему Nummatius'y, советовал ему «не мучить бедных зайцев собаками, а ловить их тенетами».

Рассматриваемые как заячьи гончие, английские харьеры представляют некоторую аналогию с французскими брикетами, т. е. малорослыми и не совсем чистокровными гончими, и весьма возможно, что Юлиана Бернерс под названием brache разумела именно мелких гончих в отличие от lemor — крупных limiers из породы сан-губеров, или нормандских гончих. Сколько можно заключить из позднейших отрывочных сведений о гончих, употреблявшихся для охоты на зайцев харьерах (со времен Каюса?), под этим названием известна была не какая-либо особая порода гончих, а только собаки, употреблявшиеся исключительно для гоньбы по зайцам. Мы видим, что прежде харьерами были и южные пешие гончие, и северные паратые, и брудастые уэльские и что единственный общий признак их состоял в том, что все они были меньше ростом, чем гончие на оленя и гончие на лисицу — стэгхоунды и фоксхоунды. Весьма сомнительно, чтобы харьеры

когда-либо выделились в особую, самостоятельную породу с такими резкими отличительными признаками, как, например, фоксхоунды, бигли и отчасти старинные стэгхоунды.

Джон Каюс, кажется, первый упомянувший о харьерах и называвший их также leverarius'ами, говорит о них, как о собаках с хорошим чутьем, брылястых и длинноухих, но его описание относится (по мнению Дальзиеля) собственно к южным гончим. Прежние собаки были пеши, охотились для собственного удовольствия, и охотники услаждались их голосами, говорит тот же автор, замечая далее, что прежде (в средние века в Англии?) охотились на

Рис. 35. Харьеры
(«Охотничья газета», 1892, № 29)

зайцев с гончими при помощи тенет или, чтоб ускорить окончание охоты, спускали не всех собак*. Эта гоньба с подставами, как известно, до сих пор практикуется во Франции и, конечно, не требовала паратых собак. К тому же еще в прошлом столетии охота с гончими на зайцев производилась всегда пешком, и паратые собаки были бы здесь неудобны. Бекфорд сто лет назад писал, что харьеры отличались своею медленностью и не могли сганивать зверя,

* Дальзиель упускает из виду, что в средние века в Англии гончие также выгоняли зайцев на борзых.

которого, стало быть, надо полагать, убивали из ружья. Он называет харьеров вымесками, и, действительно, его, Бекфорда, заячьи гончие были выведены от пеших южных гончих и биглей (Ли); Дальзиель же говорит, что для того, чтобы прибавить паратости, он мешал харьеров с фокс-биглями. Из всего этого можно заключить, что харьеры вовсе не были парфорсными гончими, а сначала служили только для заганивания зайца в тенета (или на борзых), а позднее выгоняли их на охотников с ружьями, т. е. были подружейными гончими, как французские брикеты, начиная с XVII (?) столетия и по настоящее время.

Кроме того, несомненно, что прежде и даже очень недавно в Уэльсе существовала порода брудастых харьеров, похожих на оттерхоундов, но меньших ростом и тоже употреблявшихся иногда для охоты на выдр (Дальзиель). Ли, указывая на то, что псовина современного харьера бывает часто грубее и длиннее, чем у фокс-хоундов, совершенно справедливо замечает, что это следует приписать скрещиванию с грубошерстною уэльскою гончей, которую, прибавляет он, вероятно, еще можно разыскать в Уэльсе.

Изменение условий охоты в Англии, т. е. превращение лесов в расчищенные парки, а охоты с гончими на лисиц — в скачку, затем распространение паратых гончих — все это не могло не повлиять и на изменение склада заячьих гончих, которым тоже гораздо чаще прежнего приходилось гнать русака навзрячь, по совершенно открытой местности. Теперь заяц должен рассчитывать только на ноги и не иметь возможности хитрить и делать сметки (Ли). С этого времени начинается усиленное скрещивание харьеров с фокс-хоундами. Ли говорит, что лет 60—70 назад харьеры были уже далеко не так пеши и старательны в поиске, как во времена Бекфорда, потому что тогда уже встречались жалобы на то, что кирхгемские собаки (большого роста, подходящие к современным пенистонским в Ланкашире) были слишком параты. Стонехендж в первом издании своего классического сочинения имел поэтому некоторое основание сказать, что современный (50-х годов) харьер — малорослая южная гончая с небольшою примесью борзой. Но эта подмесь на самом деле невероятна, ибо излишня, и Дальзиель совершенно основательно замечает, что скрещивание с борзой было бы вредно и предпочтительнее смешение с северною легкой и паратою гончей. Такие помеси несомненно были, но всего вероятнее предположить, что пешие харьеры улучшались главным образом скрещиванием с фокс-хоундами, которые уже достигли апогея своей славы и употреблялись для улучшения английских гладкошерстных легавых, т. е. старинных пойнтеров. Примесь борзой (гладкошерстной) к южной пешей гончей непременно бы сказалась более резко, и харьеры должны были бы иметь более узкую голову и более тон-

кую псовину, чем фоксхоунды; между тем замечается совершенно обратное: харьеры имеют более широкий череп, более длинные уши и более грубую псовину, чем последние. По мнению графа Лекутё, заячьи гончие занимают середину между фоксхоундами и биглями и происходят от скрещивания этих пород.

Может статься, что некоторые харьеры имеют такое происхождение, но основание им положено, во всяком случае, пешею гончей. Сколько можно заключить из замечаний и описаний современных авторов, харьеры XIX столетия положительно не имеют определенного типа и большинство этих собак представляют уменьшенных фоксхоундов; в очень немногих стаях сохранился прежний тяжелый склад. Можно даже сказать, что почти все современные харьеры заключают более или менее *значительную подмесь* крови фоксхоундов и эта подмесь продолжается и в настоящее время, так что есть стаи харьеров, которые можно назвать нечистокровными фоксхоундами. Таковы, например, собаки сэра Harvey Bateson (по Дальзиелю), крупные edenbridge'ские, в 23 дюйма ростом, харьеры Холькома в Ланкашире в 22 дюйма (Ли); россендальские тоже очень крупны для харьеров.

Что последние всегда, во все времена были вымесками и не составляли вполне выделившейся самостоятельной породы, доказывается (Локи) существованием особой разновидности черно-подпалых харьеров, выведенных 35—40 лет назад сэром Тальботом-констеблем, скрещивавшим биглей с блоудхоундами, укреплявшим продукт скрещивания подмесью черно-подпалых (грубошерстных) уэльских харьеров. Эти собаки, принадлежавшие Джефри, действительно вовсе не имели примеси фоксхоундов и, надо полагать, резко отличались от прочих харьеров, хотя существуют стаи со столетнею родословной*. Но такие древние родословные нисколько не доказывают их чистокровности, так как из слов Ли, что с современными brookeside'овскими заячьими гончими трудно бороться в поле и на выставке, можно заключить, что они нисколько не уступают в паратости прочим харьерам, в сущности мелким фоксхоундам, а следовательно, и сами, в свою очередь, содержат кровь последних. «Некоторые из современных владельцев харьеров, — говорит тот же автор, — гордятся чистотою крови, но, вероятно, и тут были неоднократные попытки прилить новую кровь (фоксхоунда) для поддержания роста и общего вида». Впрочем, следует заметить, что на юге Англии, быть может, еще встречаются старинные харьеры почти без примеси фоксхоундов,

* Например, Brookeside, близ Брайтона, принадлежащая теперь Steyning Beard'y, существует более 125 лет; известна картина 1771 года, изображающая пегого зайца, *словленного* харьерами Brookeside'а.

например, стая G. Rau в Biggles Wade, насчитывающая столетнее существование. Вероятно, именно этих заячьих гончих имел в виду граф Лекутё, описывая разновидность с более французскими формами — длинными, низко поставленными ушами, менее глубокою грудью, более легкими (?) формами, лучшим чутьем, более сильными и низкими голосами, но и более пешими.

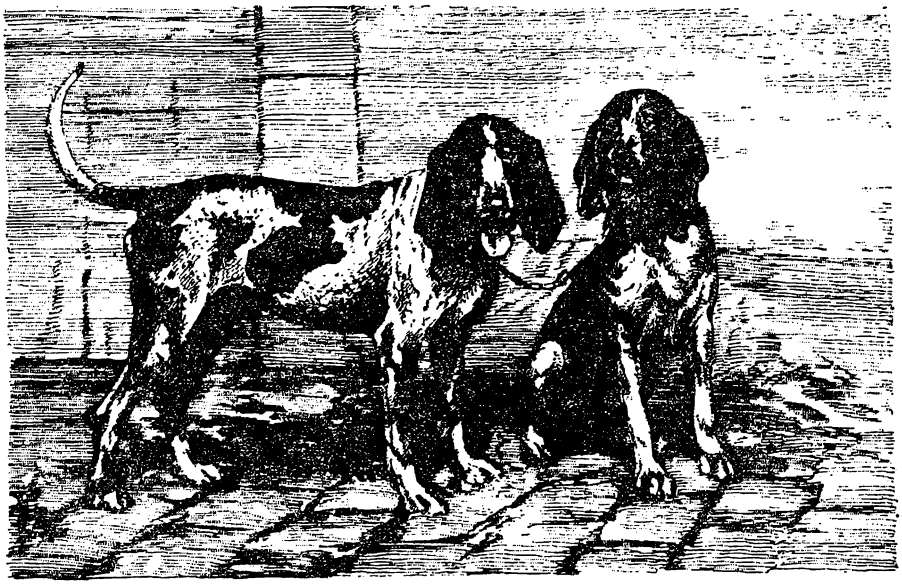
Все это, по нашему мнению, только доказывает, что породы харьеров нет, что вряд ли когда она существовала и что в последнее время частые скрещивания с фоксхоундами превратили их в мелкую разновидность последних. Ли прямо называет харьеров вымирающею породой и предсказывает им полное исчезновение.

Это превращение более или менее пеших разновидностей гончих в мелких фоксхоундов объясняется современным способом охоты на зайцев, мало отличным от охоты на лису. В прошлом столетии и ранее на зайцев охотились в большинстве случаев пешком, и вообще заячья охота никогда не считалась первоклассной; она была достоянием эсквайров и фермеров и особенно распространилась в начале прошлого века, в царствование Георга I, дозволившего фермерам охоту с гончими. Прежние харьеры, большею частью мелкие южные гончие, были очень пеши и не требовали конных охотников, но зато должны были обладать хорошим чутьем, вязкостью и хорошими голосами: чутье и вязкость были необходимы для самостоятельного поиска и гоньбы без помощи человека, а звучные и продолжительные (протяжные) голоса — для указания направления, принятого гонным зайцем. Харьеры должны были гонять зайца не навзрячь, а по следу, отнюдь не переча. Такая гоньба составляла гордость парфорсных охотников прошлого века. Охота, следовательно, продолжалась долгое время, да и теперь еще встречаются стаи, считающиеся потомками настоящих харьеров, которые сганивают зайца часа через три, причем, впрочем, на разбирание следов уходит целый час. Вот почему еще во времена Бекфорда для ускорения охоты употреблялись особые разведчики, которые должны были ранним утром отыскивать заячьи логова, так что собакам уже не приходилось разбирать заячьи петли, которые и тогда, вероятно, были для них камнем преткновения; гончие Бекфорда, однако, еще могли гнать по старому остывшему следу.

Теперь же все изменилось: большинство современных харьеров мало уступает паратостью фоксхоундам, охотники следуют за стаей верхами; о самостоятельном розыске зайца скоро не будет и помина, разборка заячьих следов поручается бассетам, чутье и голоса заячьих гончих значительно ухудшились, и у многих они нисколько не лучше, чем у фоксхоундов. От харьеров требуют не

обстоятельной и аккуратной гоньбы, а паратости, стремительности и увертливости между скачущими всадниками. Теперь заяц сганивается в полчаса или в час, и не будет ничего удивительного, говорит Ли, если харьеры так же скоро дойдут лису или оленя. Прежде начинали охоту в 8 ч. утра и кончали после полудня; теперь делают напуск в 11 часов, и гончие гонят на хвосте у зайца, как борзые; в пересеченных же местностях и в чащах теряют след и не знают, что им делать, так что оказываются здесь вовсе не пригодными.

Рис. 36. Харьеры
(«Охотничья газета», 1892, № 49)

Центром охоты на зайцев считается Ланкашир, для твердой, бесплодной и очень холмистой местности которого необходимы крепкие собаки, от которых, однако, требуется, чтоб они гнали зайца не менее 6—7 километров. По Ли, в 1892 году было в Англии 110 стай и 25 в Ирландии*. По-видимому, число харьеров увеличивается, так как в 1887 г. в Англии, по Дальзиелю, насчитывалось только 100 стай. Кроме того, существует начало так называемых сборных стай — scrath packs, принадлежащих многим владельцам, которые держат по нескольку смычков каждый, составивая их в начале охотничьего сезона. Такие стаи никогда не бывают много-

* В 1894 году, по «Field'y», в Англии было уже 114 стай, в Шотландии — 3, в Ирландии — 28. Это увеличение стай, по-видимому, противоречит высказанному Ли мнению о вымирании харьеров.

численны, большею частью состоят из 18 смычков и работают 2—3 дня в неделю. Лучшими стаями Ли считает стаи Шперлинга, Вебера и некоторых других.

Общий вид современного харьера, как сказано, мелкий фоксхоунд, но с тонкими сравнительно костями ног, более широким черепом, более длинными и ниже поставленными ушами, не подвергающимися обычной операции закругления. Некоторые харьеры почти не отличаются от фоксхоунда и достигают его обычного роста (23″); но обыкновенная вышина их в плече от 16 до 19″ (40—47 $^1/_2$ сантиметр.). Стая Riddehalgh'a в Windermere (Уэльс) состоит из мелких собак от 16″, так как местность здесь очень гориста и тяжелые крупные харьеры, как и фоксхоунды, оказываются непригодными.

Голова толще в черепе и постепеннее утончается к морде, чем у фоксхоунда. Вообще голова у харьеров тяжелее, череп площе и шире. *Уши* ниже поставлены, тоньше и прилегают плотнее, а так как редко обрезываются, то придают голове совершенно другую физиономию. *Шея* длинная, гибкая, с легким выгибом. *Плечи* косые, мускулистые. *Грудь* не широкая, глубокая. *Ребра,* особенно задние, хорошо спущенные. *Спина и поясница* крепкие, широкие, очень мускулистые. *Ноги* должны быть сухие, безукоризненные, передние в струне, по Дальзиелю; Ли же говорит, что они не так прочны, как у фоксхоунда. *Бедра* сильные, мускулистые, пахи несколько подобраны. *Лапы* круглые, в комке, с сильными когтями и жесткими подошвами. *Гон* у основания толстый, к концу постепенно утончается и хорошо одет, но псовина на нем не должна быть густа; носится почти прямо (вертикально). *Псовина,* как у фоксхоунда, но иногда длиннее и грубее. (По Дальзиелю, довольно тонкая, очень мягкая). *Рубашка* довольно разнообразна. Ли говорит, что наилучшими собаками считаются мраморные в подпалинах и что известный авторитет уверял его, что между этими харьерами он не встречал ни одного плохого; многие, однако, считают черно-подпалых более типичными. В прежние времена модным окрасом был голубой с пятнами и подпалинами. Дальзиель говорит, что отличительным признаком харьера считается присутствие мягких голубых (черных) крапин (как у лавераков).

На выставках харьеры появляются редко; лучшие бывают в Peterborough и Дарлингтоне. В 1894 году они имели уже, впрочем, свою специальную выставку.

В других странах, кроме Франции, харьеры встречаются редко, а у нас почти неизвестны. Французы последнее время стали чаще охотиться с харьерами, хотя все-таки предпочитают им артуа, фарфоровых и арьежских гончих, которые гораздо чутьистее и голоси-

стее. Вообще харьеры терпимы лишь в открытых местностях, очень бедных зверьем.

Отдельные части харьера по стобалльной методе оцениваются так:

Голова, уши, общий вид (характер)	20
Шея	5
Плечи и грудь	10
Зад	10
Хвост и задняя часть (?)	5
Ноги и лапы	15
Рост и склад	20
Псовина и окраска	15
Итого	100

Оценка эта, очевидно, имеет многие недостатки и неясности.

НЕМЕЦКИЕ ГОНЧИЕ

Германским народам по пришествии их из Азии настоящие гончие вряд ли были известны. Древние германцы травлю предпочитали охоте с гончими и охотились главным образом на крупных зверей — зубров, туров, лосей, медведей и кабанов — при помощи травильных собак — молоссов, которые употреблялись и для выслеживания зверя. С настоящими гончими они познакомились не ранее V столетия через франков и бургундов, занявших Галлию и заимствовавших нравы и обычаи покоренных ими галлов. Брудастые гончие Segusius кельтийского племени сегузиев, упоминаемые в салических законах[15] франков (V стол.), и Canis petrunculus — гладкошерстные гончие бургундских узаконений[44], вероятно, не вполне удовлетворяли германцев, а потому в скором времени, смешиваемые с мордашами, они образовали несколько новых пород (?), которые не столько отличались по внешности, на которую не обращалось тогда большого внимания, сколько по своему назначению, т. е. специальности и требуемым охотничьим качествам*. Так

* Schwappach в «Forst und Jagdgeschichte Deutschlands» (1885), 1, 65—66, говорит, что у древних германцев (до Карла Велик.), как видно из др. законов, было 9 пород охотн. собак.

1. *Leithund,* canis seucis, leutihunt — для отыскивания оленей. (Lex Bajuvariorum XX 1. Si quis canem seucem, quod leitihunt dicunt, furaverit, aut similem aut ipsum reddat et 6 sol. quis conponat. — Lex Alamannorum LXXXIV, 2. Illo doctore, qui hominem sequitur ducit, quod leitihunt, furaverit, 12, sol. conponat.

2. *Spürhund,* spuribont — для отыскив. лосей, зубров и туров. (L. Bajuv. XX, 3. Qui in ligamine vestigium tenet, quod spurihunt dicunt, furaverit, cum 6 sol. conponat, et similem aut ipsum reddat.)

например, в VII веке отличали от названных гончих еще собак тех же пород, которые служили исключительно в качестве ищеек, для определения местонахождения крупных зверей, на которых затем уже пускали травильных собак более или менее легкого сложения: leutihunt — для отыскивания оленей, spurihunt — для отыскивания лосей, зубров и туров, triphunt — для кабанов. Все эти собаки были несомненными вымесками настоящих гончих с мордашами, но с преобладанием гончей крови, между тем как травильные собаки Hetzhunden были уже крупными мордашами с примесью борзых и были аналогичны современным догам.

Настоящая парфорсная охота с большими стаями гончих, как во Франции, употреблялась редко, и стаями пользовались главным образом для того, чтобы загнать волков, лисиц, зайцев в тенета или же выгнать на охотников, стоявших на опушке с борзыми. Достаточно замечания, что название segusius, первоначально принадлежавшее только брудастым галльским гончим, делается постепенно как бы нарицательным именем всех гончих и в законах германских племен (алеманнских и баварских) изменяется в Seusius, в Seucis (для Leutihunt), так что Бекман и другие немецкие авторы производят это название уже от seucis, seuken — suchen, *искать* или sequus — folgen, т. е. *следовать*.

---

3. *Jagdhund,* canis seusius, canis cursalis. Отличали вожаков и стайных. Для всех крупных зверей, кроме кабанов. (L. Salica V.. 1. Si quis sigusium canem magistrum imbulaverit aut occiderit, hoc est 600 den. qui faciunt sol. 15 culpabilis judicetur. — L. Alam. LXXXIV. 1. Si quis cursale seusiu, qui primus currit, inviolaverit, 6 sol. conponat, qui secundum 3 sol.)

4. *Treibhund, triphunt* — для кабанов. (L. Bajuv. XX. 2. Si autem seucem doctum, quod triphunt vocant, furaverit, cum 3 sol. conponat.)

5. *Bracke,* braco petrunculus — гончая. (L. Burgund. XCVII. Si quis canem... petrunculum praesumpserit.)

6. *Hetzhund,* canis porcaritius, ursaticus, vel qui vacca vel taurum prendit. (L. Alamm. LXXXIV. 3. Bonus canis porcaritius, ursaticus, vel qui vacca vel taurum prendit, si quis alterius occiderit, cum 3 sol. conponat. То же L. Bajuv. XX. 7.)

7. *Windhund,* canis veltris, veltrans, leporarius — для ловли зайцев. (L. Bajuv. XX. 5. De canis veltricis, qui leporem non persecutum sed sua velocitate coprehenderit, cum simile et 3 sol. conponat. — L. Alam. LXXXIV. 3...vel veltris probatus cum occiderit, cum 3 sol. conponat. То же L. Burg. XCVII.)

8. *Biberhund, piparhunt* — для подземной охоты. (L. Bajuv. XX. 4. De his canibus, quos piparhunt vocant, qui sub terra venatur qui occiderit, alium similem reddat et cum 6 sol. conponat.)

9. *Habichthund,* hapuhhunt, canis acceptoricius, barmbraccus — для отыскив. птицы на соколин. охоте. (L. Bajuv. XX. 6. De cane, qui dicitur hapuhhunt, pari sententia subjaceat (как для борзых).

После Карла Великого, при котором Франция и Германия составляли одно целое, парфорсная охота мало-помалу была забыта и гончие стали употребляться как вспомогательное средство при травле. Скачка в лесах была и не в характере германцев, и неудобна. Охота с гончими начала вновь входить в употребление после изобретения огнестрельного оружия, когда крупные звери были уже истреблены и перешли в Германию вторично из Франции, не ранее XVII века, когда немцы старались во всем подражать французам. Сначала она имела характер парфорсной, но с развитием охотничьей стрельбы мало-помалу превратилась в ружейную охоту с гончими. С прекращением парфорсных охот духовые собаки ищейки (leithunden, старинные leutihunt), с которыми подготовлялась правильная охота на заранее намеченного зверя (оленя по преимуществу), сделались излишними и заменились потовыми (Schweisshunden), обязанность которых была много проще — отыскать раненого зверя. В настоящее время такие собаки, вероятно, более распространены, чем настоящие гончие, так как Schweisshund'ы употребляются и на облавах, а ружейная охота с гончими во второй половине текущего столетия подверглась большим стеснениям и близка к полному уничтожению. Теперь она дозволяется только на участках от 5 до 10 тысяч моргенов, смотря по местности, а в некоторых странах вовсе воспрещена. Позднее открытие охоты с гончими, обречение их на девятимесячное бездействие и жизнь на псарном дворе также были причиною уничтожения многих стай. Мотивы запрещения — неправильный взгляд на гончую как на истребительницу всякой дичи, откуда и название ее Stöber. Между тем облавная охота гораздо употребительнее охоты со стайными гончими, особенно парфорсными, которые более или менее продолжительное время гонят *одного* зверя. Бекман весьма основательно замечает, что гончие одиночки вестфальских крестьян гораздо вреднее стайных гончих, живущих на псарне под строгим присмотром, так как охотятся в лесу (за зайцами и пр.) за свой страх. Всего более распространена охота с гончими в Северной и Западной Германии — в Голстинии, Ганновере, Вестфалии. Как было замечено, офицеры некоторых кавалерийских полков держат на общий счет стаи фоксхоундов; германское правительство поощряет парфорсную охоту, справедливо видя в ней воспитательное значение для кавалерии.

В прежнее время в Германии преобладали французские парфорсные гончие, но теперь от них не осталось следа, и существующие немецкие породы (4 германских и 1 австрийская, кроме австрийской же брудастой) не имеют почти ничего общего с французскими, кроме того, что происходят от общего корня — сан-губеров. Все немецкие гончие отличаются лопухообразными плоскими

ушами, небольшим или средним ростом, растянутым сложением, сравнительною псовистостью и (большинство) остромордостью. Псовистость и остромордость объясняются тем, что в образовании этих пород принимали участие собаки северного типа — аборигены страны, уцелевшие до сих пор под названием Schäferhunde, к которым немцы относят и (более редких) брудастых дворняжек — потомков настоящих брудастых овчаров. Брудастая кровь тоже до сих пор сказывается в том, что между гончими встречаются особи с жесткою шерстью, без признаков усов и бороды. Прежде в Германии были и настоящие брудастые (клокастые) гончие, но теперь они уже вовсе не встречаются. Всего вероятнее, что это потомки французских грифонов или курляндских брудастых гончих.

Немецкие гончие
(Schweisshunde, потовые собаки)

Название ищейки, здесь употребляемое, не совсем правильно, так как настоящие духовые собаки, соответствующие французским limiers, назначение которых было найти лежку зверя, вряд ли уже существуют в Германии. Они заменились менее чутьистыми собаками, обязанность которых только выследить раненого зверя по крови, почему они называются потовыми или кровяными (Schweisshunde, Bluthunde). Leutihunt и Spurihunt германских узаконений[45] были настоящими духовыми собаками, которые не гоняли зверя, а только его отыскивали; гоньба же производилась настоящими гончими — брудастыми (segusii) или гладкошерстными (petrunculus). Но как leutihunt, так и spurihunt вряд ли составляли самостоятельные, резко определенные породы, а отличались лишь способом употребления; всего вероятнее, что это были лишь отборные гончие, обладавшие наилучшими чутьем и понятливостью. Самое название leutihunt можно перевести — вожак, передовая собака, путеводитель, и понятно, почему за украденного вожака платилась такая дорогая пеня (12 золотых соль по баварским законам, 6 — по алеманнским). Ранее, в V столетии, leutihunt не отличались от собственно гончих, и в салических законах франков они названы просто вожаками magister canis, которые ценились еще дороже (15 золотых соль; за простую гончую только 3). Постепенное уменьшение пени служит доказательством того, что ищейки становились все обыкновеннее и употреблялись чаще прежнего. Уже в начале средних веков вошло в обыкновение определять пол, возраст и местопребывание зверя посредством духовых собак — leutihunt; затем следовал загон в тенета или зверя форсировали (сганивали) гончими. Когда духовые собаки стали выделяться в особую породу — неизвестно, вероятно, ранее XIV столе-

тия, как полагает Бекман, и, судя по рисункам (с картин Рубенса), помещенным в его книге, эти leutihunt имели много общего с сангуберами, имели такую же толстую морду, длинные плоские уши, отвислые брыли и веки и составляли прямых их потомков с некоторою постороннею примесью, давшею последним более псовистый хвост. В конце XVII века немецкая ищейка составляла уже совершенно самостоятельную породу*.

По мере совершенствования огнестрельного оружия, развития ружейной охоты с облавой и упадка парфорсной охоты уменьшалось значение духовых собак и они стали заменяться потовыми, назначение которых было не предварительные разведки, а розыск уже раненого зверя. Они представляли, таким образом, аналогию с английскими блоудхоундами средних веков, обязанность которых тоже первоначально заключалась в разыскивании зверя по кровяному следу, откуда произошло их название. Немецкие потовые гончие в XVII столетии также назывались не только Schweisshunde, но и Bluthunde. Бекман полагает, что название Spurihunt начала средних веков принадлежит именно потовой собаке, которая позднее называлась bracke, pracke, но кровяные собаки, очевидно, позднейшего происхождения, потому что употреблялись главным образом при облавной охоте с огнестрельным оружием и исключали собою гончих, которые, понятное дело, не могли бросить следа раненого зверя. Если же в средние века и употреблялись собаки с таким назначением, то это были те же leutihunt или отборные гончие из стаи. В конце XVII века потовые собаки играют уже очень важную роль в немецкой зверовой охоте, и у названного выше Танцера встречается первое подробное описание их наружного вида, значения и обязанностей.

Однако еще в конце прошлого столетия в Германии не было особой, вполне установившейся породы потовых собак. Hartig говорит, что Schweisshunden бывают с гладкою и жесткою шерстию желтого, бурого, русачьего окраса или черно-подпалого, и советует скрещивать их с духовыми или даже с чутьистыми легавыми. Современный Schweisshund действительно представляет собою помесь старинных leutihunden с другими гончими и даже легавыми, и их по справедливости можно теперь назвать *легавыми для зверя*, так как обучение их достигло такого совершенства, что они буквально делают стойки над зверем. В смутные времена революции и наполеоновских войн духовые гончие исчезли, но кровь их еще сохранилась до сих пор в потовых собаках более тяжелого склада.

Современные немецкие потовые происходят из Ганновера от

* Это видно из сочинения Tantzoia «Der Dianen hohes und nilderes Jagdeheimniss», Copenhagen, 1680.

скрещивания последних уже нечистокровных духовых с различными гончими и, вероятно, легавыми; отсюда они распространились по всей Германии и даже Австрии. Ганноверский король Эрнст Август очень любил охоту на оленей, и здесь в начале XIX столетия выработались три разновидности, или породы, Schweisshunden: солингенская, гарцовская и придворная, или степная (Haide-Race).

Солингенская раса более всех походит на прежних духовых; она отличается тяжелой головой с очень длинными ушами, сильными, иногда несколько согнутыми (лучковатыми) ногами, правильной спиной, бледно-желтым (полóвым) или красно-желтым окрасом, с точеною мордою и темною окружностью глаз и своим внушительным и породистым видом. Темная морда указывает родство с мордашами, т. к. тип молоссов принадлежит к темномордым и этот признак передает весьма устойчиво.

Придворная раса, называемая также степною, выведенная в Люнебургской равнине, была много легче, но также низка на ногах, желтого или буро-красного (оленьего) окраса, с ушами средней длины. Предполагается, что она просто шла от смешения солингенских с легкими красными степными браками, хотя некоторые авторы держатся того мнения, что это скрещивание производилось позднее, в 20-х годах. Во время занятия Ганновера французами эта порода почти исчезла, но в 1815 году оставшиеся представители ее были разысканы в Солингене у лесничих Вальтера и Штейнгофа и довольно долго назывались по имени последних. В сороковых годах, так как собаки начали вырождаться, их начали скрещивать с солингенскими и гарцовскими, причем главное внимание обращалось не на внешность, а на полевые качества.

Гарцовские потовые были высоки на ногах, легкого склада темно-бурого окраса с подпалинами или полосами (geflammt oder gewölbt). По-видимому, они имели жесткую шерсть и происходили от скрещивания с брудастыми; о жесткошерстных потовых собаках упоминается еще Гартигом. Бекман в 50-х годах еще встречал при ганноверском дворе жесткошерстных гончих, называвшихся Härzer. Теперь они бесследно исчезли.

После 1866 года, т. е. после присоединения Ганновера и уничтожения двора, все породы перемешались и распространились по всей Германии; на Франкфуртской выставке 1879 года из числа 24-х выставленных потовых собак не было ни одной типичной, и тогда же были выработаны признаки породы, но очень поверхностные. Только в 1885 году на специальной выставке Schweisshund'ов в Ганновере комиссия нашла необходимым разделить породу на две разновидности — тяжелую (Leithundsform), приближающуюся к старинной духовой, и на легкую (Schweisshundsform). Приметы

породы были впоследствии подробно разработаны обществом любителей этих собак (Verein Hirschmenn), основанным в 1894 году (в Гарце) с специальною целью разведения ганноверских потовых собак. Общество это пришло к заключению, что в настоящее время тяжелая и легкая разновидности так перемешаны, что их трудно отличать одну от другой.

Общий вид. Роста среднего или несколько выше среднего (около 52 с., суки немного меньше), сильного, несколько растянутого сложения, зад немного выше переда; голову держит понуро, гон горизонтально или немного выше. Физиономия с серьезным выражением.

Голова средней величины, череп сверху широкий, несколько выпуклый, лоб с небольшими морщинами; морда соразмерной величины с черепом. Затылочный гребень умеренно развит; чутье шире, чем у других пород собак, черного или мясного цвета; переносье у глаз сужено или вдавлено (eingezogen), в профиль слегка выпукло (горбоносость) или совершенно прямое. Лоб почти без перелома (уступа), надбровные дуги сильно развиты и очень выдаются. Морда спереди затуплена, брыли большие и обвислые, с резко выраженною складкою в углу рта. Бекман замечает, что голова отличается именно тем, что линия лба лишь немного выше линии носа, т. е. небольшим переломом, что морда длиннее и больше, чем у легавой, и расстояние между наружным углом глаз и передним краем уха сравнительно небольшое. Если смотреть сверху, то лоб очень широк (поперечник черепа вдвое больше ширины морды); морда к носу заостряется.

Уши несколько больше средней величины, очень широкие, снизу закругленные, сидят высоко и имеют одинаковую ширину, гладкие, без складок, плотно прилегают к голове (щекам), даже когда собака приподнимает голову. По Бекману же, ухо вообще поставлено высоко и ближе к морде, передний край его висит не отвесно, а немного направлен вперед.

Глаза ясные, навыкате, без красноты во внутреннем углу, и вследствие выдающихся надбровных дуг имеют острое, энергичное выражение.

Шея длинная, сильная, постепенно переходящая в грудь; кожа на ней мягкая и просторная, но не образует подгрудка.

Спина длинная, позади плеч несколько вогнутая; поясница широкая и слегка выпуклая; крестец очень покатый.

Грудь широкая, грудной ящик длинный и глубокий; брюхо несколько подтянуто.

Гон длинный, доходит, по крайней мере, до середины пазанка; у корня он толст, к концу постепенно утончающийся, почти прямой; одет более длинною и грубою псовиною, не образующею, однако,

подвеса; собака б. ч. держит его загнутым (слегка) на сторону (!). (Хвост в поперечном разрезе плоский).

Передние ноги развиты сильнее задних, с косыми, очень свободными и подвижными плечами и хорошо развитыми плечевыми мускулами; ноги прямые или слегка согнутые (?), с сильной мускулатурой; пястные кости широкие и вертикальные.

Задние ноги. Бедра довольно сильно развитые, ляжки длинные, выгнутые и хорошо одетые. Пазанки почти прямые (перпендикулярные).

Лапы крепкие, круглые, с выпуклыми, плотно сжатыми пальцами и сильно согнутыми когтями; подошвы большие и жесткие.

Псовина густая, плотная, жесткая (?), но гладкая и эластичная, с матовым отливом.

Окрас серо-бурый, сходный с зимним цветом оленя, красный, бурый, красно-желтый; морда, глаза и уши темные (темно-бурые подпалины); иногда на спине бывает темный ремень. По Бекману, любимый окрас — красновато-серый или красновато-желтый, с темными мордой и ушами. При этом окрасе обыкновенно кончик хвоста темный и на средине (?) хвоста замечается темное пятно. От Leithunden многие получили темные полосы, переданные догами.

Голос громкий и звучный (laut und volltönend).

Недостатки: узкий череп, толстая догообразная морда, узкая, заостренная, баранья и пр.; уши свернутые трубкой; тонкий, сильно загнутый или приподнятый гон; высокие ноги (короткая колодка); белые и желтые отметины (вообще пегая масть).

Назначение потовой гончей — отыскивать подстреленного или убитого зверя по кровяному следу; она должна отличать раненого зверя от здорового. Теперь почти никогда не пускают ее по следам здорового, хотя молодых собак всегда натаскивают по таким. Держат ее на своре (в 8 метров длины), прикрепленной к ошейнику шириною (в 3 пальца), или без своры, если собака хорошо дрессирована; многие приучаются сидеть смирно у ног охотника во время загона (облавы). Потовая собака обязана найти раненого зверя, не подавая голоса, затем с громким лаем выгнать его на охотников или, отыскав убитого, дать о том знать хозяину голосом. Некоторые Schweisshunde приучаются отыскивать похищенную дичь и выслеживать браконьеров. Бывали случаи, что они шли по следам, сделанным за сутки, даже более, что, впрочем, сомнительно. Последнее время в Германии делались для потовых собак особые испытания, но по различным неблагоприятным условиям не были особенно удачны. Дрессировка их трудна, требует особенного навыка и больших способностей.

Русским охотникам, кроме прибалтийских немцев, потовые собаки почти вовсе неизвестны, так как излишни: их обязанности

могут быть выполнены при нужде всякою хорошею опытною и вежливою гончею, особенно подружейною. В 1890 году на 1-й Кавказской охотничьей выставке был очень типичный смычок Schweisshunden, полученный его императорским высочеством великим князем Сергеем Михайловичем из Мекленбург-Шверина. Это были очень красивые собаки небольшого роста, светло-рыжего окраса, с сухой головой и заостренной мордой, с небольшим переломом, черными большими глазами, сближенными между собою, с энергичным выражением, мощной прямой шеей, с плоскими, высоко прикрепленными ушами.

Баварская горная ищейка

Тяжелая ганноверская Schweisshund, привыкшая к тому же постоянно искать на сворке, очевидно, была непригодна для горной охоты и разыскивания убитых зверей — оленей, серн, коз в горах. Поэтому в Баварии давно пользовались для этой цели легкими браками или же вымесками настоящих потовых собак с таксами и горными гончими. Таким образом здесь постепенно образовалась новая самостоятельная порода ищеек, или потовых собак. Всего более обязаны они этим князьям Турн и Таксис, которые еще лет 30 назад заботились о выводе породы, более пригодной для поиска в горах; затем в последнее время мюнхенский художник и охотник Otto Grashey, пером и карандашом популяризировавший новую породу, добился того, что она была признана таковою официально и получила описание (1884).

Общий вид. Легкие, проворные собаки среднего роста или немного выше, но не приземистого сложения. Высота в плече не превышает 48—52 сантиметр. *Голова.* Верхняя часть черепа широкая, слегка выпуклая, но не тяжелая; морда не узкая, равняется длине черепа. Чутье (ноздри) хорошо развито, черного или темномя ного цвета. Надбровные дуги выдающиеся. Губы небольшие, но со складкой в углу рта. *Глаза* ясные, выпуклые, без красноты в углах век, темно-бурого цвета или светлые. *Уши* немного более средней величины, широкие и высоко приставленные, не свернутые в трубку, снизу суживаются и закручены. *Шея* короткая, сильная, без подгрудка. *Спина* недлинная, позади плеч немного выгнута, в пояснице шире, сильнее и слегка выпукла. Зад сильно скошен. *Грудь и живот.* Грудь неширокая, грудная клетка глубокая и длинная. Живот подтянут. *Гон* нормальной длины, немного длиннее сочленения, у корня толстый, снизу несколько псовистее, но не образует подвеса; держится слегка вбок. *Передние ноги* сильнее задних, крепкие, прямые. Плечи косые, с хорошо развитыми мускулами; пястные кости прямые (вертикальные). *Задние ноги.*

Кости не особенно крепкие, ляжки сравнительно длинные, выгнутые и хорошо одетые. Пазанки прямые (вертикальные) и параллельные. *Лапы* не особенно большие, с плотно сжатыми пальцами, сильно развитыми и согнутыми когтями черного цвета; подошвы небольшие, но жесткие и прочные. *Псовина* густая, гладкая, слегка жестковатая, с небольшим лоском, на голове и ушах тоньше, на животе и ногах грубее. *Окрас* красно-бурый, красно-желтый, светло-желтый (половый), почти белый; на спине большею частью темнее; морда и уши нередко черноватые.

По Otto Grashey, баварская ищейка отличается от ганноверской небольшим ростом, более заостренною, сравнительно длинною мордою, менее развитыми губами; глаза у них не имеют такого строгого выражения, меньше и светлее; лоб уже, шея без подгрудка, колодка короче, грудь уже, ноги тоньше, нередко с вывороченными наружу пястными костями; окрасом светлее, подпалины встречаются редко.

Немецкие гончие*

В настоящее время в Германии встречаются четыре породы гладкошерстных гончих и одна в Австрии, не считая брудастой штирийской. Встречается ли какая-либо особая порода в Венгрии — об этом немецкие авторы умалчивают; однако невероятно, чтобы в такой обширной стране не было вовсе своих, туземных охотничьих собак.

Вследствие стеснений охоты с гончими в Германии стаи встречаются лишь в Ганновере, Голштинии, Вестфалии и Баварии; в других же местностях гончих очень мало или вовсе не имеется. Вообще охота с гончими скоро сделается здесь таким же анахронизмом, как травля борзыми. Парфорсные стаи фоксхоундов в Германии имеются, кажется, только в некоторых кавалерийских частях (полках, школах); парфорсные гончие французского происхождения, довольно обыкновенные в прошлом столетии, совершенно исчезли, не оставив никакого следа, так как существующие породы, по-видимому, не имеют с ними ничего общего: немецкие

* По Фицингеру, к немецким гончим относятся следующие породы: 1) *Deutsche Jagdhund* (Canis sagax) или Canis seusius, cursor Алеманнск. закон. Гл. 83, canis segusius бургундских законов, гл. 10; 2) *Deutsche Stöberhund* (Canis sagax venaticus irritans) или C. petrunculus бургундск. законов, гл. 10; Steinbracke с IX—XV стол.; по мнению немецкого ученого, эта порода произошла от скрещивания Leithunt (Canis sagax venaticus) с кривоногой таксой (!); 3) *Steinbracke* (Canis sagax venaticus Bracca), называвшейся в IX—XV стол. Barnbracke Mistbelle и происходящей будто бы от предыдущей породы и датского дога (!).

гончие все небольшого роста, лопоухи, однообразного (не пегого) окраса, большею частию остроморды, сравнительно псовисты и имеют очевидные признаки помеси с волкообразной северной собакой, аборигеном страны, и, быть может, позднейшую примесь восточных гончих; к сожалению, гончие в Восточной Пруссии и Познани, где эта примесь наиболее вероятна, и которые во времена Иестера, т. е. в конце прошлого столетия, были весьма распространены, по словам Бекмана, почти перевелись; о внешности же их нигде не упоминается. Все, впрочем, имеют общий корень — сан-губеров. Прежде были породы с клокастою и жесткою псовиною, но теперь о них ничего не известно.

Всех гончих немцы называют обыкновенно браками (Bracken), подразумевая под этим названием исключительно подружейных; ранее было в употреблении название Jagdhunde, Wilde Bodenhunde, а название Bracken стали давать в прошлом столетии, в отличие от Jagdhunde, собственно парфорсных гончих. Кроме того, в Германии гончую зовут и Stöber, Stauber, из чего можно заключить, что немцы с давних времен имели своеобразный взгляд на гончих и с давних времен относились к ним довольно неприязненно.

Немецкие породы гончих следующие: голстинская, ганноверская, или степная, вестфальская, или лесная, баварская, или горная, и австрийская, или тирольская. Все эти пять пород принадлежат к двум типам: тяжелому, более близкому к сан-губерам, и легкому, имеющему значительную подмесь северных собак. Вообще они одноцветны, с более или менее ясными подпалинами, или двухцветные; настоящих пегих собак, т. е. с преобладанием белого цвета, и трехцветных не бывает; трехцветная масть указывает примесь фоксхоундов или харьеров. Следует заметить, что в последнее время на выставках из этих пяти пород признается только баварская гончая под названием баварской горной Schweishund, а потому описания прочих четырех рас и нет в книге «Rassenkennzeichen der Hunde», издания 1895 г.

1. Голстинский брак, или ганноверская ищейка (Stäuber). Эта старинная, теперь редкая порода — прямой потомок сан-губеров и, в свою очередь, родоначальница скандинавских гончих. Она среднего *роста,* сильного, но не неуклюжего сложения, с прямою, слегка вогнутою *спиною;* мрачный взгляд, морщинистый лоб, большие, широкие и плотно прилегающие *уши* резко отличают ее от других гончих. *Гон* толстый, снизу с подвесом и на ходу держится саблеобразно. *Псовина* густая, грубая и плотная (voll). *Окрас* серо-волчий, черный (но волос у основания желто-серый, отчего рубашка отливает серым цветом) с серо-бурыми и желто-бурыми подпалинами (и очками), также светло-пепельно-серый с боль-

шими темными пятнами и желтыми подпалинами. Так описывает голстинского брака Шлотфельд, по-видимому, со слов Бекмана, но сам Бекман позднее, в своей недавно (в 1895 г.) вышедшей книге («Die Racen d. Hunde») говорит, что окрас темно-серо-бурый с желто-бурыми подпалинами (Wolfsmarken) и с небольшими белыми отметинами; кроме того, бывают серо-пегие, изредка черные или желтые собаки.

Порода эта вымирает и сохранилась только в Северной Германии. Охота производится здесь в отъемах или в рапсовых полях; стаи заключают от 20 до 40 собак, причем конные пикеры (выжлятники) не дают им вырываться из острова, окружаемого стрелками. Добываются преимущественно лисицы, притом в значительном количестве. У владельцев стай было в обычае выстригать на шерсти гончей свой вензель; так как кончики волос были темнее основания, то вензель был очень заметен.

2. Ганноверский брак. Встречается преимущественно в Люнебургской равнине, почему и называется степным. Это совершенно самостоятельная и старинная порода, среднего роста, отличающаяся легким сложением и очень многими особенностями, а именно: сравнительно короткими и высоко поднятыми ушами, сильно развитым передом с подобранными пахами (борзоватостью) и нескодько косым постановом (разрезом) глаз, придающим им волчье выражение. Гончие эти очень выносливы, и если зверь (лисица или заяц) прорвался, то бывает ими сгонен. Весьма оригинальна особенность сук — перед щенением выкапывать себе в земле глубокие норы. Эти собаки любят рыться даже на привязи и вообще имеют многие привычки диких собак, хотя ласковы и привязчивы. Степные браки были прежде распространены по всей Северогерманской низменности; теперь встречаются только в немногих местностях Люнебургской равнины; по правому же берегу Эльбы, где прежде держали большими стаями, Stöber'ы давно исчезли, и если и сохранились где-либо, то только на датских островах и в Норвегии (?). Этих гончих можно найти теперь преимущественно у ганноверских крестьян, которые охотятся, пуская в кусты 2—4 собак, а сами становятся на лазы; собаки держатся на свободе, но, чтобы сделать невозможной самостоятельную охоту, к ошейнику привязываются тяжелые палки. Со времени издания охотничьего закона, допускающего охоту с гончими на участках не менее 10 тысяч моргенов с 1 октября по 1 февраля, степные браки стали исчезать и теперь сделались очень редкими и уже много лет не показываются на выставках.

По описанию Бекмана, ганноверский брак отличается сильным развитием переда и удлиненною псовиною на хвосте, шее, загривке и животе. *Голова* легкая, довольно вытянутая, с ясным переломом

и небольшим затылочным гребнем. *Морда* длинная, не сжатая (с боков), а вальковатая, губы и брыли мало развитые. *Уши* средней (?) длины, высоко приставленные, внизу закругленные. *Шея* короткая с удлиненною псовиной, без подгрудка. *Грудь* узкая, грудная клетка длинная (?). *Спина* длинная, прямая, крестец слегка покатый. *Хвост* высоко поставлен, у основания толстый, ниже сочленения вислый или приподнятый кверху, слегка загнут на сторону (?). *Лапы* круглые. *Псовина* грубая, прямая, неплотно прилегающая (рыхлая)*, на загривке имеет до $1^1/_2$ длины; на хвосте и животе прямая уборная псовина. *Окрас* лисий (красный) или желто-красный с более темною спиною, с белыми отметинами и ошейником. Пегие и белоногие собаки не уважаются. *Рост* до 58 сантиметров. Шлотфельд говорит, что ганноверские браки вздернуты на ногах, с длинным тонким хвостом, который часто имеет подвес из густого и жесткого волоса; окрас большею частию желто-красный; бывают также желто-пегие.

3. Вестфальский брак —также лесная или зауерландовская гончая. Меньше, легче и элегантнее ганноверского, но в общем сходен с ним. Шлотфельд говорит, что они во всем почти одинаковы, только у вестфальского брака псовина короче, тоньше и белые отметины (?) больше, а потому считает его местною разновидностью первого. Однако по описанию Бекмана, лесная гончая несколько напоминает борзую; голова у нее легче и уже, псовина густая, довольно длинная, на шее удлиненная, хвост с подвесом, на ногах уборная псовина. Действительно, судя по рисунку, эти гончие имеют некоторое сходство с восточными борзыми, но всего более похожи они на паратых польских, рисунок и описание которых даны Н. П. Кишенским. Окрас одноцветный, красно-желтый (багряный?) с белой мордой, загривиной и грудью; также серо-красный, желтоватый, буро-черный с подпалинами. Размер (суки) 48 сантиметр. Бекман считает эту породу очень старинною и устойчивою и говорит, что она еще довольно обыкновенна в Вестфалии. Собаки эти показываются на каждой выставке, и на них есть спрос в Швецию.

4. Баварский брак. Горный (Steinbracke), тирольский (?) брак, баварская гончая ищейка(?). По мнению Бекмана, вариетет лесного брака более крупный (?) и высокий на ногах. Это маленькие, очень правильно сложенные, лещеватые гончие с легкой головой, хорошими ушами, короткой колодкой и густо одетым гоном. *Череп* у них много шире морды, с не особенно развитым затылочным

* Это косвенное указание на подшерсток, который едва ли не встречается у всех немецких гончих, хотя ни один из авторов не упоминает об этом важном признаке.

гребнем, слегка выпуклым лбом, с ясным, но небольшим переломом и неглубокою ложбиною между глаз; *уши* не очень высоко приставленные; *глаза* круглые, ясные, живые, с несколько косым разрезом; *шея* средней длины, у затылка выпуклая, с слабою (рыхлою) кожею. *Грудь* и грудная клетка узкие. *Гон* длинный, у корня толстый, псовистый... *Бедра* плоские, но мускулистые; *лапы* овальные. *Псовина* прямая, густая, длинная и рыхлая, внизу хвоста и на горле удлиненная. *Окрас* черный с большими (т. е. широко распространенными) желтыми подпалинами и с белыми отметинами; спина, лоб и уши всегда черные, то же верхняя часть хвоста; бедра, плечи, ноги и щеки желтые; часто бывают белая морда и белое пятно на груди. Глаза б. ч. светло-серо-желтые, реже темные, чутье всегда черное. *Рост* до 53 сантиметров.

Встречаются в Scegener Land и Ruhrgegend. Употребляются обыкновенно для охоты на зайцев в долинах, причем конные пикеры с охотничьими рогами ориентируются и руководят охотников сигналами. Охота здесь разрешается, как в Вестфалии, на участках от 5 тысяч моргенов и начинается с 15 октября.

Черно-подпалые гончие Ruhrgegend показываются на Эльберфельдской выставке, считаются разновидностью лесных (вестфальских) браков. Гончие, встречающиеся в окрестностях Ахена, вероятно, происходят от швейцарских. В Баварии встречаются изредка австрийские гончие, также вымески гончих с таксами.

5. Австрийский брак, австрийская гончая. Собака сильного, но не тяжелого сложения, с довольно длинными ушами, черно-подпалая. Порода эта очень обыкновенна в гористых местностях Австрии и поддерживается в чистоте, постоянно показываясь на выставках. В 1883 году австрийским Hundezuchtverein'ом выработаны отличительные признаки породы.

Общий вид. Собака среднего роста (около 54 с.), сильного, но эластично-растянутого (?) склада, держит голову высоко, хвост на ходу согнутым, на поиске прямо (?). Наружность умная и серьезная. *Голова* средней величины, череп широкий, к морде суживающийся, затылочный гребень мало развит; перелом не резкий; надбровные дуги выдающиеся, губы (брыли) хорошо развитые; собаки несколько подузды. *Уши* средней величины, неширокие, снизу закругленные, высоко поставленные и плотно прилегающие (к щекам). *Глаза* ясные, без красноты в углах век, с умным выражением, большею частью карие (бурые). *Шея* средней величины, очень сильная, без подгрудка. *Спина* длинная, позади плеч слегка вогнутая, крестец немного покатый. *Грудь* широкая, грудной ящик довольно глубокий и длинный; пахи немного подтянуты. *Гон* длинный, у основания толстый, постепенно утончающийся, но не окан-

чивающийся острием; слегка согнут; снизу волос длиннее, но не образует подвеса. *Передние конечности* крепкие, плечи косые, очень свободные, с сильными мускулами; ноги прямые, сильные, пясть широкая и прямая. *Задние конечности.* Бедра не особенно развитые, ляжки средней длины, выгнутые, пазанки почти прямые (отвесные), крепкие. *Лапы* жесткие, круглые, с выпуклыми сжатыми пальцами, сильными, кривыми когтями и большими жесткими подошвами. *Псовина* густая, плотная, гладкая и эластичная, с шелковистым блеском. *Окрас* черный с русовато-бурыми или желтыми подпалинами. Белые отметины допускаются только на груди в виде полоски и на пальцах.

Прежде была еще одна порода, вероятно, разновидность описанной, которая встречалась на первых венских выставках, но теперь уже не признается немецкими ферейнами, так же как и **тирольские браки.** Последние, сделавшиеся теперь редкими, не так тяжелы, как австрийские, черные с подпалинами или желто-пегие (?), с большими ушами, как у швейцарских гончих. Собака, которая гонит зайца голосом полчаса, а по снегу два (!) часа, считается хорошим гонцом.

Швейцарские гончие

Породы гончих в Швейцарии, называемых здесь Laufhunde, представляют значительное сходство с французскими, особенно теми разновидностями их, которые называются брикетами, менее ростом, менее типичны, чем главные породы степных парфорсных гончих, и употребляются для ружейной охоты. С немецкими легкими браками швейцарские гончие едва ли имеют что-либо общее, но одна порода, именно ааргауская, очевидно, происходящая от сан-губеров, сродни голстинским и особенно австрийским бракам, которые, быть может, происходят от ааргауских.

Хотя Бекман, почему-то уделяющий швейцарским гончим гораздо более места, чем французским, говорит, что швейцарские гончие изображены на мозаиках времен Римской империи, но надо думать, что гончие попали в Швейцарию много позднее — из Франции. Геснер (1583) говорит о гончих вообще, ничего не упоминая о туземных породах. С другой стороны, трудно поверить Шлотфельду, что швейцарские гончие происходят от различных французских гончих, вывозимых швейцарскими офицерами, находившимися на службе во Франции. Охота с гончими в Швейцарии была известна в средние века, и с этого времени могли выработаться особые разновидности и самостоятельные породы, приспособленные исключительно к ружейной охоте в горах, так как парфорсная здесь была немыслима. Поэтому вероятнее, что в прошлом столе-

тии подружейные гончие вывозились во Францию, Германию и Италию, чем наоборот. Бекман, ссылаясь на статью графа Гезюла*, говорит, что франш-контуаские, или фарфоровые, гончие — порода желто-пегих заячьих гончих или, вернее, брикетов, — несомненно, происходят из Швейцарии. Однако швейцарские желто-пегие гончие очень мало напоминают фарфоровых, а люцернские, о которых Шлотфельд говорит, что они назывались прежде фарфоровыми, очевидные выродки, измельчавшие потомки гасконских или голубых гончих.

Все швейцарские гончие отличаются малоподвижными, очень большими и длинными ушами, большею частью со складками; уши свернуты трубкой — доказательство французского происхождения. У гончих развитые брыли; большинство небольшого роста, с растянутой колодкой и короткими ногами; масти всего чаще черно-пегой или черно-подпалой.

Охота с гончими в Швейцарии до последнего времени была очень распространена, и гончие встречались часто; хотя больших стай не было, но охотники держали по нескольку смычков или даже охотились с одиночками. В последнее время появились сообщения, что гончие в Швейцарии близки к исчезновению и начали заменяться таксами по той причине, что во время наганивания владельцы не присматривают за собаками и они охотятся для себя, истребляя много дичи, между прочим, много сукотных серн, которых загонивают до смерти.

Признаки швейцарских гончих выработаны Кинологическим ферейном Аарбурга в 1882 году.

1. Обыкновенная швейцарская гончая. Это самая многочисленная и распространенная порода. На выставке 1887 года в Цюрихе было 72 гончих: 31 обыкновенная, 3 тургауских, 15 люцернских, 15 бернских и 8 ааргауских. Она большею частью желто-пегого окраса; в западных кантонах она была тяжелого склада, а в восточных более легкого; по Бекману, встречается и во Франции (Восточной?), где известна под названием швейцарской. Встречаются разновидности (?) этих гончих, имеющие длинную псовину, как у сеттера, или жесткую, но нисколько (?) не отличающуюся строением от коренной породы. Вернее предположить, что длинношерстные гончие — остатки коренной швейцарской породы, образовавшейся от скрещивания волкообразной собаки и западных гончих с прибавлением первой крови; гончие разношерстной разновидности — уцелевшие потомки французских грифонов.

Обыкновенные швейцарские гончие отлично разыскивают и

* «Chasses en Franche-Comté avant et après la Revolution 1789», par M. le comte de Resalat. «Journal des Chasseurs», XXI.

держат след, гонят все, но всего охотнее зайца, они средней паратости, но очень выносливы к погоде и в трудных местностях. Голоса у них полные (voll), далеко слышные и звонкие, не отрывистые.

Общий вид. Гончие среднего (?) роста (от 38 до 54 с.), большею частью сильного коренастого сложения... *Голова* средней величины, не очень тяжелая. Череп широкий, почти плоский, но хорошо отделяющийся от морды; между глаз идет от темени ложбинка. Морда не узкая, равняется половине головы, без брылей; затылочный гребень выдается очень резко. Чутье хорошо развито, черного, бурого или мясного цвета, не раздвоенное (!); нёбо черное. *Уши* низко поставлены, без складок, с наибольшею шириною посредине, снизу закругленные, они средней длины и не достигают конца носа, покрыты тонким волосом. Глаза средней величины с косым разрезом, невыпуклые, но ясные, ласковые, темно-карие или светло-карие; веки не отвисшие. *Шея* короткая, сильная, без значительных складок, держится высоко. *Спина* не очень длинная, широкая, от высокого держания головы и поднятого гона кажется немного вогнутой. *Грудь* глубокая и широкая, грудной ящик не бочонком, пахи сильно подтянуты. *Гон* средней длины, не низко поставленный, крепкий; снизу одет более длинным и грубым волосом, но без настоящего подвеса; не оканчивается острием; на поиске и бегу держится прямо кверху, в спокойном состоянии — вниз, без большого изгиба. *Ноги* сильные и крепкие, с хорошими костями, спереди совершенно прямые и далеко друг от друга стоящие вследствие ширины груди. Пазанки не очень прямые и не обращенные внутрь... *Лапы* сравнительно маленькие, с сжатыми пальцами, темными или черными когтями, часто с прибылыми пальцами, которым не придается никакого значения (они отрезываются). *Псовина* гладкая и очень густая, сравнительно короткая; тонкая и часто блестящая на голове, ушах, плечах, передних ногах, а на спине (хребте) и животе шерсть длиннее и жестче. *Окрас* белый с большими оранжевыми и желтыми отметинами, часто сероватого оттенка; нередко замечаются неясные красные и желтые крапины, особенно на морде, передних ногах и плечах. Такой окрас бывает у вандейских гончих.

Плоский череп, отсутствие брылей, отчасти черное нёбо, косой разрез глаз, подтянутые пахи, плоскоребрость, высоко поставленный хвост и отчасти прибылые пальцы указывают на происхождение этой породы от какой-либо французской гончей (вряд ли вандейской) северной собаки, заменявшей в древности гончих и вообще охотничьих собак.

2. Тургауская гончая. Ниже (40—50 с.) и коренастее предыдущей; главным образом отличается головой, окрасом и жесткова-

тою, сравнительно длинною псовиною без блеска. *Голова* средней величины; череп не очень выпуклый, с резким переломом и не очень сильно развитым затылочным гребнем; морда не горбоносая, широкая, без брылей. Чутье всегда черное. *Уши* очень низко поставленные, всего шире посредине, очень длинные, достигают конца носа, ниспадают небольшими складками. *Глаза* бурые (карие), ласковые, не выпуклые, но и не впалые; веки не отвислые. *Шея* короткая, сильная, с просторной свободной кожей, но без складок. *Спина* широкая, прямая, позади лопаток (загривка) слегка выгнутая. *Грудь* широкая, глубокая, с сильно развитым соколком; брюхо мало подтянутое, одетое волосом. *Ноги* короткие, крепкие, очень мускулистые, с резко выделяющимися сухожилиями; передние прямы. *Лапы* маленькие, сухие, с сжатыми пальцами; когти белые или черные; часто бывают прибылые пальцы. *Гон* очень толстый и сравнительно длинный, к концу не заостренный; поставлен низко (tief), держится круто, саблеобразно изогнутым; очень псовист. *Псовина* гладкая, но густая, грубая, слегка жесткая на ощупь, почти без глянца, сравнительно длинная, особенно на спине и хвосте; на голове и ушах она короче и тоньше. *Окрас* красно-желтый (козий), буро-красный с белыми отметинами (на груди, ногах, загривке и конце хвоста); одноцветные встречаются редко. Иногда на хвосте замечается черное пятно. *Голос* без подвыва, но сильный и низкий — не пискливый.

Жестковатая и удлиненная псовина, отсутствие брылей указывают давнишнюю примесь брудастых собак — конечно, французских грифонов; прочие признаки также доказывают происхождение их от каких-либо гладкошерстных французских гончих тяжелого типа.

Гончие эти встречаются главным образом в Тургау, Граубинденe, Сан-Галлине, Гларусе, Швице. Очень хороши для охоты на лисиц и зайцев, также на серн, коз и кабанов. Не параты, но гоняют долго (настойчивы), хорошо держат след и выносливы к непогоде, терновнику и пр.

3. Люцернская гончая. Встречалась преимущественно в Люцерне и Центральной Швейцарии, реже в Западной — Цюрихе, Ааргау. Эта гончая среднего роста (44—48 с. и более), легкого, изящного сложения, не приземистая, нарядная и элегантная, с очень благородною головой и умною физиономией. *Голова* длинная и тонкая, с высоким и выпуклым, но нешироким лбом и резко обозначенным затылочным гребнем; морда длинная, узкая и тонкая, без брылей. Чутье всегда черное. *Уши* поставлены очень назад и низко; у основания они узки и со складками, длинны, не особенно широки и падают, свертываясь трубкой; внизу не так

широко закруглены, как у обыкновенных швейцарских и ааргауских; достигают конца носа; они тонки, легки и одеты тонкой псовиной. *Глаза* большие, темные. *Шея* легкая, тоньше, чем у двух предыдущих пород, без резких (заметных) складок; затылок выдающийся. *Спина* прямая, не очень широкая. *Грудь* уже и не так глубока, как у №№ 1 и 2. *Ноги* длинные, тонкие и прямые, с хорошею мускулатурой и выдающимися сухожилиями; собака кажется высокою на ногах. *Лапы* сжатые, с небольшими подошвами; когти всегда черные; прибылых пальцев никогда не бывает. *Гон* средней длины, согнутый, без подвеса. *Псовина* гладкая, плотно прилегающая, короткая, тонкая и блестящая, особенно на голове и плечах; живот мало одет; на хвосте волос гуще, но без подвеса. *Псовина* серо-черно-крапчатая (голубая) с большими темными или черными пятнами; на голове подпалины или желто-бурые пятна; такого же оттенка ноги и живот. Основной цвет все-таки белый, только он замаскирован многочисленными крапинами. Кожа тоже крапчатая; когда шерсть собаки намокнет, то кажется голубою, как у гасконских и chiens bleus de Foudras. По всему вероятию, люцернские гончие и происходят от последних.

4. Бернская трехцветная гончая. Высокая на ногах и стройная гончая среднего роста (47—55 с.); хвост и голову держит высоко. От люцернской отличается более крепким сложением, головою и окрасом. *Голова* довольно сжатая с боков, длинная и узкая, с высоким, но не очень выпуклым черепом и сильно развитым затылочным гребнем. Морда очень длинная и тонкая. Чутье черное. *Уши* поставлены низко и имеют не очень широкое основание; они средней длины, не очень широки; лучше, если снизу заострены; они свернуты, но плотно прилегают к щекам. *Глаза* темные, живые, веки не отвислые. *Шея* легкая, но мускулистая, длинная, у затылка слегка выгнутая, красивая. *Спина* длинная, не широкая, в крестце слегка приподнятая. *Грудь* сравнительно широкая, пахи подтянутые. *Ноги* длинные (?), сухие, тонкокостые, очень мускулистые (?) *Лапы* маленькие, сжатые, когти светлые или темные; иногда прибылые пальцы. *Гон* хорошо приставленный, толстый, на конце заостренный, не приподнятый (?) кверху и не согнутый. *Псовина* гладкая, короткая, тонкая, без подвеса. *Масть* всегда трехцветная, черно-пегая с буро-желтыми или ржаво-бурыми отметинами; бывают желтые крапины, желтые брови и щеки. *Голоса* различные, часто с подвывом, вообще низкие, сильные и далеко слышные. Гончие эти очень параты, крепки и нестомчивы; всего пригоднее они для зайцев, лисиц, но очень хороши и на кабанов. Встречаются преимущественно в Бернском кантоне, Ааргау, вообще в Восточной Швейцарии. Происхождение их определить очень трудно, тем более что описание довольно сбивчиво. Пара-

тость и трехцветность заставляют думать, что в них должна быть кровь фоксхоундов.

3. Ааргауская, или воющая, гончая. Это самые тяжелые и сильные по сложению гончие, с угрюмым, серьезным и меланхоличным взглядом, но не злобные и очень привязчивые к человеку. Роста от 45 до 50 с. *Голова* большая и тяжелая; череп широкий, очень выпуклый, с резким переломом, сильно развитым затылочным гребнем и ложбиною на лбу. Морда длинная и широкая, с развитыми, но не очень большими брылями. *Уши* поставлены далеко назад, низко, но имеют не очень узкое основание. *Глаза* темные, большие, мрачные, с отвислыми веками. *Шея* сильная, широкая, со складками. *Спина* широкая, длинная и прямая; живот не подтянут. *Грудь* сильная и широкая. *Ноги* крепкие, прямые, очень жилистые, с толстыми костями. *Лапы* в комке, когти черные; нередко прибылые пальцы. *Гон* средней длины, толстый, высоко поставленный, сильно приподнятый кверху, но не очень согнутый, одет длинным волосом. *Псовина* гладкая, плотно прилегающая, на хвосте удлиненная. *Окрас* желто-бурый или ржаво-бурый с черным чепраком; иногда бывает белая загривина, белая грудь и белые лапы. *Голос* обыкновенно с подвывом (ревом?), который, однако, развивается на 3-м или 4-м году, вообще низкий и далеко слышный.

Гончие эти, несомненно происходящие от сан-губеров, имеют хорошее чутье, но пеши, хотя выносливы. Очень хороши для гоньбы по зайцам в трудной местности. Встречаются в Ааргау, Люцерне, в Центральной и Северо-Восточной Швейцарии, а также в Лотарингии, Франш-Конте и Шампани (где их, кажется, называют chiens hurleurs и chiens chanteurs).

На 1-й выставке Общества любителей породистых собак в Петербурге (1888) были показаны г. Карлстедтом какие-то англошвейцарские гончие, которых скорее можно было бы принять за помесь какой-нибудь французской породы с таксами. Это были маленькие, длинноухие, кривоногие и очень длиннохвостые собаки черно-пегого окраса в мелких крапинах (побрызгом).

Итальянские гончие

Об итальянских охотничьих собаках из немецких, французских и английских авторов говорит только Бекман в своей книге. По его словам, в старинной и новой итальянской охотничьей литературе об истории и происхождении местных пород гончих ничего (?) не имеется. Из сочинений XVI и XVII столетий видно только, что существовали стаи небольших земляных собак, с которыми охотились на зайцев, лисиц и кроликов. В книге об охоте Карла Эммину-

ила I Кастеламона (1674) говорится о стае в 200 canida seguito, кроме ищеек и борзых, стоившей больших расходов, а также о стае в 24 штуки крошечных бассетов. Бекман полагает, что королевская стая состояла из французских парфорсных гончих и что охота производилась преимущественно на оленя, так же как во Франции и Германии в средние века, с предварительными разведками при помощи ищейки.

Современные итальянские гончие употребляются только для ружейной охоты и соответствуют немецким бракам и французским брикетам. Итальянские кинологи признают теперь на выставках только четыре породы гончих: Segugio* di Lomellina, Segugio dell'Appenino, Segugio dell'Alpi, Bracca calabrese; кроме того, Cirneca di Sicilia, Ventredda di Sardegna и Basseto.Сицилийские и сардинские охотничьи собаки, по мнению Бекмана, представляют какую-то помесь с мелкой борзой или левреткой (вероятнее, с шарнигом). Большая часть гончих гладкошерстны, но бывают и с жесткою шерстью, и брудастые, но их, как и легавых, не считают нужным признавать за отдельные породы или разновидности**.

1. Ломеллинская гончая (Segugio di Lomellina), судя по фотографиям, более всего приближается к парфорсным гончим. Рост 58 с. Глаза с косым разрезом, скорее впалые, чем выпуклые. Шерсть короткая, красно-бурая (mahagonibraun), уши длинные, поставлены низко, морда большая и широкая с развитыми брылями. Нос черный, хвост тонкий, элегантный, приподнятый кверху и немного согнутый. Складом легче туземных легавых, ноги у нее суше, пазанки короче, ляжки длиннее; почти всегда прибылые пальцы. Очень странен здесь косой (волчий) разрез глаз.

2. Апеннинская гончая (Segugio dell'Appenino) легче и ниже (50—52 с.), но похожа на первую складом и окрасом.

3. Альпийская гончая (Segugio dell'Alpi) встречается преимущественно на юге, большею частию черная с подпалинами, редко одноцветная желтая.

4. Калабрийская гончая (Segugio di Calabria). Самая замечательная порода, по мнению итальянских охотников. Немного ниже Lomellina, черная с подпалинами, с длинною вытянутою мордою, короткими (подобранными) губами, заостренными и открытыми ушами. Очень стройна, худощава, очень отважна и употребляется для охоты на всякого зверя. Это очевидный выборзок.

---

* Гончие Canida Seguito или Segugio, по объяснению Бекмана, от глагола seguire — следовать.

** В каталогах выставок значатся Segugio a pelo caprina (козья), pelo rasato, pelo spinoso (щетинистая).

Скандинавские гончие

Благодаря вышедшим в последнее время охотничьим книгам Зундстрема и Ридгольма*, можно составить себе очень верное представление о породах шведских гончих. Что касается датских и норвежских, то о них встречается лишь краткое указание у Бекмана.

По словам последнего, в Дании встречаются те же породы гончих, что и в Германии. До отобрания Шлезвиг-Гольштейна[46] Дания имела постоянное сообщение с континентом, и не могло быть и речи о различии пород. Парфорсных гончих здесь никогда не бывало, а встречались только браки, которых зовут, как и в Швеции, Stöver или Stövare, что равнозвучаще немецкому Stöber. Как и в Гольштинии, охота с браками была очень распространена в Дании; но голстинские гончие здесь уже совсем перевелись и последнее время заменились шведскими гончими, о которых речь впереди. Rydholm говорит, что в Дании встречалась порода шведско-немецких гончих, почти ничем не отличавшаяся от немецких (каких?) и называвшаяся по местности Augusten burgerhund. Теперь она в чистом виде не встречается, а смешалась с харьерами и др.

Многочисленнее, но не особенно распространены гончие в Норвегии. По мнению Бекмана, это несомненно немецкие браки, с течением времени видоизменившиеся. Нелепый обычай называть каждую мелкую разновидность именем владельца или заводчика поддерживал развитие случайных и бесполезных уклонений от типа, крайне тормозивших содержание породы в чистоте и установление общих признаков. Это замечание, кажется, должно всецело отнести к шведским охотникам, так как именно в Швеции до последнего времени встречалось много разновидностей и помесей, почему на первой Стокгольмской выставке каждый экспонент определял породу по-своему. На Стокгольмской выставке 1886 г. было собрано 189 гончих, но признаки пород еще не были выработаны, как и на первых немецких выставках, а потому царил полный хаос и произвол. На Копенгагенской выставке впервые были выработаны приметы т. н. шведской гончей.

Что касается норвежского брака (Norsk Stöver), то из краткого и неудовлетворительного описания его у Бекмана нельзя заключить, составляет ли он самостоятельную породу от шведской или ее разновидность. Голова большая, глаза бурые, уши средней длины и широкие, задние ноги с 1—2 прибылыми пальцами; хвост хорошо одет и слегка согнут; окрас б. ч. черный с бурыми или

* C. R. Sundström. «Handbook för Hundvänner», 1889; Rydholm. «Jact», 1889.

белыми отметинами или красно-желтыми, также с белыми и красными крапинами; бывают серые с черными отметинами. Роста они среднего, сложения сильного, с длинной (растянутой) колодкой и несколько приземисты; серые выше на ногах. (Последние, вероятно, содержат кровь северных собак).

По Зундстрему, охота с гончими известна в Швеции с XVI столетия и перешла сюда из Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Старинная туземная порода, встречающаяся в Южной Швеции и известная под названием смоландских гончих (Smolandsstövfaren), произошла, по его мнению, от скрещивания остзейских гончих с лапландскими лайками и (позднейшей) примеси немецких (голстинских). С начала XIX столетия сношения Швеции с Остзейским краем окончательно прекращаются и порода начинает устанавливаться; ввоз же немецких гончих продолжался. По мнению же Ридгольма, более вероятному, смоландские гончие произошли от скрещивания т. н. Elghund, т. е. лосиных, или лоших, собак (особой породы зверовых собак — полугончих, полулаек, образовавшейся очень давно) с немецкими или (что вернее) польскими гончими. Кроме обыкновенной и наиболее распространенной смоландской гончей Ридгольм отличает еще легкую ее разновидность с очевидною примесью крови борзой (хортой).

В последнее время особенную популярность приобрела другая, совершенно отличная порода гончих, которая велась в чистоте с начала нынешнего столетия в течение 50—60 лет и называлась прежде породой Грейфа (Greiff), который умер еще в 1820 году. Известный шведский охотник и председатель шведского кеннель-клуба граф Гамильтон принял за тип шведской гончей эту грейфовскую породу и составил подробное описание ее признаков.

Смоландская гончая. Подробного описания породы не имеется. Обыкновенная более тяжелая разновидность имеет вид сырой собаки, хотя на деле оказывается достаточно паратою. Головою и псовиною она напоминает лосиную собаку (Elghund). *Голова* остромордая, без признаков брылей. *Уши* висячие, небольшие и без складок. *Глаза* с косым разрезом, что придает собаке хитрое и зверообразное выражение. *Ноги* и лапы очень прочные, так что собаки почти никогда не подбиваются; прибылых не бывает (по Ридгольму — напротив). *Хвост* с небольшим подвесом. *Масть* черная с подпалинами или, вернее, чепрачная, иногда морда, лоб, загривина, лапы и кончик хвоста белые; бывают собаки сероватой волчьей масти без белых отметин; подпалины (по Нильсону) светло-желтые, редко темные. Вышина около 50 сантиметров. В общем, порода эта напоминает старинную русскую гончую, имеющую аналогичное (но более древнее) происхождение.

Обилие негончей крови в этой породе сказывается в том, что смоландские гончие лают и на птицу, подобно лайкам, и с ними же охотятся на уток. Они довольно злобны и вязки, особенно по белотропу, легко добираются к зайцу по жирам; поиск их не так широк, как у настоящих гончих, но зато они гонят вернее (?) и выносливее их; они никогда не подбиваются и часто гоняют по 12-й осени. *Некоторые* добираются с голосом (голоса простые), и такие собаки почти всегда оказываются замечательно вязкими и хорошими гонцами в стае, тогда как большая часть хорошо гонит только в одиночку.

Легкая разновидность смоландской гончей отличается несколько борзоватым сложением и более короткою псовиною, которая все-таки грубее, чем у пойнтера. Голова у нее длиннее, уши короче и более отодвинуты назад (в закладе), разрез глаза не косой, пахи подтянуты, хвост тонкий, ноги высокие, и вообще она по виду напоминает борзую, от которой происходит. Масть черная с подпалинами или совсем черная. Рост от 40 до 60 с. Собаки эти чрезвычайно параты, так что часто (в одиночку?) сганивают лисиц, но редкоскалы, и голоса очень тонкие, высокие, как флейта. Они часто гонят под ветром верхним чутьем, не по следу, но зато часто проносятся и затем плохо выправляют след или, стеряв его, бросают гоньбу; вообще не вязки. По белотропу гонят столько же на глаз, сколько чутьем, тем более что отличаются зоркостью. Они тоже подлаивают птицу. Принимаются за работу очень рано — 7-8 месяцев, но никогда не гоняют так хорошо, как гончие тяжелого типа, и не могут так долго работать. Помеси между ними бывают очень хороши, но не передают своих достоинств потомству. Очень важный недостаток смоландских гончих обеих разновидностей заключался в том, что они всегда охотились для себя и почти не обращали внимания на охотника, вообще были очень непозывисты, даже полудики и нередко гоняли самостоятельно, почему истребляли много дичи, правда, в том числе многих лисиц. Кроме того, они были и скотинниками (!).

Смоландские гончие встречаются главным образом в Южной Швеции, по Ридгольму, в лесной части провинции Смоланд; но чистокровные представители обоих типов редки и их можно найти только у крестьян, которым гончие служат также и дворняжками. В прежнее время их держали и помещики, но тоже в небольшом количестве. Многие собаки уже утратили гончие инстинкты и наклонности, так как им, и даже предыдущему поколению, не приходилось гонять, и до последнего времени порода считалась почти утраченною. Причина тому, во-первых, сильное ограничение охоты, которая может теперь производиться только на своей или заарендованной земле; во-вторых, вышеуказанные недостатки и,

в-третьих, то обстоятельство, что промышленники держат этих собак, не обращая никакого внимания на сортировку производителей, лишь бы хороша была в половом отношении сука. Если порода не перевелась, то только потому, что в северной части Смоланда других собак почти не было. В конце 80-х годов шведские охотники принялись за восстановление этой туземной расы, и теперь смоландские гончие стали встречаться чаще прежнего: на Копенгагенской выставке в 1887 году было уже 15 довольно однотипных смоландцев.

Шведская гончая считается более пригодною для охоты, чем смоландская, хотя не обладает выносливостью первой разновидно-

Рис. 37. Шведская гончая
(«Охотничья газета», 1892, № 36)

сти. Как уже сказано, порода эта произошла от гончих Грейфа. По Зундстрему, она мало отличается от голстинской, заключая лишь небольшую (?) подмесь смоландских, хотя из его же слов можно заключить, что у разных владельцев есть гончие с большею или меньшею примесью туземных гончих. Порода эта ведется только у некоторых крупных помещиков Южной Швеции. Признаки ее выработаны довольно подробно.

Общий вид. Гончая среднего роста, сильного сложения, иногда растянутого, с породистой наружностью, высоко держит голову; туловище гибкое, живот несколько подтянутый.

Голова с сильно развитым затылочным гребнем, морда довольно вытянутая, с несколько широким переносьем; череп не

широкий, губы не обвислые. У Зундстрема говорится, что морда не должна быть очень широка, но довольно длинная и широкая.

Уши средней длины, невысоко поставленные. Небольшие заостренные уши — признак крови старинной (смоландской) породы; большие и широкие — скрещивания со старонемецкими гончими (браками). У обоих форм уши на хряще, почему неплотно прилегают и подвижнее, чем у немецких и швейцарских гончих.

Глаза темные, довольно большие, на слезе, живые, с ласковым выражением; нижние веки не отвислые.

Шея крепкая, с небольшими складками кожи или вовсе без подгрудка.

Грудь глубокая и (довольно) широкая, с выдающимся соколком и хорошо спущенными ребрами.

Ноги средней длины, сухие и мускулистые. Передние короче задних, пазанки слегка согнутые, с одним или двумя прибылыми пальцами. Ляжки мускулистые.

Лапы овальные (не круглые и не продолговатые) с сжатыми пальцами (в комок) и довольно большими подошвами.

Гон длинный и высоко поставленный, к концу утончающийся. В спокойном состоянии опущен вниз, с слегка загнутым концом, но не на сторону. В возбужденном состоянии приподнят кверху, но не загнут на спину.

Псовина гладкая, у черных грубее, чем у красных и желтых, одинаковой длины на всем теле.

Окрас обыкновенно черный или черновато-серый с ржаво-бурыми, иногда бурыми или желтыми подпалинами на голове, горле, ногах и животе; белые отметины бывают на груди, ногах, на морде (носу), шее (загривине) и на кончике хвоста. Есть также красные или желтые собаки с такими же отметинами.

Пороками считаются: растянутость, провислая спина, длинные или короткие ноги, длинные и вислые уши, острая морда, очень загнутый хвост. Белый окрас как основной не допускается, как обозначающий примесь английских или швейцарских (?) гончих.

Голоса у шведских гончих сильные, часто двоящиеся (но тогда не низкие). Собаки эти очень параты (?) и могут сгонять лису; они вязки, имеют хорошее чутье, умны, не пустобрехи и скоро принимаются за работу.

Порода эта, по-видимому, уже преобладает в Швеции и вообще в Скандинавских странах, по крайней мере, она с каждым годом распространяется и вытесняет прежние бестипные помеси. В последнее время в Швеции стали покупать русских гончих: графом Гамильтоном куплено у Н. П. Кишенского несколько собак.

Польская тяжелая гончая

К числу гончих западной группы следует отнести польскую тяжелую гончую, составляющую едва ли не чистокровного потомка сан-губеров, к которым она ближе по внешности, чем блоудхоунды или какая-либо другая западноевропейская порода. По всей вероятности, гончие эти были привезены в Польшу из Франции в XVI столетии (или в XV) во времена самых тесных отношений Польского королевства к Французскому. Со временем, конечно, рассеется мрак происхождения польских тяжелых гончих, о которых не говорится ничего в польских охотничьих книжонках. Все печатные сведения об этой породе принадлежат русской охотничьей литературе, главным образом Губину и Кишенскому.

О влиянии польских гончих на русскую охоту, о помесях их с русскими будет говориться подробно в отделе восточных гончих; теперь же ограничимся замечанием, что польская тяжелая гончая очень редко встречается в чистом виде. В прежнее время, еще в начале текущего столетия, из нее составлялись польскими магнатами и помещиками большие стаи сначала для парфорсной охоты по французскому методу, потом для выганивания зверя на охотников с борзыми и ружьями; но теперь эти гончие вовсе не стайные, а одиночные подружейные и их можно встретить, и то очень редко, у мелких ружейных охотников в количестве 1—3 смычков. Охоте с гончими собственно в пределах Царства Польского был нанесен большой удар не столько освобождением крестьян, сколько новыми правилами об охоте, которыми за каждую борзую и гончую положена плата сравнительно большая.

Приводим здесь описание тяжелой гончей, по Губину, дополнив его описанием Кишенского:

«*По виду* чистокровная польская гончая сыра, как бы мощна и достаточно велика, с подгрудком... и сборчатою кожей на голове, вследствие чего... кажется на вид серьезною и породною. При этом она очень передиста, т. е. очень широка впереди сравнительно с задом; на сырых ногах и непременно с задними прибылыми пальцами». По Кишенскому, даже молодые собаки имеют старообразный и обрюзгший вид.

«*Голова* большая и сырая, с кожею в сборах». По К., очень массивная; морда толстая, очень брылястая; череп высокий, прилобистый с сильно развитым гребнем и надглазными костями.

«Основание чутья (морды) толстое, короткое, на конце немного вздернутое и очень развитое.

Глаза большие, серьезные, черного или очень темного цвета, но впалые и с отвислыми нижними кровяными веками, и при этом очень умные, выразительные». По К., глаза небольшие (что вер-

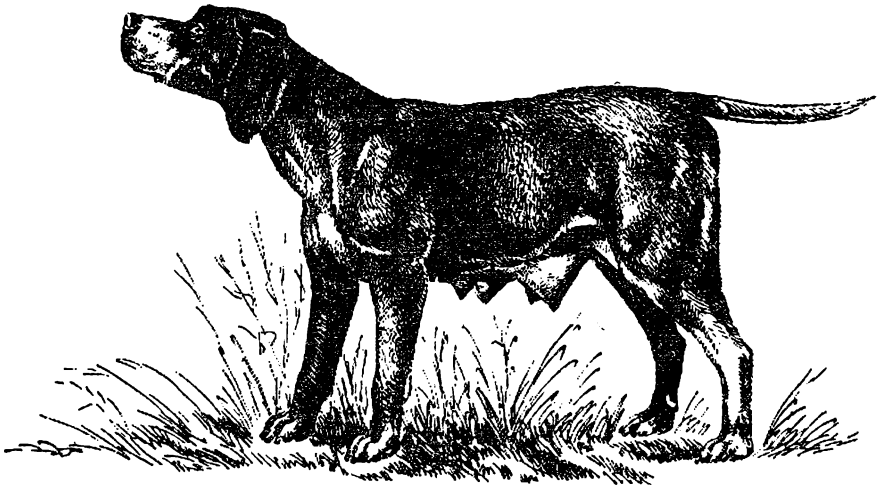
нее), впалые, черные с отвисшею нижнею векой, всегда налитые кровью, точно воспаленные.

«Уши средней величины; но так как постановлены очень низко, то и кажутся довольно длинными и лопоухими, при этом довольно широки и ровны полотном, с закругленными внизу краями. В возбужденном состоянии она их едва заметно, как бы вздергивая кверху, подает назад или поворачивает полотном их к переду (как арлекины).

Ребра очень низкие (?) и бочковатые.

Спина прямая и едва заметно покатая к заду. *Грудь* очень широкая, со страшно полными плечами, но не особенно выпуклая; зад

Рис. 38. Польская тяжелая гончая («Охотничья газета»)

заметно у́же переда; портки развиты достаточно хорошо, но слабее переда; мочи слабоваты». К. тоже говорит, что колодка немного лещевата, с широкой, но не выпуклой грудью, зад мало развитой.

«Ноги пропорциональны росту собаки, прочны на вид, но сыры и непременно с задними прибылыми пальцами; лапа круглая, большая и правильная; постанов ног очень правильный, и собака должна скорее казаться на высоких ногах, чем на низких.

Гон серповидный, прочный в основании, и несет его собака очень правильно и красиво, вроде прямогонной русской гончей.

Шерсть короткая, плотно прилегающая к телу собаки и всегда блестящая; при этом почти равномерно распределена по всему ее корпусу, за исключением головы, ушей и ног, где шерсть еще короче и атласисто-гладкая. На гачах и на нижней стороне гона шерсть слегка пушистая.

Настоящий *цвет* шерсти у польских гончих черный, красноподпалый, с очами и подласый (!); с одноцветным подшерстком (?). Пегих и других мастей настоящие чистокровные польские гончие не бывают». По Кишенскому, масть преимущественно черная в подпалинах (подпалины ярко- или темно-красные), иногда очень больших, и черно-пегие в подпалинах, причем по белому цвету бывает черный или красный горошек. Подласины вовсе не свойственны польской гончей, так же как и подшерсток.

«*Рост* более среднего, приблизительно около 15 вершков. Выжловки значительно меньше выжлецов.

Характер угрюмый, понурый и хотя драчливый, но не опасный... Вообще польские гончие более кажутся свирепыми (на вид), чем они есть на самом деле по своему характеру. К зверю же достаточно злобны и привязчивы в гоньбе по всякому зверю, но зайца предпочитают всему. Доезжачему послушны и за очень редкими исключениями всегда вежливы.

Полаз — веселый, но тихий и преимущественно с низким поиском; при этом необыкновенно старательный... она очень полазиста и при этом добывчива, верна, но моровата (копотлива) и пеша... нестомчива, хотя продолжительной езды в отъезжих полях и не выдерживает, разбиваясь ногами». Кишенский говорит, что польские гончие очень пеши и маловыносливы; выхаживают с грехом пополам два дня сряду.

«Голос преимущественно ровный, но бывают голоса и тонкие; очень крупных или страшных голосов у польских гончих никогда не бывает, но зато голоса у них правильные, тонные, хотя и без залива». По Кишенскому, напротив, они голоса имеют хорошие; попадаются здоровые басы; у сук обыкновенно дисканты, но незвонкие; обыкновенно их голоса отрывисты, но иногда бывают с недлинным заливом.

«Злоба к зверю у польских гончих достаточно хорошая, но приватная (как бы из желания угодить только хозяину); гоняют же по всякому зверю очень привязчиво, верно, но тихо. Главная особенность породы польских гончих заключается в том, что они в гоньбе необыкновенно верны, редко скалываются, добывчивы, неотбывчивы (?), полазисты, стайны, позывисты, послушны, вежливы и нестомчивы, хотя у некоторых из них нередко и проявляется наклонность к отборчивости, и в особенности в сборных стаях».

На выставках чистокровные польские гончие встречались весьма редко. На московских выставках, сколько помнится, был только один смычок типичных польских тяжелых гончих, именно собаки князя Н. М. Вадбольского. Несмотря на то что были по первой осени, они уже имели на лбу характерные складки и морщины и отличались угрюмым взглядом. Головы были у них кру-

глые, с широкими ушами лопухом, брылястые и короткие. Примесь сказывалась лишь в том, что подпалины были не красные, а желтые. На III выставке Невского общества охоты в Петербурге (1887) лучшею гончей выставки был, по отчету, польский выжлец *Аллаш* г. Фальберга, очень крупный, с отличным (?) глазом, черный, красно-подпалый. Вероятно, это был огар, а не настоящая польская тяжелая гончая. Огаров (?) выставлял в Петербурге еще г. Маевский в 1883 году, именно 4 гончих породы графа Тышкевича, черных с подпалинами; уши у них были довольно коротки, имелся подшерсток, и у одного были светлые подпалины. В 1883 году тот же экспонент выставил (на 1-й выставке Общества любителей породистых собак) очень рослого и видного выжлеца *Мазепу* (15 в. роста и 18 в обхвате) с несколько утковатыми задними ногами.

Группа третья
ВОСТОЧНЫЕ ГОНЧИЕ

Как было сказано в первой главе, родичем восточных гончих следует считать индийского буанзу. От него непосредственно произошли, надо полагать, китайские гончие, или махугоу, страны Лоло, которые будут описаны ниже. Китайские гончие, приведенные в Восточную Европу монголо-татарами в XIII и XIV столетиях, смешавшись с туземными охотничьими собаками, образовали несколько пород русских гончих со многими разновидностями, число которых особенно увеличилось в конце прошлого и первой половине текущего столетия от скрещивания с гончими западного и частью брудастого типов.

«Не допускать происхождения восточных гончих от буанзу, — говорит Кишенский*, — мы не имеем никаких данных, а напротив, между теми и другими столько общих признаков, что происхождение это не может подлежать ни малейшему сомнению: длина колодки, высокопередость, общая всем волкам, маленькие (?) острые уши, наконец, расположение масти и самые оттенки масти — все это тождественно у буанзу и восточных гончих. Может быть на это лишь одно возражение, что признаки эти общи и обыкновенным волкам, но мы имеем и еще один общий признак буанзу с восточными гончими — гон по зверю *ревом,* или, по-русски, *заливом* — эту столь характеристичную черту восточного типа гончих, хотя и обыкновенные наши волки иногда гоняют голосом, но, судя по словам тех, кому приходилось слыхать этот гон, он похож скорее на отрывистое тявкание дворняжки и не имеет никакого сход-

* «Опыт генеалогии собак», глава III.

ства со звучным ревом залива. Наконец, есть еще черта в характере буанзу, которая указывает на чисто гончую натуру: буанзу *форсирует добычу голосом* и больше руководится чутьем, и этого никак нельзя сказать о волке, который *следом* не вязок в большинстве случаев, а привязчив только изредка, как и его прямые потомки северные лайки*.

Вот что писал о восточных гончих Н. П. Кишенский в статье своей «Выбор гончих»**.

«Общие признаки восточных пород следующие.

Голова. Нос плоский, волчий, выдающийся вперед, нередко значительно, что особенно часто встречается у костромских; вздернут нос не бывает, а напротив, большинство гончих горбоносы. Глаза или совсем желтые или желтовато-карие. Череп с развитым гребнем, но лишь *на затылке,* от которого лоб идет постепенным скатом, и *крутолобости,* как у западных гончих, не бывает. Лоб и морда даже у старых гончих морщинисты не бывают, только у более сырых экземпляров к старости отвисают щеки, образуя от глаз вниз значительную складку. Уши всегда углом, короткие, достигают, не натягивая, только такой длины, что закрывают глаз, и сидят, сравнительно с польскими, высоко.

Колодка и ноги. Восточные гончие всегда *высокопереды,* особенно кобели. Грудь не широка, но выпукла, ребра достигают локотков *всегда,* но часто опускаются ниже пальца на два; зато некоторые из этих гончих сравнительно лещеваты. Ноги всегда толстокостые и лапистые (следистые сравнительно с ростом); шпор никогда не имеют.

Гон короткий, хотя и встречается изредка мало изогнутый (только у некоторых костромских), но чаще изогнут очень сильно; все породы наклонны к крутогоности***.

---

* Происхождение восточной гончей из Китая или Индии отчасти подтверждается и тем, что костромская гончая в наиболее чистом своем виде всегда была собака наиболее хилая, сильно страдавшая от чумы и болезней и, очевидно, мало приученная к суровому климату, почему требовала скрещиваний с местными терпкими породами, лайкой, а вероятно, и с волком. Н. П. Данилов говорит в своих записках, что последних «кровных костромских гончих», таких, каких он помнит в детстве, он видел последний раз на охоте в глухой местности Оренбургской степи в 70-х годах. Собаки эти были привозные, и местные охотники родиной их указывали Дальний Восток. **К. В. Мошнин**

** «Прир. и охота», 1881 г., май.

*** Признак этот (крутогоность) относится только к разновидностям северных губерний восточной гончей и сказался, очевидно, в примеси крови лайки. В средних и безлесных губерниях (Курской, Орловской), где тип русской гончей псовых охот сохранялся сравнительно долго, крутогоность почиталась пороком и встречалась редко. **К. В. Мошнин**

Псовина на морде и ногах короткая, плотно прилегающая, на колодке грубая ость с густым и мягким подшерстком. Ость особенно груба и длинна по хребту и шее, на которой часто образует гриву, как у волка. Гон всегда густо одет, но без подвеса.

Масть. Основная масть восточных гончих волчья; другие масти, которых они бывают, только более или менее изменившаяся волчья, и расположение окраса остается неизменным. Черная масть всегда сохраняет серый или желто-бурый подшерсток, а грубая ость к корню тоже другого цвета. Подпалины никогда не бывают красные, но всегда *желтые,* всех оттенков этого цвета, начиная еле заметным желтоватым, почти белым, и кончая темным, грязноватым, почти темно-серым. Особенность подпалин та, что они сливаются с остальною мастью и к оконечностям всегда светлее, нередко незаметно переходя в белый цвет. Резко отделенные подпалины бывают только на морде и щеках и исключительно у гончих черных. Одноцветных багряных этих гончих не бывает; если же спина и багряная, то к оконечностям багряная масть переходит постепенно в более светлую, желтую. Конец гона всегда белый.

Встречаются гончие и пегие или с белыми значительными отметинами, но от появления белых отметин не застрахован ни один вид домашних животных, и все-таки пегих восточных гончих признать за типичных нельзя»*.

«Сопоставляя описанные наружные признаки западного и восточного типа гончих, — говорит Н. Кишенский в своем «Опыте генеалогии собак», — мы должны заметить, что все эти признаки в большей или меньшей степени не сходны, а некоторые совершенно противоположны. Так, например, форма головы у тех и других совершенно различна; западная гончая крутолоба, со значительно развитым затылочным гребнем до надглазных дуг, тогда как восточная гончая с совершенно скошенным лбом и имеет значительно развитый гребень только на затылке. Вследствие этого

---

* Терпимость, с которой автор, столь строгий в других отношениях к признакам типичности восточных гончих, относится к белым отметинам, — есть, несомненно, с его стороны уступка личному вкусу. Белые отметины никогда не считались типичными для русских гончих и допускались в самых небольших размерах только на конце гона и на груди, да в редких случаях пятно на загривине. Гончие Н. П. Кишенского 15 лет назад имели незначительные отметины и доведены до совершенно почти пегой масти систематичным подбором. Со своей стороны, близко знакомый с собаками Н. П. Кишенского много лет, я считаю белые отметины их унаследованными благодаря какой-либо примеси, ибо замечал, что собаки с большими белыми отметинами этой породы в общем *злобнее,* но уступают одномастным *в вязкости* и вообще в качестве гона. **К. В. Мошнин**

профиль головы этих двух гончих окончательно не сходен: выпуклый и крутой лоб западной гончей выдается в профиль настолько, что затылок находится или в уровень с ним, или даже несколько ниже, то есть череп «закатист», по выражению охотников; в профиле восточной гончей этого никогда не бывает и быть не может при ее скошенном лбе и развитом затылочном гребне и затылок всегда значительно выше остальной части лицевого профиля. Профиль морды западной гончей *толст* и *короток* сравнительно с черепом, а у восточной он *тонок* и *к концу остер* вследствие выдающегося носа; но при взгляде сверху вид морды совершенно обратный; у западной гончей при взгляде сверху морда скорее тонкая, тогда как у восточной она представляется весьма широкой, а следовательно, плоской.

Разница *формы* ушей весьма существенна; у западной гончей уши *круглы* и очень широки, тогда как обрез ушей восточной гончей всегда *острым* углом и они узки. При более внимательном осмотре и сравнении оказывается значительная разница в ширине раковины уха, которая у западной гораздо шире, чем у восточной.

Распределение псовины у тех и других гончих представляет, бесспорно, видовые отличия; достаточно указать на *гриву* восточных пород, которой у кровных западных гончих никогда не бывает, а также на различную псовину на гонах тех и других; у западных гон одет короткой псовиной, такой же, как и остальное туловище, а у восточных сравнительно длинной, очень густой и жесткой, и гон всегда более или менее сходен с хвостом (поленом) волка.

При поверхностном взгляде в распределении окраса западных и восточных гончих существенной или видовой разницы не представляется; те и другие принадлежат к *светломордым* или, вернее, к подпаленным, те и другие бывают с более или менее большими белыми отметинами, наконец, цвета масти тех и других так схожи, что только при внимательном изучении замечается разница в сериях оттенков.

Однако вся эта схожесть исчезает в глазах специалиста при детальном изучении мастей той и другой групп гончих; хотя обе группы принадлежат к светломордым, однако в расположении подпалин замечается разница; у восточных гончих подпалины *расплывчаты* и *сливаются* с остальной мастью, т. е. волосы цвета подпалин в местах соединения смешиваются с волосами остальной масти, а у западных подпалины отделяются весьма резко, и, кроме того, весьма многие из них подпалены тонко, то есть подпалины очень *малы* и *ярки,* так что, несмотря на незначительность, очень заметны; последнего никогда не бывает у гончих восточных. Масть колодки тоже не сходна: восточная гончая, если она черной масти, всегда с более светлым подшерстком, и ость ее, хотя и черная свер-

ху, в корне обыкновенно серая или желтая, а западная подшерстка не имеет, и ость ее или вообще псовина одноцветна сверху и снизу.

Относительно масти западных гончих не следует также упускать из виду, что есть много пород *пегих* по природе, передающих эту масть устойчиво, как обыкновенно передаются лишь видовые признаки; никаким самым тщательным подбором в самой себе пегую масть этих пород уничтожить не удавалось, ибо никогда в этих породах не родятся щенки без белых отметин. Таковы многие породы французских гончих как современных, так уже и вымерших.

Наконец, другие признаки обеих групп гончих, сами по себе принадлежащие к легко изменчивым и потому не имеющим значения в определении различных групп, тем не менее у восточных и западных *неодинаковы постоянно* и некоторые из них, сопровождая в известной форме неразлучно видовые признаки, этим самым постоянством заслуживают особого внимания и приобретают значение видовых. Так, видовые признаки западной гончей *всегда* сопровождаются *низкопередостью,* а восточная гончая *всегда высокопереда,* и в этом случае, хотя теоретически высокопередость и низкопередость, зависящие от размеров отдельных частей, есть признак весьма изменчивый, эти признаки преобретают значение видовых».

Примечание. К этой главе К. В. Мошниным сделано подробное описание происхождения гончих Н. П. Кишенского и приведена их родословная. Ввиду того что эти гончие несомненно принадлежат к костромским, эти сведения будут помещены в своем месте. **Л. С.**

Махугоу
(китайская гончая)

Известный путешественник М. М. Березовский, проживший в центре Китая около семи лет, сообщил мне весной 1896 года, что в стране Лоло встречается особая порода гончих собак под названием махугоу, и дал мне письменную заметку, которую я успел осенью значительно дополнить личными расспросами. Открытие это, можно сказать, вполне снимает ту завесу таинственности, которая покрывала до сих пор происхождение так назыв. восточных, т. е. собственно русских гончих. Было несомненно, что настоящие гончие приведены в Россию татарами, но откуда последние взяли их, если ни в Туркестане, ни в Алтае не найдено еще и следа собак, напоминающих гончих? Вопрос этот теперь окончательно решен, и хотя увеличенный снимок с фотографии, данной Березовским, изображает 6—7-месячных щенков, притом нечистокровных, но он вместе с описанием не оставляет никакого

сомнения, что мы имеем дело с настоящими родичами наших гончих.

Под названием лоло известны в Китае особые аборигенные, очень мало исследованные племена, живущие в провинции Юнинань и в южной части провинции Сычуань (между 27—29 сев. шир. и под 103 меридианом от Гринвича) и пользующиеся почти совершенною независимостью. Эти племена имеют особую породу охотничьих собак, которые под именем махугоу известны далеко за пределами страны и у тех племен сифань (народы тибетского корня), которые живут в лесной полосе и занимаются земледелием и охотою, считаются лучшими охотничьими собаками. Чистокровных махугоу Березовский, живший в северной части Сычуани, не встречал, но в сифаньской деревушке Мугуачи (в 30 верстах к северу от г. Луньнганьфу) он видел одного старого, по-видимому породистого, кобеля и двух 6—7-месячных сук, хотя и нечистокровных, но сохранивших тип. Самая порода была здесь хорошо известна, очень ценилась и, вероятно, издавна вывозилась с юга. Березовский говорит, что при нем однажды несколько человек местных жителей (деревни) сложились деньгами, чтобы послать двоих в страну Лоло для покупки щенков. С этою целью ездят в г. Мабьяньшинь, лежащий к западу от города Сюйчжофу. Это, кажется, пограничный город, и сюда лоло приводят собак для продажи. «Цена не превышает 1—2 рубл. за щенка, но в местах, где я жил, — говорит Березовский, — хорошую собаку, даже не породистую, не продадут и за 50 рублей на наши деньги».

Виденные Березовским старый выжлец и две молодые выжловки были небольшого роста (с мелкого сеттера), как и настоящие махугоу, довольно низки на ногах, то есть имели довольно длинное туловище, хотя пропорциональное. Кобель был плотного сложения и «складом напоминал легавую собаку, что-то среднее между пойнтером и сеттером». *Голова* у него была короче, чем у щенков, но вообще клином, т. е. с заостренной мордой; перелом малозаметный; череп к затылку суживался и имел сильно развитой затылочный гребень. Нос черного цвета, значительно выдавался вперед, и нижняя челюсть короче верхней. Никаких признаков брылей не замечалось. *Уши* небольшие, внизу заостренные, висячие, но на хряще, так что у насторожившейся собаки приподнимаются. *Глаза* небольшие, не выпуклые; разрез глаза, кажется, не косой (иначе это бросилось бы в глаза); цвет глаз у щенков рыже-желтоватый, пестрый (то есть, вероятно, с темными прожилками). Чтобы собаки были высокопереды, Березовский не заметил, но, судя по рисунку, надо полагать, что задняя часть развита слабее переда, как у волков. *Хвост* (гон) толстый, как у гончих, псовина на нем не короткая и у молодых собак почти одинако-

вой длины, у старого же кобеля (а по словам охотников, и у всех породистых махугоу) как бы с небольшим подвесом. Собаки держат хвост не круто, а (на ходу) большею частью параллельно земле или немного выше, как пойнтера; кверху саблей, тем более вбок, на сторону, хвост никогда не загибается. *Масть* старого выжлеца рыжевато-черная, кажется с подпалинами, во всяком случае, морда и ноги были окрашены светлее туловища; молодые выжловки имели грязно-буро-желтую псовину, вроде как у шакала, даже не одноцветную, а один волос темнее, а другой светлее. *Псовина* у выжлеца не особенно длинная, но и не короткая; у молодых короче, но длиннее, чем у пойнтера, и притом очень грубая и жесткая, грубее и жестче, чем у первого. Волосы на загривке и шее длиннее, у кобеля уборная псовина на ногах. Подшерсток не замечен, но, вероятно, он имеется, так как климат страны Лоло и местности, где жил Березовский, очень суровый (от 6 до 14 тыс. ф. высоты).

Составляют ли махугоу одну, вполне обособившуюся породу или несколько, подобно сибирским лайкам, Березовский из распросов туземцев узнать не мог. Периодически добываемые чистокровные махугоу служат для улучшения местных дворных собак, то есть увеличивают их охотничьи качества, но следующие уже поколения вымесков сливаются с общей массой.

«Охотничьи качества махугоу, — пишет Березовский, — хорошее чутье, ум, страстность и упорство в преследовании зверя (вязкость). Помню, как один из вышеупомянутых щенков в первые разы, как их брали на охоту, возвращался домой один, позже всех, а раз даже на другой день; говорили, что он в одиночку гнал зверя и что из него будет прок. Этих собак особенно ценят для охоты на зверя осторожного и хитрого, напр., кабаргу, которая обманывает собак, делает круги и прячется в неприступных местах и которую потому всегда почти собакам приходится гнать только следом». Сифани лесной области охотятся обыкновенно сообща, целой деревней, собрав всех деревенских собак, большею частью вымесков брудастых и монгольских собак, тибетских сторожевых, очень редко лаек, которые здесь почти неизвестны. Охотятся преимущественно на кабаргу или кабанов. Один раз Б. принял участие в охоте, на которой было 30 различных собак, в другой — встретил охотников, возвращавшихся с охоты на кабанов в сопутствии сотни собак. Между последними встречались относительно крупные и пегие, но все-таки по внешности они напоминали гончих с значительною постороннею примесью. «Обыкновенно 1—2 человека, более опытные и знакомые с местностью, заводят собак; обязанность последних или нагнать зверя на выстрел охотника, который, соображаясь с гоном и местностью, перебегает куда следует,

или остановить зверя, или загнать его до полного изнеможения. Найдя свежий след, некоторые, но немногие собаки подают голос, когда же зверь близко или в виду (что в здешних сплошных лесах бывает редко), то зальется вся стая. Голоса у собак тонкие, звонкие, как у гончих». Когда зверь остановится, лай делается отрывистым, некоторые собаки даже начинают скулить. Если будет найдено стадо зверей, то предпочитается, чтобы стая разбилась и гнала по нескольким зараз в разных местах. Но обыкновенно очень скоро большая часть дворняжек отстают, перестают гнать и в конце концов за зверем увязываются 4—5 самых лучших и настойчивых собак. Именно этою настойчивостью (вязкостью) отличаются настоящие, чистокровные махугоу. На охоте собак кормят болтушкой из кукурузной муки, порознь, полагая по горсти на каждую.

У охотников сифань очень ценятся дворняжки, которые причуивают чутьем на деревьях обезьян и лают на них. Такие собаки встречаются очень редко, как исключение. Весьма возможно, что они из породы лаек.

Русские гончие

Охота с гончими сделалась известна на Руси значительно позднее, чем в Западной Европе. Мы знаем, что еще в Древней Руси существовали охотничьи собаки, употреблявшиеся для крупных зверей и на мелких пушных зверьков (куниц, белок), а по фрескам на лестницах Софийского собора в Киеве (сооруженного Ярославом Мудрым в ознаменование победы над печенегами) можем заключить, что это были какие-то крупные борзоватые собаки северного типа со стоячими ушами и не очень псовистые, довольно сходные с изображением собак, встречающихся на греческих античных барельефах и вазах (Duruy).

Отсюда, конечно, нисколько не следует, чтобы собаки эти имели греческое происхождение, так как материал для подобного рода охотничьих псов имелся в изобилии во всей Европе и Северной Азии, где только были леса. Это были просто крупные лайки легкого склада, хотя, вероятно, и не такие борзовидные, как согостырские оленьи собаки в низовьях Лены, употребляемые для загонивания оленей в тундрах, т. е. северных болотистых степях.

В Древней Руси не было полевой и степной охоты, так как вся юго-восточная безлесная черноземная равнина была занята различными кочевыми племенами другого происхождения; славяне охотились только на лесных зверей, притом по греческому и германскому способу, или методу, — с тенетами, перевесами и ловуш-

ками; собаки руссам были нужны для того, чтобы загнать лесного зверя в тенета, реже для того, чтобы замучить его продолжительной гоньбой и дать возможность охотнику убить его стрелой, копьем или дротиком. Между тем как на охоте на белку и иного пушного зверя употреблялись простым людом те же лайки, которые встречаются посейчас к северу от Волги, всюду оставив потомков в лице дворняжек, сторожевых или пастушьих собак с полустоячими ушами и закорюченными хвостами, — настоящие зверовые собаки, отличавшиеся ростом и силою, были редки, ценны и составляли достояние князей и их дружинников. Возможно, что эти ловчие собаки содержали некоторую примесь греческих охотничьих полугончих псов, привозимых ими в числе награбленной добычи после набегов на Греческую империю. Со времен принятия Русью христианства и постоянных торговых сношений с Грецией эти собаки могли добываться и мирным путем.

Мы видели, однако, что всюду, начиная с Греции, даже Древнего Египта, и кончая Германией средних веков, быстрые, но недостаточно сильные охотничьи собаки; а с другой стороны — слишком тяжелые и недостаточно проворные молоссы (мордаши) не удовлетворяли требованиям древних и средневековых охотников: последние старались смешиванием этих двух пород вывести среднюю расу — крупных, сильных и вместе с тем легких, паратых собак. Как на Западе, так у нас, еще в начале средних веков должны были выделиться два главных типа охотничьих собак на крупного лесного зверя — травильных, более массивных, с значительною примесью мордашей, соответствующих Triphunts древнегерманских узаконений[43] главным образом для охоты на кабана, и собственно гончих для охоты на более быстрого зверя, как олень, лось и зубр, от которых требовались лучшее чутье и бóльшая быстрота, собак, аналогичных с Canes seusius, Canes cursales германцев.

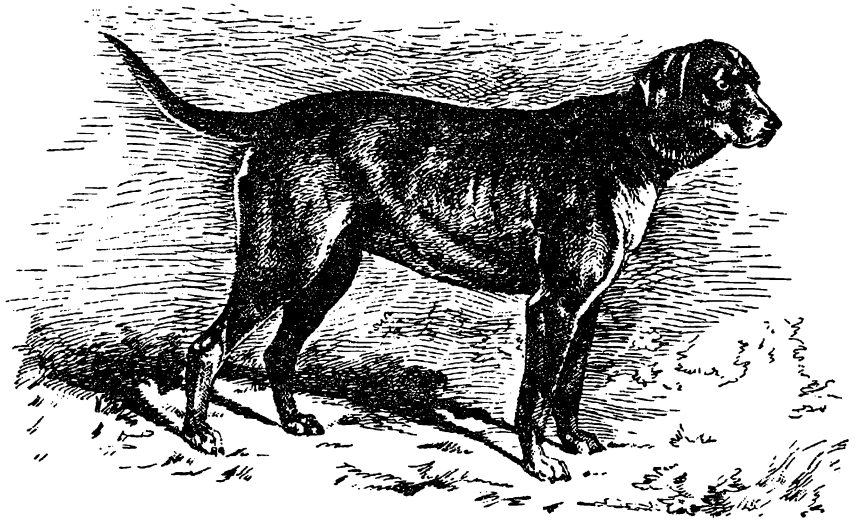
Что мордаши были известны на Руси до нашествия монголов, не подлежит никакому сомнению: они были, вероятно, еще более распространены во времена князей галицких и киевских[47], чем позднее — в эпоху татарщины, когда юг и юго-восток заградили татары, а запад и юго-запад — литовцы и поляки, надолго прекратившие всякого рода непосредственные сношения с Европой.

Этим прекращением сношений объясняется самостоятельное развитие русских пород борзых и гончих, резко отличающихся от западноевропейских. Тогда как в основание почти всех охотничьих собак Западной Европы легли североафриканские породы — гончие, борзые и в меньшей степени молоссы (известные сначала египтянам, а уже потом ассирийцам), причем из туземных собак или, вернее, ранее освоившихся имели некоторое значение только

брудастые гончие, — в России почти до нашествия монголов для охоты употреблялись исключительно туземные собаки северного или лесного типа в различных видоизменениях, иногда с более или менее незначительною примесью мордашей. Эти собаки были и борзыми, и гончими, и травильными, наконец, ищейками на соколиной охоте.

С настоящими гончими и борзыми русские познакомились через посредство татар, приведших восточных гончих из Центральной Азии и восточных борзых — от магометан Западной. Эти азиатские охотничьи собаки в различных степенях смешения с коренны-

Рис. 39. Голос, старинная русская гончая Г. Шидловского. Большая серебряная медаль на выставке 1875 г.
(Н. А. Мартынов. «Портреты собак»)

ми, аборигенными расами — лайками образовали несколько новых русских пород гончих и борзых. Влияние же западных охотничьих собак начинается у нас только с XVIII века; тогда же проникла в Россию до того времени неизвестная ружейная охота с легавыми, которые к началу XIX столетия совершенно вытеснили особую, чисто русскую породу ищеек, их заменявших на соколиной охоте и, по-видимому, образовавшуюся из смешения лайки с меделянкой и гончей. В сущности, ищейка эта отличалась от старинной русской гончей только большею культурностью.

Нигде северные остроухие собаки не имели и не могли иметь такого значения для охоты, как в России, главным образом потому, что они всегда были и сейчас служат охотничьими собаками промышленников. Из истории известно, что охота в России с древнейших времен до наших дней не подвергалась почти никаким стес-

нениям: всегда рядом с охотою как забавою — ловами князей и дружинников, отъезжими полями бояр и бар — существовали ловы как простонародный промысел на пушного и снедного зверя и птицу, ловля тенетами, сетями и ловушками, большею частью при помощи собак, конечно туземных. Различие состояло в том, что у князей и дружинников, охотившихся на крупного зверя, те же остроухие северные лайки были крупнее, сильнее и быстрее. Этими собаками они травили и сганивали зверей или загоняли их в сети; но настоящих борзых и гончих у них не было и не могло быть, так как проникнуть с запада они не могли и о них нет намека даже в русских былинах и песнях, не говоря о летописях, писавшихся монахами, которые в противуположность католическим не обращали внимания на охоту. Точно так же не могло быть в старину и больших стай.

Татарский способ травли борзыми при помощи гончих произвел коренной переворот в русской охоте. Громадные многосотенные стаи гончих, со страшным ревом выгонявшие все живущее из лесных дебрей на пеших лучников или всадников с борзыми, не могли не произвести сильного впечатления на князей и бояр охотников, которые стали подражать своим завоевателям, заменять своих ловчих собак и улучшать их татарскими гончими и борзыми, следствием чего было образование новых местных пород. Мы знаем, что уже царь Василий Иоаннович охотился по татарскому способу с борзыми и гончими на зайцев, которые были прежде предметом промысла, а не охоты.

Выделение новых рас охотничьих собак совершалось очень медленно, вероятно столетиями, и в двух различных направлениях: наиболее легкие остромордые и псовистые остроушки в смешении с вислоухими татарскими борзыми дали в конце концов, быть может только в XVI столетии, псовую борзую; более тяжелые и толстомордые разновидности с примесью мордашей, сказавшейся и в укорочении псовины, образовали при скрещивании с татарскими гончими т. н. лошьих, или лосиных, собак, как бы нечто вроде русских оленегонных; более мелкие псовистые и наиболее распространенные туземные собаки северного волчьего типа с теми же восточными гончими дали породу простых русских гончих с круто согнутыми в кольцо хвостами (гонами).

Таким образом, не позднее семнадцатого столетия в России имелись по крайней мере три главные породы гончих: татарская, получившая позднее название костромской, зверовая, или лошья, гончая, по праву называемая старинною русскою, и, наконец, простая, или русская крутогонная, самая обыкновенная и распространенная, тогда как татарские встречались преимущественно у князей и дворян татарского происхождения, а старинные русские — у

коренных русских бояр и бар. Что касается русских брудастых, то они имели позднейшее происхождение и скорее могут быть названы польско-курляндскою породою, чем русскою.

Хотя давнее существование трех главных русских пород гончих со многими разновидностями почти несомненно, об этих породах в эпоху русских царей, т. е. в течение XVI и XVII столетий, не имеется никаких сведений. Из того, что царь Михаил Феодорович посылал за собаками для возобновляемой царской охоты в глушь Костромского края, а не в ближние подмосковные местности, следует заключить, что в начале XVII века татарские гончие, как и татарско-русские борзые костромских и ярославских поместных дворян-татар, переселенных сюда Иоанном Грозным после взятия Казани, пользовались большою славою и предпочитались собственно русским гончим, в которых, конечно, не могло быть недостатка и в окрестностях Москвы. Впрочем, если принять за родичей русских гончих лошьих собак, то можно также предположить, что последние, хотя и ценились настолько, что бояре били ими царям челом, но еще не считались настоящими гончими и имели более специальное назначение, чем татарско-костромские гончие.

В первом русском охотничьем сочинении (рукописном) времен царя Алексея Михайловича немца фон Лессина ни слова не говорится не только о породах, но даже о стаях гончих. Надо полагать, что фон Лессин был не особенно выгодного мнения о наружности и качествах русских гончих, так как иначе не советовал бы в своем «Регуле псовой охоты» для получения верхочутов скрещивать гончих выжлецов с легавыми ублюдистыми (породистыми) суками*.

Ближайшее знакомство русских охотников с западными породами гончих — польскими, курляндскими, французскими и анг-

---

* «...а когда легкая и проворная собака, то имеет степь плотную и сухую; если с нею случилась ублюдистая стромоушка, в том ее не зазирать, а считать ее за мастера, но за лучшего и лихого гонца...» Здесь, очевидно, намекается на пользу скрещивания гончих с лайками или другою породою гончих со стоячими ушами, может быть лошьими.

«О верхочутких собаках, не поленюсь, я должен сказать, если кто хочет заводить оных, так следовать моему наставлению: соблюсти легавую ублюдистую суку, и чтоб она была породная, с выжлецом гончим: чтобы он был тоже породный и лучший мастер, а как перегодует, то наблюдать их вышесказанным примечанием по статям и блюсти их погодовавши, и как распустует с лучшими мастерами, от того можно, то есть от третьего колена, прямо верхочутых собак иметь; они в гоньбе веселее (!) всех собак, только недолговечны: они через три осени стекают или слепнут» («Прир. и охота», 1886, III. «Регул псов. охоты», гл. 19).

Из того, что в старину гон назывался «серпало» (см. ф. Лессин), следует заключить, что большинство русских гончих были крутогоны.

лийскими — начинается еще в первой половине XVIII века, во времена бироновщины[22]. Герцог Курляндский, бывший обер-егермейстером Артемий Волынский и граф Салтыков значительно способствовали распространению выписываемых ими чужеземных гончих между русскими охотниками. Надо полагать, что тогда же появились у нас брудастые гончие, начались первые опыты скрещивания английских гончих с русскими (именно графом Салтыковым, см. далее о костромских гончих) и русские помещики впервые ознакомились с парфорсною охотою, применявшейся в царствование Анны Иоанновны*. Елизаветинские и екатерининские вельможи, несомненно, много раз получали на кораблях английских гончих, прельщавших их красотою и паратостью.

В первой печатной охотничьей книге о псовой охоте «Псовый охотник» (1785 г.), составляющей собственно перевод с рукописной польской книги, тоже ничего не говорится о породах гончих, а описываются в общих выражениях стати гончей, несомненно польской**. Это описание вошло дословно во второе издание «Совершенного егеря».

Первое деление на породы мы встречаем в «Книге для охотников»*** Левшина, вышедшей в 1815 году, когда уже большинство

---

* См. «Внутр. быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.». Кн. I. М., 1880, стр. 302.

** «Гончих же мастеров узнавать по статям следующим: выпуклых, великих, мытных, на слезах, с кровавыми белками глаз, чутья толстоватого и мокроватого, каплющей из него часто мокроты, ноздрей широких, коими часто поворачивает на все стороны, как будто нечто чует, и в рубчик по чутью, который от верхней губы пошел между ноздрей: такие, конечно, бывают чутки в натечке зверя и мастероваты; притом же сама в себе крепка, не очень долга и сохастовата, голова сухая, уши тонкие, большие и повислые, но не на коротких ногах, высоковата, гон крепкий, прямой, короткой и не повислой и никуда на сторону не скинулся или на спину кольцом не завернулся; ноги сухие и желтоватые, мясами черными и мышками довольна». (То же, почти слово в слово, у Мачеварианова, хотя отвислые веки, длинные уши и сопливость доказывают, что речь идет о польских, вообще западных, гончих!)

«Которая гончая густошерста и в себе жидка и слаба, голова мясная, уши толстые, небольшие и невисячие, глаза простые, ноздри сухие, чутье малое, толстые и короткие ноги, гон долгой и повислой, то такая бывает обленчива и к натечке плоха, и редко из таких удается быть нарочитому гонцу» («Псовый охотник», 1785, стр. 24—26).

*** *«Французские гончие собаки* видом очень красивы, хвост имеют длинный, голос громкий и шерстью бывают большею частию белые с полóвыми, серыми и черными пежинами.

Английские видом с ними сходны, несколько толще, не таковы складны, но зато сложением крепче и имеют хорошее чутье. Обе породы сих гон-

русских охотников успело и дома и за границей ознакомиться с западноевропейскими породами. Кроме французских, английских и германских гончих Левшин отличает курляндских брудастых и русских — костромских и ярославских и упоминает об арлекинах, но не как породе, а как масти. Но из описания ладов гончих видно, что и он имел в виду лишь западных гончих. В другой книге Левшина — «Всеобщее и полное домоводство» — костромские гончие названы псовыми, упоминается еще русская порода гончих — лошиx и говорится о скрещивании гончих с меделянскими*.

В последующих охотничьих книжках первой половины XIX столетия мы встречаем о гончих лишь перепечатки из «Псового охотника» и «Книги для охотников». Венцеславский в «Псовой охоте» (1847) говорит вскользь о ярославских гончих; Реутт вовсе не опи-

---

чих, кроме обыкновенной гоньбы по зайцам, лисицам, волкам и серкам (сернам, т. е. диким козам) употребляются в парфорсной ловле, т. е. гоняют оными какого-нибудь зверя до тех пор, пока, ослабев, падет, или станет обороняться, или будет от них растянут.

Германские гончие собаки гоняют по всем зверям; а поелику сходны к ним русские, каковы *костромские* и *ярославские,* также *курляндские* бородастые (имеющие густую жесткую шерсть и густые усы) и все сии отчасти составляют смешанную породу, то предложим об них несколько обстоятельнее.

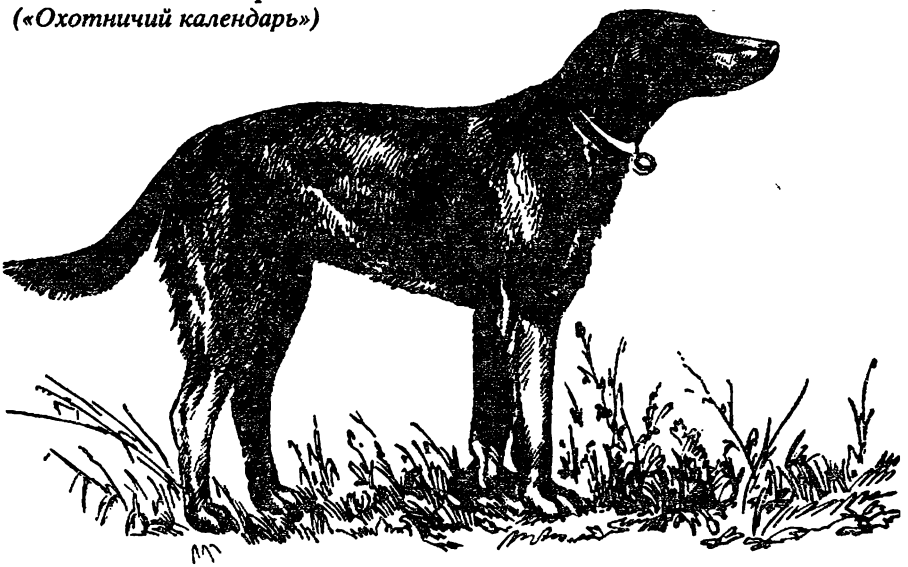
Добрая гончая собака должна быть средней величины, иметь передние ноги покороче задних, голову толстую и длинный хвост, иначе же тонкое чутье и громкой складной голос. Обыкновенная их шерсть красно- и темнобагряная, также черная с подпалинами и белым пятном под горлом; белые, пегие и арликаны. Из них бывают неублюдки (т. е. вымески) с английскими и французскими гончими, иногда с борзыми собаками.

Примечание. Арликанами называются собаки, имеющие один глаз темный, другой же сывороточный или белесый, и когда на них шерсть по белому или серому бывает с мраморными, черноватыми пежинами» («Книга для охотников», I, 17—19).

* «У нас в России известны три главные породы гончих: *роду псового,* имеющих шерсть густую и хвосты (по-охотничьи, гоны) толстые, вислые, уши несколько вислые, но короткие; оные росту среднего и известны под названием *костромских.* Рослые из оных не ублюдки с легавыми или медиоланскими. Вторые *брудастые гончие,* инако *курляндскими* называемые. Имеют на себе шерсть густую, клокатую, на морде, или, по-охотничьи, на чутье, усы; на ногах они пониже, но ноги имеют толще, большею частию шестипалые, и хвосты негустые; считаются нестомчивыми. Третья порода гончих называется *лошими,* потому что оные единственно только в гоньбе по лосям (иногда по медведям) употребляются. Это род собак дворных, очень рослых и сильных, густую и длинную шерсть имеющих, уши острые и головы большие. К отродию гончих же надлежит считать *дахсов,* или *барсучьих* собак, известных в России под названием стрелецких собак» («Всеобщее и полное домоводство», т. XII, стр. 27—28).

сывает пород гончих и утверждает, что костромские гончие происходят от английских. А. Хомяков в своей статье «Спорт» («Москвитянин», 1845, II) говорит о костромских гончих как русской породе, приведенной татарами и происходящей от желто-подпалой сибирской гончей. Мачеварианов в своих «Записках» дает лишь самое поверхностное описание пород, а о статях гончей списывает почти дословно у переведенного с польского «Псового охотника» (1785), добавляя об ушах, что они «не лопухообразны, а свернулись бы трубкою». Из этого видно, что автор «Записок» не имел никакого понятия о типе и породах русских гончих*.

Рис. 40. Польская паратая гончая («Охотничий календарь»)

* *«В России употребительны гончие: 1) костромские, 2) курляндские, 3) английские и 4) польские.*

1) Костромские гончие с превосходным чутьем, отличными голосами с заливом, полазисты, добывчивы, необыкновенно верны в гоньбе, привязчивы (т. е. вязки), но недостаточно параты по овражистой, кучугуристой и обрывистой местности, какова, наприм., по волжскому бичевнику и вообще по нагорной стороне Волги. Для выполнения же всех строгих охотничьих требований их мешают с английскими.

2) *Курляндские* — бурдастые, с клокастою псовиною. Все с яркими, тонкими голосами; но проносливы и недобывчивы.

3) *Английские* — чрезвычайно красивы; в них как будто видна смесь с крымскими (!?) борзыми; необыкновенно параты, но редкоскалы и много уступают в чутье костромским.

4) *Польские* — с верным чутьем; но тяжелы и годны лишь для ружейников» (Мачеварианов. «Записки псового охотника Симбирской губ.», стр. 27—28).

Вполне верное и подробное описание всех пород русских гончих дает нам Н. П. Кишенский в своих классических сочинениях: «Записки охотника Тверской губ. о ружейной охоте с гончими», «Выбор гончих» и «Опыт генеалогии собак». Описания эти до сих пор остаются наилучшими и наиболее точными, так как позднейшие описания Губина, хотя и более полные, грешат неточностями и обнаруживают малое знакомство автора с крутогонными пешими гончими и костромскими. За первых он принимает каких-то вымесков с длинноухими французскими гончими, даже бассетами, а вторыми называет беспородную помесь, которая поставлялась костромскими татарами-собакоторговцами ничего не понимавшим в породах псовых охотникам центральных губерний. Характеристика русских гончих, сделанная Н. П. Даниловым, рядом с описаниями Кишенского и Губина, вероятно ему незнакомыми, крайне поверхностна и неточна, так как он не отличает старинных русских прямогонных гончих от пеших крутогонных и нашел у них на гонах какой-то пробор, у костромских же — подвес на хвосте и, кроме того, светящиеся в темноте глаза, как у волка*.

Кишенский (позднее также Губин) делит русских гончих на три главные породы — старинных русских (у Губина старинные прямо-

---

* «А) Разновидности старинной туземной русской породы гончих.

Самые грубые, дворноватые. Цвет шерсти (окрас) чаще всего черный, иногда с белыми отметинами; *грязно-подпалый,* редко багряный без подпалин; голова простой дворовой собаки с небольшими *вислыми* ушами; глаза у черных *темные,* у багряных *желтые;* щипец недлинный, круглый, *без брылей;* нос (чутье) и отверстия ноздрей небольшие; гон *серповидный,* у выжлецов часто кренделем (кольцом), подвес незначительный *с пробором* (раздвоение от середины к краям), кривизны на конце *нет.*

Б) Гончие однотипной восточной породы, известной под названием костромской.

Склад не такой грубый, но от манеры держаться с понурой головой несколько зверообразный; окрас *серый,* светлый с более темным характерным *чепраком,* подпалины чистые, бледные; голова сухая; уши небольшие, *на хрящах;* глаза *светлые, серые,* в темноте светят, как у *волков;* щипец круглый, *брылей никаких;* нос (чутье) и отверстия ноздрей заметно малы; гон прямой, коротковатый (вроде волчьего полена), от корня, примерно на треть длины, без подвеса, в остальной части с характерным пушистым подвесом *без всякого пробора.*

В) Гончие породы западной, польской.

Склад подходит к типу легавых. Окрас вообще черный с яркими, оранжево-красными подпалинами разных оттенков; шерсть низкая, лоснящаяся; уши довольно большие, вислые; щипец не короткий, несколько сжатый с боков и *непременно с брылями;* лапы иногда с прибылыми пальцами; гон длинный, гладкий, реже прямой, чаще к концу несколько серповидный или с кривизной на сторону (!)» («Русск. охотник», 1891).

гонные), русских пеших (у Губина крутогонные) и костромских.

«Но те же условия, которым подвергались русские борзые, — говорил он 13 лет назад*, — действовали и относительно русских гончих, т. е. почти в каждой отдельной охоте выраживалась сначала своя *подпорода* (разновидность), которая, в случае благополучного существования долгие годы охоты, устанавливалась в самостоятельную породу (вернее, подпороду) с обособленными признаками.

Хотя относительно гончих у русских псовых охотников никогда не существовало такого педантизма, как относительно борзых, и потому доставать кровных гончих от любого охотника всегда было возможно, почему смешения различных подпород происходили довольно часто, однако, принимая во внимание обширность России, условия образования различных по признакам пород оставались почти ненарушимыми.

Поэтому тех идиллических времен, когда будто бы все русские охоты состояли из однотипных в смысле *породных* признаков костромских гончих и таких же густопсовых борзых, никогда не существовало; те и другие в каждой отдельной местности, продолжая быть чистокровными, то есть не подвергаясь скрещиваниям, перерождались в самостоятельные породы со своими обособленными признаками.

Но скрещивались между собою русские породы гончих сплошь и рядом, а потому образовалось множество пород и подпород, *промежуточных* по признакам, между тремя описанными типами, и очень много встречается гончих, соединяющих в себе признаки всех этих трех типов.

Вследствие всего этого понятия русских охотников о типах пород русских гончих чрезвычайно противоречивы... Каждый охотник из отдельной местности описывает и свой особый тип *костромской* гончей... Еще бóльшую путаницу в названиях и типах гончих произвели породы, происшедшие от скрещиваний с различными породами западной группы...

Если б наши русские охотники не были в столь сильной степени одержимы незнанием своих пород гончих, то у нас давно были бы свои парфорсные породы... Наши гончие от природы очень немного в паратости уступают английским, да к тому же сотни лет назначались *не для форсирования,* а подбирались *по голосам.* Если б изменить направление подбора, то наши породы, не утратив кровности, были бы способны сганивать не лисиц *без подстав,* что они и теперь исполняют исправно, а матерых волков, которых берут не меньше англо-русских разнокалиберных ублюдков...»

* «Опыт генеалогии собак», 1884, VII.

Неопределенность и сбивчивость сведений о русских гончих и их описаний зависели от того, что во второй половине текущего столетия чистокровных русских гончих уже не было. Все они перемешались между собою или с польскими и английскими и образовали новые разновидности со смешанными признаками. Описания исчезнувших или почти исчезнувших пород составлялись больше по памяти, и то, может быть, не по чистопородным представителям. В настоящее время из чисто русских гончих уцелела в наибольшей чистоте лишь одна костромская, но и то с большей или меньшей примесью старинной русской или пешей крутогонной, и замечается очевидная тенденция к приведению всех пород к одному знаменателю и даже отрицание существования какой-либо породы гончих, кроме русской с двумя разновидностями: паратою — для псовой охоты и пешею — для ружейной. Но, собственно говоря, породы просто *русских* гончих никогда не существовало. Как справедливо замечает Н. Кишенский, «это новейшее изобретение, под которым желают скрыть всяких беспородных вымесков».

Замечание это, пожалуй, и справедливо, но все-таки нельзя не признать, что старинных русских гончих вовсе нет, пешие крутогонные тоже почти исчезли и что в современных костромских, несомненно, еще замечаются признаки этих пород и нередко течет кровь польских или английских. Впрочем, весьма возможно, что лет через 10—15 костромская порода сама собою, без особенных усилий со стороны охотников, очистится от посторонних примесей и мы будем иметь не просто русскую гончую, а настоящую костромскую, и костромскую более рослую и паратую, со значительною примесью крови старинной русской гончей. Эти две разновидности вполне удовлетворят потребностям всех русских охотников, ружейных и псовых.

Смешение русских пород не принесло такого вреда русской охоте, как скрещивание русских гончих с польскими и английскими. Близкое знакомство русских охотников с польскими гончими началось в конце прошлого столетия, когда конфедераты[48], сосланные в Костромскую и Вологодскую губернии, привели своих тяжелых гончих, соблазнивших псовых охотников своею внушительною красотою. Затем, по окончании наполеоновских войн, в Россию было ввезено военными большое количество гончих западного типа — французских, немецких и главным образом польских; эти гончие рассеялись повсеместно и оказали весьма значительное влияние на стаи средних губерний. В тридцатых годах, после первого польского восстания[49], снова было приведено в Россию как офицерами, так и ссыльными поляками множество гончих, которые также очень быстро перемешались с русскими до полного исчезновения типа; едва ли не чаще всего псовые охотники скрещивали их

со старинными русскими гончими*. С этого же времени начинается у нас ружейная охота с гончими, до того вовсе не известная в великорусских губерниях, причем учителями были те же высланные административно поляки и отставные офицеры, служившие в Польше и познакомившиеся с этим весьма распространенным там способом охоты. Особенное же распространение получила последняя в шестидесятых годах, после второго польского восстания[50], почти совпавшего с уничтожением крепостного права и большей части псовых охот. В настоящее время подружейные гончие во многих местностях составляют большинство, и общее количество ружейных охотников с гончими несомненно уже превышает численность псовых. Развитию ружейной охоты с гончими всего более содействовали труды Н. П. Кишенского, не имеющие себе равных не только в русской, но и в иностранной литературе.

Скрещивание русских пород с польскими имело еще смысл для ружейных охотников, не нуждавшихся в паратых собаках; для псовой же охоты оно принесло несравненно более вреда, нежели пользы, так как хотя как бы несколько улучшало внешность и сохраняло голоса, но делало гончих более слабыми, рыхлыми и стомчивыми, пешими и непригодными для продолжительных отъезжих полей. Польские тяжелые гончие, можно сказать, испортили почти все стаи. Между тем обстоятельства складывались таким образом, что от гончих стали требовать еще бóльшей паратости, чем прежде: леса в северной черноземной полосе, средоточии помещичьего землевладения, сильно поредели, зверя стало меньше, время дороже. Но вместо того чтоб очистить русские породы от вредной примеси, начали повально скрещивать полупольских гончих с английскими**. Некоторые удачные помеси фоксхоундов с русскими породами, преимущественно со старинными русскими и костромскими, главным образом знаменитые глебовские гончие*** были причиною того, что через несколько десятков лет, начиная с тридцатых годов и до начала шестидесятых, почти все

---

* До сих пор в Воронежской губернии, по свидетельству Сафонова («Охотн. газета», 1890, стр. 83), преобладает помесь тяжелых польских с русской пешей (вероятно, старичной русской, так как настоящие русские пешие встречались только в лесных губерниях).

** Из «Записок» Березникова (рукописных) видно, что в 20-х годах многие псовые охотники сильно увлекались польскими и даже курляндскими гончими, но в скором времени бросили их и обзавелись чистокровными английскими (Храповицкий, Смирнов, также Глебов и друг.), то есть кинулись в другую крайность.

*** Едва ли своими хорошими качествами глебовские гончие не были обязаны тому, что происходили не от фоксхоундов, а от стэгхоундов, которые ввозились в Россию крайне редко.

стаи псовых охотников, утратившие свою чистокровность, можно сказать полупольские, заключали в себе бóльшую или меньшую примесь английских. Это увлечение английскими вымесками не уступало совпавшему с ним увлечению помесями псовых с вислоухими восточными борзыми.

До 80-х годов в псовых охотах, можно сказать, преобладали гончие английской внешности, и только с этого времени стали обращать более внимания на короткоухих, высокопередых и непестрых гончих русского типа. Этого нетрудно было достичь прекращением скрещиваний с чистокровными фоксхоундами, простым подбором: старинная кровь русских гончих оказывалась всегда сильнее и в конце концов брала верх над английскою, которая оставляла лишь некоторую сухость сложения, обусловливавшую требуемую паратость, и обнаруживалась в ухудшении и голосов, как неизбежное следствие чрезмерной быстроты. В настоящее время большинство псовых охотников имеет стаи не англо-русских гончих, как лет 20 назад, а русских гончих с более или менее незначительною примесью фоксхоундов, почему они справедливо могут быть названы паратою разновидностью русских гончих. Этот легкий тип русских мешаных гончих считается большинством наиболее пригодным для псовой охоты, а потому имеет полное право на существование рядом с более неуклюжими, сравнительно менее паратыми, хотя нередко более выносливыми, почти чистокровными костромичами и помесями их со старинными русскими гончими. К сожалению, псовые охотники до сих пор никак не могут сговориться относительно того, каких форм следует придерживаться, и до сих пор не вывели породы паратой русской гончей с точно определенными признаками. Для русских охотников, как справедливо заметил Д. Бибиков, совершенно достаточно трех пород гончих: паратой, с признаками и качествами средними между английскими и старинными русскими гончими, и двух пород из разновидностей русских гончих с окрасом и внешностью старинных русских — паратой для псовой охоты и более пешей для ружейных охотников*.

До самого последнего времени гончие в великорусских губерниях имели одно назначение: выгнать зверя из леса в опушку или поле на охотников с борзыми. Этот способ охоты был известен и в Западной Европе, но употреблялся крайне редко даже в средние века, и гончие в большинстве случаев играли там активную роль, то есть ими сганивали зверя иногда в несколько десятков минут, иногда на вторые или третьи сутки с ночевками. У нас же в благоустроенных охотах до сих пор гончие должны только выставлять

* Под названием старинных русских автор, по-видимому, подразумевает здесь костромских гончих.

зверя на борзых, отнюдь не вырываясь в поле; в старину сганивание зверя гончими считалось чуть не позором. Парфорсная охота началась у нас лишь когда завелись стаи английских и полуанглийских паратых гончих, а ружейная охота с гончими, как мы видели, занесена к нам относительно недавно из Польши, Литвы и Малороссии, где она была известна еще в начале XVII столетия.

Преимущества парфорсной и ружейной охоты с гончими перед татарско-русским способом охоты с гончими и борзыми заключаются в том, что в первых двух объектом охоты мог быть всякий зверь — олень, лось, коза, кабан, медведь, барсук, а в русской же псовой — только те звери, которые, надеясь лишь на ноги, искали спасения в чистом поле*, именно: заяц, лисица, волк. Кроме того, как в парфорсной, так и в ружейной охоте охотникам предоставляется значительная свобода действий и они могут следовать за гончими, тогда как псовый охотник, стоящий на лазу, как бы прикован к своему посту, подобно охотнику на облаве, и должен был, не съезжая с места, выжидать появления зверя.

Это пассивное и долгое выжидание и затем непродолжительная скачка сломя голову с борзыми вслед за вырвавшимся в поле зверем вполне гармонировали с лениво-порывистым характером великоруса. Но всегда находились псовые охотники, которые не выносили такого продолжительного бездействия, тягость которого умерялась лишь музыкою гона, и предпочитали охоту внаездку или же ездили под гончими. Парфорсная охота, следовательно, вполне отвечала вкусам последних, а потому и привилась во многих местностях, конечно таких, где не было непролазных чащей и трущоб, недоступных даже самым ретивым доезжачим и выжлятникам, главная обязанность которых заключалась в том, чтобы не давать стае вырываться в поле. В настоящее время, можно сказать, наши псовые охотники употребляют смешанный способ охоты, особенно на волков: часть они сганивают гончими, часть затравливают борзыми, в самых же крепких местах обыкновенно ставят ружейников. Во всяком случае, русская псовая охота утратила свой первоначальный характер, и в ней не замечается прежнего педантизма и строгого порядка.

Парфорсные тенденции в связи с увеличением паратости гончих, хотя и выдвинули гончих на первый план, но имели необходи-

* Впрочем, и у нас в старину дозволялось форсировать гончими медведя и кабана, причем охотники остановленного собаками зверя прикалывали рогатинами или кинжалами. Но этот способ охоты, как весьма убыточный по числу приносимых в жертву собак, употреблялся лишь владельцами огромных стай. Сганивание гончими медведей было еще в большом употреблении у помещиков татарского происхождения Костромской и других приволжских губерний до конца прошлого столетия.

мым следствием ухудшение самых главных гончих качеств — чутья, голосистости и полазистости, т. е. способности гончей лазить в чащи и крепкие места. Так как русские парфорсные охотники, родоначальником которых, вернее всего, надо считать С. М. Глебова, ездили только на красного — волка по преимуществу, всячески отучая гончих от гоньбы по зайцу, то английские и полуанглийские собаки не могли иметь хорошего чутья, тем более что сами охотники *умышленно* старались его испортить, закармливая с осени собак сырым мясом*. Заяц же всегда был и будет оселком чутьистости гончих и резвости борзых (прибавим, и вежливости легавых). Всякому известно, что чрезмерная паратость, свидетельствующая об избытке крови борзых, всегда бывает в ущерб чутьистости.

Еще большее влияние имело скрещивание фоксхоундов с русскими гончими на ухудшение голосов, ценившихся старинными псовыми охотниками еще больше, чем французскими парфорсными охотниками. Это важное значение, придаваемое голосам гончих, станет понятным, если принять во внимание, что перипетии гона и музыка стаи, так сказать, умеряли охотникам, стоявшим на лазах, тягость мучительного выжидания в такой степени, что совсем дряхлые старики продолжали ездить на охоту с единственною целью — послушать гон стаи. Французские парфорсные охотники также очень ценили голоса гончих, но мы знаем, что они обращали главное внимание на звучность голосов и не требовали от последних разнообразия в тоне и тембре — т. е. сложного голоса, подобно русским охотникам.

Довольно трудную задачу совмещения хороших голосов с парфорсным способом охоты французские охотники весьма удачно решили делением стаи на две или три части, из которых одна, наибольшая, гнала зверя, а другие, меньшие, т. н. подставы по нескольку смычков, расставлялись с пикером в известных пунктах и в удобный момент спускались на подмогу или на смену уставших гонцов**. В старину не прибегали у нас к подобным резервам пото-

---

* См. «Записки» С. М. Глебова в «Журн. охоты» Имп. общ. охоты, 1875 г.

** В гористых местностях, например в Крыму и на Кавказе, иногда необходимость заставляет охотиться с подставой (см. Зотов. «Охота в Крыму». — «Пр. и ох.»,1884, XI, и Атрыганьев. «Охота на оленей на Кубани». — «Прир. и ох.», 1883, VI). Следует заметить, что на Кавказе (именно в Карачаевских горах) лучшими гонщиками на оленей оказались полуанглийские гончие, привезенные в Пятигорск одним калужским помещиком в 70-х годах (вероятно, из породы Храповицкого или Смирнова). Этих собак ни на какую другую охоту не брали, и если они натыкались на другого зверя, то их сбивали; водили всегда на смычках, пока не замечали следов или приз-

му, что не нуждались в них, так как старинные русские гончие и костромские без особого труда сганивали лис, прибылых волков и переярков и зайцев, и если оказывались недостаточно паратыми в чистолесье, открытой и, пожалуй, гористой местностях, то в чащах и болотистых уймах они далеко превосходили английских, а следовательно, преимущества последних могли сказаться только в более доступных лесах и в небольших отъемах черноземной полосы. Чутьистая гончая может быть вообще менее паратой, так как, стеряв след, она тратит менее времени на розыск упалого. Кроме того, гончая верхочут всегда окажется на деле быстрее более паратых собак с нижним чутьем, так как она не припадает временами к следу, подобно последней, чем замедляется гон. Затем на паратость гончей имеет влияние самая манера гона, так как многие гончие, особенно французские, при каждом взлае задирают кверху голову, что опять-таки несколько замедляет бег.

Единственные качества в гончих, не изменившиеся или почти не изменившиеся к худшему с переходом псовых охотников к англо-русским гончим, это кроме быстроты злобность, вязкость и нестомчивость. Старинные русские гончие, однако, несомненно превосходили в злобности фоксхоундов и полуанглийских, в которых злобность к красному зверю нередко поддерживалась, как мы видели, искусственными мерами. Старинные русские именно всегда и все поголовно отличались непомерною злобностью, а злоба есть принадлежность крови, т. е. породы, и часто гончие с самою злобною и угрюмою наружностью (например, тяжелые польские) не гонят по волку, и наоборот. Вязкость при парфорсном способе охоты даже несколько увеличилась, так как при прежней островной езде вязкость необходимо приносилась в жертву позывистости. Самый способ охоты по новому образцу, т. е. полупарфорсный, не требовал прежней позывистости, и стая управлялась меньшим числом выжлятников, то есть была экономичнее, что не могло не иметь значения при ухудшившихся условиях жизни и немало содействовало распространению смешанного способа охоты с полуанглийскими вымесками. Старинные русские гончие — самые лучшие красногоны — требовали при своем зверовато характере и непослушании непонятного ныне качества выжлятников, обязанность которых состояла в том, чтобы сбивать собак со следа вырвавшегося в поле зверя и не давать им бросаться

наков оленя. Как только убивали оленя, распарывали ему брюхо и внутренности отдавали собакам. Поэтому на следы кабанов и медведей они мало обращали внимания.

Французский метод охоты с подставами заслуживал бы подражания, в особенности при парфорсной охоте на волков.

в стадо. В нестомчивости же собаки эти не только не уступали английским, а даже превосходили их, что понятно, если вспомнить, что в прежние времена отъезжие поля длились неделями, месяцами и что охота шла ходом за 500 и более верст. Но малейшая примесь польских немедленно сказывалась, и собаки очень скоро разбивались ногами до полной негодности.

Что касается ружейной охоты, то она имела также немалое влияние на качества гончих. Требования ружейников были иные, а потому приспособление русских гончих к ружейной охоте вызвало прежде всего скрещивание их с польскими, сначала в Малороссии, а затем, с конца прошлого столетия, в губерниях на север от Москвы. Ссыльные конфедераты были главными виновниками порчи костромских гончих. Последние были слишком параты для ружейной охоты, особенно для охотников, привыкших бить зайцев из-под гона тяжелых польских или даже огаров, составляющих как бы средний тип между последними и русскими гончими.

Скрещивание с польскими гончими, давно утратившими злобность и смелость к волку, и вообще применение ружейниками гончих исключительно для гоньбы по зайцам имело следствием утрату собаками злобности. Хотя Н. Кашкаров утверждает, что подружейные гончие должны быть вязки, крупны и злобны, иначе их стравишь волками; но кому не известно, что волков бьют из-под собак немногие ружейники, обладатели целой стаи. Поэтому г. Д. Бибиков («Охотник с русскими гончими») совершенно прав, говоря, что русские гончие (всякие) у ружейников утрачивают злобу и паратость, которые могут развиваться только в комплектных псовых охотах.

Зато прочие качества гончей — вязкость, чутьистость, полазистость и голосистость — при ружейной охоте не только не ухудшились, но в большинстве случаев даже увеличились. Ружейные охотники не нуждались, подобно псовым, в позывистости, всегда вредно отзывавшейся на вязкости — настойчивости преследования; гоньба по зайцам развивала чутье и способность разбивать заячьи скидки; русские гончие никогда не боялись чапыжника и лесных болотин; что же касается голосов, то русские ружейные охотники с самого начала придавали им не меньшее, а бóльшее значение, чем псовые охотники, что доказали своими специальными исследованиями этого важного вопроса.

В результате ружейные охотники и практически и теоретически сделали гораздо более, чем псовые, почти всегда относившиеся к гончим с пренебрежением и предоставлявшие их в полное распоряжение доезжачих, которые всегда предпочитали иметь дело с бесчутыми, но вежливыми дурами при одном-двух мастерах или вожаках, разбиравших следы. Между тем на самом деле к гончей

должны предъявляться гораздо более разносторонние требования, чем к борзой, от которой требуются только резвость и красота. Гончая же должна быть ладна, достаточно парата и нестомчива, а кроме того, обладать хорошими чутьем, голосом и соображением. Отсюда понятно, почему безукоризненные во всех отношениях гончие встречаются реже отличной борзой и легавой и такая гончая должна бы цениться дороже последних. Действительно, в северо-западных губерниях и в Малороссии, где гончих собак больше, чем легавых, и где они часто исправляют их обязанности, например на утиной охоте, хорошие одиночные гонцы пользуются бóльшею известностью, чем лучшие легавые, конечно потому, что услугами гончей пользуются многие охотники, а легавая служит одному только хозяину. Многие ружейные охотники предпочитают охоту с гончими охоте по перу, и предпочтение это имеет смысл. «Можно охотиться без легавой с удовольствием, но без ружья можно охотиться только с гончими», — говорит Д. А. Вилинский.

Самые главные качества гончих — чутье и голос — ценятся нами еще более, чем французами. Чутье у гончей развито в значительно большей степени, чем у других собак, даже легавых, хотя многие держатся противного мнения. Н. П. Кишенский* весьма основательно доказывает превосходство чутья гончих следующими соображениями: гончая чует зайца гораздо далее, чем легавая, между тем запах зайца слабее запаха птицы, тем более целого выводка, так как легавая чует верхним чутьем птицу гораздо далее, чем зайца; лучшие по чутью легавые происходят от помеси с гончими и часто имеют подпалины; примесь легавой ухудшает чутье гончих, а не улучшает.

По наблюдениям Кишенского, самым лучшим чутьем обладают самые пешие гончие, а именно курляндские, потом русские пешие и породы, от них происшедшие. Вообще чем паратее гончая, тем чутье слабее, но это уравновешивается быстротою — собака преследует на близком расстоянии, по *горячему* следу. Для успешного сослеживания гончей необходимы влажный воздух и роса, хотя чрезмерная мокрота заливает след; поэтому в ясные и сухие дни гончие хорошо гонят только утром и вечером. Зимою в сухую морозную погоду некоторые собаки с плохим чутьем не могут гнать вовсе. На чутье, кроме того, имеет несомненное влияние направление ветра; наилучший гон бывает (в Тверской губернии) при северо-западном, северо-восточном и восточном ветрах; всего хуже собаки гонят при юго-западном, особенно если он силен; тогда они как бы совершенно теряли чутье, причем если ветер менялся, то оно возвращалось. Чутье при юго-западном ветре —

* «О чутье гончих собак». — «Прир. и охота», 1878, IV.

терялось при всякой погоде, но всего сильнее было влияние последнего осенью. Причины этого явления необъяснимы, равно как весьма загадочно влияние на чутье вредной росы, замечаемой в конце мая и в июне*.

Фазы луны не имеют, противно мнению многих, никакого влияния на чутье. Цветы многих растений портят чутье, особенно бугун или болиголов, от которого собаки дуреют и не понимают, где трубят или гонят другие гончие. Чутье пропадает всего чаще от плохого (псарного) содержания, от дурной или горячей пищи, также от чумы, хотя далеко не всегда. В теплое время оно сильно слабеет от кормления мясом, особенно бараниной, а от копченого мяса совершенно (но временно) утрачивается. В пустовку суки и кобели также временно теряют чутье и перестают искать. Затем, конечно, чутье слабеет к старости, всего скорее у вымесков с легавыми; у чистокровных же гончих оно сохраняется до преклонного возраста, и встречаются костромичи 15—17 лет совсем глухие и почти ослепшие, которые гонят голосом и разбирают следы, хотя отчасти шагом**.

Огромное значение имеет также *голос* гончей не столько с эстетической, сколько с практической точки зрения, так как голос гончей должен резко отличаться от обыкновенного собачьего лая. Это ее видовой отличительный признак, а потому подмесь негончей крови прежде всего сказывается в изменении голоса, точнее в его *упрощении.*

«Кроме уклонения от типичных признаков в ладе и статях гончей собаки, — говорит П. М. Губин в своем «Руководстве», — необходимо еще обращать внимание и на ее голос, так как учащенный, отрывистый, *«дворноватый»* голос у гончей, словом, голос не певучий, не выражающий тона (трудно объяснить это словами), а похожий как бы на отрывистый даже и не лай, а как бы учащен-

---

* «Может быть, это цвет какой-либо травы, но странно, что действие замечается только ночью, в то время, когда ложится роса. В это время иногда бывает, что гончие сначала гонят отлично, потом, когда начнет ложиться сильная роса, голоса их вдруг начинают странно меняться, гон постепенно ослабевает, и собаки выходят из леса со всеми признаками нездоровья: нос горячий и припухлый, глаза налитые кровью. Продолжается это нездоровье только час-два. Случалось, что гончие гнали на другой или третий день в том же острове при сильной росе, и ничего с ними не было». **Н. К.**

** Силу чутья по наружным признакам определить невозможно, хотя ширина ноздрей, величина и наружная форма носа имеют некоторое значение. Вообще если у гончей ноздри широки, открыты (края не завернуты внутрь), нос сильно подвижный, всегда мокрый, то более вероятно, что эта собака обладает хорошим чутьем.

ные взбрехи дворной собаки у гончей служит верным признаком грубой в ней смеси. Как бы ни была редкоскала или как бы учащенно ни вопила чистокровная гончая, у ней всегда есть в голосе музыкальность тона, понятная каждому настоящему псовому охотнику и истинному любителю гончих собак. Поэтому для породы, выбирая гончую собаку, важнее всего знать ее происхождение, а если порода ее неизвестна, то после тщательного и самого строгого разбора ее частей и вообще лада собаки, необходимо еще слышать ее голос *во время гоньбы в поле,* так как неоднократно были случаи, что от гончих неизвестной породы, но совершенных красавцев по виду и выдающих себя только голосом, выходили щенята положительно неопределенной породы и никуда не годные».

Резкое отличие в голосах гончих и лае, брехании и вое других собак объясняется происхождением первых от особых диких видов гончих собак, причем, конечно, это различие со временем усиливалось вследствие подбора по голосам. Голос гончей (вернее, сила его) зависит от устройства ее голосового аппарата (гортани) и объема легких. О последнем (до некоторой степени) можно судить по ширине и (всего более) глубине груди, но нельзя быть уверенным в том, что у собак с прекрасной грудью будет хороший голос. Но зато у собак безгрудых никогда не бывает хорошего голоса (Н. Кашкаров).

Хотя французские парфорсные охотники в противоположность английским придавали больше значения голосам, чем паратости, но об этом важном качестве они упоминают лишь вскользь, давая крайне поверхностные определения, из которых трудно составить себе верное понятие о голосах французских гончих. Очевидно только, что последние в большинстве имели очень низкие и звучные голоса, но в сущности однообразные и монотонные. О подборе собак стаи по голосам и делении на дисканты, альты, тенора, баритоны и басы (башуры) у французских авторов не упоминается ни слова; между тем как у нас имеется несколько подробных статей ружейных охотников, посвященных рассмотрению голосов гончих с музыкальной точки зрения и описанию средств к улучшению этих голосов. Исследования эти настолько оригинальны и интересны, тем более что принадлежат известным охотникам и притом музыкантам (Артынову, Сафонову)*, что считаем необходимым сделать из них подробные извлечения.

---

* См. Артынов. «Собачий хор». — «Охотн. газ.», 1891 г., стр. 770—777, 787—789; Сафонов. «Стая как предмет музыкального изучения». — «Охотн. газ.», 1892 г., стр. 325—330, 342—344; Кишенский. «Голоса гончих». — «Русск. охотник», 1894, стр. 222—223, 243—244.

«В чем, собственно, состоит ее (охоты с гончими) привлекательность? — спрашивает А. Сафонов. — Далеко не в добычливости; цель эта гораздо проще и выгоднее достигается другими способами; вся прелесть в хорошем гоне, иначе говоря, в тех ощущениях, которые испытывает охотник под влиянием собачьих голосов. Последнее обстоятельство, по крайней мере для ружейного охотника, — все. Находясь по самым условиям охоты постоянно около гончих, он в силу этого является ближайшим слушателем их пения. Всякие повышения и понижения звуков, усиление или ослабление их, перемолчки, словом, все тонкости собачьей фразировки в его ушах имеют определенное значение, так как указывают на близость или отдаленность зверя, наконец, на уловки, употребляемые им для избежания опасности.

Таким образом, охотник, не видя собак, на основании их пения составляет представление об отдельных моментах охоты. Помимо этого, качество и состав голосов оказывают весьма важное влияние также на ход гонимого зверя. Как бы ни была вязка, неутомима и дружна стая, раз она обладает плохими голосами, зверь мало пугается ее и пускает в дело всевозможные хитрости: залегает, делает петли, ходит вслед за собаками, наконец, высмотрев место, где нет людей, преспокойно уходит в другой лес. Тогда как хорошая голосистая стая нередко доводит зверя до полного исступления, под влиянием которого он совершает поступки, не совместимые с требованиями самого элементарного благоразумия...

Не спорю, что понимать тонкости собачьей гармонии, входить, так сказать, в критическую оценку деталей ее действительно могут только лица, обладающие музыкальным развитием, но общие правила конструкции хора, в сущности, сводятся к тем же законам, по которым строится хор человеческих голосов, а чтобы знать последнее, вовсе не нужно быть специалистом...

Между тем по отношению к собачьему пению законы музыкальной гармонии почему-то считаются необязательными, и те же самые лица, которые затыкают уши при звуках плохого оркестра или хора, преспокойно слушают отвратительный писк гончих, точно на время утрачивают всякий слух...

В числе средств, которыми располагает собака для изъявления своих чувств... особенного внимания заслуживают те, которые предназначены для выражения охотничьей страсти, каковою способностью из всех домашних собачьих пород обладает только гончая. Звуки эти, воспроизводимые тогда, когда собака или видит зверя, составляющего объект страсти, или ощущает его запах, в отличие от прочих, в охотничьей терминологии носит название *голоса*. Последнее определение уже само по себе указывает, что означенные звуки представляют некоторое подобие пения...

Главное, что обращает на себя внимание при слушании собачьего голоса, что дает основание называть его так, это несомненная музыкальность, так сказать, певучесть звуков, позволяющих улавливать определенные тоны. Если по первому впечатлению тональность и кажется как бы неясною, то это происходит главным образом вследствие постоянных вибраций, иначе говоря, слабой устойчивости, свойственной собачьему голосу, и при совместном пении двух собак становится настолько понятно, что можно с точностью определить даже интервал, заключающийся между звуками их голосов. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с явлением совершенно аналогичным звуку колокола...

Переходя к дальнейшему рассмотрению свойств собачьего голоса, мы увидим, что каждый имеет свои, специфические, индивидуальные особенности тембра. Есть голоса густые, бархатистые, сочные, мягкие; есть жидкие, резкие, пронзительные, крайне неприятные для слуха; есть, наконец, глухие, тупые, хриплые, с гортанным или носовым оттенком, причем сила их также весьма различна.

Помимо той или другой степени благозвучности каждый голос имеет свой самостоятельный уровень, или регистр, в смысле высоты издаваемых звуков... Судя по слуху, думаю, что предельные ноты собачьих голосов составляют: вниз — fa под первой линейкой басового ключа и вверх — fa сверх 8-й скрипичного ключа.

На основании высоты и характера звуков голоса собак, как и человеческие, разделяются на четыре главные группы: высокие, нежные, так сказать женственные, могут быть названы дискантами; высокие, но более густого, мужественного тембра — тенорами; нежные среднего регистра — альтами; густые низкие — басами, и промежуточные, соответствующие человеческим mezzo-soprano, второму тенору и баритону... Не меньшее разнообразие замечается также в диапазонах или объемах голосов. Большинство собак обыкновенно издают от 2 до 5 различных тонов, глядя по регистру, высоких, средних или низких, и в пределах их располагают музыкальные фигуры своего пения; но бывают экземпляры, голоса которых заключают до 1 $^1/_2$ и более октав. Встречаются они редко. У меня, например, за всю почти 15-летнюю практику был только один, по кличке *Будило,* из помеси арлекина с русской гончей. Его чудный бархатистый bassocantante имел в диапазоне примерно от si bemol второй линейки басового ключа до mi bemol второй октавы, что в связи с оригинальной манерой пения производило впечатление целой арии. Когда он находил след, то вначале слышались низкие, отрывистые тоны. Еще сомневаясь в присутствии зверя, мерными речитативами *Будило,* казалось, рассуждал сам с собою, проверял свои мысли. Но по мере того как усиливался

запах следа, голос певца, постепенно повышаясь, принимал все более и более страстный характер, отдельные возгласы становились протяжнее и захватывали все большее и большее количество тонов. Когда же заветная цель достигалась, т. е. зверь вскакивал с лежки или всякие сомнения в близком его присутствии устранялись чересчур сильным запахом, *Будило* пронзительно вскрикивал и разражался истерическими рыданиями в самом высоком регистре своего диапазона...

Вот такое-то пение я называю пением с заливом... К сожалению, подобные певцы при современной бедности в хороших гончих встречаются редко. Обладая небольшим диапазоном голоса и заурядным чутьем, большинство собак в пении своем, как уже сказал, воспроизводят обыкновенно какую-нибудь одну определенную, вполне законченную музыкальную фразу, состоящую из 2—3 или 5-ти членораздельных, различной длительности звуков и повторяемую с более или менее продолжительными промежутками постоянно.

Одним из главных факторов этой законченности является ритм или известная симметричность в группировке звуков, достигаемая путем подразделения их на сильные и слабые. В этом отношении пение собак также представляет большое разнообразие. Одни субъекты склонны к двухдольному делению, именно издают подряд два отрывистых звука с различными ударениями и последующею затем паузой: *àй*-ай или ай-*àй*; другие — к четырехдольному, с различными ударениями и паузой: *ай*-àй-ай-ай, или ай-ай-*àй*-ай, или ай-ай-ай-*àй*; третьи предпочитают трехдольный ритм... четвертые издают только по одному звуку и после каждого делают паузу, благодаря чему получается ритм, который можно назвать однодольным.

У некоторых при известном ритме звуки двоятся: вначале слышится очень короткий, сравнительно слабый, составляющий как бы форшлаг на одну или две ступени выше или ниже, а затем уже главный, более сильный и продолжительный; наконец, есть и такие, которые отдают звуки portamento, т. е. берут их не сразу, а как бы подходя к ним постепенно, вследствие чего получается впечатление не одного какого-либо определенного тона, а быстро исполняемого хроматического последования сверху вниз или снизу вверх, состоящего из мельчайших дроблений целых тонов в пределах, глядя по диапазону голоса, терции, кварты, квинты и даже октавы.

Наклонность к ритму в известной степени свойственна большей части собак, однако бывают артисты, пение которых не имеет какого-либо определенного ритма, а сообразно интенсивности страсти представляет или постоянное чередование однодольного,

двухдольного и трехдольного, или совершенно лишено его. К первым принадлежат певцы с заливом в вышеприведенном смысле, а ко вторым — издающие звуки продолжительные, с едва уловимыми уклонениями вверх и вниз. Собака, строго говоря, не поет, а выкрикивает один звук, длящийся в продолжение нескольких секунд, так что получается сплошное: а, а, а, а... — после чего следует довольно продолжительная пауза. Если собака обладает сильным характерным голосом, то эффект выходит поразительный. Подобные артисты встречаются чрезвычайно редко. Мне за всю жизнь пришлось слышать только одного, и трудно передать словами впечатление, которое производил он своим пением. Это были не звуки живого существа, а какие-то адские, раздирающие душу вопли, от которых со многими делалась истерика...

Кроме ритма, пению собак свойственна черта, выражаемая в музыке понятием tempo, иначе — известная быстрота в последовании звуков, а также наклонность к более или менее продолжительным паузам между исполняемыми фигурами. Качества эти, как мне кажется, всецело зависят от темперамента собаки. Субъекты тяжелые, вялые, лимфатического телосложения склонны к мерному, неторопливому издаванию звуков и продолжительным паузам, так называемые редкоскалы; наоборот, сангвиники — субъекты пылкие, паратые (?) отличаются быстротою темпа и краткостью пауз. Некоторые берут такое prestissimo, что просто удивляешься, когда они успевают переводить дыхание...

Пение в общем дает следующую, распадающуюся на три части звуковую картину: гон вдобор, подъем или гон по-зрячему и гон по горячему следу.

Первая обыкновенно состоит их звуков спокойных, но вместе с тем беспорядочных, так сказать иррегулярных, не подчиняющихся какой-либо определенной форме и идущих crescendo; бывает она только тогда, когда собака находит не самого зверя, а ощущает запах его следа.

Вторая может быть названа самым сильным патетическим моментом и продолжается сравнительно недолго; при прежней неопределенности формы в ней замечается наибольшая экспрессия, высота и сила звуков.

Наконец, третья служит как бы разрешением предыдущих диссонансов. Здесь пение собаки принимает свою настоящую форму, получает известный ритм, темп, размеры пауз — словом, получает свой, индивидуальный колорит, и в таком виде остается до тех пор, пока не исчезнет запах следа.

Строго говоря, третья часть является самою существенною... Но, служа регулятором голосового материала, темперамент собаки при чересчур утонченной впечатлительности порождает

качество, составляющее у гончей большой порок, именно чрезмерную наклонность к пению, или пустобрешество. Ближайшею причиной его является излишняя слабонервность в соединении с плохим чутьем. Не имея силы воли сдерживать свои волнения, собака выражает их звуками при всяком подозрительном запахе, определить настоящее значение которого не дозволяет чутье. Некоторые псы в более зрелом возрасте исправляются от этого недостатка, другие остаются с ним на всю жизнь, третьи приобретают его в старости, когда чутье становится слабым и утрачивает правильность своих функций...

...Сказанного, мне кажется, совершенно достаточно, чтобы видеть, какое богатство и разнообразие материала заключает в себе пение собак по сравнению с прочими звуковыми явлениями животного царства.

Рассматривая последние, мы увидим, что все они представляют обыкновенно какой-либо один или несколько звуков, свойственных целому виду... Совершенно обратное мы находим у гончих собак. В их голосах можно наблюдать: во-первых, бесконечное разнообразие тембров, регистров, диапазонов и силы, затем — тональность, вполне доступную точным определениям, и наконец, обилие форм, в которых воспроизводятся звуки.

На основании сказанного нельзя не прийти к заключению, что в форме собачьего пения мы имеем дело не с простейшими стихийными звуковыми явлениями, не шумами, не неопределенными криками, а материалом, из которого человеческий разум может создавать разнообразные и эффектные звуковые комбинации.

Теперь рассмотрим, каким путем возможно достигнуть этого. Общее правило, которого следует придерживаться в данном случае, это, конечно, такое сочетание голосов, в котором фундаментом звуковой массы служили бы четыре основные группы: дискантъ, альты, тенора и басы, причем между ними должно быть строгое равновесие... Во всяком случае, раз нет возможности соблюсти требуемую пропорциональность, лучше допустить, чтобы выделялись голоса средние, чем крайние... Если численность ее (стаи) дает, например, возможность иметь большой контингент дискантов, то нужно подбирать их так, чтобы каждый обладал по возможности характерным тембром голоса: один был бы звонкий, подобно скрипке, другой имел бы гортанный оттенок, подобно кларнету, третий напоминал бы гобой и пр. Так же относительно других партий.

Однако вопрос этот далеко не исчерпывается одним, хотя бы и хорошим, подбором голосов. Не менее важное значение имеет еще искусство каждого отдельного певца, т. е. та или другая манера

пения, и если в стае будут соединены голоса, поющие в разном ритме и темпе, отличающиеся друг от друга разнохарактерностью выполняемых пауз и, наконец, длительностью звуков, то в общем получится впечатление как бы музыкальной пьесы, в которой звуки тягучие будут играть роль мелодии, а короткие, отрывистые — аккомпанемента.

Как самостоятельное звуковое явление, совместное пение собак также распадается на несколько отдельных моментов или частей. Пущенная со смычков, стая в первое время разбегается на широкое пространство и рыщет врассыпную, пока кто-либо из членов не натечет на след зверя. Обыкновенно это делает собака самая добычливая и полазистая, так называемый вожак или мастер, которого в данном случае можно назвать солистом; к его пению постепенно присоединяются голоса прочих участников стаи, и с этого момента начинается нарастание звуковой массы, поступание ее crescendo, которое, глядя по обстоятельствам, или достигает высшего своего развития — fortissimo, т. е. одновременного участия всех голосов стаи, на котором держится более или менее продолжительное время, или, не дойдя до него, превращается в diminuendo и постепенно затихает.

Следовательно, первую часть составляет пение solo или тот же добор, вторую — crescendo, третью — fortissimo и четвертую — diminuendo. Впрочем, случается, что на след натекает не одна, а сразу две, три, четыре и больше собак, и тогда первая часть является не solo, а в виде дуэта, трио, квартета и т. д. Затем те же исполнители могут найти не след зверя, а случайно натолкнуться на него самого, и тогда меняется весь характер первой части, обыкновенно играющей роль как бы интродукции...

Весьма важное значение имеют также акустические условия местности. Одна и та же стая, смотря по резонансу, звучит совершенно разно. Иногда встречаются острова, где вследствие сильного отражения звуков слышите пение не одной, а двух стай сразу, причем вторая повторяет музыку первой...

Таким образом, заключая в себе множество полифонических эффектов, совместное пение собак, тем не менее, представляет полную аналогию с хоровым пением человеческих голосов. Если человек не может заставить стаю петь по своему усмотрению, а должен удовольствоваться материалом, данным собаке от природы, то недостаток этот до некоторой степени вознаграждается искусным, целесообразным подбором...»

Далее г. Сафонов замечает, что, по его наблюдениям, наиболее звучные голоса с обширным диапазоном встречаются между помесями с преобладанием крови арлекинов (!), причем характерною особенностью является смешанный ритм и tempo; среди них ему

будто чаще всего удавалось встречать певцов с заливом*. Но, судя по всему, автор совершенно незнаком с голосами костромских и вообще русских гончих, которых только имел в виду Артынов в своей статье «Собачий хор». Собаки русско-польского типа, по Сафонову, большею частию обладают или дискантами, или альтами с тупым хриповатым или пискливым тембром и очень незначительным диапазоном; басы между ними встречаются очень редко; в пении преобладают быстрое tempo, короткие паузы и ясный двухдольный или трехдольный ритм. Англо-русские же гончие, встречающиеся в Воронежской губ., обладают или альтами, или тенорами довольно звучного тембра, но очень ограниченного диапазона. Иногда встречаются недурные низкие басы, дисканты же составляют редкое исключение. Характерными чертами пения этой породы служат очень умеренный tempo, ясный однодольный или двухдольный ритм и мерный, отрывистый способ звукоиздавания; в общем пение стаи довольно монотонное, так как благодаря однообразию голосовых тембров и форм лишено экспрессии. Некоторое представление о голосе, но не манере пения гончей можно получить, если потянуть ее за ухо.

Е. Артынов дает несколько иное объяснение залива. По его мнению, «музыкально залив выражается так: гончая выкрикнет и затем вытянет октавою или двумя выше своего нормального диапазона нечто вроде продолжительного ах или ай, ай, ай; затем следует более или менее продолжительный перерыв — пауза, как будто у гончей перехватило голос, после чего она берет уже в нормальном своем диапазоне свой обыкновенный или только несколько измененный в чем-то рисунок. Это «ах» берется чрезвычайно высоко, так что выжловки в заливе добираются до трехчертных и... кажется, даже до четырехчертных нот. В физиологическом отношении залив, по-видимому, происходит от сильнейшего прилива охотничьей страсти, является чисто нервным пароксизмом, обусловливаемым нервным судорожным сдавливанием голосового аппарата... Но есть, однако, гончие, которые... гонят почти или все время с заливом. Такие гончие обыкновенно имеют залив несколько особенный, который некоторыми охотниками весьма характерно называется заревом. Этот зарев свойствен, по-видимому, преимущественно русским гончим».

Под названием русских Артынов подразумевает собственно костромских, так как зарев, или рев, не свойствен ни старинным русским, ни пешим. «О голосах костромских гончих, — говорит

* По Губину же, у арлекинов голос ровный, с заливом, но при этом (хотя и не особенно) редкоскаловат, и очень крупные (низкие) и очень тонкие голоса встречаются редко.

Н. П. Кишенский («О руж. ох. с гончими», 1879, VII, 14), — можно сказать, что те охотники, которые не слыхали гона стаи породистых костромичей, не имеют понятия о том, каков может быть стайный гон. Некоторое подобие этому гону представляет гон старинных русских гончих, остальные породы по голосам не могут и сравниваться: их гон перед гоном костромских гончих, все равно что скромные звуки гитары перед мощными аккордами концертной рояли. Голоса костромских гончих, если можно так выразиться, очень фигурные: обладая настоящим длинным заливом без перебоя и необыкновенной силой, у одной и той же гончей после залива

Рис. 41. Русские гончие Е. Д. Артынова («Охотничий календарь»)

голос не однотипный, т. е. каждый взлай делится на несколько нот, которые не разделяются, а переходят одна в другую так: *начиная дискантом, переходит постепенно в бас или наоборот;* поэтому голоса необыкновенно продолжительны. Отрывистые мерные голоса бывают только у самых низких, глухих басов, залив и тон которых совершенно однотонный. Такой глухой и мерный бас необыкновенно красив в стайном гоне, для полноты которого он так же необходим, как и плаксивые, звонкие и фигурные голоса выжловок. Некоторые костромские выжлецы редкоскалы, в особенности по красному зверю, по которому голос у них троится; суки, наоборот, по красному гонят очень часто».

Губин в своем «Руководстве ко псовой охоте» делит гончих по темпу голоса на редкоскалых и яркоголосых, а самые голоса на тонкие, ровные и крупные (басовые). Редкоскалыми он называет

таких гончих, которые подают голос через несколько шагов, а яркоголосыми — которые ведут ярко, учащенно, так что голоса их, выражаемые словом «ах», приблизительно слышатся 8 раз в течение одного такта, тогда как в этот промежуток времени у редкоскалой гончей это «ах» бывает слышно только один раз. По определению Губина, с заливом голос у гончей называется тогда, когда голос гончей во время гоньбы не находится на одной какой-либо ноте, а как будто она голосом вариирует, переходя с низких на высокие, и наоборот, ноты. Голос у таких гончих, когда они ведут, совершенно как будто не перерывается; вследствие чего о таких гончих, когда они помкнут по зверю, говорят: залились, заливаются. Когда гончая с заливом ведет одна по зверю, то кажется, что ведут зверя несколько голосов, т. е. несколько собак. Кроме того, он отличает по тембру голоса с гнусью и томные, напоминающие заунывный вопль или плач.

По Кишенскому, сравнительную силу голоса можно определить довольно верно измерением объема груди под мышками: чем больше объем ее сравнительно с ростом, тем голос сильнее, независимо от высоты его, разумеется если только гончая не испорчена. Можно еще вернее, по мнению того же автора, определить голос гончей постукиванием в грудь лопаткой по звуку, издаваемому этим постукиванием, но для этого надо иметь навык и переслушать много гончих.

Об улучшении, подборе и сохранении голосов гончих в стае он же писал подробно в своей статье «Голоса гончих»*, не касаясь, впрочем, музыкальной стороны. По его мнению, голоса гончих могут быть значительно улучшены в несколько поколений подбором, если следовать правилам, которых держались все старинные охоты Костромской губернии — Мустафина, Зюзина, князей Шелеспанских и др. Он полагает, что правила эти очень древние и передавались, по преданию, еще со времен существования Царства Казанского; и этим правилам подбора, быть может, голоса костромских гончих обязаны своим разнообразием. Для того чтобы только сохранить голоса у гончих, обладающих по природе хорошими голосами, требуется большое уменье, иначе через несколько лет окажется, что отличная стая «сронила голоса».

Голоса главным образом утрачиваются разведением породы от молодых производителей. Даже первое поколение от молодых собак всегда обладает неважными голосами, а если продолжать разводить породу от неперегодовавших выжловок и годовых

* «Русский охотник», 1894 г., стр. 222—223, 243—244.

выжлецов, то через три-четыре поколения голоса утрачиваются до неузнаваемости. Кто желает сохранить, тем более улучшить голоса своих гончих, тот должен непременно пускать на племя только вполне зрелых гончих. Если один производитель зрелый, другой молодой, то потомство их бывает с различными голосами, т. е. хорошими и дурными. Особенно важное влияние имеет зрелость производителей на высоту голосов: гончие с низкими баситыми голосами родятся только у выжловок не моложе как по 4-му году, а лучше по 6-му, повязанных с выжлецами по 3-ей осени или старше. При этом надо, кроме того, выбирать выжловку с голосом выжлеца, лучше низким, а выжлеца подобрать с возможно более сильным голосом, все равно низким или высоким. Если вырастить таких щенков и они не сорвут голоса в молодости, то у них обыкновенно бывают самые низкие башуры (октавы), служащие украшением всего хора.

Вообще для улучшения голосов следует выбирать в производители собак с хорошими голосами или, по крайней мере, очень сильными, хотя бы и не особенно гармоничными. Сила голоса высокого и низкого узнается, когда стая гонит очень далеко и более слабые голоса не доходят до слуха. Затем у молодых гончих с отличными голосами последние могут быть легко испорчены или надорваны, если собак будут часто и долго наганивать со старыми, очень крепкими и паратыми, так как очень азартные при этом срывают голос и сипнут. Подобная же порча голоса бывает от простуды, воспаления легких, желудка, кишок или после чумы в тяжелой форме, также от испуга, ушиба, болезни горла. Молодые гончие очень часто срывают голос, если посадить их с воли на цепь, почему они беспрестанно воют и лают. Те же болезни могут быть причиной порчи голоса и у взрослых гончих; выжловок, отдерживаемых во время пустовки и сажаемых обыкновенно в отдельное помещение, следует запирать с какою-нибудь знакомою ей сукой. От собак с испорченными голосами лучше потомства не брать.

В былые времена быстрота псовой охоты, то есть успех травли, зависела главным образом от голосистости стаи: зверь, преследуемый адскими звуками гона, не задерживался в острове и, объятый паническим страхом, искал спасения в поле, нередко влетая прямо в зубы борзым. Хотя стая не разбивалась и гнала по одному зверю, охотники травили много и *шумовых*. Очевидно, гончие с хорошими голосами могли быть и не особенно паратыми. Но традиции стали утрачиваться, доставать настоящих костромичей сделалось трудно, более же паратые, но менее голосистые старинные русские гончие, чересчур убыточные, так как были скотинниками и требовали много выжлятников, были заменены польскими и польско-русски-

ми, которые оказались пешими, сравнительно безголосыми и не могли быстро выставлять зверя на своры.

Между тем изменившиеся условия местности требовали собак более паратых. Английские и полуанглийские гончие пришлись, таким образом, очень кстати: зверь, нажимаемый собаками, преследуемый ими по пятам, вылетал сломя голову на борзятников, не испытывая их терпения. Паратость англичан, таким образом, до некоторой степени возместила недостаток голосов, и сократила время томительного ожидания, и послужила к ускорению самого процесса охоты и даже к упрощению последней: если зверь (красный) не был затравлен, то, за редкими исключениями, сганивался гончими. От новейших паратых гончих не требовалось более позывистости, и тогда как прежние стайные собаки, выгнав зверя из лесу, сами как бы сознавали свое дело покончeнным и боялись показаться на опушке, фоксхоунды и англо-русские гончие всего лучше и азартнее гнали зверя именно в поле, на глазок, хотя иногда молчком. Новые собаки оказывались как бы более вязкими, настойчивыми в преследовании, чем русские, вязкость которых приносилась в жертву позывистости, так как с непозывистыми гончими, не скоро подваливавшими к рогу, было больше хлопот ленивым доезжачим и выжлятникам, которые обыкновенно старались сбывать таких собак.

Между тем самые вязкие и непозывистые гончие всегда бывают лучшими гонцами, что очень хорошо известно всем ружейным охотникам, требования которых совсем иные, чем у псовых. Подружейные гончие, сравнительно редко получающие псарное воспитание, гораздо сметливее стайных гончих псовых охот и всегда найдут дорогу к дому или хозяину. Вязкость — качество особенно ценимое ружейниками, так как увеличивает шансы успешной охоты и способствует уверенности, что рано или поздно упорно преследуемый зверь попадается под выстрел.

«Настоящею вязкостью, — говорит Кишенский, — должна признаваться такая, когда гончие гоняют зверя до тех пор, пока он будет убит или сгонен, но последнее возможно только при известной паратости. Те гончие, которые, как, наприм., обыкновенные костромские, при средней паратости сганивают матерых лисиц, должны по справедливости признаваться самыми вязкими, ибо они берут страшными нестомчивостью и настойчивостью... Я считаю тех гончих достаточно вязкими, которые *не бросают* следа, которые, сколовшись, не возвращаются к охотнику, а сами умеют справиться, которые сначала берут не особенно парато и порывисто, но что дальше, то пуще, то азартнее, которые, таким образом, берегут силы к развязке. Бросить след вязким ружейным гончим позволительно только в трех случаях: 1) когда зверь бросился в стадо

домашнего скота, ибо по правилам ружейной (и псовой) охоты территория, занятая стадом, для гончих недоступна; 2) когда зверь пошел прямиком и не ворочает (гончие это понимают отлично) и 3) когда зверь не убит и *еще не сдается,* а наступила ночь и охотник трубит вызов; это третье исполняют лишь осенистые гончие, следовательно опытные, а от молодых и вязких этого не дожидайся»*.

«Приемистость есть отличительное качество восточных гончих; нет, кажется, такого зверя, которого они не погнали бы одинаково горячо и настойчиво, но в то же самое время это *красногоны по природе,* бросающие зайца, если причуят след волка или лисицы, который всегда предпочитают. Красногоны восточные гончие совсем бескорыстные: их никто и никогда не приучал есть волчатину и лисятину (как это делали французские парфорсные охотники); гоняя и всегда зло беря этих зверей, они действуют исключительно под влиянием врожденной ненависти, ибо, задавив такого зверя, они его бросают...»** Русские гончие передают страсть к преследованию лисиц и волков даже помесям с легавой или дворняжкой, тогда как польские гончие с примесью негончей крови гонят только по травоядным.

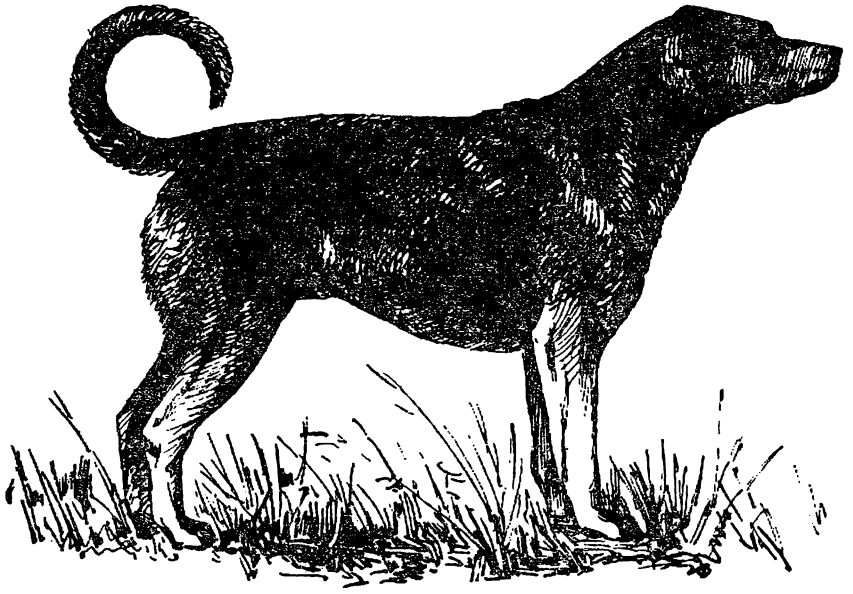
Как красногоны все русские гончие обладают злобностью к лисе и особенно волку. Есть, впрочем, породы или разновидности, в которых настоящею злобностью обладают лишь кобели, а суки хотя и гонят по красному, но не берут его. Некоторые гончие смолоду не берут зверя, но потом делаются очень злобны; от таких следует брать потомство, когда они *озлобились.* Манера брать красного зверя у гончих так же различна, как и у борзых: есть между ними гачницы, есть с хваткой мордашки, т. е. гончая, схватив, замирает, закрывает глаза, виснет, и ее трудно бывает оторвать даже от мертвого зверя. Такие гончие особенно дороги в производители. Есть гончие, которые рвут, а не берут вплотную.

Восточные гончие кроме вязкости, приемистости и злобности к красному зверю отличаются шириною и самостоятельностью поиска, так что разомкнутые собаки рассеиваются на большом пространстве, хотя каждая стая имеет своего вожака, или мастера, — самую чутьистую гончую, которой другие вполне верят и на голос которой немедленно подваливают, но молчком, иначе это пустобрехи. О мастерстве гончих можно судить, когда они скололись: мастеровatые гончие, сколовшись, рассыпаются на быстрых кругах, а дуры, английские и большею частию полуанглийские,

* «Выбор гончих». — «Природа и охота», 1881, V.
** L. c.

лишенные этого качества, останавливаются, виляя гонами, дожидаясь, чтобы за них справились другие. Восточные гончие свальчивы и так как большею частию бывают одних ног, то гонят или более или менее растянутой кучей или прямоугольником, с мастером впереди. Гон восточных гончих по поднятому зверю отличается ровностью, т. е. отсутствием или по крайней мере редкостью перемолчек, которые обозначают скол; постоянно слышится (в небольшой стае) как бы одинаковое число голосов; при неровном гоне гон всегда становится то полнее, то затихает, так что слышатся отдельные голоса.

Рис. 42. Русская пешая гончая («Охотничий календарь»)

Идеальная стая, говорит Н. П. Кишенский, состоит «вся из гончих настолько мастероватых, что, взятая отдельно, каждая из стайных гончих в одиночку будет гонять хорошо, если не сказать отлично. Стайность гона такой стаи и ее свальчивость зависят от *свычности* в высшей степени, которая возможна только при совершенной *однопородности* без признаков помеси, и не меньше того от правильности нахаживания (или наездки) в настоящем возрасте, т. е. когда гончие вполне сложились. В такой стае тоже всегда есть мастер-водак, гончая самая мастероватая, которой голос служит сборным сигналом всем остальным не потому, что эти остальные не могут гнать сами по себе, а по привычке, сделавшейся правилом. Такая стая особенно интересна в зайчистом острове; бывает

слышно, как остальные гончие, то одна, то другая, отрываются от кучки по-зрячему, но *сию же минуту* ворочаются к водаку, который неукоснительно ведет по гонному зверю. Потеря водака в такой стае хотя и чувствительна, хотя и портит гон, но чем мастероватее стайные гончие, тем скорее стая справляется...»*

Такие стаи встречаются, теперь по крайней мере, очень редко и преимущественно у ружейных охотников. Большинство псовых охот, придерживающихся английских вымесков, обладает благодаря доезжачим так наз. *фальшивыми* стаями. Такая стая состоит «из одного (или 2—3) хорошего мастера, а остальные — самые бесчутые, лишенные малейшего мастерства; при их подборе обращается внимание лишь на то, чтоб они были равных ног и чуть *потупее* мастера. Гонит в такой стае один мастер, остальные гончие лишь голосят за ним по должности, ничего не чуя и не понимая. На первый взгляд такая стая кажется образцовой, но стоит взять мастера-водака на свору, и стайные гончие не помкнут: им не поднять зверя, разве наткнутся, да и такого проводят лишь позрячему. Если таких стайных гончих забрать на свору и подпустить к погнавшему мастеру, то они по большей части с места бросаются в голос, гони мастер хоть за версту, а с лежки они нередко голосят за водаком, когда он и не гонит. Составить такую стаю нетрудно — стоит только брать на охоту слишком молодых гончих**.

Хотя каждая порода имеет свои, так сказать, породные отличия, но главные признаки всех восточных гончих, как мы видели, одинаковы. Что же касается *примет,* по которым узнается хорошая восточная гончая, то они мало разнятся от примет хороших западных и заключаются, по Кишенскому, в следующем.

Глаза должны быть не впалы, чисты — не слезиться и не гноиться, с буроватым, а не синеватым белком, который означает вялость. Величина глаз должна быть средняя, и если они очень велики и навыкате, то означают чрезмерную горячность и порывистость, что неразрывно связано с неустойчивостью гона и стомчивостью. Слишком маленькие глаза редко не сопровождаются ленивым характером. Черное нёбо, замечаемое у большинства, если оно сплошного цвета, обыкновенно совпадает с крепким телосложением. Следует заметить, что щенки всех пород русских гончих родятся со стоячими ушами, которые опускаются, только когда щенки начинают глядеть.

Грудь должна быть выпукла, т. е. сильно выдаваться вперед;

---

* «Выбор гончих», I. с.

** «Выбор гончих», I. с.

всего шире она у гончих. Обхват груди не менее вышины в плече, а обыкновенно более; гончие с низко спущенными ребрами почти всегда голосистее.

Зад если широк, то гончая обыкновенно парата; у пеших зад сравнительно с передом мало развит.

Ноги у гончих, соединяющих настоящую выносливость с паратостью, всегда пропорциональны. Коротковатые ноги соответствуют меньшей паратости, но и большей нестомчивости; очень же короткие — признак большой пешести и малой выносливости. Особенно длинные, хотя бы мускулистые, ноги указывают на чрезвычайную паратость, соединенную со стомчивостью. Несколько лучковатые задние ноги лучше совершенно прямых, но слишком лучковатые означают слабость. Передние лапы должны быть прямы и лучше немного в размете, чем косолапы. У щенков передние лапы очень часто бывают разведены, почти как у такс, но при должном воспитании они выпрямляются. По наблюдениям Кишенского, трехмесячные щенки с прямыми лапами часто превращаются в косолапых, т. е. передние лапы завертываются несколько внутрь. Предпочтительнее волчья лапа, т. е. с широкою треугольной пяткой, двумя средними пальцами, выдающимися вперед, и вся плотно сжатая. Между пальцами и ними и пяткой должен расти мягкий и упругий густой волос, предохраняющий лапу от ссадин и ушибов; гончие с волчьей лапой обыкновенно самые крепконогие. Круглые и высокие лапы — стопкой — бывают у гончих очень паратых, но такие лапы более подвержены ушибам и ссадинам пятки и пальцев. Круглая и широкая низкая лапа встречается исключительно у пеших гончих. Лапа заячья с очень длинными пальцами хуже всех других: гончие с такой лапой обыкновенно слабоноги. Независимо от формы лапа должна быть суха, пальцы сжаты, а не растопырены, когти должны упираться в землю, а не торчать кверху или параллельно земле, то есть гончая должна стоять больше на пальцах, чем на пятках. У слабоногих гончих, упирающихся при ходьбе на пятки, когти не изогнуты и не стираются, а отрастают длинными, прямыми и плоскими.

Гон должен быть упругим, не слабым и не изогнут вбок. Восточные гончие упорно передают свою крутогонность, и эта примета сохраняется так же долго, как у помесей польских и курляндских прибылые пальцы (когти), которых русские гончие никогда иметь не должны.

Что касается масти, то следует избегать пегих, очень пестрых собак, не имеющих подпалин или подласин, так как это признак сильной крови фоксхоундов. Каштановый или кофейный окрас, несомненно, указывает на подмесь легавой, но темно-бурые гончие бывают и между породистыми. Восточные гончие всегда передают

в помеси и свой мягкий подшерсток, который особенно долго сохраняется на шее и голове около корня ушей.

В противоположность западным восточные гончие* вообще веселого характера, любят играть, даже взрослые. Со всеми людьми безразлично всегда добродушны, но и к хозяину особенно привязаны не бывают. Они очень долговечны и способны к продолжительной стайной службе, ибо никогда не разбиваются ногами и не теряют чутья. Зубы сохраняются у них совершенно белыми лет до 7-ми и значительно желтеют и стираются к десяти. Дряхлость наступает не исподволь, как у западных, а в короткий промежуток: восточная гончая как-то сразу тяжелеет, спадает с голоса, теряет зубы, но в этом негодном положении живет всегда недолго**.

До сих пор у нас на выставках обращалось внимание только на стати гончих и по ладам судили о их пригодности в качестве производителей. Однако очень трудно, почти невозможно судить по внешнему виду о чутье, злобности, голосе, паратости и других внутренних качествах. Испытания гончих имеют, в сущности, гораздо более смысла, чем испытания легавых и борзых, даже необходимее, и вероятно, дело недалекого будущего.

Однако до сих пор об этих испытаниях говорили только ружейные охотники, псовые же, по обыкновению, относились, как и ко всему касающемуся гончих, весьма индифферентно. Вследствие этого ружейные охотники взглянули на дело весьма односторонне и стали требовать испытаний не стаи, а одиночек или смычков, что, конечно, было бы весьма неправильно. Кишенский, основательно восставая против таких испытаний, указывает на то, что одиночными гонцами бывают не только нечистокровные гончие, но даже вовсе не гончие и что испытание стаей тем именно и важно, что некровные собаки неустановившейся породы всегда бывают не одной ноги, неравной выносливости, несвальчивы и не могут гонять так ровно и дружно, как следует. В работе некровной стаи всегда преобладает гоньба вперегонку, отсюда перечуны и отсталые, которые нередко поднимают своего зверя и гонят в отбой. Стая кровных гончих — это боевая единица, вполне аналогичная со стадом овец или эскадроном кавалерии. Работа же одного гонца или смычка не зависит от породы, и их качества могут быть индивидуальными, не передающимися в породу, кроме того, тут нельзя испытывать злобность.

---

* Исключение составляют лишь некоторые старинные русские.

** См. «Выбор гончих». — «Прир. и охота», 1881, V, 22, и «Записки об охоте с гончими». — «Прир. и охота», 1879, VII, 10.

К сожалению, несмотря на составленные весьма подробные проекты правил кружка любителей гончих и правил испытаний гончим, ничего из этого не вышло; охотники не могли столковаться с ружейными, последние даже между собою, и дело совсем заглохло. Пять лет спустя один ружейник с гончими предложил следующий проект или, вернее, схему полевых испытаний.

«1. Вежливость испытывается тем, что стая проводится на своре или же на одних смычках мимо стада.

2. Послушание должно быть испытываемо и при набросе, т. е. разомкнутые гончие должны стоять под островом.

3. Поиск должен быть на кругах, причем собаки не должны ходить одна за другою, а искать врассыпную. Только при доборе дозволяется более или менее скучиваться.

4. Добор должен быть быстрый, на кругах, с очень редким взлаиванием, но не по одному и тому же месту с многократным возвращением к пройденному, так как это признак отсутствия и чутья и мастерства.

5. Гон должен быть ровный, с весьма редким скалыванием; в случае же скола судья должен заметить, каким образом добывают гончие упалого: если не на кругах, возвращаясь к месту, где стеряли, то это опять признак, умаляющий чутье и мастерство. Стайка в 3 смычка, не нашедшая в продолжение 1—3 минут упалого, не заслуживает никакого приза.

6. При гоньбе стая должна идти кучно; растянутая в одну линию, одна за другой, уже не стая, а сброд собак, может быть и очень дельных, но разных ног.

7. Бросать гон гончая не должна ни в каком случае: зверь должен быть убит или выставлен в поле. В последнем случае надо иметь верхового, который бы мог перенять гончих.

8. Позывистости от хорошей ружейной стаи требовать нельзя».

Костромская (татарская) гончая

Костромская гончая — наиболее чистый потомок приведенных в Европейскую Россию татарами татарских гончих, происходящих от среднеазиатских, до сих пор сохранившихся в центральной части Китайской империи, между Монголией, Китаем, Тибетом и Индией. Эти татарские собаки легли в основание всех прочих русских и некоторых польских гончих, не проникая, однако, за пределы Литвы — границ татарского владычества. В свою очередь, они в силу климатических и иных условий подверглись некоторым изменениям, главным образом вследствие скрещиваний с туземными породами, аборигенами страны — северными лесными соба-

ками волчьего типа, который сильно сказывается в общем складе костромичей.

Благодаря капитальным трудам Н. П. Кишенского и некоторым другим довольно отрывочным сведениям, в настоящее время имеется возможность дать поверхностный, но довольно верный очерк истории этой основной русской породы гончих и составить себе ясное представление о ее внешности, вообще ладах, а также полевых качествах и убедиться в том, что она с незначительными изменениями не только существует, но местами даже преобладает над породами англо-русских, польско-русских и англо-польских. Этим мы опять-таки обязаны Кишенскому, который заставил семнадцать лет назад вольных и невольных своих единомышленников обратить внимание на чисто русские расы, указал на различия между ними и между ними и гончими западной группы, короче говоря — дал путеводную нить охотникам, блуждавшим в темном лабиринте бесчисленных помесей, не знавших, чего им искать, на чем остановиться.

Что костромские гончие — гончие татарские, приведенные монголо-татарскими племенами, вторгнувшимися в Восточную Европу, можно считать вполне доказанным фактом. Это те самые собаки, которые выгоняли зверя на русских охотников с борзыми времен царя Василия Иоанновича, а может быть, и XIV столетия. Эти охотники несомненно заимствовали настоящую псовую охоту — травлю борзыми — от татар, приведших с собою настоящих гончих и борзых, которые заменили прежних «ловчих», «ловецких» собак северного лесного типа, представлявших по складу и назначению нечто среднее между борзой, гончей и лайкой.

Название «костромская», которое может породить некоторое сомнение в их татарском происхождении, объясняется тем, что начиная со времен Иоанна Грозного, переселившего князей и мурз покоренного царства Казанского в нынешние Костромскую и Ярославскую губернии, почти до конца прошлого столетия Ярославско-Костромское наместничество считалось центром татарских помещиков-охотников и татарских охотничьих собак — борзых и гончих*.

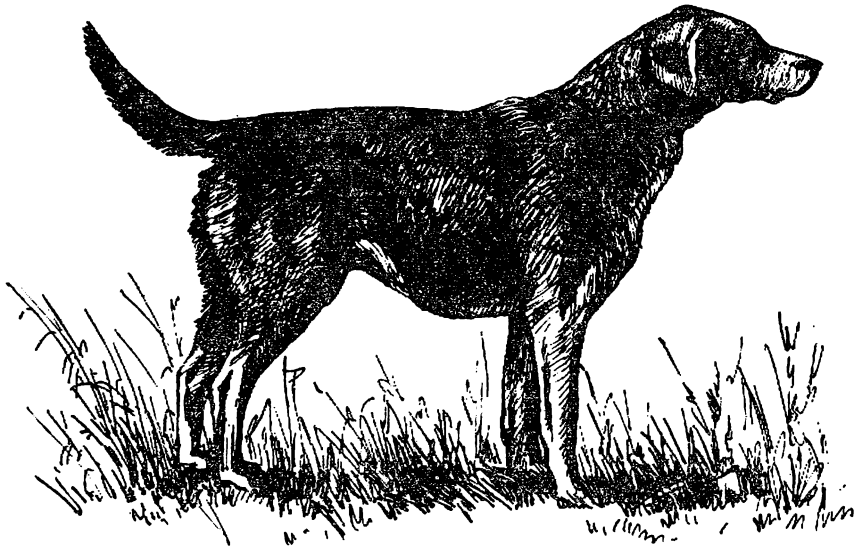
Что о костромских гончих не упоминается в самом старинном сочинении о русской псовой охоте немца фон Лессина, нет ничего удивительного, тем более что последний уделил гончим, подобно многим современным нам псовым охотникам, слишком мало внимания. Однако если бы Костромской край не славился борзыми и

* Костромские гончие назывались иногда и ярославскими, напр., у Левшина, Венцеславского. У Кювье и в «Русской фауне» 50-х годов Симашко псовая борзая тоже названа ярославскою.

гончими, то царь Михаил Феодорович не послал бы в 1619 году в Галич, Чухлому, Солигалич, Парфеньев, Кологрив и на Унжу охотников с приказанием отбирать в тех местах собак борзых, гончих, меделянских и медведей*. Надо полагать, что борзых и гончих можно было бы найти и ближе к Москве, а не в глуши костромских лесов.

Эта странная на первый взгляд экспедиция очень просто объясняется тем, что в Костромском крае, как хорошо было известно жившему там до воцарения Михаилу Феодоровичу, тем более родителю его патриарху Филарету, бывшему страстному охотнику (ра-

Рис. 43. Костромская гончая («Охотничий календарь»)

зумеется, псовому), у потомков татарских князей и мурз были самые лучшие, самые кровные охотничьи собаки, борзые и гончие. Эти потомки казанской аристократии, наделенные обширными вотчинами, большею частию уже приняли тогда христианство. Однако по присущей русским веротерпимости между ними было немало магометан, и полтораста лет позднее Екатерина Великая, найдя неудобным, чтобы магометане владели христианскими душами, издала указ, которым предлагалось помещикам-магометанам или креститься, или приписаться в мещане. Некоторые фанатики из мелкопоместных дворян не согласились изменить религии предков и были выселены из своих вотчин, главным образом в Кострому, где образовали т. н. Татарскую слободку. Эти

* Кутепов. «Великокняж. охоты».

бывшие дворяне довольно долго поддерживали сношения с своими именитыми крещеными родичами и сохраняли любовь к псовой охоте и гончим в особенности, охоте, которая вскоре по необходимости превратилась в промысел и торговлю гончими.

Но устные предания о костромских гончих и вообще псовой охоте не восходят далее середины прошлого столетия, а письменные свидетельства еще не извлечены на свет из пыли казенных и некоторых семейных архивов. Наибольшее значение должны иметь местные ярославские и костромские архивы и архив Императорской охоты, учреждения, основанного юным Петром II, страстным псовым охотником. Исследования хранящихся в них документов — дело близкого будущего и несомненно прольют много света на историю псовой охоты в России и породы в ней существовавшие.

Мы знаем также, что с давних времен существовал обычай бить челом и подводить царям и императорам лучших борзых и гончих и что многие старинные дворянские фамилии хранят грамоты царей Петра II и Елисаветы Петровны, коими изъявлялась высочайшая благодарность. Известно также, что еще цари Московского государства посылали в Западную Европу и Персию русских охотничьих собак и получали оттуда такие же подарки. Все подобные документы должны храниться в архивах министерства иностранных дел и Императорской охоты и, надо полагать, не ускользнут от внимания историка великокняжеских, царских и императорских охот полковника Н. И. Кутепова, уже печатающего вторую часть своего обширного труда.

Хотя слава татарских гончих и борзых восходит к началу XVII столетия, быть может, ко временам Великих князей[51], однако можно положительно сказать, что костромские гончие вовсе не составляли самой распространенной породы даже в пределах Среднего Поволжья. Это объясняется тем, что чистокровные стаи были только у немногих именитых татарских семейств, очень ценивших свою породу охотничьих собак, никогда их не продававших и только изредка даривших своим близким и родным в знак особого расположения. Чисто русские бояре и дворяне до конца прошлого века охотились преимущественно, если не исключительно, с туземными породами гончих, образовавшимися от смешения собак северного волчьего типа с татарскими гончими — так наз. старинными русскими и крутогонными гончими. В рукописи Оболдуева, помещика Симбирской и Костромской губерний, написанной незадолго до пугачевщины и озаглавленной «О порятке в вотчине», говорится: «...то гончие ведутся по ту сторону Волги... у именитых татарских князей и дворян, мирзами именуемых... но одначе таперича из оных достаточно окрещены». Далее перечисляются фами-

лии, имевшие стаи; список этот невелик, и в нем не встречается ни одной чисто русской фамилии. Некоторые, говорит Н. П. Кишенский, которому принадлежит эта ссылка на Оболдуева, фанатически оберегали чистокровность своих гончих. «В семье моих родственников князей М-х (?) сохранялось предание, что их гончие — прямые и чистокровные потомки гончих царей казанских, а у одного из М-х, умершего в 50-х годах, хранилась грамота Петра II, в которой выражалась милостивая благодарность одному из предков М-х за присланных гончих».

Во второй половине прошлого столетия, по свидетельству Кишенского (писавшего со слов столетнего старика дворового, который участвовал в шайках Пугачева), особенно славились стаи богатого костромского и казанского помещика-татарина Арслан-Алей-князя (фамилия теперь переиначена). У князя было до 200 смычков в казанском и столько же в костромском имении, но обыкновенно работала стая в 50 смычков при 25 выжлятниках. Гончие были низковаты на ногах, длинны колодкой и страшно широкие, «седой» масти в больших светлых подпалах, белогрудые, с белыми концами гонов и большинство с «белыми ожерелками»; головы были очень длиннорылые, уши короткие. Это описание старика дворового было потом подтверждено Н. Кишенскому костромским помещиком А. И. З. (Зюзиным), который завел свою знаменитую стаю от гончих Арслан-Алея с небольшою прибавкою не менее кровных (?) мустафинских. По уверению «деда Исая», все гончие до одной гоняли даже не «завьялом» (заливом), а ревом и воем, «точно со всей стаи шкуры спущают», так что его первое время даже брала оторопь. С людьми были добродушны, домашнего скота не трогали. Главным образом брали с ними волков, но они замечательно гоняли и по зайцам; по первозимью с теми же стаями охотились на медведей и кололи их рогатинами, причем убивалось и калечилось много собак, даже людей. Большинство охотников с гончими были татары, а на медведей — только татары. Сам Арслан-Алей был большой любитель гона и обыкновенно садился в поле на коврах их выслушивать. Своих гончих князь дарил очень редко, например, одному тамбовскому старику знакомому, приславшему в подарок лошадей и пр., дал 15 смычков; брат деда по отцу Н. П. Кишенского выменял в 1798 году на 8 лошадей своего саратовского завода и 3 своры борзых — пять смычков. Из этого можно заключить, насколько ценились и какою известностью пользовались гончие татарского князя.

Вообще настоящие костромские гончие добывались с большим трудом и могли встречаться только у крупных псовых охотников, обращавших особенное внимание на гончих и голоса их. Но они в более или менее чистом виде были распространены повсеместно и

доходили на запад до Смоленской и Тверской, на юг — до Орловской и Саратовской губерний, а на восток — до Башкирии. По свидетельству Я. Байкова*, в прошлом столетии у смоленского помещика Головина была псовая охота, перешедшая затем к герою Бородина генералу Ф. П. Уварову. В архиве смоленского имения покойного графа А. С. Уварова Байков нашел указание, что стаи гончих Головина ремонтировались из Костромской губернии и частию из охоты князей Куракиных; в Костромскую же губернию посылались еще в прошлом столетии люди с выжловками для вязки. Гончие, изображенные на виденных Байковым «рукодельных» портретах, были очевидно могучего и широкого склада, какой-то красно-серой масти, белогрудые и с белыми кончиками гонов**.

Что касается распространения костромских гончих на восток, то этот интересный вопрос до сих пор остается темным и открытым, а теперь уже трудно разрешимым. Всего логичнее заключить, что татарские гончие, хотя бы и не породистые, встречаются на юг и юго-восток от Казани, но на это не имеется почти никаких указаний. Тем более интересен факт, косвенно доказывающий восточное происхождение костромских гончих. «Охотясь с ружьем в Зауральской Башкирии летом 1876 года, — говорит Н. П. Данилов***, — я видел чистокровных (?) гончих типа так называемых костромских в такой местности, которая, например, втрое дальше от Костромы, чем Кострома от наших средних губерний. Правда, что я видел там только двух таких собак и одного вымеска, однако, во всяком случае, они попали туда не с нашей стороны: их владелец даже не знал, что есть на свете Костромская губерния»****.

Факт нахождения татарских гончих в Зауралье делает, таким образом, более вероятным предположение Н. Кишенского, что

---

* «Русск. охотник», 1891, стр. 373.

** Сохранились ли эти интересные рисунки, неизвестно. Граф И. А. Уваров говорил мне, что он вовсе не видал их и что они ему неизвестны.

*** «Русск. охотник», 1891 г., стр. 292.

**** Должен, однако, заметить, что я с 1868 по 1872 год ежегодно посещал Зауральскую Башкирию, даже жил много раз в центре ее, однако ни разу не видал там собак, похожих на гончих: у башкир я встречал только ловчих собак борзоватого склада, с большими стоячими ушами, довольно псовистых, как бы помесь лаек (вогульских) с киргизскими борзыми или даже выборзками. Эти собаки очень успешно ловили молчком молодых зайцев (беляков) и большею частью были белого окраса . Не имея права не доверять такому положительному указанию старого охотника, хотя и не знатока собачьих пород, указанию притом противоречащему моим собственным наблюдениям в той же местности, я не могу не обратиться к уфимским и оренбургским охотникам с просьбой сообщить более подробные сведения о башкирских гончих.

лайки, исправлявшие должность гончих в охоте (с борзыми и беркутами) киргизского старшины в Алтайских горах, описываемой в статье г. Батько «С Алтая»*, были настоящими гончими. «В общем облава располагалась так же, как и по зайцам... Участвовали тут и какие-то личности верхами и пешком, изображавшие как бы доезжачих и выжлятников, руководившие бегающими безо всякого видимого порядка лайками...» Мы знаем, что еще А. С. Хомяков упоминал, конечно имея на то основания, о желтоподпалой сибирской гончей. Во всяком случае, было бы весьма интересно знать от охотников Томской губернии, действительно ли все гончие, теперь не особенно редкие в Западной Сибири и с которыми они, по последним сведениям, так успешно охотятся на медведей, действительно российского, а не туземного происхождения.

Как было сказано выше, очевидно, что костромские гончие были в прошлом столетии доступны лишь немногим русским псовым охотникам Средней России. Популярность, т. е. общеизвестность, этой породы начинается, вероятно, только в начале XIX века, когда обедневшие татары-мещане Костромской губернии начали заниматься торговлею гончими и наниматься в псари и доезжачие в большие псовые охоты центральных губерний. Около этого же времени встречается и первое печатное указание на костромскую породу.

Левшин в своей «Книге для охотников» отличает кроме французских, английских и германских «русских гончих, каковы костромские и ярославские, также курляндские бородастые... все сии отчасти составляют смешанную породу» (т. е. перемешались между собою). Из дальнейшего описания ладов «доброй гончей собаки» видно, что Левшин, хотя и говорит, что «из них (т. е. костромских и ярославских) бывают неублюдки (вымески) с английскими и французскими гончими, иногда с борзыми собаками», но что он имеет в виду польских гончих.

Во «Всеобщем домоводстве»** тот же автор говорит: «У нас в России известны три главные породы гончих: роду псового, имеющие шерсть густую и хвосты (по-охотничьи гоны) толстые и вислые, уши несколько вислые, но короткие, они росту среднего и известны под названием костромских. Рослые из оных неублюдки с легавыми или медиоланскими»***. Надо полагать, что под названием костромских Левшин разумел здесь помесь последних с лайкой или с лошими, так как костромичей, имеющих шерсть средней длины, все-таки нельзя назвать псовыми, т. е. псовистыми.

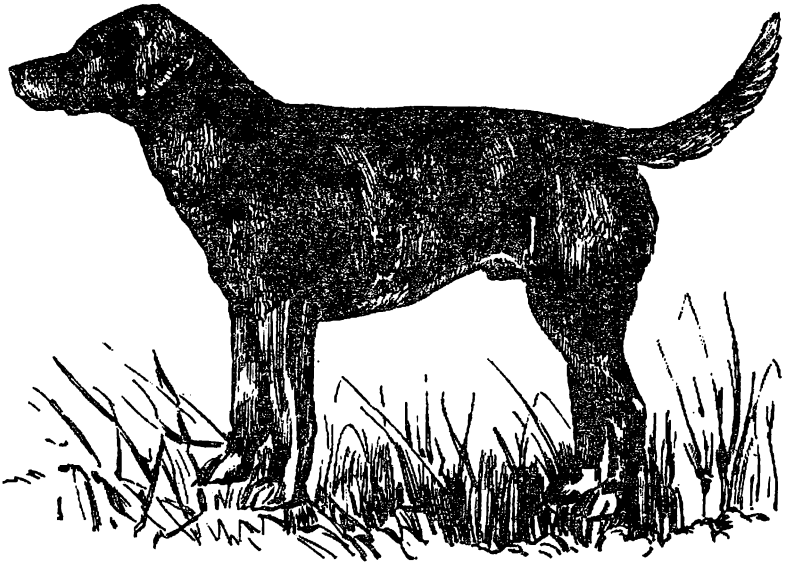
* «Прир. и охота», 1884 г., II.

** Ч. XII, стр. 24—28.

*** Вторая порода — курляндские борудастые, третья — лошие гончие (см. выше).

Первое печатное указание на происхождение и значение костромских гончих встречается у А. С. Хомякова, который в 1845 году («Москвитянин» № 2-й) писал следующее: «Бесспорно, лучшею основою для стай Средней России будет служить костромская порода, соединяющая необычайное мастерство, привязчивость (т. е. вязкость) и верность чутья с отличными ногами. Может быть, многим охотникам неизвестно, что наша костромская порода тому еще лет 40 (т. е. в начале текущего столетия), как теперь, не знаю, особенно выкармливалась татарами в Нижегородской и Казанской губерниях и что она ведет свое начало от серой желтоподпалой гончей сибирской».

Рис. 44. Паратая костромская гончая («Охотничий календарь»)

Весьма возможно, что торговлею гончими занимались и не одни костромские татары, но промысел этот существовал почти до 50-х годов. Известно достоверно из свидетельств костромских старожилов, что татары держали целые стаи, конечно не на псарнях, а в закрытых крышею ямах наподобие овинных, наганивали эти стаи в больших лесах, а затем продавали великорусским помещикам, обыкновенно присылавшим за собаками или пьяниц доезжачих, или трезвых, но ничего не понимавших в гончих камердинеров. Н. П. Кишенский даже называет по именам главных костромских промышленников-собаководов и весьма подробно и убедительно доказывает, почему чистокровные костромичи очень редко

попадали к русским псовым охотникам: татары-доезжачие и псари помещичьих охот, а также разносчики, бродившие по всей России, приводили домой сбывочных гончих всяких пород, мешали их с нечистокровными местными и продавали за настоящих костромских. Отсюда такие разноречивые описания костромской гончей у старинных псовых охотников, очень редко понимавших в породах гончих.

Эта путаница в понятиях о костромской гончей завершилась, наконец, тем, что некоторые охотники начали отрицать ее самостоятельность как породы и производить ее от английской. Наполеон Реутт, дерзнувший поучать русских псовых охотников в своей «Псовой охоте» (II, 27), говорит: «У нас, в Костромской губернии, славящейся отличными породами (!) гончих, происшедшими от английских и польских собак, предпочтительно разводили прежде белых» (!?).

Почти одновременно с поляком Реуттом, ничего не смыслившим в русской псовой охоте и русских собаках, некто В. О. писал*: «Костромская губерния всегда славилась как охотниками, так и породами их собак. Гончие идут от английских собак, выписанных очень давно богатым помещиком Салтыковым...» (вероятно, графом).

Надо полагать, что упомянутою выше статьею своею А. С. Хомяков, восставая против охватившей всех охотников англомании, хотел также восстановить костромскую породу в своих правах на чистокровность. Эта отповедь Хомякова, однако, не помешала его современнику С. М. Глебову, которого можно назвать основателем парфорсной охоты в России, в доказательство преимуществ англо-русских гончих писать в 1876 году: «Знаменитые наши костромские собаки были собаки Павлова и Зюзина, и эти собаки были выведены тоже от английских, как сказано (?) в журнале «Коннозаводства и охоты» за первые годы»**. И теперь еще многие охотники, веря авторитету С. М. Глебова, забывшего, что читалось им тридцать лет назад, считают костромских гончих происходящими от английских.

Следует заметить, что все эти охотники судили о костромских

---

* В. О. «Рассказ о псовой охоте» — «Журнал коннозав. и охоты», 1843, II, 134—160.

Васьков в своих «Записках ружейного охотника Костромской губернии» («Журн. охоты» Мина, 1858, сентябрь, стр. 117—118) говорит: «В былое время Костромская губерния славилась породою хороших гончих собак. Много богатых помещиков жили в деревнях и держали большие псовые охоты; даже татары держали большие стаи гончих».

** С. М. Глебов. «Записки старого охотника». — «Журн. охоты» Импер. общ. охоты, 1876, XI, 42.

гончих по виденным ими разнотипным и разношерстным вымескам, слывшим в псовых охотах центральных губерний за костромских, потому что они были действительно привезены из Костромской губернии или достоверно происходили от таковых, приобретаемых у татар, причем, конечно, умалчивалось, что эти татары были простые мещане-барышники, иногда вовсе не охотники. П. М. Губин говорит, что еще в 30-х и 40-х годах помещики Тамбовской губернии продолжали посылать в Костромскую губернию «к татарам» за покупкою целых стай выгоненных гончих, причем, наприм., П. Е. Мосолов никогда не держал стаю более двух осеней и ему постоянно приводили новые стаи из Костромы. Недурная иллюстрация небрежности, с которою относились к гончим наши отцы и деды!

Совершенно верно, что еще в начале текущего столетия костромские охотники-помещики, увлекшись красивою наружностью и культурным нравом западных гончих, начали (по примеру Салтыкова) подмешивать к местной породе кровь английских и польских гончих. Английские парфорсные собаки, удивлявшие паратостью, как сказано, появились у нас целыми стаями в царствование Анны Иоанновны, во времена бироновщины[52]; польские гончие начали распространяться после войны с конфедератами[48], но главная масса иноземных собак, преимущественно польских, была приведена в Россию после наполеоновских войн. Так как местом ссылки польских конфедератов служили Костромская, Ярославская и Вологодская губернии, то для нас становится совершенно понятным, каким образом могли очутиться здесь гончие св. Губерта, о которых говорит А. С. Хомяков: «Нашим охотникам не мешает тоже знать, что в Костромской и Вологодской губ. еще недавно (тому не более 20 лет)* были целые стаи, которыми в старину очень дорожили на западе, но которые там давно перевелись, именно собак из породы св. Губерта...» Известно, что тяжелые польские гончие более всех других гончих, даже блоудхоундов, сохранили тип сан-губеров.

Парфорсные гончие Салтыкова и пешие польские конфедератов и были главною причиной смешения костромичей и путаницы понятий русских охотников XIX века об этой знаменитой породе. От скрещивания английских и польских гончих с костромскими произошли те якобы разновидности костромских гончих, о которых говорит г. Ауербах**. В первой половине текущего столетия в Костромской губернии наибольшею известностью пользовались стаи Мустафина, Павлова и Зюзина, в меньшей степени собаки

* Т. е. в двадцатых годах.

** «Из недавнего прошлого». — «Природа и охота», 1885, X.

А. А. Волкова и Кашперова (уже в Любимском у. Ярославской губернии).

Из описаний г. Ауербаха видно, что в конце шестидесятых годов **гончие Мустафина** или, вернее, последние их представители, уцелевшие у наследников Сухотина*, который вел много лет гончих от кровных мустафинок, почему собаки стали мельчать, были не особенно велики, но на отличных ногах, с сильно развитыми черными мясами (портками) и грудью, с сухой головой, правильными гонами и были очень однотипны и *красивы*, очень полазисты, позывисты и дружны, *красно-пегой масти с ярко-желтыми подпалинами*; они имели *глухие голоса безо всякого залива, как бы с отрубом*, плохо слышные; они не гоняли (?) по волку, но безукоризненно работали по лисе и зайцу. Отсюда несомненно, что эти гончие произошли от смешения английских гончих с костромскими, именно от салтыковских, и что они имели мало общего с прежними мустафинскими, с которыми в конце прошлого столетия охотились на медведей**.

Павловские гончие, по словам того же г. Ауербаха, были собаки очень крупные, необыкновенно ладные, черные с серым подшерстком, в *малых красных подпалинах на бровях* и груди; они отличались необыкновенною силой, полазистостью, злобой и паратостью; голоса имели чрезвычайно звучные, хотя без особенного залива: они как бы плакали. Далее Ауербах описывает черного выжлеца в *красных подпалинах* чисто павловских собак — рослого, на сухих ногах, с замечательно сухой головой, с умными *черными глазами* навыкате, который обладал голосом «с таким страшным заливом, что подчас жутко становилось, а когда гнал позрячему, то буквально орал, как будто его драли в три арапника». Васьков говорит, что Павлов раздавал гончих щенят для выкормки своим крепостным (именно новобрачным); этим избегалось развитие чумы, неизбежной при псарном содержании, и развивалось чутье собак и верность в гоньбе. «Осенью по первым порошам (?) от крестьян собак отбирали и соединяли в стаю. Приездка их была трудна, но зато стаи выходили дивные»***.

Н. П. Кишенский, замечая совершенно верно, что павловские гончие были мешаные и уже утратили тип костромских, однако ошибается, говоря далее, что это произошло потому, что владелец их увлекся старинными русскими гончими, которых неоднократно

---

* Ауербах полагал, что еще в 80-х годах эти гончие велись у них, в родовом имении Сухотина с. Богданове (в 18 верстах от Костромы, вверх по Волге).

** В. О. «Рассказ о псовой охоте». — «Журн. конноз. и охоты», 1843, II.

*** «Журн. охоты» Мина, 1858, IX.

скрещивал со своими костромскими. Вероятнее предположить, что павловские гончие произошли от очень удачного скрещивания польских черно-подпалых гончих с костромскими. Во всяком случае, сомнительно, чтобы павловские гончие произошли, подобно мустафинским, от помеси костромских с английскими, как полагает г. Н. Соколов*.

Н. П. Кишенский на основании многочисленных расспросов старых охотников полагает, что уже в тридцатых годах в Костромской губернии было только четыре стаи кровных костромских; остальные стаи были только мешаные. Хотя он не поименовывает владельцев, но в числе кровных стай он, очевидно, разумел и знаменитых **гончих А. И. Зюзина,** который завел свою стаю от гончих Арслан-Алея с небольшою примесью не менее кровных мустафинских (старинных, т. е. до смешения их с английскими). По словам Ауербаха, зюзинские гончие были крупного роста, страшно злобны и параты и отличались необыкновенными голосами, подобными реву с завыванием, увековеченным Некрасовым в поэме «Псовая охота» («Заревели зюзенята, запищали кашперята»)[53].

Наоборот, **кашперовские гончие** отличались тонкими, пискливыми голосами и, вероятно, происходили, согласно мнению г. Н. Соколова**, от смешения костромских с польскими (паратыми?). Едва ли не к зюзинским гончим или к тому же типу настоящих костромичей принадлежали **гончие Рославлева** в Саратове, из-под которых струнили волков, даже матерых***.

Кроме кашперовских в Ярославской губернии славились (в сороковых годах) как по своей съездке, паратости и верности гона, так и по порядку, в котором содержались, **гончие А. А. Волкова,** также **ратаевские гончие****.

В 50-х годах пользовались известностью костромские или, вернее, близкие к ним гончие Строева и Полторацкого*****, а затем

---

* «Русск. охотник», 1891 г., стр. 783.

** Кашперовские гончие, по словам г. Соколова, велись до последнего времени у генерала Железнова, который в середине 80-х годов переселился из Костромы в Вятку.

*** Рославлевские гончие пользовались в Саратовской губ. и соседних такою славою, что когда после смерти владельца (в 60-х годах) два смычка достались его любовнице, то она долгое время жила только продажею щенков.

**** Ратаевская охота, как видно из объявления в «Московских ведомостях», продавалась в составе 17 смычков и 20 борзых в 1852 году (см. № 143 «Моск. вед.»).

***** По словам Я. Байкова; по Кишенскому, у Полторацкого были сначала старинные русские гончие.

Охота Полторацкого в полном составе была куплена Н. А. Баньков-

Н. А. Баньковского и Назимова в Тверской губ., Гурьева, Мусина-Пушкина, Бурцева — во Владимирской. Некоторые стаи Рязанской, Тамбовской и Тульской* губерний также состояли из гончих с преобладанием костромской крови.

Во всяком случае, к югу от Москвы псовые охотники имели очень превратные и неверные понятия о типе костромских гончих, чем объясняются не раз высказывавшиеся печатно мнения о том, что они недолговечны и подвержены чуме, что они, наконец, не вполне акклиматизировались (в 500 лет!). Это объясняется тем, что охотники имели большею частию дело с полупольскими гончими или же, гораздо реже, с выродившимися от кровосмешения костромичами. Весьма естественно, что П. М. Губин, понимавший под названием костромских гончих разный сброд татар-промышленников, утверждает в своем «Руководстве», что собаки этой породы были различны по полевому досугу, не все гоняли по волкам, бывали и с нижним чутьем и голоса имели не всегда с заливом, а большею частию ровные и тонкие.

Костромские гончие, говорит Н. Кишенский, и не могли быть известны всем охотникам, так как Костромская, Ярославская и Казанская губернии были прежде глушью. Костромскими назывались вовсе не костромские, и наоборот. «В одном уезде Орловской губ. чуть ли не со времен Екатерины II существовала большая охота со стаей замечательно типичных костромских гончих**,

---

ским, от которого гончие перешли к Назимову и уведены были этим последним в Виленскую губ., где, по слухам, стая эта существует и по сие время. Брат покойного Н. А. Баньковского, вновь заводя гончих, приобрел у Назимова типичного костромского выжлеца, замечательного гонца по кличке *Варило,* от которого и развел своих гончих от двух сук — одной польской и одной англо-русской пегой суки *Канарейки,* купленных в псовой охоте генерала Тумановского. **К. М<ошкин>**.

* Тульская губ. больше всех подвергалась влиянию англоманства, несомненно, при участии парфорсной охоты С. М. Глебова, и здесь раньше и полнее всех утратился в гончих тип восточной собаки. Значительно больше сохранился этот тип в губ. Смоленской, Калужской, Курской и Орловской, где типичных костромских гончих много и по сие время, а в недавнем прошлом были их целые стаи. **К. М.**

** Н. П. Кишенский говорит, очевидно, об известной стае Н. П. Охотникова в Ливенском уезде. Стая эта в полном составе до 40 смычков и чистом виде существовала до начала 80-х годов, когда значительная ее часть была истреблена на границе Болховского и Орловского уездов при возвращении из отъезжих полей из Калужской губ. Стая сорвалась у псарей, и часть ее была перебита мужиками, часть перестреляна местными охотниками. Я знаю одного орловского охотника, убившего двух собак этой стаи по первому снегу, приняв их издали за волков. Остатки этой стаи сохранились в охоте Н. П. Охотникова до конца 80-х годов. Собаки эти имелись

которые, как я убедился на месте, были известны под именем *особой польской породы».*

С освобождением крестьян псовые охоты Костромской и Ярославской губерний были окончательно уничтожены и остатки костромских гончих рассеялись по усадьбам, деревням и городам, сделавшись здесь исключительным достоянием ружейных охотников — мелкопоместных дворян, чиновников и мещан. Можно сказать положительно, что ружейникам Верхнего Поволжья, еще в сороковых годах заимствовавшим у ссыльных поляков метод охоты с 1—2 смычками, мы обязаны сохранением этой драгоценной породы, которая в противном случае исчезла бы в помесях с дворняжками и английскими гончими. В противоположность псовым охотникам ружейные всегда избегали даже примеси паратых фоксхоундов, хотя нередко подмешивали кровь польских тяжелых, а еще чаще пеших русских крутогонных гончих, весьма распространенных во всех лесных подмосковных губерниях.

Наоборот, к югу и юго-востоку от Москвы стаи уцелевших здесь псовых охот состояли преимущественно из старинных русских прямогонных, реже костромских гончих с более или менее значительною примесью фоксхоундов, иногда до полного уничтожения основной породы. Русского и костромского типа продолжали держаться очень немногие псовые охотники, притом нового поколения, начавшие охотничью карьеру после отмены крепостного права. Старые же охотники, перемешавшие все породы, только сбивали их с толку, так как у каждого из них было свое, особое представление о костромских гончих. Это происходило оттого, что всех непегих гончих, т. е. не очевидных английских и арлекинов, они считали, за исключением очень брылястых и длинноухих польских гончих, за костромских.

Только в восьмидесятых годах благодаря Кишенскому туман, напущенный охотниками старого закала, несколько рассеялся и молодежь могла убедиться из его образцовых «Записок охотника Тверской губернии о ружейной охоте с гончими», что на обширном

у некоторых псовых охотников Орловской губ.; так, мне известно, что они были у старика Наркиза Павлов. Костецкого, современника и товарища по охоте Киреевского, у которого многократно собаки эти по ошибке стрелялись на охотах ружейниками, почему собак этих брали обыкновенно на охоту в ярких ошейниках. Были собаки Охотникова в охоте Скарятина (близ Русск. Брода) Ливенск. у. и у некоторых помещиков Малоархангельского у. В конце 80-х годов в охоте Охотникова уже разводились английские и польские собаки, а остатки костромских разворовывались псарями. Когда я возил Н. П. Кишенского в гости к племяннику Охотникова Н. Н. Рагозину, то из прежних собак у Охотникова нашелся один только осенистый выжлец, который и был подарен мне. **К. Мошнин.**

пространстве Европейской России существует, как и следовало ожидать, не одна русская порода — костромская, а по меньшей мере три, со многими местными разновидностями, не считая польских рас с их разновидностями, тем более брудастых. Для всех непредубежденных и беспристрастных охотников стали ясными причины необъяснимого прежде противоречия старозаветных авторитетов, редко что-либо понимавших в породах гончих, так как они были или барами, или выросшими на псарне Феопенами дворянского происхождения, производивших русских борзых и гончих из Ноева ковчега.

Между тем как одни старые охотники во всех непегих гончих видели костромских, другие, как С. М. Глебов, даже отрицали существование костромской породы и производили ее от фоксхоундов, третьи устно и печатно, как Н. П. Данилов, проповедовали о бесследном ее исчезновении. Но не странно ли даже предположить возможность полного уничтожения расы, не имевшей никаких недостатков наружных и внутренних, всеми признаваемой за одну из лучших, которая вполне акклиматизировалась в течение 500-летнего существования, составляла не особенно давно огромные стаи и имела довольно обширное распространение. Костромские гончие не могли исчезнуть, так как они не были такими неисправимыми и убыточными скотинниками, как старинные русские гончие, не были так просты ладами и дворноковаты, как пегие русские крутогонные и с гонами кренделем, не были, наконец, так чрезмерно параты и бесчуты, как кровные английские.

Но стай чистокровных костромичей действительно давно не существовало, а были лишь стайки и смычки, кое-где уцелевшие у ружейных охотников; эти костромичи были действительно почти все не вполне чистокровны, так как заключали незначительную подмесь польских или русских пеших гончих. Но следы этой подмеси, раз были установлены признаки отдельных пород, легко уничтожались подбором, и в настоящую минуту можно с уверенностью сказать, что в большинстве гончих не только ружейных, но и псовых охотников преобладают признаки костромских и очень многие из них могут быть названы чистокровными. Исчезли старинные русские гончие, очень редки стали русские крутогонные, осталась лишь одна порода с несколькими разновидностями — порода, которую можно, пожалуй, назвать просто русскою хотя бы потому, что она распространилась по всей России и как бы поглотила все прочие русские породы.

«Трудами многих современных любителей русских гончих (известно только, что пророков никогда не признавали на их родине) они не только значительно очищены в типе, но в настоящее время,

мало того что в собаках одной отдельной какой-нибудь псарни, но даже в отдельных экземплярах отдельных владельцев, представляют гораздо более единства и однотипности, чем представляют их представители иностранных гончих собак и даже собак, рождающихся в одном и том же помете современных сеттеров или пойнтеров (не говоря уже о масти), которых все единогласно признают установившимися породами... Встречаются собаки, которые настолько похожи друг на друга, что их смешивают... Русские гончие сейчас однотипнее английских и французских собак»*. И эта перемена моды на англо-русских вымесков вызвана была главным образом статьями Н. П. Кишенского, и на возрождение костромской породы потребовались какие-нибудь 10—15 лет!

Вот как описывает Кишенский лады костромских.

«*Рост* этих гончих различен: самые крупные кобели, которых мне приходилось видеть, достигали 15-вершкового роста, но обыкновенный рост колеблется между 12 и 14 вершками; суки обыкновенно вершком ниже кобелей.

Голову костромских гончих можно сравнить с волчьей, особенно морда и нос совершенно как у волка; ноздри широкие, нос широкий и плоский, сильно выдающийся вперед и очень подвижный. Череп узкий, борзоватый, с развитым гребнем. Костромские гончие изо всех русских наиболее *узкоголовы,* что придает их голове сравнительно с широкой и мускулистой колодкой борзоватый вид, но тем не менее между ушей голова шире, чем во лбу, и при скошенном лбе сохраняет неизменно удлиненную *клинчатую* форму; развит сильно затылочный гребень, так что заметно на глаз выдается.

Уши очень маленькие, угольником, висячие, при возбужденном состоянии заворачиваются назад и прижимаются к шее, причем закладываются, как у борзой.

Глаза средней величины, черные (вернее, карие) или желтые (бывают очень светлые), блестящие**.

Шея очень толстая, с подгрудком (шея вообще замечательно крепкая и мускулистая, что при волчьей гриве совершеннолетних выжлецов делает ее особенно массивной; у выжловок шея лишь в редких случаях походит на шею выжлецов, а обыкновенно несравненно легче и тоньше).

Колодка замечательно развитая; *ребра* бочонком, спускаются ниже локотков, у некоторых пальца на два, что придает собаке несколько борзоватый вид, так как образуется значительный подрыв.

---

* Артынов. «Русские гончие». — «Охотн. газ». 1892 г., стр. 7—9.

** Но не светятся в темноте, как утверждает Н. П. Данилов.

Грудь никогда не бывает особенно широка, но всегда выпуклая; зад широкий, хорошо сформированный.

Ноги толстые, сухие, мускулистые, сравнительно с колодкой несколько коротковаты, отчего собака кажется низкой и длинной.

Лапы, особенно передние, очень широкие, следистые (но никак, однако, *не плоские,* а весьма схожие сформировкой с лапами волка).

Хвост всегда короткий, толстый в начале и тонкий к концу, изогнут довольно круто; во время гона или быстрого розыска стелется горизонтально.

Псовина на голове, груди и ногах гладкая, на шее и спине довольно длинная, очень жесткая, с мягким подшерстком; над плечами и на шее ость особенно груба; на боках гораздо мягче, на ляжках длинная, на хвосте очень густая; вообще хвост по форме похож на хвост лисенка или волчонка.

Типичная *масть* костромских гончих серая или черная с серым подшерстком, в больших *желтых* подпалинах, но бывают желтые под красноватою спиною (желто-багряные) и черно-пегие в желтых подпалинах, черные пежины с серым подшерстком. У костромских гончих часто бывают белые загривины и белый конец хвоста.*

Если глядеть на костромскую гончую издали, то она очень похожа на волка, бег ее совершенно волчий; тот же, по-видимому, тяжелый аллюр, тот же, как будто отстающий и несколько низкий зад сравнительно с передом; на охоте часто случается, что крестьяне, видя костромского рослого выжлеца, в особенности если он под чепраком, кричат на него, как на волка.

Неоцененные достоинства костромских гончих заключаются в их необыкновенно сильном верхнем чутье, замечательно сильных

---

* Очень много костромских гончих бывает под чепраком, т. е. собака желтая с темной спиной; у таковых чепрак обыкновенно волчьей масти или серый с черной остью («Руж. ох. с гончими». <«Пр. и ох».>, 1879, VII, 13). Что касается белой загривины и белого кончика хвоста, то, принимая во внимание свидетельство столетнего старика псаря, приведенное Кишенским, подтверждаемое Я. Байковым, видевшим старинные рисунки костромских (см. выше), надо признать, что эти признаки не только допустимы, но даже могут назваться типичными.

На основании полного тождества склада, голосов и охотничьих качеств пегих гончих (наприм., почти белых бурцевских) Кишенский тоже называет костромскими, а не особою породой, но вероятно, эта масть произошла от вырождения или какой-нибудь примеси, которая сохранилась только в окрасе. Теперь большая часть костромских имеет белые отметины (на груди, на шее, на лапах), но подбором можно отвести гончих без отметин («Пр. и ох»., 1879, VII, 178).

и красивых голосах и необыкновенной вязкости. Если держать гончих разных пород и охотиться то с теми, то с другими, невольно поражаешься превосходством чутья костромских гончих. Самая манера розыска выказывает сильное чутье: тогда как другие гончие старательно выслеживают зверя, костромская гончая несется полным карьером, высоко подняв голову, изредка вдруг осаживая и изменяя направление, и к логову зверя бросается верхним чутьем замечательно далеко. Гонит она, не опуская головы, т. е. чует и ведет след, не нюхая его по земле...

Голоса костромских гончих, если можно так выразиться, очень фигурные: обладая настоящим длинным заливом без перебоя и необыкновенною силой, у одной и той же гончей после залива голос не однотонный, т. е. каждый взлай делится на несколько нот, которые не разделяются, а переходят одна в другую: так, начиная дискантом, переходит постепенно в бас или наоборот; поэтому голоса необыкновенно продолжительны. Отрывистые, мерные голоса бывают только у самых низких глухих басов, залив и гон которых совершенно однотонный... Некоторые костромские выжлецы редкоскалы, в особенности по красному зверю, по которому голос у них троится; суки, наоборот, по красному гонят очень часто.

Костромские гончие очень вязки, вязки до сумасшествия. Случалось, что зимой в глубокий снег, который держал лисицу и не держал собаку, увязавшись за лисицей, эти гончие пропадали по двое суток. Обезножевшая, подбившая костромская гончая, еле передвигая больные ноги, все-таки гонит. На зверя эти гончие очень злобны; стая гонит или клубком, или треугольником, с мастером впереди.

Паратость и выносливость костромских гончих вполне зависят от их выращивания и содержания; если выращивание щенков производится правильно, то и собаки выходят паратые и очень выносливые, так что немного уступают в этом отношении старинным русским*; но костромская порода относительно выращивания

---

* Однако кровные костромские в гористых местностях непригодны: на крутых спусках и подъемах они идут молчком, к тому же в горах скоро устают. Самые лучшие здесь — помесь костромских с английскими. Все это понятно, так как костромские выведены в равнинах, но, приучая постепенно, можно выдержать из них добрых гончих и для гористой местности («Пр. и ох.», 1879, IX, 359).

Кишенский замечает также, что костромская порода начала вырождаться в очень пешую и сырую, чему виною ружейные охотники, в руках которых находятся, по-видимому, лучшие экземпляры этой породы; они нарочно выводили пеших в ущерб охоте из ложного понимания достоинства ружейных гончих («Пр. и ох.», 1879, IX, стр. 375).

самая щекотливая: щенки сильно болеют; особенно много их умирает в то время, когда их перестает кормить мать; поэтому завести хорошо слаженную стаю костромских гончих вовсе не легко*. Многие щенки хотя и переживают болезнь, но она отнимает у них силу и рост и портит голос, так что в хорошую стаю они не годятся**. Взрослые собаки требуют частого упражнения, иначе перестают есть и страшно худеют (это тоже опасно; некоторые собаки от этого умирают или сильно жиреют, что вредно для чутья). К корму костромские гончие не жадны и едят сравнительно мало; чтоб они были в порядке и полной силе, им необходима мясная пища.

Характер костромских гончих несравненно мягче, чем у старинных русских, но все-таки наездка стаи довольно трудна. Костромская гончая так увлекается охотой, что забывает все на свете, просто дичает и нередко в буквальном смысле не дается в руки. К людям эти гончие необыкновенно добры и ласковы. Часто приходится слышать, что костромские гончие всегда режут овец, — это сущий вздор; дело в том, что их смешивают со старинными русскими, тогда как на самом деле только немного более способны на подобные безобразия, чем другие породы, и их нетрудно совершенно отучить...»

П. М. Губин, к сожалению, подобно большинству псовых охотников совершенно незнакомый с трудами Кишенского, в своем «Руководстве» описывает не то костромскую, не то пешую крутогонную, поэтому описание его несколько противоречит описанию Кишенского, хотя иногда и дополняет его.

«*По виду* костромская гончая среднего роста, длинновата и низка на ногах; при этом очень ребриста, широка и высокопереда. Кроме того, очень *шерстиста,* шерстистее прямогонной гончей; всегда веселая и самая смирная (т. е. не драчливая с своими собаками), из всех пород гончих собак». (Шерстистость и очень смирный нрав — признаки пешей крутогонной гончей, но не русской крутогонной, описываемой Губиным, составляющей помесь с западными.)

«*Голова* вострочутовата и составляет исключительный (?) признак или *особенность* породы костромских гончих собак: во лбу между ушей широка, а к чутью сужена. (Эта особенность еще резче у пеших крутогонных, более короткомордых.)

---

* К холоду костромские гончие гораздо чувствительнее пеших крутогонных, и им нужна крыша и хорошая густая подстилка.

** Костромские гончие всегда родятся без серого подшерстка, а чепрачные — черными в очень маленьких подпалинах с редкими желтыми полосками на боках («Пр. и ох.», 1879, VII, 196). Уши, как у всех русских, стоячие, пока не проглянут.

Чутье средней длины, прямое и от основания к концу суженное, но с тем вместе достаточно развитое.

Глаза большие, навыкате, веселые и *всегда темного* цвета». (Это неверно, и большие выпуклые глаза — признак подмеси английских; цвет глаз соответствует масти, но так как костромской гончей всего более свойствен серый окрас, то глаза б. ч. желтые. Кишенский совершенно справедливо заметил позднее*, что глаза костромских имеют особую форму и своеобразное выражение, именно не злое, как у английских, а острое.)

«*Уши* полувисячие и составляют исключительный признак единственно породы гончих костромских собак». (Здесь опять-таки видно, что Губин называет костромскими пеших крутогонных или помесь с ними, т. к полувисячие уши свойственны только этой породе, а у костромской они короткие, но висячие.)

«*Ребра* низкие, ниже локотков и бочковатые.

Спина прямая, как бы покатая к заду и без всякой напружины. Шея толстая и короткая. Мочи широкие, крепкие; тело мускулистое, твердое, портки очень развитые. (Широкие мочи не указывают борзоватости склада, присущей костромской, а свойственны пешей гончей.)

Ноги прочные, сухие и крепкокостистые, лапа круглая, в комке; постанов ног правильный; задних прибылых пальцев никогда не бывает; вообще костромские гончие должны быть на ногах низки и высокопереды. Стоять должны на коготках.

Гон прямой, но *более изогнутый* и короткий, чем у прямогонных гончих, и притом постанов гона более *крутой,* т. е. от основания приподнят кверху *в виде серпа...*» (Такой гон бывает только у пеших крутогонных.)

«*Шерсть* длинная сравнительно с шерстью прямогонных гончих, но так же плотно прилегает к телу собаки и так же неравномерно покрывает корпус собаки, а именно: на шее и верхней части спины длиннее, чем на боках, на голове, ушах и ногах очень короткая, атласистая, гладкая, а на ногах и нижней стороне гона пушистая; и хотя пушистость эта резче означается у костромских гончих, чем у прямогонных (в особенности с основания гона, вследствие чего гон кажется к концу совершенно заостренным), но тем не менее эта пушистость шерсти не должна представлять ни привеса, ни уборной псовины. В возбужденном состоянии костромская гончая также щетинится и опрокидывает шерсть на спине и шее наперед». (Шерстистость и пушистость шерсти — признак пешей крутогонной.)

«*Цвет* шерсти у костромских гончих серый, соловый, каурый,

* «Русск. охотник», 1891, стр. 290.

подласый; реже черный, но непременно с серым подшерстком и в подпалинах, с очками; и так же редко бывают пегие означенных мастей. Вообще костромские гончие бывают более светлых мастей, чем прямогонные, хотя белых совсем точно так же не бывает.

Характер веселый, смирный и очень привязчивый к зверю, при этом очень *послушный* и потому всегда *вежливый.* Но несмотря на это, относительно привязчивости к зверю костромские гончие необыкновенно *разнохарактерны,* так, например, одни необыкновенно привязчивы к волку и бывают замечательными зверогонами, другие бывают хорошими красногонами, а есть и такие заядлые зайчатницы, что с ними ничего ровно не поделаешь при езде по волкам...» (Очевидно, Губин опять имеет в виду пеших крутогонных, которые послушнее и вежливее костромских, но зверогонами бывают редко, тогда как все костромичи гоняют по лисе и (в стае) по волку.)

«*Полаз* веселый, постоянно на скачках и у некоторых заемистый; при этом очень добывчивы и водят всегда во все ноги, преимущественно на верхнем чутье, хотя бывают костромские гончие и *с низким поиском.* Вдобор по красному зверю некоторые зверогоны идут хорошо, *но точно так же, как и некоторые зайчатники имеют слабость покрикивать на жирах».* (Нижнее чутье и последняя привычка замечается только у пеших или помесей их с костромскими.)

«*Паратость* средней ноги, но неутомимость их замечательная.

Голос у костромских гончих преимущественно ровный или тонкий и в большинстве яркий; но *иногда* бывает и с заливом. *Очень крупных голосов* у костромских гончих *никогда не бывает».* (Отсюда следует, что г. Губин никогда не слыхал и не видал настоящих костромских.)

«*Злоба* у костромских гончих также неравномерна: есть собаки мертвой злобы к волку, а есть и *совсем не берущие».* (Все костромские берут волка.)

В последнее время П. Н. Белоусов и А. Д. Бибиков составили «Описание типичных признаков современной русской гончей»*. Описание это действительно относится не к типичной костромской гончей, которую имел в виду Н. П. Кишенский, а к новому и наиболее распространенному типу, сохранившему признаки других пород, именно русской пешей и польской.

«*Голова* клинообразная, не дворноковата, сухая и пропорционально росту и колодке не должна казаться большой.

Лоб плоский, шире между ушами, чем к чутью, и переходящий к нему весьма незначительным переломом, без прилоби

* «Природа и охота», 1896 г.

Затылок ограничивается или мало обозначенным соколком, или же скругленным закатом. Во всяком случае, резко выраженный при узком лбе соколок есть порок для современной русской гончей.

Проточина, идущая от переносицы к затылку, не должна представляться во лбу глубокой ложбинкой, а начинаясь между глаз, она постепенно исчезает к затылку.

Чутье не короткое по отношению ко лбу, а удлиненное, сухое, не курносое, а прямое и даже лучше с горбинкой, не тупое.

Ноздри черные, развитые, широкие и подвижные, самая конечность носа несколько выдается вперед.

Губы или обтягивают чутье, или же свешиваются несколько (как это наблюдается у выжлецов), однако больших брылей и подбрудка не должно быть. Большие брыли, подбрудок встречаются у гончих польских, французских.

Глаз темный, карий, изредка желтоватый, но, во всяком случае, не белесоватый, не светлый, не круглый (свиной), не навыкате, а средней величины, часто на слезе. Разрез глаза косой, не узкий.

Ухо короткое, не мясистое и не на хряще, не свернутое в трубку, прилегает к щекам лопушком, не круглое, а угольником. Ухо должно быть посажено не низко, не так, как, например, у французских гончих. У внимательно прислушивающейся гончей ухо вздергивается несколько назад — стремоухость.

Шея мускулистая, не короткая, покрытая длинной щетинистой псовиной, иногда напоминающей собою гриву и баки волка *(Добывай,* чемпион П. Н. Белоусова).

Плечи мускулисты.

Грудь выпуклая, не узкая, но и не чрезвычайно широкая, напоминающая собою, особенно при вывернутых кнаружи локотках, бульдогов.

Ребро бочковато, спущено до локотков, небольшой подрыв.

Пахи у выжлецов небольшие, у выжловок более развиты.

Спина прямая или с напружиной, без переслежины, не растянутая, с развитыми почками, широкая. Низкопередость — порок.

Зад соответственно переду развитой, но у некоторых гончих при кажущейся высокопередости иногда представляется несколько беднее переда (волчий склад).

Колодка вообще должна быть не растянута, а сбита.

Ноги сухие, костистые, мускулистые, пропорционально длинные, чтобы гончая казалась скорее приземистой, и, во всяком случае, не вздернутою на ногах. Передние ноги совершенно прямые. Локотки не вывернуты. Задние ноги с развитыми черными мясами, с слегка выраженной коленкой, не лучковаты, без коровинки и без

прибылых пальцев (без шпор). Лапа следистая, кругловатая (не русачья); пальцы короткие, плотно прилегающие друг к другу: лапа в комке.

Гон не низко посаженный, короткий, доходящий до колена, толстый, покрытый густою псовиною, пушистый, но без подвеса, слегка серповидный, при возбужденном состоянии гончая его приподнимает и носит круто. Гон не должен быть в кольце, загнут на спину и не свален на сторону.

Псовина на голове и на ногах короткая, а остальная длиннее и *обязательно* с мягким подшерстком; собака тепло одетая, по спине, гону и шее щетинистая, без брудастости.

Окрас багряный с чепраком, иногда без чепрака; багряный с черною остью, а также сероватый и черный с желтыми, не резко ограниченными подпалинами.

Черный окрас должен быть обязательно без лоснящегося отлива, с неяркими желтыми или белесоватыми подпалинами. Белые отметины на груди (манишка) встречаются. Белых загривин, белизны ног, достигающей до колен, белого конца гона и вообще больших белых отметин не должно быть.

При нечистопородности современной русской гончей под черно-пегим окрасом часто кроются разные вымески: англо-русские, французско-русские и т. д., а иногда может проскользнуть примесь даже и вовсе не гончих собак (пойнтеров). Посему следовало бы к черно-пегому окрасу относиться с большою осторожностью или же считать его менее типичным, чем багряный, чепрачный, серый и даже черный. Черно-пегие гончие И. А. Бурцева наиболее подходящи по виду к русским.

Рост выжлецов около 15 верш., а выжловок — до 14.

Общий вид гончей русской, во всяком случае, не дворноковатый, как это проповедуют некоторые, а должен быть обязательно породный...»

Как видно, описание это существенно не отличается от описания Н. П. Кишенского, только П. Н. Белоусов резко обозначенный соколок (затылочный гребень, остряк) считает пороком и допускает скругленный закат затылка, присущий только русской пешей гончей и указывающий близкое родство последней с северной собакой. То же самое можно сказать и относительно косого разреза глаз, который тоже свойствен последней породе. Бочковатое ребро, спущенное только до локотков, и небольшой подрыв — признаки подмеси тяжелых польских гончих. Что же касается белой загривины и белого конца гона, то эти признаки несомненно свойственны костромским гончим и могут быть скорее допущены, чем черно-пегость, которая есть только дальнейшее развитие белых отметин. Известно, что белый цвет на одномастных живот-

ных появляется прежде всего на груди и на лапах, а затем постепенно распространяется на все туловище. Выше уже было сказано, почему белая грудь, белая загривина (ожерелок) и белый кончик хвоста не только должны быть допущены у костромских, но могут быть причислены к типичным признакам этой породы.

В помесях с другими породами гончих костромская упорно передает большую часть признаков, и при равном количестве крови, т. е. при дальнейшем ведении полукровных собак, последние неизменно возвращаются через несколько поколений к костромскому типу. Эта сила крови костромичей, едва ли не самой чистокровной и древнейшей породы гончих, значительно облегчила труд возрождения породы, совсем, по-видимому, утратившейся в бестолковых помесях с английскими гончими и частию польскими. Об англо-костромских гончих, также польско-русских с небольшою, но очень крепкою примесью костромских и других русских гончих будет сказано в своем месте. Здесь же ограничимся указанием на помеси костромских с тяжелыми и паратыми польскими гончими.

Первая помесь образовалась, как было не раз упомянуто, от скрещивания тяжелых польских гончих, периодически появлявшихся в центральных и северных губерниях. Поэтому неудивительно, что она приобрела постоянные признаки и имеет полное право на название особой породы — польско-костромской. «От смешения с костромскими, — говорит Кишенский в своих «Записках», — образовалась выносливая, отличная во всех отношениях порода, которая существует и по сие время. Признаки этой новой породы следующие: тупая, довольно длинная морда, средней ширины и вышины череп, длинные уши в трубку (?), глаза всегда черные, большие и навыкате, общий склад крепкий и широкий, на невысоких прочных ногах, хвост немного изогнут, масть или черная в подпалинах (подпалины разные), или черно-пегая в подпалинах; у некоторых местами незначительный подшерсток. Голоса этих гончих очень хорошие, у многих с отличным заливом и вообще немного уступают голосам кровных костромичей. Степень паратости, как у костромских, зависит от воспитания и постоянного подбора производителей».

Хотя костромские гончие имеют по складу некоторое сходство с паратыми польскими, но сходство это только поверхностное. Несмотря на это сходство и на то, что костромская вообще улучшает склад и голоса других пород, первая помесь ее с паратой польской, по свидетельству Кишенского, за редким исключением бывает неудачна, тонкого, слабоватого сложения, далеко уступает выносливостью даже польской и скоро разбивается на ноги. Голоса этой породы из рук вон плохи: они как-то странно ломаются и походят на сиповатое хныканье, из которого только порою проры-

ваются резкие дискантовые ноты, похожие на обыкновенные голоса паратых польских. От костромичей ими наследуется тонкость чутья, а от польских — паратость. Мастью помесь выдается и в польских и костромских, но подпалины всегда бывают уже красного, а не желтого цвета.

Как известно, на первых выставках русских гончих почти не было, так как собаки, выставленные псовыми охотниками, имели значительную примесь английских и имели тип фоксхоундов. Всего ближе к костромским подходил выжлец *Голос,* выставленный г. Шидловским (Харьк. губ.), но в нем было много польской крови. Настоящие русские гончие появились на выставках с 80-х г., причем большинство было отведено от собак, приближавшихся к костромскому типу, резко очерченному Н. П. Кишенским. Наибольший труд по реставрации породы пришелся, как сказано, на долю ружейных охотников, которые всегда, и прежде и теперь, принимали очень малое участие на выставках вследствие недовольства экспертизою псовых охотников, браковавших гончих пешего склада. В настоящее время можно сказать утвердительно, что почти все русские ружейные охотники с гончими имеют почти чистых костромичей и что количество последних превышает число костромских гончих у псовых охотников, из которых многие не держат никаких и охотятся только внаездку или присоединяются к чужим комплектным охотам, подобно мелкотравчатым старых времен.

Первые стаи гончих, приближающихся к костромским, появились в 1880 г. на 5-й очередной Московской выставке, на которой в первый раз преобладали черные с подпалинами и чепрачные, самые типичные для России. Стаи Буцкого, Селиванова и В. А. Шереметева произвели на ней большую сенсацию, особенно две первые, и убедили неверующих и сомневающихся в существовании костромской породы, что она еще не исчезла и может быть восстановлена почти в первобытной чистоте.

Гончие Буцкого (Орловск. губ.) представляли помесь тяжелых польских с костромскими, но уже вполне установившуюся и обладающую постоянными признаками ладов и масти. Это очень нарядные собаки с мясистыми головами и круглыми ушами, короткими и тупыми мордами, круглыми, не очень сухими ногами и лапами, коротким голошерстным и прямым гоном и черною короткою псовиною без серого подшерстка. Костромская кровь сказалась в желтых подпалинах, в отсутствии шпор и придала им более легкости и элегантности.

Селивановские гончие с менее яркими подпалинами, почти все белогрудые и с загривинами, с сильно развитою грудью, корена-

стого сложения, сухими и короткоухими головами. Польская кровь обнаружилась в кругловатых головах и несколько коротких и толстых мордах, круглом обрезе ушей и отсутствии подшерстка. Один смычок (из пяти) — *Соловей* и *Докука* имели сходство с русской пешей гончей, именно чрезвычайною крутогонностью, особенною псовиною на гонах, треугольною формою головы и своеобразным, несколько узким и косым разрезом глаз.

Гончие В. А. Шереметева отличались замечательно типичными для костромских головами, но выражение у них было не острое, как у костромичей, не злое и огненное, как у английских, а угрюмое и апатичное, как у тяжелых польских. Ладами же они много уступали предыдущим.

На следующей (7-й) очередной выставке в 1881 г. отдел русских гончих был представлен еще лучше — стаями Харитова и Н. В. Мажарова. **Стая Харитова** (подружейная) состояла почти из чистых костромичей, более породистых, чем собаки Буцкого и Селиванова. Много портила их внешность оригинальная темно-бурая (не кофейная) масть, не свойственная костромичам, у которых типичный окрас голубой или черный впросерь; ребра у них, однако, не спускались до локотков или ниже, псовина, хотя густая с подшерстком, но ость на спине и шее мягка (должна быть груба) и головы недостаточно типичны. Никакой примеси в них, однако, не заметно, и вероятно, это выродившиеся чистокровные костромичи*. Сами по себе гончие Харитова недурно сложены и хорошего роста.

Гончие Н. В. Мажарова (Калужск. губ.) представляли костромских гончих с небольшою примесью английских, сказавшейся главным образом в масти. Головы у них довольно сходны с головами костромских, уши недлинны, и они постоянно держат их заложенными к шее. Собаки эти очень сильно сложены, широки, длинны и толстоноги, отчего казались небольшими и сырыми. Масть кауропегая, подпалин почти не заметно, отчего они много проигрывали. Подпалины же, как справедливо заметил Кишенский, — это родовой признак гончих, которые не имеют права быть без них, с чем нельзя не согласиться. Позднее Н. В. Мажаров прибавил к своим собакам, начавшим вырождаться, кровь селивановских, которые хотя и имели подмесь польских, но типом были ближе к костромским, чем мажаровские гончие.

---

* Охотник при стае передавал, что прежде те же гончие были серые в подпалинах и только сравнительно не так давно переродились и пошли бурые с светло-желтыми глазами, которые были прежде несколько темнее. Кишенский, описывая этих гончих, говорит, что он сам имел случай наблюдать чепрачных костромичей, от близкого родства производителей вырождавшихся в бурых и кофейных со светло-желтыми глазами.

Из гончих прочих московских выставок 80-х годов особенного внимания заслуживали гончие И. А. Бурцева (Владим. губ.), Ф. А. Свечина и Столыпина.

Гончие Бурцева ведутся давно, несколько десятков лет, и отличаются оригинальною мастью: они почти белые с незначительными черными отметинами и в ярко-желтых подпалинах. Роста среднего, широкие, с хорошими бочковатыми и спущенными ребрами, с очень правильными, мускулистыми и вместе с тем сухими ногами. «Принимая во внимание их общий склад, — говорит Кишенский, — а в частности голову, которая дворноковата, с высоко посаженными, угловатыми и короткими ушами, косой разрез глаз и особенную, густую с подшерстком псовину, свойственную исключительно русским гончим, я смело утверждаю, что они *русского* происхождения, хотя и не могу признать их костромскими». Признаки английской крови могут быть, по мнению Кишенского, только в масти, но вероятнее, что белый окрас произошел от замкнутого ведения породы в близком родстве*. Позднее Кишенский признал бурцевских гончих за особую подпороду, или разновидность, костромских.

Гончие Ф. А. Свечина происходят от подаренного Ауербахом смычка павловских гончих *(Набата* и *Зажиги),* содержавших большую примесь старинных русских. Собаки Свечина отличались злобностью, силою и паратостью и пользовались широкою известностью в Тульской и смежных губерниях. Впоследствии Ф. А. подмешал кровь гончих Буцкого. После смерти Свечина собаки его рассеялись, но кровь их сохраняется до сих пор в гончих Д. Д. Осиповского.

Столыпинские гончие представляли более или менее типичных костромичей, а некоторые столыпинские собаки даже оказались едва ли не лучшими представителями породы *(Добывай).* Большинство столыпинских гончих имели, однако, вялую мускулатуру и слабые лапы, что, впрочем, происходило, вероятно, от плохой выкормки. Недостатки эти в наибольшей степени были выражены в *стае Н. П. Малютина,* происходившей от собак Столыпина и в общем весьма однотипной, правильной и нарядной.

Столыпинские гончие в настоящее время вошли в состав большинства псовых стай нового образования и русского типа. Кровь этих собак имеется в значительной части в стаях е. и. в. в. кн. Петра Николаевича и П. Н. Белоусова.

В 90-х годах наиболее типичные костромичи выставляются преимущественно ружейными охотниками, притом не только на московских, но и на петербургских выставках (Общества любителей

* «Природа и охота», 1883, II.

породистых собак). Особенного внимания заслуживают собаки Н. П. Кишенского и К. В. Мошнина, родственные между собою, а в последние годы — гончие П. Н. Белоусова столыпинских собак. **Гончие Кишенского***, показанные на III очередной выставке

* Примечание К. В. Мошнина*. Ввиду значения собак Кишенского для русского собаководства и нередких разногласий об их типе, считаю нужным сообщить свои сведения об их истории с весны 1882 года, когда я первый раз ознакомился с собаками Николая Павловича еще в родовом его имении Велемжах. В то время у Н. П. было 8 гончих собак, а именно: три выжловки и 5 годовалых щенков от них. Две из этих выжловок *Галка* и *Канарейка* были рожденные у него, родственницы между собою и происходили от собак Влад. Алек. Полторацкого (породы старинной русской и костромской) и собак Строева (породы русской крутогонной, а именно от *Тушилы*, несколько раз описанного в рассказах Н. П.). Третья выжловка, по кличке *Пера*, не была рождена у Н. П., но, как он мне говорил, происходила от собак Ратаева. Три эти выжловки мало походили одна на другую, но все три были бесспорно хороши и весьма типичны для гончих восточной крови. *Канарейка* была еще не погодовавшая, но замечательно типична для костромской: светло-подпала, чепрачной масти, с очень типичной головой, замечательно маленькими ушами, густо одетая и приземистая на ногах. К сожалению, она была крошечного роста; хороша была в гоньбе, с фигурным голосом, и впоследствии давала отличных щенков: *Галка* была рослая, сухая выжловка, черной масти, в светлых подпалах, по голове типична для русской собаки. Н. П. объяснял ее тип в русских собак Полторацкого. Третья выжловка *Пера* светло-чепрачной масти была и складна и типична, не нравился мне только ее несколько раздвоенный череп и выпуклый глаз. Все три выжловки имели самые незначительные белые отметины и вполне правильные, коротковатые и пологие гоны, хорошо одетые.

Щенкам только что минуло год, и они при мне наганивались. Я в первый раз видел собак Кишенского, и на меня, как на любителя гончих, они произвели сильное впечатление, а потому я этих собак как сейчас вижу перед собою. Все щенки происходили от одного и того же кобеля *Набата*, отца и *Канарейки* и потому идущего от тех же собак, что и *Галка* и *Канарейка*, которого я уже не видал, т. к. он уже угас в предшествующую осень, так что выжлецов-производителей у Н. П. в то время не было. Из этих щенков один был от *Галки*, по кличке *Канарей;* он был у Н. П. до последних годов в числе производителей и его знают многие охотники. По типу он еще более выкинулся в старых русских гончих Полторацкого, чем его мать *Галка*. Остальные 4 щенка были дети Перы, а именно: Шумило II, оставленный Н. П. у себя производителем, и два выжлеца и выжловка, кличек не помню, подведенные им е. и. в. великому князю Николаю Николаевичу. *Шумило II* один отличался от всех остальных собак своим крепко согнутым в кольцо гоном, не помещавшимся на спине и складывавшимся то на одну, то на другую сторону. Придавало это ему очень молодцеватый и энергичный вид.

Все гончие Н. П. Кишенского идут от этих 5 собак: *Канарейки, Галки, Перы* и сыновей двух последних от отца *Канарейки Набата, Канарея и Шумилы II*. Выставленный в Петербурге *Барсук II*, размеры которого выше помещены, сын *Канарейки* и *Шумилы* из 1-го колена.

Общества любителей породистых собак и получившие (за стайку) золотую медаль, а в отдельности большие и малые серебряные, были, надо полагать, самыми породистыми костромичами, когда-либо бывшими на выставках. Все собаки имели типичные головы, прекрасные колодки с крутыми, низко спущенными ребрами (у некоторых пальца на полтора ниже локотков), мощные мускулистые ноги с правильными лапами, характерные для костромских гоны (как у волчат), высокий рост, красивые, энергичные глаза и жестковатую псовину с нежным подшерстком. Н. П. Кишенский ведет свою породу с 1865 года от местных собак Новоторжского уезда, потомств, когда-то славившихся в этой местности охот Полторацкого и Строева и от собак Ратаева. Размеры двух его собак доказывают необычайную мощность сложения.

З а ж и г а.	Въ верш-кахъ.	Отноше-ніе къ росту.	**Барсукъ 2-й.**	Въ верш-кахъ.	Отноше-ніе къ росту.
Ростъ.	13	100	Ростъ.	14⅜	100
Обхватъ груди.	18½	142,3	Обхватъ груди.	19	131
Длина пер. ноги отъ локтя.	8½	65,3	Длина пер. ноги отъ локтя.	9⅛	63,9
„ колодки отъ плеча..	15½	119,2	„ колодки отъ плеча..	16⅛	111,2
„ головы отъ зат.гребня	6⅛	47,1	„ головы отъ зат.гребня	8⅛	56
Объемъ головы впер. ушей.	10½	80,8	Объемъ головы впер. ушей.	11½	79,3

Мнения о полевых достоинствах гончих Кишенского разноречивы, но все сходятся на том, что это гончие очень кровные, устойчиво передающие в потомстве свои признаки; и если не все взро-

---

Во избежание кровосмешений Н. П. Кишенский был вынужден искать производителей на стороне, по возможности костромского типа. Все такие производители оказывались мешаными, что сказывалось по щенкам, и потому для упрочения признаков являлась необходимость в строгом подборе и в выращивании иногда совсем ненужных пометов. За этот период Н. П. пользовался следующими сторонними производителями.

1. В 1882 г. *Пера* была повязана с выжлецом *Узнаем* из охоты Лодыженского. Выжлеца этого я не видел, но видел щенков (6), из них два были по масти арлекины, выжлец *Шатало,* купленный П. С. Карцевым, и выжловка *Шныркa,* оставленная Н. П. у себя и пущенная в породу. Масть арлекинов, выкидывающаяся и теперь в собаках Кишенского, подтверждающая упорство этого признака, происходит от *Шныркн.* Впрочем, кроме масти на тип эта кровь не отозвалась: и *Шатало,* и *Шныркa,* и их дети отличались вязким и хорошим гоном. Голоса их были неважны, но значения это не имело, т. к. в общем превосходные голоса — отличительный признак гончих Кишенского.

2. Вскоре после того Н. П. Кишенский получил в подарок (через меня) от Б. Н. Костецкого из Малоархангельского у. выжловку хотя и неизвестного происхождения, но довольно типичную для костромской, хотя, несом-

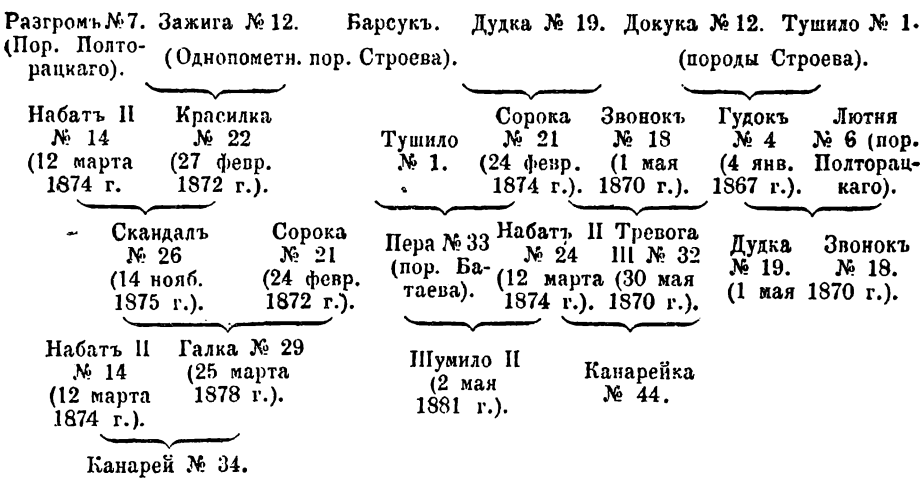
слые собаки, приобретаемые у Кишенского, бывают хорошими гонцами, то это зависит от недостатка практики, так как потомство уже обладает выдающимися полевыми качествами*.

ненно, с примесью польской крови. Кровь этой выжловки постепенно стушевалась в породе.

3. Несколько лет тому назад одна выжловка Н. П. была повязана с *Брызгалой* Ф. А. Свечина; щенки этого помета пошли в породу.

Кроме того, известно мне, что Н. П. брал пометы от своих гончей с лайкой *(Кокченом)*, но вернее всего, что это простые опыты, тем более что вряд ли в настоящее время имеется существенная необходимость обновления крови.

Из всего вышесказанного следует, что гончие Кишенского, в том виде, как они есть, бесспорно составляющие в настоящее время свою породу, вполне обособленную, являются результатом подбора под вполне определенно составившийся тип. Этот тип, вполне установившийся, олицетворяет собою вкус владельца и по корню и характеру несомненно является типом восточной собаки, но вполне обособленным и значительно уклонившимся от тех родоначальников, которых я видел в 1882 г. и выше описал. Достаточно указать на значительные белые отметины, покрывающие всю шею, грудь, ноги, часть морды и хвоста и обращающие масть почти в пегую, да на громадный рост гончих Кишенского, чтоб убедиться, что это так.

В то же время (в 1885 г.) Н. П. любезно предложил мне выписать из его книг родословную бывших тогда собак, которые я при сем и прилагаю. Отмечены те собаки, которые в то время были в живых и которые являются родоначальниками породы. **К. Мошнин.**

* М. Соболев, державший гончих его породы с 1886 г., говорил («Русск. охотн»., 1893 г.), что они по выносливости могут назваться железными, имеют отличное верхнее чутье, полазисты, вязки, даже до крайности; голоса хорошие, а у некоторых поражающие. Страшно злобны на вол-

Гончие К. В. Мошнина происходят от костромских гончих Баньковского, а в 80-х годах к ним была прибавлена кровь гончих породы Кишенского. *Сказка*, бывшая на XIV выставке (московской), происходила от последних собак, по породе костромская с примесью старинных русских гончих. Это была среднего роста выжловка правильных ладов, серой масти, в больших бледных подпалинах, почти чепрачная, с белыми ладами и белым кончиком гона. *Узнай* и *Голос* XVII очер. выставки от *Сказки* и *Кабана* Кишенского были очень породистые собаки с типичными головами (у *Узная* порочные спина и ноги), без всяких признаков прилобистости, с приподнятым затылком, длинной красивой мордой и выдающимися, широко раскрытыми ноздрями. Уши треугольником, без подпорок, но недостаточно короткие. Масти одной из самых типичных — серой в грязновато-желтых, очень больших подпалах. Глаза большие и строгие, серьезные. Белогрудые, с загривиной, белоногие и с белыми концами гонов, что для костромской породы Кишенский считает очень типичным, хотя и не необходимым признаком.

«Гончие Н. П. Кашкарова из Рязани происходят от выжлеца Левашева костромского или скорее помеси костромского с старинной русской гончей и от арлекино-костромской выжловки *Галки* породы Кишенского. Гончие Левашева в свое время пользовались большой известностью и отличались замечательными полевыми качествами. Выставленный помет указанных собак доктором Кашкаровым по типичности и правильности своей обратил на себя всеобщее внимание. Лучшие собаки г. Кашкарова *Соловей* и *Чайка* перешли к г. де Пельпору, которым была выставлена от них хорошая однотипная стая русских гончих.

Гончие Белоусова составились в последние годы приобретением собак русского типа из разных охот. Сюда вошли собаки, купленные от де Пельпора, потомство *Добывая* Столыпина и др. Стая г. Белоусова фигурировала на всех последних московских выставках и, благодаря обилию материала и хорошему подбору, представляется весьма однотипной и складной.

Совершенно такого же сборного происхождения является выставлявшаяся на московских и петербургских выставках стая

ка. Выращиваются, однако, трудно. П. Симонович одновременно писал также, что из 11 купленных им собак не было ни одной плохой; паратость их была такова, что зайца они сганивали в $1^1/_2$ часа; не подбивались после 3-4-дневной беспрерывной охоты. Замечательно стайны — никогда не разбивались и не гнали двух зверей. Между ними не было ни одного скотинника, даже раненого зайца не рвали, так что многие, имея в виду их вежливость к людям, предполагали отсутствие злобности; между тем они были страшно злобны к чужим собакам. **Л. П. С.**

е. и. в. вел. кн. Николая Николаевича и Петра Николаевича и принца Ольденбургского. В образовании этих стай вошли главным образом гончие П. Ф. Дурасова, весьма типичные как русские собаки, гончие Столыпина и покойного Свечина и Пичулидзе. Благодаря строгому подбору и размерам стаи, стая эта доведена до совершенства по подбору и однотипности и является в настоящее время образцовой стаей русского типа для псовой охоты.

Гончие С. А. Баньковского, выставленные в Москве, как сказано, происходят от *Варилы,* костромского выжлеца брата владельца, перекупленного у Назимова и двух англо-русских и полупольских сук г. Тумановского. Впрочем, в собаках этих весьма наглядно обнаружилась сила крови русского производителя, влияние которого сказалось столь сильно, что первый помет его от пегой англо-русской выжловки *Канарейки* был весь весьма однотипным, русского типа. Смычок этих гончих был куплен с выставки г. Бибиковым. Это были очень рослые и сухие собаки костромского типа, с характерными головами, черно-серой в грязных подпалинах масти, с небольшими загривинами и отметинами на гону. В настоящее время все собаки С. А. Баньковского перешли к молодому ружейному охотнику барону Н. Н. Корфу, и надо думать, что подбором в них самих или скрещиванием с родственными им породами легко может быть восстановлен их первобытный тип» (К. Мошнин).

На выставке тамбовского отдела Императорского общества охоты (1891 г.) обращали на себя внимание **гончие Н. П. Траковского,** происходившие главным образом от известных жихаревских. По описанию, это были собаки с довольно сухой мордой, губами без брылей, с ушами, поставленными относительно высоко, средней величины, спущенными треугольником, выразительным, большим навыкате темно-коричневым глазом, толстой шеей, широкой грудью, совершенно прямою спиною, бочковатыми, низко спущенными ребрами, на довольно толстых, но сухих ногах с развитыми черными мясами, до 14 вершков; гон серповидный с подпушкой, шерсть с подшерстком, цвет муругий (?) в подпалинах, некоторые шерстинки (особенно на спине) отливают чернотой; общий вид дикий, напоминающий волка*. Гончие эти известны всем тамбовским охотникам по злобности, добычливости, паратости и настойчивости; они имеют прекрасный залив, полазисты и хорошо гонят по красному зверю (по лисе и волку). Судя, однако, по ушам, глазам, ширине груди, развитым бедрам, надо полагать, что это скорее старинные русские гончие, а не костромские, тем

* Н. Сталь. — «Прир. и охота», 1891, IV. Окрас, вероятно, багряный с темным оттенком, т. е. черными кончиками волос.

более что, по Губину, гончие А. С. Траковского были именно этой породы.

На Киевской выставке собак 1893 года была также очень замечательная и однотипная **стая костромских гончих князя Паскевича** (кажется, Минской губ.), получившая золотую медаль. Это были рослые (около 14 в.), сухие, замечательно костистые собаки, черные, с довольно яркими подпалинами, большинство (?) с серым подшерстком; ребра достаточно глубоки и очень широки (бочковаты?), крестец очень широкий и сильный, ноги сухие, костистые и довольно низкие; собаки хотя и длинны, но не растянуты. Голова и уши типичны для костромских (?), гон некруто загнут, шерстист, и вся собака тепло одета. Судя по масти и бочковатости ребер, в них должна быть сильная примесь тяжелых польских гончих.

Старинная русская гончая

Эта порода, почти окончательно исчезнувшая еще в середине текущего столетия, действительно имеет право называться старинной, так как в основание ее легла туземная раса зверовых собак, употреблявшихся еще в Древней Руси для охоты на крупного зверя. В главе о русских гончих вообще было указано на вероятность происхождения старинных русских гончих от борзоватых северных остроухих собак великих князей киевских с подмесью молоссов, причем позднее для упрочения чутья и гончих качеств к ним была подмешана кровь татарских гончих. Последние дали им подпалины и более гончий склад. Мною было также высказано мнение об идентичности старинной русской гончей с лошьими собаками времен московских царей[54]. Мнение это основывается на следующих соображениях.

Зверовые собаки, гонявшие и останавливавшие оленя, лося и других крупных, преимущественно копытных зверей (зубра, тура и др.), имелись, по-видимому, только у князей и дружинников и ценились очень высоко. Известно, что даже в дотатарский период охота на крупного зверя подлежала некоторым ограничениям*, так что собаки, наиболее пригодные для такой охоты, могли встретиться только у немногих привилегированных лиц и составляли особую аристократическую породу. Собаки эти, судя по фрескам, сохранившимся на лестницах Софийского собора в Киеве, построенного Ярославом Мудрым, имели большую аналогию с ловчими собаками, изображаемыми на барельефах античной Греции, и представляли помесь северных борзоватых собак с могучими молоссами, давшими им силу и непомерную злобность. Так как лошьи собаки

* Легенда о Лоте.

времен царя Алексея Михайловича также пользовались особенным уважением охотников и имели то же значение, то весьма логично заключить, что они происходят от этих ловчих собак Древней Руси, хотя, быть может, с примесью татарских гончих. В 1665 г. боярин Благово ударил царю челом десятью лошьими собаками, за что получил ценный царский подарок — *сто рублей* денег. В царской псарне имелись разные породы охотничьих собак: гончие, борзые, меделянские, ищейные кобели, *особые лошьи собаки,* британы и других страшных пород. Лосей выслеживали, осочили и травили особыми лосиными собаками, говорит Рейтенфельс*, откуда видно, что собаки эти имели много общего с гончими. Полтораста лет спустя Левшин («Всеобщее и полное домоводство») прямо называет их лошьими гончими: «Третья порода гончих (кроме костромских и брудастых) называется *лошими,* потому что оные единственно только к гоньбе по лосям (иногда по медведям) употребляются. Это род собак дворных, очень рослых и сильных, густую и длинную шерсть имеющих, уши острые и головы большие». Большие головы доказывают примесь меделянок. Название «старинная русская гончая» появилось в печати только в последнее время, но старики помнят, что так называлась особая порода гончих еще в начале этого столетия. Первым описал ее Кишенский на основании своих наблюдений и указаний старых охотников, и из описания его видно, что лошьи гончие имеют много общего со старинными русскими гончими и что последние, весьма вероятно, происходят от этих лошьих гончих. Это доказывается очень большим для гончих ростом, сравнительной толщиной головы, полустоячими ушами, псовиной, отчасти окрасом и, наконец, тем, что последние гончие были скотинниками, чего и следовало ждать от потомков собак, приучавшихся столетиями заганивать копытных зверей, притом собак с несомненною примесью травильных, т. е. мордашей.

Описание старинной русской гончей у Кишенского менее полно, чем у Губина (называющего ее русской прямогонной), у которого встречаются и некоторые противоречия; из противоречий можно заключить только, что эта старинная порода имела несколько подпород или вполне установившихся разновидностей, главным образом сообразно большей или меньшей примеси крови меделянок. А потому, приняв в основание описание Губина, как более подробное и, вероятно, более точное, мы параллельно будем приводить признаки, указываемые Кишенским.

«Рост очень крупный, как выжлецов, так и выжловок, которые менее выжлецов бывают только на какой-нибудь один вершок» (Г). «Собака очень большого роста, от 13—16 вершков» (К).

* Кутепов.

«*Голова* очень большая, длинночутоватая и сухая; лоб хотя и широкий, но ровный к основанию чутья». (Г). «Голова широкая, прилобистая; морда длинная, несколько горбоносая, довольно толстая, но сухая, без брылей» (К). «Основание чутья длинное, толстое и при этом *непременно ровное,* не утончающееся к концу (как бы четырехугольное), и конец его развитый, подвижный» (Г).

«*По виду* русская прямогонная гончая свирепа, велика, мощна и тепла, ладиста, подрывиста, ребриста, росла и широка — словом, прямогонная гончая должна быть всегда в борзых ладах» (Г). «В общем, старинная русская гончая имеет какой-то, не скажу волчий, но звероватый вид, и с первого взгляда видно, что это паратая и неутомимая собака» (К).

«*Глаза* очень большие, темные или очень темного цвета и всегда на слезе (глаз как бы подернут слезой, из-за которой виднеется кровяной белок свирепого на вид глаза)» (Г). «Глаза небольшие, желтые, навыкате» (К). Это противоречие объясняется тем, что гончие Губина имеют более крови мордашей, чем гончие, описываемые Кишенским.

«*Уши* тонкие, правильные и плотно прилегающие к щеке собаки. При возбуждении она никуда их не запрокидывает, а только вздергивает кверху, как крымская и горская борзая. Уши поставлены не низко и не особенно высоко» (Г). «Уши короткие; углом, полустоячие и очень подвижные» (К).

«*Подгрудка* не бывает, исключая очень осенистых» (Г). «*Шея* пропорциональной длины, толстая; у старых собак кожа отвисает, образуя подгрудок» (К).

«*Ребра* низкие, ниже локотков, бочковатые и крутые» (Г). «Туловище (колодка) очень широкое, крутореброе; грудь не особенно широка, но очень выпуклая, опускается до локотков, а иногда и ниже» (К).

«*Спина* прямая, с легкой напружиной, мочи широкие, крепкие, тело мускулистое, портки (черные мяса) очень развитые» (Г).

«*Ноги* прочные, сухие и крепкокостистые; лапа круглая, в комке, т. е. с плотно сжатыми, сухими, костистыми пальцами; постанов ног правильный; задних прибылых пальцев никогда не бывает, и вообще прямогонная русская гончая скорее должна быть высока на ногах, чем низкая, и притом как бы высокопереда, но не сохастовата и не переляка. Стоять должны на коготках и впереду, как борзая» (Г). «Ноги высокие, толстые, очень мускулистые и сухие» (К).

«*Гон* прямой, всегда полусерповидный, почему она носит название русской прямогонной гончей » (Г). «Хвост (гон) серпом или в виде старинной турецкой сабли, носится не особенно круто» (К). Следует заметить, однако, что левашовские гончие, о которых

говорит Губин как о типичных русских прямогонных, отличались крутогонностью, так что название «прямогонная» не особенно удачно.

«*Шерсть* не длинная и не особенно короткая, не более около полувершковой длины, на спине около $^3/_4$-вершковой длины, но плотная, густая и грубая на ощупь; при этом плотно, т. е. гладко лежащая к телу собаки и всегда блестящая. На шее такая же грубоватая шерсть достигает нередко длины до одного с четвертью вершка, но лежит так же гладко, как и вся обыкновенная шерсть прямогонной русской гончей, и только на гачах и с нижней стороны гона эта шерсть пушиста, не превышая, однако, средней длины шерсти на спине и шее. На голове же, ушах и ногах шерсть очень короткая, мягкая, атласисто-гладкая. В возбужденном состоянии русская прямогонная гончая запрокидывает шерсть на спине и шее наперед, как щетину, и через то как бы вырастает на ногах, что и делает во время гоньбы по волку» (Г). «Псовина на голове и ногах маленькая, гладкая, на колодке густая и грубая с мягким подшерстком; на шее особенно длинна, как у волка; на хвосте густая и грубая, одинаковая во всю его длину» (К).

«*Цвет* шерсти у прямогонных гончих черный, но всегда с серым подшерстком и в подпалинах, с очками; подласый, багряный и серый и также иногда в подпалинах; пегих, светлых мастей и белых прямогонных чистокровных русских гончих никогда не бывает» (Г). «Окрас псовины напоминает волка, с тою разницей, что голова, ноги, нижняя часть туловища и хвоста всегда у волка белесоватые, у старинной русской гончей окрашены в темный грязно-желтый цвет. На лбу между ушей всегда есть черноватая полоса. Подпалины никогда не отделяются резко, а сливаются. Породистые собаки не должны иметь белых отметин, кроме загривины, которая также бывает не у всех» (К).

«*Характер* свирепый, привязчивый к зверю и в большинстве случаев скоросый (сварливый); но, несмотря на это, прямогонная гончая необыкновенно умна, необыкновенно привыкает к своему доезжачему, знает его одного и только ему одному послушна, но в силу необыкновенной злобы и азартности этих гончих с ними всегда надо быть осторожным, в особенности в таких местах, где нет зверя, так как в тех местах, где нет зверя, вообще звериные собаки, а русские прямогонные зверогоны в особенности перестают быть вежливыми и легко могут наброситься на скотину и в особенности на свиней, овец и на дворных собак, вследствие чего требуют постоянно особенно осторожной и *умелой езды* с ними» (Г)*. «Глав-

* В примечании Губин говорит, что многие из таких гончих у Левашова, Траковского и других охотников на псарне постоянно сидели на цепях.

ная причина их исчезновения заключается в слишком звероватом характере; несмотря на самую строгую выдержку, нельзя ручаться, что они не тронут домашнего скота, особенно овец, которых не могут видеть равнодушно, и на охоте надо старательно обходить стада, ибо сомкнутые, эти дикари иногда срываются... Наездка их трудна: они грубы и непослушны, то и дело надо употреблять арапник» (К).

«*Полаз* веселый, заемистый и на скачках во все время; и только когда гончая нападает на свежий ночной след зверя, то она останавливается, разбирает его и уже к логову или вблизи зверя по красному (т. е. по лисе или по волку) идет сдержанно, тихо, вдобор. Когда же помкнет по зверю, то уже ведет его во все ноги до конца и при этом всегда на верхнее чутье» (Г). «Старинные русские гончие были полазисты и добычливы, потому что искали очень широко и быстро» (К).

«*Паратость* и неутомимость страшная» (Г). «Движения ее плавны, точно рассчитаны; подняв зверя, она преследует его быстро, но без того порывистого азарта, которым отличаются некоторые другие породы; зверь, однако, неминуемо бывает сгонен — будь то матерая лиса или волк-переярок. Замучить стаю таких гончих очень трудно: после нескольких дней охоты они гонят так же парато, как и в первый день. Причина выносливости этих собак будет понятна, когда вспомним, что они выведены нашими прадедами, о продолжительности отъезжих полей которых сохранились лишь темные предания; достаточно сказать, что нижегородские охоты заходили в Тверскую губернию; слабая собака не выдержит и простого перехода на такое расстояние, а тогда охоты шли охотой — понятно, и собаки нужны были железные. Содержание старинных русских гончих было нетрудно: морозов они не боятся, на корм очень неприхотливы и очень прожорливы; чуму выдерживают легко» (К).

«*Голос* у прямогонных русских гончих страшный и преимущественно с гнусью, а у некоторых, и в особенности у выжловок, у которых вообще голос ровнее, — с заливом. С очень крупными (низкими) голосами гончие бывают более редкоскалы, а с ровными — яркоголосы. Тонкие голоса у русских прямогонных бывают только у выжловок и встречаются сравнительно реже. Главная особенность их — это необыкновенная *музыкальная* тонность — *певучесть*» (Г). «...голосистые, с недлинным настоящим заливом... Одна из особенностей этих гончих — это их своеобразный гон по волкам «с подвывом» — термин, который теперь почти забыт; теперь вообще по красному гонят с подлаем» (К). (Баситость этих гончих, конечно, унаследована ими от меделянок.)

«*Злоба и привязчивость* к зверю мертвая и безграничная, а

потому из них преимущественно всегда (!) выходили зверогоны в полном смысле этого слова. По зайцу гоняли неохотно и часто скалывались; узнавши же зверя, совсем переставали гонять по зайцу. По лисе гнали хорошо, но волка предпочитали всему» (Г).

Происхождение старинной русской гончей от прежних зверовых или, вернее, ловчих собак с примесью татарской гончей и меделянки едва ли может быть оспариваемо, раз можно считать доказанным, что костромская гончая — чистокровный или почти чистокровный потомок восточных гончих, приведенных из глубины Средней Азии татарскими кочевниками. Весьма возможно, что старинные русские гончие, т. е. лошьи собаки, происшедшие от смешения ловчих собак северного типа, имели некоторое влияние на изменение типа татарской гончей, но во всяком случае меньше, чем влияние, в свою очередь оказанное на них последнею породой. Татарско-азиатская гончая была еще более древнею породой, чем русская зверовая собака Древней Руси, и костромская гончая никоим образом не могла произойти от старинной русской, как это авторитетно утверждает г. Данилов: «Старинная русская, или прямогонная, гончая *с примесью лайки или какой-либо другой породы гончей* дала костромскую гончую, которая в разных местностях различается некоторыми особенностями и получила название русской пешей, русской крутогонной гончей... Русская старинная гончая передала костромской свои полевые достоинства, большинство своих особенностей и свой тип, который известен в настоящее время под названием типа восточных или типа русской гончей...» В этой тираде почти каждое слово — нелепость, и можно только удивляться, как можно писать подобное после фундаментальных, вполне научных исследований Кишенского, впоследствии подтвержденных*.

Старинные русские гончие, говорит Кишенский, имели весьма обширное распространение, и в начале этого столетия большинство крупных охотников держали большие стаи этих гончих. Во многих охотах они велись совершенно изолированно, отсюда несколько подпород, более или менее отличных друг от друга. Но и примесь к ним западных гончих началась давно, хотя и не в такой степени, как лет 30—40 назад (т. е. в 40-х и 50-х годах), так как пре-

---

* Губин также совершенно игнорировал труды Кишенского, а барон Розен (недавно умерший) в своей «Истории гончих собак», уподобляющейся младенческому лепету, наивно признается, что он не читал статей Кишенского, так как Кишенский говорит только о своих гончих! И причиной такого пренебрежения барона Розена было то, что Кишенский — ружейный охотник и притом еще продает собак. Но, спрашивается, кто же из современных псовых охотников не занимается тем же в большей или меньшей степени?

жде доставать английских и польских гончих было труднее. Но так как западные гончие в чистом виде и в помесях выносливостью, паратостью и гоньбою по волкам уступали старинным русским, легко сганивавшим матерого волка, то, несмотря на их скотинничество, стаи кровных собак были еще в 50-х годах. Последний удар стаям был нанесен освобождением крестьян. Не стало лихих ездоков, и охота с такими гончими стала очень убыточна. Последних если не кровных, то очень типичных Кишенский видел в 1863 г. Отдельные экземпляры этих гончих встречались у мещан и крестьян Тверской губернии еще в начале 70-х годов.

Из довольно многочисленных стай старинных русских гончих в средине этого столетия наибольшею известностью в центральных губерниях пользовались гончие А. Ф. Левашова, помещика Ряжского уезда, который долго вел свою породу гончих, почти никому не давая. По описанию г. Кашкарова, выжлецы были очень большого роста, иногда с рослую борзую (т. е. 17 вершков); выжловки значительно меньше; все очень ладны и сухи. Масть большею частию чепрачная, с желтыми головами и подпалинами; многие имели белые отметины на морде, груди, шее, ногах и на конце гона; у некоторых подпалины были светлые. Были и черные с большими подпалинами, с черною полосою от уха к уху; встречались и серо-пегие. Но все были с серью и с подпухом, т. е. на черной шерсти пробивались серые волосы и под черной шерстью имели серый пух (подшерсток). Псовина у них была грубая, не короткая, более длинная на шее, ногах и гоне. На ногах были несколько высоки. Лбы широкие, как у волка, так что собаки казались головастыми. Морда сухая, не длинная, скорее коротковатая, прямая, *не острорыла* и без брылей. Глаза большие, черного цвета, навыкате; выражение глаз строгое. Уши не короткие, но и не длинные. Перед необыкновенно развит, то же шея, которая была иногда с подгрудком. Грудь широкая и глубокая. Передние ноги расставлены широко, локтями в поле. Очень лаписты, лапа склеенная. Ноги толстые, прямые, задние ноги тоже прямые, но с коленкой (т. е. немного лучковаты); зад был хорош, но развит менее переда. Гоны у многих были круты, часто кольцом (что подтверждено и С. С. Кареевым), особенно круты у выжловок. Отличались чрезвычайною паратостью, поспевали к угонкам борзых; работали неделями бессъездно. Раз протравили матерого волка, и стая взяла его в 15—16 верст, а переярков брали с ними сплошь и рядом; сганивали и русаков. Голоса были томные, т. е. унылые; у многих был залив, но не по одному зрячему; было много и тонких голосов. Поиск быстрый и широкий, далеко уходили. Характера были вообще грубого и трудно укротимого: у Левашова

и Протопопова на скотину не бросались, у других баловали. Отличались долговечностью и работали по 12 осеней.

Описание Кашкарова несколько отличается от описания Губина, который причисляет левашовских гончих к русским прямогонным гончим. С. С. Кареев также указывает на крутогонность, как на отличительный признак левашовских гончих и, кроме того, противоречит и Кашкарову, утверждая, что последние были очень стомчивы, съезжали с пяти полей и становились как скелеты; что все они были багряно-серые, одна в одну, и хорошо держали рубашку. Невыносливость он объясняет перерождением и кровностью, но вернее предположить, что Кареев знал их с 60-х годов, когда к ним была подмешана польская кровь. Надо думать, что и Кашкаров описывает уже мешаных гончих, чего он не отрицает, хотя считает более вероятною (на основании паратости) подмесь английских, только старых (?), под которыми он, может быть, подразумевал стэгхоундов. Кишенский доказывает, что чистопородность стаи Левашова была утрачена еще при жизни последнего, в 60-х годах. В 1864 г. ветеринар Г. С. Добров привел в Ряжск тяжелых польских гончих стаи графа Тышкевича из Западного края во время польского восстания[55], и остатки левашовских собак были скрещены с этими гончими. После смерти Левашова его гончие перешли к М. П. Гумилину (умершему лет 5—8 назад) и от родства выродились. По словам Н. А. Вербицкого («Охотн. газ.», 1890 г., стр. 51—53), Гумилин употреблял много трудов и средств на подбор гончих, но его собаки несколько отступали от типа костромских гончих, описанных Кишенским; уши были тоньше, больше и круглее, склад изящнее, шерсть не грубая, голоса не заливистые, отличались паратостью и злобностью. Левашовские гончие, конечно, имеют мало общего с костромскими, но у Гумилина вряд ли были чистокровные русские.

В настоящее время последних следует считать почти исчезнувшей породой, кровь которой сохранилась во многих стаях среднерусских псовых охотников. Вероятно, и теперь у многих вырождаются щенки в эту замечательную породу и при некоторой настойчивости можно было бы добиться ее реставрации. Как сырой, необработанный материал старинная русская гончая была действительно драгоценностью.

На московских очередных выставках только один раз, именно на IV-й в 1879 г., были показаны гончие, очень близко подходящие к описываемой породе, именно гончие (2 смычка) Д. Мажарова из Тамбовской губ., выставленные за костромских. Это были очень рослые собаки могучего сложения, головы которых с отвисшими брылями и веками (особенно у выжлеца *Волтора*), а также и масть указывали на несомненную подмесь крови меделянок. Эта подмесь

несомненно была в старинных русских гончих: ее нисколько не отрицают большинство старых псовых охотников. Мастью, псовиной, гонами (?), по мнению Кишенского, напоминали старинную русскую породу гончие Столыпина; складом головы и в особенности взглядом имели сходство с ними гончие Ф. А. Свечина, происходившие от павловских. Основанием стаи А. И. Полторацкого также служили старинные русские гончие. Кровь левашовских гончих, уже мешанных с польскими, имеется в значительной мере в гончих Н. Кашкарова, также Пельпора и Венкстерна, но уже с примесью костромских породы Кишенского. *Будило* и *Выжла* Кашкарова были слишком голошерстны и имели тонкие и голые гоны, кольцеобразно загнутые на спину.

Русская крутогонная (пешая) гончая

«Всякий из знатоков собак, — говорит Кишенский*, — если видел пеших русских гончих и имел возможность внимательно осмотреть их наружные признаки, не может не признать в них *продукт* скрещивания костромского типа с северной собакой или промысловой лайкой; соединение признаков, — да позволено мне будет так выражаться, — так *рельефно* в этой породе, что ошибиться невозможно; вся фигура этой гончей, оставаясь в общем и в деталях восточной гончей, носит вместе с тем отпечаток лайки, даже гон (хвост), оставаясь по форме и псовине *несомненно* восточно-гончим, загнут, между тем, *кольцом на спину,* не уступая часто самым крючкохвостым лайкам. Наконец, замечательная терпимость гончих к морозам тоже свидетельствует, что в их жилах течет значительная доля крови местных северных собак».

Единственное описание этой русской породы гончих мы встречаем только у Кишенского**, так как Губин в своем «Руководстве» под названием русских крутогонных, как мы увидим, разумеет каких-то странных ублюдков.

«Небольшого, часто маленького роста (средний рост от 10 до 12 вершков), по своему сложению она что-то среднее (?) между старинной русской и костромской; с головы походит на костромскую, только морда у нее покороче, а череп пошире; уши и нос совершенно такие же; глаза всегда желтые, несколько узкие; ноги крепкие, пропорциональной длины; колодка широкая, круторебрая; грудь довольно широкая и выпуклая. Хвост такой же, как у старинной гончей, но носится непременно закинутым кольцом и очень

* «Опыт генеалогического исследования собак», 1884, VII.

** См. «Записки о руж. охоте с гончими». — «Прир. и охота». 1879, VII, 15—17.

круто. Псовина такая же, как у старинной русской; масть черная, немного впросерь, в желто-красноватых, но неярких подпалинах; у большей части белая грудь, загривина, концы лап и морды. Изредка бывает под чепраком».

Описание Губина гораздо подробнее, но его крутогонная гончая очевидная помесь с французскими бассетами, которых «он не умеет назвать», или с другою французскою породою. Это доказывается почти всеми признаками — голошерстностью, сравнительною приземистостью, подбрудком, большими черными глазами навыкате, тонкими ушами, низко сравнительно поставленными и более закругленными, бочковатыми ребрами не ниже локотков и проч. Очевидно, г. Губин называет крутогонною гончею какую-то местную разновидность и о настоящих пеших русских не имеет никакого понятия, а потому совершенно излишне приводить его подробное описание. Другие охотники смешивают ее с костромскою, называя ее только пешею костромскою. В настоящее время многие т. наз. русские гончие содержат в себе значительную примесь крови пеших гончих, которая нередко является преобладающею и обнаруживается с первого взгляда какою-то пушистостью псовины, очень густым и мягким подшерстком, крутогонностью и, кроме того, косым разрезом глаз, унаследованными от лаек.

Пешею гончею порода эта называется только сравнительно с костромскими и старинными русскими гончими, но есть гончие гораздо тупее. «По следу она могла бы, — продолжает Кишенский, — гнать паратее, что и бывает видно, когда она гонит по-зрячему; дело в том, что ее манера гона очень ее замедляет, elle est très collèe à la voie, как говорят французы, что и замедляет ее гон, ибо она иначе не взлаивает, как задрав морду кверху, причем бег ее непременно замедляется.

Голоса у пеших гончих хорошие, чистые и звонкие, без того характерного дребезга, который обыкновенен у костромских, но совершенно однотонные, с своеобразным, свойственным только этой породе заливом, который производится тем же голосом (тоном), как и гон, и тем же взлаем, который сливается и делается непрерывным. Особенно грубых басов у этих гончих не бывает, так же как и высоких дискантов. По лисице голоса у них троятся, по волку делаются грубые и сиповато-озлобленные.

Пешие гончие энергичны, смелы и злобны на зверя, и что́ особенно заслуживает внимания — смелы и злобны в одиночку, что́ довольно редко между гончими. Русская пешая гончая, не задумываясь, гоняет в одиночку волков и очертя голову бросается на собаку вдвое ее больше. Я сам видел, как небольшая гончая бросилась на волка, пришедшего на падаль, и натиск ее был так энерги-

чен, что седой великан не выдержал характера и обратился в постыдное бегство.

Но, несмотря на большую выносливость, вязкость и злобность, этим гончим почти никогда не приходится сганивать лисиц; причина этому то, что все они несносные копуньи. Несмотря на отличное чутье, разыскивают тихо, свидетельствуют непременно каждый куст, стекают не иначе, как голосом, с особым сдержанным заливом и необыкновенно любят вертеться на заячьих жировках. Гонят замечательно верно и поиск имеют широкий, то есть удаляются далеко от охотника; чтó заслуживает похвалы — это их необыкновенная вежливость и ум, чтó очень важно для ружейной охоты. Из этих гончих выходят отличные ружейные одиночки, вежливые, как легавые. Большинство этих гончих мне видеть не приходилось, да не думаю, чтоб они были для этого и хороши: они слишком пеши, но вместе с тем очень дружны. Холода эти гончие совсем не боятся, и им нипочем самые лютые морозы. На корм неразборчивы, прожорливы: собака съедает зараз матерого беляка»*.

«В помеси с русской пешей гончей костромичи всегда дают отличные результаты, чему, вероятно, много способствует взаимное сходство обеих пород. По охотничьим качествам эта помесь чуть ли не лучшая для ружейной охоты; голоса, вязкость и степень паратости она вполне наследует от костромских, но по складу и характеру более походит на пеших, приобретая большую длину корпуса и большую развязность в движениях. Масть этой помеси никогда не изменяется, а наследуется от производителей, которые одномастны; если же костромич-производитель черно-пегий, то изредка выдаются пегие щенки. Долее всего удерживается крутогонность»**.

Может быть, куцая разновидность русских гончих, несомненно существовавшая в очень недавнее время, принадлежала к крутогонным гончим и явилась, как и все куцые породы, случайно, и была разведена вследствие понятного предпочтения, оказываемого охотниками куцым собакам перед крючкохвостыми, выработавшимися в особую разновидность. У П. С. Фон-Визина в Клинском уезде Московской губернии не более 20 лет назад была целая стая, около 10 смычков, куцых гончих. П. С. Фон-Визин приобрел их от черно-пегих с подпалинами и очками, вершков 14 ростом, короткоухих и остромордых, которые велись у него отдельно от обыкновенных русских (?). У К. С. Литторина в Клинском же уезде было несколько собак этой породы; последний куцый

* «Зап. о руж. охоте с гончими». — «Прир. и охота», 1879, VII.
** «Ibid», 1879, VIII, 179.

выжлец угас у него лет 7—8 назад. Гончие эти замечательно гоняли по красному, были очень злобны и легко сганивали прибылых волков.

Англо-русские гончие

Как и во всех странах Европы, английские гончие, т. е., собственно говоря, фоксхоунды, имели очень большое влияние на русских гончих, влияние, принесшее более вреда, нежели пользы. Мода на английских и полуанглийских гончих продолжалась по меньшей мере 50 лет, едва не причинив совершенного исчезновения всех пород русских гончих, исчезновения, доведшего до отрицания их прежнего существования. Из этих пород спаслись от гибели, можно сказать, только одни костромские, но и то в несколько измененном виде. Английские гончие имели такое же роковое значение для русской охоты по отношению к гончим, как восточные, главным образом горские вислоухие борзые, по отношению к нашим псовым.

Распространение фоксхоундов или, точнее, вымесков с разными русскими гончими объясняется их красотою, крепостью сложения, паратостью, легкостью наездки сравнительно с наиболее обыкновенными прежде старинными русскими гончими, бывшими почти всегда скотинниками, наконец, малым знакомством с достоинствами настоящих костромских гончих. Без всякого сомнения, рядом с гладкими, нарядными пестрыми английскими гончими с резко обозначенною мускулатурой русские гончие со своим подшерстком, гривою и толстым гоном казались вахлаками, чуть не лохматыми дворнягами и сравнительно сырыми собаками. Псовые охотники всегда, за редкими исключениями, очень мало понимали в гончих и почти не интересовались ими, вполне предоставляя их на попечение доезжачих, которым приходилось отвечать за скотинников собственными боками. Все псари были очень рады новым гончим, которые и в помесях не имели таких зверских инстинктов.

Однако чистокровные фоксхоунды были настолько бесчуты, безголосы и чувствительны к холоду, что едва ли у кого могли долгое время существовать стаи этих гончих, тем более что они первое время добывались с большими трудами и затратами. В помеси же с русскими породами они очень часто давали гончих, вполне удовлетворявших псовых охотников, большинство которых всегда обращали больше внимания на нарядность, одномастность гончих и их стайность, чем на чутье, даже на голоса. Были бы одна-две чутьистые собаки и несколько хороших голосов, а остальные могут быть бесчуты и безголосы.

По всей вероятности, первые английские гончие появились у нас в царствование Анны Иоанновны, которая очень любила парфорсную охоту на оленей по английскому образцу, почему, надо полагать, для императорской охоты выписывались не фоксхоунды, а стэгхоунды. Впрочем, в это время фоксхоунды почти не отличались паратостью и внешностью от оленьих гончих. Одним из первых русских охотников, начавших подмешивать кровь английских собак к русским гончим, если не первым, был граф Салтыков, вероятно тот самый, который переписывался с А. Волынским относительно борзых английских, брудастых и восточных. Известный П. Березников, начавший охотиться с 20-х годов, говорит в своих (рукописных) записках, что в его время английских гончих было весьма мало. Старинные русские охоты, как то: Салтыкова, Измайлова, Тютчева, Пашкова, если и имели их, то давно перемешали или утратили. Мы видели, что уже в сороковых годах высказывалось мнение о происхождении костромских гончих от английских Салтыкова, и действительно, кровь салтыковских гончих, тоже мешаных, а не чистокровных, несомненно была в мустафинских и других гончих, называемых костромскими.

Увлечение английскими гончими и мода на них начинаются собственно с 20-х или 30-х годов, когда С. М. Глебов в Тульской, Храповицкий в Калужской (?), Н. М. Смирнов, позднее Березников в Московской губерниях начали выписывать английских гончих и мешать их с местными, придерживаясь английского типа. Уже в 40-х годах А. С. Хомяков в статье «Спорт» («Москвитянин», 1845, № 2) восставал против этого увлечения и обращал внимание русских охотников на туземных собак: англичане, говорил он, стараются охотиться «как можно более в открытых местах, следовательно, дорожат в гончих особенно паратостью и не могут развивать в своих гончих такой тонкости чутья, которое необходимо в наших местах». Он не верит, чтобы английская стая могла без подстав гонять матерого волка, ибо и лисицы от них уходят, разве только волк будет очень сыт или болен. Эти гончие хороши, по его мнению, только для степных мест и непригодны для наших дебрей и трущоб, по частому березовому молодятнику, с подседом из ельника и можжевельника, в котором лисица пролезает, как по подземелью, а собака еле может продраться. Он допускает английскую породу лишь как примесь, увеличивающую паратость наших гончих.

В самом деле, английские лисогоны в наших лесах плохо гнали по лисе, которая почти всегда успевала обмануть собак. Последние получили у нас особое назначение — специально гонять по волкам и сганивать прибылых и переярков. Привозные английские гончие не могут хорошо гонять в хвойных лесах, для них почти незнако-

мых. «Тут некоторую роль, — говорит Кишенский, — играет, вероятно, смолистый запах, отбивающий и без того слабое чутье их; особенно мешает им еловый валежник. В таких местах англичане совершенно путаются, просто глупеют, а более бойкие сильно зашибаются. Между тем привычные польские и русские паратые гончие гонят здесь во все ноги, перескакивая и пролезая через валежник и нисколько им не смущаясь».

Кровные фоксхоунды и не могли удовлетворять русских охотников, так как имели гораздо более внутренних недостатков, чем наружных достоинств. «Они отличаются плохим чутьем, а следовательно, плохим мастерством, невязкостью и склонностью к славливанию вмолчанку, что особенно бывает заметно, когда fox-hound'ы гонят раненого зверя; по крови каждая *настоящая* гончая гонит горячее, а кровный fox-hound по такому следу перестает гнать в голос и ловит молчком. То же весьма часто бывает и позрячему, которого fox-hound'ы, когда он близок, ловят вмолчанку»*. Эти пороки передаются ими и в помесях, но в сильной степени сохраняются недолго и помесь возвращается к характеру настоящих гончих, употребленных в помеси. Гораздо дольше сохраняется порывистость и временность гона, т. е. собаки гоняют не постоянно, как чистокровные гончие, а временно, иногда совсем не работая по самым незначительным причинам, которые на работу настоящих гончих не оказывают никакого влияния; мало того: несколько уставши, англичане не сбавляют паратости, а просто бросают искать и гнать. Особенно часто порок этот замечается у гончих без подпалин, багряно-пегих, в которых преобладает английская кровь и которых следует поэтому избегать.

Русские охотники не имели прежде возможности вести породу английских гончих в чистоте, без подмеси русских. Но и нечистокровные англичане имели сильное влияние на изменение характера псовой охоты. «Прежде большие охоты, — говорит Д. П. Вальцов в статье своей «В защиту англо-русских гончих», — требовали гончих голосистых и верных в гоньбе по зайцу. Теперь охоты маленькие, лазы все не могут быть заняты, а зайцев стало мало (?). По красному же зверю англо-русские гончие незаменимы (?), сганивают молодых волков быстро, лисиц тоже. За это можно поступиться голосами...» Действительно, они вовсе не гоняли по зайцам, плохо по лисицам, пользовавшимся зарослями и неполазистостью собак, а почти исключительно по волкам. Отсюда требование от борзых не столько резвости, сколько силы и злобности, а за неимением таковых псовые охотники стали допускать сганивание зверя

* Кишенский. «Выбор гончих».

гончими, которые по прежним правилам не должны были даже показываться на опушке, то есть гончие, исполнявшие прежде второстепенную, вспомогательную роль, стали на первом плане и самая охота, хотя и не вполне, приняла характер парфорсной английской, вернее, тоже какой-то англо-русской, непродолжительной на прибылых и очень утомительной при гоньбе переярков. Чем менее сохраняли гончие тип английских, тем они были чутьистее, голосистее и пригоднее для охоты на зайцев.

Таким образом, в сороковых и пятидесятых годах в различных местностях России появилось немало особых, так сказать, фамильных разновидностей гончих, из которых одни приближались более к фоксхоундам, другие имели более сходства со старинными русскими или костромскими. В это время вряд ли уже можно было найти в России стаю чистокровных русских гончих, в которых бы не было ни капли английской крови. Для нас представляют здесь интерес только англо-русские, а не русско-английские гончие, которые теперь являются преобладающими у псовых охотников и постепенно утрачивают признаки и недостатки фоксхоундов, сохраняя их паратость.

Из англо-русских гончих наибольшею известностью пользовались и продолжают пользоваться т. наз. глебовские и березниковские гончие, которые представляют особые разновидности с довольно резкими признаками, бросающимися в глаза и незнатокам.

Глебовские гончие были заведены еще в начале этого столетия отцом С. М. Глебова (умершего в 70-х годах). С. М. Глебов* говорил: «Порода собак, выведенная отцом помесью прежних его собак (?) с английскими, была вполне годна для волчьей охоты. Собаки были злобные, паратые, вежливые и послушные». Но происходили они от дрянных: выписной *Бургам,* кауро-пегий с подпалинами, был очень глупой, безголосой и бесчутой собакой; также и *Кромвель.* Они были только нарядны, широки и рослы. Русские гончие, напротив, не отличались ладами, будучи однако хорошими гонцами; суки были узкогруды, мелки, слабы, без особой злобы, с плаксивыми глазами. Однако при всем этом вышли благодаря единственно умелому подбору превосходные собаки. Но это были зверогоны, с которыми на зайца не охотились вовсе. С. М. Глебов даже советует, чтобы они меньше обращали внимания на зайцев, кормить посытнее, с мясом. Что эти гончие не были совсем английскими, видно из того, что один из выжлецов *(Зепало)* отзывался по волкам «звучно и протяжно». Кишенский полагает, что

* «Записки старого охотника». — «Ж. импер. общ. охоты», 1876, XI.

прежние глебовские гончие не имели ничего общего с позднейшими и что они были полупольские.

В 1823 году вся стая в числе 48 собак была продана богатому орловскому помещику Н. В.Киреевскому. У этого охотника (умершего в 70-х годах), отличавшегося тем, что он в течение своей многолетней охотничьей карьеры покупал всюду лучших борзых, гончих и легавых, но никогда ничего не вывел, а только губил породу, эта знаменитая стая в начале сороковых годов была уже испорчена постороннею кровью и плохим подбором. Повторилась обычная история богатых бар, видящих собак только на охоте. «Жадный ловчий без моего ведома подмешивал постороннюю кровь», — говорит Кишенский*.

По словам Озерова** Киреевскому была продана стая не С. М. Глебова, а его отца, а сам С. М. Глебов вел породу уже после 1823 года, и притом, вероятно, от русских гончих, до начала шестидесятых годов, когда одну половину подарил А. Н. Скобельцыну, а другую — П. И. Раевскому. В 1866—67 гг. С. М. вновь стал разводить гончих от черно-пегого выжлеца *Светлая* его прежних собак, подаренного А. П. Афросимову, и выжловки русской (?) породы, отличавшейся замечательными полевыми качествами. Затем от детей *Светлая* и собак Скобельцына образовалась новая стая, не уступавшая первой ни по полевым достоинствам, ни по красоте ладов. Гончие П. И. Раевского перешли к Норову, который, впустив только раз свежую английскую кровь через выжловку, кажется *Хорошайку,* подарил собак Д. П. Вальцову. После смерти С. М. Глебова (в конце 70-х годов) гончие его перешли к В. П. и М. П. Глебовым, частию к Н. Н. Бибикову.

Черно-пегие англо-русские гончие, давно уже ведущиеся в Тульской губернии у многих охотников, составляют, по мнению Кишенского, крепко установившуюся породу. Они всегда будто черно-пегие, причем черные пежины имеют серый подшерсток. Тульский охотник (Озеров) говорит, что бывают, однако, и черно-пегие с подпалинами, красноголовые, красные (багряные?), полово-пегие и серо-пегие; он утверждает, что они ничуть не уступают колодкой прежним костромичам, т. е. широки костью, с хорошо спущенными ребрами, на низковатых, крепких и мускулистых ногах, с головою, несколько напоминающею английскую, но с более широкою костью, с высоко поставленными средней длины ушами, которые в гоньбе они откидывают отчасти назад; гон короткий и правильный, псовина густая, довольно длинная, под черными мясами серый подшерсток. Они будто только потому

* «Сорок лет постоянной охоты».

** Тульский охотник. — «Прир. и охота», 1883, III.

плохо гоняют по зайцам, что их наганивают только по красному зверю, и чуть только стая помкнет по зайцу — сбиваются. Безголосыми англо-русские гончие никогда не были, но протяжного тона, так сказать, с секундными промежутками между каждым взбрехом собаки у них нет, так как англо-русская собака при своей паратости не может свободно перевести дух для более протяжного звука и гонит отрывисто, захлебываясь; иногда у собак с тонкими голосами звуки гона переходят в непрерывный писк*.

О добычливости охоты с тульскими гончими можно судить из того, что за 4 осени совместными охотами Н. Н. Бибикова и С. М. Глебова (в 70-х годах) на 5—10 смычков и 3—4 своры борзых было взято 182 волка, в том числе матерых и переярков — 13. Из этого числа убито из ружей только 9 (а взято борзыми?). Один матерый волк взят был гончими, когда пробежал не менее 30 верст**. Однако статистика указывает, что более $^{9}/_{10}$ волков, сганиваемых гончими и затравливаемых борзыми, прибылые; переярки достаются в добычу псовым охотникам редко, а матерые — в исключительных случаях. М. П. Глебов признается***, что «стая держится под матерым 10, иногда 15 верст, а затем остаются 3—4 собаки, которые не могут его осилить». Сентябрьские же и октябрьские прибылые волки вовсе не требуют особенно паратых гончих.

От этих знаменитых глебовских гончих происходят многие стаи современных псовых охотников (В. П. Глебова, Н. Н. Бибикова, Н. А. Хомякова, Д. С. Сипягина, Д. П. Вальцова и др.). Гончие В. П. Глебова происходят, однако, от выписной английской выжловки *Бетси* и полуанглийского выжлеца *Палилы* старинной глебовской породы. Н. П. Кишенский называет их англо-костромскими, хотя по наружным признакам примесь костромских незаметна; если один из смычков был багряной масти, то она могла быть дана и польской гончей. Все прочие собаки пегие, но пежины различных цветов. Тем не менее гончие стаи В. П. Глебова, выставлявшейся на XIII и XIV московских выставках, весьма однотипны и все замечательно ладны и широки (лапы круглые, как у фоксхоундов); по мнению Н. П. Кишенского, это лучшая англо-русская стая из когда-либо бывших на выставках.

Другая разновидность англо-русских гончих, также пользовавшаяся немалою известностью, хотя и меньшею, чем глебовская, принадлежала помещику Калужской губернии Храповицкому. Очень близки (?) к ним были, по-видимому, собаки Н. М. Смир-

* Там же.

** «Ж. импер. общ. охоты», 1875, V, 51[24].

*** «Ж. импер. общ. охоты», 1875, XII, 59—62[24].

нова и П. Березникова; гончие Челищевых тоже происходят от смирновских. Описания **гончих Храповицкого** нигде не было напечатано, но Березников в своих рукописных записках*, говорит, что «стая Храповицкого состояла большею частию из английских (?) собак, по зайцу вовсе не гнавших; ездили с нею на английский лад — быстро, без порсканья; в рога почти не звали; брали места большею частию уймистые и только волков, обыкновенно подвытых. Не было осени, чтобы не взяли из-под стаи до 50-ти и более волков, и если волк или лисица не были затравлены, то стая непременно сганивала» зверя.

Стая Н. М. Смирнова (в Можайском уезде) была, по словам того же П. Березникова, «чисто (?) английская, от известного всем охотникам выписного выжлеца *Дранкета*». Собаки были необыкновенно послушны, рослы, красивы, все до одной серо-пегие в румянах (подпалинах), *большею частию арлекины.* Д. Челищев подтверждает, что «в породе гончих Н. М. Смирнова и П. Березникова, а также в его собственных преобладала (?) шерсть багряно-пегая, а в большинстве — серо-пегая, и непременно *арлекины;* впрочем, иногда выкидывались румяные черно-пегие». По-видимому, Н. М. Смирнов и П. Березников вели породу сообща и собаки их не отличались ни ладами, ни окрасом. В конце 70-х годов Березников подвел всю свою стаю государю императору покойному Александру II. Кровь этих гончих до сих пор сохранилась в гатчинской охоте, хотя арлекинов уже давно не бывает и почти все гончие императорской охоты черно-пегие (?). В настоящее время они могут быть названы почти английскими, и стая по подбору и красоте считается одной из лучших англо-русских стай и, кажется самою многочисленною (60 собак по штату). В стае, показанной на VII очер. выставке в Москве (1881), преобладали кровные фоксхаунды чрезвычайно борзового склада; в англо-русских же собаках (березниковских) видна была правильная помесь двух чистокровных пород — английской и костромской.

Кроме упомянутых, в различных местностях России были и другие, менее известные стаи англо-русских гончих. К таковым принадлежат, например, собаки суджанского (Курск. губ.) помещика Лукина, которые происходят от очень крупного (17 вершк.) английского выжлеца (вероятно, стэгхоунда) *Феримана,* доставленного из Англии (в 40-х годах?) известным охотником-англичанином, служившим в русской гвардии, Гамильтоном, и от костромских выжловок. *Ферима*н по зайцу не гнал вовсе. Собаки были различных мастей: черные с яркими подпалинами; такие же помень-

* Переданы мне внуком его по матери князем Андреем Александровичем Ширинским-Шихматовым.

ше, с грубою псовиною, иногда с белыми ногами и загривиной (т. е. выкидывались в костромских); были собаки темно-серые с яркими (?) подпалинами — тип более других устойчивый, и всегда хорошие гонцы. Были и низкие, широкие, чепрачные. Голоса были различны, но не было ни одной редкоскалой*. Очевидно, это была неустановившаяся разновидность.

По мнению Кишенского, помесь английских с костромскими обыкновенно уже через несколько поколений дает сносных гончих скорее, чем с тяжелыми польскими; иногда и первые поколения бывают удовлетворительны, особенно если дать преобладание которой-нибудь из смешиваемых пород. Вообще костромской производитель имеет более влияния на приплод, чем английский, а если в помеси равное количество обеих кровей, то она удерживает большинство признаков первой породы и с каждым поколением приближается к костромскому типу. Впрочем, последнее замечается во всех помесях английских гончих, признаки которых удерживаются сравнительно недолго и требуют подновления крови. Кишенский полагает, что самая удачная помесь английских гончих (фоксхоундов) происходит от скрещивания последних с паратыми польскими; она замечательно скоро устанавливается в самостоятельную породу с неизменными признаками и по многим качествам бывает лучше коренных пород, от которых происходит. Собаки эти гораздо вязче английских и гораздо их чутьистее, складом же и голосами походят на польских. Масть зависит от того, какой масти употреблялся английский производитель. Большею частию выходят черно-пегие в ярких подпалинах, вероятно от подбора по желанию владельцев. Всего хуже удается помесь английских с тяжелыми польскими, которая дает сносных гончих только через несколько поколений, а первые бывают разных ног и как-то нескладны**, что весьма понятно при резких различиях этих двух пород.

Чистокровных английских гончих на русских выставках было мало. Лучшим представителем породы фоксхоундов был, кажется, у нас *Нерио* Рошфора, на I-й очередной выставке 1875 года; за ним следуют гончие императорской охоты, уже чересчур борзоватые. На IX очередной выставке в Москве были показаны г. Богачевым 3 смычка фоксхоундов совсем особого типа. Все собаки среднего роста, приземисты, широки, как бульдоги, уши их подрезаны по английскому обычаю, но, по-видимому, довольно длинны. 5 собак темно-багряной масти с большими белыми отметинами, а одна

* Лукин. — «Прир. и охота», 1893, IV.

** Кишенский. «Зап. об руж. охоте с гончими». — «Прир. и охота, 1879, VII, 181.

выжловка пегая. Общий недостаток — немного косолапые передние ноги и длинный гон (длиннее пяточного сочленения, т. е. задней коленки). Собаки имели очень низко спущенную грудь (у некоторых пальца на два ниже локотков) и казались очень тяжелыми и пешими, но, несомненно, были очень выносливы. Примесь бульдога сказывалась в их складе, черноватых мордах и выпуклости и ширине черепов. Кишенский полагает, что глебовские гончие были выведены от подобных собак на том основании, что родоначальники их были широки, глупы и бесчуты; но я уже заметил ранее, что, всего вероятнее, громадный английский выжлец был не фоксхоунд, а стэгхоунд. Породы фоксхоундов бульдожьего типа в Англии, разумеется, никогда не бывало и быть не могло. Англичане, несомненно, не один раз впускали к лисогонам ради известных качеств излюбленную ими кровь бульдога, но всех гончих, напоминавших по виду последнего, неуклонно браковали и сбывали за границу. На 2-й выставке Общества любителей породистых собак (в 1889 г.) стая лейб-гвардии гусарского полка состояла из подобных же фоксхоундов, но с еще более бульдожьими головами. Смычок Чеботарева на XVII Московской выставке происходил от богачевских гончих.

На юге, где вообще английские гончие вполне уместны для охоты в редколесье и камышах, наибольшею известностью пользуется большая стая чистокровных фоксхоундов бессарабского помещика Калмуцкого.

Арлекины

«Арлекинами называют гончих собак, у которых при мраморном и непременно светло-сером или мраморно-пегом цвете шерсти еще находятся на глазах белые пятна, вследствие чего один или оба глаза делаются пестрыми или глаза сплошь (также один или оба) бывают совершенно белыми; поэтому у арлекинов никогда нельзя определить цвет их глаз, так как радужная оболочка бывает покрыта, вся или местами, как бы бельмами (голубовато-белыми пятнами).

Порода этих гончих, по уверению старинных охотников, появилась у нас в России со времени персидской кампании[56]. Арлекины были всегда достаточно хорошими стайными гонцами по всякому зверю. При этом арлекины-гончие были собаками очень злобными, голосистыми и достаточно привязчивыми к зверю, но никогда они не были собаками очень паратыми, несмотря на всю их борзоватость по виду.

Вообще эта порода гончих собак как редкость по цвету их шерсти держалась у некоторых псовых охотников в России очень

недолго, приблизительно до сороковых годов, а затем она уже начала гаснуть... Причина того, что арлекины не удержались в том же количестве (так как в прежнее время арлекинов было достаточно много) до сего времени, я полагаю, была та, что в породе этих гончих, кроме оригинальной их масти, ничего особенного не было...»*

Это определение оригинальной породы (?) русских гончих, сделанное Губиным, в общем верно, но следует заметить, что она появилась в России ранее персидской кампании, так как об «арликанах» упоминает еще Левшин в своей «Книге для охотников»**, и что чистокровные арликаны существовали до шестидесятых годов. Кишенский говорит, что «известно... из изустных преданий и рассказов, что впервые арлекины появились в юго-западном углу России, то есть в Малороссии, и оттуда распространились в Средней России, но когда сие произошло, даже приблизительно неизвестно, и все предания об этом упорно умалчивают. Известно, однако, что наиболее встречалось стай арлекинов в русских псовых охотах в конце прошлого (?) и начале настоящего столетия, когда у среднерусских псовых охотников арлекины были в большой моде, но тем не менее чистокровные арлекины всегда составляли редкость»***.

Но прежде чем делать предположение о происхождении арлекинов и приступить к оценке их как породы, приведем подробное и, надо полагать, верное описание этих гончих, приводимое Губиным.

«*По виду* арлекины среднего роста, очень сухи, подрывисты, ребристы и высоконоги, но вообще тонки костью и при этом, обладая на нижней стороне гона и на гачах тонкою пушистою шерстью (как бы вниз висящею вроде привеси), казались на вид необыкновенно борзоватыми. Кроме того, вид их был всегда серьезный и понурый, хотя на самом деле они были собаками очень досужими, привязчивыми и в гоньбе верными.

Голова узкая, короткочутоватая и очень сухая.

Чутье ровное, коротковатое, немного вздернутое на конце и достаточно развитое.

Глаза средней величины, скорее малы, чем велики, и притом непременно пестрые, с голубовато-белыми пятнами или сплошь белые; и кроме того, нередко разные, т. е., например, один глаз пестрый, а другой белый или один глаз менее пестрый, а другой

---

* Губин. «Полное руководство ко псовой охоте». М., 1890, III, 49.

** Левшин пишет: «Арликанами называются собаки, имеющие один глаз темный, другой же сывороточный или белесый, и когда на них шерсть по белому или серому бывает с мраморными, черноватыми пежинами» («Книга для охотников», I, 18, примечание). Как видно, Левшин арликанами называл всяких собак, имевших эти признаки.

*** «Опыт генеалогии собак».

более; и наконец, и так бывает: один глаз большой, а другой маленький или один глаз с черными веками, а другой подопрелый, как у некоторых борзых с подопрелыми глазами.

Уши очень тонкие, небольшие (не более уха прямогонных русских гончих), так же суженные на концах, но так как они поставлены очень низко, то кажутся ушами более длинными и как бы слегка завернутыми в трубку, но, повторяю, завернутыми очень мало. В возбужденном состоянии арлекины поворачивают уши (настораживают) на хрящах к переду (как сеттер на стойке).

Ребра очень низкие, ниже локотков и бочковатые.

Спина прямая, короткая и без всякой напружины, скорее как бы слегка провислая; зад и грудь средней ширины; мочи слабоватые; портки полные, хорошо развитые, и все тело вообще крепкое, упругое.

Ноги сухие, прочные, с правильной, круглой, в комке, лапой; постанов ног правильный; задних прибылых пальцев никогда не бывает; вообще арлекины на ногах высоки, но не сохастоваты, очень подрывисты и стоять должны на коготках.

Гон прямой, круто серповидный, не длинный, вроде гона костромских гончих, с тою только разницею, что арлекины носят гон еще круче, чем костромские.

Шерсть очень короткая, как у пойнтеров, но только грубее; притом очень равномерно распределена по всему корпусу собаки, за исключением головы, ушей и ног, на которых шерсть еще короче и атласисто-гладкая, да за исключением шерсти на гачах и на нижней стороне гона, где тонкая пушистая шерсть, удлиняясь в средине гона до вершковой длины, обозначает как бы привесь у борзых или перо у английского сеттера; но, повторяю, *как бы* обозначает, так как на самом деле пушистая шерсть на гону и на гачах вовсе не представляет у арлекинов ни привеси, ни уборной псовины борзых собак. При возбужденном состоянии у арлекинов приподнимается и щетинится шерсть во всю ширину спины и шеи так, что когда арлекин ощетинится, то можно видеть сквозь шерсть тело собаки.

Цвет шерсти у арлекинов всегда мраморный или мраморно-пегий.

Примечание. Чистокровные гончие арлекины *обязательно должны совмещать* «мраморный цвет шерсти и белые пятна на глазных яблоках». В противном случае это будут уже не настоящие арлекины, а собаки мешаные, тем более что мраморные гончие собаки (без пятен на глазах) очень часто могут встречаться и в других породах гончих собак, а в особенности у серо-пегих гончих.

Рост средний.

Характер скоросый, серьезный, упрямый и понурый; к зверю очень злобны и привязчивы в гоньбе, имея при этом большую

склонность гонять даже по коровам и свиньям, и отучить от этого арлекинов представляет для доезжачего труд немалый, но всегда возможный при условии, если гончие еще не обдакомились мясом домашней скотины.

Полаз понурый, но только с напуска, а затем, как только гончая станет причуивать, идет горячо и охотно, на скачках, нижним поиском. Когда же помкнет, то ведет во все ноги и верно. Зря голоса не отдает, а наоборот некоторые любят водить даже умычкой (т. е. перечить, перехватывать зверя).

Паратость средней ноги.

Голос ровный, с заливом и при этом (хотя и не особенно) редкоскаловат. Очень крупные и очень тонкие голоса у арлекинов встречаются редко.

Злоба ко всякому зверю у арлекинов мертвая: ни зайца, ни лисицы целыми нельзя отбить даже от одной собаки; в волка же арлекины влипают положительно как пиявки».

Н. П. Кишенский описывает арлекинов очень поверхностно и несколько иными, чем Губин. «Собаки среднего роста, с небольшой головой и *тупой* мордой; уши *широкие* и не длинные; глаза или оба белые или один черный, а другой белый. Масть серая или желтовато-серая в черных или бурых крапинах, даже нос пестрый; подпалины слабо-красноватые» («О руж. охоте с гончими», 1879, VII, 21). Позднее в своем «Опыте генеалогии» Кишенский добавляет, что, по преданиям, «арлекины — гончие *очень рослые,* сухие, поджарые, высоконогие, гоны псовистые и серпом, короткие; *голоса замечательные,* много с настоящим заливом; собаки хотя выносливы, но против костромских не выстоят, злобны отчаянно, азартны не в меру».

Разногласия, следовательно, довольно существенны и замечаются в тупомордости, широких ушах, большом росте и качестве голосов.

Тем не менее арлекины не имеют ни одного признака, указывающего на родство их с восточными гончими*, и несомненно принадлежат к западной группе, но происхождение их представляется довольно загадочным. Известно, что «арлекинство», т. е. мраморная масть, очень часто соединенная с белоглазостью, свойственно очень многим породам собак, в особенности гончим, таксам, догам, также борзым. Следовательно, арлекинство есть только масть, а не признак особой породы гончих; и действительно, арлекины в неполном и полном «виде» (т. е. с белыми глазами) встречаются между французскими гончими, также между стэгхоундами и фоксхоундами; русским же гончим арлекинство вовсе не свойствен-

* Голос?

но. Оно присуще, по-видимому, только серым гончим с черными пятнами, которые, постепенно мельчая и как бы дробясь, образуют оригинальную мраморную масть. С этой точки зрения некоторые лавераки блю-бельтоны тоже могут быть названы арлекинами в зачаточном виде, а голубая, серо-крапчатая масть гасконских гончих и очень многих легавых, надо полагать, произошла от подбора собак арлекинов, есть, так сказать, улучшенная масть, так же как кофейная — есть производная от темно-бурой, а желтая, лимонная — обесцвеченная красная. Обе мраморные масти и кофейная, даже желтая, собственно говоря, вовсе не свойственны собачьему роду и явились следствием культуры, начинающегося вырождения, главным образом от кровосмешения, близкого родства производителей, а затем могли упрочиться подбором одномастных, но не родственных производителей. Мы знаем, что кофейная масть появляется у костромских гончих вследствие кровосмешения и служит признаком вырождения.

Что касается белоглазости, то это уже вторая степень вырождения, признак начинающегося альбинизма, как справедливо заметил Кишенский, который объясняет белоглазость наследственностью глаз альбиносов как отдельный признак, наподобие наследственности кривоногости у такс и наследственности особой накожной болезни у маркловских легавых, неправильно считаемой паршою. Белоглазость, кривоногость и редкая псовина на спине и верхней части шеи в этих породах были первоначально следствием болезни, а затем явились настолько устойчивым признаком, передававшимся потомству, что сделались одними из главных признаков породы. Что масть арлекинов и тем более сывороточной глаз — следствие чрезмерной кровности, кровосмешения, вырождения, доказывается тем, что, по свидетельству старинного псового охотника Кашкарова*, «серо-пегие гончие с черными пятнами (мушинами) часто дают потомство глухое и слепое, но уже белой масти».

Сравнивая наружные признаки и внутренние качества арлекинов и фоксхоундов, мы не встречаем никаких существенных отличий между этими двумя «породами». Арлекины оказываются, из описания Губина, только несколько более злобными, вязкими, голосистыми, а по внешности более борзоватыми и с более псовистыми гонами. По этой причине нет никакого основания считать арлекинов за особую породу. Это те же английские гончие двух типов, оленегонных (стэгхоундов) и лисогонных (фоксхоундов), с незначительною подмесью русской гончей (старинной или же костромской) серо-пегой масти, которых придерживались так упорно без освежения крови, что образовалась особая разновид-

* См. «Журнал императорского общества охоты», 1876, XII[24].

ность (вернее, не одна, а несколько), главными и отличительными признаками которой являются оригинальная масть и порочные глаза. Подмесь русских гончих, вероятно, вместе с подбором улучшила голоса, чутье и увеличила вязкость, сказавшись только, быть может, в удлиненной шерсти на хвосте и гачах*.

---

* С положением автора о происхождении арлекинов совершенно нельзя согласиться. Происхождение арлекинов от каких-то английских гончих не может быть допустимо и вполне опровергается следующими обстоятельствами. Самый *видный* признак арлекинов и притом передающийся с замечательным упорством — есть характерная расплывчато-тигровая масть по какому угодно желтому и серому фону у некровных гончих. Ни у одного вида английских гончих никогда не встречается этого признака, так же как не встречается он у *крапчатых* французских гончих. Английские гончие бывают всех оттенков пегой масти: черной, кофейной, серой, каурой, палевой, но всегда *чистой*, т. е. без сливающихся тигровых пятен. Насколько упорно передается эта масть у арлекинов, известно всем охотникам; избавиться от нее в подмеси крайне трудно. Как пример укажу на скрещивания выжловки Н. П. Кишенского *Перы* с выжлецом г. Ладыженского русского типа, но очевидно имевшего когда-то подмесь арлекина, так как 2 щенка в помете родились по масти арлекинами. Это было в 82 году. С того времени 15 лет скрещиваний этого поколения с установившимися гончими Кишенского и постоянный подбор не могли устранить этой масти, которая выкидывается и теперь. Так, в этом году я видел у Н. П. выжлеца вполне типичного, его собак, у которого одна сторона была правильно-серая, а другая масти арлекина по этому серому фону. Выражение С. С. Кареева «английские арлекины» доказывает только, как вообще мало интересовались гончими породами псовые охотники, если не предположить, что эти «английские арлекины» были действительно ублюдками этих двух пород, что возможно ввиду того, что для *английских*, в общем очень не крепких пород, масть арлекинов в подмеси прямо фатальна и вряд ли может устраниться каким бы то ни было подбором.

С другой стороны, в английских породах если есть что крепкое, наследственное, то это *пегая* масть, которая, очевидно, должна была бы отразиться на арлекинах, если эти последние имели произойти от английских гончих. Между тем *арлекины были единственные русские гончие, для которых белые отметины всегда считались и считаются признаком некровности и нетипичности.* Да, впрочем, и та всегда неизгладимая печать подмеси английской гончей, которая легко улавливается привычным глазом в далеких поколениях, вполне отсутствует у арлекинов, о происхождении которых можно делать какие угодно догадки, но только не производить их от английских гончих, с которыми они не имели общего ни одного намека.

Для решения вопроса о происхождении арлекинов приходится обратиться к характеризующим их особенностям. Заметим прежде всего, что арлекин есть гончая Южной России, где и надо искать ее появления, быть может, на юго-западе в Малороссии, как думает Кишенский. На севере арлекины если и были, то сильно перемешанные с другими собаками. Вер-

Что арлекины есть разновидность английских гончих, доказывается тем фактом, что арлекинизм, полный и неполный, встречается как у стэгхоундов, так и фоксхоундов, но по весьма понятным причинам белоглазость считается у них важным пороком, признаком вырождения и доказательством необходимости освежения крови, а так как этот порочный признак не имеет такой устойчивости, как мраморная масть, то он при правильной браковке скоро исчезает. Я склонен даже думать, что первые арлекины, попавшие в Россию, были именно такими бракованными гончими, которых англичане выдавали за новую особую породу. Во Франции, где собаководство велось всегда без правил и спустя рукава, существовала еще недавно особая порода французских арле-

---

нее, на севере России встречались всевозможные гончие только с невырождающейся мастью арлекинов. У северных охотников мало сохранилось и преданий об арлекинах, и все разнохарактерные: очевидно, сюда чистые арлекины почти не дошли. Северные охотники мало их знают: их достоянием были гончие татарские и помеси этих последних с местными травильными собаками (старинные русские) и с лайкой (русские крутогонные). Кишенский в своем *первом* описании, крайне поверхностном, очевидно, не знал, на чем остановиться среди мелких невзрачных собачек — арлекинов только по масти. Вторичное описание его, *по преданиям,* совсем иное, чем первое, и близкое к Губину, уже близко к истине. В Южной и частью Средней России арлекины очень ценились и были сильно распространены. Но для характеристики их назначения важно заметить, что их держали часто только по несколько собак или смычков при охотах (о чем упоминает и Дриянский). Еще характернее сохранившееся по сие время их бывшее название *клещей (в отличие от крючков* костромских и русских, прозывавшихся так за искусство в гоньбе и сметливое мастерство). Самое название указывает, что их первое назначение было как собак *травильных* на сильного зверя, вероятно кабана и медведя, опасного для стай. Отличительные признаки клещей арлекинов от прочих местных гончих: «гончие рослые», «подрывисты, ребристы и *высоконоги»,* «вид всегда серьезный и *понурый*», «голова *короткочутоватая*», «спина *без всякой напружины*», «лапа *круглая*», «шерсть *очень короткая,* но грубая», «характер скоросый, серьезный, упрямый и понурый», «злобны *отчаянно,* азартны не в меру». Даже самая манера залавливанья на гону и стремление захватить и сперечить зверя — остаток развивавшегося от поколения к поколению приема травильной собаки. Почти несомненно, что все эти особенности внесены в породу какой-нибудь породой догов, скрещенной с имевшимися налицо русскими гончими. Дог дал силу в схватке и росте, короткую шерсть, округлый лоб, упрямый и скоросый характер, округлую коротковатую морду, уши, заворачивающиеся вперед на хрящах, а главное — отчаянную злобность и челюсти-клещи. От него же перешла к новым собакам и оригинальная, характерная для них тигровая масть. Весьма возможно, как это предполагает Кишенский, судя по этой масти, что это был именно далматский дог. Русская гончая передала в общем свой склад, свои способности гончей, свой голос.

кинов, которая и дала повод графу Лекутё к утверждению, что арлекины императорской охоты (вероятно, березниковские, т. е. несомненно англичане) происходят от этих белоглазых французов.

Наконец, многие старинные русские охотники считали арлекинов только разновидностью английских гончих, а арлекинизм мастью и признаком этой разновидности. Так, например, Березников (см. выше) считал своих и смирновских арлекинов чистокровными (?) английскими гончими. Этого же мнения придерживается и С. С. Кареев, говоря о серо-пегих гончих своего дяди, «в которых есть кровь *английских арлекинов,* но серо-пегих оленегонных (стэгхоундов), а не тех арлекинов, которые все мраморные с крас-

---

Труднее решить, когда укоренился в новой породе молочный глаз, который в общем должен рассматриваться как признак альбинизма вследствие вырождения. Такой глаз встречается часто у догов, но мог укорениться уже и в помеси от кровосмешений, если принять во внимание, что арлекинов вначале держали при охотах понемногу.

Историю возникновения породы гончих-арлекинов нужно, вероятно, представлять себе таким образом. На севере существовала сильная и злобная травильная лошья собака, которая, распространяясь постепенно в своих помесях с гончими на юг, в форме прямогонной гончей, постепенно уступала свои особенности зверовой травильной собаке, взамен приобретаемых способностей гончей. Поэтому на юге и сказалась прежде всего потребность подновить породу новой сильной и злобной собакой.

Новая травильная порода распространилась по России, и Левшин, быть может, правильно не называл арлекинов специально гончими собаками. Но при ведении пород в ту пору не руководствовались студбуками, и рецепты «творить мастеров» помощью «неублюдков от легавых», вероятно, бывали в большом ходу. Лучший критерий для подбора — была непрерывная практика в поле, и неудавшиеся неублюдки исчезали в общей массе довольно скоро. Нет сомнения, что неублюдки гончих производились и от борзых и от волков, и тем больше от состоявших при гончих же травильных арлекинов. Постепенно эти неублюдки дали новую породу гончих-арлекинов, для которых особенности сводились главным образом к отчаянной злобе и оригинальной рубашке.

Гончие арлекины имеют и до сего времени своих поклонников и сохранились до сих пор в весьма типичной форме. На выставках такие гончие, если не считать жалких собачек разного вида пестрой рубашки северных губерний, появлялись только один раз, в стае г. Соловцева из Пензенской губ. в количестве, кажется, 10 смычков. Известна большая стая арлекинов в Курской губ. у помещицы О. И. Улагай; но наибольшей известностью пользуются арлекины д-ра Витмана на Северном Кавказе как зверовые, страшно сильные и злобные собаки на крупного зверя. Д-р Витман сообщил как-то о своих собаках, что рост их достигает 16—17 вершков. По рассказам, замечательные арлекины ведутся в большом размере в крупной охоте в Земле Войска Донского. **Примечание К. В. Мошнина**

ными подпалинами; эти никуда не годятся. Березниковские собаки выведены от этих арлекинов... Разноглазость появляется в моих (кареевских) собаках и теперь...» Отсюда можно заключить, что арлекины были у нас двух сортов: более крупные и голосистые, происходившие от стэгхоундов, и среднего роста и редкоскалые — от фоксхоундов.

Польско-русские гончие

Несмотря на то что охота с гончими с давних времен пользовалась большим почетом у поляков, во всей сравнительно с русской крайне бедной польской охотничьей литературе, сполна мною собранной, нет решительно ничего о породах местных гончих. В первой охотничьей книге, описывающей специально охоту с гончими, Яна Остророга, вышедшей в XVII столетии, говорится только о лечении, наганивании гончих и охоте с ними, а о ладах собак приводится несколько общих фраз. То же полнейшее игнорирование пород замечается и в позднейших сочинениях, даже вышедших во второй половине XIX столетия.

Как это ни странно, но польские гончие описывались только на русском языке и притом русскими охотниками исключительно в журналах «Природа и охота» и «Охотничья газета». Сведения, ими сообщаемые, с первого взгляда довольно полны, но на самом деле очень отрывочны, сбивчивы и противоречивы, и для того чтобы вполне разобраться в этих сведениях, надо прожить много лет в Западной России с целью изучения гончих, много ездить, проверить описания пород по указаниям старых охотников-поляков, разыскать старинные портреты гончих, по слухам имеющиеся у многих польских магнатов, и наконец, порыться в архивах и библиотеках и поискать, не найдется ли где печатных и письменных сообщений об охоте с гончими и о гончих собаках, доставлявшихся из Франции и Германии. Может быть, со временем выставки собак в Варшаве принесут большую пользу в этом отношении и дадут возможность ознакомиться с имеющимся налицо материалом и уцелевшими породами и разновидностями. Киевские выставки, к сожалению, до сих пор не привели в этом отношении ни к каким положительным результатам, и никаких ни местных, ни польских пород и разновидностей на них не показывалось.

Любовь к охоте с гончими унаследована поляками от французов, с которыми они были в постоянных сношениях начиная с XVI столетия. От них они и получили сан-губероов, от которых произошла главная и наиболее типичная порода т. н. тяжелых польских. Польские короли и магнаты имели парфорсные стаи и охотились на французский лад, борзые всегда исполняли у них довольно

жалкую роль резервов. С течением времени парфорсная охота заменилась ружейною, которая началась здесь очень рано — в XVII веке, тогда же было написано руководство к ней (Осторорога). Порода или, точнее, породы французских гончих постепенно смешивались с местными охотничьими собаками (тоже северного типа) и различными расами немецких, курляндских и русских гончих, образовав большое количество подпород и разновидностей, особенно в местностях, смежных с Великороссией. По-видимому, эти разновидности настолько перемешались между собою, что ни одна из них не имеет постоянных, точно определенных признаков. Главная причина тому — почти полное отсутствие стай и больших псарен, на которых всегда заботились об однотипности собак. Псовых охотников в северо-западных губерниях, даже в юго-западных и Могилевской и Черниговской губерниях, очень мало, и они держат гончих английских и англо-русских; в Привисленье же после восстания[55] и освобождения крестьян псовая охота окончательно исчезла. Во всей Западной России, включая Прибалтийские губернии, громадное большинство охотится с ружьем, и если держат гончих, то 1—2 смычка. Хотя в некоторых местностях, наприм., в Северо-Западном крае, вообще в Литве, гончих собак больше, чем легавых, но здесь, кажется, обращают внимание только на качество гончих и не обращают никакого внимания на их внешность, имея самые смутные понятия не только о породах, но и о ладах вообще гончей.

Знакомство русских охотников с польскими гончими, главным образом тяжелыми как самыми типичными, начинается в конце прошлого столетия. Выше было упомянуто, что ссыльные польские конфедераты привели в Костромскую и Вологодскую губернии гончих св. Губерта. Огромное количество тяжелых польских и огаров было доставлено в центральные губернии после наполеоновских войн. Все эти гончие в скором времени смешались с местными русскими, послужив только к ухудшению их охотничьих качеств и очень мало облагородив их грубую, дворноковатую наружность и обманув расчеты отставных офицеров-помещиков, прельщенных внушительным видом польских гончих и литовских огаров*. После первого польского восстания[49] повторилось то же самое: отставные военные снова привели в свои имения массу польских гончих, а сосланные поляки положили основание русской ружейной охоте с гончими, до того времени в центральных губерниях неизвестной. Но особенное значение приобрела эта охота в шестидесятых годах, когда новое польское восстание совпало с освобождением помещиков от крестьян, а вместе — и от собак и

* Огар означает по-польски гончую.

сосланным административно полякам пришлось учить охоте с гончими молодое поколение.

Влияние польских гончих заметно до сих пор во многих гончих, даже в стаях псовых охотников, всего менее нуждавшихся в этой подмеси. Таковы польско-костромские гончие Кашкарова, русско-польские Левашова (позднейшие), Кареева, Селиванова, Буцкого и др. Все они отличались закругленными ушами и некоторою сыростью склада, но русская кровь в них преобладала, что весьма понятно, так как все польские породы гончих, тем более тяжелая пешая, не годились для псовой охоты, потому что (кроме последней) никогда не были стайными гончими, а одиночными, которые удовлетворяли требованиям ружейных охотников почти в такой же мере, как костромские и русские пешие.

Ввиду сбивчивых и противоречивых сведений о польских и польско-русских гончих приходится ограничиваться, так сказать, сводом этих данных в хронологическом порядке, не вдаваясь в дебри комментариев, соображений и критики. Предоставляем приведение этого материала в порядок туземным охотникам.

Первое указание на польских гончих встречается у С. Ф. Давидовича*. Он говорит, что охота с гончими в Юго-Западном крае не особенно распространена и вообще составляет монополию землевладельцев и богатого класса, но гончие (подружейные) ценятся дороже легавых. «Пород у нас две, одна крупная, другая поменьше. Первую породу называют у нас *литовскими огарами.* Это большие, сильные псы, очень пригодные для охоты за крупным зверем и на ровной местности; но для охоты в местах гористых тяжелы. Вследствие этого у нас охотники предпочитают породу маленьких гончих». В примечании сказано: «Наши гончие обыкновенно черные с подпалинами; большая часть из мелкой породы с белыми ошейниками, и иногда белый цвет преобладает...»

Д. А. Вилинский немного позднее** писал, что охота с гончими в Северо-Западном крае весьма распространена и гончие многочисленнее легавых. Многие держат по паре и больше, а потому ублюдки встречаются реже. По его мнению, здесь встречаются три породы: большие, средние и малые.

Первые напоминают известных *огаров,* редки, преимущественно в Россиенском уезде (у Микшевича, Христиановича). По ладам они несколько напоминают английского пойнтера, но несравненно плотней. Рост достигает $14^1/_2$ вершков; собака на

---

* «Очерки охоты в Юго-Западн. крае». — «Ж. импер. общ. охоты», 1875, XII[24].

** «Зап. об охоте в Ковенской губ.». — «Ж. импер. общ. охоты», 1876, X[24].

высоких прямых ногах, без прибылых (пальцев), сложение пропорционально и несколько поджаро. Голова сухая и узколобая, с длинной мордой; глаза темные, выразительные; уши небольшие, тонкие, в трубку и несколько откинуты назад. Гон соответственно тонкий, псовина короткая, лоснящаяся. Рубашка чаще всего черная в густой подпалине или багряная с чернетью по хребту. Зверогоны, сганивают лисиц.

Вторая — *средняя* — встречается всюду. Рост средний, туловище плотное, ноги толстые, нередко с прибылыми; голова чрезвычайно широколоба, морда тупая, уши толстые, закругленные, висящие прямо вниз, средней длины; гон толстый, ятаганом; глаза темные. На вид собака массивна, покрыта средней длины грубой псовиной; на задних ляжках псовина несравненно длиннее и мягче, на гоне тоже образует средней длины подвес; голова же, уши, передние ноги и задние ниже колен покрыты совершенно короткой псовиной. Рубашка чаще всего черная с подпалинами, которые окрашивают собаку кругом и подвес с гона. Нередко замечается подгрудок. Собаки эти мягкого нрава, с хорошим чутьем, выносливы, но пешие, верно гонят и по черной тропе и по пороше, особенно хорошо по русаку; в зверогоны не годятся и волчьего следа часто боятся.

Мелкие гончие не более $6^1/_2$ вершков (?), б. ч. черно-пегие с подпалинами на губах и на груди или красные, как лиса-огневка. Собака несколько растянута и плоска, на прямых ногах, с пропорциональной, прекрасно развитой головой. Глаза темные, уши средней длины, круглые, висячие прямо вниз; гон тонкий, прямой; псовина короткая (но бывают длинношерстные, подобно сеттеру). Чутьисты и очень параты. Голоса их до того тонки, что во время гона кажется, будто поют птицы... Зябки.

У границ Курляндии, в Поневежском и Шавельском уездах, попадаются *длинношерстные курляндские гончие,* по виду похожие на сеттеров-гордонов*.

Собственно о гончих Привислинского края (главным образом Люблинской губ.) писал только Сахацкий**. Он говорит, что здесь встречаются б. ч. ублюдки и он не встречал ни одной стаи, порядочно подобранной по росту и окрасу. Породы перемешались до

---

* О курляндских гончих, брудастых, длинношерстных и короткошерстных имеются лишь отрывочные сведения опять-таки только у русских охотников.

** «Заметки об охоте в Привисленском крае». — «Прир. и охота», 1879, IV. Еще ранее в «Ж. охоты и коннозаводства» Недолин упоминал о каких-то *литовских длинношерстных* гончих с большими ушами у г. Полетилло в Люблинском у.

безобразия, и теперь едва можно различить сохранившиеся в очень малом числе две породы польских гончих.

«Одна порода роста больше среднего; лоб несколько выпуклый и широкий, затылок развитой, с шишкой (гребнем); ухо небольшое, но грубоватое; морда относительно тонкая и довольно сухая; нос непременно черный; губы с небольшими брылями; толстая мускулистая шея; крепкие, пропорционально длинные ноги; несколько поджарый зад; на задних ногах шпоры — важный признак породы. Белых отметин не должно быть, по крайней мере мне кажется, что белый волос означает происхождение собаки от нечистокровного производителя... Установившаяся порода вместе с особенностями своей организации и характера должна непременно выработать и свою масть. Масть польских гончих слагается из черного и желтого цветов; могут быть различия в большем или меньшем преобладании черного цвета, т. е. собака этой породы может быть подпалена или тонко, так что желтый цвет окрашивает только внутренние стороны ног, подбрюшье и пуговицы (очки) над глазами, или же так, что желтый цвет расплывается широко, но во всяком случае черный цвет преобладает.

Собаки этой породы отличаются силой, нестомчивостью и вязкостью, которая может быть названа злобностью (?). Поднявши, они гонят горячо, ровно, неутомимо, и хотя вследствие быстрого гона изредка скалываются, но скоро выправляют, отыскивая на кругах потеряный след. Зато ищут они вяло и как будто лениво... Но редко славливают. Называют их *большими* или *паратыми* гончими. Очень хорошо гонят коз; некоторые, будучи пущены в козью кнею, не подают голоса даже по зрячему зайцу, хотя в других местах отлично гоняют их. Обыкновенно их называют *огарами.*

Другая — *маленькая,* или *пешая, гончая,* которую зовут просто гончею. Главное отличие ее в значительно меньшем росте и серо-желтой заячьей масти ее. Спина темная, изредка переходящая в черный цвет; вообще же собака мастью чрезвычайно напоминает зимнего русака, только вместо белых подпалин (?) имеет желтые. Желтизна, разумеется, бывает то ярче, то бледнее, то общий цвет темнее; во всяком случае, собаки эти не черные, а всегда серо-желтые или желто-серые... Складом пешая гончая гораздо нежнее паратой: головка небольшая с (относительно) длинными и тонкими ушами и сухою мордой почти без брылей. Спина несколько длинна, а потому ноги относительно коротковаты... Насколько вид, т. е. выражение, паратой гончей суров и строг, настолько физиономия пешей добродушна и мила. Собаки эти теперь очень редки... Ищут охотно и резво, поднимают быстро и гонят верно, скалываясь реже больших, потому что гонят тише, хладнокровнее. В охоте на зай-

цев эти собаки незаменимы; коз гоняют хорошо, но скоро утомляются и решительно не могут соперничать в бешеной скачке с паратыми и не выдерживают бесконечного бега козы».

Н. П. Кишенский описывает в своих «Записках» три главные породы, именно: польских тяжелых, польских паратых и польских маленьких, или заячьих, гончих*. Описания двух последних близко подходят к описаниям Сахацкого.

«Польская паратая. Гончая среднего или высокого роста, с вытянутою борзоватою мордой, узким и высоким черепом, очень большими черными навыкате блестящими глазами, низко посаженными, средней длины, треугольником ушами. Колодка несколько лещеватая и борзоватая; зад короткий и широкий; ноги сухие, тонкие и высокие; хвост слегка изогнутый, носится отлого; псовина желтая, довольно длинная; хвост с редким подвесом. Масть блестяще-черная, в ярко-красных подпалинах; разница бывает только в оттенках подпалин, которые иногда переходят в очень темно-красный цвет; других мастей эти гончие не бывают.

Гончая эта очень парата и порядочно вынослива; гонит по всякому зверю одинаково хорошо, но на волка и даже лисицу не злобна, если дело доходит до схватки, поэтому сганивают эти гончие сравнительно редко. Чутье у них хорошее, но они стекают больше низом, разыскивают быстро и широко. Голоса у них очень звонкие, несколько протяжные, обыкновенно высокие дисканты; басов никогда не бывает. Гон чрезвычайно азартен. В стаях служат хорошо и гонят очень дружно, но стая редко сваливается в кучу, а гонит врассыпную. К старости эти гончие делаются менее параты и многие разбиваются ногами до полной негодности. Из них выходят очень хорошие паратые одиночки, достаточно вязкие... Польские паратые гораздо нежнее к холоду, чем костромские, и им нужны хорошие замшеные хлева, которые надо затворять.

Польская маленькая, или заячья, гончая. Собака эта, насколько я мог узнать, происходит не из Польши: родина ее Литва, где она, как я слышал, встречается довольно часто и теперь (1879). Роста она очень маленького, и чрезвычайно похожа на лисицу, которой немного побольше; морда у нее острая и короткая, лоб низкий; уши короткие, полустоячие, довольно широкие; глаза желтоватые, навыкате; туловище длинное и узкое; ноги короткие и тонкие; хвост пушистый, носится немного изогнутым, а во время гона стелется. Псовина густая; масть этой гончей бывает или черная в больших темно-красных подпалинах, или несколько буроватая, в последнем случае подпалины бывают светлее и иногда

* «Записки о руж. охоте с гончими». — «Прир. и охота», 1879, VII, стр. 17—19.

переходят в грязно-желтые. Вообще *сходство ее с лисицею так велико,* что я знаю несколько случаев, когда опытные охотники принимали такую гончую за лисицу.

Гонит эта гончая из наших зверей только зайца, но говорят, что она хороша и по козам; по лисице и волку она никогда не гонит. Гончие эти средней паратости, скорее паратые, чем пешие; голоса у них очень слабые и мерные, с каким-то вытягиванием, похожим на стон. Маленькая польская гончая — исключительно одиночная гончая собака, даже смычок не гонит дружно: каждая гончая старается гнать своего зайца, а если он один, то одна из гончих гонит, а другая перечит и, перехватив след, начинает гнать, а первая перечит. Эти гончие очень вязки, нередко сганивают матерых зайцев, для чего, если не заперты, одни уходят в лес. Гончие эти не могут долго служить: у них скоро разбиваются передние ноги, так что коленки выгибаются вперед, как у перегнанной, разбитой ямской лошади. Вообще в этой породе гончих нет ничего хорошего. К холоду она довольно вынослива.

Есть еще две породы польских гончих: одна очень пешая, короткомордая, длинноухая; масть или багряная, или под чепраком. Другая — паратая; приметы знаю плохо».

В своем «Опыте генеалогии собак» Кишенский указывает на то, что паратые польские гончие по форме головы и сухостью склада приближаются к пуатевенским, вообще острорылым и легким французским гончим, от которых, вероятно, происходят, образовав в смеси с восточными гончими несколько разновидностей «как и большая часть типов, происшедших от скрещивания двух различных групп, — продолжает он, — тип польской паратой гончей не совсем определенный; под этим общим наименованием можно встретить всевозможные градации сочетаний признаков тяжелых польских с восточными породами. Есть сохранившие в главных чертах формы тяжелых польских, но более сухого и паратого склада; есть с той же «бараньей» головой, как и французские пуатевенские гончие; наконец, длинноухая гончая, но в остальных ладах весьма близко подходящая к костромской восточной гончей и вместе с тем сохраняющая псовину и окрас (псовина без подшерстка и красные подпалины) западной, встречается между паратыми польскими наиболее часто. К ним же, т. е. к производным породам от скрещивания западной и восточной групп, принадлежат так называемые польские *огары,* от которых знатоки требуют буквального сочетания признаков обеих пород.

Так, **огар** должен отличаться следующими признаками: голова *клинчатая,* не прилобистая, затылок поднят, губы с небольшими брылями; уши сидят низко, длиной до конца морды, но *неширокие и угольником.* Колодка круторебрая и *поджарая;* гон *короткий* и

чуть изогнутый; на ногах пропорциональна: гончая не должна казаться вздернутой, но и не низкой; наконец, окрас должен быть черный с местным серым подшерстком и *резко отграниченными красными яркими* подпалинами. Некоторые охотники требуют даже у огара *серой* (бусой) масти с такими же подпалинами. *Шпоры* считаются у огаров важным признаком породистости».

Губин, очень подробно описывающий тяжелую польскую гончую, говорит о польских паратых очень мало и подразумевает под ними какую-то другую длинношерстную породу: «Из всех мешаных польских собак более других как бы удалась или охарактеризовалась порода мешаных гончих собак под названием *польская паратая гончая,* обладающая длинною (?) прямою шерстью, как у сеттера; длинным гоном, опущенным книзу и завернутым в кольцо, с привесью на нем и уборною псовиною на нем, как у борзых собак, и короткою шерстью на голове, ногах с задними прибылыми пальцами и ушах средней величины. Но и эта порода выведенных гончих собак оказалась для псовой охоты также непригодной в силу ее незлобности, мороватости, неприятных (дворноватых) голосов и — самое главное — слабоватости чутья и мнимой ее паратости, выражающейся в проносливой ее резвости и немалой стомчивости».

Самые подробные сведения о польско-русских гончих сообщает Н. А. Вербицкий*. Он говорит только о гончих Черниговского полесья и отличает здесь кроме настоящих польских тяжелых не менее 5—6 пород или подпород (считая в том числе одну брудастую, вернее помесь гончей с овчаркой).

Прежде всего Вербицкий делает замечание, что в этой местности название «польских» почти не применяется к гончим; «под именем *польских остроушек* слывут собачки малого роста, дворняжьего склада, с короткими, приподнятыми и высоко посаженными треугольными ушами, дымчатые, красно-подпалые, в сущности ни к черту негодные, но почти несомненно составляющие особую породу.

Под названием *огара* известны у нас собаки рослые, вернее огромные (на мой взгляд, самый крупный представитель гончей расы); голова красивая, сухая, с резко выраженным переломом и тупою мордою; глаза темно-карие навыкате; уши довольно длинные, тонкие, закругленные, высоко посаженные; туловище массивное; гон почти прямой, с редким и коротким подвесом (иногда гладкий); ноги сухие, сильные, хотя при массивности туловища кажущиеся несколько тонкими. Шерсть черная с темно-серым,

* «Гончие Черниговского полесья». — «Охотн. газета», 1890, стр. 51—53.

почти черным подшерстком, брови и подпалины, доходящие обыкновенно только до половины голени, ярко-красные; на задних ногах иногда встречается шпора, но присутствие ее не считается обязательным. В некоторых бывает примесь тяжелых польских, выражающаяся в косом (?) разрезе глаз, большей их углубленности и морщинистом лбе. Паратость средняя; работает добросовестно, но бесстрастно; гонит одинаково хорошо по зайцу, лисе и волку; по козе незаменим; злобности особенной не обнаруживает; голос громкий, среднего регистра, без залива». Попадается б. ч. одиночками или смычками; стай не видал; полагает, что в стае огар слишком самостоятелен и потому негоден. Это, по-видимому, вымирающая порода: она трудно разводится, и сука дает 1—2, редко 3-х щенков, которые растут трудно и редко вырастают. Огары имеют замечательно красивую внешность, только конечности их тонковаты. Характер их в высшей степени ласковый, кроткий и миролюбивый: колоссальную силу и страшные зубы они пускают в ход только в крайности.

Порода одноцветных желто-красных или красно-желтых (смотря по преобладанию того или другого цвета) — порода очень устойчивая, упорно передающая в потомство свои признаки даже при скрещивании с собаками совсем другого типа, в сущности представляющая две разновидности: одна — светлее окрасом (золотистая), легче сложением, очень парата и чутьиста; собака вполне стайная, прекрасно гонит всякого зверя, кроме волка, по которому гонит неохотно, пока слышит порсканье. Другая — темнее, более тяжелого и сырого сложения, ниже на ногах; пеши, ленивы и не стайны, зайца гонят неохотно, но волка гонят в одиночку; злобности необычайной; скотинники неисправимые. Главные признаки обеих: необыкновенно красивая львиная голова, тупая морда, умеренно отвислые губы, большие, тонкие, точно тряпки, закругленные, умеренно высоко посаженные уши, угрюмые темные глаза, а главное — характерный золотой окрас. Очень нарядны. Голоса б. ч. среднего регистра, без залива; у пеших встречаются довольно хорошие басы.

Маленькие зайчатницы — почти миниатюрного роста, хорошо сложенные, немножко острорылые собачки; уши закругленные, несколько толстоватые; гон тонкий, серпом, довольно длинный; масти большею частью чепрачной, красно-подпалые; у иных встречаются белые пежины, чаще всего на груди, шее и передних ногах, которые в таком случае усеяны красно-желтым горошком, группирующимся преимущественно на лапах. Тонкоголосы, стайны, средней паратости, вначале страстны, но довольно слабосильны и долговременной работы не выносят. Недурны по лисище, но с гона срывают на свежий заячий след. Есть еще *порода,* скла-

дом и окрасом напоминающая зайчатниц, но значительно *более крупная*. Эти собаки с своими широко расплывающимися красными подпалинами и белыми пежинами, усеянные горошком на конечностях, очень красивы; характерным признаком их служит присутствие лишнего пальца (иногда 2-х) на задних ногах. В стае гонят хорошо, преимущественно по козе и зайцу.

Наиболее ценной по красоте и полевым качествам и более распространенной (в помесях) является порода черных красно-подпалых, по окрасу напоминающих паратых польских, но по статям представляющих много характерных отличий. Собаки эти рослы, хотя и не достигают величины огара, ярко-блестящей черной масти, с яркими же темно-красными подпалинами и таким же подшерстком, так что при известном освещении под косым углом их блестящая черная шерсть отливает огненно-красным цветом. Иногда встречаются небольшие пежины на груди, б. ч. в виде треугольника, на передних лапах и на кончике хвоста. Сложены они необыкновенно стройно и пропорционально: могучая недлинная колодка поставлена на таких же могучих высоких ногах с круглой широкой лапой, дающей отпечаток волчьего следа. Голова сухая, пойнтериного склада, с переломом и довольно тупой мордой; глаза выпуклые, темно-карие, с большими белками, которые ясно обнаруживаются, когда собака покосит глазами в сторону. Ухо тонкое треугольное, но закругленное, довольно высоко посаженное, иногда свертывается трубкой, как у пойнтера. Грудь очень широкая, относительно гораздо шире, чем у огара, который кажется лещеватым. Гон умеренной длины, поднят кверху, почти без подвеса. Очень параты, крайне вязки (и непозывисты); поиск чрезвычайно широкий, на кругах; ищут верхним чутьем. Чутьистее и полазистее всех наших гончих. Одинаково хорошо работают стаей и в одиночку. Сильны и выносливы. Голоса тонкие, без залива. Преимущественно лисятницы; по волку непритравленные не идут, но притравленные обнаруживают мертвую злобу; по козе мало пригодны вследствие своей вязкости и непозывистости».

К этим сведениям можно прибавить еще, что Н. А. Дублянский в «Очерке охоты в Суражском у. Черниговской губ.» говорит, что лучшие гончие приобретались в Могилевской губернии от известных охотников Галынских; но какой породы были эти гончие, — неизвестно. Ган упоминает о каких-то красных литовских гончих.

Не входя в подробности соображения касательно пород польских или, точнее, польско-русских гончих, не могу, однако, не заметить, что большинство этих пород имеет большую или меньшую примесь восточных гончих, а также различных лаек, между прочими и т. наз. лисок, напоминающих лисицу складом, псовиною и окрасом, подобно финским красным лайкам.

По всей вероятности, некоторую примесь восточных гончих или же лаек заключает в себе **курляндская гончая,** с коротким ухом и подшерстком, описание которой встречается только у Кишенского в его «Записках». Гончая эта «невысокого роста, но сложена очень массивно, несколько сыровато. Морда короткая и толстая, немного брылястая; череп высокий, с развитым гребнем, прилобистый; глаза черные, небольшие, часто впалые, уши недлинные, широкие, лопухом; шея с небольшим подгрудком. Колодка толстая, бочковатая; грудь очень широкая, не очень выпуклая; зад сравнительно узок и мало развит. Ноги коротковатые, круглые и толстые. Хвост мало изогнутый, почти прямой. Псовина гладкая с подшерстком. Масти бывают: черные в красных подпалинах, темно-красные (бурые) в светло-желтых подпалинах и светло-желтые под черным чепраком. Пегих гончих этой породы не бывает, и белый цвет ей не свойствен, так что белые отметины указывают на нечистокровность.

Курляндская гончая очень пешая; она несколько похожа и складом и движениями на молодого щенка — так и хочется назвать увальнем. Гонит она очень верно и обладает отличным верхним чутьем. В больших стаях курляндские гончие не особенно хороши, потому что каждая собака старается вести след и стая растягивается в линию; но для охоты с одним или двумя смычками курляндские гончие превосходны, хотя и разыскивают несколько тихо. Голоса у курляндских гончих частые и отрывистые, без залива, несколько глухие, бывают хорошие басы, но высокие дисканты попадаются редко. Собаки эти выносливы, но далеко уступают в этом отношении русским породам, они отлично гонят по зайцам и лисице, на которую злобны, но по волкам гонят только в стае и не совсем охотно — несколько побаиваются. Говорят, что они хороши по козам и лосям, что, вероятно, справедливо, ибо на их родине эти звери составляют главный предмет охоты высокородных баронов, которые и вывели породу курляндских гончих.

Кроме описанной породы, есть еще разновидность тех же гончих, которая встречается редко; складом эти собаки такие же, но отличаются окрасом псовины, которая на них желто-красноватая в мягких черных крапинах и полосах, так что они тигровой масти. Хотя я и видал несколько раз гончих этой разновидности, но ничего не знаю об их охотничьих качествах; показались они мне очень красивыми*.

---

* Кишенский говорит в «Записках» (1879), что некогда существовала порода гончих белых в мелких желтых крапинах, легкого склада и что он слыхал, что лет 50 назад существовали стаи этих собак: лет 15 назад (т. е. в 60-х годах) у него была гончая этой масти, но, вероятно, уже меша-

Курляндские и большая часть польских гончих — лучшие гонцы по белой тропе, ибо с ними охотятся на родине всю зиму. Постоянная зимняя охота развила в курляндских и польских гончих способность необыкновенно верно гнать по снегу, и они гораздо вернее в стечке именно по белотропу. Мало того, в глубокие пороши они легче идут и, к удивлению неопытных охотников, нередко берут переда сравнительно с более паратыми гончими, привычными только к гоньбе по чернотропу.

Из курляндских гончих никогда не бывало стай при псовых охотах. К нам они попадают случайно и для ружейной охоты. Из помеси с костромскими выходят очень хорошие, но до крайности пешие собаки, отличные одиночки, но тоже неудобные для стай. Складом подходят более к курляндским, но делаются более подбористы и сохраняют отрывистые голоса; только немногие приобретают короткий залив, всегда с перебоем. Роста эта помесь бывает некрупного и окрас псовины сохраняет курляндский. Очень хороша для ружейной охоты... В помеси с польскими паратами курляндские дают, говорят, хорошие результаты, но через несколько поколений, что понятно: эти породы слишком различны и по паратости и складу, и, вероятно, первые поколения дают собак различного склада и качества... Курляндские русские пешие и польские тяжелые самые пригодные для заразистых больших лесов с небольшими перемычками; польские тяжелые скоро тут устают, а костромские годны только привычные, да и те часто ушибаются; английские же совершенно не годятся». Курляндские гончие так же хорошо выносят холод, как костромские.

Зотов в своих «Воспоминаниях»* говорит о каких-то местных — крымских, т. е. татарских, гончих, а именно, что он «предпочитает держать местных собак, которые происходили от известной когда-то породы кокташских мурз Ширинских. Они имели то преимущество перед польскими, что предпочитали козу всякому другому зверю, лучше гоняли по зайцу, не особенно увлекаясь лисицею, по крайней мере не настолько, чтобы бросить для нее козу, как это делали иногда первые, но, что важнее всего, совершенно равнодушно относились к барсуку... Так как они были не то что быстрее, но более привычны или приспособлены от природы к гористой местности, то вскоре они опережали первых...» Далее он говорит, что у мурзанов горной части Феодосийского уезда тоже были хоро-

---

ная; она хорошо гоняла по всякому зверю. Кроме того, он упоминает о каких-то виденных два раза гончих дымчатой масти без подпалин, небольшого роста, длинноухих и, должно быть, очень пеших: их называли ему шведскими (!) гончими.

* «Охота в Крыму». — «Природа и охота», 1884, X, 32, 35.

шие (местные?) собаки. По справкам, однако, выходит, что в Крыму будто бы нет особой породы гончих, а есть только польские и помесь их с английскими; вероятно, найдутся и англо-русские. Надо полагать, что гончие Ширинского тоже какая-нибудь вполне акклиматизировавшаяся порода польских собак, и нет никакого основания считать их за настоящих татарских, т. е. костромских. Во всяком случае, обращаем на них внимание крымских охотников.

На выставках, сколько известно, не было никаких несомненно польских и курляндских гончих, за исключением немногих довольно типичных представителей польских тяжелых.

Группа четвертая
БАССЕТЫ

Под общим названием бассетов следует понимать гончих, отличающихся очень малым ростом, ниже 40 сантиметров, большею частию с укороченными, нередко неправильными ногами и происшедших от различных пород гончих, брудастых и гладкошерстных, вследствие подбора выродившихся, измельчавших особей, большею частию с наследственной английскою болезнию, последствием которой, как известно, бывает укорочение и искривление ног. Бассеты, таким образом, — гончие карлики, но бассеты в обширном значении слова могут быть между другими породами собак. Так, например, английские спаниели — бассеты испанских эпаньёлей, болонки и брудастые терьеры — бассеты и карлики огромного овчара, бульдог — бассет Мольса и т. д.* Впрочем, карликовые породы могут быть и не бассетами, например, левретка — карлик борзой, но не бассет; то же тай-терьер — карлик обыкновенного терьера, сохранивший все относительные размеры частей тела.

О происхождении бассетов, или такс, всего подробнее говорит Н. П. Кишенский, который *первый* вполне уяснил их роль в ряду других гончих, ранее Dareste**, Mégnin и Бекмана. До конца семи-

---

* В последнее время князем А. А. Ширинским-Шихматовым найдена в Вологодской губернии особая порода комнатных крестьянских собачек, т. н. подлаек, которые на самом деле являются бассетами-карликами зырянских гладкошерстных лаек. **Ред.**

** По исследованиям Dareste (Mèmoire sur l'origine des races chez les animaux domestiques. Biblioth. de l'Ecole des Hautes Etudes. 1888), укорочение ног замечается и у некоторых других домашних животных, напр., у гвинейских коз, анконских баранов, даже у быков. Искривление ног замечается и у диких зверей. Ренгер встречал в Парагвае ягуаров с короткими и кривыми ногами.

десятых годов почти все зоологи и охотничьи писатели считали как немецких такс, так и французских бассетов потомками особых коротконогих собак, известных со времен глубокой древности*, иногда даже потомками дикого вида собак с кривыми ногами. Только недавно убедились в том, что не только каждая порода гончих, но и каждая порода собак может иметь своих бассетов и что вывод новой расы бассетов при известных условиях возможен в весьма непродолжительное время. Таким образом за последние 25—30 лет во Франции появились, например, гасконские и некоторые брудастые бассеты, а в Германии новые подпороды брудастых и длинношерстных такс.

К группе бассетов относятся три весьма различные типа карликовых гончих: английские, т. н. *бигли,* с несколькими разновидностями; французские, или собственно *бассеты,* делящиеся на несколько отдельных пород, и, наконец, немецкие, или *таксы,* тоже с несколькими подпородами. Из этих типов бигли почти правильного сложения и могут быть названы карликовыми гончими; французские бассеты имеют голову и туловище как у больших гончих, но корпус у них поставлен на очень коротких ногах; немецкие таксы меньше ростом, стройнее и остромордее французских бассетов, что зависит от различия их происхождения. В Прибалтийских губерниях и изредка в центральных губерниях встречаются, наконец, таксы большого роста, которые по сложению, голове, треугольным ушам и масти (б. ч. серо-волчьей) обличают свое происхождение от восточных гончих. Но порода эта еще не выделилась и не имеет постоянных признаков, и нельзя сказать положительно, произошла ли она от скрещивания немецких такс с какою-нибудь восточной породой гончих, или это бассеты русских гончих.

Бассеты, кроме биглей, отличаются несоразмерно длинным хвостом, который поэтому держится всегда более или менее приподнятым, но главным образом — не соответственною росту силою и замечательною злобностью, соединенною с необычайною силою челюстей, мускулы которых, как у молоссов и некоторых борзых, обладают способностью судорожного сокращения, причем собака приходит как бы в каталептическое состояние.

Французские бассеты

Нет сомнения, что коротконогие гончие встречались во Франции очень давно, быть может во времена галлов, но вряд ли они составляли в древности отдельную породу. Вероятно, бассеты

* На памятниках египетских фараонов между прочими расами домашних собак встречаются также изображения собак с короткими, но прямыми ногами и стоячими ушами, светло-бурой масти с темными пятнами.

являлись в качестве случайных уродливых экземпляров обыкновенных гончих и еще не имели какого-либо применения на охоте. Некоторые французские авторы полагают, что Арриан под названием agaseus подразумевал именно бассетов, но англичане, в свою очередь, видят в agaseus родича биглей, а немцы предка своих такс. Всего правдоподобнее предположение Mégnin, что Арриан называл так каких-то брудастых терьеров, употреблявшихся для подземной охоты. В самой старинной охотничьей книге «Roi Modus» говорится о каких-то маленьких собачках — tanniers, преследовавших лисицу в норе, но нельзя определить, были ли это терьеры или бассеты. Вероятность за последними, так как во времена дю Фулью бассеты были уже обыкновенны и употреблялись тогда главным образом для подземной охоты. Из многочисленных, хотя и плохих рисунков книги дю Фулью видно, что это не острорылые таксы, а настоящие толстомордые бассеты. По дю Фулью и Селинкуру, бассеты происходят из Фландрии; Леверье де ла Контери производил оттуда только прямоногих бассетов, кривоногих же из провинции Артуа и предпочитал последних, потому что фламандцы имели плохие голоса. Ла Бланшер замечает, что мнение Леверье де ла Контери в большинстве случаев оказывается справедливым и относительно современных прямоногих бассетов.

В XVII и XVIII столетиях бассеты употребляются главным образом для охоты на кроликов*, редко на зайцев, а потому на них обращалось мало внимания. Трудно поэтому ожидать, чтобы были тогда совершенно самостоятельные породы с резко определенными признаками, хотя по аналогии надо думать, что почти каждая французская область, имевшая свою породу гончих или даже брикетов, обладала своими карликовыми гончими бассетами, напоминавшими местную расу. Таких пород или разновидностей бассетов было очень много, и между ними замечались и крупные и мелкие, и пегие и одноцветные, кривоногие и прямоногие, жесткошерстные — брудастые и гладкошерстные. В начале XIX столетия карликовые французские гончие стали исчезать, и только лет 30—40 назад, благодаря энергии и стараниям графа Лекутё, Лана и других известных охотников, эти полезные собачки были выведены из забвения, сделались обыкновенными и начали выделяться (быть

* Неизвестно, на каком основании Дальзиель, вообще отличающийся опрометчивостью и голословностью суждений и соображений, полагает, что бассеты (в средние века?) употреблялись для подачи дичи, убиваемой стрелами. Для этого, во всяком случае, были пригоднее подсокольи собаки (Hapihahunt древних германских узаконений) или же собаки северного типа, несомненно древнейшая охотничья порода почти всего северного полушария.

может, восстанавливаться) в несколько самостоятельных пород и разновидностей.

Бассеты вполне заслуживают внимание, обращенное на них в последнее двадцатипятилетие. Это настоящие гончие будущего, еще в большей степени, чем таксы — гончие, качества которых на поверхности довольно сомнительны и во всяком случае далеко уступают качествам французских коротконожек. При постепенно увеличивающихся стеснениях охоты с гончими, и парфорсной в особенности, стеснениях, которые рано или поздно не минуют

Рис. 45. Французский бассет («Охотничий календарь»)

Франции и Англии, все более и более должны выдвигаться пешие подружейные гончие, а из них именно бассеты как самые экономические, требующие небольшого ухода, мало корма, не приносящие никакого вреда дичи и не могущие быть причиной неприятностей и недоразумений с соседними владельцами.

В настоящее время французскими охотниками отличается 5—6 самостоятельных пород бассетов, и число это постепенно увеличивается; в 60-х годах не было еще ни одной с вполне установившимися признаками. Распространению бассетов много способствовало то обстоятельство, что в большинстве они оказывались очень злобными и смелыми и пригодными на всякого зверя — от кролика до кабана, волка и оленя, охотно лазают в нору за лисой или барсуком; наконец, они могут, подобно спаниелям, выгонять из

чащей вальдшнепов, фазанов и куропаток. Для мелкого ружейного охотника бассет представляет, подобно таксе, почти универсальную охотничью собаку. В некоторых местностях, наконец, крестьяне употребляют бассетов для отыскивания трюфелей[57]. Следует заметить, что при гоньбе по крупному зверю, напр., волку, кабану, оленю, бассеты держатся от него на приличном расстоянии, близко не подходят и не удаляются от охотника; зверь же при виде лающих на него жалких созданий вовсе не думает спасаться бегством, как от обыкновенных гончих, а напротив, как бы забавляется лаем этих собачек и часто останавливается, выжидая их приближения, даже бросается на них, чтоб отогнать; таким образом, охота может быть закончена в небольшом районе. Даже англичане, противники пешей гоньбы, очень ценят охотничьи достоинства бассетов, главным образом их тонкое чутье, вежливость, а также оригинальную красоту.

Самая верная и подробная оценка этих качеств и самих разновидностей до последнего времени, т. е. до появления монографии Лезебля о бассетах, принадлежала англичанину, именно Snapshot'у, писавшему в «Field'e» под псевдонимом Wildfowler и сообщившему свои замечания о бассетах Дальзиелю; замечания эти, в большинстве верные и теперь, значительно дополняют скудные сведения, даваемые французскими авторами.

Snapshot говорит, между прочим, следующее: бассетами называются во Франции и Бельгии все гончие менее 41 сантиметра ростом, и название их происходит от слов bas — низкий. Делятся они на кривоногих, полукривоногих и прямоногих, затем каждая из них на гладкошерстных, жесткошерстных, или грифонов-бассетов, и полужесткошерстных, или полугрифонов; в каждой провинции преобладает особый тип. Породистее всех кривоногие бассеты, которые требуют более тщательного подбора, так как подмесь сейчас сказывается в ногах. Когда бежит такой бассет, то он буквально волочит по земле свои длинные уши (даже наступает на них ногами, добавим мы). Кривоножки отличаются самостоятельным поиском, и если один из них нашел след, то другие не бросаются вслед за погнавшим, а предварительно проверяют его; вообще каждый работает сам по себе и гонит своего зверя, не обращая внимания на других. Поэтому большинство охотится с 1—2 собаками. Голоса, по росту, очень хороши. Бассеты могут охотиться на всякого зверя, но обыкновенно их приучают гонять по какому-то одному. Они очень удобны для охоты в небольших рощах и в приморских камышах, в больших же лесах копаются и задерживаются во рвах, канавах и ручьях. Кривоногие бассеты-грифоны встречаются редко; в очень крепких зарослях вообще предпочитаются полужесткошерстные бассеты, но в Бретани, Эльзасе и Лотарин-

гии встречаются чаще жесткошерстные. Бассеты с полукривыми ногами происходят, по мнению Snapshot'а, от скрещивания прямоногих с кривоногими (а далее — что от скрещивания кривоногих с настоящими гончими) и по величине занимают средину между ними — рослее первых и мельче последних.

По отзывам любителей, они так же чутьисты, но проворнее кривоногих и могут перепрыгивать небольшие рвы, которые кривоножки переползают. Полукривоногие бассеты никогда не имеют таких длинных брылей, такой большой головы и тяжелой морды; уши у них короче, череп не такой конический, затылочный гребень не так резко обозначен, колодка короче, гон держат они горизонтальнее (ниже), лапы у них круглее, морщины головы не столь многочисленны. Бывают ростом до 41 сантиметра. Далее Snapshot фантазирует, уверяя, что черно-подпалые бассеты ничем не отличаются от такс того же окраса и что разница только в том, что немцы называют первых Dachsbracka, а вторых Dachshunde. По его мнению, таксы — лишь разновидность бассета, с более короткими ушами и заостренною мордою (немцы еще с большей наивностью уверяют, что бассеты — помесь такс с французскими гончими). У прямоногих бассетов, по Snapshot'у, корпус еще короче, уши тоже, но они широки, очень тонки и нежны; шея длиннее, гон прямой (свечкой), спина крепкая и от плеч до основания хвоста совершенно прямая, между тем как у предыдущих пород замечается небольшой выгиб; некоторые собаки имеют выдающийся затылочный гребень, у других же он мало заметен; на хвосте у них жестковатая псовина; ноги прямые и толстые, с правильными коленками (сочленениями); бедра мускулистые и пропорциональные. Не так пеши, но имеют более слабое чутье; драчливее. Для охоты в больших лесах удобнее. Сам Snapshot предпочитает кривоногих и уверяет, что убил (во Франции) двух волков из-под гона одного кривоногого бассета. Бассеты очень смелы, злобны и вместе с тем умны; во Франции они часто заменяют спаниелей. При охоте на птицу надо только почаще подзывать их к себе, чтобы не уходили далеко, а также с тою же целью подвешивать к ошейнику бубенчик; некоторые собаки приучаются приносить из воды уток. Snapshot замечает (и совершенно справедливо), что кровь бассетов очень заметна в клюмберах, откуда делает заключение (тоже весьма основательное), что бассеты были известны в Англии с давнего времени. Дальзиель к сведениям Snapshot'а добавляет, что бассеты вовсе не так пеши, как можно судить с первого взгляда, и достаточно выносливы, особенно в том случае, когда им не будут давать залеживаться. Начинают гонять еще в щенячьем возрасте; не теряют времени на распознание следов, на опускание и поднимание головы. Но собачки эти довольно си-

ротливы и вместе с тем упрямы, требуют ласкового обращения, без побоев.

Лезебль, автор подробной монографии бассетов*, говорит, что они отличаются необычайным развитием задней части тела; голова у них должна быть длинная и типичная; чутье такой же ширины, морда с широко раскрытыми ноздрями; у некоторых разновидностей замечается некоторая горбоносость; брыли заметные, но не очень большие. Глаза могут быть с умеренно отвислой нижней векой; щеки же должны быть сухие, без морщин. Уши приставлены несколько ниже линии глаза, на концах заострены, а не закруглены; они подвинуты вперед и у типичных собак во время поиска должны касаться носа. Лоб с резко выраженным переломом; у грифонов-бассетов он выпуклее и перелом менее заметен; затылочный гребень сильно развитый. У сук (выжловок) голова тоньше, более сжата в висках, изящнее (plus distinguée), чем у кобелей, и кажется более длинною. Шея должна быть длинная: собака с головою в плечах некрасива. Некоторые любители требуют подгрудка, другие — нет. Лезебль полагает, что у головастых бассетов большею частию бывает подгрудок. Плечи сухие и косые: собака с прямыми плечами широко расставляет передние ноги. Грудь широкая и глубокая. Поясница длинная и широкая, особенно у кобелей. У кривоногих бассетов локтевая кость изогнута полукругом соответственно кривизне груди, коленки (сочленения) вогнуты внутрь (сближены) и утолщены; лапы слегка выворочены наружу.

По мнению Лезебля, бассеты, как животные анормальные, подвержены значительным колебаниям в росте и других признаках; в одном помете часто бывают различные щенки, отсюда трудность составления стаи одинаковых ног. Если вести породу от прямоногих, то могут родиться очень рослые и чрезмерно паратые; если разводить кривоногих, то многие собаки совсем не будут в состоянии бегать. Поэтому Лезебль советует держаться бассетов с полукривыми ногами. Кобели часто бывают бесплодны, особенно при сытой пище и недостатке моциона; очень многие в 4—5-летнем возрасте оказываются неспособными к вязке. Суки тоже и, кроме того, подвержены болезни сосков.

Из всего сказанного можно заключить, что тип бассетов еще не вполне установился и настоящий еще не найден, что все бассеты страдают мясистостью, сыроватостью склада и недостатком энергии, быть может зависящим от частых кровосмешений, вызванных недостатком типичных экземпляров; что необходимо укоротить им уши, которые только мешают, так как собака часто на них

* «Chasse illustrée», 1894 г.

наступает. Вообще следовало бы прибавить бассетам кровь такс, отличающихся здоровьем, энергией и постоянством признаков, как более старинной и более установившейся породы.

Современные бассеты вряд ли могут быть названы потомками бассетов времен дю Фулью и Селинкура и произошли сравнительно недавно от обыкновенных гончих вследствие английской болезни имевших уродливые конечности. Укорочение ног и искривление передних у молодых собак, гончих в особенности, замечается не особенно редко. Жерюзе передавал Лезеблю, что у него в помете кровных блоудхоундов родились два бассета, обладавшие всеми признаками породы. Таким же случайным образом, как увидим далее, была недавно выведена особая порода гасконских бассетов.

Сколько известно, в первой половине текущего столетия во Франции не было ни одной породы бассетов с установившимися признаками; они встречались очень редко, местами и, обладая почти всеми признаками местных гончих (или брикетов), доказывали тем свое относительно недавнее происхождение от последних. Бассеты были выведены из забвения в начале 60-х годов, когда почти одновременно граф Лекутё и Лан занялись реставрацией почти утраченной расы. Хотя оба охотника имели дело почти с одинаковым материалом, но так как взгляды и вкусы у них были различны, то ими были выведены две довольно отличные одна от другой разновидности, или породы, названные в настоящее время бассетами Лекутё и бассетами Лана. Граф Лекутё предпочитал небольших бассетов с прямыми или слегка искривленными ногами, а г. Лан — массивных, крупных, кривоногих, с большими головами и длинными ушами.

Бассеты, реставрированные Лекутё и Ланом, произвели фурор на первых французских выставках собак и обратили на себя внимание англичан. E. Millais и A. Krehl в Англии способствовали распространению новой французской породы между любителями, однако главным образом не в качестве охотничьих собак, а в качестве комнатных, почему бассеты здесь вскоре значительно уклонились от первоначального типа. Англичане начали прибавлять к ним кровь блоудхоундов, отчего бассеты стали крупнее, массивнее и более длинноухими. Как известно, в Англии всего более гоняются за резко выраженными признаками и всячески стараются их подчеркнуть и усилить. Таким образом в 80-х годах была выведена новая разновидность, или порода, бассетов — английская.

Еще позднее появилась порода гасконских бассетов, главное отличие которой состоит в голубой серо-крапчатой масти; в настоящее время имеется уже несколько стай этих бассетов. Очень

недавно начали отличать черных арденнских коротконожек в чине старинных сан-губеров, и наконец, в самое последнее время разделили всех существовавших бассетов-грифонов на рыжих бретонских и желто-пегих вандейских.

Всего имеется налицо уже семь пород, или разновидностей, и количество это обещает еще увеличиться.

1. Бассет Лекутё. Граф Лекутё в 60-х годах достал бассетов типа гончих артуа и повел от них породу, названную впоследствии его именем. Сам граф очень высокого мнения о своих коротконожках и говорит, что они очень послушны, хорошо гонят в стае и вообще более стайны, чем обыкновенно бывают бассеты, обладают силою, отличным здоровьем, легко выращиваются и дают такой же приплод, что, дескать, доказывает чистокровность первых производителей. Отличаются от бассетов Лана меньшим ростом, более легким сложением, менее тяжелою головою и более короткими ушами. Бывают и с кривыми, и с прямыми ногами (где же постоянство главных признаков?), но граф всегда предпочитал прямоногих, так как от кривоногих часто родятся собаки, которые совсем не могут ходить.

Из слов Лезебля можно, однако, заключить, что и бассеты Лекутё не лишены упомянутых выше недостатков, свойственных всей породе, т. е. они бывают различного роста, трудно выращиваются, часто оказываются бесплодными и обладают сварливым характером. Mègnin говорит, что бассеты Лекутё часто имеют плохие голоса, что они очень горячи, страстны, трудно состаиваются, завистливы и драчливы, почему предполагает, что они произошли не от гончих артуа, а от брикетов (подружейных мелких и нестайных гончих той же породы). Это мнение подтверждается и сравнительно небольшим ростом бассетов Лекутё, более легким складом тела и головы и более короткими и простыми ушами. Происхождение их от артуа (гончих или брикетов), по Лезеблю, доказывается выпуклостью глаз, плоским ухом, гоном нередко толстым и с подвесом, а главное — тонким чутьем и предпочтением, отдаваемым ими зайцу.

Из отрывочных и довольно неполных описаний бассетов Лекутё у французских авторов можно заключить, что действительно эти собачки отличаются небольшим ростом, более легким сложением и большею подвижностью. *Голова* у них довольно длинная, у сук еще у́же и продолговатее; Mégnin говорит, что у бассетов Лекутё голова более сжата с боков и морда тоньше, чем у бассетов Лана, ноздри с острыми краями и чутье острее; Лезебль добавляет, что голова прямая, широкая, с прилобью. *Уши,* по Mègnin, толстые, круглые, приставленные на высоте глаз, редко (?) свернутые в трубку; Лезебль также говорит, что ухо средней длины, несколько

высоко поставленное и часто плоское. *Глаза,* по Mégnin, часто большие, а по Лезеблю, несколько выпуклые. *Шея* длинная, нередко с подгрудком (с небольшим, по Лезеблю). *Ноги* большею частью прямые и тонкие, но с некоторою наклонностью к кривизне; на задних ногах часто бывают прибылые пальцы (тоже признак крови брикетов, вообще вымесков). *Гон* прямее (не так круто держит), короче и псовистее (espiée), чем у бассетов Лана. *Окрас* трехцветный, но с преобладанием черного цвета, который часто образует чепрак; желтый цвет на голове имеет красноватый оттенок. *Голоса,* по Mègnin, часто плохие, но иногда с подвывом (hurleurs); некоторые отрывисто и учащенно тявкают (cognent), повторяя много раз. Лезебль утверждает, что голоса у них звонкие и далеко слышные и что это стайные гончие, очень верные в гону; хотя некоторые полагают, что бассеты Лекутё не гоняют по кроликам и боятся тростников и терновника, но это не совсем верно, так как он, Лезебль, встречал собак, гонявших кроликов по нескольку часов и выходивших из чащи камышей и терновника с окровавленными ушами. Только надо, замечает он, наганивать их в таких местах со старыми. Несправедливо будто также мнение, что эти коротконожки часто бывают пустобрехами, т. е. слишком много и зря лают.

2. Бассеты Лана. Эти бассеты, очевидно, породистее, типичнее, но вместе с тем в качестве охотничьих собак еще непрактичнее, так как имеют все недостатки, присущие чересчур кровным собакам. Как известно, Лан (в департаменте Нижней Сены) вывел эту породу от двух сук (?), купленных в провинции Артуа. Эти суки были несомненно кровными бассетами настоящих гончих артуа; тщательным подбором и кровосмешением бассеты Лана приобрели довольно постоянные признаки, вскоре привлекли на себя внимание охотников и распространились по всей Франции.

Это очень массивные и сырые складом бассеты, ростом в 30—32 сантиметра, с длинными ушами трубкой и искривленными ногами. *Голова* у них очень характеристична и напоминает голову нормандских; череп с сильно развитым затылочным гребнем и менее резким переломом, чем у бассетов Лекутё; лоб высокий, узкий, морда большая, толстая, иногда несколько горбоносая; чутье очень толстое и выдающееся; ноздри большие, открытые, с закругленными краями; брыли, однако, мало развитые (с английской, более верной, точки зрения у бассетов Лекутё и Лана брыли большие); щеки не мясистые. *Глаза* часто несколько светлые, с очень умным выражением (иногда с отвислой нижней векой). *Уши* превосходные (!), очень длинные, тонкие, с узким основанием, приставленные ниже линии глаза и свернутые в трубку. *Шея* длинная и

легкая (!), по Лезеблю; подгрудка нет (?). *Грудь* широкая и распахнутая. *Плечи* несколько прямые, часто с вывернутыми наружу локотками. *Колодка* длинная, массивная, объемистее, чем у бассетов Лекутё, почти волочащаяся по земле. *Поясница* (по Лезеблю) сильная и широкая. *Передние ноги* полукривые (и кривые?), такой же толщины, как у настоящих гончих. *Пазанки* задних ног совершенно правильные. *Лапы* сильные (большие?), нередко с уродливыми пальцами. *Гон* тонкий и носится свечкой, не согнутым. *Окрас* трехцветный, но чепрака почти никогда не бывает и желтые отметины на голове очень бледные; встречаются и желто-пегие собаки.

Голоса у них, по Mègnin, низкие, грубые и отрывистые (cognant)), всегда без подвыва и очень хороши в стае, но не в одиночку; Лезебль замечает, что голоса несколько глуховаты, но сильны и не однообразны (не однотонны). Общее мнение об этих бассетах, что они не особенно страстны и энергичны, а хладнокровны, даже несколько вялы, требуют подзадоривания и лучше гонят в стае, чем в одиночку; очень послушны и легко могут быть сбиты со следа; более пеши и неуклюжее других бассетов и вовсе не пригодны в тростниках и терновниках, но зато очень хороши в мелколесье и в парках, особенно для охоты на коз, также на кроликов. Вообще они очень лимфатичны, требуют постоянного моциона и кормления мясом. Mègnin утверждает, что бассеты Лана пригоднее для стайной, а бассеты Лекутё — для одиночной гоньбы и что самые лучшие собаки для охоты получаются от скрещивания обеих пород, однако не чистокровных их представителей, а имеющих только $^1/_4$ крови бассетов Лекутё, так как лановская кровь лучше, но требует подновления. Собаки, получающиеся от такой помеси, очень любят охоту, легко состаиваются, выносливы и обладают хорошими голосами. Так, например, поступает г. Пинель.

Порода эта несомненно произошла не от гончих артуа, как предполагается большинством французских охотников, а от нормандских гончих. Это доказывает: уши в трубку, голова, сырость склада, и Mègnin основательно замечает, что бассет Лана похож на нормандскую гончую с укороченными ногами.

3. Английский бассет. Бассеты Лекутё и Лана появились в Англии в 1863 году, и с ними познакомили английских охотников главным образом Everett Millais, а затем Krehl. Последний в 1880 г. приобрел 3-х бассетов Лекутё, позднее еще 20. Родоначальниками породы, или разновидности, английских бассетов были два кобеля Лекутё *Фино* и *Термино,* несколько отличавшиеся друг от друга *(Термино* был легче, красивее, имел более длинные уши, желто-пегий окрас и более породистый вид). Бассеты Лана в Англии

происходили от кобеля *Романо* и, по Милье, служили только для обновления крови бассетов Лекутё, которые от кровосмешения стали мельчать и вырождаться.

Однако англичане, следуя своему обыкновению усиливать типичные признаки породы, не ограничились смешением двух разновидностей, а начали прибавлять к французским бассетам кровь английских блоудхоундов на том основании, как признавался Millais в своей полемике с французскими и бельгийскими любителями бассетов, что порода Лекутё происходит от гончих артуа, артуа же от сан-губеров, а так как блоудхоунды прямые (!) потомки последних, то, следовательно, обновлять кровь бассетов следует блоудхоундами. Логика довольно странная, так как все французские породы гончих ближе к сан-губерам, чем блоудхоунды, которые, как мы видели, происходят вовсе не от последних; затем обновлять кровь следует, конечно, бассетами же. В своем отчете о выставке Кеннель-клуба 1894 г. Millais прямо говорит о бассетах — потомках (внуках) чемпиона блоудхоунда *Кромвеля.*

Таким образом, англичане выработали свой, особый, своеобразный тип бассета. Но этого мало: они еще имеют смелость, если не нахальство, утверждать (Millais и Krehl), что «мы, англичане, получили от французов тип хороших бассетов и развели его; во Франции же тип этот утратился». И то и другое положения неверны, так как английские бассеты вовсе не чистокровные потомки французских, а во-вторых, ни тип Лекутё, ни тип Лана вовсе не утрачивались. Понятно негодование французов на англичан, которые являются в чужой монастырь со своим уставом и судят туземных собак по выдуманной ими мере (подобно Крелю на одной из бельгийских выставок), да еще вдобавок имеют дерзость утверждать: у вас, мол, не настоящие бассеты, пожалуйте в нашу лавочку.

Основанный в Англии особый клуб, Basset-club, принял в 1883 году описание бассета, составленное Крелем для книги Стонехенджа. Это описание, как водится весьма обстоятельное и подробное, конечно, во многом отличается от описаний бассетов Лекутё и Лана.

Голова составляет наиболее характерную часть. Чем более походит она на голову блоудхоунда, тем она совершеннее. Она длинна и узка, с тяжелыми брылями: выдающийся затылочный гребень образует настоящую охотничью шишку; лоб покрыт морщинами до глаз, которые должны иметь добродушное выражение, но тем не менее показывать красную соединительную перепонку (нижние веки отвислые). Общий вид головы должен свидетельствовать о чистоте породы и быть исполнен спокойного благород-

ства. Зубы небольшие, и иногда верхняя челюсть длиннее нижней (подуздость). Это не порок (но и не достоинство) и называется заячьим носом.

Уши очень длинные, тонкие, бархатистые на ощупь; вытянутые, они должны касаться носа; часто собака на охоте наступает на них (!). Они поставлены низко и ниспадают складками, подобно драпировке; концы их должны (спереди) заворачиваться внутрь.

Шея спайная, с ясно выраженным подгрудком; локотки не должны быть обращены наружу. *Грудь* глубокая, широкая, подобна носу военного корабля. Туловище длинное, на коротких конечностях.

Передние ноги короткие, имеют в длину (до сочленения) 10 сантиметров; пясть (передний пазанок) покрыта морщинистой кожей; лапы массивные, с отделенными пальцами.

Ляжки изогнутые; бедра мускулистые, и если смотреть на собаку сзади, то она кажется цилиндром. Это вместе с вертлявой побежкой (виляние задом) очень характеристично для бассета.

Гон покрыт снизу грубым волосом и держится как всеми гончими.

Псовина короткая, мягкая на ощупь, тонкая, блестящая, как у скаковой лошади, для чего надо чистить собаку перчаткою, а не щеткою. Кожа неплотно прилегающая и эластичная.

Окрас черно-пегий с подпалинами; голова, плечи, бедра ярко-багряные, на спине черные отметины. Встречаются и серо-пегие бассеты (русачьей масти).

Оценка по 100-балльной системе

Голова, череп, глаза, морда и брыли	15
Уши	15
Шея, подгрудок, грудь и плечи	10
Передние ноги и лапы	15
Спина, поясница, зад	10
Гон	5
Рубашка и кожа	10
Окрас и отметины	15
Симметрия и характер (общий вид)	5
Итого	100

Из описания видно, что на самом деле английский бассет — блоудхоунд на коротких ногах с его типичной головой, длиннейшими ушами и морщинистой кожей и что он имеет довольно отдаленное сходство с своим родичем — бассетом Лекутё (количество крови бассетов Лана незначительно). Таким образом, Millais, Krehl и K^0

не имеют никакого права говорить, что они восстановили и сохранили угасавшую породу (Лекутё), тем более что последняя и не думала исчезать во Франции. Совершенно нелепо придавать у охотничьей собаки такое важное значение голове и ушам (30 баллов) и так мало туловищу и конечностям, вообще рабочим частям. На это указывали даже сами англичане, например Дальзиель. Mégnin, присоединяясь к мнению известного французского заводчика бассетов Пинеля, полемизировавшего (в 1889 г.) с Millais, весьма основательно замечает, что совершенно бесполезно увеличивать уродство бассета, который сам по себе представляет анормальное животное: для чего, спрашивает он, бассету нужна голова блоудхоунда, зачем ему морщины на лбу, т. е. болезнь, известная под названием moluscum, также отвислые нижние веки, так назыв. ectropion. В свою очередь, Masson в 1894 г. справедливо негодовал на то, что в то время, когда английские любители настойчиво и упорно стремились выработать одну ультратипичную породу, французские охотники старались лишь о том, чтобы разбить бассетов на множество пород и разновидностей, отличая на выставках кривоногих, полукривоногих и прямоногих, а этих подразделяя, в свою очередь, на трехцветных, чепрачных и т. д.

В настоящее время в Англии насчитывается более 2000 бассетов, большею частью нового, улучшенного (!) типа. Само собою разумеется, они так же редко употребляются здесь для охоты и служат комнатными собаками, как и немецкие таксы. Очень трудно бежать, даже в английском парке, собаке, беспрестанно наступающей на свои уши. Однако несомненно, что в Англии имеются и рабочие бассеты, конечно более легкого склада. Лезебль очень хвалит брайтонскую стайку, управляемую майором Cooker, которая работает 3 раза в неделю и сганивает (?!) зайца в 2—3 часа, причем все охотники участвуют пешком и большею частью поспевают к финалу (hallali). Надо полагать, что эти и другие охотничьи бассеты в Англии представляют продукт скрещивания бассетов с биглями. Эта помесь, конечно, самая естественная и разумная.

4. Арденнский бассет. Об арденнских бассетах впервые упоминается Лезеблем (1894 г.). Он говорит, что в Арденнах до сих пор, хотя и очень редко, встречаются бассеты — карлики сан-губеров, имеющие очень много общего с последними и несомненно от них происходящие. Как известно, в Бельгии до сих пор попадаются брикеты, очень напоминающие сан-губеров, только в очень жидком и уменьшенном виде. По Лезеблю, арденнские бассеты черноподпалые, русачьей масти, также багряные, вообще одноцветные, очень типичные и превосходны на охоте; голоса их средней силы,

но довольно далеко слышные. Они гонят верно, довольно быстро, скоро разыскивают и выправляют след, вообще хорошо работают, неутомимы и предпочитатели кроликов, коз и зайцев. *Морда* у них красивая, переносье прямое (не горбоносы), брыли довольно развитые; *уши* длинные, тонкие, хорошо поставлены, т. е. не так низко, как у бассетов Лана и гасконских; *череп* высокий, выпуклый и узкий, с легкою прилобью (переломом); *плечи* сухие и косо поставленные; *передние ноги* полукривые (слегка искривленные); *лапы* плотные и в комке; *колодка* длинная и довольно легкая, с крепкой поясницей; *гон* хорошо поставленный и носится красиво; *бедра* мускулистые. Собаки, имевшие более искривленные передние ноги и более тяжелый склад, обладали подгрудком и очень хорошими голосами, были пригоднее для кроликов, оказываясь более страстными (enlevè) и паратее (plus legers d'allure), что весьма сомнительно. Но Лезебль, очевидно считая, подобно большинству, блоудхоундов за чистокровных потомков сан-губеров, советует восстановить породу арденнских бассетов скрещиванием сук с кобелями блоудхоундов; при этом он указывает на бассетов-блоудхоундов, родившихся на псарне Жерюзе (см. выше). На это можно возразить, что такие бассеты очень мало бы отличались по формам от английских и были бы также мало пригодны для охоты. Гораздо проще и рациональнее разыскать в Арденнах наиболее типичных бассетов и вывести подбором одномастных собак с плоским и сравнительно коротким ухом, без морщин, отвислых брылей, век и подгрудка.

5. Гасконский бассет. Порода эта позднейшего происхождения. Именно некто Giet в Plaisance, на юге Франции, достал выжловку бассета, случайно оказавшуюся в помете гасконо-сентонжской, и от этого бассета и гасконо-сентонжского выжлеца отвел бассетов в характеристичной крапчато-голубой масти. Сначала они назывались голубыми овернскими, но так как они ближе к гасконским гончим, то получили последнее название. Известность их начинается с того времени, как граф d'Hendières привез этих собак в Нормандию и развел целую стаю, из которой смычок (*Renfort* и *Rigolette*) был приобретен для Jardin d'Acclimatation. В настоящее время гасконские бассеты довольно распространены и известны несколько стай (у Hamel, Solberg, Gigot и др.).

Бассеты эти имеют отличные голоса и чутье, отличаются верностью в гоньбе даже по старому следу. Роста около 33 с. Масть черно-крапчатая с черными отметинами, с желтыми бровями и подпалинами. Чутье черное, толстое и выдающееся: морда очень толстая, слегка горбоносая; лоб высокий, узкий, с резким перело-

мом; ухо очень длинное, поставлено ниже уровня глаза, имеет узкое основание и свернуто трубкой (локоном); шея длинная и легкая с мало заметным подгрудком; плечи сухие и косые; ноги малоискривленные (полукривые); лапы русачьи; туловище длинное, близкое к земле, довольно жидковатое, ляжки слабоваты; гон тонкий, поставленный немного низко, носится свечкой.

6. Бретонский брудастый бассет. Порода эта, как и следующая, открыта очень недавно, хотя грифоны-коротконожки существовали и в средние века, до наших времен. Только они никогда не были так распространены, как гладкошерстные. Барон Лекутё (в 50-х годах) упоминает о брудастых бассетах с большими серокофейными отметинами и замечает, что кривоногие бассеты-грифоны встречаются редко. Ла Бланшер (в 70-х годах) говорит, что современные брудастые бассеты все происходят от скрещивания бассетов с грифонами. Однако мы знаем, что в брудастом типе чаще, чем в других, замечается укорачивание и искривление ног, так как большая часть неохотничьих и несторожевых брудастых принадлежит к бассетам.

Рыжие (багряные) брудастые бассеты происходят, конечно, от багряных бретонских грифонов; встречаются они, по-видимому, очень редко, хотя славятся выносливостью к холоду и сырости и считаются очень пригодными для охоты (ружейной) на коз и зайцев. Довольно распространен багряный бассет с чепраком, кривыми ногами и широким, высоко поставленным и сравнительно коротким ухом.

7. Вандейский брудастый бассет. Эта порода встречается главным образом в Вандее и Бретани; она имеет прямые передние ноги, уши средней (!) длины, сверху жесткую, снизу (на брюхе и ногах) шелковистую псовину; окраска белая с желтыми или сероватыми отметинами, иногда совершенно серая; хорошего, крепкого сложения, не особенно растянутого. Собаки сравнительно очень проворны, и в стае, по словам графа Лекутё, легко сганивают зайца в 2—3 часа. Граф Christian d'Elva в Ricondet (Mayenne) более 20 лет заботится о выводе выдающихся вандейских брудастых бассетов и вполне успел в этом. Все его собаки трехцветны, 35—38 с. ростом, очень злобны и незаменимы в чаще. Они гонят даже по кабану. Эта превосходная раса (!) была выведена скрещиванием самых типичных бретонских грифонов (бассетов) с вандейскими. M. Amband в Гавре также создал породу (!) трехцветных вандейских бассетов с жесткою псовиною и прямыми ногами, замечательных по крепости сложения. Эти собаки, легко состаиваемые, начинают работать с раннего возраста и превосходно гонят в чаще, тростниках и терновнике, притом по 2—3 дня подряд с утра до вечера, не подвергаясь большой усталости.

Из всего сказанного нами о бассетах видно, что упрек Массона совершенно справедлив, что французские охотники разбрасываются и, вместо того чтоб остановиться на одном или двух типах бассетов (гладкошерстном и брудастом), стараются выводить все новые и новые разновидности. Французам раз навсегда следует принять за аксиомы, что нельзя воскресить все когда-либо существовавшие во Франции породы и что в настоящее время разнообразие пород не имеет никакого смысла и приносит большой вред собаководству, только затемняя искомый идеал. В этом легкомыслии французских охотников и надо искать причины малых успехов их в восстановлении или создании местных пород сравнительно с немецкими собаководами. Французы порицают англичан за то, что они видят у бассетов только голову и уши, но сами они всегда у всех своих гончих и легавых придавали и продолжают придавать слишком много значения ушам, и видят в этой «куафюре» и «локонах» как бы показатель благородства происхождения: чем уши длиннее, чем больше свернуты трубкой, чем тоньше и безжизненнее, тем собака породистее. Широкое ухо, ухо на хряще они считают простоватыми, плебейскими, даже порочными, а гончих с короткими ушами, как все русские, даже не решаются признавать за гончих. На самом же деле, что может быть бессмысленнее требования от собаки, которая должна гонять зверя, длинных ушей, которые или развеваются, подобно крыльям летучей мыши, если собаки параты, или же мешают им ходить, так как они наступают на них ногами, как бассеты, во время поиска. В чаще и крепких местах тонкие длинные уши если не рвутся в лохмотья, то подвергаются многочисленным царапинам и, во всяком случае, требуют большого ухода.

В России бассеты появились очень недавно, не более 10 лет назад, и на столичных выставках было показано лишь немного экземпляров, притом не особенно типичных. Между тем не подлежит никакому сомнению, что в качестве гончих бассеты, особенно брудастые, были бы гораздо пригоднее для русских ружейных охотников, чем таксы, далеко уступающие бассетам по чутью и голосам. Замечательно, что бассеты были известны в России еще в середине прошлого столетия. В 1740 году были куплены русским послом в Париже князем Кантемиром 34 пары (смычка) собак бассетов, в том числе несколько «ищущих трюфели» — за 1.100 рублей*.

* См. «Внутр. быт Русск. государства с 17-го окт. 1740 г. по 25-е ноября 1741 г.». Кн. I (Москва, 1880), стр. 319.

Английские бигли

Бигли менее других бассетов могут называться таковыми, потому что имеют большею частию почти пропорциональное сложение, т. е. ноги, соразмерные туловищу, но все-таки это карлики гончих: одна из разновидностей, именно бигли Елизабет, не достигает даже 20 сантим. роста. В сущности, бигли более других английских гончих сохранили гончий тип, так как не содержат вовсе (непосредственной) примеси борзой и ладами, головой, ушами, голосами и чутьем более приближаются к старинной южной пешей гончей, чем блоудхоунды, значительно уклонившиеся от нее вследствие скрещивания с мастифами.

Многие английские авторы стараются доказать древность происхождения биглей, но, разумеется, в качестве миниатюры карликов гончих они могли появиться лишь после них. Поэтому очень странно читать уверение, что бигли были известны еще римлянам и что Оппиан под названием «gasens» подразумевал именно этих собачек. Известно, однако, что римские писатели называли так каких-то брудастых собак, вовсе не маленького роста, употреблявшихся для подземной охоты и отличавшихся сильными челюстями. Следовательно, это никак не могли быть ни бигли, ни бассеты, как думают французы, ни даже таксы, как полагают немцы, а всего вероятнее, что так назывались брудастые приземистые собаки, происходившие от брудастой пастушьей (овчарки), — вероятные предки современных оттерхоундов. А gasens Оппиана представлял большую аналогию с позднейшими Bibarhunt германских узаконений[45], так как имел одинаковое назначение. Сомнительно также (раз считать доказанным, что настоящие гончие введены в Англию норманнами), чтобы собаки, о которых упоминается в лесных законах Канута под названием Velterer и Langehrne, были биглями, хотя и говорится, что они были слишком малы, чтобы приносить вред (королевским оленям). Что касается ссылки Дальзиеля на Оссиана, который говорит в своих поэмах о маленьких гончих, величиною с комнатных собачек, как о старинной британской породе, — то очень странно, что английскому писателю, хотя бы о собаках, неизвестно, что Оссиан вовсе не древний шотландский бард, а поэт Макферсон, живший в средине прошлого столетия.

О маленьких гончих, в которых можно видеть биглей (или бассетов), впервые упоминается в книге Юлианы Бернерс, под названием kennetys. Хотя во времена королевы Елизаветы карликовые гончие были уже известны под названием биглей и между ними пользовалась особою известностью крошечная разновидность королевских, или певчих, биглей, но доктор Каюс, указывая на

блоудхоундов, харьеров и терьеров, ничего не говорит о маленьких гончих, вероятно смешивая с терьерами, как полагает Дальзиель. Немного позднее Каюса Жервез Маркам (1631) упоминал о биглях и утверждал, что они были (как и все гончие) на севере паратее, чем на юге. Около того же времени (немного ранее) sir Thomas Cockaine в своем трактате об охоте с гончими (1591) говорил о каких-то kibble-hounds, низконогих, но паратых (!).

Более подробные сведения о биглях встречаются у Блюма (Bloome, в «The Gentlemane Magazine», 1650. Ла Бланшер, указывая на то, что бигли соответствуют французским брикетам, что не совсем верно, так как последним более отвечают харьеры, ссылается на Блюма, который действительно под названием биглей разумел вовсе не гончих карликов, а вообще гончих, обладающих хорошими голосами, и причислял к биглям керри-биглей, т. е. южных пеших гончих, и северных биглей, вероятно помесь южной пешей с дирхоундом; настоящие бигли назывались у него малыми, или кошачьими — cat-beagle; они могли происходить от всех пород гончих, имели не более 35 с. и чем были меньше, тем больше ценились; некоторые достигали в его (Блюма) времена только 17 с., так что вся стая помещалась в корзине. Три таких собачки не могли справиться с зайцем и удержать его; однако они с ожесточением гонят по лисе и лазят за нею в нору, причем — удивительное дело — лиса, которая, по-видимому, могла бы перекусить такую собачонку надвое, не осмеливалась будто защищаться (?), боясь их лая, и удирала из норы, перескакивая через них. Эти маленькие бигли бывают и брудастые. Все они имеют отличные голоса, очень вязки, скоро натекают на след, а так как легко проникают в заросли и терновники, то на деле оказываются более паратыми, чем можно было ожидать.

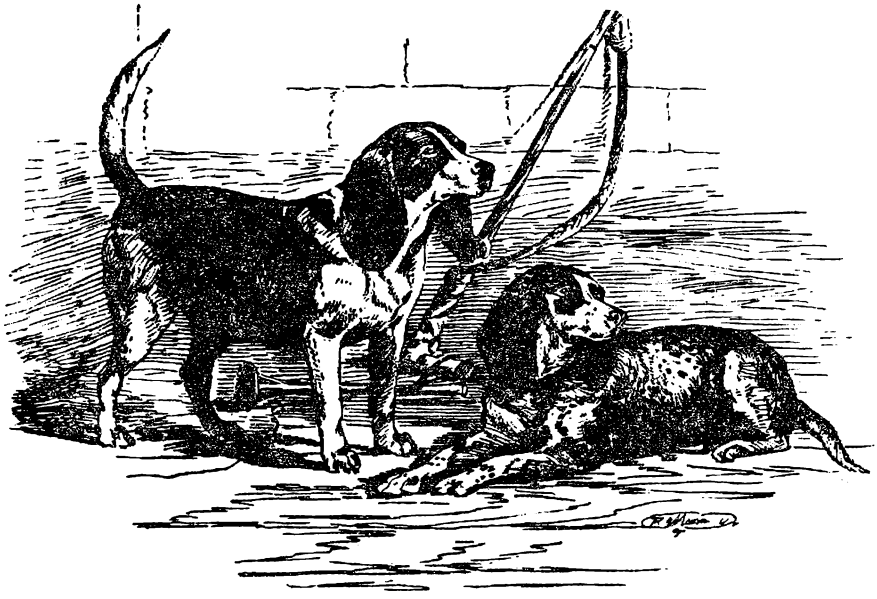
Из этого описания Блюма следует вывести, что настоящие бигли были действительно карликами всех существовавших тогда пород гончих — южных и северных, гладкошерстных и брудастых. Не лишено значения также указание его, что бигли лазали в норы, что еще более сближает их с бассетами и таксами. Очевидно, однако, что главными родичами их были южные пешие гончие, имевшие наилучшие голоса и чутье.

После Блюма о биглях писалось очень мало; по крайней мере, новейшие писатели, говоря о них, не ссылаются ни на одну книгу второй половины XVII и первой половины XVIII столетий. Надо думать, что охота с такими пешими гончими пришла в совершенный упадок и была заменена парфорсной. О биглях начинают говорить вновь только лет сто назад, когда охота с фоксхоундами окончательно приняла характер бешеной скачки с препятствиями, сделавшись недоступной старикам и небогатым людям. Возрождение

охоты с биглями было едва ли не протестом — реакцией против чрезмерной паратости фоксхоундов, а с другой стороны — следствием разрешения охоты фермерам (в начале XVIII века). В конце прошлого столетия Bewick писал, что kibble-hounds его времени происходили от скрещивания старинной английской (пешей) гончей и биглей и что это скрещивание дало низконогую и пешую собаку.

«Южные гладкошерстные бигли с очень длинными ушами, — говорится в «Cynographie Britannica» (1800), — были так невыносливы, что почти не могли гонять в трудных местностях; между

Рис. 46. Бигли
(«Охотничий календарь»)

ними часто встречаются *кривоногие,* слабозадые и мелкие». То есть бигли сделались настоящими бассетами и стали вырождаться. Весьма интересно также указание того же автора (Сиденгама Эдварса), что бигли употреблялись в прошлом столетии для того, чтобы выставлять зайцев на борзых. «В настоящее время охотники предпочитают вообще более паратых собак, и потому бигли встречаются в небольшом числе и чаще употребляются в качестве ищеек при охоте с борзыми, почему и называются иногда ищейками». А далее: «Ранее названия биглей и харьеров смешивались как однозначущие», то есть последние мало отличались от биглей; только в XVIII столетии вследствие скрещивания с фоксхоундами они окончательно выделились в самостоятельную породу. «Работа

биглей была почти одинакова с работами харьеров, но на больших расстояниях первые оказывались более пешими; в туманную и сырую погоду они искали лучше больших гончих. Голоса у них — тенора и дисканты — очень мелодичны», то есть в биглях ценили лучшее чутье и хорошие голоса.

В «Cynographie Britannica» говорится также, что разновидности биглей отличались по местностям. «В Южной Англии бигли были тяжелые и пешие, на севере более легкие, паратые и короткоухие: скрещивание обеих главных пород давало очень хороших собак... Северные бигли обыкновенно жесткошерстные, с крепкими ногами, хорошими плечами и задом; они выносливее южных, не боятся терновника и изгородей, скоро разыскивают стерянный след, но также неспособны к продолжительной работе».

Несколько лет позднее Таплин в «Sportsmans Cabinet» писал: «...ранее со стаями биглей охотились обыкновенно старики и болезненные люди. Необычайное улучшение других пород гончих уменьшило число биглей. Это самые маленькие английские гончие, но и самые старательные при розыске заячьих следов. Так как они очень пеши, то с ними охотятся старики и дамы, также мелкие землевладельцы, не имеющие охотничьих лошадей и следующие за стаей пешком. Это и было причиною распространения биглей...» Отсюда надо заключить, что в начале XIX столетия бигли сделались более обыкновенны, из дальнейших же слов Таплина видно, что их стали скрещивать с паратыми гончими — многочисленными разновидностями фоксхоундов и харьеров. Эти скрещивания произвели множество вариететов биглей, что зависело от местности и предпочтения известного роста. Были стаи с низкими голосами, длинными ушами и подгрудком, приближавшиеся к южным гончим, на севере же преобладали бигли более легкого склада, сходные с харьером. Блэн тоже говорит, что в его время (начало текущего столетия) бигли вариировали от миниатюрной южной гончей до очень сходной с харьером.

По-видимому, прежде были две главные разновидности биглей — южная, очень пешая, гладкошерстная, и северная, более паратая и жесткошерстная. Но они вскоре настолько перемешались между собою, что главными отличиями между разновидностями сделались рост, паратость и отчасти масть. Самые мелкие бигли не превышали ростом знаменитых гончих королевы Елизаветы; у полковника Hardy, по свидетельству Таплина, была стая в 10—12 смычков, которую возили в двух корзинках, навьючиваемых на лошадь. У короля Георга IV, когда он был наследным принцем, имелась стайка очень типичных биглей, с которой он часто снимался на портретах. Известный спортсмен полковник Торнтон удивлялся их паратости и писал, что у настоящего охотника лошадь

должна была скакать, чтобы поспеть за этими собачками, которые были настолько малы, что не могли гнать в местности, пересеченной рвами и ручьями. Хорошая стая, говорит Таплин, должна сгонять зайца в 3—4 часа и гнать (в чистом и ровном месте) так кучно, что ее можно было бы прикрыть скатертью; но бигли, приближающиеся к харьерам, сганивают зайца в 40 минут.

В настоящее время биглей существует много разновидностей, не имеющих резких признаков и отличающихся более или менее легким сложением, ростом, качеством псовины, отчасти мастью. Настоящий старинный тип тяжелого пешего бигля маленького роста встречается редко, и большая часть современных биглей содержат более или менее значительную подмесь харьеров или фоксхоундов, а потому являются настоящими парфорсными гончими, требующими конных охотников. Неудивительно поэтому утверждение современных английских авторов, что бигль — это фоксхоунд в миниатюре; на самом же деле подобные миниатюры встречаются еще редко, но число их несомненно увеличивается, и недалеко то время, когда все бигли окажутся карликами фоксхоундов. К таковым принадлежат, например, по мнению графа Шабо, бигли *Batcomb* и *Honey hood*, но они были чрезмерно большого роста — 42—46 с., между тем как биглями могут быть названы гончие от 23 до 40 с. Гораздо чаще покуда встречаются, по-видимому, бигли, складом и ростом мало отличающиеся от харьеров. Но большинство, как замечает Mègnin, еще вовсе не карлики харьеров, тем более фоксхоундов. «Сравните их головы — у биглей она широкая, круглая, с коротким четыреугольным (спереди) чутьем; глаза большие, круглые, живые и умные; уши, наконец, очень длинные и вислые, подвинутые вперед. Все это придает им особую физиономию. Колодка тоже не такая, как у харьера и фоксхоунда: она укорочена, более сбита и сильнее, хотя пропорциональна, именно — равняется вышине собаки. Спина крепкая, грудь широкая, ноги жилистые, очень сильные». Это и есть настоящие бигли, выведенные в XIX столетии от старинных пеших биглей не столько скрещиванием с фоксхоундами и харьерами, сколько подбором наиболее крепко сложенных и, следовательно, самых паратых производителей.

Собственно говоря, следует теперь признать три главные разновидности, или породы, биглей: старинную — более коротконогую и пешую, брудастую — еще более редкую и новую — усовершенствованную. Керри-биглей, конечно, никак нельзя причислить к биглям, как это делают все английские авторы до R. Lee включительно, так как это просто выродки южной пешей гончей или, с французской точки зрения, брикеты, т. е. подружейные измельчавшие собаки этой породы. Что касается брудастых или, вернее,

жесткошерстных биглей, так как у многих нет ни усов, ни бороды и осталась только жесткая или курчавая псовина, то они, несомненно, происходят главным образом от северных брудастых гончих, родичей оттерхоундов, а может быть, в некоторых случаях прямо представляют собою карликов выдровых гончих.

Эти жесткошерстные бигли встречаются довольно редко, даже настолько редко, что и в последнее время, по свидетельству Mègnin, англичане стали выводить бигля-грифона, без сомнения, скрещиванием с оттерхоундом или шотландским терьером (?). Но это, вероятно, только предположение французского ветеринара, так как порода брудастых биглей еще не совершенно исчезла. Стонехендж упоминает о биглях мистера Кембриджа ростом в 13 д., с которыми последний охотился в терновниках; между этими собаками было и несколько косматых. Веро Шо говорил (в начале 80-х годов), что жесткошерстные бигли еще встречаются в Девоншире и Уэльсе, где имеются целые стаи крупных биглей (до 41 с.), употребляющиеся главным образом для охоты на зайцев, а не для охоты (?) с потаском. Граф де Шабо даже называет жесткошерстную разновидность биглей уэльскою. Ли, наконец, говорит, что 25 лет назад (т. е. в конце 70-х или в начале 80-х годов) он встречал на севере Англии замечательно маленьких биглей, около 12 д. вышиною, с необычайно длинными ушами, характеристичной мордой и очень *удлиненным* туловищем; они имели очень курчавую псовину палевого (песочного) окраса и походили цветом на палевого ирландского терьера. Они имели очень приятный голосок и хотя были несомненными гончими, но не походили на других биглей. Он же, Ли, замечает, что эти (?) миниатюры оттерхоундов, вероятно, происходят из Суссекса. А далее, что и косматые бигли, и в завитках имеют своих любителей. Надо полагать, что маленькие оттерхоунды Гебридских островов, упоминаемые Mègnin, должны быть тоже причислены к биглям. Несомненно одно, что жесткошерстные бигли были гораздо пригоднее для гоньбы в зарослях и крепях, чем гладкошерстные, а потому прежде встречались гораздо чаще. На выставках они показываются сравнительно редко*.

Что касается т. н. биглей Елизабет, или певчих биглей, то они не составляют даже разновидности, так как этим именем называются самые маленькие бигли (около 23 с.), от которых часто родятся собаки обыкновенных размеров. Они встречаются поэтому очень редко. У Стонехенджа помещен интересный рассказ Идстона о биглях дорсетширской стаи, которые были не выше 9 дюймов и отлично работали по кроликам в холодную, неудобную

* Портрет бигле-грифона был помещен в «F. Gazette», 1888 г.

для розыска следов погоду. Это было с лишком 40 лет назад, но и теперь, говорит Стонехендж, у мистера Crane имеются почти такие же *маленькие бигли, часто бравшие призы на бирмингамских* выставках *(певчие бигли в настоящее время разводятся и во Франции Orilliard'ом)*. Последняя стая в Англии, по R. Lee, принадлежала Nutt'у и употреблялась вместо спаниелей для того, чтобы выгонять кроликов из густых зарослей на ружейных охотников. Певчие бигли употреблялись исключительно для охоты на кроликов, имели рост от 9 до 12 дюймов и назывались так за свои тонкие, звонкие голоса, напоминавшие колокольчики. Рост прочих биглей колеблется между 12 и 16 дюймами, так что самые крупные не уступают харьерам, и колебания в росте равняются 7 дюймам, т. е. 17,8 сантиметра.

Таким образом, различия в величине и общем виде у биглей значительнее, чем у какой-либо другой породы гончих. Тем не менее англичане признают, то есть узаконили, только одну породу, один тип биглей, самый распространенный и наиболее отвечающий современным требованиям. Beagle-club'ом окончательно выработан в 1895 году общий штандарт — знамя пунктов. Такое приведение к одному знаменателю имеет большое значение, так как полагает пределы варьированию и образованию новых, совершенно излишних разновидностей. В этом отношении англичане поступают гораздо благоразумнее французов, которые каждый год открывают у себя новые, никому не нужные породы, оказывающиеся непременно старинными расами. В этом лабиринте неопределенных и неясных признаков новых пород французские охотники, кажется, совсем уже запутались и им рано или поздно придется упразднить большую часть своих мнимых пород и ограничиться наилучшими.

Общий вид. Гончая крепкого, но не грубого сложения, со сбитой колодкой, бодрая и энергичная.

Голова довольно длинная, большая, но не грубая; череп выпуклый, довольно широкий, с обозначенным затылочным гребнем и ясно выраженным переломом; морда тупая, не заостренная, с развитыми брылями. (По Кларку, в книге Дальзиеля, голова, как у фоксхоунда (!), но не так широка во лбу.)

Чутье черное, широкое, с большими раскрытыми ноздрями.

Уши длинные, низко поставленные, тонкие, ниспадающие красивой складкой около щеки. (По Кларку, плотно прилегающие, не очень широкие, с чрезвычайно тонкою кожею. У биглей Лаборда уши направлены вперед.)

Глаза карие, орехового или темно-орехового цвета, не впалые и не выпуклые, с кротким выражением. (У биглей Лаборда глаза выпуклые и широко расставленные.)

Шея средней длины, слегка выгнутая, с небольшим подгрудком на горле. (По Кларку, шея длинная и сухая, тяжелые собаки имеют более толстую шею и более сильные голоса.)

Плечи правильные и несколько скошенные. (По Кларку, длинные, сильные и мускулистые.)

Колодка короткая, с низко спущенною грудью и довольно выпуклыми ребрами, с сильным грудным ящиком и мощною поясницею (rein), без верха. (По Кларку, грудь широкая и глубокая; спина крепкая и широкая, особенно в пояснице, которая у выжловок лучше. По Дальзиелю, бока у биглей закругленнее, чем у фоксхоундов, и задние ребра длиннее.)

Задняя часть сильная, с мускулистыми бедрами, коленки и пазанки в правильном сочленении и пазанки вертикальные. Зад очень крепкий и широкий. (На задних ногах часто бывают прибылые пальцы, которые, по Кларку, дозволяется срезывать.)

Передние ноги совершенно прямые, с правильным постановом, крепкие, с круглыми (цилиндрическими) костями.

Лапы круглые, пальцы приподнятые и сомкнутые (в комке); подошвы твердые.

Гон средней длины, высоко поставленный, толстый; носится высоко, но не трубой или загнутым на спину.

Окрас всех цветов, свойственных гончим. (По Кларку, чернопегий с подпалинами, кофейно-пегий, иногда окраса блоудхоунда; самые модные и красивые бигли, по R. Lee, голубо-крапчатые, затем черные с подпалинами.)

Рост не свыше 40 с. (16 дюймов).

На выставках, по Дальзиелю, принято деление на гладкошерстных и жесткошерстных, затем на крупных — от 30 до 40 с. и на мелких — менее 30 с.

Оценка по баллам

Голова	20
Уши	10
Глаз и выражение	10
Колодка	15
Зад	10
Ноги и лапы	20
Гон	5
Рубашка	10
	100

Голоса у биглей вообще гораздо лучше, чем у фоксхоундов и харьеров. По графу Шабо, они протяжны, мелодичны, у мелких собак подобны колокольчикам и недалеко слышны. Бигли

очень чутьисты и понятливы, хорошо разбирают даже остывшие следы.

«Настоящие, хорошие бигли, — говорит R. Lee, — пеши, но надежны: она долго ковыряются (!) на следах, наконец, один из них подает свой музыкальный голос, все собаки бегут к нему и стая кучей несется по следу». Гонят бигли очень дружно, клубком, так что можно всю стаю накрыть скатертью, притом азартно, хотя и не в такой степени, как фоксхоунды. Это веселые, смелые и выносливые работники. Пешие бигли удобнее, так как за ними можно следовать пешком и заяц или другой зверь не летят от них во весь дух, как от харьеров. 1—2 смычка могут вполне заменить ищеек ружейному охотнику.

Охота производится преимущественно по зайцам, хотя собаки гонят по всякому зверю, от кролика до оленя и (во Франции) кабана. Об успешности охоты можно судить из того, что в сезон 1878—79 гг. коккермаутскою стаею (Кларка) с пешими пикерами взято было 80 зайцев. На лето собаки этой стаи, чтобы не залеживались, отдавались на прикорм фермерам. Гоньба кроликов неудобна тем, что последние скоро прячутся в норы, почему бигли (мелкие) употребляются лишь для того, чтобы выгонять их из зарослей; в последнее время начали, впрочем, употреблять помесь биглей с терьерами. Где нет зайцев, охотятся с потаском, то есть пускают стаю по следу, оставленному т. н. потаском, которым бывает свежеубитый кролик, копченая селедка, даже тряпка, смоченная анисовым маслом*; или же этим маслом натирают подошвы. След должен быть как можно более извилист.

Так как бигли очень привязчивы, ласковы и смирны, то многие держат их в качестве комнатных собак, и мелодичный, подобный колокольчику лай их часто слышится в садах и парках.

Всего более распространены бигли в Южной Англии, особенно в Суссексе. Одно время голубо-крапчатые бигли даже назывались суссекскими. Количество этих собачек, как охотничьих, так и комнатных, теперь постепенно увеличивается, и Mègnin ошибается, утверждая, что охота с биглями приходит в упадок. В 1886—87 гг. (по Дальзиелю) было 18 стай, в 1892 г. (по R. Lee) — 26, а в 1895 г. — 36 стай биглей, но свыше 20 смычков в каждой. В «Студбуке», опубликованном в 1892 г. Beagle-Club'ом, помещены бигли только 12 стай. Большая часть записанных стай состоят из крупных собак — до 16 дюймов. Старейшею считается стая Royal Rock, с которою охотятся около Биркенгеда, в Чешире; она ведет свою родословную с 1845 г. Это и самые рослые бигли (до 41 с.). На

* Лучшею смесью для потаска считается состав из 1 ч. анисового масла, $^1/_2$ ч. валерианового и $2^1/_2$ ч. касторового.

выставках бигли показываются чаще других гончих, а в последнее время они появились и на специальной выставке в Peterborough.

Во Франции и отчасти в Бельгии бигли пользуются большою популярностью и охота с ними постепенно распространяется. Лучшими стаями считаются здесь стаи Лаборда и Борегара, которыми ежегодно сганивается до 50 зайцев. Бигли Лаборда, ростом в 39—40 с., сганивают зайца не более как в 2 часа, обыкновенно в 1 ч. 30 м. и 1 ч. 15 м., притом в довольно пересеченной местности, со рвами и живыми изгородями. Некоторые английские бигли, приближающиеся ростом и складом к харьерам, сганивают зайца и в 40 минут!

В России бигли почти не встречались и показывались только на одной из первых очередных выставок. При всей экономичности содержания биглей они для русских охотников слишком параты и пискливы, а потому вряд ли получат у нас право гражданства. Интересно, что эти собачки были известны в России еще 150 лет назад, именно сохранилось известие*, что в 1740 г. русским послом в Лондоне князем Иваном Щербатовым «куплено 63 пары малых гончих биклесов, борзых и хортов (также называемых тарсиерсами — для нор лисичьих) за 481 ф. ст.».

Немецкие таксы**

Такса, вероятно, самая распространенная порода собак в Центральной Европе, так как она одновременно исправляет обязанности терьера, гончей, ищейки и комнатной сторожевой собаки. Это почти универсальная и наиболее экономичная собака, вполне соответствующая немецкому характеру.

Порода такс сравнительно недавнего происхождения, более позднего, чем французские бассеты. Большинство немецких охотничьих авторов и зоологов, писавших о собаках, держатся совсем другого мнения. Одни из них полагают, что таксы произошли от дикого вида кривоногих собак, когда-то существовавшего в горах Германии, доказывая свое предположение тем, что в пещерах Бразилии были найдены кости ископаемого дикого вида собак с кривыми ногами (Speothos). Другие производят немецких такс от египетских кривоногих собак со стоячими ушами, встречающихся на египетских памятниках, и в доказательство приводят надпись на

* «Внутр. быт Русск. госуд. с 17 окт. 1740 г. по 25 ноября 1741 г.». Кн. I (Москва, 1880), с. 319.

** Правильнее даксы, или дахсы, что, собственно означает барсук; немцы называют такс Dachshunde, иногда Teckel. В Польше употребляется очень удачное название этих собак — ямики.

плите гробницы царя Антифы II под изображением царя с четырьмя любимыми собаками, гласящую: «Имя собаки, лежащей у ног царя, Текель». Teckel же — немецкое народное, весьма употребительное название таксы (Dachshund). Третьи довольствуются тем, что считают родоначальником такс Agaseus римских писателей; но этот Агасс был, как не раз говорилось раньше, какой-то брудастой приземистой, но не маленькой и кривоногой собакой, не то гончей, не то терьером, употреблявшейся для подземной охоты. Некоторые производят такс от Bibarhund — бобровой собаки старинных германских узаконений (VII века), но под этим названием еще в большей степени, чем в других случаях, разумелись различные по виду собаки, приученные для охоты на бобра, выдру, также лисиц и барсуков, — небольшие, но сильные и злобные, смело лазившие в норы; они могли быть беспородными дворняжками — северными лайками, выродками овчарок, рослыми терьерами, мелкими выродками гончих, наконец, ублюдками мордашей*.

V. Herpe в 1751 г. описывал Bibarhund как самостоятельную (?) породу собак вроде бульдога. Наконец, такса вовсе не пригодна для водяной охоты, так как неохотно идет в воду. Брем считает почему-то родиной такс Испанию, но здесь, сколько известно, никакой породы собак с кривыми, даже с сильно укороченными ногами не существует. Большинство немецких охотников до сих пор пребывает в наивной уверенности, что французские бассеты — помесь немецких такс с французскими гончими и даже не причисляет такс к гончим, а по примеру своих кабинетных ученых — Фицингера и Гибеля — отделяют их в особую группу.

Только очень недавно, в самое последнее время, западноевропейские кинологи при содействии ветеринаров уразумели, что укорочение и искривление конечностей — патологические изменения, свойственные не только всем породам собак, но и многим другим домашним животным и при известных условиях передающиеся в потомство. Бекман — один из немногих немецких авторов, которые прямо говорили, что таксы, несомненно, происходят от немецких гончих и представляют их карликовую форму. Следует, впрочем, заметить, что еще сто лет назад (в 1797 г.) известный зоолог Наттерер заметил, что таксы очень похожи на гончих, но от-

* Надо всегда иметь в виду, что в древние и даже в средние века большая часть собак отличалась и называлась *не по внешности, а по своему назначению,* употреблению и под одним названием были известны собаки различных пород или, вернее, вида, так как пород в современном значении этого слова не существовало, а было несколько основных типов (северный, брудастый, молосс и борзая), в большинстве перемешанные между собою и не имевшие постоянных признаков.

личаются от них короткими и кривыми ногами и заостренной мордой.

Тот же авторитетный немецкий кинолог (Бекман) прямо утверждает, что родословную немецких такс нельзя вести далее начала XVI столетия. По его мнению, первые изображения и описания настоящих такс встречаются будто у дю Фулью независимо от рисунков бассетов; затем у Геснера на заглавном листе немецкого перевода его зоологии находится также изображение таксы. Однако из дальнейших слов Бекмана, что современники дю Фулью различали две породы — кривоногих и прямоногих такс и бассетов, надо заключить, что Бекман считает такс за кривоногих бассетов, которые существуют и в настоящее время; остромордых же бассетов с кривыми ногами, т. е. настоящих такс, у дю Фулью нет вовсе. Рисунок у швейцарского ученого Геснера также скорее может относиться к французским бассетам, чем к немецким таксам.

Первое несомненное изображение таксы встречается у Petro de Crescentiis в 1601 г.; затем рисунок ее помещен в «Охотничьих тайнах» Танцеро (конец XVII века) и у Гохберга (1701). Все старинные рисунки такс, в сущности, плохие карикатуры и представляют каких-то каракатиц с кривыми передними и задними ногами. Наибольший интерес представляет портрет *Klopan,* нарисованный Фишбейном (1794). Это небольшая белая собачка с черными или темными ушами и щеками, более похожая на бигля. Судя по всему, *Klopan* был в свое время замечательно типичною собакою.

От каких немецких гончих происходят таксы — решить трудно; очень может быть, что этой породы при вымирании гончих в Германии более не существует; также вероятно, что не одна порода имела своих такс. На это указывает существование двух типов такс: тяжелого, грубошерстного — северогерманского и легкого, или виртембергского, с очень тонкою псовиною. Во всяком случае, таксы произошли от легкого, остромордого типа немецких гончих, например ганноверских, вестфальских или близких к ним, но никак не от толстомордых голштинских.

Но есть некоторые основания думать, что такса не вполне чистокровный потомок гончих и что в них имеется примесь посторонней крови — терьера или полукороткошерстной северной собаки, вероятной родоначальницы терьеров. Нельзя при этом не обратить внимание на то, что ганноверский брак имеет привычку рыть себе норы, как бы указывая тем, что дикие его родичи жили в норах. Эта особенность могла быть передана ганноверскими гончими и своим уродливым потомкам; малый рост их при содействии и поощрении человека мог в значительной мере упрочить любовь к подземной охоте.

Нечистопородность такс доказывается следующими соображениями: они вовсе лишены стайных инстинктов гончей; они редко лают вдобор, т. е. по следу, а только когда зверь на виду или очень близко, и вообще чутье у них сравнительно плохое; лай их имеет мало общего с голосом настоящей гончей и слишком однообразен; морда такс слишком остра и длинна для гончей. Все это, вместе с предпочтением, отдаваемым подземной охоте, указывает на подмесь негончей крови. Всякий согласится с тем, что немецкая такса менее напоминает немецкую гончую в миниатюре и с уродливыми конечностями, чем бассет — французскую гончую. В этом

Рис. 47. Немецкая такса («Охотничий календарь»)

несоответствии и надо искать причину тому, что многие немецкие охотники не видят в них изуродованных гончих, а особый, совершенно самостоятельный тип. Но, говоря по справедливости, все эти уклонения от типа и характера гончей могли развиться и путем подбора и явиться следствием приучения многих десятков поколений к подземной охоте в одиночку, притом на вонючих зверей.

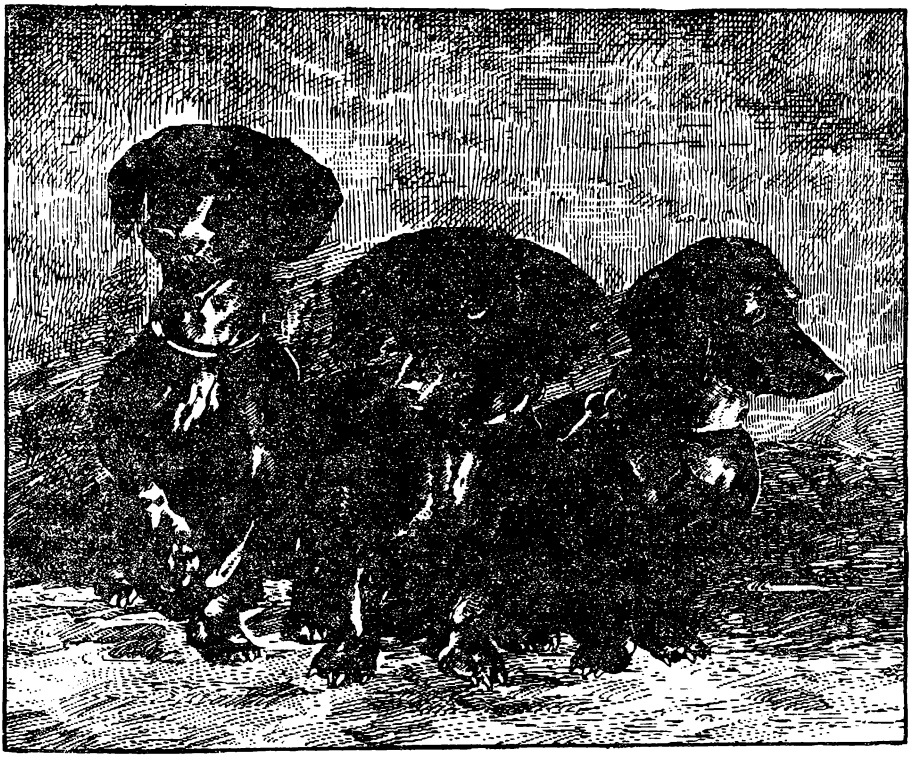
Одновременно с формированием двух разновидностей гладкошерстных такс, тяжелой и легкой, выделялись и жесткошерстный — брудастый и длинношерстный вариететы. Но так как в Германии вряд ли когда существовала порода брудастых гончих (кроме

французских грифонов), а также порода длинношерстных, встречавшаяся лишь в Остзейском крае, то надо предположить, что обе разновидности произошли от скрещивания обыкновенных такс с жесткошерстными и длинношерстными легавыми. Длинношерстные таксы известны около двух столетий, и родоначальниками их можно считать спаниелей (эпаньёлей) или, что еще вероятнее, немецкого сеттера — Wachtelhund. Бюффон (в середине прошлого столетия) называл этих длинношерстных такс почему-то бургосскими собаками и полагал, что они происходят от эпаньёлей и такс. Ридингер в конце прошлого столетия неоднократно изображал их. Фон дем Борх («Sylvan», 1814) говорит, что бывают красно-пегие (rothgescheckte) и белые длинношерстные таксы с толстою (!) головою, которые имеют многих любителей. Бекман высказывает совершенно основательное мнение, что длинношерстные таксы с давних времен неоднократно разводились в различных странах (Германии), бесследно затем исчезая. Когда была выведена современная разновидность, сказать трудно, известно только, что в некоторых местностях эти таксы, вообще редкие, ведутся давно. Что касается жесткошерстных такс, о которых также упоминается в старинной охотничьей литературе, то о происхождении их ничего не известно, и они могли образоваться от смешения такс с французскими грифонами-бассетами, даже немецкими крысоловками, и в последнее время и скрещиванием с немецкими жесткошерстными легавыми, к которым современная жесткошерстная такса приближается жестким и сравнительно коротким волосом, тогда как грифоны-бассеты имеют более длинную и косматую псовину с ясно выраженными бородой и усами. Гартиг еще в 1811 г. заметил, что жесткошерстные таксы обыкновенно имеют более длинные и не такие кривые ноги, как обыкновенные. Что они были редки и прежде, видно из слов Иестера (1797), что самые редкие таксы — крапчатые и жесткошерстные.

Современная такса выработалась в последнее пятидесятилетие, но наибольшего совершенства форм и постоянства признаков она достигла лишь с началом выставок, в 70-х, даже в 80-х годах. Ее совершенствование и распространение зависели от многих благоприятных условий: многочисленность в Германии лис и барсуков, на истребление которых, как животных вредных для дичи, было обращено особенное внимание после 1848 г.; ограничение охоты с настоящими гончими, которых отчасти заменили таксы; безвредность их для зайцев, коз, оленей, также птиц; наконец, их характер, ум и понятливость, сделавшие такс любимыми комнатными собаками: они — отличные сторожа, не лающие и не кусающие зря; кроме того, таксы не прыгают на мебель, что для аккуратного немца не лишено значения.

Эти современные таксы большею частию черно-подпалые, редко багряные, еще реже кофейные с подпалинами и мраморные (арлекины), то есть на сером фоне черные и рыжие пятна и крапины. В прежнее время черные таксы, напротив, встречались редко, и фон Гохберг (1701) говорил, что таксы бывают бурого (рыжего, багряного), серого, выдрового (кофейного) окраса, иногда черного. Позднее (1746) Döbel уже предпочитал черных, бурых и красных. О пегих таксах говорят Иестер (1797) и Гартиг (1811), но такие, равно как и почти белые таксы (подобные *Klopan* Фишбейна), встречаются редко; теперь же белые отметины вовсе не допус-

Рис. 48. Большие немецкие таксы («Охотничий календарь»)

каются немецкими охотниками, но английские любители премируют даже белоголовых и белоногих такс. В последние годы в Германии входят в моду таксы тигрового окраса (пятнисто-полосатые), очень оригинального, но вовсе не красивого. Трудно сказать, каким путем немцы добились этой рубашки, вовсе не свойственной таксам.

В настоящее время отличают 5—6 пород, или подпород, такс, а

именно четыре гладкошерстные: тяжелую северогерманскую, легкую виртембергскую, английскую и курляндскую, а затем длинношерстную и жесткошерстную. Все эти породы имеют многие, хотя и не особенно существенные, отличия между собой.

Северогерманские таксы отличаются большим ростом, большою удлиненною головой, толстым, довольно длинным хвостом, густо одетым снизу; псовина у них вообще грубее и жестче, что для подземной охоты имеет немалое значение.

Виртембергский тип имеет благородный и изящный вид, отличается более нежным сложением, меньшим ростом, более длинными, иногда чрезмерно большими ушами, тонким хвостом, тонкою кожей, более гладкою и короткою псовиною и раздражительным (нервным) характером и менее пригоден для охоты под землею, хотя и считается, что первая разновидность лучше в трудной гористой местности, а вторая — в ровной местности, в небольших норах. Так как последняя красивее, более поощряется выставками и спрос на нее как комнатную собаку постепенно увеличивается, то она, по-видимому, вытесняет тяжелую расу.

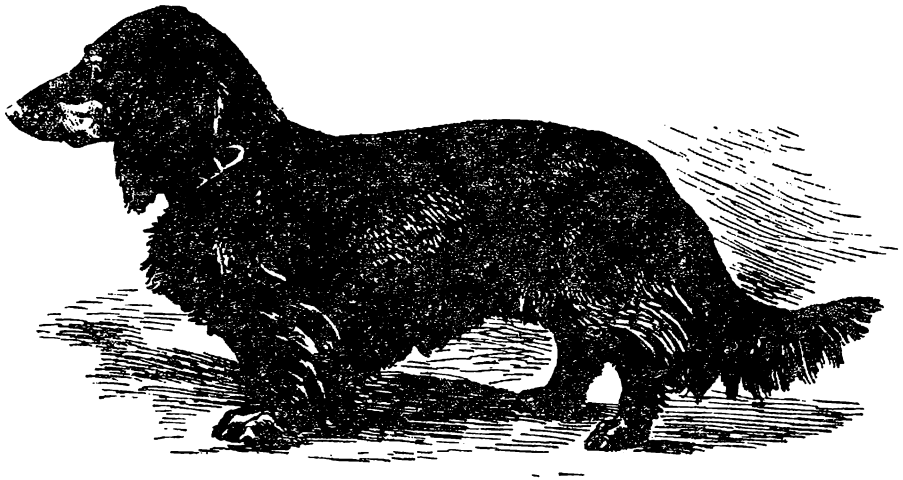
Английские таксы, происходящие от немецких, за последние 20 лет значительно уклонились от своих родичей; это зависело от того, что англичане не видели в них охотничьих, рабочих собак, а только chienes de luxe, оригинальных уродливостью, и, по своему обыкновению, старались еще более усилить эту уродливость. Англичане сделали из таксы что-то вроде растянутого бассета. По их мнению, немецкая такса имеет слишком короткие уши, очень плоский лоб, очень короткое туловище и недостаточно кривые ноги; поэтому у английских такс голова больше, уши длиннее и поставлены ниже, колодка очень растянута и чем длиннее, тем лучше*, ноги совершенно искривленные, грудь глубокая, узкая, с выдающимся соколком, пахи подтянутые, зад и туловище относительно слабые. Прежде средний вес английских такс был 8 килогр. при 25 сантиметрах вышины и 75 с. длины; теперь средний вес 7 кил. при высоте 22 с. и наибольшей длине в 72,5 (Дальзиель). Затем, как было замечено, англичане премируют такс с белой манишкой и белыми лапами, хотя у своих ретриверов, ирландских сеттеров, гордонов и других считают белые отметины недостатком. Немцы же вовсе не допускают у таксы белых отметин, считая их признаком или начинающегося альбинизма, или нечистокровности.

Длинношерстная такса, о которой говорилось выше, по мнению многих немецких авторов, составляет самостоятельную породу с

* Отсюда карикатура в «Понсе» с подписью: «Порода собак, продающаяся на метры».

установившимися признаками. Однако складом, окрасом и величиною она почти не отличается от гладкошерстной; только псовина у нее состоит из длинного, шелковистого, мягкого, слегка волнистого волоса, который еще более удлиняется на ушах, нижней стороне хвоста, вокруг шеи, на всей нижней части туловища и на задней стороне ног, образуя уборную псовину. Масть большею частью черно-подпалая. Известны длинношерстные таксы барона Крамма, у которого они ведутся давно, Книгге и др., но вообще они редки (наприм., на Нюренбергской выставке 1890 года было 6 от

Рис. 49. Длинношерстная такса («Охотничья газета», 1892, № 42)

одного экспонента, на Франкфуртской 1891 г. — 5, на Мюнхенской 1892 г. — 5). Лучшим представителем считался *Schnipp* v. Bünau.

Жесткошерстная такса тоже отличается лишь псовиной, которая должна быть так же жестка, как у немецкой крысоловки или жесткошерстной легавой. Волос мало загнут, всего длиннее (4—5 с.) и жестче он на шее, плечах и затылке, где торчит в разные стороны; на спине и боках псовина плотно прилегающая, то же на ногах (по «Rassen kenzeichen», по Бекману же, должна быть здесь длиннее). На голове волосы слегка удлиняются в виде бровей, усов и бороды, и вообще шерсть на голове соответствует шерсти туловища; только на ушах мягкий и тонкий волос, как у гладкошерстных; живот одет гуще, чем у последних. Если собака живет на открытом воздухе, то у нее под длинным волосом на туловище замечается короткий подшерсток. Хвост должен утончаться к концу, но не должен иметь ни подвеса, ни формы султана. Окрас, как у всех брудастых, более грязных оттенков, менее ярок; хвост боль-

шею частию темно-серый, подпалины бледно-желтые и не так резко отделяются. Молодые собаки имеют более темную рубашку и более короткую псовину, чем впоследствии. Мягкая, мохнатая или всклокоченная шерсть считается за недостаток. Вследствие своей плотной псовины брудастые таксы не особенно чувствительны к переменам температуры, охотно идут в воду и весьма пригодны для охоты на выдру. Порода эта встречается чаще предыдущей (наприм., на Франкфуртской выставке 1891 г. было 19 жесткошерстных такс, из коих 14 принадлежали графу Гану). Она ведется довольно давно в Виртемберге, у лесничего Gasser'a, а в Северной Германии держится многими охотниками, наприм., известным лесничим Гессе и др.

Есть указание, что в Ганновере изредка встречается особая порода такс с отвислым и плоским, как у выдры, хвостом выродившихся потомков тех такс, о которых упоминал Иестер сто лет назад (в 1797 г.). Однако существование такой породы подвержено сильному сомнению.

Что касается **курляндских такс,** встречающихся изредка в Прибалтийских и Привислинских губерниях, то эти таксы еще очень мало известны и недостаточно исследованы и уже утрачиваются в помесях с немецкими, которые их постепенно вытесняют как более совершенные и красивые собаки. Курляндские таксы, по-видимому, крупнее немецких, имеют более короткую колодку и мастью (чепрачною или волчьею), головою и длиною псовины приближаются к русским, восточным, гончим. В Петербурге встречаются таксы с подшерстком, очень напоминающие костромскую гончую в уменьшенном виде и на коротких, почти не искривленных ногах. Сомнительно, чтобы курляндские таксы составляли и прежде самостоятельную породу с постоянными и резкими отличиями от немецких, но несомненно, что при желании и в настоящее время можно было бы вывести от наиболее типичных экземпляров чисто русскую породу.

Отличительные признаки немецких такс выработаны, по немецкому обыкновению, с большими, даже излишними подробностями.

Общий вид напоминающий ласку (Foetorius vulgaris).[58] Собака с очень растянутым туловищем, близким к земле, с чрезвычайно сильно развитою переднею частью и весьма короткими ногами, причем коленки (сочленения) передних сближены, а лапы вывернуты наружу. Хвост мало согнут и на ходу держится параллельно земле или опущенным вниз. Псовина короткая, гладкая и плотная. Выражение умное, живое и внимательное. Собака не должна быть тяжелее 10 килогр.

Голова длинная, с заостренной мордой. Если смотреть сверху,

то она всего шире у затылка, от которого постепенно суживается к носу, но не так резко, как у гончей (немецкой). Передняя часть черепа (лоб) широкая, слегка выпуклая, с мало заметным переломом. Переносье сверху узкое, сбоку кажется прямым или слегка выпуклым (горбоносость); надбровные дуги плоские, не выдающиеся. Морда заострена. Верхние губы (брыли) короткие, но образуют в углу рта ясно выраженную складку. Челюсти совершенно ровные (собака не должна быть подузда), с сильными зубами и твердыми клыками, плотно смыкающимися; наружные резцы верхней челюсти развиты сильнее, чем у других собак*. (От затылочной кости до оконечности носа должна получиться почти прямая линия. Череп не должен быть очень узок. Морда у собаки в $22^1/_2$ с. должна иметь от $7^1/_2$ до $8^1/_2$с. длины.)

Уши средней длины, довольно широкие, на конце слегка закругленные, прикреплены очень высоко и далеко отставлены назад, так что расстояние между глазом и ухом более, чем у других собак. Ухо спускается прямо на щеку, без складок или завертывания внутрь. (В раздраженном состоянии уши несколько оттопыриваются, т. е. они на хряще. У рыжеватых собак ухо с темным оттенком.)

Глаз средней величины, круглый (почти круглый), выпуклый, темный, без видимого белка, с живым, острым, но добродушным взглядом. (У арлекинов глаз стеклянный; у тигровых такс допускаются как стеклянный, так и темный глаз.)

Шея длинная, гибкая, сверху кажется широкою и сильною; не сдавленная у плеч и книзу равномерно расширяющаяся; кожа на горле просторная, не образуя однако подгрудка.

Спина очень длинная, широкая и к пояснице слегка выпуклая (в пояснице заметно выше, чем в загривке); крестец короткий и немного скошенный (покатый).

Грудь широкая, с очень выдающимся соколком (грудь отстоит от земли не более как на $7^1/_2$ сантиметра.) *Ребра* очень длинные, низко спущенные (плоские ребра — недостаток). Живот с очень сильным подрывом (подобранными пахами).

Передние конечности гораздо сильнее задних. Плечи с жесткими, выдающимися мускулами. Локти очень короткие и толстые, внизу сближенные; лапы вразмет. Спереди ноги изогнуты в виде

---

* Крайние резцы имеют почти одинаковую величину с клыками, и между нижними и крайними резцами остается промежуток, в который плотно, как в футляр, входят верхние клыки. Этим, вместе с сильным развитием мускулов челюстей, обусловливается сильный укус такс. Однако, по замечанию Бекмана, такие зубы нельзя считать признаком породы, так как встречаются далеко не у всех собак.

буквы S, сбоку же должны казаться прямыми. (Такс с прямыми или с полукривыми ногами нет.)

Задние конечности прямее, чем у других собак; бедряные мускулы сильные, выдающиеся и угловатые; ляжки (голени) сильно укороченные; пазанки почти вертикальные. (Очень длинные голени — порочны, ибо тогда задние коленки, сочленения с пазанками, должны быть сильно согнуты и ноги становятся подлыжеватыми. Некоторые ошибочно считают сильно согнутый пазанок характеристичным для такс, но это так же неверно, как сильно сближенные коленки передних ног. Правильный пазанок должен быть почти перпендикулярен к земле).

Лапы. Передние лапы гораздо больше задних — шире, сильнее, с крепко сжатыми пальцами, загнутыми черными когтями и большими жесткими подошвами. Задние лапы меньше, круглее и с более короткими и менее согнутыми пальцами и когтями.

Хвост умеренной (!?) длины, довольно толстый у основания, постепенно утончающийся и оканчивающийся острием. Носится горизонтально или ниже, слегка согнутым (саблеобразно); в сильном возбуждении собака поднимает его почти вертикально.

Псовина короткая, плотная и гладкая, лоснящаяся, с колючими кончиками, на ушах чрезвычайно короткая и нежная, внизу хвоста грубее и длиннее, но не образует подвеса. Шерсть на нижней части туловища тоже грубее. (Кожа толстая, но мягкая и необыкновенно эластичная, как у никакой другой* породы, что предохраняет таксу от сильных поранений при схватках с лисой или барсуком.)

Окрас черный, с подпалинами на морде, шее, животе, у заднего прохода, на задней стороне ноги и на концах лап; нос и когти всегда черные. Реже встречаются таксы темно-бурые, золотисто-бурые, багряные, серого, русачьего, окраса с темной полосой на спине, красновато-серые, пепельно-серые и серебристо-серые с черными или темно-бурыми пятнами (тигровой масти). Темная масть почти всегда сопровождается подпалинами, но и при светлом окрасе нос и когти должны быть, по возможности, чернее, а глаза темнее. Допускается лишь узкая белая полоска на средине груди, от соколка книзу. Красно-желтые и желтые таксы не уважаются.

Недостатки: узкий, сжатый с боков или конический спереди череп, узкая или очень короткая морда с очень резким переломом; большие брыли; длинные, свернутые, со складками или оттопыренные уши; тонкая шея; узкая грудь; неправильно искривленные передние ноги, с локотками, от туловища отделенными и с соприкасающимися коленками; неправильно вывернутые или очень слабые лапы с распущенными пальцами; прибылые пальцы на задних

* У блоудхоундов еще более просторная кожа.

ногах; удлиненные голени (ляжки); сильно согнутые или сближенные в сочленениях (коровьи) пазанки; вывернутые наружу или внутрь лапы задних ног; очень длинный. тонкий или толстый, сильно загнутый или псовистый хвост. Белый цвет как основной (фон) и белые отметины не допускаются.

Размѣры типичныхъ таксъ

(въ сантиметрахъ):

Клички.	Ростъ.	Длина головы.	Дл. морды.	Дл. ушей.	Ширина уха.	Разстояніе отъ локотка до земли.	Дл. спины.	Дл. хвоста.	Дл. пазанка.	Окружность груди.
Fitn v. Knigge. . .	20½	17	8	11	7	13	43	24	8½	?
Schlupfer (3915) . .	27	22	8	13	—	13	—	13	—	50
Diana Мейера . . .	27	19	8½	12	7½	14	—	26	—	?

Балльная система экспертизы немцами не применяется; английская же оценка различных частей тела не выдерживает никакой критики.

Голос такс, как сказано, имеет очень мало общего с голосом гончих; это большею частию обыкновенный, хотя звонкий и далеко слышный, лай; по следу, не видя или не чуя близко зверя, такса не лает, то есть редко гонит вдобор (что, впрочем, считается немецкими охотниками излишним).

Таксы вообще очень умны, понятливы, послушны, очень привязчивы к хозяину, даже несколько надоедливы, но требуют ласкового обращения и с ними нельзя прибегать к строгим мерам, так как они упрямы, злопамятны, самолюбивы и обидчивы. Их можно шутя выучить поноске и различным штукам (находить потерянные вещи, отыскивать убитую птицу и т. п.). Они очень чистоплотны, чутки и для дома пригоднее других комнатных собак. Обладая отличным слухом, таксы слышат малейший шорох; это — отличный сторож, никогда не поднимающий напрасной или преждевременной тревоги, подобно беспокойным шпицам и различным терьерам и крысоловкам.

Несмотря, однако, на свою кротость по отношению к людям, и детям в особенности, к другим собакам, даже подобным, таксы относятся крайне неприязненно: они злобны*, завистливы, свар-

* Особенною злобностью отличаются таксы, содержимые на псарне. Бекман приводит случай, что таксы загрызли и разорвали в клочки таксу, посаженную к ним на ночь.

ливы и ссорятся даже с большими собаками, с которыми грызутся особым манером, отпрокидываясь на спину; сильные челюсти, острые и плотно смыкающиеся зубы делают их весьма опасными противниками. На охоте они работают почти всегда в одиночку, так как иначе только мешают друг другу; стайки такс, подобно стайкам бассетов, для надземной охоты вряд ли возможны. Хотя гладкошерстные таксы боятся сырости и чувствительны к холоду, но любят, однако, купаться летом и охотно приносят уток с воды. Всего лучше акклиматизируются они в южных странах; например, в Конго таксы освоились лучше других пород.

В настоящее время таксы являются самою популярною и распространенною породою собак во всей Германии и большей части Австрии (в Венгрии значительно реже). На выставках они составляют четвертую или пятую часть общего числа всех выставляемых собак. На 1-й выставке в Ганновере 1882 г. было 93, на Франкфуртской — 203 таксы. Более 10 клубов (не считая бельгийского и английского) заботятся о совершенствовании этой чисто национальной расы и делают в этом немалые успехи, что доказывается победами лучших выставочных собак на устраиваемых клубами испытаниях в искусственных норах.

Как было замечено выше, таксы имеют весьма разнообразное применение у немецких охотников. Они заменяют им терьера, гончую, ретривера, ищейку и сторожевую собаку. «Такса и легавая, — говорит Отто фон Креквиц, редактор мюнхенского «Hundesport», — вполне удовлетворяют всем потребностям немецкого охотника». Главная работа такс, конечно, подземная, и в этой специальности они превосходят фокстерьеров, так как последние слишком смелы и со слепой горячностью, забывая всякую осторожность, нападают на зверя, почему гораздо чаще подвергаются укусам, чем такса, которая нередко выходит из схватки невредимою или с ничтожными поранениями; чрезмерная горячность и злобность считаются у таксы недостатком, и охотники предпочитают благоразумных и осторожных собак. Кроме того, такса не обращает внимания на крыс, мышей и кошек — самые привлекательные объекты охоты фокстерьеров. Главное качество таксы — это настойчивость: в присутствии врага она отнюдь не должна покидать его, хотя бы на короткое время, а обязана беспрерывно лаять на него; однако не требуется, чтоб она подавала голос на поиске.

Главным образом таксы употребляются для охоты на лисиц в норах, потому что лиса ценнее шкурой, вреднее для дичи и не так злобна, как барсук. Охота производится вдвоем или втроем; охотник с ружьем берет с собою человека с заступом, киркою и топором (для перерубания корней), особыми щипцами, клещами и ино-

гда сетками-кошелями, которые вставляются в отверстия норок. Лучше всего охотиться в дождь и ветреную погоду, когда лисица охотнее прячется в нору. Для подземной охоты такса не должна быть ни очень крупною и толстою, ни очень маленькою и слабосильною, также не очень молодою, а не менее годового возраста или полуторагодовалая; иногда она становится пригодною для охоты только 2-х лет. В местностях с рыхлой почвой, где копать удобно, предпочитаются более рослые и сильные таксы; в каменистой же почве, трудной для копания, пригоднее небольшие таксы, но злобные и бойкие, которые, не вступая, однако, в драку, выгнали бы зверя из-под земли наружу.

Охота производится следующим образом: к норе подходят за ветром без шума и немедленно затыкают все отверстия (или ставят в них большеячейные сетки около 4 футов диаметром с пулями по краям, чтобы зверь лучше запутывался), кроме одного. Затем снимают ошейник с собаки и пускают ее в нору. Если такса не подаст голоса и возвратится обратно, значит, ничего в норе нет. Если же она начинает лаять, то внимательно (на животе, приложив ухо к земле) прислушиваются и начинают копать, чем подзадоривают собаку. Обязанность таксы заключается в том, чтобы загнать лису в тупик, не переставая лаять, и держать ее в осадном положении, пока их обоих не отроют. Собака, которая возвращается к охотнику, облаяв лису, мало ценится, даже если она была укушена, пришла показать свои раны и немедля снова лезет в нору. В каменистой почве, где копать нельзя, такса, как сказано, должна беспокоить, надоедать лаем, преследовать и щипать лису до тех пор, пока она не выскочит из норы под выстрел. Некоторым таксам удается совсем загрызть лису, но этот избыток усердия считается излишним, хотя случается, что они вытаскивают труп наружу.

Когда по лаю можно заключить, что лиса загнана в тупик, начинают копать (сверху) яму между собакой и зверем, что иногда требует немало времени; докопавшись до хода, загораживают заступом обнаружившееся отверстие и вынимают сначала таксу, затем просовывают к лисице палку, и когда она вцепится в нее зубами, схватывают щипцами и вытаскивают наружу. Необходимо каждый раз обмывать собаке глаза и раны, накормить после работы и дать выспаться; перед охотой не дают ничего, кроме корки хлеба и молока.

Охота на барсука мало отличается от описанной, но она труднее, так как барсук сильнее, злобнее и при оплошности собаки быстро зарывается. Поэтому здесь требуется очень настойчивая и увертливая такса, которая отнюдь не возвращалась бы из норы.

В последнее время с уменьшением числа гончих таксы стали

часто употребляться для надземной охоты не только в Германии, но и Швейцарии. Это действительно самая экономическая гончая, безвредная для дичи, не угонивающая зверя за тридевять земель, в чужие дачи; в последнем отношении она почти не уступает бассетам, тем более что с нею можно охотиться в одиночку (впрочем, как говорят, стайка такс гонит на земле довольно дружно). Зверь также нисколько ее не боится, идет от нее не торопясь, часто останавливается и с любопытством поджидает отставшую кривоножку. Едва ли не правы те охотники, которые видят в бассетах и таксах гончих будущего. Следует, однако, заметить, что таксы, приученные к гоньбе на поверхности, уже не так охотно идут в норы, что можно считать косвенным доказательством преобладания в них гончей крови.

Такса гонит по всякому зверю — от кролика до оленя, кабана, даже волка. Trank-Defoug рассказывает, что в Венгрии волк съел у него одну из лучших собак. Пущенная по следу кабана, такса скоро его останавливает, так как зверь, атакованный таким мелким животным, относится к нему презрительно, такса же легко уклоняется от нападений; кабан по малости роста не может даже запороть клыками; можно даже сказать, что он как бы поддразнивает и подзадоривает собаку. Охотник, руководствуясь лаем, подкрадывается и стреляет.

В качестве гончей такса тоже б. ч. подает голос, когда увидит зверя, но она не теряет следа, так как имеет порядочное чутье, конечно нижнее. Она очень хорошо выслеживает на земле зайца, лису, барсука, козу, но при этом не надо отпускать далеко от себя, так как она очень непозывиста и увлекается преследованием. Такса скоро заганивает дикую кошку на дерево и подлаивает ее, также — лесную куницу. На кроликов, по мнению многих, она будто не имеет соперников, так как залезает в непроходимые чащи, кролик же ее не боится и не скрывается в нору, как от брикетов и биглей, да и бежит тихо, так что стрелять его легче; такса лазает за ним в нору.

Наконец, таксы охотно выгоняют выдру из норы и так горячо преследуют, что забывают прирожденное отвращение к воде; впрочем, для этой охоты пригоднее длинношерстные и особенно жесткошерстные собаки. Таксы употребляются также для истребления мелких зверьков — куниц, хорьков, горностаев, которых они выгоняют из холостых строений. Если охотник, стоящий у выхода, промахнется, такса бежит по горячему следу и указывает новое убежище зверька. Затем такса легко может быть приучена исполнять обязанности ретривера и ищейки (Schweisshunde) приносить убитую птицу даже с воды, отыскивать раненого или убитого зверя и лаем уведомлять о том хозяина.

Обучение молодых такс начинается с десятимесячного возраста, причем стараются действовать одною лаской. Сначала, конечно, приучают являться на зов и свисток, после чего (б. ч. летом) начинают водить на сворке и знакомить со следами различных зверей (или одного, если предназначают для специальной охоты) сначала по росе и самым свежим следам, затем спускают со сворки и дают погнать и подать голос. Чтобы собака скорее вернулась обратно, надо оставаться на одном и том же месте. Вообще стараются с раннего возраста внушить таксе ненависть к вонючим зверькам и пользуются всяким удобным случаем, чтобы молодежь могла загнать их в норы. Иногда молодых такс обучают со старой собакой, большею частию с матерью. Для правильной натаски лучше всего достать несколько лисенят; одного дают загрызть, другого пускают в искусственную нору, а затем и ученика. Хорошо притравленная такса, достигнув полного развития, если и наткнется в настоящей норе на целую лисью семью и потерпит некоторые повреждения, обыкновенно становится лишь злобнее, но вместе с тем увертливее и осторожнее.

Не так давно в Германии и даже в Бельгии (с 1891 г.) и Северной Америке начали устраивать одновременно с выставкою испытания злобности такс в особых искусственных норах с выходами, коридорами, перекрестками и тупиками. Бока ходов выложены досками, сверху кладутся дранки, и все заваливается землею. Сначала пускают туда лису или барсука, дают им оглядеться, затем собаку. Испытания эти бывают, однако, подвержены многим случайностям и не всегда оказываются правильными.

В России таксы начали распространяться не более 15—20 лет назад, сначала в Петербурге, потом в Москве и в других больших городах. Особенно многочисленны сделались они с конца восьмидесятых годов. Однако таксы в России почти никогда не употреблялись для охоты, подземной и надземной*, и являются почти исключительно комнатными собаками, очень ценимыми за указанные выше достоинства. В последнее время появилось множество вымесков такс с другими комнатными собаками, а также стали встречаться таксы, по-видимому русского типа, б. ч. желтые с чернью**, вероятно, помесь с русскими гончими, но, быть может,

* На юге, у Ф. Э. Фальц-Фейна, таксы употребляются для выживания лисиц из нор, которые они делают в стогах сена; если стрелок промахнулся, лису ловят борзые.

** Одна из этих желтых такс (в Москве) отличается тем, что на правом бедре у нее имеется сероватое пятно в ладонь, с черными крупными крапинами продолговатой формы. Надо полагать, что это начинающийся арлекинизм, быть может вызванный каким-либо наружным повреждением (например, укусом).

и курляндские. В Прибалтийских и Привислинских губерниях таксы и охота с ними известны еще с прошлого столетия и всегда там многочисленны*.

Количество такс на выставках, особенно петербургских, с каждым годом увеличивается. На IX выставке Общества любителей породистых собак в 1896 г. г-жею Бейер была показана целая коллекция в несколько десятков такс всех разновидностей и окрасов; эта любительница обладает большим питомником в окрестностях Петербурга (в Лигове). В Москве лучшие таксы у гг. Бранта и Рингеля.

* О таксах впервые упоминает Левшин в «Современном егере».

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Текст печатается по единственной публикации в журнале «Природа и охота».

Борзые:

Очерк истории борзых — 1895, № 3, с. 161—178; сноска: «Статья эта составляет введение к описанию пород борзых, помещенному во 2 томе печатающегося сочинения «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые».

Брудастые борзые — 1895, № 7, с. 34—67.

Русские борзые — 1897, № 3, с. 1—37; № 4, с. 1—44; № 5, с. 1—31.

Гончие:

Введение — 1897, № 6, с. 1—16.

Брудастые гончие — там же, с. 16—52.

Западные гончие — 1897, № 7, с. 1—50 (вступление и французские гладкошерстные гончие); № 8, с. 1—57 (английские гончие); № 12, с. 7—39 (немецкие гончие).

Восточные гончие — 1897, № 9, с. 33—71 (вступление, китайская гончая, русские гончие); № 10, с. 1—44 (костромская гончая); № 11, с. 1—45 (старинная русская, русская крутогонная, англо-русская гончая, арлекины и польско-русские гончие).

Бассеты — 1899, № 5, с. 9—17 (сноска «Печатаемые рукописи покойного Л. П. Сабанеева представляют продолжение его книги «Собаки». — *Ред.*); № 6, с. 1—8; № 7, с. 9—12 (вступление и французские бассеты); № 7, с. 12—16; № 8, с. 1—7 (английские бигли); № 11, с. 25—30; № 12, с. 1—12 (немецкие таксы).

Опубликованные в качестве приложения заметки А. Новикова «По поводу статьи «Русские борзые» и Н. Н. Бибикова «Охота Бибиковых» были помещены в ж. «Природа и охота», 1897, № 5, с. 32—37.

[1]*...были современниками первых римлян.* — По преданию, Рим основан ок. 754—753 гг. до н. э.; в 8—6 вв. до н. э. управлялся царями; в 510—509 гг. до н. э. установлена республика, превратился в крупное государство к середине 3 в. до н. э.

[2]*...не мог существовать ранее халдеев, египтян и ассирийцев.* — Халдеи — семитические племена, жившие в первой половине первого тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии. В 626—538 гг. до н. э. в Вавилоне правила халдейская династия, основавшая Нововавилонское царство. Египтяне — имеются в виду жители древнего Египта, государства в Северо-Восточной Африке, расцвет которого приходится на 16—15 вв. до н. э. Ассирийцы — жители Древнего государства в Северном Двуречье (территория современного Ирана). В конце 15-го — начале 14-го в. до н. э. создана сильная держава, подчинившая себе Вавилонию; наивысший расцвет Ассирии — вторая половина 8-го — первая половина 7-го в. до н. э.

[3]*...с переселением арийских племен...* — Арийские племена, арийцы, арии — народы индоевропейской (прежде всего, индоиранской) языковой общности.

[4]*...занятые белгами и галлами, народами кельтийского племени...* — Белги — кельтские племена (белловаки, менапии и др.) в Северной Галлии и на побережье Британии; в 16 в. до н. э. территория их расселения составила римскую провинцию Белгика, которую в 5 в. н. э. завоевали франки; британские белги в середине 1 в. до н. э. покорены римлянами. Галлы — римское название кельтов, населявших территорию между рекой По и Альпами (Цизальпинская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном (Трансальпинская Галлия); в конце 5 в. н. э. вошла во Франкское государство. Кельты — древние индоевропейские племена (бойи, гельветы, белги, секваны, эдуи и др.), обитавшие во второй половине первого тысячелетия до н. э. на территории современных Франции, Бельгии, Швейцарии, южной части ФРГ, Австрии, севера Италии, севера и запада Испании, Британских островов, Чехии, частично Венгрии и Болгарии; к середине 1 в. до н. э. покорены римлянами.

[5]*...были привезены сюда... норманнами...* — От скандинавского northmann — северный человек. Под этим названием известны были народы Скандинавии в период их походов на Западную Европу (конец 8-го — середина 11-го в.). В начале 10 в. завоевали устье Сены, по договору 911 г. между вождем норманнов Ролланом и французским королем Карлом III Простоватым здесь было образовано герцогство Нормандия.

[6]*...с основанием африканских колоний финикиянами.* — Современное написание — финикийцы, семитские племена, населявшие древнюю страну Финикию на восточном побережье Средиземного моря (береговая полоса современных Ливана и Сирии). Колонизация ими Северной Африки относится к началу первого тысячелетия до н. э., город-государство Карфаген основан в 825 г. до н. э. В 6 в. до н. э. Финикия завоевана персами.

[7]*...одновременно с завоеваниями последователей ислама.* — Имеется в виду завоевание Балканских государств в 14 в. Османской империей.

[8]*...начиная со скифов и сарматов и кончая половцами, хазарами и печенегами.* — Скифы (skythai) — общее название основного населения Северного Причерноморья с 7 в. до н. э. Сарматы (sarmatae) — общее название ираноязычных племен, расселявшихся в 3 в. до н. э. — 4 в. н. э. в степях от р. Тобол до р. Дунай. Половцы (кипчаки, кыпчаки, куманы) — русское название монголоидного тюркоязычного населения, пришедшего в Причерноморские степи в 11 в. из Заволжья. Хазары — кочевой тюркоязычный народ, появившийся в 4 в. на западном побережье Каспийского моря до р. Сулак в Северном Дагестане, низовьях Дона и Волги. Печенеги — союз племен, образовавшийся в 8—9 вв. между Волгой и Уралом от смешения кочевников тюрков с сарматскими и угро-финскими племенами. Как единый народ перестали существовать в 13—14 вв., слившись с половцами, венграми, русскими, монголами и другими народами.

[9]*...франки, надо полагать...* — Франки (franci) — группа западногерманских племен (халгавы, бруктеры, усибеты, тенктеры, сугамбры и др.), объединившихся в племенной союз (середина 3 в.); в конце 5 в. образовали Франкское государство, просуществовавшее до середины 9 в.

[10]*...что же касается гуннов...* — Гунны (hunni) — кочевой народ, сложившийся во 2—4 вв. в Приуралье из тюркоязычных народов, прикочевавших из Центральной Азии, и местных угров и сарматов. С 70-х гг. 4 в. начали массовое передвижение на запад, давшее толчок Великому пересе-

лению народов. Пройдя через Кавказ, вторглись в Сирию, Каппадокию, Паннонию и далее в Галлию.

[11]*...сходство с вогульской лайкой...* — Вогулы — до 30-х гг. 20 в. название народа манси, коренного населения Ханты-Мансийского (до 1940 г. Остяко-Вогульского) национального округа Тюменской обл. РСФСР.

[12]*...еще у бедуинов древности...* — Бедуины — кочевые арабы-скотоводы Передней Азии и Северной Африки.

[13]*...из Испании от мавров...* — Мавры — так в Западной Европе называли мусульманское население Пиренейского полуострова и Северной Африки. Испанию мавры (общее название арабов и берберов) завоевали в 711—718 гг., образовав в 756 г. Кордовский эмират, а в 929-м — Кордовский халифат. В результате Реконкисты (освободительной борьбы народов Пиренейского полуострова против мавров) к середине 13 в. у мавров осталась лишь небольшая территория на юге — Гранадский эмират, который был уничтожен в 1492 г. Мавры насильно обращались в христианство, не принявшие его — изгонялись.

[14]*...Революция положила навсегда конец охоте...* — Имеется в виду Великая французская революция 1789—1794 гг.

[15]*...салических законов* (V столетия)... — Салический закон (Lex Salica), Салическая правда — запись обычного права салических франков, содержит перечень преступлений и наказаний, налагавшихся главным образом в виде штрафов, в том числе за кражу или убийство охотничьих собак.

[16]*...через молдаван и валахов...* — Валахи — народность, вошедшая в состав румынской нации.

[17]*...и потурчившимися боснийскими бегами, т. е. дворянами...* — Имеются в виду боснийские феодалы, принявшие ислам после покорения Боснии в 1463 г. Турцией.

[18]*...с войны за освобождение Болгарии...* — Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

[19]*...о брудастых борзых белгов, галлов и скоттов.* — Скотты — группа кельтских племен в Древней Германии и Шотландии. Белги и галлы — см. выше, прим. 4.

[20]*...происходивших из страны пиктов...* — Группа племен древнейшего населения Шотландии; в 9 в. завоеваны скоттами (см. предыд. прим.) и смешались с ними.

[21]*...пелазгами, позднее фракийцами и иллирийцами...* — Пелазги (пеласги) — согласно античным преданиям, так называлось догреческое население юга Балканского полуострова, островов Эгейского моря, Эпира (территория Западной Греции), Фессалии (территория Восточной Греции), западного побережья Малой Азии. Фракийцы — группа древних индоевропейских племен (даки, одрисы, геты и др.), населявших северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии. Иллирийцы (illyrio) — общее название обширной группы индоевропейских племен (далматы, либурны, истры, яподы, паннонцы и др.), занимавших в древности северо-запад Балканского полуострова и частично юго-восток Апеннинского.

[22]*...южноафриканские боеры и североамериканские скваттеры...* — Боеры — мелкие фермеры в Южной Африке, арендовавшие земли на усло-

виях отработки; скваттеры — фермеры, захватывавшие явочным порядком незаселенные земли.

[23]*...особенно во времена бироновщины.* — Бироновщина — реакционный режим в России в 30-х гг. 18 в. в царствование императрицы Анны Иоанновны; назван по имени ее фаворита Э. Бирона.

[24]*...овчарки кавказских татар...* — В дореволюционной литературе татарами часто называли различные народности тюркоязычных мусульман. В данном случае Л. П. Сабанеев имеет в виду, вероятнее всего, народности Дагестана.

[25]*...в «Ж. имп. общ. охоты»...* — «Журнал Императорского общества охоты» — так иногда Л. П. Сабанеев называл свой «Журнал охоты», орган императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты (1874—1877).

[26]*...В завещании Владимира Мономаха...* — В современном литературоведении это произведение известно как «Поучение Владимира Мономаха».

[27]*...казанских татар с астраханскими, ногайскими...* — Казанские татары — татарское население, жившее на территории Казанской губернии, ныне — территория Татарской АССР (гл. город — Казань). Астраханские татары — татарское население Астраханской губернии, на территории которой в 1459—1556 гг. существовало Астраханское ханство, возникшее в результате распада Золотой Орды. В настоящее время около 8% населения Астраханской области составляют татары. Ногайские татары — в настоящее время ногайцы (самоназвание *ногай*), народ, живущий преимущественно в Ставропольском крае, Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области.

[28]*...к ним относятся зырянские, вогульские, башкирские и тунгусские лайки.* — Зыряне — дореволюционное название народа коми, живущего в основной массе на территории Коми АССР. Вогульские — см. прим. 11. Тунгусы — устаревшее название эвенков, живущих в Эвенкийском национальном округе Красноярского края, в Томской, Иркутской, Читинской, Амурской и Сахалинской обл., Хабаровском крае и Якутской АССР.

[29]*...по окончании севастопольской кампании, последней турецкой войны, даже ахалтекинской экспедиции...* — Л. П. Сабанеев имеет в виду Крымскую войну 1853—1856 гг., русско-турецкую войну 1877—1878 гг. и походы русских войск с целью занятия Ахалтекинского оазиса (Туркмения) в 1879 г. (неудачный) и в 1880—1881 гг. под командованием генерала М. Д. Скобелева.

[30]*...Хотя в турецкие войны прошлого столетия...* — Имеются в виду русско-турецкие войны 1710—1713, 1735—39, 1768—74, 1787—91 гг.

[31]*...закавказских татар и персидских курдов...* — В дореволюционной литературе татарами (а также тюрками) называли мусульманское население современного Азербайджана. Курды — народ в Турции, Иране, Ираке, Сирии и некоторых других странах. Персидские курды — курдское население Ирана, который до 1935 г. назывался Персией.

[32]*...после арпачайского дела (в 1807 году)...* — Эпизод русско-турецкой войны 1806—12 гг., когда русские войска под руководством фельдмаршала И. В. Гудовича одержали победу при Арпачае (Закавказье).

[33]*...приведенных поляками в смутные времена...* — В русской дореволюционной историографии так принято было называть события русской

истории конца 16-го — начала 17-го в., от смерти Ивана Грозного (1584) до воцарения Михаила Романова (1613), в том числе польскую интервенцию.

[34]*...Капские колонисты..* — Жители английской колонии Капская провинция (с 1910 г. — провинция Южно-Африканского Союза, с 1961 г. — провинция ЮАР) на юго-западе Африки. Коренное население — банту, бугимены, готтентоты.

[35]*...Швейнфурт говорит, что динки* (Dinkas)... — Динка (самоназвание — дженг) — народ, живущий в южной части Судана. В прошлом веке этнографические и биологические исследования в этой части Африки проводил немецкий ученый-ботаник Георг Август Швейнфурт (Schweinfurth), 1836—1925 гг.

[36]*...в прежних варварийских владениях...* — Варварами в Древней Греции и Риме называли всех чужеземцев (греч. barbaroi), говорящих на непонятном им языке и чуждых их культуре.

[37]*Аргос Одиссея...* — в 17-й песне «Одиссеи» (стихи 290—304 в переводе В. А. Жуковского) говорится об Аргосе (Аргусе), любимой собаке Одиссея:

> ...Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
> Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
> Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
> Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
> Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили...

[38]*...так как кельтиберы...* — Кельтиберы (celtiberi) — племена на северо-востоке Испании, образовавшиеся от смешения иберов и кельтов, расселившихся на Пиренейском полуострове в 5—3 вв. до н. э.

[39]*...После Реставрации...* — После Великой французской революции, когда в 1793 г. был низложен и казнен Людовик XVI, и правления Наполеона династия Бурбонов в лице Людовика XVIII была восстановлена в 1814 г.

[40]*...баварских и алеманнских узаконений...* — Составные части германских узаконений; в современной исторической науке — это Баварская правда (середина 8 в.) и Алеманнская правда (конец 6—8 вв.), записи обычного права германских племен, основавших в первом тысячелетии нашей эры свои королевства на территории Западной Римской империи.

[41]*...гончих дореволюционного периода.* — Л. П. Сабанеев имеет в виду Великую французскую революцию 1789—1794 гг.

[42]*...воспользовались смутным временем...* — Л. П. Сабанеев имеет в виду революционные и послереволюционные события конца 18-го — начала 19-го в. во Франции.

[43]*...До революции 1688 г...* — Л. П. Сабанеев имеет в виду верхушечный государственный переворот в Великобритании, в результате которого был низложен английский король Яков II Стюарт, а английский престол был передан парламентом голландскому штатгальтеру Вильгельму Оранскому, ставшему в 1689 г. английским королем Вильгельмом III. Правящие классы Англии называли этот переворот «Бескровной революцией», «Славной революцией».

[44]*...гладкошерстные гончие бургундских узаконений...* — Современное название — Бургундская правда (конец 5-го — начало 6-го в.) одна из Варварских правд, записей обычного права германских племен (см. также прим. 15 и 40).

[45]*...германских узаконений...* — См. прим. 15, 40 и 44.

[46]*...До отобрания Шлезвиг-Гольштейна Дания имела...* — Самостоятельные территории Шлезвиг и Гольштейн, объединенные гольштейнскими графами в 1386 г., с 1460 г. находились под управлением датского короля. После поражения Дании в войне с Австрией и Пруссией (Датская война 1864 г.) Гольштейн перешел под управление Австрии, Шлезвиг — Пруссии, а после австро-прусской войны 1866 г. Шлезвиг-Гольштейн стал провинцией Пруссии. В настоящее время земля в составе ФРГ.

[47]*...во времена князей галицких и киевских...* — То есть до начала 13 в., так как Киевская Русь распалась в 1132 г., а Галицкое княжество прекратило существование как самостоятельное в 1199 г.

[48]*...в конце прошлого столетия, когда конфедераты...* — Члены временного политического союза вооруженной шляхты реакционной Тарговицкой конфедерации (1792 г.), содействовали второму разделу Польши (1793 г.).

[49]*...после первого польского восстания...* — Имеется в виду польское восстание 1830—1833 гг.

[50]*...после второго польского восстания...* — Имеется в виду польское восстание 1863—1864 гг.

[51]*...быть может, ко временам великих князей...* — Главы русского государства назывались великими князьями с 15-го до середины 16-го в. (титул царя Иван IV Грозный принял в 1547 г.).

[52]*...во времена бироновщины...* — См. прим. 23.

[53]*...в поэме «Псовая охота» («Заревели зюзенята, запищали кашкерята»).* — Из контекста получается, будто последняя фраза является цитатой из поэмы Н. А. Некрасова «Псовая охота». Однако ничего похожего (и по размеру) в поэме Некрасова нет.

[54]*...времен московских царей...* — Правители русского государства назывались царями с 1547 по 1721 гг.

[55]*...во время польского восстания...* — Имеется в виду польское восстание 1863—1864 гг. (январь 1863-го — май 1864-го) в Королевстве Польском, Литве, части Белоруссии и на Правобережной Украине против царского самодержавия.

[56]*...со времен персидской кампании...* — Имеется в виду русско-иранская война 1826—1828 гг.

[57]*...для отыскивания трюфелей...* — Трюфели — сумчатые грибы с подземными клубнями, некоторые из них съедобны, например, черный французский трюфель, который, вероятно, и имеет в виду Л. П. Сабанеев.

[58]*...напоминающий ласку (Foetorius vulgaris).* — По современной классификации ласка — Mustela nivalis.

По поводу статьи «РУССКИЕ БОРЗЫЕ»*

В статье «Русские борзые» относительно собак покойного А. В. Назимова и их происхождения приведены неверные данные, почему считаю необходимым сделать поправки. С покойным А. В. Назимовым я был знаком более двадцати лет и был с ним в приятельских отношениях. Не один раз ездил к нему в имение охотиться со своими собаками и бывал и без собак, а в г. Бежецке, где он служил исправником, не проходило месяца, когда я не был бы у него два-три раза. Бывал и он у меня нередко, и часто мы охотились вместе. Первое время, покуда он не помешал своих собак, мы взаимно пользовались кобелями для вязки своих сук и обменивались щенками. При таких отношениях, понятно, все, что он мог сообщить о породе своих собак, я знал; и все, что совершалось у него, так сказать, на псарном дворе, я тоже знал досконально.

Прежде всего замечу, что А. В. Назимов бежецким помещиком никогда не был, а был помещиком Тверского уезда. Родовое имение его, Острожное, от Твери по Волоколамскому тракту в 45 верстах.

Насколько помнится, еще в тридцатых годах у Назимова была своя штатная охота и велась своя порода борзых. К этим собакам была подпущена кровь не гордеевских и трегубовских собак, а собак гг. Дубенского и Березникова и еще помещика Владимирской губернии Рагузина, бывшего приятеля Назимова. Но все это было до 1850 года.

Назимов имел такие полные сведения о псовой охоте и такой, можно сказать, охотничий талант, что едва ли можно встретить в наше время другого подобного ему специалиста. Когда я повез его и А. С. Паскина к моему дяде Н. П. Томановскому, старику под сто лет, но еще бодро ездившему на коне и охотившемуся в ранней юности, то он не мог подивиться его наблюдательности при разборе его борзых и гончих.

Меня очень интересовало, каким путем Назимов мог развить в своих собаках такую беззаветную злобу и мертвую хватку. На мои вопросы он отвечал так: «Добился я этого не скоро, а десятками лет, путем подбора! Высмотришь, бывало, у приятеля собаку и всеми неправдами повяжешь свою суку. Я увлекался травлею волка до безумия, как и брат мой Илья! Я беспощадно вешал и раздавал и очень хороших собак, если только они брали волка не так, как было нужно, и наконец добился, что злобная кровь установилась в породе моих собак. А добиться этого было не так легко. Нужно было хорошо изучить характер собак и сообразить, пригодны ли к этому серьезному делу ее лады, а совместить то и другое вначале было не всегда возможно! Я добывал себе не показную собаку, а полевую! Только в поле можно получить истинное наслаждение, а на всех этих теперешних выставках и садках тешится лишь самолюбие, а не душа охотника!»

У А. В. Назимова ни в Бежецке, ни на псарном дворе в Острожном не только никогда не было брудастых собак, принадлежавших ему, но и собак других охотников, приезжавших к нему. В подтверждение этого факта ссылаюсь на оставшихся еще живых свидетелей: А. С. Паскина, Ил. Ив. Сит-

---

* «Природа и охота», 1897 г., март.

никова, Ник. Алек. Ронцева, Н. И. Калинина, П. М. Римского-Корсакова, Эд. А. Генериц, Н. Н. Бибикова, Н. Ф. Ушакова и Г. Медникова. Это же, вероятно, подтвердят и кн. Мещерский, и Д. С. Сипягин, бывшие в Острожном.

Назимов, насколько я лично знаю, с 1862 года ни с какими собаками своих собак не мешал. Собак у него хортых вовсе не было, а были большею частию псовые и чистопсовые. В октябре после отъезжего поля, для которого он ежегодно брал отпуск на $1^1/_2$ месяца, большинство лучших его собак приводились в г. Бежецк, где они и оставались до 20 августа, когда отсылались в Острожное. В Бежецке собаки содержались взаперти, выпуска не было, и кормились исключительно сырцом — не только зиму, но и лето, так как в городе всегда его можно получить. Там же в городе выводились и вскармливались большинство щенят, а так как последние после трех-четырех месяцев начинали забавляться курами и индюшками, то их тоже запирали. Вот от этого-то содержания собак они и стали тупеть.

В 1871 году сосед мой М. Е. Воробьев, уничтожая своих борзых, подарил Назимову лихих по резвости заячьих сук *Отрадку* и *Пульку*, чрезвычайно красивых и псовистых, породы собак Колударова. Зная этих собак хорошо, я уговаривал Назимова не мешать их со своими, доказывая ему, что старая колударовская кровь осилит кровь его молодых и тогда они потеряют свои выдающиеся достоинства к волку. Это мое замечание, сделанное совершенно искренно, к сожалению, задело самолюбие Назимова и, как теперь помню, он мне ответил: «Голубчик мой! Если я сумел создать своих собак, то сумею и удержать в них то, что мне нужно!» Затем из Тульской губ. Римский-Корсаков привез хортую суку *Шельму*, такую же хортую суку *Хайку* привез ему из Западного края его сын и из Ярославской губ. чистопсовую суку *Негу* — Ушаков. Эти суки были тоже соблазнительной резвости, но совсем незлобны.

И вот с этими-то суками и начал вязать своих кобелей Назимов. Я пробовал не один раз отговорить его от этого, но напрасно. Тогда свой взгляд на последствия такого смешения я напечатал в журнале «Природа и охота», рассчитывая, что кто-нибудь из старых авторитетных охотников поддержит меня и тем остановит Назимова в таком смешении его собак. Но надежды мои не оправдались, и помесь собак пошла своим чередом. С этого времени я уже перестал вязать своих сук с его кобелями. Предположения мои не замедлили оправдаться: одни собаки перестали вовсе брать волков, другие брали с отрывом, но резвость была выдающаяся, хотя и не во всех. Как теперь помню, я был на охоте в Бежецке с Назимовым. Побежал матерый волк по полотну железной дороги, две суки равняются с ним и ни одна не захватывает. Я говорю Назимову: «Видели?» «Это, батюшка, ничего не значит! И у умных людей не все дети родятся в родителей! И от призовых лошадей выходят тупые, а вот я добавлю к ним еще крови своих собак, и будут брать, а ноги-то останутся!» — отвечал он мне. Надежды эти, однако, впоследствии не оправдались, и от всех этих помесей вышел у него один только кобель *Молодец*, который прекрасно брал волка и был чрезвычайно резв, что еще более побудило Назимова продолжать смешение. Он составлял много щенят, потом, когда они оказывались негодными к волку, сбывал направо и налево, и когда вышел в отставку, то в Острожном у него оказались из собак старых его кровей два кобеля, *Голубчик* и еще другой белый,

кличку которого я забыл, а остальное все было помесь, в том числе его фаворитка резвая сука *Сиротка.*

У Алек. Ст. Паскина до уничтожения охоты были тоже собаки старых кровей Назимова, но были и свои собак Нилова; так, я помню его красного резвого кобеля *Недаша.*

У покойного С. Ф. Базилева тоже были эти собаки; подарил я ему суку *Вихру*, которую впоследствии купил у него Н. Н. Бибиков, и кобеля *Швырка*, а также дал ему и несколько щенков. Базилев, собственно, не был настоящим охотником и в собаках ничего не понимал, но был очень самолюбив и старался изобразить из себя настоящего знатока собак. Когда Назимов вышел в отставку и уехал к себе в имение, Базилев задался создать собственную свою породу собак; для этого он выписал с Кавказа пару горских, почти совершенно голых, как английские, и ему их доставили при мне; они даже были обшиты. Затем ему были присланы псовые собаки от певца Славянского и откуда то большой брудастый кобель, от которого у него был только один кобель — страшный урод с жучкиным хвостом. Как отца, так и сына он велел повесить. Из его собак были куплены два кобеля Д. Д. Осиповским. Первый, забыл его кличку, вышел очень злобный и взял приз за злобу, а второй, *Лебедь,* который, как я слышал, оказался негодным и появился на Собачьей площадке. Затем кобель *Бросай,* взявший тоже приз за злобу, был уже после его смерти с другими семью собаками куплен у его сына Д. Н. Томановским, за смертью которого собаки разошлись кой-куда, а *Обрывай* околел.

Жаль очень, что те охотники, которые получили назимовских собак, не старались, сохраняя в чистоте эту замечательную кровь по злобе, путем правильного подбора и воспитания устранить некоторые их недостатки, а с первого же, так сказать, абцуга мешали их со своими, и хотя от этой смеси и могли, в частности, оказаться собаки с достаточной злобой, но они уже были негодны в производители.

Насколько сильна злоба старых кровей собак Назимова можно судить уже по тому, что шестой год в нашем уезде волков нет и поэтому приходится пробавляться зайчишкой и нередко лисой, и все-таки в них остается та же мертвая хватка, как и на волке, и высвободить из щипца русака без особого приема нельзя. В 1894 году мои собаки были в Киеве на садке, из них только один кобель два раза был на волке, а остальные и не видывали, но тем не менее они взяли там приз на матерого и отличились и в одиночку.

Я лично убежден, что в назимовских собаках горской крови нет, на том основании, что если б она была, то хоть один какой-нибудь раз выдалась бы хортая собака. Кроме того, в то время, когда Назимов создавал свою породу, в наших охотах были свои красивые и резвые собаки и, следовательно, не было надобности в горских собаках, тем более что и к суровому нашему климату они не подходят.

А. Новиков.

25 апреля 1897 г.
С. Демишино

ОХОТА БИБИКОВЫХ

Ввиду того что редакцией собираются сведения о породах вообще борзых собак в русских охотах, препровождаю сведения о родословии псовых борзых собак охоты Бибиковых. До моего знакомства с незабвенным Александром Васильевичем Назимовым велась своя порода борзых собак под названием назимовских (моего тестя покойника); дальше, когда я получал собак от покойника Назимова, породы собак его и наших были смешаны, и от такого соединения было много собак замечательных во всех отношениях, да и сейчас таковые есть. В последнее же время для освежения крови брались собаки из охоты А. И. Новикова и также из першинской охоты получена *Раскида* старой крови, породы собак Ф. В. Протасьева, и с разрешения е. и. в. великого князя Николая Николаевича была поставлена наша сука *Услада* с *Хохликом* породы собак гг. Дурасовых Помет этот обещает многое.

В заключение должен сказать про породу собак своего покойника тестя Григория Петровича Ивашкина (современника давно умершего М. П. Глебова). Окрас этих собак был светло- и красно-половый, псовина обыкновенная, собаки были ладные и нестомчивые, отличались особой резвостью, вообще порода эта в нашем краю оставила по себе добрую память. Замечательная особенность, наблюдаемая на псовой породе собак Ивашкиных: суки часто не пустовали до 3-х осеней и даже больше. Охота Бибиковых существует с 50-х годов.

Май 1897 г.

Н. Н. Бибиков

ПЕРЕВОД ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

«Arte de Ballisteria y Monteria» (исп.) — «Искусство стрельбы и псовой охоты».

Raison d'être (фр.) — право на существование; разумное основание, смысл.

«Natural History of Dogs»(англ.) — «Естественная история собак».

«Säugethiere» (нем.) — «Млекопитающие».

«Naturg. d. Säugethiere» (нем.) — «Естественная история млекопитающих».

«Chasse et Pêche» (фр.) — «Охота и рыбная ловля».

Ayant la taille et presque l'aspect d'un greyhound (фр.) — имел телосложение и почти такой же внешний вид, как у грейхоунда.

Ces chiens ont un aspect qui fait penser au croisement avec le levron d'Italie (фр.) — эти собаки имеют внешний вид, который наводит на мысль о родстве с итальянской борзой.

«La Vénerie» (фр.) — «Псовая охота».

«Maison rustique» (фр.) — «Сельский дом».

«Chasse au Lièvre» (фр.) — «Охота на зайца».

«Je fais grand compte des chiens...» и т. д., сноска на с. 174 (фр.) — «Я высоко ставлю красноватых, как бы опаленных пламенем собак; они всегда

готовы к драке и охотятся в любое время; обычно эти собаки имеют толстые хвосты и грубую шерсть; они храбры, огненны и кажется, что извергают из пасти пламя, поэтому и глаза у них красные; поверьте, они от природы стремительны, легки, горячи, любят всегда быть в движении и томятся от бездействия на псарне, не знают ни усталости, ни скуки; поистине это собаки для дворян, которые не упускают случая дать им проявить себя и охотятся беспрерывно...»

Lex Salica, VI, 1. Si quis *sigusium* canem... и т. д., сноска на с. 176 (латынь). — *Салическая Правда,* VI, 1. Если кто собаку-вожака породы *sigusium* уведет или убьет, то он присуждается к уплате 600 дин., что составляет 15 сол.

Бургундская Правда, X, 1. Если кто собаку vetraum (борзые), или (то есть) *segutium...* и т. д. В алеманнских и баварских узаконениях sigusium исковеркано в seusiu и seucem.

Алеманнская Правда, LXXXIV, 1. Если кто причинит вред собаке seusiu, то за первого вожака (стаи) заплатит 6 сол., за второго — 3 сол.

Баварская Правда, XX, 1. Если кто украдет собаку seucem, которая называется leitihunt (оленьей), то должен либо ее вернуть, либо подобную ей и уплатить 6 сол.

(Дин. — динарий; сол. — солид — денежные единицы германских народов 6—8 вв.).

«Le roy Saint Louis estant allé à la conqueste...» и т. д., сноска на с. 177 (фр.) — «Король Людовик Святой, который отправился завоевывать святую землю, попал в плен. А поскольку помимо других почтенных занятий он любил удовольствия охоты и вот-вот должен был вновь обрести свободу, то, узнав о том, что в Татарии есть порода собак, весьма пригодных для охоты на оленя, он на обратном пути во Францию взял их с собой целую свору; сия порода собак, которых называют серыми гончими, — старая и древняя порода этой короны». («Карл IX. Королевская охота»)

Дю Фулью (1561) говорит, что лучшие были «gris sur l'eschine...» и т. д. до конца абзаца на с. 251 (фр.) — Дю Фулью (1561) говорит, что лучшие были «с серой холкой, с четырьмя красными глазами и лапами этого же окраса, напоминающего цвет лапы зайца», встречались с черным оттенком и с ногами, «покрытыми крапинками и волнами красного и черного оттенка». В царствование Людовика XII (начало XVI века) в эпитафии к знаменитой гончей короля *Relais* говорится:

Моя серая шерсть сильно отливала коричневым оттенком.

Что является самой распространенной особенностью старой породы.

«Chasse royale» (фр.) — «Королевская охота».

Quatrollez de rouge (фр.) — четырехглазые красные.

Marbré de rouge (фр.) — с красными прожилками.

«Art de Vénerie» (фр.) — «Искусство псовой охоты».

«La chasse, son histoire et sa legislation» (фр.) — «Охота, ее история и законодательство».

«Chasse aux chiens courants» (фр.) — «Охота с гончими собаками».

Valet de limier (фр.) — псарь гончих собак.

«Parfait chasseur» (фр.) — «Умелый охотник».

«Traité des chasses à courre et à tir» (фр.) — «Трактат о псовой охоте и охоте с ружьем».

«Rassen d. Hundes» (нем.) — «Породы собак».

«Chasses en Franche-Comté, avant et après la Révolution 1789» («Journ. des chasseurs») (фр.) — «Охота в провинции Франш-Конте до и после революции 1789 г.» («Журнал охотников»)..

«Roy Modus»: «Car il est nécessaire d'avoir toujours un chien bien affaité pour siévir du sang lequel est nommé *braquet*» (фр.) — «Король Модус»: «Так как всегда необходимо иметь собаку, распаляющуюся от крови и называемую *браке*».

Très collées à la voix (фр.) — очень привязанные к голосу.

Manteau noir, bordé de rouge (фр.) — черный плащ, с красной каймой.

Countrey Consentement (англ.) — сельские развлечения.

Der englische Jagdhunde (нем.) — английская охотничья собака.

Der englische Fuchshunde (нем.) — английский фокскоунд.

Der englische Stöberhunde (нем.) — английская норная собака.

Der englische Parforcenhunde (нем.) — англнйская парфорсная собака.

Der englische Schweisshunde (нем.) — английская легавая собака.

Der englische Bracke (нем.) — английский брак.

Der Hirschhunde (нем.) — гончая собака.

„Cynographia Britannica" (англ.) — «Британская кинология».

Chiens de luxe (фр.) — породистые собаки.

De carène profonde (фр.) — глубокая подводная часть судна.

«Sportsman's Cabinet» (англ.) — «Шкатулка спортсмена».

«The Gentlemane Magazine» (англ.) — «Журнал джентльмена».

«Chasse Illustrée» (фр.) — «Иллюстрированная охота».

«Field» (англ.) — «Поле».

Noticia venatica (лат.) — Охотничьи заметки.

«Sports and Pursuits of the English» (англ). — «Спорт и охота в Англии».

Lake (англ.) — озеро.

Change (англ.) — обмен.

«Forst- und Jagdgeschichte Deutschlands» (нем.) — «История лесоводства и охоты в Германии».

Leithund, canis seucis... и т. д., сноска на с. 297 (лат.).

1. *Leithund,* canis seucis, leutihunt — для отыскивания оленей. (Баварская Правда, XX, 1. Если кто украдет собаку seucem, которая называется leitihunt, то должен либо ее вернуть, либо подобную ей и уплатить 6 сол; Алеманнская Правда, LXXXIV, 2. То же, относящееся к собаке, называемой leitihunt, приученной следовать за человеком, определяет штраф в 12 сол.).

2. *Spürhund,* spurihunt — для отыскивания лосей, зубров и туров. (Баварская Правда, XX, 3. Если кто украдет собаку, идущую по следу на поводке, которая называется spurihunt, вместе с 6 сол. штрафа должен вернуть ее или ей подобную).

3. *Jagdhund,* canis seusius, canis cursalis. Отличали вожаков и стайных. Для всех крупных зверей, кроме кабанов. (Салическая Правда, VI, 1. Если кто собаку-вожака породы sigusium уведет или убьет, то он присуждается к уплате 600 дин., что составляет 15 сол. — Алеманнская Правда, LXXXIV, 1. Если кто причинит вред собаке seusius, то за первого вожака (стаи) заплатит 6 сол., за второго — 3 сол.).

4. *Treibhund,* triphunt — для кабанов. (Баварская Правда, XX, 2. Если

кто украдет ученую собаку породы seucem, которая называется triphunt, то уплатит 3 сол.).

5. *Bracke,* braco petrunculus — гончая. (Бургундская Правда, XCVII. Если кто собаку petrunculum возьмет...).

6. *Hetzhund* — собака по кабану, медведю, а также нападающая на корову или быка. (Алеманнская Правда, LXXXIV, 3. Если кто убьет хорошую собаку по кабану, медведю, а также нападающую на корову или быка, то уплатит 3 сол. То же в Баварской Правде, XX, 7).

7. *Windhund,* canis veltris, veltraus, leporarius — для ловли зайцев. (Баварская Правда, XX, 5. Относительно собак veltricis, которые не преследуют зайца, а загоняют его благодаря своей резвости, при возврате штраф 3 сол. — Алеманнская Правда, LXXXIV, 3... если убьет собаку veltris, то уплатит 3 сол. То же Бургундская Правда, XCVII).

8. *Biberhund,* piparhunt — для подземной охоты. (Баварская Правда, XX, 4. Что касается собак, называемых piparhunt, которые охотятся под землей, то если кто убьет ее, то обязан возвратить такую же и уплатить 3 сол.).

9. *Habichthund,* hapuhhunt, canis acceptoricius, barmbraccus — для отыскивания птицы на соколиной охоте. (Баварская Правда, XX, 6. Что касается собаки, называемой hapuhhunt, то подлежит такому же определению (как для борзых).

Stöber (нем.) — норная собака.

«Der Dianen hohes und niederes Jagdgeheimniss» (нем.) — «Простые и сложные охотничьи тайны Дианы».

«Rassenkennzeichen der Hunde» (нем.) — «Указатель пород собак».

Chiens bleus de Foudras (фр.) — голубые собаки Фудра.

«Hand bok för Hundvänner» (шв.) — «Карманная книга для владельцев собак».

«Jact» (шв.) — «Охота».

L. c., loco citato (лат.) — в упомянутом месте, там же.

Elle est très collée à la voix (фр.) — она очень привязана к голосу.

Ibid., ibidem (лат.) — там же.

«Mémoire sur l'origine des races chez les animaux domestiques». — Biblioth. de l'Ecole des Hautes Etudes (фр.) — «Исследование происхождения пород домашних животных». — Библиотека Школы высших наук.

«Roi Modus» (фр.) — «Король Модус».

Hallali (фр.) — улю-лю (крик охотника).

Jardin d'Acclimation (фр.) — зоологический (или ботанический) сад.

«Rassenkennzeichen» (нем.) — «Указатель пород».

Hundesport (нем.) — состязания охотничьих собак.

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ МЕРЫ

аршин — 71,12 см
верста — 1,06 км
вершок — 4,45 см
дюйм (″) — 2,54 см
миля английская — 1,6 км
морген (мера площади) — 25,5 ар (Пруссия), 27,67 ар (Саксония), 31,5 ар (Вюртемберг), 34,07 ар (Бавария), 36 ар (Баден-Баден)
сажень — 2,13 м
фунт англ. — 453 г
фут — 30,48 см
ярд — 91,44 см

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ. — английский
бар. — барон
бол. — большой
бол. сер. мед. — большая серебряная медаль
бол. серебр. мед. — большая серебряная медаль
бр. б. — брудастые борзые
б. ч. — большей частью
в. — вандейский, вершок
верш. — вершок
в. кн. — великий князь
внутр. — внутренний
выст. — выставка
г. — год, господин
гг. — господа
г-жа — госпожа
госуд. — государей
гр. — граф
д. — дюйм
департ. — департамент
др. — другой
д-р — доктор
е. и. в — его императорское величество
ест. — естественный
ж. — журнал
журн. — журнал
зам. — заметки
зол. мед. — золотая медаль
зап. — западный, записки
изд. — издание
импер. — императорский
кил. — килограмм
килогр. — килограмм
килом. — километр
кн. — книга
коннозав. — коннозаводство
л. — лет
м. — месяц, минута
«Моск. вед» — «Московские ведомости»
м. сер. мед. — малая серебряная медаль
м. с. м. — малая серебряная медаль
назыв. — называемый
напр. — например
наприм. — например
нов. — новый
общ. — общество
окружн. — окружность
окт. — октябрь
ох. — охота
оч. — очередной
очер. — очередной
«Пр. и охота» — «Природа и охота»
прир. — природа
р. — род (в биологической классификации)
растянут. — растянутый
р. с. — рубль серебром
руж. — ружейный
русск. — русский
р. х. — рождение Христа (в датах)
с. — сантиметр
саж. — сажень
св. — святой
с.-в. — северо-восток
сев. — северный
см. — сантиметр, смотри, смычок
ст. — столетие
стол. — столетие
стр. — страница
так назыв. — так называемый
т. е. — то есть
т. н. — так называемый
т. напр. — так например
у. — уезд
ф. — фунт, фут
фр. — франк
ф. ст. — фунт стерлингов
харьк. — харьковский
ч. — час, часть
шир. — широта
шт. — штука
экз. — экземпляр
d. — der, dir, das, (артикль в немецком языке)
ibid. — ibidem (лат.)
l. c. — loco citato (лат.)
v. — von (нем.)

СЛОВАРЬ РЕДКИХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Заразистый (лес), от *«зарáзы,* изрытое или самое неровное овражистое место» (Даль).

Жестель, «жесткая, мерзлая дорога, колоть, груда» (Даль).

Капитуляции, по современной исторической терминологии — *капитулярии,* законодательные постановления германских королей раннефеодального периода.

Кпея, «отъемный лесок, лесной остров» (Даль).

Колоть, см. *Жестель.*

Констебль (constable), в Великобритании первоначально — великий конюший, затем вообще высший придворный чин; в настоящее время в Великобритании и США — низший полицейский чин.

Маляк, «следы, след... по снегу или песку, илу и пр., особенно лыжный след. *Съехать зайца маликом, по малику»* (Даль).

Мерроны, современное русское написание *марóны,* так назывались в 18 в. беглые негры-рабы, завезенные из Африки в английскую колонию на острове Ямайка.

Сенешаль (sénechal), королевский чиновник, глава сенешальства (округа) на юге средневековой Франции.

Сераскир, главный начальник действующих войск в старотурецкой (и персидской, т. е. иранской) армии; в 19 в. — титул военного министра.

Стипл-чейз (steeplechase), в конном спорте — скачки для лошадей возраста до 4 лет на дистанции 4—7 км со сложными препятствиями.

Эсквайр (esquere), почетный титул в Великобритании, часто употребляется как равнозначный термину «джентльмен».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ-СПРАВОЧНИК

Аббас I, 1571—1629, шах Ирана с 1587 г. из династии Сефевидов, крупный военачальник, при нем Иран достиг наибольшего политического могущества — 60

Август II Сильный, курфюрст саксонский с 1697 г. и король польский — 27,43

Адлерберг Н. А., граф, русский собаковладелец —96

Актеон, герой «Метаморфоз» Овидия — 157, 170

Александр II, 1818—1881, российский император с 1855 г., убит народовольцами. В Императорской псовой охоте имелись эталонные экземпляры охотничьих собак различных пород — 418

Александр Македонский, 356—323 до н.э., царь Македонии с 336 г. до н. э. — 25, 47, 48, 157

Алексей Михайлович, 1629—1676, русский царь с 1645 г., отец Петра I; был большим любителем охоты, при нем была написана первая книга об охоте — 58, 61, 62, 72, 131, 132, 337, 402

Алкивиад (Alkibiádēs), ок. 450—404 до н. э., политический и военный деятель Древних Афин — 159

Алонзо Мартинец де Эспинар, испанский охотничий писатель 17 в., автор книги «Arte de Ballisteria y Monteria» — «Искусство стрельбы и псовой охоты» (1634) — 17

Алонсонские, французские герцоги, владельцы породистых охотничьих собак — 179

Анна Бурбонская, 1462—1522, дочь короля Людовика XI, замужем за Пьером Боже, герцогом Бурбонским — 206

Анна Иоанновна, 1697—1740, российская императрица с 1730 г., герцогиня Курляндская, увлекалась парфорсной охотой на оленей — 62, 66, 272, 378, 413

д'Аннебо (d'Anneband, *см.*), французский адмирал, владелец породистых охотничьих собак — 175

Антифа II, египетский царь — 467

Антрим, английский лорд, владелец породистых охотничьих собак — 28

Аполлинарий Сидоний Гай Соллий Модест (Gaius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius), 5 в., галло-римский писатель, префект Рима, епископ Арверн — 161, 164, 202, 290

Аппиан (Appianós), ум. в 70-е гг. 2 в., древнеримский историк, грек по национальности, автор написанной на греческом языке «Римской истории» в 24 книгах. Л. П. Сабанеев чаще употребляет неправильное написание *Оппиан (см.)* — 164, 170, 172, 187, 204, 457

Апраксин, граф, владелец породистых собак — 76

Апушкин, русский собакозаводчик — 102

Аристотель, 384—322 до н. э., древнегреческий ученый и философ, автор трудов по различным областям знаний, в том числе трактата «О возникновении животных» — 158

Арриан (Arrianós) Флавий, между 95-м и 175 г., древнегреческий историк и писатель, автор трактата об охоте — 12, 24, 158, 170, 175, 177, 200, 201, 206, 442

Арслан-Алей, искаженная фамилия татарского князя, костромского и казанского помещика 18 в., владельца большой псовой охоты (костромские гончие) — 373, 380

Артынов Евгений Дмитриевич, русский собакозаводчик, владелец большого питомника охотничьих собак под Москвой (станция Кубинка) — 235, 352, 359, 384

Арундель (Arundel, *см.*), английский лорд, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 276

Асканий (Ascanius), в римской мифологии сын Энея и Креусы, прибывший с отцом в Италию — 172

Атрыганьев А.А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 75, 86, 141, 347

Ауербах, русский охотник, автор воспоминаний «Из недавнего прошлого» (ж. «Природа и охота», октябрь 1885 г.) — 378—380, 395

Афросимов А. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 416

Ахиллес — 157

Бабин Н. П., петербургский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 83.

Базилев С. Ф., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 492

Байков Я., русский охотник, один из авторов ж. «Русский охотник» — 374, 380, 385

Баньковский Н. А., русский охотник из Тверской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромские гончие) — 380, 381, 399

Баньковский С. А., русский охотник, брат Н. А. Баньковского, владелец породистых охотничьих собак (костромские гончие) — 399, 400

Барышников С. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 82, 84, 90, 97

Барятинская Ф. Ф., русская княгиня, любительница охоты — 44

Барятинский Гавриил Феодорович, русский князь, охотник, держал большую псовую охоту (курляндских борзых) — 44, 63, 73, 82, 84, 104, 143

Барятинский Григорий, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 106

Бассеты, английская помещичья семья, имевшая породистых собак, в том числе и разновидность гончих, получивших название *бассетов* — 271

Бастиан, егермейстер русского императора Петра III, автор рукописной книги «Руководство к ружейной охоте» — 64

Батько, корреспондент ж. «Природа и охота» — 375

Бахметьев П. В., московский охотник, владелец породистых собак — 198

Бахтинский, русский охотник, владелец породистых собак — 90

Бевик (Bewick), английский натуралист конца 18 в. — 27—29

Бейер, владелица питомника такс в Лигове Петербургской губернии — 482

Беккер, владелец породистых охотничьих собак из Великобритании — 29

Бекман Людвиг, немецкий ученый-кинолог и художник, автор книги о породах собак «Die Rasen des Hundes» (1894), постоянный корреспондент ж. «Der Hund» (1878) — 18, 19, 42, 193, 202, 234, 274, 298, 299, 301—304, 307—309, 311, 312, 316—318, 440, 467, 468, 473, 475, 477

Бек-Мармарчев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 96

Бекфорд, английский охотничий писатель, автор книги о фоксхоундах (1810) — 278, 286, 291, 292, 294

Белкин А. Ст., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 74

Белкин В. Ф., калужский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 74, 75

Белоусов П. Н., русский собакозаводчик, врач, член Вологодского общества охоты, вывел разновидность маркловских легавых, получившую его имя (белоусовские легавые), и разновидность гончих (белоусовские гончие), автор первого описания (совместно с А. Д. Бибиковым) типичных русских гончих — 79, 80, 84, 86, 89, 90, 96, 97, 389—391, 395, 396, 399

Беляков, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 79

Березников П. А., калужский охотник, собакозаводчик, владелец большой псовой охоты (совместно с Н. М. Смирновым) в Можайском уезде Мос-

ковской губернии, в том числе прославленной стаи русских гончих — 74, 75, 88, 272, 344, 413, 418, 427, 490

Березовский М. М., известный русский путешественник, знаток Китая — 155, 330—332

Бернерс Юлиана, одна из первых охотничьих авторов в Великобритании, перу которой принадлежит книга о собаках (1380 г.) — 247, 251, 290, 457

Бибиков А. Д., русский охотник и охотничий писатель, автор первого описания (совместно с П. Н. Белоусовым) типичных русских гончих — 389

Бибиков В. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 97

Бибиков Д., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 345, 349

Бибиков Н. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84, 416, 417, 491—493

Бибиковы, братья В. Н. и Н. Н., тульские охотники и владельцы породистых охотничьих собак — 78, 400, 493

де ла Бигнь Гас, псевдоним *Гастон Фебус*, автор книги о собаках (1340) — 15, 251

Б-ий Д., украинский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 198

Бирон Эрнст Иоганн, 1690—1772, курляндский дворянин, граф, фаворит русской императрицы Анны Иоанновны, вдохновитель и создатель крайне реакционного режима в России в 30-х гг. 18 в. (бироновщина) — 62

Благово, русский боярин, придворный русского царя Алексея Михайловича — 58, 402

Блаз Эл., французский охотничий писатель, автор книги «Chasse aux chiens courants» — 215

Бланшер — *см. Ла Бланшер* — 222

Блохин, русский охотничий автор, владелец породистых охотничьих собак — 112, 132, 136

Блэн Делабер, английский ветеринар конца 18-го — начала 19-го в., автор трудов по истории и патологии домашних животных, писал о собаках — 186, 460

Блюм, курляндский помещик, владелец породистых охотничьих собак — 44, 63

Блюм (Bloome, *см.*), английский охотничий писатель, корреспондент журнала «Gentlemane Magazine» (1650) — 264, 458

Богачев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 419

Бодри д'Ассон, французская семья владельцев породистых охотничьих собак — 182, 231, 232

Бодри д'Ассон Арман, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 232

Бодри д'Ассон Леон, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 232, 239, 240

де Божё Анна, владелица породистых охотничьих собак во Франции — 175

Болдарев А. К., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 97

Болдарев К. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 90

Болдарев Н. А., русский охотник, владелец породистых собак — 76, 79, 84—92, 94—98, 140

Бомон, автор руководства по охоте английского короля Иакова I (16—17 вв.) — 251, 267

Борегар, бельгийский охотник, владелец породистых охотничьих собак (биглей) — 466

Борис, царь, имеется в виду, очевидно, Борис Годунов, ок. 1552—1605, русский царь с 1598 г. — 60

фон дем **Борх**, немецкий натуралист и охотничий писатель начала 19 в. — 470

Бофор, английский герцог, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 242, 280

Брант Георгий Густавович, ум. в 1907 г., московский охотник, владелец породистых охотничьих собак (такс) — 482

Брем (Brehm) Альфред Эдмунд, 1829—1884, знаменитый немецкий зоолог, автор широко известной книги «Жизнь животных» в 6 томах — 23, 153, 198, 467

Брем (Brehm) Эдмунд, немецкий зоолог, отец А. Э. Брема — 170

Брокльби, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 279

Брус Роберт, современное русское написание Брюс (Bruce), 1274—1329, шотландский король с 1306 г. — 253

Брутус, легендарный колонизатор западноевропейских стран, правнук Энея; легенды возводят название северо-западной части Франции Бретани к его имени — 160, 170, 172

Бурцев И. А., русский охотник из Владимирской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромские гончие) — 381, 391, 395

Буцкий, русский охотник из Орловской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 393—395, 430

Быртин, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 86

Бюффон, немецкий охотничий писатель 18 в. — 28, 470

Вагунин Меленон, вероятнее всего, псевдоним охотничьего автора, корреспондента «Журнала коннозаводства и охоты» в 1842 г. — 44

Вадбольский Н. М., русский князь, московский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84, 325

Вазе Христиан, датский охотничий писатель 17 в. — 27

Вальтер, немецкий лесничий, владелец породистых охотничьих собак — 302

Вальцов Д. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 90—92, 96—98, 112, 121, 130, 131, 414, 416, 417

Василий Иоаннович, 1479—1535, великий князь московский Василий III с 1505 г., сын Ивана III и Софьи Палеолог, любитель охоты — 55, 336, 370

Васильев А. Ф., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 91

Васильчиков Б. А., русский князь, владелец породистых охотничьих собак — 94, 95

Васьков, русский охотник, автор «Записок ружейного охотника Костромской губернии» в «Журнале охоты» Мина (1858) — 377, 379

Ватамениль, французский охотник, владелец породистых охотничьих гончих собак — 255

Вебер, английский псовый охотник, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) — 296

Великие Моголы, династия правителей крупнейшей феодальной державы в Индии 16—18 вв. — 26

Вельяминов Г. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93

Венкстерн, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 409

Венцеславский А., служащий придворной охоты, автор книги «Псовая охота вообще...» (1847) и др. охотничьих произведений — 339

Вербицкий Н. А., русский охотник и охотничий писатель, постоянный корреспондент ж. «Природа и охота», писал стихи, рассказы, очерки и статьи об охоте — 198, 370, 408, 435

Вердеревский Д. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 88, 92, 94

Веро Шо, французский охотничий писатель, автор книг о собаках — 26, 35, 41, 186, 190, 191, 256, 258—262, 264, 275, 462

Вилинский Дмитрий Александрович, русский охотник и охотничий писатель, постоянный корреспондент ж. «Природа и охота» и «Охотничьей газеты», писал стихи, рассказы, очерки и статьи об охоте — 350, 430

Вильгельм I Завоеватель (William the Conqueror), 1027—1087, герцог Нормандии с 1035 г., английский король с 1066 г. — 210—211

Витман, доктор, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 427

Владимир Андреевич Храбрый, 1353—1410, удельный князь Серпуховский и Боровский, русский полководец — 55

Владимир Мономах, 1053—1125, государственный деятель, военачальник и писатель, князь Черниговский, затем Переяславский, а с 1113 г. — великий князь Киевский, автор «Поучения» (около 1117 г.), обнаруженного в составе Лаврентьевской летописи — 53

В. О., инициалы неизвестного автора статьи «Рассказ о псовой охоте» в «Журнале коннозаводства и охоты» (1843) — 377, 379

Воейков, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 90, 93

Воесе, автор истории Шотландии (1526) — 33

Волков А. А., костромской помещик, владелец породистых охотничьих собак — 379, 380

Волынский Артемий Петрович, 1689—1740, русский государственный деятель и дипломат, противник *Бирона (см.)*, обер-егермейстер императрицы Анны Иоанновны — 44, 45, 50, 62, 66, 104, 115, 338, 413

Вольверстон, английский лорд, владелец породистых охотничьих собак — 254, 255

Воробьев М. Е., русский литератор и переводчик, автор извлечений об охоте из трудов Ксенофонта — 156, 158, 491

Воропанов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 76, 80

Вышеславцев А. С., борисоглебский помещик, владелец большой псовой охоты, охотничий писатель, в «Журнале охоты» Мина выступал под псевдонимом *Старый охотник (см.)* — 76, 80, 88, 110—112, 123, 126—129, 131, 132, 142

Гагарин П. С., русский князь, нижегородский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 88, 91, 95, 97

Галынские, известные в Могилевской губернии охотники, владельцы породистых охотничьих собак — 437

Гамильтон, англичанин, служивший в русской гвардии в 40-х гг. 19 в., охотник, владелец породистых охотничьих собак — 418

Гамильтон, граф, известный шведский охотник, председатель шведского кеннель-клуба — 319, 322

Гамильтон Смит — *см. Смит Гамильтон*

Ган, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 437

Ган, граф, немецкий охотник и собакозаводчик — 474

Гарнье, майор из Великобритании, собакозаводчик — 30,31

Гартиг, немецкий охотничий писатель начала 19 в. — 302, 470, 471

Гарун-аль-Рашид, современное написание *Харун ар-Рашид*, 766—809, халиф из династии Аббасидов в Арабском Халифате, герой арабских сказок «Тысячи и одной ночи» — 15

Гас де ла Бигнь — *см. Бигнь*

Гастон, сенешаль (королевский чиновник) французского короля Людовика XI — 206, 241, 248

Гастон Фебус, псевдоним французского писателя *Гаса де ла Бигня (см.)* — 15, 178, 200, 201, 211

Г. Б., инициалы автора книги «Псовый охотник» (1778, 1785), перевод с польского — 64, 65, 106, 113

Гевлич В. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94

Гезюла, граф, охотничий автор; вероятнее всего, искаженное прочтение фамилии — 312

Гейглин, автор книги о путешествии по Абиссинии — 23, 170

Гейер М. А., калужский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 74

Генериц Эд. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 491

Генрих II (Henri), 1519—1559, французский король с 1547 г. из династии Валуа — 207, 209, 236

Генрих IV, 1553—1610, французский король с 1589 г., первый представитель династии Бурбонов, король Наварры — 16, 205, 222, 224, 226, 230, 246, 247, 251, 252, 267

Георг I (George), 1660—1727, английский король с 1714 г., первый представитель ганноверской династии — 276, 294

Георг II, английский король из династии Стюартов — 251, 268

Георг III, 1738—1820, английский король с 1760 г., один из вдохновителей английской колониальной политики — 251, 268

Георг IV, 1762—1830, английский король с 1820 г. (с 1811-го — принц-регент) — 251, 460

Георгиевский П. И., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 95

Герберт, ирландский охотник, владелец породистых охотничьих собак (керри-биглей) — 264

Герберштейн Зигмунд, более точное современное написание Херберштейн (Herberstein), 1486—1566, барон, немецкий дипломат и путешественник, посетил Москву в 1517 и 1526 гг.; автор книги «Записки о московитских делах» (1549, рус. перев. 1908) — 55—57, 102

Геродот (Heródotos), между 490 и 480 — около 425 до н. э., древнегреческий историк, автор «Истории», в которой наряду с описанием греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.) приводятся сведения по географии, этнографии, религии, экономике различных стран и народов, в том числе скифов — 53

Гессе, немецкий охотник, лесничий из Веймара, владелец породистых охотничьих собак (в том числе такс) — 474

Геснер (Gesner) Конрад, 1516—1565, швейцарский естествоиспытатель, филолог и библиограф, автор «Истории животных» в 5-ти тт. (1551—1587), первой зоологической энциклопедии — 34, 311, 468

Гибель, немецкий ученый, автор книги «Säugethiere» — 152, 155, 467

Гидингер, немецкий художник 18 в. — 43

Гикман (Hickmann, *см.*), знаток охотничьих собак из Великобритании — 30, 33, 37, 38

Глебов, русский собакозаводчик, вел породистых русских гончих — 91, 96, 272, 344

Глебов В. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94, 95, 416, 417

Глебов М. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 416, 417, 493

Глебов С. М., русский охотник из Тульской губернии, автор «Записок старого охотника» (1876) — 74, 347, 377, 381, 383, 413, 415—417

Голдсмит Оливье, английский зоолог 19 в. — 28

Голинсгед, автор древнешотландской летописи (III в.) — 33, 48

Голицын Дмитрий Борисович, русский князь, распорядитель императорской охоты, владелец собственной псовой охоты — 82, 84, 89—92, 94—96, 98

Головин, смоленский охотник, владелец стаи костромских гончих (перешла к генералу Ф. С. Уварову) — 374

Гомер, между 12 и 7 вв. до н. э., легендарный эпический поэт Древней Греции, в его поэмах «Илиада» и «Одиссея» содержатся сведения о жизни и обычаях того времени — 156, 158, 199

Гондатти, итальянский зоолог — 58

Гордеев Н. Н., тверской охотник, владелец породистых охотничьих собак — 77

фон **Гохберг**, немецкий охотничий писатель 18 в. — 468, 471

Граций Фалиск, римский писатель (I в. н. э.), автор стихов о псовой охоте — 11, 201, 250

Грегем (Graham, *см.*), капитан, ирландский собакозаводчик, автор книги об ирландской борзой — 26, 29, 30

Грей, лорд, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 276

Грейф (Greiff), умер в 1820 г., шведский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 319, 321

Губерт, употребляется в постоянном сочетании *святой Губерт*, канонизированный католический святой 7—8 вв., вывел особую породу гончих, получивших название гончие святого Губерта — 161, 202, 205, 212

Губин П. М., русский охотник и охотничий писатель, автор книги «Руководство по псовой охоте» (1890) — 45, 61, 64—66, 79, 85, 104, 106, 112, 115, 118, 122, 124, 126, 136, 140, 148, 172, 196, 287, 323, 341, 342, 351, 359—361, 378, 381, 387—389, 401—410, 421, 423, 424, 426, 435

Гудович Иван Васильевич, 1741—1820, граф, генерал-фельдмаршал русской армии, участник русско-турецких войн — 69, 74

Гумилин М. П., русский собакозаводчик — 408

Гурьев, охотник из Владимирской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 381

Давидович С. Ф., корреспондент «Журнала охоты» Сабанеева — 430

Дагобер, современное написание *Дагоберт* (Dagobert), ок. 605—639, король франков с 629 г., последний представитель династии Меровингов — 15, 204

Дальзиель Гюг (Dalziel Hugh), охотничий писатель из Великобритании — 30, 38—41, 186, 188—191, 250, 253, 255, 258—261, 265, 267, 271, 274, 277, 284, 287—289, 291—293, 295, 296, 442, 444, 445, 453, 457, 458, 463—465, 472

Дампьер, маркиз из Франции, опытный охотник при дворе короля Людовика XV — 208

Данилов Н. П., русский охотник и охотничий писатель — 327, 341, 374, 383, 384, 406

Дарвин (Darwin) Чарльз Роберт, 1809—1882, знаменитый английский ученый-естествоиспытатель, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук (1867), среди трудов — «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859), «Изменение домашних животных и культурных растений» (1868) — 9

Дедюлин, ярославский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 88

Джангер-Букеев, киргизский князь, охотник — 70

Джек-Потрошитель (Jack the Ripper), таинственный преступник, терроризировавший начиная с 1886 г. весь Лондон особо жестокими убийствами — 257

Джефри, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) из Великобритании — 293

Джон Сеи, автор книги «Охоты в Шотландии» (1846) — 34, 36

Диоген Синопский (Diogénēs Sinōpéus), ок. 404 — ок. 323 до н. э., древнегреческий философ-киник, проповедовал крайний аскетизм, сам следовал своим проповедям; по преданию, жил в бочке (пифосе) — 157

Диодор Сицилийский (Diódōros Sikeliōtēs), ок. 90—21 до н. э., древнегреческий историк, автор сочинения «Историческая библиотека» в 40 книгах, из которых до нас дошли книги 1—5 и 11—20, остальные — во фрагментах — 157

Дмитриев В. Д., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 96

Дмитрий Константинопольский — 160

Добров Г. С., ветеринар из Ряжска, владелец породистых охотничьих собак (старинных русских гончих) — 408

Долинский И. Т., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 92—94

Долинский П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 81

Домогацкий, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84

Дриянский Егор Эдуардович, родился между 1820 и 1825 гг., умер 29 декабря 1872 г., русский писатель, автор известной книги «Записки мелкотравчатого» — 78, 82, 426

Другов В. В., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 82, 86

Дубенский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 490

Дубянский Н. А., русский охотник, охотничий писатель, автор статей об охоте в западных областях России — 437

Дубровин, автор записок о пугачевском восстании — 65

Дунаев Александр Никифорович, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 223

Дурасов П. Ф., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 81, 89, 95, 96, 400, 493

Дурново А. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84, 96

Евсеев А. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 97

Егорнов Николай Васильевич, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 59

Екатерина Великая (*см. Екатерина II*) — 371

Екатерина II, 1729—1796, российская императрица с 1762 г. — 64, 381

Елагин Д. М., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 86

Елизавета I Тюдор (Elizabeth), 1533—1603, английская королева с 1558 г. — 34, 457, 460

Елизавета Петровна, 1709—1761, российская императрица с 1741 г., дочь Петра I — 64, 372

Ермолов Н. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 80, 90, 122

Ермолов Н. П., арзамасский помещик, владелец породистых охотничьих собак — 65, 73, 80, 89—93, 96—98, 112, 122, 123, 128, 141, 146

Ермолов П. М., симбирский помещик, владелец породистых охотничьих собак — 65, 73, 122

Железнов В. Н., генерал, костромской, потом вятский (в 80-е гг. 19 в.) охотник, владелец породистых охотничьих собак — 380

Жерве, французский ученый — 9

Жерюзе П., охотничий писатель, автор работ по гончим собакам — 245, 255, 256, 447, 454

Жихарев Александр Васильевич, 1790—1881, генерал-майор, тамбовский помещик, владелец породистых охотничьих собак — 69, 73, 74, 76, 79, 93, 145

Жомини (Jomini) Антуан Анри (Генрих Вениаминович), 1779—1869, барон, военный теоретик и историк, русский генерал от инфантерии, владелец породистых охотничьих собак — 88, 143

Завиши, литовский граф, охотник, владелец породистых охотничьих собак — 66

Запольский, харьковский собакозаводчик — 45, 85

Звегинцев А. Е., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 96

Зотов, русский охотник и охотничий писатель, автор книги «Воспоминания» (1884) — 347

Зубов Платон Александрович, 1767—1822, русский государственный деятель, последний из фаворитов Екатерины II, имел богатую псовую охоту — 44, 73

Зундстрём К. Р. (Sundström K. R., *см.*), шведский охотничий писатель, автор книги «Handbok för Hundvänner» (1889) — 318, 319, 321, 322

Зюзин А. И., костромской охотник, держал большую псовую охоту — 361, 373, 377, 378, 380

Иакинф, иеромонах, путешественник 19 в., писавший о Китае — 14

Иаков I Стюарт, современное написание *Яков I*, 1566—1625, король (с 1603 г.) Великобритании — 230, 246, 251, 267

Иаков VI, 1473—1533, король Шотландии с 1488 г. — 34, 43

Иваненков И. В., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 91

Иванчин, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 83

Ивашкин Григорий Петрович, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 493

Ивашкин П. А., генерал-майор, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 69, 74

Идстон, псевдоним охотничьего писателя и собакозаводчика 19 в. из Великобритании *Томаса Пирса,* пастора, автора книги «The Dog» — 267, 462

Иестер, немецкий охотничий писатель 18 в. — 307, 470, 471, 474

Измайлов, русский охотник, держал большую псовую охоту — 413

Инсарский Б., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 92—94

Иоанн Безземельный, 1167—1216, английский король (с 1199 г.) из династии Плантагенетов — 34, 274

Иоанн II Добрый, 1319—1364, французский король (с 1350 г.) из династии Валуа — 251

Иоанн Грозный, Иван IV Васильевич Грозный, 1530—1584, великий князь с 1533 г., первый русский царь с 1574 г. — 54—56, 62, 337, 370

Ирвинг, охотник из Великобритании, владелец породистых охотничьих собак — 282

Исай, дед Исай, дворовый человек князя Арслан-Алея (*см.*), участник пугачевского восстания, охотник — 373

Калинин Н. И., русский охотник — 491

Калмуцкий, крупный землевладелец и псовый охотник из Бессарабии — 141, 283, 285, 420

Кальяр (Caillard) Поль, французский собакозаводчик и охотничий писатель — 241, 245, 264

Каннвальский С. М., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94, 96

Кантемир Антиох Дмитриевич, 1708—1744, русский дипломат, поэт-сатирик, с 1732 г. — посол в Великобритании, с 1738-го и до конца жизни — во Франции; автор писем «О природе и человеке», владелец породистых охотничьих собак — 456

Каншин Д. Т., умер в 1879 г., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 86

Каракозов, русский охотник из Аткарского уезда, владелец породистых борзых — 80, 143

Кареев А. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 79, 82, 83, 86

Кареев Н. А., русский охотник, сын Кареева А. Н., владелец породистых охотничьих собак — 79, 82, 83

Кареев С. С., русский охотник, племянник Кареева А. Н., владелец породистых охотничьих собак— 77, 79, 82—90, 92, 94, 95, 97, 112, 124, 132, 138, 139, 141, 146, 407, 408, 425, 427, 430

Карл I (Charles), 1600—1649, английский король с 1625 г., из династии Стюартов — 251, 268

Карл II (Charles), 1630—1685, король Шотландии с 1649 г., английский король с 1660 г., из династии Стюартов — 251, 268

Карл IX (Charles), 1550—1574, французский король (с 1560 г.) из династии Валуа — 178, 180, 212, 226, 236

Карл XII, французский король — 179

Карл Великий (Carolus Magnus), 742—814, король франков с 768 г., император с 800 г., основатель династии Каролингов — 15, 200, 297, 299

Карл Эммануил I (Carlo Emmanuele), 1562—1630, герцог Савойи, феодального государства на юге нынешней Франции — 316

Карлстедт, петербургский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 316

Каррик, собакозаводчик из Великобритании — 187, 191, 192, 265

Каррингтон, английский лорд, владелец породистых охотничьих собак — 255

Картавцев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84, 87, 97

Карцев П. С., русский охотник, владелец породистых костромских гончих — 397

Каширенинов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 95, 96

Кашкаров Г., русский охотник, корреспондент ж. «Природа и охота» — 74, 86, 424

Кашкаров Н. П., врач из Рязани, охотник и собакозаводчик, владелец породистых костромских гончих — 137, 349, 352, 399, 407—409, 430

Кашперов, помещик Любимского уезда Ярославской губернии, владелец большой псовой охоты — 379

Каюс Джон, врач английской королевы Елизаветы I, владелец псовой охоты, автор книги «English Dogges» (1570) — 188, 247, 251, 253, 290, 291, 457, 458

Кембридж, английский собакозаводчик (бигли) — 462

Киреевский Николай Васильевич, ум. в 1870 г., богатый орловский помещик, владелец большой псовой охоты, автор книги «40 лет постоянной псовой и ружейной охоты» (1856) — 74, 382, 418

Кишенский Николай Павлович, русский охотник, охотничий писатель, автор книг «Записки ружейного охотника» (1879) и «Опыт генеалогии собак» (1884) — 9, 12, 59, 60, 151, 152, 154, 157, 158, 162, 168, 169, 195, 199, 201, 203, 272, 287, 309, 322—328, 341, 343, 344, 350—352, 360, 361, 363, 365 — 368, 370, 373, 374, 376, 379—382, 384—389, 391—399, 402—410, 414—417, 419—421, 423—426, 433, 434, 438, 440

Кларк, английский охотник и охотничий писатель, владелец породистых собак (биглей) знаменитой в свое время коккер-маутской стаи — 463—465

Кнагге, немецкий охотник, владелец породистых охотничьих собак (длинношерстные таксы) — 473

Кожевников А. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93

Кологривов В. И., русский охотник, сын И. А. Кологривова, владелец породистых охотничьих собак — 74

Кологривов И. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 69, 73, 74, 145

Колонсай, английский лорд, шотландский собакозаводчик — 35

Колтовский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 76

Колударов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 491

де ла **Контери** Леверье — *см. de la Conterie Leverrier*

Корбет, английский охотник — 275

Коробьин, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак, автор статей в ж. «Природа и охота» — 83

Коротнев Г. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94

Коротнев П. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84, 91—93, 98

Корф Н. Н., барон, русский ружейный охотник — 400

Корш, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 83, 93, 95

Коста Этьен, французский охотник, владелец большой псовой охоты — 185

Костецкий Б. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромские гончие) — 397

Костецкий Наркиз Павлович, русский охотник из Орловской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромские гончие) — 382

Кравков А. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 69

Крамм, немецкий барон, владелец породистых охотничьих собак (длинношерстные таксы) — 473

Крантилинт (Cranthylinth, *см.*), 3—4 вв., шотландский король — 24, 26, 33, 48

фон **Креквиц** Отто, немецкий охотничий писатель, издатель мюнхенского журнала «Hundesport» — 478

Крель А. (Krehl A., *см.*), английский собакозаводчик, вел совместно с Э. Милье породу бассетов — 451

Кристи Г. И., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94, 96

Критский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 95, 96

Крихлер, немецкий охотник, живший в Испании, охотничий писатель 19 в. — 17

Кромвель (Cromwell) Оливер, 1599—1658, деятель Английской буржуазной революции 17 в. — 27, 34, 43

Ксенофонт (Xenophōn), ок. 430—355 или 354 до н. э., древнегреческий писатель и историк; среди его многочисленных трудов трактат об охоте («Кинегетикос»); вопросы охоты затрагиваются и в его исторической книге «Киропедия» — 12, 25, 47, 156—160, 170, 199

Кублай-хан, современное написание *Хубилай*, монгольский правитель 13 в., завоевавший Китай и основавший династию Юань — 14, 54

Куракины, русские князья, владельцы большой псовой охоты — 374

Курдюмов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93

Курляндский, герцог на русской службе в период правления Бирона (18 в.) — 338

Куросов, русский охотник, владелец породистых собак — 95

Кутепов Н. И., русский полковник, историк и охотничий писатель, автор книги «Великокняжеская охота» — 58, 61, 372, 402

Кювье, русский охотник и охотничий писатель 19 в. — 370

Ла Блаишер, французский биолог 19 в., автор книги «Les chiens de chasse» (1875) — 51, 151, 174, 176, 178, 181—184, 218—220, 222, 224—226, 228, 231—233, 236, 237, 239, 244, 267, 442, 455, 458

Лаборд, бельгийский охотник, владелец породистых охотничьих собак (биглей) — 463, 466

Ладыженский П. В., русский охотник, владелец большой псовой охоты — 94, 397, 425

де **Ламанди** Генри, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 175

Лан, французский собакозаводчик — 442, 447—452

Ланглей Эдмунд, английский охотничий писатель конца 14-го — начала 15-го в., автор книги «Mayster of Game» — 247, 251

де **Ларошфуко**, виконт, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 286

Левашов Ф. А., помещик Ряжского уезда Рязанской губернии, охотник, владелец породистых охотничьих собак (старинные русские и костромские гончие) — 399, 404, 407, 408, 430

Леверье де ла Контери (Leverrier de la Conterie, *см.*), французский охотничий писатель 18 в. — 218, 219, 442

Левшин В., русский охотник и охотничий писатель, автор «Книги для охотников» (1814) и переводчик книги «Современный егерь» (1774) — 58, 65, 102, 104, 107, 108, 124—126, 129, 136, 137, 148, 195, 338, 339, 370, 375, 402, 421, 427, 482

Лезебль, французский охотничий писатель, автор монографии о бассетах (1894) — 444, 446—450, 453, 454

Лекутё, французский барон, автор книги о собаках (1858) — 174, 178, 180—182, 201, 206, 207, 212, 214, 218—228, 230, 231, 233—236, 238, 239, 243, 244

Лекутё де Кантелё, французский граф, автор труда по собаководству (1890) — 174—176, 178, 180—184, 187, 213, 214, 218—224, 226, 227, 229, 230, 233—236, 241, 243, 244, 251, 255, 256, 259—261, 264, 268, 269, 278, 280, 281, 286—289, 293, 294, 427, 442, 447—453, 455

фон **Лессин** Христиан Ольгердович, царский стольник, немец из Риги, автор рукописной книги «Регул, принадлежащий до псовой охоты» (1635) на немецком языке — 61, 64, 72, 102, 106, 118, 123, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 135, 137, 139, 148, 337, 370

Ли Равдон (Lee Rawdon), охотничий писатель из Великобритании, собакозаводчик, автор книги о сеттерах (1873) — 186—192, 250, 257, 260, 264, 265, 268—271, 275, 278—280, 282, 284, 286—289, 292—296, 462

Ливингстон (Livingstone) Давид (1813—1873), английский исследователь Африки — 153

Липунов И. П., генерал-поручик, мелкопоместный дворянин, собакозаводчик — 74

Литторин К. С., русский охотник из Клинского уезда Московской губернии, владелец породистых охотничьих собак — 411

Лихарев Н. В., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 80, 83

Лихачев В. И., московский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 88, 95, 97

Лихачев Л. В., московский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 78

Локи, английский охотничий автор — 293

Лопухин П. В., русский князь, владелец большой псовой охоты в Воронежской губернии — 73, 74

Лопухин П. П., русский князь, сын П. В. Лопухина, владелец псовой охоты — 73

Лоу (Lowe, *см.*) Джордж, кинолог из Великобритании, автор трудов об охотничьих собаках — 283

Лукин, охотник из Суджанского уезда Курской губернии, владелец охотничьих собак — 418, 419

Людовик IX Святой, 1214—1270, французский король (с 1226 г.) из династии Капетингов, участник 7-го и 8-го крестовых походов — 160, 172, 177, 205—207, 212

Людовик XII, 1462—1515, французский король (с 1498 г.) из династии Валуа — 178

Людовик XIII, 1601—1643, французский король (с 1610 г.) из династии Бурбонов — 16, 179, 222

Людовик XIV, 1638—1715, французский король (с 1643 г.) из династии Бурбонов — 16, 208

Людовик XV, 1710—1774, французский король с 1715 г., из династии Бурбонов — 208, 220, 248, 277

Людовик XVI, французский король — 212

Людовик (Débonnaire), 10 в., французский король — 212

Маевский, петербургский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 326

Мажаров Д., тамбовский охотник, владелец породистых охотничьих собак (старинных русских гончих) — 408

Мажаров Н. В., калужский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 74, 84, 85, 89, 91, 394

Мазолевский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 74

Максимов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93, 134

Макферсон (Macphreson) Джеймс, 1736—1796, шотландский писатель, автор литературной мистификации — издания «Сочинений Оссиана», легендарного воина и барда кельтов (3 в.) — *см. Оссиан* — 457

Малютин Н. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 395

Маркам Жервез (Markham Gervase), английский охотничий писатель,

автор книг «Countrey Consentements» и «Hunger's Prevention or the Art of Fowling» (1631) — 187, 247, 252, 274, 277, 458

Марко Поло — *см. Поло М.*

Марциал Марк Валерий (Marcus Valerius Martialis), ок. 40 — ок. 104, римский поэт — 11

Массон (Masson, *см.*), французский собакозаводчик и охотничий писатель 19 в. — 218, 219, 221, 456

Махмуд II, 1784—1839, турецкий султан (с 1808 г.) — 20

Мачеваринов Петр Михайлович, ум. в 1870 г., известный русский собакозаводчик, автор книги «Записки псового охотника Симбирской губернии» (1876) — 52, 65, 69, 70, 74, 75, 79, 80, 88, 91, 110, 111, 123, 132, 140, 146, 147, 195, 338, 340

Медведев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93

Медников Г., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 491

Мейнель (Meynell, *см.*), английский охотник (специалист по охоте на лисиц) и собакозаводчик, вел породу фоксхоундов — 278

Меньян, французский охотничий автор 19 в. — 218, 227

Меровинги, первая (с 5 в.) королевская династия во Франкском государстве, прекратилась в 751 г. — 204—206

Мещерский В. В., русский князь, владелец породистых охотничьих собак — 78, 491

Мещерский И. С., русский князь, владелец породистых охотничьих собак — 96, 97

Микшевич, польский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 430

Милье Эверетт (Millais Everett, *см.*), английский собакозаводчик, совместно с А. Крелем занимался разведением бассетов — 451

Мин Георг, русский охотник, издатель «Журнала охоты», 1858—1860, 1862 гг. — 34, 110, 377, 379

Михаил Феодорович, 1596—1645, первый русский царь (с 1613 г.) из династии Романовых — 60, 337, 371

М'Нейль, впоследствии лорд Колонсай, шотландский собакозаводчик — 35, 48

Молосс, сын эпирского царя Пирра — 157

Монмаутский, английский герцог — 253, 276

Монтморанси Анн, современное русское написание — *Монморанси* (Montmorency), 1493—1567, французский военный и государственный деятель, маршал Франции, владелец породистых охотничьих собак — 205

Мосолов Павел Ермолаевич, помещик Шацкого уезда Тамбовской губернии, владелец породистых охотничьих собак — 64, 97, 102, 115, 378

Мошнин Константин Владимирович, русский охотник и собакозаводчик, секретарь Московского общества охоты, редактор ж. «Псовая и ружейная охота» — 327, 328, 381, 382, 396, 398—400, 427

Мусин-Пушкин, охотник из Владимирской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромские гончие) — 381

Мустафин, костромской помещик, владелец большой псовой охоты — 76, 361, 378, 379

Мухин, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 45

М—х, зашифрованная фамилия русского князя, владельца породистых охотничьих собак (гончих) — 373

Назарьев Н. В., симбирский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 76, 80, 89

Назимов Александр Васильевич, помещик Тверской, затем Виленской губернии, владелец породистых охотничьих собак — 77, 78, 85, 381, 400, 490—493

Наполеон, принц, владелец породистых охотничьих собак — 255, 262

Наполеон I, 1769—1821, французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799—1804), император Франции (1804—1815) — 209

Насонов В., русский охотник, автор работ об охотничьих собаках — 79

Наттерер, немецкий зоолог 18 в. — 467

Наумов Н. М., владелец большой псовой охоты в Симбирской губернии — 65, 73, 74

Наумов Ф., русский охотник 18 в., адресант графа Салтыкова — 44, 62

Невиль Томас, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 254

Недолин, русский охотничий автор — 431

Некрасов Николай Алексеевич, 1821—1878, знаменитый русский поэт, журналист и издатель, охотник-любитель, владелец породистых охотничьих собак — 380

Немезиан, римский поэт III в., автор книги «Cynegetica» — 12, 170

Немировский Г. О., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 91, 92, 95

Николаев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 96

Николай Николаевич, великий князь из дома Романовых, был товарищем председателя Императорского общества охоты, имел в Першино большую псовую охоту — 79, 86, 87, 95, 97, 396, 400, 493

Нилов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 492

Нильсон, шведский охотничий автор — 319

Нирод, русский граф, владелец породистых охотничьих собак — 95, 96

Новиков А. И., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 78, 96, 143, 144, 492, 493

Норов, русский охотник, владелей породистых охотничьих собак — 416

Нуммат, богатый римлянин, адресат *Аполлинария Сидония (см.)* — 164

Обезьянинов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 85

Оболдуев, владелец поместий в Симбирской и Костромской губерниях в 18 в. — 372, 373

Оболенский Д. Д. князь, владелец породистых охотничьих собак — 90

Овидий, Публий Овидий Назон, 43 до н. э. — ок. 18 н. э., римский поэт,

автор произведений «Метаморфозы», «Наука любви», «Средства от любви», «Скорбные элегии», «Понтийские послания» — 157, 170

Одиссей, в греческой мифологии — царь Итаки, главный герой древнегреческой эпической поэмы «Одиссея» (8—7 вв. до н. э.), участник осады Трои — 157, 199

Озеров В., тульский охотник, владелец породистых охотничьих собак, автор работ по псовой охоте, писал под псевдонимом *Тульский охотник (см.)* — 90, 94, 112, 124, 131, 135, 137, 140, 142, 416

Оклэнды, английские землевладельцы и охотники, владельцы породистых гончих собак (стэгхоундов) — 271

О'Коннель, ирландский охотник, владелец породистых охотничьих собак (керри-биглей) — 264

Окромчеделов, русский охотник, владелец большой псовой охоты — 95

Ольденбургский, принц, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 400

Оппиан, итальянский охотничий писатель, автор книги «Della pesca a della caccia» («О рыбах и птицах») — 250

Оппиан, неточное написание имени древнеримского историка *Аппиана (см.)* — 164, 170, 172, 187, 204, 457

Орлов Алексей Григорьевич, 1737—1807, русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф, граф, фаворит императрицы Екатерины II; в его имениях велась племенная работа по разведению ценных пород лошадей (орловский рысак) и охотничьих собак; держал большую псовую охоту — 64, 65, 67, 73

Осбальдестон, английский собакозаводчик 19 в., вел породу пойнтеров и фоксхоундов — 278, 281, 286

Осиповский Д. Д., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 97, 395, 492

Оссиан (Ossian), легендарный воин и бард кельтов 3 в. (*см.* также *Макферсон*) — 11, 24, 42, 457

Остророг Ян, польский охотничий писатель 17 в. — 428, 429

Охотников Н. П., владелец большой псовой охоты в Ливенском уезде Орловской губернии — 381, 382

Павел Эмилий — *см. Эмилий Павел*

Павлов, костромской помещик, владелец породистых охотничьих собак — 76, 377—379

Панин Петр Иванович, 1721—1789, граф, генерал-аншеф, русский военный деятель, генерал-губернатор Восточной Пруссии, владелец породистых охотничих собак — 61, 65, 67,73

Панов, русский охотник, владелец породистых собак — 92

Паскевич Иван Федорович, 1782—1856, граф Эриванский, светлейший князь Варшавский, русский военный деятель, генерал-фельдмаршал, владелец богатой псовой охоты — 401

Паскин Александр Степанович, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 78, 490, 492

Пашков, русский охотник, держал большую псовую охоту — 413

Пейнтингер, австрийский собакозаводчик — 194

де **Пельпор**, французский охотник и собакозаводчик — 399, 409

Пеннант, автор книги «Путешествие по Шотландии» (1764) — 34

Перепелкин, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 80, 93

Персей (Perseus), ок. 213—166 до н. э., последний царь Македонии (179—168 до н. э.) — 160, 201

Перхуров, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 76

Петр I Великий, 1672—1725, русский царь с 1682 г., император с 1721 г. — 43, 62

Петр II Алексеевич, 1715—1730, российский император с 1727 г., основатель императорской охоты — 44, 62, 65, 372, 373

Петр III Феодорович, 1728—1762, российский император с 1761 г., немецкий принц Карл Петр Ульрих, внук Петра I по материнской линии — 62, 64

Петр Николаевич, великий князь из дома Романовых — 395, 400

Пинель, французский собакозаводчик — 450, 453

Пирр (Pyrros), 319—273 до н. э., царь Эпира в 307—302 и 296—273 до н. э., полководец эллинистической эпохи — 25, 157

Питкот, автор «Истории Шотландии» (1528) — 33

Пичулидзе, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 400

Плещеев, владимирский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 75

Плиний Старший, Гай Плиний Секунд (Gaius Plinius Secundus), 23 или 24—79, римский ученый, писатель и государственный деятель, автор «Естественной истории» в 37 книгах — 25, 48, 157, 202

Плутарх (Plutarchos), ок. 46 — ок. 127, древнегреческий писатель, историк и философ-моралист — 159

Поздеев О. А., русский охотник, адресат графа Панина П. И. — 73

Полетилло, литовский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 431

Поливанов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 71

Поло (Polo) Марко, ок. 1254—1324, итальянский путешественник и писатель — 14, 54, 163

Полторацкий А. И., русский охотник — 409

Полторацкий Владимир Александрович, охотник из Тверской губернии, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 380, 396, 397

Порталу (Porte aux Loups, *см.*), французский маркиз, владелец породистых охотничьих собак — 239

Поуэр Джон, английский собакозаводчик — 29

Протасьев Ф. В., рязанский помещик, владелец породистых охотничьих собак — 78, 79, 86, 493

Протопопов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (старинных русских гончих) — 407, 408

Пугачев Емельян Иванович, ок. 1742—1775, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России — 373

Рагозин Н. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 382

Рагузин, владимирский помещик, владелец породистых охотничьих собак — 490

Раевский П. И., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 97, 416

Ратаев, помещик Романовского уезда Ярославской губернии, был управляющим императорской охоты — 80, 89, 93, 396, 397

Рейтенфельс, немецкий чиновник на русской службе — 402

Ренгер, ученый-зоолог — 440

Реутт Наполеон, русский охотник, поляк по происхождению, издатель «Журнала коннозаводства и охоты», автор книги «Псовая охота» (1840) — 10, 23, 49, 109, 339, 377

Рёль Ад (Reul Ad., *см.*), профессор из Бельгии, зоотехник, занимался вопросами выведения охотничьих собак, автор книги «Les râces des chiens» (1894) — 154

Ридгольм (Rydholm, *см.*), шведский охотничий писатель, автор книги «Jact» — 318, 319

Ридингер, немецкий охотничий писатель 18 в. — 470

Римский-Корсаков П. М., русский охотник — 491

Рингель Эмилий Федорович, московский фабрикант, владелец завода охотничьих собак под Москвой — 482

Ричардсон, собакозаводчик из Оксфордшира (Великобритания), автор книги об охотничьих собаках (1848) — 28, 29, 186, 252, 263, 264

Ричмондский, герцог из Великобритании, собакозаводчик, вывел породу охотничьих собак от смеси дога с волком — 278

Розен Г. Д., барон, собакозаводчик, автор книг «Очерк истории борзой собаки» (1891), «История гончих собак» (1896) — 58, 156, 171, 182, 406

Романовы, боярский род, с 1613 г. — царская, а с 1721 по 1917 г. — императорская династия в России — 61, 62

Ронцев Николай Александрович, русский охотник — 491

Рославлев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 380

Росс Гораций, английский охотничий писатель — 37

Россель Джон, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 189

Ротшильд, английский барон, собакозаводчик — 262, 268, 271, 280

Рошфор Дмитрий Яковлевич, московский охотник, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 45, 419

Рубенс (Rubens) Питер Пауэл, 1577—1640, выдающийся фламандский художник — 301

Рулье Карл Францевич, 1814—1858, русский ученый-биолог, профессор Московского университета — 152

Рутланд, английский герцог, владелец питомника охотничьих собак Belwaire в Meltonmowbray — 276

де **Рюбль** (de Ruble, *см.*), французский барон, владелец породистых охотничьих собак — 226

Салтыков С. А., граф, генерал, родственник русской императрицы Анны Иоанновны по матери — 44, 50, 62, 66, 67, 73, 104, 115, 338, 377, 378, 413

Сан-Лежье (Saint-Légier, *см.*), французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 239, 240

Сатина, владелица породистых охотничьих собак — 96

Сафонов, русский охотник, корреспондент «Охотничьей газеты» — 344, 352, 353, 358, 359

Сахацкий, польский охотничий автор — 431, 433

Свечин Ф. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 89, 395, 400, 409

Святой Губерт — *см. Губерт*

Селиванов, московский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 393, 394, 430

Селинкур, французский охотничий писатель, автор книги «Parfait Chasseur» (1563) — 16, 221, 222, 442

Серван (Servant), французский охотничий автор, собакозаводчик — 245

Сергей Михайлович, великий князь из дома Романовых, владелец породистых охотничьих собак — 305

Сиденгам Эдварс — *см. Эдварс Сиденгам*

Силий, древнегреческий ученый I в. до н. э. — 24

Сильвий (Silvius), в римской мифологии первый царь Альба-Лонги, внук Энея — 172

Симашко, автор книги «Русская фауна» (50-е гг. 19 в.) — 370

Симмах Флавиан, римский император 4 в. — 12, 24, 48

Симонович П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих), охотничий автор — 399

Сипягин Д. С., русский охотник — 89, 97, 417, 491

Сипягин Р. С., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 78

Ситников Ил. Ив., русский охотник — 490—491

Скарятин В. В., русский охотник из Ливенского уезда Орловской губернии — 382

Скобельцын А. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 416

Скотт Вальтер, 1771—1832, известный английский писатель — 34

Скот Джон, английский охотничий автор начала 19 в. — 275

Славянский, русский певец, владелец породистых охотничьих собак — 492

Смирнов Н. М., русский охотник из Можайского уезда, имел общую с Березниковым П. А. псовую охоту в Московской губернии — 74, 75, 272, 344, 347, 413, 417—418

Смит Гамильтон, английский охотничий писатель, автор книги «Natural History of Dogs» — 151, 160

Соболев М., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих), охотничий автор — 398

Соколов И. И., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 95, 97

Соколов И. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 92

Соколов Н., русский охотничий автор — 380

Соловцев, пензенский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 427

Соммервиль, ум. в 1742 г., английский автор поэмы об охоте — 277, 286

Сорохтин Н. П., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 74, 91

Сошальский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 143

Сталь Н., русский охотничий автор — 400

Старый охотник, псевдоним А. С. Вышеславцева (*см.*) в «Журнале охоты» Мина — 110

Столыпин А. А., саратовский губернский предводитель, владелец породистых охотничьих собак — 69, 70, 79

Столыпин М. В., русский охотник, владелец большой псовой охоты — 69, 89. 91. 93, 395, 399, 400, 409

Стонехендж, псевдоним, настоящая фамилия *Вельш,* английский охотничий писатель, ученый, зоотехник, редактор спортивного журнала «Field», автор трудов по кинологии и образцовых описаний пород охотничьих собак — 189, 254, 260, 261, 268, 271, 289, 292, 451, 462, 463

Страбон (Strábōn), 64/63 до н. э. — 23/24 н. э., древнегреческий географ и историк, автор «Исторических записок» (не дошли) и «Географии» в 17 книгах (ок. 7 г. до н. э.) — 24, 250

Строганов Сергей Григорьевич, 1794—1882, граф, русский государственный и военный деятель, один из крупнейших помещиков России, известен как меценат, коллекционер и археолог, основатель и президент Археологической комиссии, основатель бесплатной художественной школы (Строгановское училище), владелец породистых охотничьих собак — 79

Строев, тверской охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 380, 397

Стубб (Stubb), английский художник 18 в., рисовальщик собак — 279

Ступишин Н. Д., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 80, 81, 89, 112, 126, 130, 135, 146

Стюарты (Stuart, Stewart), королевская династия в Шотландии (с 1371 г.), а затем и в Англии (1603—1649, 1660—1714) — 251

Суассонский, французский граф 17 в., владелец породистых охотничьих собак — 179

Сухотин М. С., костромской помещик (село Богданово), владелец большой псовой охоты — 45, 198, 379

Сущов, владимирский собакозаводчик — 75

Таксис, немецкий князь, в середине 19 в. вместе с Турном (*см.*) занимался выведением породы баварской горной ищейки — 305

Тальботы, английские лорды, собакозаводчики, в середине 19 в. вывели породу охотничьих собак, получивших их имя (тальботы) — 247, 293

Танкервиль, английский лорд, автор работ об охотничьих собаках — 36

Танцер, немецкий охотничий писатель — 301

Танцеро (Tantzoia, *см.*), автор книги «Der Dianen hohes und niederes Jagdgeheimniss» (1680) — 468

Таплин, английский охотничий писатель (конец 18-го — начало 19-го в.), автор работ о гончих собаках, постоянный корреспондент журнала «Sportsmann Cabinet» — 263, 267, 268, 460, 461

Телятников, русский охотничий автор — 143

Тимашев Е. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 69

Типольт А. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 83, 85

Томановский Д. И., русский охотник — 492

Томановский Н. П., русский охотник — 490

Томилин, автор статьи об охотничьих собаках (ж. «Природа и охота», 1890, май) — 74

Торнтон, полковник из Великобритании, собакозаводчик, автор книги «Путешествие на север» (1803) — 278, 281, 282, 460

Траковский А. С., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (старинных русских гончих) — 401, 404

Траковский М. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 78, 79, 86, 404

Траковский Н. П., русский охотник из Тамбова, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 86, 400, 404

Трегубов, владимирский охотник, владелец большой псовой охоты в Суздальском уезде — 75

Трутнев, ярославский охотник — 88

Тулузский, французский граф, владелец породистых охотничьих собак (английских гончих) — 208, 277

Тульский охотник, псевдоним русского охотничьего автора *В. Озерова (см.)* — 416

Тумановский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 86, 126, 381, 400

Турбервиль (Turbervill), французский охотничий писатель, автор книги «Art de Venerie» (1575) — 188

Турн, немецкий князь, в середине 19 в. совместно с *Таксисом (см.)* занимался выведением породы собак баварской горной ищейки — 305

Туссенель, французский охотничий писатель — 208

Тышкевич, польский граф, собакозаводчик — 326, 408

Тюмень, киргизский князь, владелец породистых охотничьих собак — 70

Тютчев, русский охотник, владелец знаменитой старинной псовой охоты — 413

Уваров Алексей Сергеевич, 1825—1884, граф, русский археолог, владелец большой псовой охоты — 374

Уваров Иван Алексеевич, граф, сын А. С. Уварова, владелец породистых охотничьих собак — 374

Уваров Федор Петрович, 1773 (или 1769)—1824, русский генерал, участ-

ник Отечественной войны 1812 г., владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 374

Улагай О. И., владелица породистых охотничьих собак — 93, 427

Ушаков Н. Ф., русский охотник — 491

Уэллес, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 253

Уэльский, английский принц, собакозаводчик — 255

Уэльслей, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 92

Фальберг, петербургский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 326

Фальц-Фейн Фридрих Эдуардович, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (такс) — 481

Фебус, псевдоним французского охотничьего писателя *Гастона де Фуа (см.)* — 162, 173, 200, 206, 224

Федор Иоаннович, 1557—1598, русский царь (с 1584 г.), последний представитель династии Рюриковичей, сын Ивана Грозного, увлекался охотой — 60

Фест, римский писатель 4 в. — 157

Филарет (в миру — Федор Никитич Романов), ок. 1554—1633, русский политический деятель, патриарх, отец первого царя из династии Романовых — Михаила; увлекался охотой — 371

Филатов П. Ф., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 80, 84, 89, 91, 93, 96

Фиц Вильям, английский собакозаводчик, вел породу фоксхоундов — 280

Фиц Герединг, английский собакозаводчик, вел породу фоксхоундов — 280

Фицингер, немецкий ученый-кинолог, автор книги об охотничьих собаках — 152, 153, 306, 467

Фишбейн, художник, рисовавший собак, владелец породистых охотничьих собак — 468, 471

Флавиан — 12, 24, 48

Фон-Визин П. С., русский охотник из Клинского уезда Московской губернии, владелец породистых охотничьих собак — 411

Франциск I (François), 1494—1547, французский король (с 1515 г.) из династии Валуа — 56, 173, 206, 207

Фредегунда, современное написание Фредегонда (Frédégonde, Fredegunde), ок. 545—597, королева Нейстрии, западной части франкского государства, находившегося между Шельдой и Луарой — 204

Фрешон, французский охотничий автор — 15

Фруассар, французский собакозаводчик — 184

де **Фуа** Гастон, принц Вианский, французский охотничий писатель 14 в., писал под псевдонимом *Фебус (см.)* — 161, 205, 206, 224

де **Фудра**, французский маркиз, пуатевенский епископ, автор рассказов об охоте — 177, 228

де **Фулью**, французский охотничий писатель, автор книги об охоте с гончими «La Vénerie» (1561) — 161, 162, 172—174, 177—179, 200, 205—207, 211, 212, 442, 468

Харитов, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак (костромских гончих) — 394

Ходалей, владелец охотничьих собак из Тульской губернии — 74

Хольком, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) — 293

Хомяков Алексей Степанович, 1804—1860, русский поэт, публицист, религиозный философ, основатель славянофильства; автор стихотворения об охоте «Спорт» (ж. «Москвитянин», 1845, № 2), владелец породистых охотничьих собак — 50, 70, 102, 107, 109, 125, 145, 340, 375—378, 413

Хомяков Н. А., русский охотничий автор — 84, 417

Хомяковский, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 84, 87, 96

Храповицкий А. И., калужский помещик, владелец большой псовой охоты — 73—75, 90, 92, 344, 347, 413, 417, 418

Христиан II, 1481—1559, король Дании, Норвегии (1513—1523), Швеции (1520—1523) — 56

Христиан IV, 1577—1648, король Дании и Норвегии (с 1588 г.) — 34, 43

Христианович, польский охотник из Россиенского уезда, владелец породистых охотничьих собак — 430

Цветнов М. А., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94, 95

Цезарь Гай Юлий (Gaius Julius Caesar), 102 или 100—44 до н. э., древнеримский государственный и политический деятель, писатель — 157

Чайковский А., автор статьи о борзых и охоте с ними на востоке в ж. «Природа и охота» (1879, № 10) — 10, 23, 25, 48, 51, 194

Чеботарев, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 420

Чебышов В. Н., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 82—88, 90, 94, 96, 98

Чевакинский Е. Е., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93, 96

Челищев Д., русский охотник и охотничий писатель — 418

Челищев Н., русский охотник, охотничий писатель, владелец породистых охотничьих собак — 112, 129

Челищевы, семья русских охотников — 84, 124, 126, 418

Челлини (Cellini) Бенвенуто, 1500—1571, итальянский скульптор, ювелир и писатель — 18

Черкасский Владимир Александрович, 1824—1878, князь, русский общественный деятель, охотник, владелец породистых охотничьих собак — 86, 102

Чертков Григорий Александрович, ум. в 1890 г., московский охотник, один из основателей Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, был товарищем председателя, затем почетным членом этого общества, владелец породистых охотничьих собак — 45, 77, 88, 93

Чингисхан (собственное имя *Тэмуджин, Темучин*), ок. 1155—1227, основатель единого Монгольского государства, полководец, великий хан, завоеватель Сибири и Восточного Туркестана — 160, 177

де **Шабо**, французский граф, охотник и охотничий писатель 19 в. — 183, 218, 221, 224—228, 230—233, 239—242, 255, 256, 287—290, 461, 462, 464

Шамиль, 1797—1871, глава мусульманского военно-теократического государства в Дагестане (Имамат), имам (с 1834 г.), после сдачи в плен в 1859 г. жил на поселении в Калуге, в 1870 г. получил разрешение уехать в Мекку — 70

де **Шампаньи**, французский собакозаводчик — 184

Швейнфурт (Schweinfurth) Георг Августович, 1836—1925, немецкий ботаник, исследователь Африки, участник экспедиций 1869—1871 и 1873—1874 гг. — 153

Шелешпанские, русские князья, костромские охотники, держали большую псовую охоту — 361

Шереметев А. Д., граф, владелец породистых охотничьих собак — 79, 87, 89, 95

Шереметев В. А., граф, владелец породистых охотничьих собак — 77, 393, 394

Шереметев Дмитрий Сергеевич, граф, старший член псового отдела Императорского общества правильной охоты, владелец породистых охотничьих собак — 95

Шехавцов П. И., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93

Шидловский, украинский охотник из Харьковской губернии, владелец породистых охотничьих собак — 393

Шиловская Е. П., владелица породистых охотничьих собак — 93

Шиловский К. В., владелец породистых охотничьих собак — 91—93

Ширинские, крымско-татарские мурзы, охотники, владельцы породистых охотничьих собак — 439, 440

Ширинский-Шихматов Андрей Александрович, русский князь, специалист по охоте, владелец породистых охотничьих собак — 58, 418, 440

Ширинский-Шихматов Д. И., князь, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94, 95

Ших-Алей (может быть — *Шах Алей?*), татарский царевич (хан?), описанный как участник охоты в книге З. Герберштейна «Записки о московитских делах» (1549) — 56

Шлотфельд, немецкий охотничий писатель, автор книг о собаках — 19, 308, 309, 311, 312

де **Шово** (Юсупова), графиня, владелица породистых охотничьих собак — 79

Шперлинг, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) — 296

Шнехт Густав Иванович, автор книги об охоте — 51

Штейнгель, барон, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 94, 96

Штейнгоф, немецкий лесничий, владелец породистых охотничьих собак — 302

де **Шуазель**, французский граф, владелец породистых охотничьих собак — 234

Шульгин С. М., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 93

Шумовский А. В., русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 91

Щербатов Иван, русский князь, государственный деятель 18 в., российский посол в Лондоне — 466

Эвелин, английский охотничий автор 17 в. — 27

Эдвард Сиденгам, английский охотничий писатель, автор книги «Cynographia Britanica» (1801—1805) — 459

Эдгар, король Англии (10 в.) — 274

Эдуард I, 1239—1307, английский король (с 1272 г.) из династии Плантагенетов — 188, 253

Эдуард II, английский король из династии Плантагенетов — 188, 274

Эдуард III, 1312—1377, английский король с 1327 г., из династии Плантагенетов — 251, 266

Эдуард Баллиоль, шотландский король 14 в. — 251

Элиан, римский историк 3 в. — 161

Эмилий Павел Македонский, римский консул (182 и 168 гг. до н. э.), победитель македонского царя Персея — 160, 201

Эней, в античной мифологии один из главных защитников Трои, легендарный родоначальник римлян — 160, 170—172

Эрнст Август, король ганноверского королевства (1845—1866), превращенного затем в прусскую провинцию — 302

Юатт, английский охотничий писатель, автор книги об охотничьих собаках (1845) — 28, 29, 186, 187, 264, 265, 268

Юлий Цезарь — *см. Цезарь Юлий*

Юсупова (де Шово), графиня, владелица породистых охотничьих собак — 79

Юсуф-паша, иранский военачальник — 69

Яненко, русский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 80

Ярослав Мудрый, ок. 978—1054, великий князь Киевский — 53, 333, 401

Яшеров П. Е., русский охотник из Сибири — 57

Adlebert, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 227, 239

Ambaud M., французский собакозаводчик из Гавра, вел породу вандейских бассетов — 455

d'Annebaud, *см. д'Аннебо* — 207

Apperby J., ум. в 1843 г., английский охотничий писатель, выступал под псевдонимом *Nimrod* — 275

Arundel, *см. Арундель* — 276

Barry Smith, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 281

du Bec Crespin Jean, французский охотник и охотничий писатель 16 в., автор книги «Chasse au lièvre» (1593) — 174

Bellier de Villers, французский охотничий писатель — 214, 216

de la **Besge**, французский граф, владелец породистых охотничьих собак — 242, 244

Blew, английский охотничий писатель, автор книги «Noticia venatica» (1689) — 276

Bloome, *см. Блюм (2)* — 252, 264, 458

Boothby Thomas, 1477—1572, английский охотник — 275

Bowes, английский охотник из Йоркшира — 276

Breadalbane, английский лорд, собакозаводчик — 35

de la **Broise**, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 221

Brough Эдвин, английский собакозаводчик, вел породу блоудхоундов — 257

von **Bünau**, немецкий охотник, владелец породистых охотничьих собак — 473

Carayon-Latour, французский охотничий писатель — 226, 239, 240

Clayton, капитан, английский собакозаводчик — 261

Cockaine Thomas, английский охотничий писатель, автор трактата об охоте с гончими (1591) — 458

Coillot, врач из Монбазона, владелец породистых охотничьих собак — 234, 235

Coocer, английский майор, собакозаводчик из Брайтона — 453

Corbet, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 281

Cowen, майор, английский собакозаводчик — 256, 262

Crane, английский собакозаводчик — 463

Cranthylinth, *см. Крантилинт* — 12

Dareste, французский охотничий писатель — 440

Dary, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 221

de la **Debutrie**, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 244

Durry, автор книги «История Греции» („Histoire des Grecs") — 333

d'Elva Christian, французский граф, владелец породистых охотничьих собак (брудастые вандейские бассеты) — 455

Faversham, английский лорд, собакозаводчик — 262

Fisher John, английский охотник, судья на состязаниях охотничьих собак (фоксхоундов) — 274

Foljambe, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 281

Forster Carnaby, английский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 192

du **Foudras**, французский маркиз, охотничий писатель — 226

Fowner Thomas, английский охотник 17 в., владелец первой стаи фоксхоундов — 275

Gasser, немецкий лесничий, вел породу жесткошерстных немецких такс — 474

Giet, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 454

Gigot, владелец породистых охотничьих собак (Франция) — 454

Graham, *см. Грегем* — 26, 29

Grashey Otto, мюнхенский охотник и рисовальщик собак (2-я половина 19 в.) — 305, 306

Grenvile F. Hodson, английский судья на выставках собак (блоудхоундов) — 260

Hamel, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 454

Hardy, английский полковник, владелец породистых охотничьих собак (биглей) — 460

Hartig, немецкий охотничий писатель — 301

Harvey Bateson, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) из Великобритании — 293

d'Hendières, французский граф, владелец породистых охотничьих собак — 454

Heppe V., немецкий охотничий писатель 18 в. — 467

de **l' Hermite**, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 233

Hickmann, *см. Гикман* — 30

Hill, английский лорд, владелец породистых охотничьих собак — 192

Hill Jeoffrey, ум. в 1891 г., английский собакозаводчик, брат лорда Hill *(см.)* — 192

Holinshed, английский автор описания Ирландии (1574) — 12, 24—26

Huet de Nantes, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 173, 205

James, английский врач, автор книги о бешенстве собак (1733) — 29
Jarborough, английский лорд, охотничий писатель — 280
Jennings, английский собакозаводчик из Йоркшира — 262
Juilien, французский охотничий писатель — 201, 207, 212

Krehl A., *см. Крель А.* — 447, 450—452

de **Larye**, французский дворянин шотландского происхождения, владелец породистых охотничьих собак — 243—245
Lee Rawdon, *см. Ли Равдон* — 28, 34, 186, 250, 254—257, 259, 262, 264, 265, 274, 278, 282, 461, 463—465
Lemoyne, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 219, 221
Leverrier de la Conterie, *см. Леверье де ла Контери* — 218
Lowe, см. Лоу Джордж — 283

Maichin, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 232
Mannot, владелец породистых охотничьих собак из Безансона (Франция) — 234, 235
Masson, *см. Массон* — 219, 453
Mc'Namara, собакозаводчик из Килларнея (Ирландия) — 265
Mègnin, французский ветеринар, автор книги о собаках — 16, 157, 174, 175, 177, 180, 182, 184, 185, 187, 188, 200, 207, 219, 221, 222, 227, 231, 234, 240, 242, 251, 268, 275, 440, 442, 448—450, 453, 461, 462, 465
Mertial, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 234
Meynell, *см. Бейнель* — 276, 281
Micaud, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 234
Millais Everett, *см. Милье* — 262, 447, 450—453
de **Moutjon**, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 233
Musters John, английский собакозаводчик, вел породу фоксхоундов — 278

Nimrod, псевдоним английского охотничьего писателя *Apperby (см.)* — 275
Nummatius, адресат галло-римского писателя *Аполлинария Сидония (см.)* — 290
Nutt, английский собакозаводчик, вел породу биглей — 463

Orillard, французский собакозаводчик, вел породу биглей — 463
d'Osmont, французский граф, охотник, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) — 286

Pease, владелец породистых охотничьих собак из Великобритании — 262

Petro de Crescentiis, охотничий автор 17 в. — 468

Poltimore, английский лорд, собакозаводчик, вел породу фоксхоундов — 280, 281

Porte aux Loups, *см. Порталу* — 239

Prukus Вильям, владелец охотничьих собак из Англии — 254

Rau G., владелец породистых охотничьих собак (харьеров) из Англии — 294

Reinagle, охотничий писатель и художник из Великобритании, корреспондент ж. „Sportsman's Cabinet" — 28

de Resulat, французский охотничий писатель — 234

Reul Ad., *см. Рёль Ад.* — 153, 154, 202, 213, 258—260, 275

Riddehalgh, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) из Англии — 296

Rochejacquellin, французский генерал, владелец породистых охотничьих собак — 230

du Rosier, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 221

Rottledge, охотничий писатель из Великобритании — 51

de **Ruble**, *см. де Рюбль* — 226, 239, 240

Ryan Клеменс, владелец породистых охотничьих собак из Типеррэри (Ирландия) — 264, 266

Rydholm, *см. Ридгольм* — 318

de **Saint Légier**, *см. Сан-Лежье* — 226, 228, 239

Salnove, английский охотничий писатель 17 в. — 179, 207, 208, 212

Schwappach, немецкий охотничий писатель, автор книги „**Forst-und Jagdgeschichte Deutschlands**" (1885) — 297

Scrope, автор книги «Охота на оленей скрадом» (1838) — 34

Servant *(см Серван)*, французский охотник, владелец породистых охотничьих собак — 245, 269

Silius Italicus, итальянский охотничий автор — 202

Snapshot, английский охотничий писатель, писал под псевдонимом *Wildfowler*, корреспондент ж. «Field» — 444, 445

Solberg, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 454

Sopithes, индийский царь времен Александра Македонского — 157

Steyning Beard, владелец породистых охотничьих собак (харьеров) из Великобритании — 293

Sundström C. R., *см. Зундстрём К. Р.* — 318

Tantzoia, немецкий охотничий писатель, автор книги „Der Dianen hohes und niederes Jagdgeheimniss" (1680) — 301

de **Trèbons**, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 221

Turbervill, *см. Турбервиль* — 186

Twiei William, ловчий английского короля Эдуарда II (нач. 14 в.), охотничий писатель — 274

de **Vaugiraud**, владелец породистых охотничьих собак из Франции — 230

Ware James, автор книги «Antiquites of Ireland» (1564) — 26

Weston Bell, английский охотничий писатель — 36

Wildfowler, псевдоним английского охотничьего писателя *Snapshot'*а *(см.)* — 444

Wilton, английский лорд, охотничий писатель, автор книги «Sports and Pursuits of the English» — 276

Wyner, владелец породистых охотничьих собак (фоксхоундов) из Великобритании — 282

Wynn, английский охотничий писатель, автор книги «История мастифа» — 290

d'Yauville, французский охотничий писатель 18 в. — 218

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ-СПРАВОЧНИК

Пояснения даны только к редким или устаревшим названиям

Аарбург, город в Швейцарии, на реке Аare — 312

Ааргау (Aargau), кантон на севере Швейцарии — 314—316

Абиссиния, неофициальное название Эфиопии, употреблявшееся в прошлом — 9, 23

Австралия — 31

Австрия, в 19 в. государство под таким названием — Австрийская империя Габсбургов — существовала до 1867 г., после чего превратилась в дуалистическую монархию Австро-Венгрию — 268, 302, 306, 310, 478

Австро-Венгрия — дуалистическая монархия, существовала с 1887 до 1918 г., в ее состав, кроме Австрии и Венгрии, входили Чехия, часть польских, западноукраинских и др. земель — 286

Азия — 13, 18, 53, 150, 155, 159, 206, 297

Акарнания, область в Италии — 201

Албания — 25, 28, 35, 47, 48, 157

Алтай, Алтайские горы — 13, 54, 330, 375

Америка, в книге Л. П. Сабанеева чаще всего имеется в виду не Американский континент в целом, а только США (в то время — САСШ) — 30, 256, 265, 277

Анатолия, основная часть Турции, расположенная на полуострове Малая Азия — 23

Англия, в книге, как правило, имеется в виду не собственно Англия, а Великобритания — 11, 16, 20, 21, 24—26, 30, 32, 33, 42, 43, 45, 63, 142, 164, 165, 186—189, 194, 203, 206, 208, 210, 213, 218, 230, 236, 246—253, 255, 263, 265—270, 272—281, 286, 289—293, 295, 418, 420, 443, 447, 450, 451, 453, 457, 460, 463

Апеннинский полуостров — 160, 171

Аравийская пустыня, пустыня в Африке, северо-восточная часть Сахары, расположена между долиной Нила и Красным морем; на юге переходит в Нубийскую пустыню — 10

Аравия, Аравийский полуостров, крупный полуостров на юго-западе Азиатского материка — 10—12, 14

Арголида, страна на берегу Арголидского залива (зал. Арголикос) Эгейского моря, заселенная, по преданию, за 1800 лет до н. э. выходцами из Египта — 150, 199

Аргос (Árgos), город в Арголиде и в Греции на полуострове Пелопоннес — 156

Арденны (Ardennes), возвышенность на юге Бельгии и частью во Франции и Люксембурге — 202, 212, 213, 453, 454

Арденнский лес — 212

Аркадия (Arkadia), область в центральной гористой части Пелопоннеса в Греции — 201

Арморика (Armorica), в древности кельтское название Северо-западной Галлии, территория Бретани — 173

Артуа (Artois), историческая область на севере Франции, провинция и графство, главный город — Аррас — 442, 449

Аскота, местность в Великобритании, где в 19 в. находилась королевская псовая охота — 271

Аткарский уезд Саратовской губернии, административная единица Российской империи с центром в уездном городе Аткарске; ныне — районный центр Саратовской обл. РСФСР — 80

Афганистан — 14, 160, 170, 194

Африка — 13, 150, 163, 206

Ахен (Aachen), город в земле Северный Рейн-Вестфалия, ныне на территории ФРГ — 310

Бавария (Bayern), административная единица (земля)в ФРГ, центр — г. Мюнхен — 305, 306, 310

Багдад, город в составе Османской империи, с 1921 г. — столица Ирака — 54

Багдадский калифат (халифат), встречающееся в литературе название государства Аббасидов по главному городу Багдаду — 54

Балеарские острова (Baleares), группа островов в западной части Средиземного моря, провинция Испании — 11, 15, 18

Балканский полуостров — 12, 14, 19, 20, 24, 25, 47, 48, 53, 160, 170, 199, 201

Балканские горы, Балканы — 53, 165, 194

Балтийское море — 10, 22—24, 41, 47

Балтийское побережье — 18, 24, 42, 53, 171

Башкирия, в Российской империи не существовала как административная единица; земли, населяемые башкирами, входили в состав Уфимской губернии — 374

Бедфордшир (Bedfordshire), графство в Великобритании, в Восточной Англии, главный город Бедфорд — 248

Бежецк, город в Калининской обл. (бывшая Тверская губ.) — 490, 491

Бежецкий уезд Тверской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Бежецк — 77

Безансон (Besancon), город на востоке Франции, в области Франш-Конте, ныне административный центр департамента Ду — 234

Бельгия — 21, 24, 189, 251, 444, 453, 466, 481

Берберия, область в Северной Африке, где проживали берберские племена (к западу от Египта) — 173, 200

Бернский кантон, современное официальное название — *кантон Берн,* административная единица Швейцарии с центром в г. Берн, являющемся одновременно и столицей государства — 315

Биркенгед, местность в Великобритании, в графстве Чешир — 465

Богданово, село в Костромской губ., владение помещика Сухотина — 379

Болгария — 20, 48, 194

Болховский уезд Калужской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Болхов (ныне райцентр Орловской обл.) — 381

Бордо (Bordeaux), город на юго-западе Франции, в области Гиень, ныне — административный центр департамента Жиронда — 226, 227

Бородино, село в Московской губ., ныне Московской обл. — 374

Босния (Bosna), историческая область в Югославии, в долине р. Сава и ее правых притоков; составная часть Социалистической Республики Босния и Герцеговина СФРЮ — 12, 25, 48, 194

Бразилия — 466

Брайтон (Brighton), город-графство в Великобритании, в Южной Англии в графстве Восточный Суссекс — 293

Бресс, местность во Франции — 175, 176

Бретань (Bretagne), историческая область на северо-западе Франции, на одноименном полуострове, главный город Рени. В прошлом — герцогство, потом — провинция; ныне разделена на несколько департаментов — 16, 170, 173—175, 183, 200, 206, 444, 455

Британия (Britannia) — одно из древних названий Великобритании — 12, 250

Британские острова, архипелаг на северо-западе Европы, состоит из двух крупных островов Великобритании и Ирландии, архипелагов Гебридские острова, Оркнейские острова, Шетлендские острова и мелких островов Англси, Малл, Мэн, Скай и др. — 11, 25, 246, 250

Бурбонне (Bourbonnais), историческая область в Центральной Франции, герцогство, ныне входит в состав департамента Алье, главный город Мулен — 176, 177, 184

Бургонь, неточное написание французской области *Бургундия (см.)* — 176, 236

Бургундия (Borgogne), историческая область на востоке Франции, главный город Дижон; в прошлом — самостоятельное королевство, затем герцогство, графство, провинция; ныне разбита на несколько департаментов — 212

Валлис — современное русское написание Уэльс (Wales), административная часть Великобритании — 11, 24, 26, 33

Вандея, департамент на западе Франции (*см. Пуату*) — 174, 181, 183, 230, 232, 233, 243, 455

Варвария, неофициальное обобщенное название территории Римской империи, на которой размещались королевства варваров — франков, бургундов, вестготов и др. — 206

Варьикшир, современное русское написание Уорикшир (Warwickshire), графство в Великобритании, в центральной части Англии — 281

Варшава (Warszawa), во времена Л. П. Сабанеева столица царства Польского, входившего в состав Российской империи, и главный город Варшавской губернии — 428

Великая Шотландия (Scotia major), так в 4 в. называлась Ирландия — 24

Великобритания — 20, 246, 254, 280

Великое княжество, титул великого князя киевского русские князья получили с 10 в., владимирского — с 13 в., удельные князья (московские, тверские, ярославские, рязанские, смоленские, нижегородские и др.) — с 12—14 вв.; после создания единого централизованного государства великими князьями (конец 15-го — начало 16-го в.) были только московские; с 1547 г. — правитель России получил титул царя — 58

Великороссия, в 19-м — начале 20-го в. официальное название европейской части Российской империи — 429

Венгрия, во времена Л. П. Сабанеева (с 1867 г.) в составе Австро-Венгерской монархии — 19, 306, 478, 480

Верхнее Поволжье — 382

Верхнее Пуату, *см. Пуату* — 228, 232, 244

Верхний Египет — 23

Вестморленд, местность в Великобритании — 282

Вестфалия (Westphalen), историческая область между реками Рейн и Везер, с 1815 г. — прусская провинция с главным городом Мюнстер, ныне — в составе земли Северный Рейн-Вестфалия в ФРГ — 299, 306, 309, 310

Виленская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Вильно (теперь Вильнюс), занимала юго-восточную часть территории нынешней Литовской ССР и некоторые районы современных Гродненской и Минской обл. — 381

Винчестер, современное русское написание Уинчестер (Winchester), город на юге Великобритании, в графстве Хэмпшир — 254

Виргиния (Virginia), штат на востоке США — 265, 277

Виртемберг, современное русское написание Вюртемберг (Württemberg), историческая область на юго-западе Германии, в прошлом — графство, потом — герцогство, королевство, с 1949 г. — в составе ФРГ, часть земли Баден-Вюртемберг — 474

Владимирская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Владимир, по территории мало отличалась от нынешней Владимирской обл. — 75, 381, 395, 490

Волга — 13, 334, 340, 372, 379

Вологодская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Вологда, значительно отличалась от современной Вологодской обл.: на западе ее граница доходила до линии Череповец — Кирил-

лов — Белозерск, зато на востоке занимала территорию нынешних Архангельской обл. и Коми АССР за рекой Печорой — 58, 343, 378, 429, 440

Волоколамск, уездный город Московской губ., ныне — райцентр Московской обл. — 55

Волоколамский тракт — 490

Воронежская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Воронеж; занимала несколько большую площадь, чем нынешняя Воронежская обл. — 68, 73, 74, 344, 359

Ворчестер (Worcester), более часто употребляемое ныне чтение — *Вустер*, город-графство в Великобритании, административный центр графства Вустершир — 248

Восточная Африка, природная страна, охватывающая восточную часть Африки в экваториальных и субэкваториальных широтах между Эфиопским плоскогорьем, впадиной Конго, нижним течением Замбези и Индийским океаном — 152

Восточная Европа — 14, 54, 162, 326, 370

Восточная Пруссия — 19, 307

Восточная Франция — 201, 234, 312

Восточная Швейцария — 315

Восточный Туркестан — 14

Гавр (Le Havre), город и порт во Франции, в Нормандии и в устье реки Сена — 455

Гайнау, местность во Франции — 212

Галация (Galatia), в древности страна в центре Малой Азии, входила в состав Римской империи, а затем Византии — 171

Галич — уездный город Костромской губ., в прошлом — центр Галичского княжества — 61, 371

Галлия (Gallia), историческая область на западе Европы, включавшая территории современных Северной Италии, Франции, Люксембурга, Бельгии, части Нидерландов, части Швейцарии — 11, 22, 24, 160, 171, 201, 204, 250, 297

Гампшир, современное русское написание Хэмпшир (Hampshire), графство на юге Великобритании — 254

Ганновер (Hannover), немецкое княжество и королевство (до 1866 г.) с центром в г. Ганновер; с 1866 г. — прусская провинция, ныне — административный центр земли Нижняя Саксония (ФРГ) — 299, 301, 302, 306, 474, 478

Гарц (Harz), горный массив в ГДР и ФРГ — 303

Гебридские острова, Гебриды (Hebrides), архипелаг в Атлантическом океане, у западных берегов Шотландии, принадлежит Великобритании — 188, 189, 462

Геллеспонт (Hellespontos), древнегреческое название пролива Дарданеллы — 47

Германия, во времена Л. П. Сабанеева (с 1871 г.) Германская империя, объединенная антидемократическим путем на прусско-милитаристской основе — 19, 21, 27, 45, 67, 161, 176, 189, 202, 204, 205, 213, 268, 286, 299—302, 304, 306, 307, 312, 317, 318, 334, 428, 441, 466, 468—471, 478, 480, 481

Герцеговина (Herzegovina), историческая область в Югославии, в бассейне реки Неретвы и верховьях Дрины; с 1921 г. объединена в единую территориальную область с Боснией; с 1945-го составная часть Социалистической Республики Босния и Герцеговина СФРЮ — 25, 48, 194

Гималайские горы, Гималаи, высочайшая горная система земного шара, расположенная на территории Индии, Китая, Непала и Пакистана — 13

Гларус, город в Швейцарии — 314

Голстиния, Голштиния, неофициальное название исторической области Гольштейн (Holstein) в Северной Германии, южная часть земли Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ — 299, 318

Городницкий уезд Черниговской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Городня (ныне райцентр Черниговской обл. УССР) — 198

Гохгебирге, высокогорный район Австрии (может быть, Высокий Тауэрн); вероятнее всего, неправильно понятое слово, требовавшее перевода; во всяком случае, такого официального названия местности в Австрии нет — 194

Граубинден, местность в Швейцарии — 314

Греция — 12, 24, 25, 48, 156, 160, 161, 170—172, 194, 199, 201, 334, 401

Греческая империя, Л. П. Сабанеев неточно называет греческой империей Византию, которая во втором периоде своего развития (середина 7-го — начало 13-го в.) действительно была сначала преимущественно греческим, а в 11—12 вв. греко-славянским государством, однако официального названия «Греческая империя» не существовало — 334

Грузия — 54

Дагестан, во времена Л. П. Сабанеева Дагестанская область (центр Темир-Хан-Шура, ныне Буйнакск) в составе Кавказского наместничества, занимала только южную половину современной Дагестанской АССР (примерно до р. Сулак) — 48, 50

Дальний Восток — 327

Дания — 21, 27, 42, 43, 318

Дарлингтон (Darlington), город-графство в Великобритании, в графстве Дарем, на северо-востоке Англии — 296

Девон, Девоншир (Devonshire), графство в Великобритании на юго-западе Англии, административный центр — г. Эксетер — 189, 213, 264, 269, 270, 462

Днепр — 13, 47, 159

Доброй Надежды мыс, скалистый мыс на юге Африканского континента — 153

Добруджа, историческая область в Европе между нижним течением р. Дунай и побережьем Черного моря. Северная часть входит в состав Румынии, южная — Болгарии — 20

Донского Войска Земля, правильно — *Область Войска Донского*, административная единица Российской империи, занимала территорию современных Ростовской обл., части Волгоградской, Луганской, Воронежской обл. и Калмыцкой АССР — 427

Дорсет, Дорсетшир (Dorsetshire), графство в Великобритании, на юге Англии, административный центр — Дорчестер — 280

Древняя Британия — 246

Древняя Галлия — 205

Древняя Греция, по периодизации современной исторической науки древний период Греции заканчивается в 4 в. н. э. (создана Византия) — 156, 170, 246

Древний Египет, по периодизации, принятой в современной исторической науке, древний период Египта завершается в 7 в. н. э. (завоевание арабами — 639—642 гг.) — 334

Древняя Русь, древний период Русского государства завершается примерно в 13 в. (до монголо-татарского завоевания 1237—1241 гг.) — 52, 194, 333, 401, 406

Дунай — 159, 202

Европа — 8, 10, 18, 21, 23, 24, 27, 34, 42, 47, 49, 51, 53, 154, 159, 204, 212, 280, 283, 285, 333, 412

Европейская Россия — 164, 177, 369, 383

Египет, во времена Л. П. Сабанеева Египет входил в состав Османской империи, где имел формальную автономию, но фактически с 1883 г. управлялся английским генеральным консулом — 12, 23, 156, 160, 170, 199

Жиронда (Gironde), департамент на юго-западе Франции, у Бискайского залива; административный центр — г. Бордо — 240

Закавказье, часть Кавказа, лежащая к югу от Главного Кавказского хребта — 49

Западная Азия (или **Передняя Азия**), группа природных стран, включающая Малоазиатское, Армянское и Иранское нагорья, Месопотамию, Аравийский полуостров и Левант — 10, 54, 172, 335

Западная Германия — 299

Западная Двина, река в РСФСР, БССР и Латвийской ССР (Даугава) — 47, 160

Западная Европа — 14, 15, 17, 20, 21, 41, 67, 160, 161, 164, 170, 199, 200, 210, 215, 246, 333, 334, 345, 372

Западная Россия, у Л. П. Сабанеева имеется в виду западная часть Российской империи, т. е. Украина, Белоруссия и Прибалтика — 428, 429

Западная Сибирь, территория между Уралом и р. Енисей — 375

Западная Франция — 173, 183, 237, 241

Западная Швейцария — 314

Западный край, обиходное собирательное название западных губерний Российской империи — 408, 491

Зауралье — 374

Зауральская Башкирия — 374

Земля Войска Донского, правильное — *Область Войска Донского — см. Донского Войска Земля*

Золинген — *см. Солинген*

Иберия (Hiberia), в древности — название Испании (до завоевания ее римлянами в конце 3—2 в. до н. э.) — 11, 161, 201

Измайлово, подмосковное село, ныне — в черте Москвы — 64

Индия — 26, 53, 157, 285, 327, 369

Ирландия (Ireland), Ирландская Республика; во времена Л. П. Сабанеева — в составе Великобритании — 11, 12, 15, 16, 22, 24—27, 29, 33, 43, 44, 253, 263—265, 270, 274, 280, 295

Испания — 11, 13, 16—18, 21, 161, 193, 199, 200, 205, 206, 270, 467

Италия — 18, 21, 172, 201, 312

Йоркшир (Jorkshire), графство в Великобритании на побережье Северного моря — 248, 262, 276, 280, 281

Кавказ — 14, 23, 47, 49—53, 69, 214, 347, 492

Кавказские горы — 282

Казанская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Казань; по территории отличалась от современной Татарской АССР: в нее входили северная часть Чувашской и южная часть Марийской АССР; зато на востоке районы Бугульма, Мензелинск, Елабуга находились за пределами губернии — 376, 381

Казань, во времена Л. П. Сабанеева губернский город, ныне — столица Татарской АССР — 54, 56, 60, 337, 374

Калагари, современное русское написание *Калахари* (Kalahari), пустыня в центральной части Южной Африки — 153

Калужская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Калуга, в основном совпадающая по территории с современной Калужской обл. — 74, 381, 394, 413, 417

Каратегин, горный отрог Гиссарского хребта в Таджикистане — 170

Карачаевские горы, отроги Главного Кавказского хребта на территории Карачаево-Черкесской автономной области (Ставропольский край РСФСР) — 347

Карлейль, Карлайль (Carlisle), город-графство в Великобритании на р. Иден, административный центр графства Камберленд — 253

Карфаген, рабовладельческий город-государство в Северной Африке; основан в 825 г. до н. э., в 7—4 вв. до н. э. подчинил себе значительную часть побережья Северной Африки, юга Испании и ряд островов Средиземного моря. В 146 г. до н. э. после поражения в 3-й Пунической войне уничтожен римлянами — 11, 161, 199

Кент (Kent), графство в Великобритании, в бассейне реки Темза в Англии, административный центр — г. Мейдстон — 284

Киев, во времена Л. П. Сабанеева центр Киевского генерал-губернаторства и Киевской губ., ныне — столица Украинской ССР и центр Киевской обл. — 53, 333, 401, 492

Килларней, современное русское написание Килларни, город на юго-западе Ирландии, в графстве Керри — 264, 265

Китай — 155, 325, 330, 331, 369

Китайская империя, существовала до 1912 г. — 162, 369

Клинский уезд Московской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Клин — 411

Ковенская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Ковно (ныне — Каунас), занимала западную часть современной Литовской ССР — 430

Кологрив, город в Костромской губернии, ныне — райцентр Костромской обл. — 61, 371

Конго, государство, существовавшее в низовьях реки Конго в 14—18 вв. — 153, 154, 478

Константинополь, столица Римской (с 330 г.), затем Византийской, а с 1204 г. Латинской империи. 13 мая 1453 г. взят турками и переименован в Стамбул — 16, 18

Кордофан, горное плато в Судане, к западу от реки Белый Нил — 10, 152, 153

Коромандельский берег, восточное побережье Индостанского полуострова, примыкающее к Бенгальскому заливу, территория Индии — 155

Кострома, во времена Л. П. Сабанеева — губернский город, ныне — центр Костромской обл. — 44, 371, 374, 378, 379

Костромская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Кострома, по площади занимала несколько большую территорию, чем современная Костромская обл., включая северную часть нынешней Ивановской обл. (район Кинешма — Юрьевец) и северо-западную Горьковской (район Варнавино — Ветлуга) — 56, 58, 61, 343, 346, 361, 370, 372, 374, 375, 377, 378, 380, 381, 429

Костромской край, то же, что и *Костромская губерния* — 370, 371

Крит, остров в восточной части Средиземного моря, принадлежит Греции — 159

Крым — 20, 67, 347, 439

Крымские горы — 282

Куба, до 1897 г. — испанская колония — 218, 253

Кубанская область, административная единица Российской империи с центром в г. Екатеринодар (ныне — Краснодар); занимала несколько меньшую территорию, чем современный Краснодарский край: побережье Черного моря от Сочи до Новороссийска относилось к самостоятельной Черноморской губ. — 125

Кубань, неофициальное название части Кубанской области, прилегающей к реке Кубань — 103, 347

Кумберленд, современное русское написание *Камберленд* (Cumberland), графство в Великобритании, в Англии, у побережья Ирландского моря; административный центр — г. Карлайл — 248, 282, 284

Курдистан, горная область в Западной Азии, населенная в основном курдами. Название применяется главным образом в этнографическом смысле, фиксированных границ не имеет. Курдистан находился в пределах Османской империи, а после ее распада — на территории Турции, Ирака и Сирии — 51

Курляндия, во времена Л. П. Сабанеева — Курляндская губерния Российской империи в западной части Латвии (Курземе) — 43—45, 110, 194, 195, 198, 319, 431

Курская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Курске; занимала несколько большую территорию, чем нынешняя Курская обл., включая западную часть современной Белгородской обл. — 74, 327, 381, 418, 427

Лавердан, местность во Франции — 226

Ланды (Landes), департамент на юго-западе Франции, на берегу Бискайского залива, административный центр — Мон-де-Марсан — 226, 227

Ланкашир (Lancashire), графство в Великобритании, в Англии, административный центр — г. Престон — 248, 292, 293, 295

Лена, река в Сибири — 57, 122, 333

Ливенский уезд Орловской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Ливны (Орловская обл.) — 381, 382

Лигово, поселок в Петербургской губ. (ныне — Ленинградская обл.), на южном берегу Ладожского озера — 482

Литва, самостоятельное Литовское государство сложилось в 13 в., в 16 в. Литва объединилась с Польшей в единое государство — Речь Посполиту, в 1795 г. большая часть литовских земель вошла в Российскую империю; западные литовские земли (Клайпедский край) во времена Л. П. Сабанеева находились в составе Пруссии, а на остальной территории располагались Гродненская, Виленская и Ковенская губернии — 194, 195, 198, 346, 369, 429, 433

Лифляндия, Лифляндская губерния в Российской империи, ныне — территория Латвийской ССР (южная часть) и Эстонской ССР (северная часть) — 319

Лоло, этническая территория в китайских провинциях Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, населенная аборигенами народности лоло (логиты) — 162, 326, 330—332

Лондон — 26, 466

Лотарингия (Lorraine), историческая область на северо-востоке Франции, ныне — территория департаментов Мозель, Мерт и Мозель, Мез, Вогезы — 212, 236, 316, 444

Любимский уезд Ярославской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Любим (ныне райцентр Ярославской обл.) — 379

Люблинская губерния, административная единица Российской империи, на востоке Царства Польского; административный центр — г. Люблин; ныне территория Люблинской губернии входит в состав Люблинского воеводства ПНР — 431

Люблинский уезд Люблинской губернии — административная единица Российской империи с центром в г. Люблин; ныне — в составе Люблинского воеводства ПНР — 431

Люнебургская равнина, часть Среднеевропейской равнины между нижними течениями рек Эльба и Везер, ныне — на территории ФРГ — 302, 308

Люневиль (Luneville), город на востоке Франции — 234

Люцерн (Luzern), город в Центральной Швейцарии, административный центр кантона Люцерн — 314, 316

Мабьяншин, город в Китае, западнее г. Сюйчжоу — 331

Мавритания, государство в Северо-Западной Африке, главный город — Нуакшот; во времена Л. П. Сабанеева — сфера влияния Франции, с 1920 г. — официальная колония Франции; в настоящее время — Исламская Республика Мавритания — 200, 206

Мадрид — 17

Македония, историческая область в центральной части Балканского полуострова; во времена Л. П. Сабанеева — под властью Османской империи (с 14 в.), после национально-освободительного Илинденского восстания 1903 г. провозглашена независимая Крушенская республика; в результате Балканских войн 1912—1913 гг. историческая область Македония разделена между Сербией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиренейский край). В 1945 г. на территории Вардарской Македонии создана Социалистическая Республика Македония, вошедшая в состав ФНРЮ, ныне СФРЮ — 48, 160, 201

Малая Азия, полуостров на западе Азии, территория Турции — 10, 12, 14, 16, 23, 47, 50, 51, 53, 54, 159, 170, 171, 194, 199, 205

Малоархангельский уезд Орловской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Малоархангельск, ныне — райцентр Малоархангельского района Орловской обл. — 382, 397

Малороссия, дореволюционное официальное название Украины — 346, 349, 350, 421, 425

Малоярославецкий уезд Калужской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Малоярославец, ныне — райцентр Малоярославецкого района Калужской обл. — 74

Манчестер (Manchester), город-графство в Великобритании, на территории Ланкашира — 262

Марокко, государство на северо-западе Африки, столица г. Рабат — 154

Мекленбург, историческая область на территории Германии, с 1621 г. разделена на два герцогства — Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Гюстров (с 1701 г. — Мекленбург-Стрелиц), с 1815 г. — великие герцогства; с 1918 г. — республики, с 1934 г. — единая земля Мекленбург (с главным городом Шверин), с 1949 г. — земля в составе ГДР — 19

Мекленбург-Шверин, герцогство (с 1621 г.) на территории Германии, с 1819 г. — великое герцогство; с 1949 г. вошла в состав земли Мекленбург на территории ГДР — 305

Мерван, провинция во Франции — 176, 177

Метагоннум, мыс на севере Африки — 156

Минская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Минск — 401

Могилевская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Могилев; занимала бóльшую территорию, чем современная Могилевская область, включая восточную часть нынешней Гомельской обл. и южную Витебской — 429, 437

Можайский уезд Московской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Можайск — 418

Мозамбик, страна на юго-востоке Африки, столица — г. Лоренсу-Маркиш; во времена Л. П. Сабанеева — колония Португалии — 153

Молдавия, во времена Л. П. Сабанеева восточная часть Молдавии, входившая в состав Российской империи, составляла Бессарабскую губернию с центром в г. Кишинев — 67

Молоссия, легендарная страна на восточном побережье Ионического моря, место поселения древних племен молоссов; ныне территория Албании и северо-запада Греции — 25, 157

Монголия, историческая область в Восточной и Центральной Азии, населенная монголами и известная по историческим источникам с 8 в.; с 13 в. — Монгольская империя; с 17 в. разделяется на Внешнюю Монголию, на территории которой в 1924 г. образовалась МНР, и на Внутреннюю Монголию, которая с 1949 г. стала Автономным районом Внутренняя Монголия на севере КНР — 13, 14, 54, 369

Морбиган, департамент на северо-западе Франции, на полуострове Бретань; административный центр г. Ванн — 178

Москва, во времена Л. П. Сабанеева — губернский город, центр Московской губернии — 71, 73, 88, 337, 349, 371, 381, 382, 418, 419, 456, 466, 481, 482

Московия, Московское княжество, выделившееся в первой половине 13 в. как удел Владимиро-Суздальского княжества; около середины 14 в. — Московское великое княжество; во второй половине 15 в. стало ядром единого Русского государства — 55

Московская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Москва; занимала чуть меньшую территорию, чем современная Московская обл. — 198, 411, 413

Московское государство, то же, что Московское княжество — *см. Московия* — 56, 58, 60, 372

Мугуачи, поселок в Китае — 331

Мыс Доброй Надежды — *см. Доброй Надежды мыс*

Непал, государство в Южной Азии, конституционная монархия; во времена Л. П. Сабанеева — номинальное королевство с автократическим управлением рода Рана под контролем Великобритании — 155

Неверне (Nivernais), историческая область в центральной части Франции, на правобережье реки Луара; входит в состав департамента Ньевр — 176, 184

Нижегородская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Нижний Новгород (с 1932 г. — г. Горький) — 88, 376

Нижняя Сена, в настоящее время Приморская Сена, департамент на севере Франции, административный центр — г. Руан — 449

Нижняя Шаранта, в настоящее время Приморская Шаранта департамент на западе Франции, административный центр — г. Ла-Рошель — 237

Нил, река в Африке — 10

Новгородская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Новгород; занимала несколько большую территорию, чем нынешняя Новгородская обл., включая южную часть современной Ленинградской обл. (район Тихвина) и западную половину Вологодской (включая Череповец — Кириллов) — 58

Новоторжокский уезд Тверской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Торжок, ныне — центр Торжокского района Калининской обл. — 397

Норвегия, королевство Норвегия, во времена Л. П. Сабанеева находилось в зависимости от Швеции согласно шведско-норвежской унии 1814—1905 гг., королем Норвегии являлся шведский король — 308, 318

Нормандия (Normandie), историческая область на севере Франции, в основном — на полуострове Нормандия — 221, 454

Нортумберленд (Northumberland), графство в Великобритании, на крайнем северо-востоке Англии — 248

Нубия, историческая область в Африке, между первым и шестым порогами Нила — 153

Нью-Маркет, современное написание Ньюмаркет, местность в Великобритании — 281

Нью-Форест, современное написание *Ньюфорест*, местность в Великобритании, в графстве Гемпшир — 254

Олонецкая губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Петрозаводск; занимала южную часть нынешней Карельской АССР, а кроме того небольшие территории современных Ленинградской (район Лодейное Поле — Подпорожье), Вологодской (район Вытегры) и Архангельской (район Каргополь — Няндома) обл. — 58

Оренбургские степи, степная часть в Южном Приуралье, в Оренбургской обл., в бассейне рек Урал и Самара; в настоящее время значительные участки распаханы — 327

Орловская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Орел; занимала несколько иную территорию, чем нынешняя Орловская обл.: в нее входила часть современной Брянской (Брянск, Трубчевск) и Липецкой (Елец) областей; в то же время район Новосиля относился к Тульской губ. — 198, 327, 373, 374, 381, 382, 393

Орловский уезд Орловской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Орел — 381

Остзейский край (1801—1876), от немецкого названия Балтийского моря (Ostsee), в Российской империи — общее название прибалтийских земель Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний, ныне — территории Эстонской ССР и большей части Латвийской ССР — 45, 121, 319, 470

Острожное, родовое имение помещика и собакозаводчика А. В. Назимова в Тверской губернии — 490, 491

Памир, горная страна в Средней Азии, главным образом — в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР — 160

Парагвай, республика в центральной части Южной Америки, столица — г. Асунсьон — 440

Париж — 79

Парфеньево, село в Костромской губернии, ныне — райцентр Костромской области — 371

Пелопоннес (Pelopónnēsos), полуостров в Греции, южная часть Балканского полуострова — 199

Пензенская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Пенза; занимала несколько большую территорию, чем современная Пензенская обл., включая значительную часть современной Мордовской АССР; в то же время район Сердобска не входил в состав губернии — 427

Персия, официальное название Ирана до 1935 г. — 10, 14, 23, 50, 54, 70, 194, 372

Петербург, столица Российской империи; с 1914 г. — Петроград, с 1924 г. — Ленинград — 44, 45, 62, 92, 316, 326, 396, 474, 481, 482

Петербургская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Петербург; несколько отличалась от нынешней Ленинградской обл.: включала часть современной Псковской обл., а некоторые северные (Выборг), восточные (Лодейное поле — Подпорожье) и юго-восточные (Тихвин, Пикалево) земли входили в другие губернии — 81

Пикардия (Picardie), историческая провинция на севере Франции, ныне территории департаментов Сомма, частично Эна, Па-де-Кале, Уаза; главный город — Амьен — 16, 222

Пиренеи, горная система в Европе, на границе Испании и Франции — 193

Подмосковье — 60

Познань (Poznań), город в Польше, центр Познанского воеводства; во времена Л. П. Сабанеева — столица Познанского великого княжества, входившего в состав Пруссии (1815—1918) — 307

Польское Королевство (Царство Польское), образовалось по решению Венского конгресса 1814—1845 гг. в составе Российской империи и просуществовало вплоть до Октябрьской революции 1917 г.; в Королевство Польское не входили некоторые польские земли, отошедшие к Пруссии (Познанское великое княжество, Поморье, Силезия) и Австрии (Краковский округ, с 1846 г.) — 323

Польша, во времена Л. П. Сабанеева в составе Российской империи *(см. также Польское Королевство)* — 56, 67, 104, 198, 203, 323, 344, 347, 433

Померания (Pomerania), средневековое герцогство на побережье Балтийского моря; затем прусская провинция (до 1945 г.) — 19

Поневежский уезд Ковенской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Поневеж, ныне — Паневежис, райцентр Паневежского района Литовской ССР — 431

Прибалтийские губернии в царской России: Эстляндская (центр — г. Ревель, ныне — г. Таллин), Лифляндская (г. Рига), Курляндская (г. Митава, ныне — г. Елгава), Ковенская (г. Ковно, ныне — г. Каунас) — 429, 474, 482

Прибалтийские страны — 16

Прибалтийский край (1801—1876), то же, что и *Остзейский край (см.)* — 63

Прибалтийское побережье — 19

Привисленье, то же, что и *Привислинский край (см.)* — 429

Привислинский (Привислянский) край (1874—1917), административная

единица Российской империи, включала 10 губерний Царства Польского, входившего в состав Российской империи — 431

Привислянские губернии, то же, что и *Привислинский край (см.)* — 474, 482

Прикаспийские степи — 54

Прованс (Provence), историческая область на юго-востоке Франции, на побережье Средиземного моря, во Французских Альпах — 11

Пруссия, государство на германских землях, 1701—1871 гг. — королевство; после провозглашения в 1871 г. Германской империи сохранила господствующее положение в объединенной Германии; закон о ликвидации Прусского государства принят в 1947 г. — 45

Пуату (Poitou), историческая область на западе Франции; до 1790 г. — провинция; ныне — территория департаментов Вьенна, Де-Севр и Вандея — 183, 230, 238

Пятигорск, город в Ставропольском крае РСФСР, район Кавказских Минеральных Вод — 347

Ранге, местность во Франции — 234

Рейн (Rhein), река в Западной Европе, на территории Швейцарии, Франции, ФРГ (в основном) и Нидерландов — 202

Рим, в данном случае Л. П. Сабанеев употребляет название города в значении Римского государства — *Римской империи (см.)* — 24

Римская империя, 27 г. до н. э. — 193 г. н. э. — 11, 18, 26, 311

Романовский уезд, полное название — *Романово-Борисоглебский уезд* Ярославской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Романов-Борисоглебск, ныне — г. Тутаев, райцентр Тутаевского района Ярославской обл. — 81

Россиенский уезд Ковенской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Россиены, ныне — Расейняй, райцентр Расейнского района Литовской ССР — 430

Россия, во времена Л. П. Сабанеева употреблялось в двойном значении: и как краткое название Российской империи в целом и в узком смысле, как европейская часть страны (Великороссия, Малороссия, Новороссия и Западный край) без Царства Польского, Финляндии и прибалтийских губерний — 14, 15, 20, 21, 42, 43, 52, 54, 56, 58, 67, 69, 70, 72, 73, 80, 81, 119, 154, 165, 194, 213, 223, 272, 283, 285, 330, 335, 336, 339, 340, 342—344, 372, 375, 377, 378, 383, 393, 415, 418, 420, 421, 426, 427, 456, 466, 481

Румыния, с 1862 г. Румынское княжество, 1881—1947 гг. — Румынское королевство — 20

Русский Брод, село в Ливенском уезде Орловской губернии — ныне в Верховском районе Орловской обл. — 382

Русь, Русская земля, название государственного образования восточных славян в срединном течении Днепра в 9—10 вв. — 112, 333, 334

Ряжск, уездный город Рязанской губернии, ныне — райцентр Ряжского района Рязанской обл. — 408

Ряжский уезд Рязанской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Ряжск — 407

Рязанская губерния. административная единица Российской империи с центром в г. Рязань — 78, 381

Рязань, губернский город в царской России, ныне — областной центр — 399

Сан-Галлин, более точное современное русское написание — *Санкт-Галлен* (Sankt Gallen), город и кантон на северо-востоке Швейцарии — 314

Саона, современное русское написание Сона (Saône), река во Франции, правый приток реки Рона — 176

Сапожковский уезд Рязанской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Сапожок, ныне райцентр Сапожковского района Рязанской обл. — 78

Саратовская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Саратов; занимала несколько иную территорию, чем нынешняя Саратовская область: вся заволжская (левобережная) часть относилась к Самарской губернии; зато в состав губернии входил район Сердобска (ныне — Пензенская обл.) и Царицына-Камышина (ныне территория Волгоградской обл.) — 68, 374,380

Сардиния (Sardegna), остров в Средиземном море, область Италии; до 1861 г. — в составе Сардинского королевства — 18

Сарта (Sarthe), департамент на северо-западе Франции, административный центр — г. Ле-Ман — 175

Северная Азия — 333

Северная Америка, во времена Л. П. Сабанеева чаще всего так называли не весь Северо-Американский континент, а только государство США, называвшееся тогда Северо-Американскими Соединенными Штатами (САСШ) — 26, 187, 263, 265, 269, 277, 283, 285, 481

Северная Африка — 8, 11, 151, 156, 199, 201, 206

Северная Германия — 42, 43, 299, 308, 474

Северная Европа — 16, 42

Северная Испания — 17

Северная Россия — 57, 58

Северная Франция — 218, 220, 250

Северный Кавказ — 59, 427

Северо-Восточная Африка — 10

Северо-Восточная Франция — 178

Северо-Восточная Швейцария — 316

Северогерманская низменность — 18, 43, 308

Северо-Западная Африка — 11, 156, 161

Северо-Западная Франция — 170

Северо-Западный край (1850—1912 гг.), административная единица Российской империи, включала Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии, примерно территории современных Литовской ССР и Гродненской обл. БССР — 429

Сергиевские Минеральные Воды, курорт в Самарской губ., ныне — Куйбышевская обл. — 81

Сибирь — 57, 58, 214

Сиверцы Петербургской губернии, в настоящее время — поселок городского типа Сиверский в Гатчинском районе Ленинградской обл., на реке Оредеж — 81

Симбирская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Симбирск (ныне г. Ульяновск); занимала территорию только по правобережью Волги с включением районов Сызрани (ныне — Куйбышевская обл.) и южной части нынешней Чувашской АССР (Алатырь, Шумерля) — 65, 79, 110, 340, 372

Сицилия (Sicilia), остров в Средиземном море, территория Италии — 18

Скандинавия, Скандинавский полуостров, на северо-западе Европы, на его территории располагается Норвегия, Швеция и северо-западная часть Финляндии. Следует учесть, что в отношении национальных понятий термин «Скандинавия» включает только шведские, норвежские и датские (иногда также исландские и фарерские) явления и исключает Финляндию, принадлежащую к финно-угорскому, а не скандинавскому комплексу — 24, 42, 43

Скандинавские страны, во времена Л. П. Сабанеева к ним чаще всего относили Норвегию, Швецию, иногда Данию и Исландию (*см.* также *Скандинавия*) — 322

Скандинавский полуостров — *см. Скандинавия* — 24, 42

Скоттия, в древнеримских источниках так иногда называлась Ирландия — 48

Смоланд (Småland), возвышенность на юге Швеции — 320, 321

Смоленская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Смоленск; от современной Смоленской обл. отличалась незначительно — 373, 381

Согостырь, село в устье р. Лена — 57

Соединенные Штаты Америки, во времена Л. П. Сабанеева — Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ) — 265, 285

Солигалич, уездный город Костромской губернии, ныне — райцентр Солигаличского района Костромской обл. — 61, 371

Солинген, современное русское написание *Золинген* (Solingen) город в Германии, в земле Северный Рейн-Вестфалия, ныне — на территории ФРГ — 302

Сомерсет, Сомерсетшир (Somerset, Somersetshire), графство в Великобритании, на полуострове Корнуолл, у побережья Бристольского залива — 213, 269, 270

Спарта (Spártē), древнегреческое (6—1 вв. до н. э.) государство в южной части Пелопоннеса — 157

Среднее Поволжье — 372

Средний Китай — 155

Средняя Азия, часть азиатской территории СССР от Каспийского моря до границы с Китаем — 13, 22, 23, 155, 177, 406

Средняя Европа — 18, 19, 201

Средняя Россия — 58, 66, 375, 376, 421, 426

Судай, деревня в Костромской губернии — 61

Судан, природная и историческая область в центральной части Африки, от Атлантического океана до Белого Нила. То же — государство на северо-востоке Африки, с 1885 г. — независимое государство, с 1899 г. фактически

превращено в английскую колонию; в настоящее время — Демократическая Республика Судан — 10

Суздальский уезд Владимирской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Суздаль, ныне — райцентр Суздальского района Владимирской обл. — 75

Суражский уезд Черниговской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Сураж; ныне райцентр Суражского района Брянской обл. — 437

Суссекс, Сассекс (Sussex), Восточный и Западный, два графства в Великобритании, у пролива Ла-Манш — 276, 284, 462, 465

Сычуань, провинция на юго-западе Китая — 331

Сюйчжоуфу, город в Китае, в провинции Цзянсу — 331

Тамбов, губернский город с 1796 г.; ныне — областной центр — 88

Тамбовская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Тамбов; занимала несколько большую территорию, чем нынешняя Тамбовская обл., включая часть территории современных Воронежской (Борисоглебск) и Липецкой (Усмань, Грязи, Липецк) обл. — 74, 76, 115, 378, 381, 408

Татария, в данном случае неправильное название Туркестана — 28, 160, 177

Тверская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Тверь (ныне — Калинин); занимала несколько меньшую территорию, чем современная Калининская обл.: район Торопца относился тогда к Псковской губ. — 77, 350, 373, 381, 383, 405, 407

Тверской уезд Тверской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Тверь (ныне — Калинин) — 490

Тверь, губернский город в царской России, ныне — областной центр Калинин — 490

Терская область, административная единица Российской империи с центром в г. Владикавказ (ныне — г. Орджоникидзе); включала южную часть нынешнего Ставропольского края (район Кавказских Минеральных Вод), Кабардино-Балкарию, Северную Осетию, Чечено-Ингушетию, северную часть Дагестана (Хасавьюрт, Кизляр, Ногайские степи) — 59

Тибет, район Центральной Азии, расположенный на Тибетском нагорье в Китае — 13, 159, 160, 170, 369

Типирари, современное русское написание — *Типперэри*, селение в Ирландии — 264

Томская губерния (с 1804 г.), административная единица Российской империи с центром в г. Томск; занимала более обширную территорию, чем нынешняя Томская область, включая современные Новосибирскую и Кемеровскую области и Алтайский край — 375

Тоучестер, судя по тексту Л. П. Сабанеева, — город или местность в Великобритании; однако название явно искажено; возможно это неправильное прочтение английских слов Town Chester (таун Честер), что означает *город Честер*, административный центр графства Чешир на западе Великобритании — 29

Триполи, 1) город на севере Ливана на восточном (азиатском) побережье Средиземного моря; 2) столица Ливии, расположена на южном (африканском) побережье Средиземного моря — 154

Троя (Tróia), древний (3—2 тысячелетия до н. э.) город на северо-западе Малой Азии — 25, 171, 172

Тулуза (Toulouse), город на юге Франции, административный центр департамента Верхняя Гаронна — 227

Тульская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Тула, от современной Тульской обл. отличалась незначительно (включала район Новосиля нынешней Орловской обл. и некоторые другие территории) — 74, 381, 395, 413, 416, 491

Тунис, государство в Северной Африке; во времена Л. П. Сабанеева — под французским протекторатом (1881—1956 гг.); ныне — Тунисская Республика, столица — г. Тунис — 154, 206

Тургау (Thurgau), кантон на севере Швейцарии, главный город — Фрауэнфельд — 314

Туркестан, историко-географическая область, включавшая в 19-м — начале 20-го в. территорию современной Средней Азии, Казахстана и часть Центральной Азии, населенной тюркскими народностями. Условно делился на Западный (или Русский), Восточный (или Китайский) и Афганский — 14, 160, 214, 330

Туркмения — во времена Л. П. Сабанеева входила в Закаспийскую область (с центром в Асхабаде) в составе Кавказского наместничества, затем включена в состав Туркестанского края — 54

Турция — 21, 48

Украйна, более точное современное написание *Крайна*, историческая область в Югославии, в верховьях реки Сава — 28

Унжа, река в Вологодской и Костромской обл., левый приток Волги — 61, 371

Уэльс (Wales), административно-политическая часть Великобритании, занимает полуостров Уэльс и остров Англси — 186, 188, 189, 246, 274, 292, 296, 462

Феодосийский уезд Таврической губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Феодосия — 439

Финляндия, во времена Л. П. Сабанеева — в составе Российской империи — 60

Фландрия (Vlaanderen), историческая область в Западной Европе, основная часть — в составе Бельгии, части — во Франции (в департаменте Нор) и Нидерландах (на юге провинции Зеландия) — 212, 442

Франция — 15—18, 21, 24, 27, 28, 67, 164, 165, 171, 180, 183, 189, 200, 205—207, 212, 213, 235, 242, 248, 249, 251, 255, 266, 268, 277, 278, 285, 290, 291, 296, 298, 299, 311, 312, 317, 323, 426, 428, 441, 443—445, 447, 449, 451, 453, 454, 456, 463, 465, 466

Французское королевство существовало во Франции с 10 в. по 1789 г. — 323

Франш-Конте (Franche-Conté), историческая область на востоке Франции, графство Бургундия, охватывает территорию департаментов Ду, Юра, Верхняя Сона — 176, 316

Харьковская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Харьков; кроме территории современной Харьковской обл. занимала также части Луганской, Сумской и Полтавской обл. — 45, 393

Хилдернесс, местность в Великобритании, в Шотландии — 284

Царство Казанское, *см. Казанское царство* — 361, 370

Царство Польское, употребляемое в России название *Королевства Польского* после вхождения в состав Российской империи — 45, 115, 323

Центральная Азия — природная область в Азии, включающая пустынные и полупустынные равнины, плоскогорья и нагорья; на ее территории расположена большая часть Китая и Монголии — 50, 54, 162, 170, 335

Центральная Африка, Экваториальная Африка, природная страна, охватывающая западную часть Африки в экваториальных и субэкваториальных широтах — 153

Центральная Европа, к странам Центральной Европы обычно относят Великобританию, Францию, Монако, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, ФРГ, Швейцарию, Лихтенштейн, Австрию, Западный Берлин, ГДР, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Польшу, Югославию и Албанию — 171, 210, 466

Центральная Россия — 62

Центральная Франция — 183

Центральная Швейцария — 314, 316

Цюрих (Zürich), город в Швейцарии, административный центр одноименного кантона — 312, 314

Черниговская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Чернигов; кроме территории нынешней Черниговской обл. в ее состав входила западная часть современной Брянской обл. (район Стародуба, Унечи, Новозыбкова) — 198, 429, 437

Черниговское Полесье, северная лесная часть Черниговской губ. — 198, 435

Черное море — 170

Чешир (Cheshire), графство в Великобритании — 465

Чухлома, уездный город в Костромской губернии, ныне райцентр Чухломского района Костромской обл. — 61, 371

Шавельский уезд Ковенской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Шавли, ныне — Шяуляй, центр Шяуляйского района Литовской ССР — 431

Шампань (Champagne), историческая область на северо-востоке Франции, территория департаментов Марна, Верхняя Марна, Аб, Арденны — 16, 316

Шароле (Charolais), район в Бургундии — 184

Шацкий уезд Тамбовской губернии, административная единица Российской империи с центром в г. Шацк, ныне Тамбовская обл. — 64, 115

Швейцария — 176, 234, 235, 311, 312

Швеция — 203, 309, 318, 319, 322

Швиц (Schwyz), кантон в Швейцарии, административный центр — г. Швиц — 314

Шешир, искаженное написание графства *Чешир (см.)* в Великобритании — 248

Шлезвиг-Гольштейн (Schleswig-Holstein), земля на севере ФРГ, административный центр — г. Киль; во времена Л. П. Сабанеева — прусская провинция — 318

Шотландия (Scotland), административно-политическая часть Великобритании — 11, 15, 16, 22, 24—26, 33, 34, 48, 186, 246, 257, 269, 272—275, 295

Штирия (Steiermark), историческая область в Центральной Европе; во времена Л. П. Сабанеева — в составе Австро-Венгрии (1867—1918): ныне — большая часть в составе Австрии (земля Штирия), меньшая — в составе Югославии — 193

Экваториальная Африка, то же, что *Центральная Африка (см.)* — 153

Эльба, Лаба (Elbe, Labe), река в Чехословакии, ГДР и ФРГ — 308

Эльзас (Alsace), историческая область на востоке Франции, в бассейне реки Рейн; в 1871—1918 гг. в составе имперской земли Эльзас-Лотарингия относилась к Германии — 444

Эпир (Ēpeiros), историческая область на северо-западе Греции, у Ионического моря; в конце 4-го — начале 3-го в. до н. э. на территории Эпира образовалось государство, завоеванное в 168 г. до н. э. Римом — 25, 28, 47, 48, 157

Эстляндия, историческое название северной части Эстонии, с 1783 г. — Эстляндская губерния — 319

Этолия (Aitōlia), древняя область в Средней Греции — 201

Этрурия (Etruria), древнее наименование территории Тосканы в Италии; в 1801—1807 гг. так называлось зависимое от Франции королевство в Италии, образованное из Великого герцогства Тосканского после его захвата Наполеоном. В 1807 г. королевство упразднено и его территория вошла в состав Французской империи — 170, 171, 201

Юго-Восточная Европа — 14, 54

Юго-Восточная Россия — 53, 55

Юго-Западная Азия — 14, 159, 170

Юго-Западная Россия, поскольку слово *Россия* употреблялось до революции в значении *Российская империя*, названный регион является территорией современной Правобережной Украины — 214

Юго-Западный край (1832—1914), административно-территориальная единица Российской империи, объединявшая Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии — 430

Южная Австрия — 193

Южная Англия — 246, 465

Южная Африка, природная область Африки, лежащая к югу от водораздела рек Конго—Замбези, а также Мадагаскар и Маскаренские острова — 26, 153, 285

Южная Индия — 9, 10

Южная Россия — 13, 53, 54, 425, 426

Южная Сибирь — 155

Южная Швеция — 319—321

Южная Шотландия — 189

Южный Тироль, южная часть исторической области Тироль в Европе, в Альпах. В настоящее время (с 1919 г.) северная часть Тироля в составе Австрии; южная — в составе Италии — 194

Юньнань, провинция в Юго-Западном Китае, административный центр — г. Куньмин — 331

Ямайка (Jamaica), государство в Вест-Индии, в Карибском море, на острове Ямайка; во времена Л. П. Сабанеева — колония Великобритании — 253

Ярославская губерния, административная единица Российской империи с центром в г. Ярославль; по территории почти полностью совпадала с современной Ярославской обл. — 56, 58, 81, 370, 378—381, 491

Ярославско-Костромское наместничество, административно-территориальная единица Российской империи, введенная в 1775 г. для усиления централизации власти и возглавляемая генерал-губернатором — 370

Avelon Giffard, деревня в графстве Девоншир, в Великобритании — 264

Belvoire, местность в Великобритании — 280

Biggles Wede, местность в Великобритании — 294

Blackmoor Vale, деревня в графстве Дорсет, в Великобритании — 280

Broclesby, местность в Великобритании — 277

Gers, город в департаменте Морбиан на северо-западе Франции — 178

Hoodwood, местность в Великобритании — 276

Lot-et-Garonne, департамент *Ло-и-Гаронна* на юго-западе Франции — 227

Mayenne, департамент *Майенн* на северо-западе Франции — 455

Meltonmowbray, местность в Великобритании, в Англии — 276

Metagonium, *см. Метагониум* — 199

Millau, местность во Франции — 227

Morlaix, город *Морле* на северо-западе Франции — 174

Pan, местность во Франции — 226

Peterboraugh, местность в Великобритании, место проведения выставок собак — 281, 296, 466

Plaisance, местность на юге Франции — 454

Ricondet, местность во Франции, в департаменте Майенн — 455

Rugby, местность в Великобритании, место проведения аукционов породистых собак — 280

Ruhrgegend, местность в Германии — 310

Saintonge, провинция в Западной Франции по старому административному делению — 237

Scegener Land, местность в Германии — 310

Windermere,местность в Великобритании, в Уэльсе — 296

ПРЕДМЕТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

Породы и разновидности собак

Полужирным шрифтом указаны страницы основных статей

Ааргауская (воющая) гончая — 311, 315, **316**

Австрийская брудастая гончая — 299

Австрийская (тирольская) гончая — 307, 310

Австрийский брак — **310—311**

Азиатская борзая — 55

Азиатская брудастая борзая — 23, **48—52**

Азиатская гончая — 155

Алан — 15, 17

Албанская собака — 48

Алжирская борзая — 22

Альпийская гончая — **317**

Американская гончая — 265, 277

Американский фоксхоунд — 265

Анатолийская кучая — 70

Английская борзая — 16—18, 32, 34, 37, 39, 40, 62, 66, 71, 72, 74, 94, 101, 102, 104, 109, 111, 115, 122, 124, 127, 129, 130, 133, 135—138, 140, 141, 275, 413, 492

Английская борзая востроушка — 11

Английская брудастая гончая — **186—193**, 196

Английская брудастая королевская борзая — 35

Английская гладкошерстная борзая — 33

Английская гладкошерстная легавая — 292

Английская гончая — 162, 203, 218, 222, 223, 226, 237, 238, 242, **246—249**, 255, 256, 267—269, 272, 273, 277, 282, 285, 287, 322, 337—340, 342—345, 348, 349, 363, 364, 375, 377—380, 382, 383, 388, 392—394, 407, 408, 412—415, 418—420, 424, 426, 427, 429, 439, 440, 454, 457, 460

Английская заячья гончая — 236

Английская легавая — 249

Английская паратая гончая — 272, 275, 346

Английская парфорсная собака — 378

Английская пешая гончая — **263—266**

Английская такса — **472**

Английская хортая борзая — 22, 66—68, 70, 95

Английская южная собака — 268

Английский арлекин — 427

Английский бассет — 245, 447, **450—453**

Английский бигль — 210, 441, **457—466**

Английский грифон — 187, 188, 248

Английский дог — 28, 211

Английский мастиф — 250

Английский спаниель — 440
Английский тальбот — 210
Английский фоксхоунд — 265, 277
Англо-вандейская гончая — 233
Англо-гасконо-сентонжская гончая — 241
Англо-костромская гончая — 392, 417
Англо-нормандская гончая — 221
Англо-польская гончая — 370
Англо-пуатевенская гончая — 221, 233, 241, 245
Англо-русская гончая — 272, 345, 348, 359, 363, 370, 377, 400, **412—421**, 429, 440
Англо-сентонжская гончая — 221, **241—242**, 245
Англо-швейцарская гончая — 316
Ангорская борзая — 10, 23, 51
Апеннинская гончая — **317**
Арабская борзая — 11, 22, 53, 54, 95, 287
Арабская короткошерстная (хортая) борзая — 13, 22
Арденнская гончая — 201, 210, 213, 218, 224
Арденнский бассет — **453—454**
Арлекин — 236, 324, 339, 354, 358, 382, 418, **420—428**, 471, 475
Артезианская гончая — то же, что и *Гончая артуа*
Артуа гончая — *см. Гончая артуа*
Арьежская гончая — **227**, 296
Арьежский брикет — 227
Ассирийская борзая — 13, 14, 22, 23
Ассирийская хортая борзая — 51
Ассирийский дог — 24, 47, 159
Африканская борзая — 11, 17, 18
Африканская брудастая гончая — 177
Африканская гончая — 151, 159, 161—163, 199, 203, 205
Африканская слюги — 56
Африканская степная собака — 10

Баварская гончая ищейка — 309
Баварская горная гончая — 307
Баварская горная ищейка — **305—306**
Баварский горный брак — 309
Багряный бретонский грифон — 455
Балтийская борзая — 42
Балтийская брудастая — 43, 62
Бальковского гончая — *см. Гончая Бальковского*
Барак — 23, 49, 50
Бассет — 163, 188, 210, 257, 294, 317, 341, **440—456**, 457—459, 468, 469, 478, 480
Бассет-блоудхоунд — 454
Бассет-грифон — 444, 448, 455
Бассет Лана — 447, 448, **449—450**, 451, 452, 454
Бассет Лекутё — 447, **448—449**, 450—453
Бассет Мольса — 440
Башкирская лайка — 57
Белая вандейская гончая — 234
Белая галльская гончая — 202
Белая гладкошерстная гончая — 173—175, 201
Белая гончая — 200, 206, 207, 218, 231, 247, 248, 252, 263, 289
Белая королевская гончая — 161, 180, 205—211, 228—231, 237, 242, 243, 245, 247, 248, 252, 263, 264, 268, 269
Белоусова гончая — *см. Гончая Белоусова*
Берберийская белая гончая — 161
Березниковская гончая — 273, 415, 418, 427, 428
Бернская трехцветная гончая — **315—316**
Бигль — 191, 210, 236, 246, 249, 264, 265, 291—293, 441, 442, 453, 457, 468, 480
Бигль-грифон — 462
Бигль Елизабет — 457, 462
Блоудхоунд — 34, 35, 186—188, 190, 210, 211, 218, 246, 247, 249, **250—263**, 264—269, 277, 293, 301, 323, 378, 447, 451—454, 458, 464
Бобровая собака — 467
Бодри д'Ассона вандейская гончая — *см. Вандейская гончая Бодри д'Ассона*
Болонка — 440
Большая паратая гончая — 432

Бордоская гончая — 224, **226**, 240
Борзая — 8—10, 12, 15—19, 21, 27, 31, 37, 42—45, 48—50, 52—56, 59—62, 65, 67, 72, 73, 78, 150, 151, 156—158, 161, 162, 164, 165, 169, 171, 173, 175, 187, 196, 197, 202—205, 209, 229, 230, 237, 245, 246, 248, 251, 269, 273—275, 279, 281, 292, 295, 298, 306, 309, 317, 320, 323, 334—336, 342, 345—347, 350, 362, 364, 368, 370—375, 384, 402, 407, 414, 416, 417, 422, 423, 428, 435, 440, 441, 457, 459, 466, 490, 491, 493
Борзая гладкошерстная гончая — 292
Брак — 229, 307, 318, 322
Брак Дюпюи — 229
Брессанская брудастая гончая — 180, 181, 193, 200
Брессанская гончая — 201, 236
Брессанский грифон — 172, **175—177**, 180, 181, 183, 184
Бретонская гончая — 173, 174, 201, 208, 209, 218
Бретонский багряный грифон — 455
Бретонский брудастый бассет — 172, **455—456**
Бретонский грифон — **172—175**, 180, 183, 207, 243, 264, 455
Бретонский рыжий бассет — 448
Бретонский старинный грифон — 180
Брикет — 175, 176, 210, 222—224, 226, 227, 229, 230, 236, 237, 311, 312, 442, 447—449, 453, 461, 480
Брикет Франш-Конте — **234—235**
Британ — 402
Британская борзая — 12
Британская брудастая борзая — 12
Британская хортая борзая — 12
Брудастая борзая — 10, 11, 14, 15, 19, 22—26, 28, 33, 34, 41—48, 50, 51, 63, 72, 74, 77, 104, 122, 124, 160, 171, 196, 246, 274, 275, 413
Брудастая выдровая собака — 32
Брудастая галльская гончая — 298
Брудастая гончая — 32, 62, 159—163, 167, 171—174, 176, 181, 183, 186, 188, 193—198, 201, 205, 213, 236, 297, 300, 317, 326, 335, 338, 402, 440, 458, 469
Брудастая клокастая гончая — 300
Брудастая дворняжка — 300
Брудастая легавая — 171, 193
Брудастая мягкошерстная борзая — 60
Брудастая овчарка — 53, 457
Брудастая пастушья собака — 23, 159, 457
Брудастая собака — 10, 13, 20, 48, 49, 53, 62, 63, 159, 302, 314, 332, 457, 473
Брудастая такса — 441, 469, 474
Брудастая штирийская гончая — 306
Брудастая щетинистая гончая — 159
Брудастая уэльская гончая — 290
Брудастый бассет — 172, 455, 456
Брудастый бигль — 461, 462
Брудастый овчар — 300
Брудастый терьер — 186—188, 246, 440, 442
Брудастый харьер — 292
Брусбарт — 62
Бульдог — 27, 28, 60, 66, 78, 144, 186—188, 253, 269, 275, 278, 390, 419, 420, 440, 467
Бургосская собака — 470
Бурцева гончая — *см. Гончая Бурцева*
Бурцевская гончая — **395**
Буцкого гончая — *см. Гончая Буцкого*
Быстрая собака — 32

Вандейская белая гончая — 234
Вандейская брудастая гончая — 150, 181
Вандейская гладкошерстная гончая — 180—183, 240
Вандейская гончая — 175, 206, 209, 210, 218, **228—237**, 242, 278, 313
Вандейская гончая Бодри д'Ассона — 239, 240
Вандейский бассет — 448, 455

Вандейский брудастый бассет — 172
Вандейский грифон — 167, 168, 172, 174, 175, **180—183,** 184, 185, 215, 240, 455
Вандейско-нивернейский грифон — 172, 185
Венгерская овчарка — 13
Вестфальская лесная гончая — 307, 309, 468
Вестфальский брак — **309,** 310
Виргинская южная гончая — 277
Вирелад гончая — *см. Гончая Вирелад*
Виртембергская такса — 468, **472**
Вислоухая борзая, вислоушка — 22, 49, 68, 71, 72, 102, 126, 145
Вислоухая восточная борзая — 103, 105, 126, 345
Вогульская[11] лайка — 58
Водяной спаниель — 186
Волкова гончая — *см. Гончая Волкова*
Волкогон — 224
Волкодав — 26, 27, 29—31, 44, 118, 124, 126, 128, 130, 143, 144
Волкообразная северная собака — 307
Волкообразная собака — 312
Воропаевская псовая борзая — **81**
Восточная борзая — 20, 22, 23, 54, 59, 66, 70, 72, 78, 101, 102, 105, 108, 122, 128, 129, 133, 135, 136, 138, 140, 145, 146, 309, 335, 413
Восточная вислоухая борзая — 14, 18, 51, 55, 103, 105, 126, 345
Восточная гончая — 155, 158, 163, 203, 307, 323, **326—330,** 335, 336, 364—368, 406, 409, 412, 423, 434, 437, 438, 441, 474
Восточная остроухая собака — 151
Выдровая гончая (оттерхоунд) — 172, 462

Галльская белая гончая — 202
Галльская борзая — 12
Галльская брудастая гончая — 200, 298
Галльская гончая — 175
Галльская длинношерстная борзая — 12
Галльская короткошерстная борзая — 12
Ганноверская ищейка — 193, 306, 307
Ганноверская потовая собака — 303
Ганноверская степная гончая — 307, 468
Ганноверский брак — **308—309,** 468
Гарцовская гончая — **302**
Гасконо-сентонжская гончая — 234, 240, 454
Гасконская голубая гончая — 209, 224, 312
Гасконская гончая — 183, 210, **224—228,** 232, 237—241, 312, 315, 424, 454
Гасконский бассет — 447, **454—455**
Гасконский брудастый бассет — 441
Германская гончая — 339, 375
Гладкошерстная борзая — 160, 246
Гладкошерстная гончая — 167 171—174, 181, 186, 199—201, 203, 205, 210, 212, 278, 297, 300, 306, 440, 458
Гладкошерстная легавая — 200, 236, 237, 244
Гладкошерстная собака — 48
Гладкошерстная такса — 473, 478
Гладкошерстная травильная собака — 25
Гладкошерстная французская гончая — 314
Гладкошерстный бассет — 456
Гладкошерстный бигль — 462
Глебовская гончая — 344, **415—417,** 420
Голстинская (голштинская) гончая — 307, 318, 319, 468
Голстинский брак — **307—308,** 311
Голубая гасконская гончая — 209, 224, 312
Голубая гончая барона Лекутё, голубая гончая Лекутё — 226, 227
Голубая гончая Фудра — 227, **228**
Голубой овернский бассет — 454
Гончая — 8, 12, 15, 17, 19, 21, 32, 42—44, 47, 48, 55, 58, 61, 65, 67,

68, 73, 101, 104, 147, 150—164, 173, 176, 183, 184, 188, 193, 194, 196, 198—215, 217, 218, 221—224, 227, 229—234, 236, 237, 240, 241, 243—252, 254—256, 258, 259, 263—270, 272—277, 281, 284, 285, 290, 292, 294, 295, 297—302, 305—321, 323, 327, 328, **330—340**, 342—353, 355, 357, 359—367
Гончая артуа — 209, 210, 214, **221—223**, 234, 296, 448—451
Гончая Бальковского — **400**
Гончая Белоусова — **399**
Гончая Бурцева (то же — *Бурцевская гончая*) — **395**
Гончая Буцкого — **393**, 394, 395, 430
Гончая Вирелад — 226, 237, **239—241**
Гончая Волкова — **380**
Гончая Грейфа (*см.* также *Грейфовская собака*) — 321
Гончая де ла Лу — **236**
Гончая Зюзина (*см.* также *Зюзинская гончая*) — **380**
Гончая Кашкарова — **399**, 409, 430
Гончая Кишенского — **396—398**, 399
Гончая Мажарова (*см.* также *Мажаровская гончая*) — **394**, 408
Гончая Мошнина — **399**
Гончая Мустафина (*см.* также *Мустафинка* и *Мустафинская гончая*) — **379**
Гончая Рославлева — **380**
Гончая Свечина — **395**, 409
Гончая святого Губерта — 202, 203, 205—207, 209, **210—217**, 224, 251, 263, 378
Гончая Святого Людовика — 209
Гончая Столыпина (*см.* также *Столыпинская гончая*) — **409**
Гончая Харитова — **394**
Гончая Храповицкого — **418**
Гончая Шереметева — **394**
Гончий грифон — **193**
Горная брудастая жесткошерстная собака — 22, 23
Горная гончая — 202, 305
Горная длинноухая собака — 13
Горная длинношерстная собака — 9, 13, 54
Горная прямошерстная собака — 22
Горная собака — 49
Горная щетиношерстная собака — 10
Горноазиатская гончая — 170
Горный брак — 309
Горская борзая, горка — 50, 69, 70, 76, 77, 79, 80, 105, 109, 111, 115, 136—138, 140, 145—147, 403, 492
Горская вислоухая борзая — 59, 412
Грейфа гончая — *см. Гончая Грейфа*
Грейфовская собака — 319
Греческая борзая — 157
Грифон — 160, 171, 172, 174, 181—183, 185, 187, 206, 209, 216, 218, 222, 243, 455
Грифон-бассет — 444, 446, 470
Грифон Святого Людовика — 172, **177—180**, 243
Грубошерстная уэльская гончая — 292
Густопсовая борзая — 64, 65, 67—69, 71—74, 76, 80, 81, 83, 98, 99, 101, 102, 104, 105, 108—110, 112, 119, 121—124, 126—129, 131—143, 145, 146, 342

Датская гончая — 318
Датский дог — 26, 28, 29, 32, 43
Дворняжка — 59, 103, 154, 214, 333, 334, 364, 382, 467
Дирхаунд — 27, 29, 30, **32—41**, 47, 48, 186—188, 243, 246, 251, 254, 266, 270, 273—275, 458
Длинноухая гончая — 434
Длинношерстная гончая — 312
Длинношерстная курляндская гончая — 431
Длинношерстная легавая — 470
Длинношерстная овчарка — 50
Длинношерстная такса — 441, 469, 470, **472—473**, 480
Дог — 8, 13, 16, 17, 19, 27, 28, 30,

43, 54, 156, 202, 258, 260, 298, 304, 423
Догообразная собака — 47
Древнеегипетская борзая — 22, 23
Духовая собака — 17, 55, 213, 214, 299, 300, 301, 302
Дюпюи брак — *см. Брак Дюпюи*

Египетская вислоухая гончая — 199
Египетская кривоногая собака — 466
Египетская хортая борзая — 51
Елизабет бигль — *см. Бигль Елизабет*
Ермоловская борзая — **80**

Жесткошерстная борзая — 32, 43
Жесткошерстная брудастая гончая — 248
Жесткошерстная брудастая собака — 50
Жесткошерстная гончая — 187, 274
Жесткошерстная легавая — 470, 473
Жесткошерстная пастушья собака — 50
Жесткошерстная потовая собака — 302
Жесткошерстная такса — 469, 470, 472, **473—474**, 480
Жесткошерстная хортая борзая — 33
Жесткошерстный бигль — 462
Жигаревская борзая — **76—77**

Западная гончая — 161, 163, **199—204**, 272, 312, 326—330, 339, 366, 368, 378, 406, 407
Западная круглоухая собака — 151
Западноевропейская гладкошерстная гончая — 202
Западноевропейская гончая — 237
Зауерландовская гончая — 309
Заячья гончая — 227, 236, 292—294, 312
Зырянская[28] гладкошерстная лайка — 57, 58
Зюзина гончая — *см. Гончая Зюзина*
Зюзинская гончая (*см.* также *Гончая Зюзина*) — **380**

Индийская гончая — 158
Ирландская борзая — 26—28, 30, 31, 33
Ирландская брудастая борзая — **25—32**, 43, 63, 104
Ирландский водяной спаниель (*см.* также *Ирландский уаттер-спаниель*) — 63, 186, 258
Ирландский волкодав — 17, 26—31, 33, 38, 43, 45, 62, 63, 141
Ирландский терьер — 462
Ирландский уаттер-спаниель (*см.* также *Ирландский водяной спаниель*) — 63
Испанка — 199
Испанская борзая — 18
Испанская гончая — 161, 200, 206, 224
Испанская длинношерстная болонка — 198
Испанский бульдог — 218, 253
Испанский эпаньёль — 440
Итальянская борзая — 18
Итальянская брудастая гончая — 193
Итальянская гончая — **316—317**
Ищейка — 21, 170, 202, 208, 212—215, 270, 305, 317, 335, 402, 459, 466, 478, 480

Кабанья борзая — 19
Кавказская борзая — 157
Кавказская брудастая борзая — 23
Кавказская волкообразная собака — 59
Кавказский барак — 10
Калабрийская гончая — 317
Карагиссарская борзая — 10, 23, 51
Каракозовская борзая — **80**
Каратегинка — 160
Карельская лайка — 58
Каринтийская брудастая гончая — 193

Кашкарова гончая — *см. Гончая Кашкарова*
Кашперовская гончая — **380**
Кельтская борзая — 11
Керри-бигль — **263—266**, 269, 458, 461
Китайская гончая (махугоу) — 162, 326, **330—333**
Кишенского гончая — *см. Гончая Кишенского*
Клюмбер — 445
Колли — 36, 40, 138, 262, 281
Королевская белая гончая — 161, 180, 205—211, 228—231, 237, 242, 243, 245, 247, 248, 252, 263, 264, 268, 269
Королевская гончая — 237, 248, 268
Королевский, или певчий, бигль — 458
Короткошерстная гончая — 199, 201
Короткошерстная лайка — 66
Короткошерстная (хортая) борзая — 10, 15, 18
Космач (курляндский клок) — 43
Костромская гончая — 195, 197, 327, 336, 338—345, 348, 349, 351, 359—363, **369—401**, 402, 406, 408—413, 415—419, 422—424, 430, 433, 434, 439, 440, 474
Костромская пешая гончая — 410
Красная литовская гончая — 437
Критская брудастая гончая — 158
Критская щетинистая гончая — 160, 175
Кровяная гончая — 253
Кровяная собака — 213, 218, 253, 301
Крутогонная гончая — 372, 411
Крутогонная пешая гончая — 341, 343
Крымская борзая, крымка — 59, 61, 67, 70, 85, 99, 105, 109, 110, 114, 115, 136, 138, 140, 146, 238, 403
Крымская гончая — 439
Крысоловка — 477
Кубанская борзая — 66, 103
Курдская борзая (куртинка) — 55
Курляндская борзая — 44, 45, 49, 65, 67, 115, 116, 118, **119—121**, 126, 137
Курляндская брудастая борзая (курляндский клок) — **41—47**, 62, 63, 65, 66, 141, 171, 196
Курляндская брудастая гончая — 195, 196, 198, 300, 339
Курляндская гончая — 337, 350, 367, 429, **438—439**, 440
Курляндская длинношерстная гончая — 431
Курляндская паратая брудастая гончая — 171, 195
Курляндская псовая — 44, 63, 64, 66, 67, 71, 72, 76, 81, 85, 99, 101, 102, 104, 105, 110, 112, 122, 124, 126, 129, 130, 132, 136—143, 145—147
Курляндская такса — 472, **474**, 481
Курляндский клок (курляндская брудастая борзая) — **41—47**, 62, 63, 65, 85, 375
Курляндско-литовская брудастая гончая — 196
Куртинка (курдская борзая) — 55
Куцая горская — 138

Лаверак — 227, 296
Лаверак блю-бельтон — 424
Лайка — 24, 49, 52, 57, 59, 60, 66, 124—126, 138, 143, 150, 151, 155, 157, 213, 320, 332—335, 370, 374, 375, 406, 409, 410, 437, 438
Лана бассет — *см. Бассет Лана*
Лапландская лайка — 319
Левретка — 17, 18, 317, 440
Левашовская гончая — 403, 408, 409
Легавая — 60, 67, 130, 134, 136, 150, 165, 202, 210, 222, 229, 257, 277, 301, 302, 317, 331, 335, 337, 347, 350, 351, 364, 367—368, 375, 411, 416, 424, 429, 456, 478
Легкая духовая собака — 302
Легкий брак — 305
Лекутё бассет — *см. Бассет Лекутё*
Лекутё голубая гончая — *см. Голубая гончая барона Лекутё*
Лесная (вестфальская) гончая — 307, 309
Лесной брак — 310
Лиска — 437

Лисогон — 188, 189, 249, 256, 271, 273, 275, 277—279, 285, 420
Лисогон-фоксхаунд — 248
Лисогонная гончая — 424
Литовская гончая — 195
Литовская красная гончая — 437
Литовский огар — 429, 430
Лихаревская борзая — 80
Ловчая собака — 54, 406
Ломеллинская гончая — **317**
Лосиная (лошья) собака — 319, 336, 401, 402, 406
Лошья гончая — 336, 339, 375, 402
Люневильская гончая — 234
Люцернская (швейцарская) гончая — 234, 312, **314—315**

Мавританская гончая — 161
Мажарова гончая — *см. Гончая Мажарова*
Мажаровская гончая — **394**
Македонская гладкошерстная собака — 35, 48
Маленькая гончая — 430
Маленькая зайчатница — 436
Маленькая, или пешая, гончая — 432
Малоазиатская борзая — 54
Малый гончий биклес — 466
Маркловка — 224
Маркловская легавая — 424
Мастиф — 27, 28, 160, 246, 249, 250, 252, 253, 256, 260, 290, 457
Махугоу — 162, 326, **330—333**
Мачеварионовская борзая — **79—80**
Меделянка, меделянская собака — 61, 162, 335, 339, 371, 375, 402, 405, 406, 408
Мелкая гончая — 431
Метагон — 158, 199
Молосс — 15, 24, 25, 48, 151, 156, 160—162, 201, 202, 205, 212, 246, 250, 252, 297, 302, 334, 401, 441
Мольса бассет — *см. Бассет Мольса*
Монгольская собака — 58, 332
Мордаш — 9, 10, 15, 16, 18, 42, 43, 55, 124, 176, 203—205, 210, 211, 224, 297, 298, 302, 334, 335, 402, 403, 467
Мордашка — 364
Мошнина гончая — *см. Гончая Мошнина*
Мустафина гончая — *см. Гончая Мустафина*
Мустафинка (*см.* также *Гончая Мустафина*) — **379**
Мустафинская гончая (*см.* также *Мустафинка* и *Гончая Мустафина*) — 380, 413

Назарьевская борзая — **81**
Назимовская борзая — **77—78**
Немецкая гончая — 162, 203, 210, **297—311**, 319, 322, 343, 429, 467—469, 475
Немецкая гладкошерстная гончая — 202
Немецкая жесткошерстная легавая — 470
Немецкая ищейка — 301
Немецкая короткожесткошерстная обыкновенная борзая — 43
Немецкая кровяная гончая — 254
Немецкая крысоловка — 470, 473
Немецкая легавая — 19, 67
Немецкая потовая гончая — 301
Немецкая потовая собака — 211, 254
Немецкая такса — 210, 441, 453, **466—482**
Немецкий брак — 317, 318
Немецкий дог — 30
Немецкий легкий брак — 311
Немецкий сеттер — 470
Немецкий шнур-пудель — 63
Нивернейский грифон — 172, 176, **183—185**, 187
Норвежская гончая — 318
Норвежский брак — 318
Нормандская борзая — 42
Нормандская гончая — 179, 183, 201, 208—210, 212, 214, 215, **217—221**, 222, 224, 234, 243, 244, 246, 249—251, 254, 258, 263—266, 268, 269, 274, 290, 449, 450

Обыкновенная псовая борзая — 101, 110
Обыкновенная швейцарская гончая — **312—313**
Овернская гончая — 184
Овернский голубой бассет — 454
Овчар — 10, 28, 53, 165—168, 170, 349, 440
Овчарка — 48, 49, 53, 62, 85, 150, 151, 166—169, 435, 467
Огар — 326, 429, 430, 432, **434—435**, 436, 437
Оленегон — 266
Оленегонная собака — 32, 424, 427
Оленья борзая — 19, **32—41**
Оленья гончая — 32, 251, **266—273**, 413
Остзейская гончая — 319
Остроухая борзая — 103
Остроухая лесная собака — 246
Остроухая северная лайка — 336
Остроухая северная собака — 57, 58
Остроухая собака — 54, 57
Остроушка — 57, 125, 336
Оттерхоунд — 172, **186—193**, 248, 256, 264, 265, 292, 457, 462
Оттерхоунд-бассет — 188, 189

Павловская гончая — **379—380**, 395, 409
Паратая английская гончая — 275
Паратая гончая — 229, 232, 274, 275, 292, 363, 432, 433, 439, 460
Паратая польская гончая — 309, 380, 392, 393, 414, 419, **433**, 434, 435, 437, 439
Паратая русская гончая — 345
Парфорсная гончая — 307, 317
Пастушья собака — 59, 214, 273, 334
Певчий бигль — 462, 463
Пегая русская крутогонная гончая — 383
Пейнтингеровская брудастая гончая — 193, 194
Персидская борзая — 51, 60
Персидская вислоухая борзая — 23, 51
Пешая гончая — 274, 293, 350, 359, 388, 432, 458
Пешая костромская гончая — 410
Пешая крутогонная гончая — 387—389
Пикардийская гончая — 221
Пиренейская горная собака — 35, 41
Плещеевская борзая — **75—76**
Подсокольня собака — 160
Пойнтер — 52, 134, 136, 142, 229, 288, 290, 320, 331, 332, 384, 391, 422, 430, 437
Полуанглийская гончая — 412
Полудог — 158, 160
Полупольская гончая — 381, 400

Польская брудастая борзая — 62
Польская гончая — 285, 319, 327, 343, 349, 362, 364, 367, 369, 375, 377, 378, 380, 382, 383, 389, 390, 392—394, 407, 409, 417, 428—430, 432, 434, 437, 439, 440
Польская маленькая, или заячья, гончая — **433—434**
Польская остроушка — 435
Польская паратая гончая — 309, 380, 392, 393, 414, 419, **433**, 434, 435, 437, 439
Польская пешая гончая — 378
Польская тяжелая гончая — 204, 211, **323—326**, 343, 344, 382, 433, 439, 440
Польская хортая — 20, 66—68, 70
Польская черно-подпалая гончая — 380
Польский харт — 60, 66, 104
Польско-костромская гончая — 392, 430
Польско-курляндская гончая — 337
Польско-литовская брудастая — 171
Польско-русская гончая — 362, 370, 392, **428—440**
Португальская борзая — 18
Потовая (кровяная) гончая — 213, 254, **300—305**
Потовая собака — 299, 301, 302, 304, 305
Придворная (степная) гончая — **302**
Протасьевская борзая — **78—79**

Прямогонная гончая — 197, 387—389, 404, 406
Прямогонная русская гончая (*см.* также *Русская прямогонная гончая*) — 324, 403, 404, 422
Псовая борзая — 44, 46, 50, 52, 59, 62, 63, 65, 67, 70—72, 95, 97, 98, 101, 102, 105, 110, 112, **115—119**, 120—126, 128—131, 133—143, 145—147, 336, 345, 491, 493
Птичья гончая — 160
Пуатевенская гончая — 209, 210, 228, 230, 233, 239, **243—245**, 255 434
Пудель — 62, 150, 168, 257

Ратаевская борзая — **80—81**
Ратаевская гончая — **380**
Ретривер — 257, 478, 480
Рославлева гончая — *см. Гончая Рославлева*
Русская борзая — 15, 22, 30, 35, 40, **51—148**, 157, 254, 342, 383, 490—493
Русская брудастая борзая — 47
Русская брудастая гончая — 167, 171, **194—198**, 337
Русская гончая — 61, 196, 273, 285, 287, 322, 326, 330, **333—369**, 375, 383, 384, 389, 391—395, 399, 401, 406, 408, 410—416, 421, 423—425, 429, 441, 474, 481
Русская гончая лошья собака — 337
Русская зверовая собака — 406
Русская крутогонная (пешая) гончая — 336, 342, 382, 383, 387, 406, **409—412**
Русская оленегонная собака — 336
Русская паратая гончая — 345, 414
Русская пегая крутогонная гончая — 383
Русская пешая гончая — 194, 342, 350, 383, 389, 391, 394, 406, **409—412**, 430
Русская прямогонная гончая — 196, 197, 324, 402—404, 408
Русская псовая — 15, 35, 44, 59, 63, 64, 67, 71, 136, 141
Русская современная гончая — 390, 391
Русско-английская гончая — 415
Русско-польская гончая — 359, 430
Рыжая бретонская гончая — 250
Рыжая брудастая гончая — 201
Рыжий бретонский бассет — 448
Рыжий грифон — 218

Салтыковская гончая — 379, 413
Сан-губер — 162, 176, 180, 201—203, 207—209, **210—217**, 218, 222, 224, 226, 227, 229, 246, 250, 254, 258, 265, 266, 269, 290, 299, 301, 307, 311, 316, 323, 378, 428, 448, 451, 453, 454
Сардинская охотничья собака — 317
Свечина гончая — *см. Гончая Свечина*
Святого Губерта гончая — *см. Гончая святого Губерта*
Святого Людовика гончая — *см. Гончая Святого Людовика*
Святого Людовика грифон — *см. Грифон Святого Людовика*
Северная борзоватая собака — 401
Северная брудастая гончая — 462
Северная волкообразная лайка — 14
Северная волкообразная собака — 22, 57, 59, 103, 129, 140, 147, 272, 307
Северная волчья собака — 372
Северная гончая — 246, 248, 273—275, 292, 458
Северная лайка — 24, 147, 327, 467
Северная лесная собака волчьего типа — 369
Северная ловчая собака — 57
Северная остроухая дворняжка — 103
Северная остроухая лайка — 161, 336
Северная остроухая собака — 57, 58, 159, 401
Северная паратая гончая — 290, 335
Северная собака — 32, 57—59, 151, 157, 176, 203, 273, 319, 391, 409, 468

Северная собака волчьего типа — 246
Северный бигль — 458, 460
Североафриканская борзая — 53
Североафриканская гладкошерстная гончая — 212
Североафриканская гончая — 162
Североафриканская длинноухая гончая — 160
Северогерманская такса — 468, **472**
Североитальянская гончая — 171
Сегузий — 175, 176
Селивановская гончая — **393—394**
Сенбернар — 260, 262, 281
Сентонжская гончая — 201, 209, 210, 224, 226—228, 232, **237—242**, 243—245, 255
Серая брудастая гончая — 201, 205, 212
Серый грифон — 218, 219
Серый грифон Святого Людовика — **177—180**, 218
Сеттер — 52, 134, 138, 204, 290, 312, 331, 384, 422, 431, 435
Сеттер-гордон — 431
Сибирская гончая — 340, 375, 376
Сибирская лайка — 332
Сибирская остроухая собака — 58
Сирийская борзая — 14
Сицилийская охотничья собака — 317
Скай-терьер — 41
Скандинавская гончая — 307, **318—322**
Слюги — 11, 16, 22, 287
Смирновская гончая — 273
Смоландская гончая — **319—321**, 322
Современная борзая — 137
Современная псовая борзая — 98, 105, 121, 125, 126, 129, 131, 133, 134, 138, 140, 142, 145
Современная русская гончая — 390, 391
Согостырская оленья собака — 333
Солингенская гончая — **302**
Спаниель — 445, 463, 470
Среднеазиатская гончая — 369
Среднеазиатская тазы — 56
Среднерусская лайка — 59
Старинная английская борзая — 95
Старинная английская пешая гончая — 459
Старинная вандейская гончая — 232
Старинная гончая — 263, 409
Старинная густопсовая борзая — 129, 139
Старинная духовая собака — 302
Старинная овернская гончая — 183
Старинная пешая гончая — 265
Старинная псовая борзая — 98, 119, 122, 128, 133, 135, 139, 140, 143, 145
Старинная русская борзая — 125, 146
Старинная русская гончая — 319, 335, 336, 342—345, 348, 359, 360, 362, 372, 379, 383, 386, 387, 395, 399, 400, **401—409**, 410, 412, 415, 424
Старинная русская прямогонная гончая — 194, 196, 341, 382
Старинная французская гончая — 237, 269
Старинная южная гончая — 186, 271
Старинный брак — 229
Старинный волкодав — 30
Старинный пойнтер — 292
Старонемецкая гончая — 322
Старофранцузская гончая — 265, 277
Степная борзая — 146
Степная гончая — 302, 307, 311
Степная овчарка — 159, 169
Степная (туркменская) тазы — 69
Степной брак — 302, 308
Столыпина гончая — *см. Гончая Столыпина*
Столыпинская гончая — **395**, 409
Сторожевая собака — 478
Ступишинская борзая — **81**
Стэгхоунд — 186, 249—251, **266—273**, 275, 277, 284, 290, 291, 408, 413, 418, 420, 423, 424, 426—428
Суданская борзая — 10, 22
Суссекский бигль — 465
Сущевская борзая — **76**

Тай-терьер — 440
Такса — 305, 312, 316, 367, 423, 424, 440, 441, 443—445, 447, 456—458, **466—482**
Тальбот — 210, 247, 248, 252, 263, 271
Татаро-костромская гончая — 177, 194, 337
Татарская борзая — 56—60, 336
Татарская брудастая борзая — 49
Татарская вислоухая борзая — 61
Татарская гончая — 55, 56, 177, 336, 337, **369—401**, 402, 406, 439, 440
Татарский урак — 50
Татарско-азиатская гончая — 406
Татарско-русская борзая — 337
Тарсиерс — 466
Терьер — 171, 186, 187, 203, 257, 269, 275, 281, 440, 442, 458, 465—468, 477, 478
Тибетский дог — 49
Тибетская сторожевая собака — 332
Тигровая такса — 475
Тирольский брак — 309, **311**
Тофтер — 270
Травильная собака — 28, 42, 43, 201, 202
Трегубовская борзая — 67, 70
Туман — 167, 195
Тунгусская[28] лайка — 57
Тургауская гончая — **313—314**
Турецкая борзая — 67, 70
Турецко-татарская борзая — 22
Турецко-татарская вислоухая собака — 50
Туркменская тазы — 67, 69
Тяжелая гладкошерстная гончая — 250
Тяжелая гончая — 58
Тяжелая пешая гончая — 430
Тяжелая польская гончая — 348, 349, 378, 391—394, 401, 408, 419, 428, 429, 434—436

Умбрийская щетинистошерстная гончая — 193
Уэльская брудастая гончая — 290
Уэльская грубошерстная гончая — 292
Уэльский брудастый харьер — 186, 188
Уэльский бигль — 462

Фарфоровая гончая — **234—235**, 236, 296, 312
Финская красная лайка — 437
Фокс-бигль — 292
Фокстерьер — 478
Фоксхоунд — 28, 32, 34, 37, 172, 185—190, 209, 210, 214, 222, 224, 233, 234, 237, 241, 242, 244, 245, 249, 255, 256, 263, 265, 266, 268—272, **273—290**, 291—294, 296, 299, 306, 307, 316, 344, 345, 347, 348, 363, 367, 382, 383, 393, 412—415, 417, 418, 420, 423, 424, 426, 428, 458—461, 463—465
Французская брудастая гончая — **171—185**, 196
Французская гладкошерстная гончая — 204—210, 243, 314
Французская гончая — 162, 173, 200, 203, 206, 209, 210, 226, 228, 238, 241, 242, 245—247, 256, 258, 266 277, 278, 287, 299, 311, 313, 330, 337, 339, 341, 343, 348, 375, 390, 423, 429, 434, 442, 451, 467, 469
Французская легавая — 67, 258
Французская парфорсная гончая — 299, 317
Французская ушастая гончая — 287
Французский арлекин — 426
Французский бассет — 410, **441—448**, 451, 466—468
Французский брикет — 265, 290, 292, 317, 458
Французский волкодав — 17
Французский гончий грифон — 171
Французский грифон — 167, **171—185**, 187, 300, 312, 314, 470
Франш-Конте брикет — *см. Брикет Франш-Конте*
Франш-контуанская гончая — 312
Французский грифон-бассет — 470

Фудра голубая гончая — *см. Голубая гончая Фудра*

Харитова гончая — *см. Гончая Харитова*
Харт — 63, 103, 127
Харьер — 187, 188, 210, 234, 236, 249, 263, 280, 289, **290—297**, 307, 318, 458—461, 464—466
Хорт — 63, 466
Хортая борзая — 16, 20, 24, 33, 43, 44, 47, 53, 64, 66, 71, 72, 74, 97, 99, 105, 106, 108, 110, 122, 124—126, 129, 130, 140, 145, 146, 203, 319, 491, 492
Хохлатая гончая — 270
Храповицкого гончая — *см. Гончая Храповицкого*

Черная гладкошерстная гончая — 201
Черно-пегая англо-русская гончая — 416
Черно-пегая гончая — 226
Черно-подпалая гончая — 310
Черно-подпалый грубошерстный уэльский терьер — 293
Чистопсовая борзая — 61, 64, 66—70, 72, 74, 77, 79, 81, 88, 98, 99, 101, 102, 105, 109, 110, **112—115**, 116—122, 127, 129, 130, 133, 134, 136, 137, 139, 140, 145, 146, 491

Шарнига — 11, 18, 22, 317
Шахсеванская борзая — 50
Шахсеванская хохлатая борзая — 51
Шведская гончая — 318, 319, **321—322**
Шведско-немецкая гончая — 318
Швейцарская гончая — 162, 184, 234, 310, **311—316**, 322
Швейцарская обыкновенная гончая — **312—313**
Шереметева гончая — *см. Гончая Шереметева*
Шотландская борзая — 25, 26, 29, 30, 33—35, 38, 39, 43, 47—49, 63, 266
Шотландская брудастая борзая (дирхоунд) — 25, 26, **32—41**, 43, 45, 232
Шотландская выдровая собака (оттерхоунд) — 171, **186—193**
Шотландская горная борзая — 34
Шотландская гончая — 243, 272
Шотландская жесткошерстная борзая — 33
Шотландская оленья гончая — 34
Шотландский дирхоунд — 26, 53, 63
Шотландский колли — 138
Шотландский терьер — 187, 462
Шотландский sleut-hound — 252
Шпиц — 477
Штирийская брудастая гончая — 171, 306

Щетинистошерстная брудастая собака — 50
Щетинистая охотничья собака — 160

Элимейская собака — 160
Эпаньёль — 470
Этрурская щетиношерстная гончая — 193

Южная борзая — 56
Южная гончая — 187, 188, 205, 210, 249, 256, 263—265, 273, 275, 277, 289, 291, 292, 294, 458, 460
Южная пешая гончая — 188, 247, 249, 252, 263, 269, 274, 275, 277, 290, 292, 457, 458, 461
Южноевропейская брудастая гончая — **193—194**
Южноевропейская горная собака — 199
Южнорусская овчарка — 48, 165, 194
Южный гладкошерстный бигль — 459, 460

Ярославская гончая — 195, 339, 375

Agasseus — 476
Alan de boucherie — 15
Alan gentil — 15
Alan voutre — 15
Augusten burgerhund — 318

Baruszi — 194
Basseto — 317
Bauds — 206, 207
Baux — 161, 200, 201, 206, 207, 210, 218
Beizwinde — 19
Bibarhund — 467
Bluthund — 300
Bordelais — 226
Bracca calabrese — 193, 317
Bracs o'Dervent fox-hound — 256
Briquet — 210, 236, 237

Can-beagle — 458
Canes petrunculus, petronius — 202
Canis porcaritius-ursaticus — 202
Céres — 232—234
Chiens blancs — 206
Chiens bleus de Foudras — 315
Chiens de Bresse — 175
Chiens fauves de Bretagne — 172
Cirneca di Sicilia — 317
Colley — 273

Deer-hounds — 32, 248
Dicts Bauds — 206

Eirneca — 18
Elghund — 319

Fleet-hound — 32
Fox-hound — 414

Galgo — 17
Gasens — 457
Greiff — 160, 319
Grey-hound — 42, 248

Harbourer — 213
Harrier — 290
Hirshwinde — 18

Kerry-beagle — **263-266**
Kibble-hound — 459
Kurtzi — 57, 102

Laufhund — 311
Leithund — 304
Leutihunt — 202, 210, 213, 298—300, 304
Lévriers dognistes — 16
Lévriers pour lièvre, levrettes — 16
Lévrons, lévriche — 16
Limier — 17, 208, 212—214, 270, 290

Norsk Stöver — 318
Northern-hound — 32, 273

Old southern-hound — 263, 265

Pelo rasato — 193

Régents — 236
Rodendo — 17
Rough grey-hound — 32

Saint-Légier — 237
Schäferhund — 300
Schweisshund — 211, 254, 257, 299, **300—305**
Segugio a pelo caprino — 193
Segugio dell'Apli — 193, 317
Segugio di Jomellina — 193, 317
Segusii — 175
Sigusium — 201
Sleut-hound шотландский — 252
Smolandsstöfvaren — 319
Southern-hound — 277
Spinoso — 193
Spurihunt — 202, 210, 298, 300

Stag-hound — 32
St. Hubert — 207
Stäuber — 307
Steinbracke — 202, 309
Steubwinde — 18
Stöber — 318
Stöberwinde — 18
Stöver, stövare — 318

Talbot — 230
Triphunt — 202, 298

Veltragus — 11
Veltres — 12
Veltris, veltrix, veltrus, veltraus — 15
Veltres porcarii — 19
Ventredda — 18
Ventredda di Sardegna — 317
Vertragi — 206

Wachtehund — 470
Wind — 18
Windwinde — 19

Охотничьи звери и птицы

Абиссинская собака — 9
Антилопа — 54, 155

Баран — 50, 169
Барс — 53
Барсук — 187, 188, 213, 247, 248, 261, 274, 277, 346, 439, 443, 467, 470, 476, 478—481
Белка — 52, 53, 333, 334
Беляк (заяц) — 411
Беркут — 53
Бобр — 52, 186, 188, 467
Болотный лунь — 290
Буанзу (*см.* также *Индийский буанзу*) — 150, 151, 154, 155, 326, 327

Вальдшнеп — 123, 444
Волк — 9, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 25—27, 29, 31, 43—45, 53, 56, 57, 60, 61, 63, 78, 80, 97, 111, 115, 121, 124, 128, 142—145, 150, 151, 154, 155, 157, 159, 162, 168, 174, 177, 183—185, 194, 198, 202, 204, 208, 213, 214, 217, 221, 224, 226, 232, 234, 239, 242, 244, 245, 259, 274, 285, 298, 326—329, 341, 342, 346—349, 364, 373, 379—381, 384, 385, 389, 390, 397, 400, 404—407, 410, 412—414, 417, 418, 423, 433, 434, 436—438, 443—445, 480, 490—492
Выдра — 186, 188—190, 192, 247, 248, 274, 292, 467, 474, 480

Гепард — 54
Гиена — 31, 152
Гиеновая собака (или охотничья гиена) — 150—152, 199
Горностай — 480
Горный волк — 150, 155
Гусь — 19

Дикая коза — *см. Коза дикая*
Дикая кошка — *см. Кошка дикая*

Журавль — 19

Заяц (*см.* также *Беляк* и *Русак*) — 12, 13, 15, 16, 18—20, 53—55, 61, 67, 69, 108, 111, 127, 128, 132—134, 145—147, 151, 156, 157, 159, 164, 174—176, 179, 183, 185, 188, 196, 198, 204, 210, 221—223, 226—228, 234, 235, 237, 239, 246—248, 266, 274, 290—292, 294, 295, 298, 299, 308, 310, 311, 313—316, 320, 325, 336, 346—350, 364, 373, 375, 379, 406, 414, 415, 417, 418, 423, 432, 434, 436—439, 442, 448, 453, 455, 458, 459, 461, 462, 465, 466, 470, 480, 492
Зубр — 15, 18, 42, 52, 161, 194, 202, 204, 297, 298, 334, 401

Индийский буанзу (*см. также Буанзу*) — 326
Индийский дол (то же — *Колсун*) — 9

Кабан — 9, 15, 16, 18, 20, 25, 29, 42, 157, 161, 174, 177, 183, 185, 194, 202, 204, 210, 212, 213, 217, 223, 232, 248, 252, 285, 297, 298, 314, 315, 332, 334, 346, 443, 444, 455, 465, 480
Кабарга — 332
Кенгуру — 31
Коза дикая — 18, 19, 25, 35, 111, 112, 128, 133, 134, 136, 156, 175, 183, 185, 191, 198, 215, 232, 235, 239, 247, 248, 256, 305, 314, 346, 432—434, 436—439, 450, 455, 470, 480
Козел — 34, 35, 50, 136, 215
Колсун (то же — *Индийский дол*) — 9
Кошка дикая — 29, 147, 188, 480
Кролик — 16—18, 316, 442, 443, 449, 450, 462, 463, 465, 480
Куница — 188, 333, 480
Куропатка — 444

Лань — 254, 255, 267
Ласка — 474
Лебедь — 126
Лев — 15, 25, 31, 47, 48, 158
Леопард — 31
Лесная куница — 480
Лисица — 9, 18, 19, 28, 44, 53, 124, 150, 154, 155, 159, 175, 187, 196, 212, 213, 221, 232, 248, 249, 268, 270, 273—285, 290, 292, 294, 295, 298, 308, 314—316, 320, 322, 342, 346, 348, 363, 364, 379, 385, 386, 389, 400, 405, 406, 410, 411, 413, 414, 418, 423, 431, 433, 434, 436—439, 442, 443, 458, 467, 470, 476, 478—481, 492
Лось — 42, 62, 136, 202, 204, 205, 297, 298, 334, 346, 401, 402, 438

Медведь — 18, 42, 53, 61, 62, 119, 161, 202, 204, 297, 346, 371, 373, 375, 379, 402

Обезьяна — 333
Олень — 12, 18, 20, 25, 28, 34, 36, 37, 41—43, 52, 53, 57, 111, 133, 134, 156, 157, 161, 173, 174, 179, 200, 202, 205—208, 212, 213, 215—217, 228, 231, 232, 238, 239, 246—248, 250—252, 255, 266—272, 274, 275, 277, 290, 295, 298, 299, 302, 304, 305, 317, 333, 334, 346, 401, 413, 443, 444, 457, 465, 470, 480
Олень северный — 136
Охотничья гиена (гиеновая собака) — 150, 199

Песец — 159

Русак (заяц) — 19, 78, 80, 100, 108, 115, 128, 136, 145—147, 178, 407, 431, 432

Сайга — 53, 54
Серна — 136, 305, 312, 314
Слон — 25, 47, 48
Сойка — 217
Сокол — 18, 19, 53, 61, 62, 146
Сорока — 217

Тигр — 54
Тур — 52, 161, 194, 202, 204, 297, 298, 401
Тюлень — 196

Утка — 320, 445, 478

Фазан — 444

Хорек — 480

Цапля — 18

Черный волк — 155

Шакал — 9, 154, 332

Ястреб — 53, 62

Библиография трудов Л. П. Сабанеева об охотничьих собаках

I. Отдельные издания

Породы охотничьих собак. Отдельный оттиск из 2-го изд. «Охотничьего календаря». М., тип. М. Г. Волчанинова, 1892.

Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые. М., изд. А. А. Карцева, 1896. *Вышло в издательстве «Физкультура и спорт» в 1986 г.*

II. Статьи, опубликованные в периодических изданиях

Происхождение маркловских собак. — Журнал охоты, 1876, № 7.

Выставка собак С.-Петербургского общества любителей охоты (4—14 мая). — Природа и охота, 1878, № 4—5.

Охотничья хроника. Для чего устраиваются выставки... — Природа и охота, 1878, № 7.

Как устраивать выставки собак и как производить экспертизу. — Природа и охота, 1878, № 10, 11.

Охотничья хроника. 4-я очередная выставка собак и охотничьих лошадей. — Природа и охота, 1879, № 1, 2.

Каталог собак и охотничьих лошадей 4-й очередной выставки. — Природа и охота, 1879, № 1.

Легавые 5-й очередной выставки. — Природа и охота, 1880, № 6.

Легавые VII очередной выставки. — Природа и охота, 1884, № 3.

Легавые VIII очередной выставки. — Природа и охота, 1882, № 2, 6.

Легавые X очередной выставки. — Природа и охота, 1884, № 3.

I. Выбор племенных борзых (по Мачеварианову). II. Сортировка борзых (по Мачеварианову). — Природа и охота, 1884, № 3. *С незначительными изменениями вошло в кн. «Охотничий календарь» (февраль) под теми же названиями, но без ссылки на Мачеварианова.*

Сигналы псовой охоты. — Природа и охота, 1884, № 8. *Вошло с небольшими изменениями в кн. «Охотничий календарь» (август) в главу «Охотничьи сигналы».*

Легавые XII очередной выставки. — Природа и охота, 1886, № 2, 3.

Пойнтера XVI очередной выставки. — Природа и охота, 1890, № 1.

Пойнтера XVII очередной выставки. — Природа и охота, 1891, № 1, 2.

Собаки для охоты на птицу. — Природа и охота, 1894, № 11. *Вошло полностью в кн. «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые».*

Русские легавые. — Природа и охота, 1894, № 12. *С незначительными изменениями полностью вошло в кн. «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые».*

Очерк истории борзых. — Природа и охота, 1895, № 3. *Вошло в настоящее издание.*

Брудастые борзые. — Природа и охота, 1895, № 7. *Вошло в настоящее издание.*

Группа брудастых легавых. — Природа и охота, 1895, № 9. *Полностью вошло в кн. «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые».*

Гладкошерстные легавые. — Природа и охота, 1895, № 10, 12. *Полностью вошло в кн. «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые».*

Пойнтера. — Природа и охота, 1896, № 1. *С некоторыми изменениями вошло в кн. «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые».*

Сеттера. — Природа и охота, 1896, № 3, 4. *Полностью вошло в кн. «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Книга 1. Легавые».*

Русские борзые. — Природа и охота, 1897, № 3, 4, 5. *Вошло в настоящее издание.*

Гончие. Введение. — Природа и охота, 1897, № 6. *Вошло в настоящее издание.*

Западные гончие. — Природа и охота, 1897, № 7. *Вошло в настоящее издание.*

Английские гончие. — Природа и охота, 1897, № 8. *Вошло в настоящее издание.*

Немецкие гончие. — Природа и охота, 1897, № 12. *Вошло в настоящее издание.*

Восточные гончие. — Природа и охота, 1897, № 9, 10. *Вошло в настоящее издание.*

Старинная русская гончая. — Природа и охота, 1897, № 11. *Вошло в настоящее издание.*

Охотничьи собаки. Группа бассетов. — Природа и охота, 1899, № 5, 6, 7. *Вошло в настоящее издание.*

Охотничьи собаки. Английские бигли. — Природа и охота, 1899, № 8. *Вошло в настоящее издание.*

Немецкие таксы. — Природа и охота, 1899, № 11, 12. *Вошло в настоящее издание.*

Содержание

От редакции 5

Борзые

Очерк истории борзых. Введение 8
Брудастые борзые 23
Ирландские брудастые борзые 25
Шотландские брудастые борзые 32
Курляндские брудастые борзые (курляндские клоки) 41
Балканские брудастые борзые 47
Азиатские брудастые борзые 48
Русские борзые 51

Гончие

Введение 150
Группа первая. Брудастые гончие 165
Французские брудастые гончие (грифоны) 171
Английские брудастые гончие (оттерхаунды) 186
Южноевропейские брудастые гончие 193
Русские брудастые 194
Группа вторая. Западные гончие 199
Французские гладкошерстные гончие 204
Гончая св. Губерта 210
Нормандская гончая 217
Гончая артуа 221
Гасконская гончая 224
Вандейская гончая 228
Сентонжская гончая 237
Пуатевенская гончая 242
Английские гончие 246
Блоудхоунд 250
Английская пешая гончая (kerry-beagle) 263
Стэгхоунд 266
Фоксхоунд 273
Харьер 290
Немецкие гончие 297
Немецкие гончие (Schweisshunde, потовые собаки) 300
Баварская горная ищейка 305
Немецкие гончие 306
Швейцарские гончие 311
Итальянские гончие 316
Скандинавские гончие 318
Польская тяжелая гончая 323
Группа третья. Восточные гончие 326
Махугоу (китайская гончая) 330

Русские гончие 333
Костромская (татарская) гончая 369
Старинная русская гончая 401
Русская крутогонная (пешая) гончая 409
Англо-русские гончие 412
Арлекины 420
Польско-русские гончие 428
Группа четвертая. Бассеты 440
Французские бассеты 441
Английские бигли 457
Немецкие таксы 465

Приложения

Комментарии 484
А. Новиков. По поводу статьи «Русские борзые» 490
Н. Н. Бибиков. Охота Бибиковых 493
Перевод иноязычных текстов . . . . . —
Старинные русские и зарубежные меры 496
Список сокращений 497
Словарь редких и устаревших слов 498
Именной указатель-справочник 499
Географический указатель-справочник 530
Предметные указатели. Породы и разновидности собак 552
Охотничьи звери и птицы 566
Библиография трудов Л. П. Сабанеева об охотничьих собаках 568

Леонид Павлович Сабанеев

СОБАКИ ОХОТНИЧЬИ...

Борзые и гончие

Художественный редактор *И. Сайко*

Подписано к печати 02.06.92. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,24. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 38,95. Тираж 50 000 экз. Заказ 1024.

Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций. Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Ярославском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Сабанеев Л.П.

С12 Собаки охотничьи. Борзые и гончие / Сост. Е.А. Калганов. — М.: ТЕРРА, 1992. — 571 с.: ил.

ISBN 5-85255-188-0

Книга известного русского ученого-биолога, охотоведа и издателя Л.П. Сабанеева рассказывает о всех видах легавых и об охоте с ними. Автор прослеживает историю выведения пород, приводит сведения о лучших представителях.

Для широкого круга любителей спортивной охоты и охотничьих собак.

С $\frac{4001010000\text{-}077}{\text{А30(03)-92}}$ Без объявл. ББК 47.1